

Петр Мультатули

Внешняя политика Императора Николая II (1894–1917)

РОССИЙСКИЙ
ИНСТИТУТ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Редакционный совет книжной серии РИСИ

А.П. Решетников (председатель)
Т.С. Волженина (секретарь)
А.М. Воробьева
А.В. Глазова
Д.Н. Лыжин
М.Б. Смолин (зам. председателя)
С.А. Таразевич

Книжная серия РИСИ

Т.С. Гузенкова. Антропология власти. Юлия Тимошенко. 2010

А.М. Воробьёва. История Латвии от Российской империи
к СССР. 2011

А.А. Кострюков. Архиепископ Серафим (Соболев): жизнь,
служение, идеология. 2011

П.П. Цветков. Исламизм. Т. 1–2. 2011

С.В. Волков. Генералы и штаб-офицеры русской армии.
Опыт мартиролога. Т. 1–2. 2012

А.П. Решетников. Русский Лемнос. 2012

А.А. Тихомиров. Христианское государство и внешняя политика.
2012

П.В. Мультатули

Внешняя политика
Императора Николая II
(1894–1917)

Москва
ФИБ
2012

Под редакцией директора Российского института
стратегических исследований Л.П. Решетникова

М 90 Мульгагули П.В. Внешняя политика Императора Николая II
(1894–1917). — М.: Издательство «ФИВ», 2012. — 840 с.: ил.

ISBN 978-5-91862-010-6

В новой монографии к.и.н. П. В. Мульгагули «Внешняя политика Императора Николая II. 1894–1917 гг.» рассматривается практически не исследованная тема личного участия Николая II в разработке и осуществлении внешнеполитического курса России в конце XIX–начала XX вв. Написанная на основе большого количества исторических источников, некоторые из которых вводятся в научный оборот впервые, простым и доступным языком, книга рассчитана на самого широко читателя, интересующегося отечественной историей.

© Мульгагули П.В., текст, 2012

© Издательство «ФИВ», 2012

© Бикашов Д.Е., оформление, 2012

Предисловие

Пётр Валентинович Мультиатули выносит на суд научной и читающей общественности свой новый труд, посвящённый императору Николаю II. Как и все предыдущие, он является результатом большой, кропотливой работы по сбору, обобщению и осмыслению огромного материала — архивного, мемуарного, научного. Введение в научный оборот новых документов, фактов, выводов — это своего рода визитная карточка практически всех книг и статей П. В. Мультиатули. Не стала исключением и данная работа. Автор в своём обширном труде опирается на материалы, почерпнутые им в зарубежных, прежде всего французских, и российских архивах, на публикации рассматриваемого периода.

Однако самое главное, на наш взгляд, это то, что Пётр Валентинович в очередной раз взялся за новую, почти неисследованную тему — роль Николая II в формировании и осуществлении внешней политики Российской империи. Вообще П. В. Мультиатули по праву считается одним из наиболее глубоких и ответственных исследователей жизни и деятельности последнего русского царя. При этом следует особо подчеркнуть, что ведущим мотивом всех его работ является очищение образа и политики Государя от мифов, а нередко и злонамеренной лжи, которые громоздили практически весь XX век на Николая II отечественные и зарубежные деятели от науки, публицистики и журналистики. Как правило, отрабатывались советские и либеральные заказы, главной целью которых было через клевету на последнего императора, на период его правления оправдать Февральский и Октябрьский перевороты 1917 года, последовавшую за ними кровавую бойню Гражданской войны. Не менее важной задачей была дискредитация русской системы власти, управления государством и в целом русской цивилизации как альтернативы западной.

В начале XXI века объективные знания и оценки жизни и деятельности Николая II стали пробивать себе дорогу в российском общественном сознании, в чём немалая заслуга П. В. Мультиатули. Но нельзя сказать, что уменьшился спрос на необъективность и даже клевету. Отнюдь нет. Задачи дискредитации истории России в политических интересах определённых отечественных и зарубежных сил остаются актуальными. Правда, тактика некоторых исполнителей этих заказов несколько изменилась: значительно реже применяется грубая ложь, общий тон порой приобретает характер сочувственного, модно становится говорить об отдельных положительных качествах Николая II — хороший семьянин, тактичен в общении и т.п. Однако под всем этим чётко проводится мысль — слабый царь, никчёмный руководитель, доведший страну до краха, да и собственно страна этого заслуживала. Поэтому труды П. В. Мультиатули, одного из немногих серьёзных и политически неангажированных исследователей жизни Николая II (здесь можно назвать лишь научно обоснованные, интереснейшие работы А. Н. Боханова), выполняют миссию противостояния ухищрениям и ловкачеству современных хулителей последнего царства и его Главы.

Монография «Внешняя политика императора Николая II» посвящена той стороне деятельности Государя, которая в советское время просто выводилась за скобки. По логике авторов той поры, линия России на международной арене вырабатывалась и реализовывалась абстрактным субъектом (Россия определила, Россия решила и т.п.), на худой конец самодержавным правительством, иногда даже министрами иностранных дел. Император же в лучшем случае был безропотной, бессловесной фигурой, основной задачей которого было ставить свою подпись под различными указами. П. В. Мультиатули убедительно развенчивает этот миф, созданный советской историографией и поддерживаемый некоторыми публицистами и журналистами сегодня. Читатель может на базе огромного фактического материала прийти вместе с Петром Валентиновичем к бесспорному выводу: Николай II был творцом внешнеполитической стратегии и тактики Российской империи, неустанным их проводником и жёстким контролёром всех международных акций страны.

На богатом историческом материале раскрываются такие малоизученные страницы нашей истории, как Программа Государя по освоению Сибири и Дальнего Востока. П. В. Мультатули справедливо пишет, что как Пётр I прорубил «окно в Европу», так Николай II — в Азию. Особый интерес вызывают параграфы, посвящённые усилиям Государя по обеспечению интересов России на корейском, монгольском, китайском и японском направлениях. Новым моментом для большинства читателей будет внимание Николая II к таким странам, как Индия, Бирма, Афганистан. «Персидские» и «багдадские» мотивы также вызывают несомненный информационный и научный интерес.

Вместе с тем большая часть исследования посвящена европейскому направлению внешней политики Николая II. Это, конечно, неудивительно, так как для России хитросплетения отношений с Англией, Францией, Германией, Австро-Венгрией и Османской империей, тогда видным актёром европейского театра, по крайней мере юго-восточного его угла, имели определяющее, жизненно важное значение. Впрочем, П. В. Мультатули не забывает и САСШ, замаячившие в начале XX века за спинами наших традиционных «друзей-соперников», а затем ставшие играть одну из главных ролей по устранению России из числа ведущих государств мира.

Автор аргументированно показывает, что приоритетом Николая II при формировании и осуществлении внешнеполитической линии Российской империи при любых обстоятельствах было обеспечение мирного развития государства при строгом соблюдении его политических, экономических и гуманитарных интересов. Пётр Валентинович особо выделяет ту черту Государя, который не обладал практически никто из его партнёров на международной арене: высокая нравственность и мораль при подходе даже к самым сложным внешнеполитическим ситуациям. Это была позиция православного христианина, на который император Николай II стоял до последней минуты своей жизни.

Нельзя не отметить глубоко и ярко поданные автором страницы монографии об усилиях и мерах, предпринятых Государем в целях предотвращения втягивания России в Первую мировую войну.

Скрупулёзно П. В. Мультиатули отслеживает и анализирует каждый шаг, каждое решение, даже реакцию на события Николая II, чтобы показать, какие невероятные усилия, какие сложнейшие «шахматные» ходы совершал он в те драматические месяцы и дни, чтобы Россия могла избежать войны. И не вина царя, что ему этого не удалось, — ведь на другой стороне были все: и друзья, и «союзники», и враги. Все хотели видеть Россию воюющей, а многие и побеждённой.

В книге много подробностей из личных взаимоотношений глав государств, официального протокола и традиций того времени. Казалось бы, с одной стороны, они несколько перегружают книгу, делают её излишне объёмной. Но с другой стороны, они создают атмосферу, характерную для высших кругов Российской империи конца XIX — начала XX века, благодаря чему монография П. В. Мультиатули выгодно отличается от многих сухих научных исследований советской и постсоветской эпохи. Безусловно, своей шестой по счёту книгой о жизни и деятельности императора Николая II известный российский исследователь Пётр Валентинович Мультиатули вносит весомый вклад в очищение образа Государя, всего периода его правления от наслоений последних ста лет крайне противоречивого и трагичного развития нашего государства.

*Л. П. Решетников,
директор Российского института
стратегических исследований,
генерал-лейтенант, кандидат исторических наук*

Предисловие автора

Внешняя политика императора Николая II остаётся такой же малоизученной, как и всё его царствование. При этом речь не идёт о недостатке исследований внешней политики России начала XX века. Она была и есть объектом пристального изучения целого ряда исследователей, как в России (СССР), так и за рубежом.

Однако в многочисленных трудах по внешней политике роль императора Николая II либо вовсе отсутствует, либо вскользь упоминается в лучшем случае в нейтральном, а по большей части в критическом, а то и уничижительном контексте. Такой подход был присущ сначала либеральной эмигрантской публицистике и воспоминаниям бывших царских сановников, по тем или иным личным причинам не любившим Государя. За их сознательной клеветой или искажением правды скрывалась попытка самооправдания и самоутверждения. Понимая в душе, что именно они причастны к гибели России, представители русского общества, даже оказавшись в эмиграции, продолжали обвинять во всём императора Николая II. Обличая этих обвинителей, видный правый общественный деятель Н. А. Павлов писал: *«Теперь после измены всех, кроме души свою с Ним и за Него положивших, мы всё ещё слышим критику: "Безволен... слаб... был не на высоте... Распутин" и прочее. Слов честного, открытого, коленопреклонённого покаяния перед памятью Государя-Великомученика — нет. А пора если не устыдиться и не сознаться в бесчестии, то хотя бы помолчать, и не сметь ни на словах, ни письменно касаться имени Того, чья кровь пала на все наши, Его подданных, головы. У каждого из нас есть средства свести счёты с клеветником и встать за своё доброе имя. У Монарха нет и этого права. И как мелка кажется любая наша обида, если сравнить с той системой злого навета, который духом зла, как стена, выкладывался на Государя, стоявшего и как Монарх и как человек недося-*

гаемым образцом идеальной честности храбрости, семейственности и нравственности»¹.

Но в эмиграции ещё могли прорываться голоса людей типа Н. А. Павлова, в эмиграции увидело свет самое объективное на тот момент исследование царствования императора Николая II, вышедшее из-под пера С. С. Ольденбурга.

В советской же историографии негативная оценка Николая II являлась единственно возможной. В лучшем случае о нём предпочитали вообще не упоминать, а связывать главные события его царствования с именами министров и государственных деятелей.

Преобразования Петра Великого, Екатерины II или Александра II никому в голову не приходит называть реформами Меншикова, Потёмкина или Милютина. Существуют исторические понятия: «Петровские преобразования», «Екатерининский век», «Великие реформы Царя-Освободителя». Но как только речь заходит об эпохе Николая II, оперируют терминами «реформа Витте» или «Столыпинская реформа». Между тем сами Витте и Столыпин неизменно называли эти преобразования «реформами императора Николая II».

С. Ю. Витте говорил о денежной реформе 1897 г.: *«Я имел за собою доверие Его Величества, и благодаря его твёрдости и поддержке мне удалось совершить эту величайшую реформу. [...] В сущности, я имел за себя только одну силу, но силу, которая сильнее всех остальных, это — доверие Императора, а поэтому Россия металлическим золотым обращением обязана исключительно Императору Николаю II»².*

П. А. Столыпин 6 марта 1907 г., выступая в Государственной думе, сказал: *«Правительство задалось одною целью — сохранить те заветы, те устои, те начала, которые были положены в основу реформ Императора Николая II»³.*

---

¹ Павлов Н. А. *Его Величество Государь Николай II*. — Париж, 1927. С. 13.

² Витте С. Ю., граф. *Воспоминания. Царствование Николая II*. — Москва; Петроград, 1923. Т. 1. С. 75, 77.

³ Столыпин П. А. *Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911. Нам нужна великая Россия...* — М.: Молодая гвардия, 1991. С. 121.

Витте и Столыпин хорошо знали, что вся их реформаторская деятельность была бы невозможной без одобрения и руководства ею Самодержцем.

Совокупность исторических фактов свидетельствует о том, что все высшие государственные чиновники были исполнителями решений императора Николая II. Так, устоявшийся миф о генерале Д. Ф. Трепове, которого называли чуть ли не соправителем царя в годы первой революции, опровергается, помимо прочего, письмом Николая II вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. Государь писал, что *«Трепов для меня незаменимый секретарь. Он опытен, умён и осторожен в советах»*¹.

С. В. Фомин отмечает: *«Обладая значительной властью, Д. Ф. Трепов был ограничен волей царя, всегда оставаясь одним из подданных. Приписывая диктаторскую роль Трепову (как затем и П. А. Столыпину), современники и позднейшие исследователи не учитывали решающий фактор — позицию самого Николая II. Этот последний русский Венценосец, о котором существует устойчивое мнение как о нерешительном, подверженном влияниям человеке, на самом деле практически никогда не шёл на противоречащие его убеждениям меры. Он быстро и навсегда отделял от себя людей, пытавшихся давать неприемлемые для него советы»*².

Министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф, по утверждению В. Н. Коковцова, никогда не мог принять самостоятельно решения во внешней политике³. Между тем в многочисленных исследованиях бытует такое понятие, как «политика Ламздорфа».

Внешняя политика всегда была в России прерогативой исключительно царствующего монарха. Императрица Елизавета Петровна и Екатерина Великая могли плохо разбираться в военном деле, находя для этого гениальных стратегов — графа П. А. Ру-

¹ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 25 января 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 40.

² Фомин С. Григорий Распутин: расследование. «А кругом широкая Россия...» — М.: Форум, 2008. С. 429.

³ Коковцов В. Н., граф. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919. В 2 т. — Париж: Издание «Иллюстрированная Россия», 1933. Т. 1. С. 124.

мянцева, светлейшего князя Г. А. Потёмкина и генералиссимуса А. В. Суворова. Император Николай I не был выдающимся правоведом, но таковым был М. М. Сперанский. Император Александр III мог не вникать в тонкости финансовой политики. Для этого у него были выдающиеся финансисты: А. Х. Бунге, И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте.

Но все русские монархи (за исключением малолетних и болящих) никогда не отдавали бразды правления внешней политикой в чужие руки. Ни Меншиков, ни Бестужев, ни Сперанский, ни Нессельроде, ни Горчаков, ни Гирс, ни Ламздорф, ни Извольский, ни Сазонов — при всех незаурядных способностях большинства из них — никогда не определяли характер и направленность внешних сношений Российской империи. Министр иностранных дел был при царе своего рода управляющим, который осуществлял замыслы своего повелителя. Свобода деятельности министра была ограничена строгими рамками государевой воли. Если случалось, что министр, по тем или иным причинам, заходил за эти рамки — монарх отменял решения своего министра, не говоря уже о решениях посла или посланника.

Кстати, иностранные дипломаты это прекрасно знали. В 1912 г. посол Франции в России Ж. Луи сообщал в секретной телеграмме президенту Р. Пуанкаре: *«Нужно всё время помнить, что любые решения русских министров могут быть изменены внезапным приказом Императора. Нужно это постоянно предвидеть»*¹.

В. Н. Коковцов писал, что Государь *«лучше многих понимал окружающие его грозные события, давал себе ясный отчёт о их силе и значении, но был также убеждён в том, что с нашей стороны делается всё, что только доступно нашим силам, и что мы стоим на правильном пути»*².

Однако дипломатические инициативы и решения императора большей частью предавались гласности министром иностранных дел, важнейшие договоры с иностранными государствами подписывал, как правило, тоже глава внешнеполитического ве-

---

¹ М. GeorgeLouis à R. Poicaré. 30 mars 1912 // DDF. 3-ère série. T. 2. P. 332.

² Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 171.

домства. Это давало возможность советской историографии, находившейся в жёстких рамках коммунистической цензуры, лишней раз не употреблять имени Государя. По мнению партийных идеологов от истории упоминание имени царя, да ещё в контексте какого-нибудь успешного для России события, могло восприниматься как «пропаганда царизма». Если для Петра Великого приходилось делать исключение, то в случае Александра II, Александра III и Николая II цензура действовала безотказно. Получалось, что при Николае II внешней политикой России руководили министры Ламздорф, Муравьёв, Витте, Столыпин, Извольский.

Отсюда внешняя политика России представляется спонтанной, зависящей от способностей или неспособностей того или иного министра.

Между тем имеющиеся в нашем распоряжении факты говорят о том, что Николай II придавал вопросам внешней политики исключительное значение. Царь не просто давал общие направления внешней политики, но досконально был знаком со всеми важными депешами и посланиями своего дипломатического корпуса. Царский дипломат Ю. Я. Соловьёв писал в своих воспоминаниях: *«Почти все политические донесения представлялись в оригинале Николаю II, который их добросовестно прочитывал и в результате знал приблизительно все наши почерки»*¹.

То особое внимание, какое Государь уделял внешнеполитическим вопросам, объяснялось чрезвычайно сложной исторической эпохой, какую переживала Россия в начале XX в. Обладая всей совокупностью информации, как внешней, так и внутренней, только царь мог делать правильные или, во всяком случае, всесторонние выводы по вопросам международной политики.

Конечно, было бы неправильно утверждать, что внешняя политика России начала XX в. была результатом только деятельности императора. Следует учитывать, что личность Николая II, его верность исторической традиционной России вызывали непонимание и зачастую неприятие целых слоёв русского общества и что, самое опасное, высшего бюрократического аппарата Рос-

¹Соловьёв Ю. Я. *Воспоминания дипломата. 1893–1922.* — Минск, 2003.

сийской империи, включая членов правительства. Многим из них казалось, что царь ведёт неправильную линию, что следует идти дорогой «просвещённого» Запада, а не «отжившего» Самодержавия. Если Государь ставил на первое место интересы Отечества, то многие представители общества и бюрократии ставили прежде всего свои собственные интересы, ложно понимаемые ими как интересы России. Многие решения Николая II по внешней и внутренней политике саботировались или искажались непосредственными исполнителями. Как отмечал И. Л. Солоневич, *«Государь Император Николай Второй был, несомненно, лично выдающимся человеком, но “самодержавным” Он, конечно, не был. Он был в плену. Его возможности были весьма ограничены — несмотря на Его “неограниченную” власть»*¹.

Настоящий труд ставит своей целью изучение не внешней политики царской России начала XX в., а роли в ней императора Николая II. В работе рассматриваются важнейшие, по мнению автора, направления внешней политики Государя, её цели и задачи, определяемые императором, а также его личное участие в их осуществлении.

Внешнюю политику Николая II невозможно отделить от его общей государственной деятельности, а вся эта деятельность неотделима от личности императора. *«Что представлял собой Государь Император? — вопрошал князь Н. Д. Жевахов и сам же отвечал на свой вопрос: — Это был, прежде всего, богоискатель, человек, вручивший себя безраздельно Воле Божьей, глубоко верующий христианин высокого духовного настроения, стоявший неизмеримо выше тех, кто окружал его и с которыми Государь находился в общении. Только безграничное смирение и трогательная деликатность, о которых единодушно свидетельствовали даже враги, не позволяли Государю подчёркивать своих нравственных преимуществ перед другими. Только невежество, духовная слепота или злой умысел могли приписывать Государю всё то, что впоследствии вылилось в форму злостной клеветы»*².

---

¹ Солоневич И. Л. *Великая фальшивка февраля* // Наша страна. 29 марта 1952.

² Жевахов Н. Д., князь, товарищ обер-прокурора Св. Синода. *Воспоминания*. — М.: Царское дело, 1994. Т. 1. С. 218.

Император Николай II был не только образованным, но и от природы умным человеком. Баронесса С. К. Буксгевден вспоминала: *«Николай II был умным. Он долго обдумывал и был медлительным в принятии решений, но оценка политической ситуации была у него быстрой. С. Д. Сазонов и мой отец говорили мне об этом в связи с иностранной политикой, а П. Л. Барк — в отношении сложных финансовых советов»*¹.

Об этом же свидетельствовал генерал А. А. Мосолов: *«Царь схватывал на лету главную суть доклада, понимал иногда с полуслова, нарочито недосказанное, оценивал все оттенки изложения»*².

Однако государственный ум Николая II отличался от ума обычного политика, ставящего на первый план собственный успех и выгоду своей партии. Служение Богу и России было определяющим в деятельности царя. *«Я имею всегда одну цель перед собой, — писал Государь П. А. Столыпину 23 октября 1907 г., — благо Родины: перед этим меркнут в моих глазах мелочные чувства отдельных личностей»*³. В основу политики императора Николая II были заложены христианские принципы милосердия и миролюбия. Эти принципы вовсе не означали оторванности от действительности или отсутствие дипломатической гибкости. Царь не отделял, в отличие от большинства государственных деятелей его эпохи, духовно-нравственное видение политики от целесообразного.

Главным императивом политики императора Николая II был нравственный императив.

Л. П. Решетников отмечает, что приверженность Николая II нравственному христианскому идеалу делала его непонятым для большинства современников, а сегодня — для большинства исследователей. *«Это непонимание, неприятие именно такого царя создавало условия для распространения различных измышлений о про-*

¹ Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. — М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999. С. 30.

² Мосолов А. А., генерал. *При дворе последнего Императора*. — СПб.: Наука, 1992. С. 76.

³ Император Николай II — П. А. Столыпину. 23 октября 1907 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1924. Т. 5 (5). С. 115.

фессиональных и человеческих качествах Государя. Всё это вполне объяснимо: царь, говоря современным языком, оставался в православном "поле", а его оппоненты из политической и интеллектуальной элит давно это поле покинули»¹.

Своей жизнью император Николай II полностью опровергает расхожее представление о том, что «политика — грязное дело». Оно становится грязным тогда, когда его вершат грязными руками. Николай II считал, что цель не оправдывает средства. Огромные человеческие потери не оправдывают великих задач.

Мессианская роль царской России, являющая миру образец христианского государства, определяла суть её внешней политики. Как Христос был не от мира сего, так и Россия ставила на первый план не свои узконациональные интересы, а торжество принципов христианства. Император Александр I, победитель Наполеона, отказывался от больших территориальных присоединений во имя Священного союза, который должен был, по его убеждению, спасти монархическую христианскую Европу от безбожных революций. Николай I, заключая мир с разбитыми им турками и персами, одним из главных условий ставил не огромные денежные контрибуции, а переселение турецких и персидских армян в Россию. Во имя христианской любви Александр II начал войну за освобождение православных балканских народов. Александр III мечтал об освобождении индийцев от английского колониального гнёта. Политика Николая II в своей основе была продолжением политики всех его предшественников на российском престоле.

Внешняя политика России почти всегда коренным образом отличалась от западной. Для русских государей, как и для их народа, внешнеполитические успехи, военная слава, завоевание чужих земель сами по себе не имели никакого значения. Они были оправданы только тогда, когда они служили Божьему Промыслу. Для Запада, наоборот, эти идеи были самоцелью, и под них дерз-

---

¹ Решетников Л. П. *Духовно-нравственные причины национальной катастрофы // Русский Исход как результат национальной катастрофы. К 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории России: Материалы международной конференции.* — М., 2010. С. 21.

новенно подгонялся ложно понимаемый Божий Промысл, понятие о котором затем вообще было заменено поклонением различным идолам.

Христианская политика России всегда была непонятна для Запада. Из-за этого непонимания росли страх и недоверие к России, приводившие к вражде и неприятию. За четыре года до русско-японской войны Государь говорил, что *«у России и у других стран слишком разные интересы и цели на Дальнем Востоке, как вообще в Европе также. Что нам выгодно, то невыгодно для остальных»*¹.

Внешнюю политику императора Николая II можно разделить на три периода, которым соответствовали три задачи.

К первому периоду следует отнести 1894—1905 гг. В этот период император ставил перед собой задачу сохранить status quo в отношениях со всеми государствами Европы и одновременно, в условиях начавшегося передела мира, сохранить за Россией статус великой державы.

Ко второму периоду относится время 1905 г. — июнь 1914 г. В этот период главной задачей царя было любой ценой не допустить вовлечения России в мировую войну, неизбежность которой становилась всё более очевидной.

К третьему периоду относятся годы самой Мировой войны: 1914 г. по февраль 1917 г., когда главной и единственной задачей Николая II было эту войну выиграть и занять достойное место среди держав-победительниц.

Соответственно этим периодам посвящены части настоящего труда.

Первая часть **«Император всеобщего мира»** посвящена усилиям Николая II по сохранению status quo в 1894—1904 гг. Эта тема раскрывается через призму контактов царя с лидерами ведущих европейских государств. Отношения с некоторыми государствами Ближнего Востока, Азии и Африки (Персией, Сиамом, Эфиопией) рассматриваются не как самостоятельные темы, а в контексте отношений России с европейскими державами. Это объясняется

¹ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 27 августа 1900 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2326. Л. 68.

тем, что в указанный период значение вышеназванных государств имело для России по отношению к великим державам подчинённый характер.

Миролюбивая политика Государя долгие годы была особенно замалчиваема и оклеветана советской пропагандой, ибо правда о царских мирных инициативах полностью разоблачала ложь об «империалистическом» характере внешней политики России.

Россия императора Николая II не преследовала империалистических целей. Наоборот, она была главным противником империалистических устремлений ведущих европейских держав. Именно царь делал всё, чтобы защитить от колониального порабощения Эфиопию, Сиам, Тибет, Марокко, бурские государства Южной Африки. Царь был против раздела Китая и Турции европейскими державами, против оккупации Кореи Японией и против войны с Японией. При этом Россия не преследовала никаких эгоистических интересов. Защищая эфиопский, сиамский или тибетский народы от иностранных завоевателей, Россия и её царь следовали лишь своим христианским убеждениям. Это доказывается тем, что Россия ни в коей мере не использовала оказанную ею помощь для захвата территорий тех государств, которым она помогла. Государь был убеждённым противником больших потрясений в мире, особенно в Европе, т.к. он хорошо понимал, что такие потрясения могут привести к мировой войне.

Необходимость глубокой модернизации России, в условиях начавшейся на Западе научно-технической революции, требовала прочного и надёжного мира. Поэтому Николай II ставил сохранение мира своей приоритетной задачей, отказываясь, во имя этого, даже от весьма заманчивых и выгодных для России предложений, если для их реализации требовалась военная сила.

Но стремление к сохранению мира было вызвано не только вопросами внутреннего развития империи. Гораздо большее значение имело стремление Государя к сохранению человеческих жизней. В этом заключалась сущность христианской политики царя и главная причина созыва по его почину первой Гаагской мирной конференции 1899 г. Французский государственный и политиче-

ский деятель Г. Ганото писал, что «первым словом императора Николая II было слово “мир”»¹.

Но убеждённое миролюбие императора не означало его пассивного самоустранения от решения геополитических задач, связанных с будущим России как великого государства. В условиях отказа западных держав прекратить гонку вооружений и начала активного передела мира Россия не могла оставаться пассивной. Ей требовался выход к незамерзающим морям, новые рынки сбыта. Геополитические и экономические цели всегда сочетались в политике императора с задачей православной миссии на Востоке. Через эту миссию Россия открывалась Востоку и Восток открывался России. Проникая в мир Китая, Монголии, Кореи, Японии, русский человек нёс народам этих стран образ своей страны, своего мироощущения, своей веры. Поразительно, что почти все азиатские народы относились с чувством глубокой симпатии к этим русским ценностям. Российская империя мирно расширялась вплоть до Мировой войны 1914 г. Последнее вхождение в состав России произошло 4/17 апреля 1914 г., когда Николай II подписал согласие на вхождение в империю тувинских нойонов (сегодня Республика Тыва в составе РФ).

Вторая часть нашей работы называется «Окно в Азию».

Подобно Петру Великому, прорубившему «окно в Европу», Государь стремился прорубить «окно в Азию». Великая его цель, далеко не всеми понимаемая в самой России, была очень хорошо ясна её противникам. Русско-японская война явилась результатом противодействия России в её стремлении к прорыву в Дальневосточно-Азиатский регион. На сторону Японии встали такие крупные, технически передовые державы, как Англия и США. Активно поддерживал Японию и международный транснациональный капитал.

Совокупность источников позволяет сделать вывод о том, что война с Японией была навязана России вышеназванными силами, боявшимися её мощного прорыва в Азию. При этом Россия столк-

¹ Hanotaux (Gabriel). *Histoire illustrée de la guerre 1914*. — Paris, 1915. Tome 1. P. 212.

нулась не только с вооружённым противостоянием, но и с экономической войной, с целью подрыва русской экономики и полного её закрепощения империалистическими державами. Если к военному и экономическому прессингу, оказанному на Россию, прибавить ещё и кровавую внутреннюю смуту, подготовленную с участием тех же внешних сил, то становится понятным, насколько Россия была опасна её политическим и экономическим конкурентам на мировом рынке.

Неудача в русско-японской войне, приведшая к отказу от великих планов Николая II по продвижению России в Азию, стала роковым событием в истории империи. Можно констатировать, что внешняя политика царя в период с 1894 по 1905 г. была им задумана и развивалась по заранее разработанному им плану. Вынужденный отказ от него Государя означал, по его словам, отказ «от самых заветных его мечтаний».

Внешняя политика после русско-японской войны была со стороны императора вынужденной. В условиях тяжёлой политической лихорадки, которая сотрясала страну в 1905—1907 гг., Николаю II приходилось переносить центр тяжести внешней политики с Дальнего Востока в Европу. Царь начал сложную работу по созданию системы сдержек и противовесов в отношении ведущих европейских игроков, каждый из которых хотел решить руками России свои империалистические планы.

Третья часть настоящего труда посвящена периоду внешней политики Николая II, которая осуществлялась «**Между двумя войнами**».

В этот период Государь стремился заключить равновыгодные договоры о разграничении сфер влияния со странами-антагонистами Германией и Англией, а также найти компромисс на Балканах с Австро-Венгрией и Османской империей. Царь полагал, что союз России с Францией, подкреплённый договором с Англией, удержит Германию от продолжения линии на мировую экспансию. Договорённость с Австрией и Турцией по поддержанию status quo на Балканах опять-таки должна была удержать Германию от проникновения в этот регион. При этом главной целью России было добиться приобретения мирным пу-

тём прав на Проливы, что давало ей, прежде всего, возможность выхода в потерянный после русско-японской войны Азиатский регион. С другой стороны, контроль над Босфором и Дарданеллами давал Российской империи торговую свободу, т.к., пока Проливы оставались в турецких руках, существовала угроза их закрытия для России, что вело к многомиллионным экономическим убыткам.

Николай II полагал, что по вопросу проливов можно договориться с Англией, предложив ей в обмен отказ России от попыток проникновения в Тибет, Индию и Афганистан. Главной причиной, по которой Англия должна была пойти на такое соглашение, царь считал её страх перед экономической и военной мощью Германии, которая опережала английскую. Собственно, в этих своих расчетах Николай II не ошибся: Англия действительно была вынуждена искать компромисса с Россией. Гораздо труднее было договариваться с Германией, которая стремилась не только к господству в английских и французских колониях, но и к господству в Персии и в Турции, то есть в регионах, жизненно важных для России. Персия являлась богатым источником нефти, чьё значение прекрасно понимали во всём мире. Турция владела Проливами, отдавать которые Россия не собиралась никому. Договориться с Германией было практически невозможно, потому что Берлин хотел не договариваться, а подчинять. Для того чтобы оставаться в мире с Германией, России нужно было отказаться от самостоятельной внешней политики и перейти под руководство Берлина.

Пытаясь противодействовать Австро-Венгрии на Балканах, Николай II поддержал создание в 1912 г. Балканского союза, который, по расчетам царя, должен был стать союзником России, сдерживающим фактором для германских империй. Однако сразу же выяснилось, что элита Балканских государств не обладает стратегическим мышлением, озабочена не общеславянским делом, а стремлением к территориальным приобретениям, в борьбе за которые она была готова проливать братскую кровь соседних народов. Две балканские войны, против которых выступала Россия, создали крайне опасный клубок противоречий, усилили по-

зиции Австро-Венгрии и ослабили все государства региона. Балканские войны приблизили Первую мировую войну.

«Дипломатии Великой Германской войны» посвящена четвёртая часть нашей работы. Несмотря на все усилия Николая II, особенно последнего предвоенного месяца, Мировая война началась. Внешняя политика Государя времён Первой мировой была направлена на решение единственной задачи: победить. При этом царь стремился к победе, руководствуясь исключительно интересами России, её будущим как независимой и суверенной державы.

Источниковая база исследования

Изучение роли Николая II в руководстве внешней политикой России довольно сложно. Царь не оставил мемуаров, не вёл дипломатических дневников. В основном мнение императора по тем или иным событиям становится известно по его резолюциям и пометам, оставленным на всеподданнейших докладах министров и депешах послов. Помимо этого важным источником является дневник Николая II и его переписка с вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной, великими князьями и иностранными государственными деятелями. В этом плане очень ценным источником является дневник графа В. Н. Ламздорфа. Большинство исследователей цитируют его по советским изданиям. Но, во-первых, издания 20–30-х гг. подверглись искажениям со стороны М. Н. Покровского и его последователей. Во-вторых, фактически были изданы сокращённые отрывки из дневников и полностью проигнорированы т.н. «Вложения в дневник», в которые Ламздорф заносил копии дипломатических документов и резолюций на них Государя. Некоторые из этих резолюций представляют исключительный интерес.

В работе были использованы источники из Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного архива (РГИА), Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ), Архива министерства

иностранных дел Франции (Ministère des Affaires étrangères (МАЕ. Paris), Архива французской сухопутной армии (Service historique de l'Armée de Terre. SHAT).

Большое значение при написании работы имело изучение изданных архивных документов различных государств: «Международные отношения эпохи империализма» (МОЭИ), «Дипломатические документы Франции» (Documents Diplomatiques Français (DDF)), «Дипломатические документы Германии» (Die Grosse Politik), «Британские дипломатические документы» (British Documents), «Дипломатические документы Италии» (Documenti Diplomatici Italiani).

Ценным источником являются публикации в журнале «Красный архив», издававшемся в 20–40-е гг.

Кроме архивных документов были широко использованы опубликованные источники: мемуарная литература, сборники документов, переписка.

Участие Николая II во внешней политике находит отражение в работах и статьях С. С. Ольденбурга, Б. А. Романова, д. и. н. К. Ф. Шаццло, А. С. Ерусалимского, д. и. н. И. С. Рыбачёнок, д. и. н. А. Н. Боханова, к. и. н. С. В. Куликова, д. и. н. О. Р. Айрапетова и др. Однако эти авторы исследовали внешнеполитическую деятельность Государя фрагментарно.

На сегодняшний день в отечественной науке роли императора во внешней политике посвящено несколько научных статей. Это статья д. и. н. А. В. Игнатьева «Последний царь и внешняя политика»¹. Гораздо более интересна работа А. В. Игнатьева «Внешняя политика России. 1907–1914. Тенденции, люди, события»². В ней А. В. Игнатьев при оценке Николая II пытается отойти от советских шаблонов, однако по-прежнему деятельность царя не получает практически никакого освещения.

Необходимо отметить статьи: к. и. н. Т. И. Нигметзянова «Внеш-

¹ Игнатьев А. В. *Последний царь и внешняя политика* // Вопросы истории. 2001. № 6.

² Игнатьев А. В. *Внешняя политика России. 1907–1914. Тенденции, люди, события*. — М.: Наука, 2000.

неполитические взгляды Николая II (1894–1914 гг.)»¹, О. А. Фатюниной «Николай II и Вильгельм II: история взаимоотношений»².

При написании настоящей работы автором использовано большое количество монографий, статей и мемуарных источников на иностранных языках: французском, немецком, английском, итальянском.

Все даты в работе приводятся по юлианскому календарю или по юлианскому и григорианскому, когда речь идёт о событиях в Западной Европе.

---

¹ Нигметзянова Т. И. *Внешнеполитические взгляды Николая II (1894–1914 гг.)* // I Романовские чтения. История российской государственности и династия Романовых: актуальные проблемы изучения. Кострома, 29–30 мая 2008 г.

² Фатюнина О. А. *Николай II и Вильгельм II: история взаимоотношений* // Студенческая молодежь Подмосковья и общественные науки: Материалы IV областной научной конференции. — Коломна, 2010.

ЧАСТЬ 1. ИМПЕРАТОР ВСЕОБЩЕГО МИРА

Глава 1.

Император Николай II: «Мирное преуспеяние, могущество и слава дорогой России...»

Кончина императора Александра III

В январе 1894 г. в Петербурге тяжело заболел император Александр III. В официальном бюллетене от 17 января 1894 г. сообщалось, что *«Его Императорское Величество заболел сильною инфлюэнцей со значительным катаром дыхательного горла (бронхитом) и воспалением нижней части правого лёгкого. Температура доходит до 39, 6»*¹.

Диагноз был поставлен поздно, потому что Государь не любил обращаться к врачам и уступил только настояниям императрицы Марии Фёдоровны. Грипп дал осложнение на почки и на сердце. По мнению некоторых медиков, болезнь могла быть спровоцирована ушибами, которые Александр III получил во время крушения царского поезда в 1888 г. Весной стали проявляться симптомы тяжкого недуга, воспаления почек нефрита. Болезнь усугублялась тем, что Александр III чрезмерно работал, засиживаясь за бумагами порой до раннего утра. 19 августа 1894 г. царь выехал в Беловеж, но почувствовал себя там совсем плохо. Болезнь быстро прогрес-

---

¹ Правительственный вестник, 17 января 1894 г.

сировала. 9 сентября 1894 г. «Правительственный вестник» сообщил: *«Здоровье Его Величества, со времени перенесённой инфлюэнцы, не поправилось совершенно; летом же обнаружилась болезнь почек (нефрит), требующая для более успешного лечения в холодное время суток пребывания Его Величества в тёплом климате. По совету профессоров Захарьина и Лебедева Государь отбывает в Ливадию для временного там проживания»*¹.

В Ливадии болезнь приняла крайне тяжёлый характер, и Государь угасал на глазах. Александру III врачи советовали отправиться на лечение за границу, предлагали остров Корфу, но император наотрез отказался, заявив, что *«русский Царь должен умереть в России»*.

У императора появился отёк ног, его мучили сильный зуд, одышка и бессонница, по свидетельству очевидцев, он весь «ссохся». Врач Н. А. Вельяминов писал: *«Государь, несомненно, вполне сознавал опасность своей болезни и безнадёжность своего положения, но я никогда не видел, чтобы он падал духом, и меня он никогда по этому поводу не спрашивал»*².

Александр III чувствовал, что умирает. 15/27 сентября 1894 г. японский император Муцухито прислал царю телеграмму, в которой спрашивал, когда будет назначено бракосочетание наследника цесаревича. На этой телеграмме слабеющей рукой Государь написал: *«Я сам не знаю теперь когда»*³.

18 октября «Правительственный вестник» опубликовал тревожный бюллетень: *«В состоянии здоровья Государя Императора произошло значительное ухудшение. Кровохарканье, начавшееся вчера при усиленном кашле, ночью увеличилось, и появились признаки воспалительного состояния в левом лёгком. Положение опасное»*⁴.

¹ Правительственный вестник, 9 сентября 1894 г.

² Вельяминов Н. А. *Воспоминания об Императоре Александре III* // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. архив, 1994. С. 305. — [Т.] V.

³ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 7.

⁴ Правительственный вестник. 18 октября 1895 г.

Директор канцелярии министерства иностранных дел граф В. Н. Ламздорф занёс в свой дневник: *«Бюллетень — плохой. Нужно быть готовым ко всему»*¹.

20 октября в 10 ч. утра император, находясь в полном сознании, причастился, а в 14 ч. 15 м. царь *«тихо в Бозе почил»*². Александру III было всего 49 лет от роду.

Несмотря на продолжительную болезнь, кончина царя стала полной неожиданностью не только для России, но и для всего мира. Императора по праву считали главным арбитром Европы, гарантом её спокойствия и мира. За годы своего недолгого царствования Александр III сумел придать международному положению России новый и весьма высокий уровень. Причём сделал он это не путём войны, а умелым маневрированием между основными европейскими державами, при сохранении твёрдой защиты национальных интересов.

Граф В. Н. Ламздорф отмечал, что император Александр III *«указал внешней политике ясную, определённую цель — поставить Россию в такое международное положение, которое позволило бы ей [...] направить все силы на национальное возрождение и на внутреннее успокоение»*³

«Прошло 13 лет царствования Императора Александра III, — писал выдающийся русский историк В. О. Ключевский, — и чем торопливее рука смерти спешила закрыть его глаза, тем шире и изумленнее раскрывались глаза Европы на мировое значение этого недолгого царствования. Европа признала, что Царь Русского Народа был и Государем международного мира, и этим признанием подтвердила историческое призвание России, ибо в России, по её политической организации, в воле Царя выражается мысль Его народа, и воля народа становится мыслью его Царя. Европа признала, что страна, ко-

¹ Дневник графа В. Н. Ламздорфа. Запись за 18 октября 1894 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 14.

² Правительственный вестник, 20 октября 1895 г.

³ Ламздорф В. Н. *Обзор внешней политики России за время царствования Императора Александра III.* [Черновик] // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 53. Л. 1.

торую она считала угрозой своей цивилизации, стояла и стоит на её страже, понимает, ценит и оберегает союзы не хуже её творцов»¹.

Русский народ глубоко скорбел по почившему Государю. Генерал от инфантерии Н. А. Епанчин вспоминал: «Все, кому нужна была Россия сильная, были огорчены и понимали, какую потерю они понесли в лице Императора Александра III»².

Раввин Б. И. Берштейн в своей речи на кончину императора подчеркнул, что покойный царь «первым показал свету, что сила Государя является не в разрушительных войнах, оставляющих вдов и сирот, а в господствующей всюду — тиши. [...] Он явился прототипом для всех монархов: стремясь к миру, он был готов во всякое время отражать могущественного врага; он держал бразды правления не только России, но и всей Европы; от того все его чтили и трепетали перед ним»³.

Даже британский посол сэра Фрэнк Кавендиш Ласселс в эти дни был вынужден признать: «Какова судьба! Император Александр III, бывший для Европы страшилищем при своём восшествии на престол и в первые годы царствования, исчезает в тот момент, когда ему обеспечены всеобщие симпатии и доверие»⁴.

Александр III по праву получил прозвание Царь-Миротворец. За 13 лет его царствования Россия не участвовала ни в одной войне, не считая столкновения с афганцами у Кушки. Сам Государь хорошо знал, что такое война, так как ещё в бытность свою цесаревичем был непосредственным участником Освободительной

¹ Ключевский В. О. Памяти в Бозе почившего Государя Императора Александра III. Речь, произнесённая в заседании Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете 28 октября 1894 г. — М.: Университетская типография, 1894. С. 5–6.

² Епанчин Н. А., генерал. На службе трёх императоров: Воспоминания. — М.: Журнал «Наше наследие» при участии ГФ «Полиграфресурсы», 1996.

³ Берштейн Б. И. Три слова, сказанные житомирским общественным раввином Б. И. Берштейном. 1. 7 ноября 1894 г., на 18-й день кончины Императора Александра III. — Житомир, 1896. С. 3–4.

⁴ Цит. по: Хрусталёв В. М. Великий князь Михаил Александрович. — М.: Вече, 2008. С. 83.

войны 1877–1878 гг., командуя Русшукским отрядом (Восточной армией). Именно там, на войне, будущий царь стал убеждённым её противником. 5 сентября 1877 г. он писал жене, великой княгине Марии Фёдоровне: *«Невыносимо грустно и тяжело это, то, что мы опять потеряли такую массу людей, дорогой русской крови пролилось снова на этой ужасной турецкой земле!»*¹

Беречь мир — вот что было главным внешнеполитическим заветом Александра III. До сегодняшнего дня популярно так называемое «Завещание Александра III», которое он якобы оставил своему наследнику, императору Николаю II. Текст этого «завещания» не более чем апокриф, но тем не менее он верен по сути: *«Помни, у России нет друзей. Нашей огромности боятся. Избегай войн»*.

Заслуга Александра III заключалась в том, что он не только провозгласил мир программой своего царствования, но и придал этой политике национальный русский характер. На сербском послании, присланном царю по-французски, Государь написал: *«Отчего же по-французски, а не на русском языке? Как будто пишут для иностранцев, а мы с вами по-русски не понимаем»*².

Александр III любил Россию. Эта любовь заключалась не только в приверженности царя русской одежде, русском языку, русским обычаям и принадлежностью к православной вере. Император глубоко знал и любил русскую историю. В. О. Ключевский писал: *«Государь умел находить досуг для скромной учёной работы, особенно по изучению отечественной истории и древностей, и был глубоким знатоком в некоторых отделах русской археологии, например в иконографии. [...] Его державная рука щедрой помощью поддерживала и поощряла труды по изучению и восстановлению памятников отечественной старины. Многим ли, например, известна великодушная и просвещённая помощь, оказанная им при реставрации дворца царевича Димитрия в Угличе?»*³

¹ Великий князь Александр Александрович — великой княгине Марии Фёдоровне // ГА РФ. Ф. 462. Оп. 1. Д. 7 ОБ. Л. 101.

² Дневник В. Н. Ламздорфа за февраль 1892 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 34. Л. 55.

³ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 4.

Любовь к России, глубокое знание отечественной истории и богатый опыт политика делали из Царя-Миротворца защитника прежде всего интересов России, а не интересов Европы.

Император Александр III принял Россию в годы смуты, а оставил мирным и богатеющим государством. Царь умер в расцвете лет, не осуществив большинства своих грандиозных замыслов. Россия была потрясена его смертью.

Каково же было горе его сына, наследника престола великого князя Николая Александровича! *«Боже мой, Боже мой, что за день! — записал он в своём дневнике 20 октября. — Господь отозвал к Себе нашего обожаемого дорогого горячо любимого Папа. Голова кругом идёт, верить не хочется — кажется до того неправдоподобной ужасная действительность»*¹.

Царствование Александра III закончилось. Началось царствование императора Николая II.

Император Николай II и вызовы эпохи

Николай II вступил на престол в условиях полного внешне-го спокойствия. Внутреннее положение России также казалось вполне надёжным. Политическое море, взволнованное великими реформами Александра II, постепенно успокаивалось т. н. «контр-реформами» Александра III. Экономика развивалась поступательно и уверенно. Как отмечает д. и. н. А. Н. Боханов, *«90-е годы XIX века стали периодом бурного развития промышленного сектора экономики. По темпам среднегодового прироста промышленной продукции Россия в этот период обгоняла все европейские страны и шла вровень с США»*².

Мало кто в те дни предполагал, что Николай II принял Россию в преддверии величайших испытаний. С. С. Ольденбург так оценивает эпоху начала царствования Николая II: *«Император Ни-*

---

¹ Дневник императора Николая II. Июль—декабрь 1894 г. Запись 20 октября 1894 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233. Л. 96.

² Боханов А. Н. *Николай II*. — М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, «Русское слово», 1997. С. 164.

колай I, вступая на престол, должен был сломить революционный заговор гвардейского офицерства. Император Александр II начал царствовать в дни Крымской войны, Император Александр III принял власть после злодейства 1 марта, среди смуты, которая тогда казалась грозной. Правление Государя Николая Александровича началось в дни затишья; но ещё никому из Его державных предшественников не приходилось принимать на себя такого огромного, тяжело-го бремени, такой сложной задачи»¹.

Россия с опозданием вступила на путь капитализма и в конце XIX в. существенно отставала от крупных западных стран в развитии тяжёлой промышленности. Страна нуждалась в индустриализации и в модернизации экономики. К началу XX в. в большинстве европейских государств и в США значительный рост производительности труда в промышленности был обусловлен широким внедрением новой техники, повышением квалификации рабочих. Были изобретены и получили распространение высокоэффективные и компактные двигатели внутреннего сгорания, работавшие на бензине, а позже двигатели Р. Дизеля, на более дешёвом тяжёлом топливе. Это резко увеличило спрос на нефть и стимулировало усовершенствование средств и способов увеличения её добычи и переработки.

Наступила пора высшего технического образования. Первые вузы появились в 70-х гг. в Германии (Берлин, Дрезден, Мюнхен), США (Университет Гопкинса в Балтиморе). Усовершенствование гидравлических турбин значительно повысило использование энергии падающей воды (Ниагарская ГЭС в США).

Технический прогресс в странах Западной Европы и отставание России в этой области заставляли русскую верховную власть искать пути выхода из этого состояния. В 1898 г. министр финансов С. Ю. Витте подал императору Николаю II записку, в которой писал: «Весь экономический строй империи в течение второй половины настоящего столетия преобразился, главным образом, в том направлении, что рынок с его ценами сосредоточил в себе общие интересы совокупности отдельных частных предприятий, составляю-

¹ Русская летопись. Книга 7. — Париж, 1925. С. 22.

щих наше народное хозяйство. Покупка и продажа различных товаров и наём труда проникли ныне в гораздо более глубокие слои нашего народного быта, нежели это было в пору крепостного хозяйства»¹.

В другом докладе Государю Витте увязывал скорейшую индустриализацию России с вопросом её независимости: *«Международное соперничество не ждёт. Если нынче же не будет принято энергичных и решительных мер к тому, чтобы в течение ближайших десятилетий наша промышленность оказалась в состоянии своими продуктами покрывать потребности России и Азиатских стран, которые находятся или должны находиться под нашим влиянием, то быстро растущая иноземная промышленность сумеет прорваться через наши таможенные преграды и водвориться как в нашем отечестве, так и в сказанных азиатских странах. Медленный рост промышленности может затруднить выполнение великой международной задачи России, ослабить её могущество, повлечь за собой политическую и культурную отсталость России»².*

Начало нового века требовало от России скорейшей модернизации экономики, перестройки всего векового строя жизни огромной страны. В начале XX в. великий русский учёный Д. И. Менделеев писал: *«Замереть России — гибель. Ограниченный рост промышленности непригоден нашему народу. Народ по здравому инстинкту сознает, что, идя помаленьку, мы никогда не догоним соседей, а надо не только догнать, но и перегнать»³.*

Таким образом, промышленный и научно-технический прорыв становился вопросом сохранения России как суверенного государства.

Индустриализация России была необходима, так как аграрный курс привел бы её к окончательному отставанию от Европы.

---

¹ Всеподданнейший доклад министра финансов С. Ю. Витте о программе торгово-промышленной политики империи // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1026. Л. 1.

² Рыбас С., Тараканова Л. *Реформатор. Жизнь и смерть Петра Столыпина*. — М.: Недра, 1991. С. 22.

³ Менделеев Д. И. *К самопознанию России*. — СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907.

Особая сложность задачи Николая II заключалась в том, что к началу XX в. в империи в целом сложилось несоответствие между существующей государственной системой и общественными устремлениями. С одной стороны, Самодержавие являлось традиционной исконной властью в России, а с другой — отношение общества к Самодержавию и стремительно меняющиеся исторические условия требовали от власти модернизации управления страной.

Первые шаги во внешней политике

Став в одночасье Императором Всероссийским в возрасте 26 лет, Николай II оказался во главе огромного государства и должен был сразу решать проблемы его внешней и внутренней политики. И. В. Зимин пишет, что *«министры немедленно “запрягли” молодого царя в “бюрократическую телегу”*. Когда император осознал объемы ежедневной работы и уровень ответственности, обрушившейся на него, он просто впал в панику. Тем не менее Николай II достаточно быстро адаптировался, пытаясь копировать стиль отношений отца со своими приближёнными. Это касалось и проблемы личного секретаря»¹. У Николая II его так и не появилось.

Тяжкий царский труд отбирал у Государя большую часть дня, практически не оставляя времени на личную жизнь. В доверительном письме царь просил прощения у своего дяди, великого князя Сергея Александровича, за то, что не отвечает на его письма. *«У меня занято почти всё время и поэтому вероятно ты простишь моей невежливости. Хотя я знаю, что незабвенный дорогой Папа, даже среди своих трудов, всегда отвечал на получаемые им письма, так что для меня это же количество работы не должно бы служить предлогом. Но... я так недавно женился, ещё на днях вкусил начала блаженства на земле — совместной жизни с горячо любимым существом. Удивительно ли, что те два или три свободных*

¹ Зимин И. Царская работа. XIX — начало XX века. Повседневная жизнь Российского Императорского двора. — М.; СПб.: Центрполиграф; Русская тройка-СПб., 2011. С. 97–98.

часа, какие мне остаются в течение дня, я всецело посвящаю своей душе-жене? Иногда, я должен сознаться, слёзы навёртываются на глаза, при мысли о том, какой спокойной, чудной жизнью могла быть для меня ещё на много лет, если бы не 20-е октября! Но эти слёзы показывают слабость человеческую. Это слёзы сожаления над самим собой, и я стараюсь как можно скорее их прогнать и нести безропотно своё тяжкое и ответственное служение России»¹.

Первым стремлением императора Николая II было чётко обозначить преемственность своего царствования от царствования своего отца. Особенно это касалось вопросов международной политики.

В своём манифесте от 20 октября 1894 г. Государь подчёркивал, что, вступая на престол Российской империи, «Мы вспоминаем заветы усопшего Родителя Нашего и, проникшись ими, приемлем священный обет перед лицом Всевышнего всегда иметь единой целью мирное преуспевание, могущество и славу дорогой России и устройство счастья всех наших верноподданных»².

К. П. Победоносцев 25 октября 1895 г. писал министру иностранных дел Н. К. Гирсу: «Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович изволит признавать необходимым, чтобы Ваше Высокопревосходительство от имени Его Величества распорядились послать циркуляр к нашим посланникам и дипломатическим агентам за границей, с изъяснением твёрдого намерения Его Величества следовать во всём политике в Бозе почившего Родителя своего, имевшей в виду сохранение мира и отвращение великих бедствий войны между государствами и народами. Политика в Бозе почившего Государя будет служить заветом его новому царствованию и образцом для него»³.

¹ Император Николай II — великому князю Сергею Александровичу. 10 апреля 1895 г. // ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 70. Л. 97.

² Высочайший Манифест. 20 ноября 1894 г. // «Богословский Вестник», издаваемый Московскою Духовною Академией. — Сергиев Посад, 1894. Т. III. Ноябрь. С. 13–14.

³ К. П. Победоносцев — Н. К. Гирсу. 25 октября 1894 г. [копия] // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 15^а.

21 октября 1894 г. Николай II поручил Н. К. Гирсу, чтобы циркуляры того же содержания, что и русским посланникам, были разосланы министрам иностранных дел всех государств, с кем Россия поддерживала дипломатические отношения. В циркуляре министра иностранных дел от 28 октября 1894 г. представителям иностранных государств говорилось: *«Россия останется верной своим традициям. Она будет развивать дружественные связи со всеми державами и продолжит поддерживать право и законный порядок, как наилучший залог безопасности государств»*¹.

Император Николай II не отделял современную ему эпоху от истории России в целом. Он был тонким и глубоким ценителем русской истории. Знание истории являлось сильной стороной царя как руководителя внешней политики. Мироззрение императора точно отражали его слова: *«Только то государство и сильно и крепко, которое свято хранит заветы прошлого»*².

Известный российский историк и политолог, д. и. н. В. А. Никонов так пишет о Государе: *«Император Николай II был, безусловно, очень умным человеком. Он был подготовлен к тому, чтобы занимать эту должность, особенно по мере того, как он набрался опыта государственной деятельности. Он был, безусловно, очень образованным человеком. Он очень хорошо знал страну. И он готов был брать на себя ответственность в принятии решений»*³.

Государь вступил на престол, не имея, конечно, опыта ведения внешней политики, так как она была прерогативой императора. По словам самого Николая II, в пересказе генерала А. Н. Куропаткина, он только к 1903 г. *«стал забирать силу»*⁴. Несмотря на это, император Николай II имел чёткое понимание целей и задач своей международной политики. Как писал С. С. Ольденбург, *«Госу-*

¹ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 18.

² Полное собрание речей императора Николая II. 1894—1906. Составлено по официальным данным «Правительственного вестника». — СПб.: Книгоиздательство «Друг народа», 1906. С. 58.

³ Никонов В. А. Интервью для сценария фильма *«Николай II: сорванный триумф»*. — «Русский предприниматель» (Екатеринбург), 2008.

⁴ Дневник А. Н. Куропаткина. — Нижполиграф, 1923. С. 88.

дарь руководил внешней политикой России, направляя её по путям, до конца известным только ему. Личные сношения с правителями других стран и непосредственные приемы послов позволяли Ему иметь собственное осведомление, нередко иное и зачастую более достоверное, чем сведения, полученные обычными путями»¹.

Кроме того, Николай II получил прекрасное образование, которое во многом восполняло недостаток практического опыта. И. Л. Солоневич отмечал: *«Государю Императору преподавали лучшие русские научные силы, и историю, и право, и стратегию, и экономику. За ним стояли традиция веков и практика десятилетий»².*

Как единственный руководитель внешней политики Николай II *«ежедневно принимал доклады министра иностранных дел, систематически читал все важные дипломатические донесения, следил за реакцией на международные дела русской и иностранной печати. Не имея специально дипломатической подготовки, царь был достаточно умен и образован, чтобы разбираться в докладываемых министром вопросах, а к 1907 г. приобрёл и немалый опыт управления»³.*

Для индустриализации России были необходимы внешние условия — мир и спокойствие в Европе, а также привлечение иностранных капиталов. Император был убеждён, что Россия должна делать всё, чтобы избегать войн, во всяком случае до тех пор, пока не произойдёт перестройки её промышленности и экономики. Но даже тогда, считал царь, война должна вестись Россией только в случае крайней необходимости, и исключительно в оборонительных целях.

С другой стороны, начало XX в. стало периодом активного перекраивания мира ведущими мировыми державами. В этих условиях Россия не могла оставаться в стороне и занять позицию, подобную древней китайской изоляции. Утрата Россией важнейших геополитических позиций, отказ от активной политики на Даль-

---

¹ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 70.

² Солоневич И. Л. *Великая фальшивка Февраля* // Наша страна. 29 марта 1952.

³ Игнатъев А. В. *Внешняя политика России. 1907–1914.* — М.: Наука, 2000. С. 26–27.

нем Востоке, на черноморских проливах и на Балканах грозили ей утратой статуса великой державы.

Поэтому главной внешнеполитической задачей Николая II, как и его отца, было сохранение мира для России и одновременно сохранение ею статуса великой державы.

В этом плане политика императора Николая II была продолжением политики императора Александра III, а если смотреть глубже — продолжением всей политики России с первых лет её существования как централизованного христианского государства. В международных отношениях Николай II считал главным поддержание равновесия сил. Основные целевые установки русской внешней политики вытекали из геополитического и стратегического положения России, её военного и экономического потенциала, статуса великой державы, объективного соотношения сил в мире¹.

Первые месяцы царствования Государь по кадровым назначениям советовался со своей матерью, вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной, что было вполне понятно: вдовствующая императрица долгие годы находилась рядом с покойным Александром III и, конечно, хорошо знала окружавших его людей. Кроме того, она была во многом самым близким царю человеком. Поэтому в документах о первых кадровых решениях Николая II мы можем нередко встречать свидетельства о его советах с матерью.

26 декабря 1894 г. император решал вопрос, кого назначить новым послом в Берлин. Прежний посол граф П. А. Шувалов, долгие годы проработавший в Берлине, был назначен на должность варшавского генерал-губернатора. Назначение посла в монархическую страну, а в конце XIX — начале XX в. большинство стран мира были монархиями, было связано исключительно с мнением царствующего государя. Официально посол направлялся не в страну, а к особе монарха. В декабре 1894 г. император Николай II писал Н. К. Гирсу о полученном письме от императора Вильгельма, в котором тот прилагал список лиц, достойных, по его мнению, занять пост русского посла в Берлине: *«Генерал-адъютанта*

¹ Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 35.

Рихтера, Стааля или Палена. Я, — писал Николай II, — решительно против назначения последнего, так как человека с немецкой фамилией в Берлине нам держать неудобно»¹.

На примере истории назначения посла в Берлин видно, как приходилось трудно молодому императору в первые месяцы своего царствования, как он колебался в правильности принимаемого им решения: *«До сих пор моя Мать и я, — писал Николай II, — колебались между выбором князя Лобанова и князя Н. Долгорукого. Теперь опять нахожусь в полном сомнении»².*

13 декабря 1894 г. царь сообщил Н. К. Гирсу, что он не желает *«слишком торопиться с выбором преемника графу Шувалову. Остен-Сакен мне кажется не у места на таком важном посту. Надо бы всё-таки иметь в виду кого-нибудь из военных»³.* Н. К. Гирс в деликатной форме убеждал Государя в том, что вряд ли после генерала Шувалова будет целесообразно назначать снова военного: *«До сих пор не видно, чтобы германский император особенно желал иметь при себе русского посла из военных. Но если Ваше Величество изволит считать это полезным, то я назвал бы генерал-адъютанта Рихтера»⁴.* Сам Гирс советовал назначить послом князя А. Б. Лобанова-Ростовского⁵.

30 декабря 1894 г. царь снова писал Гирсу по поводу назначения посла в Берлин: *«В эти дни я много думал и часто говорил с моею Матерью о выборе преемника графа Шувалова на ответственный и трудный пост нашего представителя при германском*

---

¹ Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1894 г. Вложение к дневнику №244. Император Николай II — Н. К. Гирсу // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 78.

² Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1894 г. Вложение к дневнику №244. Император Николай II — Н. К. Гирсу // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 78.

³ Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1894 г. Вложение к дневнику №244. Император Николай II — Н. К. Гирсу // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 72.

⁴ Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1894 г. Вложение к дневнику №244. Н. К. Гирс — императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 72.

⁵ Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1894 г. Вложение к дневнику №244. Н. К. Гирс — императору Николаю II. 22 декабря 1894 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 72.

дворе. Теперь я окончательно решил назначить на это место князя Лобанова-Ростовского, потому что и Ваше мнение о нём для меня весьма ценно»¹!

Хотя это назначение было сделано, в том числе и по совету Н. К. Гирса, старый и чуткий дипломат хвалит за такое решение молодого царя. Под новый год, 31 декабря 1894 г. он пишет: «Принятое Вашим Императорским Величеством решение о назначении князя Лобанова послом в Берлин представляется мне самым лучшим исходом»². Н. К. Гирс был прав: император Николай II прислушивался к тем советам, которые не шли вразрез с его собственным убеждением и совестью.

14 января 1895 г. после долгой и продолжительной болезни Н. К. Гирс скончался. Он стоял у истоков почти всех главных внешнеполитических начинаний Александра III. Николай II выразил семье покойного свои искренние соболезнования: «Глубоко опечален кончиною достойного Николая Карловича, которого высоко ценил мой незабвенный отец и я»³.

О многом министр не успел сообщить молодому императору. Особенность политического устройства Российской империи заключалась в том, что информация по тому или иному направлению внешней и внутренней политики всецело находилась в ведении царствующего монарха и в меньшей степени соответствующего министра. Остальные, включая наследника престола, могли быть даже не осведомлены о некоторых важных решениях, принятых царём. Зачастую о тайных соглашениях царь сообщал своему наследнику на пороге смерти. В какой-то степени так произошло и с Николаем II. Перед смертью Александр III лишь в общих чертах ознакомил цесаревича с целым рядом своих важ-

¹ Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1894 г. Вложение к дневнику №244. Император Николай II — Н. К. Гирсу. 13 декабря 1894 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 79.

² Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1894 г. Вложение к дневнику №244. Н. К. Гирс — императору Николаю II. 31 декабря 1894 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 43.

³ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 40. Л. 22.

нейших внешнеполитических решений (например, Николай II ничего не знал о секретной Франко-Русской конвенции 1891 г.).

Однако представляется, что эта неосведомлённость была вызвана не только порядками делопроизводства империи. Руководящий сотрудник МИД граф В. Н. Ламздорф в своём дневнике оставил следующую запись: «...*странным является мое положение в данный момент, мои секретные архивы содержат все тонкости политики последнего царствования. Ни молодой Государь (Николай II), ни почтеннейший Шишкин, назначенный временно управляющим Министерством иностранных дел, не имеют ни малейшего представления о документах, доверенных в последние годы исключительно и совершенно бесконтрольно мне... Я оказался исключительным обладателем государственных тайн, являющихся основой наших взаимоотношений с другими странами*»¹.

Секретными документами располагал и С. Ю. Витте. Он не спешил знакомить с ними Николая II, который даже не подозревал об их существовании. Сейчас трудно сказать, определялось ли засекречивание вышеназванных документов злой волей Ламздорфа или Витте или же на это были иные причины, но факт неосведомлённости Государя при его вступлении на престол о целом ряде важнейших решений в сфере внешней политики России бесспорен. Если при этом учесть, что В. Н. Ламздорф был членом цифирного комитета МИД, в котором разрабатывались шифры и для высшего руководства страны, включая императора, то нельзя исключать возможности контролирования со стороны неких сил даже шифрованной переписки Государя.

Со смертью Н. К. Гирса встал вопрос о новом министре иностранных дел. Император Николай II предложил этот пост видному дипломату, императорскому послу в Лондоне барону Е. Е. де Стаалю. Эту кандидатуру поддерживала и вдовствующая императрица Мария Фёдоровна². Однако Стааль в самых верноподданны-

---

¹ Ламздорф В. Н. *Дневник. 1894—1896*. — М.: Международные отношения, 1991. С. 224.

² Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1894 г. Вложение к дневнику №244. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 78—79.

ческих выражениях отклонил предложение, сославшись на болезнь и возраст. «Государь, — писал де Стааль, — через несколько недель я отмечу своё 73-летие. Моё здоровье — шаткое». Стааль сослался на то, что это «шаткое здоровье» не позволяет ему жить в Петербурге. Поэтому он умолял Государя не назначать его на должность министра иностранных дел¹.

Николай II не стал неволить престарелого посла и 26 февраля 1895 г. назначил управляющим министерством иностранных дел опытного дипломата князя А. Б. Лобанова-Ростовского. Это был весьма удачный выбор. Князь Лобанов был выдающимся государственным деятелем, имевшим опыт посольской работы в трёх государствах (Османской империи, Англии и Австро-Венгрии). Государь уже принял решение направить Лобанова-Ростовского послом в Берлин. Однако уехать в столицу рейха князь не успел, так как получил императорский рескрипт о своём назначении министром иностранных дел.

Николаю II в наследство досталась весьма запутанная и сложная международная обстановка, которая лишь со стороны казалась спокойной. За этим внешним европейским спокойствием, за фасадами дворцов и посольств скрыто бурлила сложная смесь противоречий, амбиций, интриг и строящихся глобальных планов. Неожиданная смерть Александра III и вступление на престол нового государя, которого в Европе почитали неопытным, привели в движение дипломатические круги всех европейских государств, каждое из которых надеялось повернуть Россию в свою сторону, использовать её в своих интересах. Перед императором Николаем II стояла трудная задача разобраться в текущей международной обстановке и, соблюдая баланс интересов европейских государств, отстаивать интересы России.

---

¹ Барон Е. Е. де Стааль — императору Николаю II. 8/20 февраля 1895 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1349. Л. 1.

ФРАНЦИЯ

Отношение Николая II к франко-русскому союзу

Военная конвенция между Россией и Францией, окончательно утверждённая в 1893 г., являлась не союзным договором между двумя державами, но чисто военным соглашением¹. Оно должно было вступить в силу только в случае нападения Тройственного союза (Германии, Австро-Венгрии и Италии) либо на Россию, либо на Францию, либо на обе вместе. Франция и Россия обязывались в этом случае оказать друг другу взаимную помощь всею совокупностью своих вооружённых сил.

Изначально Франция настаивала на заключении конвенции только против Германии. Но начальник русского Главного штаба генерал от инфантерии Н. Н. Обручев настаивал на необходимости оборонительной конвенции на случай войны с одной из стран Тройственного союза. *«Заручившись гарантией против самого опасного нашего врага, — писал он, — Франция могла бы в случае войны России с Австрией, возникшей хотя бы по приказу Германии, оставаться безучастной и выжидать события, что могло бы иметь для нас гибельные последствия»*². Император Александр III и министр иностранных дел Н. К. Гирс поддержали мнение генерала Обручева³. В результате французское политическое и военное руководство было вынуждено согласиться, и секретная конвенция была утверждена с учётом мнения России.

Смерть императора Александра III не могла не вызвать определенных сомнений в дальнейшем развитии русско-французского сближения как среди его сторонников, так и среди противни-

---

¹ Военные соглашения России с иностранными государствами до войны. — М.: Военно-историческое общество, 1919. С. 97.

² Военные соглашения России с иностранными государствами до войны. С. 97.

³ Рыбачёнок И. С. *Путь к союзу с Францией. Эволюция взглядов генерала Н. Н. Обручева // Россия и Франция XVII–XX вв.* — М.: Наука, 2001. С. 185.

ков. Заключённая в 1891 г. в конкретных политических условиях франко-русская военная конвенция представлялась многим как в России, так и во Франции противоестественной и недолговечной. Казалось, что со смертью императора Александра III франко-русский военный союз обречён на постепенное угасание.

В России слишком ещё были живы воспоминания о двух наполеоновских агрессиях, а во Франции «москвиты» были известны в основном по анекдотам и легендам времён крушения «Великой армии». Русофобия была весьма распространена в среде французского высшего общества. Представитель французской общественности Декасту писал в 1895 г.: *«Исторически русские были наиболее злыми врагами Франции. Вторжение казаков останется в истории наиболее варварским событием»*¹.

Во французском правящем слое отсутствовало достоверное представление о сути государственности самодержавной России. Это порождало неверные представления о намерениях как верховной власти, так и её дипломатических представителей. Некоторые французские государственные деятели, обладавшие аналитическим и непредвзятым умом, смогли приблизиться к пониманию своего русского союзника лишь спустя два десятка лет существования альянса. Так, Габриель Ганото писал, что роль Императора Всероссийского *«совершенно иная, чем роль императоров в Австро-Венгрии и Германии. Там император является военным вождем, в России — отцом народа. Невозможно ничего понять в государственном устройстве России, если не учитывать эту точку зрения. Понятие “самодержец” само по себе ничего не значит для наших западных ушей. Самодержавная власть в России — полностью патриархальная. Она основывается на взаимных чувствах царя и народа. Император любит свой народ и правит им как своей семьёй. Россия ему охотно подчиняется, так как доверяет и любит его»*².

Примечательно мнение С. Ю. Витте о характере русско-

¹ Marmouget M. *La visite du tsar Nicolas II à Paris 5–9 octobre 1896*. — Paris, X Nanterre, 1997.

² Hanotaux (Gabriel). *Histoire illustrée de la guerre 1914*. Tome 1. — Paris, 1915. P. 208.

французского союза: «*“Боже, Царя храни” и “Марсельеза” — это “Христос воскрес”, распеваемый в синагоге. Для всякого француза наше самодержавие есть варварство, а наш Царь — деспот. Для нас их пресловутое égalité, fraternité и прочее есть реклама банкира Блока, печатаемая ежедневно во всех русских газетах. Французский парламент есть кощунство над здравым смыслом и самообман*»¹.

Кроме того, в политических кругах обеих стран всерьёз опасались, что стороны попытаются в случае войны использовать друг друга в своих личных интересах в ущерб интересам партнера по договору. Так, во Франции президент Сади Карно, ещё недавно один из горячих сторонников русско-французского союза, искал возможности после смерти Александра III отказаться от соглашения с Россией, которое могло бы через всеобщую мобилизацию втянуть Францию в «ненужную» ей войну, например войну, вызванную «*балканским кризисом*»². Внезапная гибель 12/24 июня 1894 г. Карно от рук итальянского анархиста лишь усилила сомнения в общественном мнении России и Франции в успешном продолжении альянса.

Новый президент Жан-Казимир Перье, обеспокоенный дальнейшей судьбой франко-русского сотрудничества, через своего поверенного в делах Шарля Вовино пытался прояснить ситуацию у министра иностранных дел Н. К. Гирса. Французы были неприятно удивлены, когда на встрече с Вовино 3 ноября 1894 г. Н. К. Гирс выразил сомнение, знает ли новый Государь о секретном соглашении между двумя странами³.

Император Николай II действительно узнал о существовании секретного договора с Францией только 16 ноября 1894 г., во время первого всеподданнейшего доклада Гирса⁴.

¹ Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. *Сергей Юльевич Витте и его время.* — СПб.: Дм. Буланин, 1999. С. 56.

² Archives Ministère des Affaires étrangères (MAE). Correspondance politique et commerciale. V. 35. Alliance franco-russe. 1892–1904.

³ Documents Diplomatique Français (DDF). 1 série, — Paris 1957. V. XI. № 267.

⁴ Рыбачёнок И. С. *Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX века.* — М., 1993. С. 17.

Президент Франции Ж.-К. Перье назначил представителем Франции на похоронах Александра III генерала Рауля Буадефра¹. На самом деле главной задачей генерала Буадефра было выяснить, каково отношение нового монарха к будущности франко-русского союза.

Сам Буадефр был настроен в этом смысле весьма пессимистично и в приватной беседе с французским послом в Петербурге Густавом де Монтебелло предположил, что, *«вполне возможно, молодой Государь не будет столь убеждённым сторонником союза, каким был покойный царь»*, и что судьба самого союза видится ему не вполне определенной².

Однако, ознакомившись с франко-русской конвенцией, император Николай II полностью её одобрил. 17 ноября 1894 г. на встрече с Буадефром Государь заявил генералу, что во внутренней и внешней политике он будет полностью *«продолжать дело отца»*³. Эти слова император Николай II подтвердил двумя письмами от 11 и 18 ноября 1894 г. президенту Французской Республики⁴.

Сразу же после встречи с царём генерал Буадефр беседовал с Н. К. Пирсом, который в свою очередь его заверил в том, что Николай II решил твёрдо держаться военной конвенции в отношении с Францией, сохраняя при этом её секретность.

Таким образом, III Республике были даны чёткие гарантии преемственности русской политики в отношении франко-русского сотрудничества. Однако император Николай II рассматривал соглашение между Россией и Францией гораздо шире, чем его отец. Заключая конвенцию с французами, Александр III относился к ней как к временному политическому ходу, призванному оказывать воздействие на Германию для пресечения её агрессивных намерений. Как полагает французская исследо-

¹ Письмо президента Казимира Перье императору Николаю II 12 ноября 1894 г. [на фр. языке] // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1323. Л. 1.

² SHAT. 7 № 744.

³ DDF. № 284.

⁴ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1.

вательница Анна Огенюс-Сильвестрофф, «Александр III стремился освободить Россию от германского влияния и сблизиться с Францией. Формальное письменное соглашение поначалу не представлялось ему предпочтительным, но необходимость прочных гарантий от любых неожиданностей со стороны Германии вполне им сознавалась»¹.

Николай II смотрел на эту конвенцию гораздо шире. Государь считал главной задачей русско-французского союза не его антигерманскую направленность, а закладку краеугольного камня прочного европейского мира. Как справедливо пишет С. С. Ольденбург, император, ознакомившись с русско-французской декларацией, «тут же почувствовал, что в этом сближении таятся не только выгоды, но и угрозы в будущем». Царь ясно осознал, что союз с Францией, с одной стороны, «уменьшает опасность в случае войны с Германией, но в то же время увеличивает шансы такой войны, создавая новые плоскости трения». По мнению Николая II, «только превращение франко-русского союза в соглашение великих держав европейского материка может действительно обеспечить мир в Европе и поддержание мирового первенства христианских европейских государств». Поэтому он «с первых дней своего царствования стремился превратить франко-русский союз из орудия “реваниша” в орудие европейского замирения»².

Когда французский дипломат Морис Палеолог утверждал, что «франко-русский союз никогда не имел иной цели, кроме как противостояние возможной агрессии германских империй», он был прав только в отношении Франции, да и то довольно условно³.

По мнению царя, союз между Францией и Россией должен был стать главной гарантией будущего прочного мира. Когда французские официальные лица сомневались, стоит ли им ехать 8/20 июня 1895 г. в Германию на торжественное открытие Кильского канала (Канала кайзера Вильгельма), Николай II заметил: «Весьма жаль,

---

¹ Россия и Франция XVIII–XX века // La Russie et la France XVIII-ème-XX-ème siècles. Volume 2. — Moscou 1998. P. 148.

² Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 64.

³ Paléologue (Maurice). *Guillaume II et Nicolas II*. — Paris : Plon, 1935. P. 19.

если Франция не примет участия. Мне кажется, что французы напрасно затрудняются ответом. Раз все державы приглашены, участие Франции необходимо наряду с ними»¹.

Исходя из широкого видения значения франко-русской конвенции, царь не собирался более скрывать наличия союзных отношений с Францией. 10 июня 1895 г. в Париже на заседании Палаты депутатов премьер-министр А. Рибо фактически предал огласке существование союза с Россией. Во время беседы с Николаем II французский посол принёс слова извинения за поспешность главы французского правительства. Однако император заявил послу, что русско-французский союз является фактом, который незачем скрывать. Единственное, что, по мнению царя, должно было сохраняться в тайне, так это сведения «о форме этого союза, о существовании военной конвенции»².

И хотя оставалось ещё 4 года до публичного признания Николаем II существования франко-русского союза, большие конкретные шаги в этом направлении были сделаны.

10 июня 1895 г. Государь дал новое свидетельство самого высокого уважения к Франции. Император наградил президента Феликса Фора высшим орденом Российской империи — орденом Святого апостола Андрея Первозванного. В своём письме к президенту Николай II указывал, что этим награждением он хочет подчеркнуть те особые отношения, которые сложились между Россией и Францией³.

В свою очередь и французское правительство стремилось всячески подчеркнуть своё уважение к России. Во время коронации Николая II в Московском Кремле президент Феликс Фор и члены французского правительства присутствовали на богослужении в русской церкви на улице Дарю, а премьер-министр Ф. Мелин распорядился отменить занятия в школах. Париж был украшен французскими и русскими флагами, солдатам дали добавочную пор-

¹ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 65.

² DDF. V. XII. № 78.

³ L'Empereur Nicolas II au Président F. Faure. 30 mai 1895 // AN. Fond Félix Faure. 460 AP 8.

цию вина. Как писал германский посол во Франции, «*всюду виден культ России, насаждаемый сверху*»¹.

Перед коронацией 15 мая 1896 г. президент Фор направил императору письмо, в котором писал: «*В тот момент, когда торжественная церемония должна возвестить о начале благополучного вступления Вашего Величества на трон, мы хотим выразить уверенность вместе со всей Францией, что Ваше царствование будет исполнено долголетием, величием и миром*»²

Во время коронационных торжеств в Москве император Николай II пригласил генерала Р. Буадефра сопровождать его во время смотра войск, что являлось признаком особой чести, так как вместе с Государем в смотре участвовали лишь представители иностранных монархических родов. В знак особой монаршей милости Николай II пожаловал генералу Буадефру свой портрет, украшенный бриллиантами³.

Через четыре дня после венчания на царство императора Николая II, 18 мая 1896 г., на Ходынском поле в Москве, неподалёку от загородной резиденции царя в Петровском дворце, произошла давка, повлекшая гибель свыше тысячи человек. Император Николай II и императрица Александра Фёдоровна тяжело переживали случившееся. Пострадавшим семьям по приказу Царя были выплачены огромные по тем временам суммы — по 1000 рублей на семью, похороны погибших были проведены за государственный счёт. 1000 русских рублей образца 1896 г. соответствуют сейчас примерно сумме в 100 тыс. долларов США. Пожалованное Царём пособие семьи пострадавших в ходынской давке получали до февраля 1917 г.

Первоначально Государь хотел отменить все праздничные мероприятия, но из-за политической целесообразности не мог про-

---

¹ L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la Première Guerre Mondiale. — Paris, 1962–1966. V. 1.

² Président F. Faure à L'Empereur Nicolas II. Le 15 mai 1896 // Archives Nationales (AN). Fond Félix Faure. 460 AP 8.

³ Aubanel Napoléon. *Une page d'Histoire. Voyage du Président de la République en Russie.* — Paris, s/d. P. 20.

пустить торжественного вечера в резиденции французского посла маркиза Монтебелло. Визит Николая II во французское посольство должен был стать свидетельством единства России и Франции. Французы долго готовились к приёму, и отказ императора посетить важное дипломатическое мероприятие мог негативно отразиться на имидже России. Царская чета посетила резиденцию Монтебелло и вскоре уехала. На следующий день царь и царица присутствовали на панихидах по погибшим.

Визит Николая II в Париж (23 сентября/ 5 октября — 27 сентября/9 октября 1896 г.)

Русско-французское соглашение оставалось секретным для всего мира. Между тем Франция остро нуждалась в демонстрации особых союзнических отношений с Россией. Именно поэтому во французских правительственных кругах родилась идея пригласить царя посетить Францию с официальным визитом. Инициатором этого приглашения был сам президент Фор. 20 июля/1 августа 1896 г. Фор направил Николаю II личное письмо, в котором приглашал царскую чету посетить Францию. *«Ваше Величество достаточно осведомлено, — говорилось в письме, — о тех чувствах, которые переполняют сердца французов в отношении Вашего Величества и России, чтобы мне продолжать настаивать на той радости, какую мы будем испытывать, принимая Вас в нашей стране»¹.*

Приглашение нанести визит во Францию было сочувственно встречено императором. Государь говорил, что всегда хранит в своей памяти пример отца, а Александр III незадолго до своей смертельной болезни собирался посетить Париж. *«Моя мать и я, — продолжал Николай II, — испытываем одинаковое доверие к той политике, которую проводил мой отец. Нужно, чтобы я приехал в Париж, чтобы понять многие вещи»².*

Однако нельзя упрощать причины согласия императора посетить Францию. Дело было, конечно, главным образом не в испол-

¹ DDF. 1-ère série. T. XII. № 436.

² MAE. Papiers Hanotaux, 189 Hanotaux. Vol. 2. Fol. 51. 12 octobre 1896.

нении желания покойного Александра III приехать в Париж. Более того, известно, что Николай II колебался в принятии этого решения, так как оно придавало Франции особое положение в русской внешней политике, а царь стремился к сохранению европейского равновесия. Но, исходя опять-таки из-за стремления сохранить это равновесие, Государь решил принять приглашение президента Фора. 26 июля 1896 г. царь в ответном письме к президенту, которого он назвал «очень дорогим и великим Другом», выразил признательность за приглашение, а также своё согласие и согласие императрицы Александры Фёдоровны приехать во Францию¹.

Тем не менее, желая как-то смягчить особое выделение Франции среди других государств Европы, Николай II до визита в Париж решил посетить и некоторые другие европейские страны. *«Сперва мы съездим в Австрию, — писал Николай II своему брату, великому князю Георгию Александровичу, — затем — в Германию, Данию, Англию, Францию и, наконец, Дармштадт»*².

13 августа 1896 г. царская чета отбыла в Вену для встречи с императором Францем-Иосифом. 17 августа, не доезжая до Киева, на станции Шепетовка в императорском поезде скоропостижно скончался от инфаркта министр иностранных дел России, один из организаторов царского визита в Париж. Кончина князя А. Б. Лобанова-Ростовского чуть было не привела к переносу сроков визита Николая II. Князь был близким помощником Государя, знавшим много ценного для предстоящих встреч с французскими политиками. Назначенный временно исполняющим обязанности управляющего МИДом Н. П. Шишкин полностью заменить Лобанова-Ростовского не мог.

Тем не менее первый официальный визит императора Николая II во Францию состоялся в период с 23 по 27 сентября (5–9 октября по григорианскому календарю) 1896 г. Государь прибыл в Париж вместе с императрицей Александрой Фёдоровной и десятимесячной Великой княжной Ольгой Николаевной.

---

¹ АВП РИ. Ф. Канцелярия министра. Оп. 470. 1896 г. Д. 63. Л. 210.

² Император Николай II — великому князю Георгию Александровичу // ГА РФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 1221. Л. 12.

Для Франции визит царя был в первую очередь демонстрацией русско-французского военного единства, призванного удержать Германию от попыток начать новую агрессию против Франции. Стремление французских правящих кругов избавиться от «тевтонского кошмара» сочеталось с желанием направить новый союз против Германии. Характер военного сотрудничества двух стран подчёркивался с первых же дней визита царя. Императорские яхты «Штандарт» и «Полярная звезда» были встречены Северной эскадрой французского флота. На суше царскую чету встречала французская кавалерия, среди которой особенно выделялся почетный эскадрон Африканской кавалерии, придававший эскорту особый экзотический вид¹.

Апофеозом демонстрации военного единства стал большой смотр французским войскам, который Николай II дал 27 сентября/ 8 октября под г. Шалонем. Этот парад французской армии перед лицом русского царя произвёл огромное впечатление на всех присутствовавших, на французское общество и на весь мир в целом. Стало очевидно: франко-русский военный союз превращается в важнейший фактор европейской политики. После смотра, произнося тост, Николай II заявил: *«Обе страны связаны неизменной дружбой, точно так же как между нашими обеими армиями существует глубокое чувство братства по оружию»*². Слова Государя, сказанные твёрдым голосом, *«произвели глубокое впечатление, которое сказалось в многократных и восторженных "ура..."»*³

В особой важности этого визита сходились как левые, так и правые французские круги. Левый радикал Жорж Клемансо писал: *«Франция радостно встречает в лице Николая II первого друга, обрётённого ею в несчастье»*⁴. Ему вторил правый депутат Раймонд Пуанкаре: *«Предстоящий приезд могущественного Монарха, миролюбивого союзника Франции будет видимым увенчанием усилий нашей мудрости и наше настойчивости; он покажет Европе, что*

¹ Deschamps P. *Le livre d'or de l'alliance franco-russe*. — Bar-le-duc, 1898.

² Полное собрание речей императора Николая II. 1894—1906. С. 12.

³ Полное собрание речей императора Николая II. 1894—1906. С. 12.

⁴ *L'alliance franco-russe*. — Paris 1907. P. 44.

Франция вышла из своей долгой изолированности и что она достойна дружбы и уважения»¹. Президент Ф. Фор подчёркивал естественность и закономерность приезда русского царя во Францию².

Визит русской императорской четы проходил в атмосфере восторженного энтузиазма со стороны большей части французского общества. Четырёхдневное пребывание царя и царицы получило наименование «Русской недели». Париж был переполнен. К двум миллионам его жителей прибавилось 930 тыс. приезжих³.

Французский современник событий писал: «Император Николай II, уже известный верностью своего характера и благородством своего сердца, быстро завел во Франции ту же популярность, что и его отец»⁴.

На улицах было сплошное народное гулянье. «Всё стало русским, — говорилось в одной статье, — или псевдорусским: мыло “Le Tsar”, конфеты с русским гербом или флагом, посуда с царскими портретами, игрушки, изображающие русского медведя, а также царя, царицу и даже их дочь великую княжну Ольгу. Появился “франкорусский” голландский сыр. Во всем этом было немало безвкусицы, но увлечение было несомненно искренним»⁵.

Французские газеты пестрели восторженными стихами, посвящёнными русскому Государю. Толпы народа заполнили улицы, повсюду были слышны крики: «Да здравствует царь!», «Да здравствует император»⁶. По словам президента Фора, «Николай II был живо поражён тем приёмом, который ему оказали жители Парижа»⁷. Это находит подтверждение и в дневнике самого царя, который записал 24 сентября 1896 г.: «Встречу населения Па-

---

¹ SHAT. Fonds Poincaré 6 1–2.

² Archives Nationales, 460 AP 14, Fond Felix Faure.

³ Belon et Gers. *Les souverains russes en France*. — Paris, 1896.

⁴ Hansen (Jules). *Ambassade à Paris du baron de Mohrenheim*. — Paris, s/d. P. 167.

⁵ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 66.

⁶ Записка неустановленного автора о пребывании императора Николая II во Франции. [на фр. яз.] // ГА РФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 783. Л. 4.

⁷ AN. Fond Félix Faure, 460 AP.

рижа могу только сравнить с выездом в Москву, так она была задумчива и трогательна»¹

С особым энтузиазмом парижане встречали маленькую великую княжну. «Ей всегда кричали на улицах *“Vive la Grande Duchesse”*, чем она была довольна, потому что всё время улыбалась»².

Откровенно восторженно приветствовали русского императора французские роялисты, полагавшие, что союз с самодержавной Россией способствует восстановлению монархии во Франции. «Да здравствует император! Мы, истосковавшиеся по монархии, от всего сердца надеемся, что Франция, раскаявшись в своих ошибках, вновь провозгласит суверенного государя»⁴.

С оговорками, но так же восхищенно приветствовали царя бонапартисты, которые могли свободно встречать Николая II своим кличем: «*Vive L'Empereur!*» («Да здравствует Император!»). При этом бонапартисты часто опускали: «*Да здравствует Россия!*»⁵.

Но были и силы, встретившие приезд Государя откровенно враждебно. Ещё накануне визита префектура полиции указывала на опасность терактов со стороны «банды анархистов». Последние распространяли листовки, которые содержали призывы убить Николая II: «*Смерть тирану! Да здравствует Интернационал!*»⁶ В связи с этими угрозами полиция предпринимала беспрецедентные меры безопасности. Для охраны русского посольства, где остановился царь, были выделены значительные силы⁷. Президент Республики лично контролировал вопросы безопасности высоких русских гостей⁸. Несмотря на опасения, визит в Париж прошёл благополучно.

¹ Дневник императора Николая II за 1896 г. Запись за 24 сентября 1896 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2.

² Да здравствует Великая княжна! (фр.)

³ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 2 октября 1896 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2324. Л. 54.

⁴ Marmouget (M.) Op. cit. P. 34.

⁵ Marmouget (M.) Op. cit. P. 34.

⁶ Marmouget (M.) Op. cit. P. 35.

⁷ Marmouget (M.) Op. cit. P. 36.

⁸ МАЕ, Papiers Hanotaux, 189, correspondence.

Сразу же по прибытии Государь посетил богослужение в парижском православном соборе Святого благоверного великого Князя Александра Невского на улице Дарю. 25 сентября император и императрица в сопровождении французского президента осматривали достопримечательности французской столицы (собор Парижской Божией Матери, Лувр, Санте-Шапель, могилы Наполеона и Луи Пастера). В 14 ч. дня Государь и президент Фор заложили первый камень в основание моста Александра III, который и по сей день является самым красивым мостом Парижа. После осмотра города царская чета посетила торжественное заседание французской Академии наук, на котором присутствовали 23 академика. Академик Эрнест Легуве в приветственном слове напомнил, что 200 лет назад в работах Академии принял участие император Пётр Великий. *«Посещение Петра Великого, — сказал Легуве, — связано с посещением Ваших Величеств. Позвольте же нам праздновать сегодня двухсотлетие сердечной дружбы Франции и России»*¹. Другой академик, известный французский поэт Франсуа Коппе, прочёл царю и царице своё приветствие в стихах².

25 сентября/7 октября 1896 г. в честь царя и царицы президент Франции дал торжественный обед в Париже. Поднимая тост, император Николай II по-французски сказал: *«Я глубоко тронут приёмом, оказанным императрице и мне в этом великом городе Париже, источнике гениальности, тонкого вкуса и столь великого света. Верный незабвенным традициям, я прибыл во Францию приветствовать Вас, господин президент, главу нации, с которой нас соединяют столь ценные узы. Эта дружба своею устойчивостью может оказать только самое благодетельное влияние. Я Вас прошу, господин Президент, передать эти чувства всей Франции»*³.

На следующий день в Версале состоялась встреча Государя с Феликсом Фором и Габриэлем Ганото, во время которой француз-

---

¹ Правительственный вестник. 25 сентября 1896 г.

² Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 2 октября 1896 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2324. Л. 57.

³ Полное собрание речей императора Николая II. 1894—1906. С. 11.

ская сторона попыталась убедить Россию принять французские правила игры на Ближнем Востоке.

Для Франции, как и для Российской империи, Ближний Восток являлся зоной жизненно важных интересов. На Османскую империю приходилось 10% всего капитала, экспортируемого Францией. Для французской внешней торговли и банковского капитала первостепенной задачей было не допустить распада единого турецкого государства, чтобы сохранить и усилить экономические, да и политические позиции Франции в этом регионе. Поэтому Франция выступала за дальнейшее существование Османской империи, но под жёстким международным контролем, осуществлять который должен был совет «управления Оттоманского долга», где Парижу отводилась решающая роль.

Стремление сохранить Османскую империю проявляла и Россия, но по другим причинам. *«Россия и Франция, обе в очень высокой степени, заинтересованы в восточном вопросе, хотя и в различных сферах. Россия, как ближайшая соседка, заинтересована более на политической, территориальной и военно-морской почве. Вопрос о проливах для нее первостепенной важности. Франция, напротив, имеет материальные интересы; более 3 млрд французских денег. Без предварительной договоренности союзницы легко могут столкнуться, защищая свои интересы»*, — говорил французский посол в Стамбуле Ж. Камбон русскому послу А. И. Нелидову¹.

Получить господство над черноморскими проливами Россия должна была только от суверенной Турции, иначе проливы оказались бы под международным контролем, и у России появились бы серьезные соперники, прежде всего Англия. Поэтому Россия предпочитала иметь дело с пусть слабой, но суверенной Османской империей, а не с аморфными новообразованиями, созданными на её обломках. Санкт-Петербург был категорически против подчинения Османской империи «международному контролю» и всячески бойкотировал «управление Оттоманского долга», ибо международный контроль означал, что России придется делить сферу интересов в зоне проливов с другими государствами.

¹ АВП РИ. Фонд Канцелярии. 1896. Д. 27. Т. 1.

Однако во время беседы в Версале с Форм и Ганото Николай II неожиданно согласился ввести в комиссию «Оттоманского долга» русского представителя. *«Император много беседовал с Ганото в Версале, — рассказывал управляющий министерством иностранных дел Н. П. Шишкин графу В. Н. Ламздорфу, — он целиком одобряет расширение компетенции Управления оттоманского долга с введением туда русского представителя»*¹.

Некоторые современные исследователи полагают, что согласие царя стало следствием тонкой политики Ганото, который, *«расположив к себе августейшего собеседника, льстя его самолюбию»*, так сумел построить ход переговоров, что убедил его принять французский план². Однако представляется, что подобная оценка является поверхностной. Меньше всего решения Николая II зависели от «лести его самолюбию», от кого бы они ни исходили.

Скорее всего, причины царского согласия следует искать в его стремлении при помощи Франции завладеть проливами и не допустить господства Великобритании в комиссии «Оттоманского долга». При этом царь полагал, что, поддерживая французские интересы в Турции, он, в свою очередь, получит в лице Парижа противодействие Лондону, всегда стремившегося не допустить русского господства над проливами.

Восторженная встреча, устроенная царской четой парижанами, произвела на Государя большое впечатление. Покидая территорию Франции 28 сентября /10 октября 1896 г., царь направил президенту Фору телеграмму, в которой говорилось: *«В момент пересечения границы императрица и я выражаем Вам ещё раз, господин Президент, чувство глубокой признательности за оказанный нам теплый прием в Париже. Мы почувствовали биение сердца этой прекрасной страны — Франции, в её прекрасной столице. Воспоминания*

---

¹ Дневник Ламздорфа // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 46.

² Рыбачёнок И. С. *Россия и Франция: союз интересов и союз сердец. 1891–1897. Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню.* — М.: РОССПЭН, 2004. С. 131.

от этих нескольких дней, проведённых среди вас, останутся навсегда в моём сердце. Я прошу Вас, господин Президент, содействовать передать мои чувства всей Франции»¹.

Встреча Николая II и Феликса Фора в Петергофе. (11/23 — 14/26 августа 1896 г.)

Официальный визит Николая II в Париж открыл череду встреч на высшем уровне между главами Франции и России. Этот период продолжался с 1896 по 1903 г. и являлся наиболее плодотворным в истории франко-русского союза.

Переговоры о согласовании времени визита французского президента начались в мае 1897 г. 10/22 июня 1897 г. император Николай II направил президенту Фору собственноручное письмо, в котором приглашал Фора посетить Россию. Царь заверял Фора в той радости, с какой его визит будет встречен всей Россией².

Письмо Государя, прочитанное вслух Фором перед членами правительства и депутатами парламента, произвело на них большое впечатление. Посол России во Франции А. П. Моренгейм сообщал министру иностранных дел М. Н. Муравьеву: *«Впечатление, произведённое письмом, которое Его Величество Император содействовала собственноручно написать господину Президенту Республики, было настолько сильным, что его значение могло быть оценено лишь на месте. Оно пришло в Париж в тот день, когда в Елисейском (так!) дворце был garden party³. Господин Феликс Фор, ознакомившись с его содержанием, тотчас сообщил мне о письме, переполненными сильными, и я осмелюсь сказать, заразительными эмоциями, цитируя по памяти его содержание и выделяя некоторые фразы и обороты, особенно ему лестные, а также и те, в которых Его Величество упоминал о всей России. [...] Эффект от письма был не менее*

¹ L'Empereur Nicolas II au Président F. Faure. 10 oct. 1896 // AN. 473 AP 1/12. Dossier 5 Russie (1894—1896). P. 305.

² Николай II — президенту Ф. Фору. 22 июня 1897 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 54. Л. 1.

³ Большой приём в саду.

внезапным и удивительным и распространился по всей стране с быстротой молнии»¹.

Предстоящий визит Фора в Петербург рассматривался в Париже как дело чрезвычайной важности. На обеспечение визита был выделен кредит в 500 тыс. франков, причём этот кредит был принят в Палате депутатов подавляющим числом голосов: 449 депутатов против 29. «Против» голосовали только левые. Их лидер Ж. Жорес назвал возникший союз *«обычной махинацией правительства, осуществляемой в интересах реакционеров»².*

6/18 августа 1897 г. президент Фор отбыл из Дюнкерка на крейсере *Pothuau* в сопровождении эскадры французского Северного флота. По распоряжению Николая II, в знак особого почёта, французского президента сопровождал русский военный агент во Франции барон Л. А. Фредерикс³. 11/23 августа 1897 г. эскадра вошла в порт Кронштадта, где она была встречена эскадрой Балтийского флота.

Накануне приезда Фора Петергоф посетили Вильгельм II и императрица Августа-Виктория. Согласно протоколу встречи царствующих особ, Государь и Александра Фёдоровна лично ездили в Кронштадт встречать германскую императорскую чету, в то время как члены династии и официальные лица ожидали кайзера на Петергофской пристани. Когда же через несколько дней в Кронштадт прибыл французский военный корабль с президентом Фором, многие полагали, что царь и царица не поедут встречать президента в Кронштадт, а будут ждать его со всей свитой в Петергофе, так как *«не дело царя оказывать Фору такие же почести, как императору Вильгельму»⁴.*

Однако *«оказалось, что разговоры эти лишены оснований»*, Николай II и царица лично встретили Фора и вместе с ним прибыли на яхте в Петергоф. В этом поступке императора проявилось

---

¹ АВП РИ. Фонд Канцелярии. Оп. 470. Д. 86.

² *Petite République*, 1897, 4 septembre.

³ АВП РИ. Ф. Канцелярии. Оп. 470. Д. 86.

⁴ Дневник великого князя Константина Константиновича. Запись за 11 августа 1897 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 44. Л. 78.

не только и не столько желание проявить равное отношение к Франции и к Германии, сколько желание подчеркнуть взаимопонимание и доверие, установившееся между царём и президентом. В своём дневнике Николай II называл главу Франции «*добрым Фором*». Такого эпитета сдержанный на оценки император не удостоил ни одного другого французского президента.

Прекрасно образованный, изысканно воспитанный, Феликс Фор восстановил в этикете III Республики многие внешние проявления монархического прошлого. Сам Фор явно не был чужд роялистских симпатий, что, впрочем, не мешало ему состоять в масонской ложе «Амените»¹. Во Франции его даже сравнивали с Людовиком XIV («Королём-Солнцем») и называли *Président-Soleil* («Президент-Солнце»).

Во внутренней политике Фор тяготел к правым партиям и открыто недолюбливал социалистов. Он придавал важное значение франко-русскому сближению. Готовясь к своему визиту в Россию, президент серьёзно занялся изучением русского языка, в чём весьма преуспел (Фор практически свободно читал газеты и понимал русскую речь, но устно объяснялся плохо).

Великий князь Константин Константинович писал: «*Царь чувствовал себя с Фором гораздо легче, чем с обоими императорами*»²³.

От визита Фора в Петербург правящие круги Франции и России ждали новых подвижений в укреплении союза между двумя государствами. Николай II, помимо военной и политической составляющей, рассчитывал добиться от Франции новых кредитов, необходимых для модернизации русской экономики и начавшейся денежной реформы.

В честь царской четы французской стороной был устроен торжественный обед, на котором, согласно дипломатическому протоколу, произносились тосты. Им французская сторона придавала большое значение. Ещё в ходе подготовки визита президента в

¹ Braibant Charles. *Félix Faure à l'Élysée*. — Paris : Hachette, 1963. P. 21.

² Германским и австро-венгерским.

³ Дневник великого князя Константина Константиновича. Запись за 11 августа 1897 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 44. Л. 81.

Россию со стороны французских правящих кругов неоднократно высказывалось пожелание, чтобы речи лидеров обоих государств были проникнуты не просто тёплыми чувствами, но и открытым заявлением о союзническом характере двусторонних отношений Франции и России. Посол Франции в России Г. де Монтебелло обратился к М. Н. Муравьеву с просьбой сообщить ему заранее содержание тостов для конфиденциальной передачи их в Париж. Эта просьба была частично удовлетворена русской стороной¹.

Французы сочли тексты русских тостов «слишком холодными», о чём министр иностранных дел Франции Габриель Ганото сообщил своему русскому коллеге М. Н. Муравьеву. Ганото предложил употребить в текстах тостов определение «*дружественные и союзные нации*»². Николай II согласился с этим предложением. Во время обеда на *Pothuau* президент и император в своих тостах открыто заявили о союзе двух государств. Президент Ф. Фор сказал: «*Французский и русский флоты могут гордиться тем участием, которое они приняли с первых же дней великих событий, породивших сердечную дружбу двух великих наций. Они соединили протянутые друг другу руки и позволили двум дружественным и союзным нациям, следующим идеалам права и справедливости, объединиться по-братски в самом искреннем и самом верном чувстве*»³.

Ответный тост императора Николая II, хотя и более краткий, был исполнен того же содержания: «*Произнесённые в мой адрес слова, господин Президент, нашли живой отклик в моём сердце и в полной мере отвечают чувствам, охватившим меня и Россию. Я счастлив, что Ваше пребывание среди нас создаёт новые узы между нашими дружественными и союзными нациями, решившими в равной степе-*

---

¹ Рыбачёнок И. С. *Русско-французский союз в тостах* // Россия и Франция XVIII–XX веков. La Russie et la France XVIII-ème-XX-ème siècles. Volume 2, Moscou 1998. С. 180

² Hanotaux (Gabriel). *Voyage de M. Félix Faure en Russie (18–31 août 1897)* // Revue histoire diplomatique, 1966.

³ Тост президента Ф. Фора, произнесённый за завтраком на борту «Потюо». 14/26 августа 1897 г. // АВП РИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1897 г. Д. 42. Л. 298.

ни содействовать всеми своими силами сохранению всеобщего мира в духе законности и справедливости»¹.

Примечательно, что если Фор говорил о «идеалах права и справедливости», которыми следуют союзные нации, то Николай II выдвигал главной задачей «сохранение всеобщего мира».

Ещё одним подтверждением союзническим отношениям стал большой парад русской императорской гвардии в Красном Селе в присутствии царя и президента. Всего в параде приняли участие 52 000 человек.

От имени императора Николая II Феликсу Фору был преподнесён большой бронзовый бюст Петра Великого. С этим бюстом впоследствии произошла занимательная история. В 1907 г. великий князь Николай Михайлович купил в Париже понравившийся ему бюст императора Петра Великого и подарил его Государю. Вскоре великий князь получил ответное письмо от императора. В своем письме Николай II сообщал, что, когда он показал бюст *«графу Бенкендорфу и князю А. С. Долгорукому, то они оба признали в нём собственный мой подарок президенту Фору, в бытность его в Петербурге в 1897 году. Князь Долгорукий добавил, что он сам нашёл этот предмет в Петербурге и тогда же, показав его мне, посоветовал подарить французскому гостю, что я и сделал! Тогда его цена была 600 рублей. При таких условиях, ты поймёшь, что я отказываюсь от приобретения собственного подарка»².*

Визит президента Фора в Россию стал важным этапом превращения секретной русско-французской военной конвенции в открытый военно-политический союз двух государств. Император Николай II очень высоко оценил итоги визита французского президента. 15 августа 1897 г. он писал вдовствующей императрице Марии Фёдоровне: *«Пишу тебе под сильным французским впечатлением вчера ушедшего Фора. Всё прошло, слава Богу, благополучно,*

¹ Тост императора Николая II, произнесённый за завтраком на борту «Потюю». 14/26 августа 1897 г. // АВП РИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1897 г. Д. 42. Л. 293.

² Император Николай II — великому князю Николаю Михайловичу. 7 января 1907 г. // ГА РФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 197. Л. 6.

и лучшего, мне кажется желать нельзя было. Последние четыре дня прошли так скоро и гладко, что не чувствовалось присутствие гостя, а казалось, что у нас живёт старый знакомый. Фор чрезвычайно понравился всему семейству. [...] Он держал себя с таким тактом, так любезно принимал всех представлявшихся ему, интересовался всем и знал всё, что ему нужно было знать. Он оставил во всех прекрасное впечатление»¹.

Таковыми же чувствами исполнены и строки из дневника великого князя Константина Константиновича, касающиеся французского президента: «У нас Фор всем очень понравился. Держит себя совсем просто, но с большим достоинством, изыскано любезен, у него много непринуждённости»².

Большую роль в укреплении франко-русского союза сыграл Луи-Густав Ланн маркиз де Монтебелло. Несмотря на то, что Монтебелло происходил из наполеоновского дворянства и приходился внуком маршалу Ланну, он сумел построить хорошие отношения как с императором Александром III, так и с императором Николаем II. Государь писал Фору, что он рад видеть в лице французского посла человека, к которому «испытывает доверие и уважение»³.

Визиту в Россию было суждено стать последним в жизни президента Феликса Фора: он скоропостижно скончался 4/16 февраля 1899 г. Новым президентом Франции был избран умеренный республиканец Эмиль Лубе.

Россия и Франция против Англии

Наступал XX в. В первые же годы нового века обнаружилось заметные изменения в направленности русско-французского со-

---

¹ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 15 августа 1897 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2320. Л. 21.

² Дневник великого князя Константина Константиновича. Запись за 11 августа 1897 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 44. Л. 81.

³ L'Empereur Nicolas II au Président F. Faure. 8/20 janvier 1898 // AN Fonds Félix Faure 460 AP 8.

гласия. К концу XIX в. угроза большой войны в Европе казалась ушедшей на второй план. Между ведущими европейскими государствами шло активное соперничество в отдалённых от метрополий регионах: Ближнем Востоке, Африке и Азии. В этом соперничестве как для России, так и для Франции главным конкурентом была Англия. Франция сталкивалась с Англией на Ближнем Востоке и Африке, Россия — в Турции, в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Что касается Германии, то в конце XIX в. она не рассматривалась главным противником ни Францией, ни Россией. Франко-русские интересы не так уж противоречили германским, чтобы привести к войне. Война же с Англией казалась и французам, и русским вполне вероятной.

По мнению бельгийской исследовательницы Барбары Эмерсон, *«Россию и Францию объединяла не общая враждебность по отношению к Германии, а конкуренция с Великобританией за сферы влияния»*¹.

Английский историк А. Дж. Тейлор считает, что русско-французское соглашение *«имело чисто антианглийский, а вовсе не антинемецкий характер»*².

С середины 90-х гг. Англия начала испытывать серьёзные опасения политического одиночества. В отношениях с Францией наступил период взаимного недоверия, вызванного укреплением Англии в Египте и опасением Англии по поводу преобладания Франции в Марокко, с возникавшей вследствие этого угрозой Гибралтару. Продвижение России на Дальний Восток и занятие ею в 1897 г. Порт-Артура содействовало усилению неприязни Англии к России. Ухудшились и отношения с Германией, особенно поддержки ею на словах Крюгера, президента Африканского Трансвааля, с которым Англия вела войну в конце XIX — начале XX в.³

В 1898 г. между Францией и Англией едва не вспыхнула война из-за присоединения французами небольшой области Фашо-

¹ Эмерсон Б. *Великобритания и франко-русский союз.*

² Taylor (A.-J.-P.) *The Second World War.* — L.: Hamish Hamilton, 1975.

³ Фейгина Л. *Бьоркское соглашение. Из истории русско-германских соглашений.* — М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1928. С. 11.

да в английском Судане. Суть конфликта заключалась в том, что в июле 1898 г. небольшой французский отряд под командованием капитана Ж.-Б. Маршана захватил селение Фашода на Верхнем Ниле в Судане. Своим хорошим отношением, раздачей оружия, пищи, алкоголя и материалов Маршан сумел расположить к себе местных африканских вождей¹. Местные жители, тяготившиеся английской колонизацией, приветствовали французов как избавителей. Великобритания потребовала немедленно вывести французские войска, на что Франция ответила отказом. Таким образом, Англия и Франция оказались на волосок от войны.

В этих условиях в октябре 1898 г. в Париж прибыл М. Н. Муравьев. В разговоре с ним президент Фор заявил, что Англия в Африке является таким же врагом Франции, каким она является для России на Дальнем Востоке. «Мы, — заявил Фор, — должны руководствоваться этим сознанием в нашей политике»². Министр иностранных дел Франции Теофиль Делькассе напрямую спросил М. Н. Муравьева, какую позицию займет русское правительство в случае англо-французской войны. Тот же вопрос был задан военным министром Франции Шарлем Шануаном своему русскому коллеге генералу А. Н. Куропаткину, находившемуся в Париже почти одновременно с М. Н. Муравьевым. Кроме того, французская сторона поставила перед Куропаткиным вопрос о желательности внесения изменения и дополнения в военную конвенцию, включив в неё положения о совместных действиях России и Франции на случай войны с Англией.

Император Николай II положительно отнёсся к возможности предания франко-русской военной конвенции антианглийской направленности. Эта позиция императора определялась не его англофобией, а той опасностью, какую представляла Англия для России. Русский посол в Лондоне барон де Стааль писал Государю, что в английских правящих кругах «считают момент бла-

---

¹ Wesseling (Henri). *La partage de l'Afrique 1880–1914*. Traduit du néerlandais. — Denoël, 1996.

² AN 460 AP 8 Fond Félix Faure, Affaires étrangères (1893–1899).

госприятным для войны с Францией и, быть может, с Россией из-за Китая»¹.

Муравьев и Куропаткин заверили Делькассе в готовности России оказать Франции военную помощь. Муравьев заявил, что *«императорское правительство готово идти вместе с Францией и согласовывать свою позицию с французской»².*

6 декабря 1898 г. генерал А. Н. Куропаткин представил Государю доклад о мерах по приведению в состояние боевой готовности войск Туркестанского и Приамурских округов, Закаспийской области и Квантунского полуострова. Николай II одобрил эти меры, написав резолюцию на докладе: *«Некоторые видимые приготовления с нашей стороны, по-моему, были бы совсем не бесполезны. Почему Англия одна имеет право так дерзко вооружаться среди всеобщего мира»³?*

Однако во французском правительстве всё больше брала верх линия министра иностранных дел Делькассе, убежденного сторонника франко-английского сближения. Свою позицию он изложил в письме президенту Лубе. Делькассе утверждал, что главным врагом Франции является Германия и что опасность агрессии с её стороны не миновала. Исходя из этого, Делькассе предлагал всемерное усиление военной мощи Франции, расширение её международных связей и расширение колониальной империи⁴. Он не раз заявлял, что *«не хотел бы покинуть свой пост до тех пор, пока не создаст союза с Англией»⁵.*

Кроме того, у Делькассе были и объективные причины про-

¹ Гостенков П. А. *Франко-русский союз и несостоявшаяся морская война с Англией* // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта: Материалы Третьих международных научных чтений «Мир и война: море и суша». СПб.; Кронштадт. 21–24 октября 2007 г. — М.; СПб., 2007. С. 172.

² DDF. 1 série. Paris 1957. V. XIV. P. 542.

³ Доклад генерала Куропаткина императору Николаю II // РГВИА. Ф. 165. Оп.1. Д. 3564. Л. 3.

⁴ DDF. V. XV. №255.

⁵ Pinon F. *France et Allemagne*. — Paris 1913.

тивиться военному столкновению с Англией. В Судане Франция серьёзно уступала Англии в силах: против 20 тыс. хорошо вооруженных англичан противостояло всего 100 с лишним французов¹. Помощь России в Афганистане тоже представлялась французам весьма сомнительной. Для ведения успешных боевых действий против англичан в Афганистане и Индии России понадобилась бы 250-тысячная армия. Между тем Россия не обладала в этом регионе достаточным количеством железных дорог. Для финансирования постройки дополнительной железной дороги к границам Афганистана у русского правительства не хватало средств².

Во время своей встречи с М. Н. Муравьевым Делькассе не стал обсуждать детали возможной войны с Англией. Как сообщал сам Муравьев в докладе императору Николаю II, французский министр *«объявил, что он ни в коем случае не намерен ставить вопрос о Фашоде на почву нынешнего общеевропейского положения, а что скорее думает придать ему чисто колониальный характер»*³.

Эта позиция правительства Делькассе не могла не вызвать сомнений у Николая II относительно французских военных приготовлений против Англии и готовности Франции вступить с ней в войну. Тем более что в памяти правящих кругов России был свеж фактический отказ французов поддержать Россию в её устремлениях занять черноморские проливы в 1887 г. и в попытке Франции договориться с Англией о контроле над Турцией без России.

Исходя из этого Николай II решил ограничиться только заверениями о своей готовности помочь Франции. 18 января 1899 г. во время аудиенции, данной им французскому послу Монтебелло, император сказал: *«Вы можете заверить Президента, что наш союз выше всяких интриг. Ситуация ещё очень тревожная, но я считаю, что сегодня Англия не имеет стремления начинать войну. Это стремление присутствовало во время событий вокруг Фашода. Она*

---

¹ British Documents. Vol. 1. № 193–194.

² Гостенков П. А. *Франко-русский союз и несостоявшаяся морская война с Англией*. С. 172.

³ Докладная записка М. Н. Муравьева императору Николаю II от 17 октября 1898 г. // АВПРИ. Фонд «Секретный архив». Д. № 155/1606.

настолько демонстрировала тогда своё стремление к войне, что нам пришлось предпринять предупредительные меры»¹.

В августе 1899 г. Государь предложил президенту Лубе привлечь к русско-французскому союзу Испанию, чтобы «не толкать её в объятия Англии»². Испания находилась тогда в тяжёлом положении после проигранной войны с Северно-Американскими Соединёнными Штатами, как тогда назывались США. Привлечение Испании в русско-французский союз стало бы несомненным укреплением сдерживающих начал в отношении Англии. Но это предложение царя не было услышано французскими правящими кругами.

Тем временем доклады русской военной разведки начала XX в. заставляют относиться с достаточной серьёзностью к возможным военным действиям французских сил против Британии. В феврале 1902 г. военный агент полковник В. П. Лазарев доносил в Петербург из Парижа: «В настоящее время во французском Главном штабе вполне закончен проект десанта в пределы Великобритании. План десанта основан на идее внезапности, дабы лишить англичан возможности сосредоточить сильную эскадру в Ла-Манше. [...] Не могу не отметить весьма любопытного явления, замеченного мной в отношениях армии к Англии: к этой стране враждебные чувства французов несравненно более развиты, чем даже к Германии, которая ещё так недавно захватила после победоносной войны две лучшие провинции Франции»³.

Первый кризис франко-русского союза

В мае 1898 г. Николай II в беседе с Монтебелло высказал свои опасения по поводу предстоящих выборов во Франции. «Импера-

¹ L.-G. de Montebello à T. Delcassé. 18 janvier 1899 // DDF. 1-ère série. T. 15. P. 41.

² M. Bompard à T. Delcassé. 28 fevr. 1903 // AN Fond Emile Loubet. 473 1/12 Dossier 5 Russie. P. 177.

³ Донесение полковника В. П. Лазарева // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6539. Л. 56.

тор, — докладывал Монтебелло Фору, — проявил очевидное беспокойство возможными последствиями новых выборов, выразив желание видеть политику нашего правительства такой же, какую оно проводит сейчас, умеренную и одновременно твёрдую, уже снискавшую доверие всей Европы»¹.

Опасения Государя по поводу изменения французской политики подтвердились после формирования в июне 1899 г. кабинета Пьера-Мари Вальдека-Руссо, в который вошли два министра-социалиста. При новом кабинете всё ожесточеннее становился тон левой печати, крайне враждебный самодержавному строю в России. Это обстоятельство, а также внутренняя нестабильность во Франции, неуверенность в боеспособности французских вооруженных сил приводили русские правящие круги к сомнениям относительно будущего франко-русского союза.

Государственный советник Неклюдов писал: «В июне 1899 г., с приходом к власти кабинета г. Вальдек-Руссо, Французская республика вступила на новый путь политической эволюции. Бешеная борьба, которая ей предшествовала, вопрос дела Дрейфуса завершилась полной победой масонского влияния и радикальных партий. Блок «радикальных социалистов» представляет большинство в парламенте»².

Настроения части русской правящей элиты были не всегда в пользу Франции. У целого ряда руководящих сотрудников министерства иностранных дел превалировала мысль, что союз этот выгоден в первую очередь Франции, а для России является ненужной обузой. От русских военных агентов из Франции поступала в целом негативная информация о состоянии французских вооруженных сил. Это состояние напрямую увязывалось с внутренней политикой III Республики. Как можно увидеть из донесений военного агента полковника В. П. Лазарева, французская армия была сознательно деморализована правящим режимом, которому всюду чудилась «опасность реакции» и который боялся,

¹ L. Montebello au Président F. Faure. 30 Mai 1898 // AN Fond Félix Faure 460 AP 8.

² Un livre noir. Diplomatie d'avant-guerre d'après les documents des archives russes. — Paris, s/d. T. 1. P. 1.

что в случае войны честолюбивый генералитет может взять власть в свои руки¹.

По мнению другого военного агента, графа Г. И. Ностица, решающую роль в развале французской армии сыграло дело капитана А. Дрейфуса. *«Так как союз с Россией, — писал Ностиц, — в значительной степени ослабил грозный призрак новой франко-германской войны, то это побудило врагов армии начать печальную кампанию для “демократизации” славной французской армии»*².

Весьма скептически оценивали военные агенты настроения французского генералитета. Агент В. В. Муравьёв-Апостол писал о военном министре генерале Г. Галифе, что он выглядит намного старше своего семидесятилетнего возраста, *«волочит левую ногу, руки дрожат, очень болтлив, находится в запутанных денежных обстоятельствах. Говорил со мной о деле Дрейфуса, военном шпионстве, об изменении формы кавалерии, перешел затем на свое личное положение, причем распространился о непрочности вообще министров во Франции и провёл параллель с Англией в пользу последней»*³.

В последний год XIX столетия императорское правительство пыталось найти политические решения, не связывая себя обязательствами союза с Францией. Попытки России договориться с Германией о разграничении сфер интересов, а также угроза распада дряхлеющей Австро-Венгерской империи угрожали развалом Тройственного союза. Распад же Тройственного союза означал бы конец и франко-русского союза, так как, согласно заключённой в 1891 г. конвенции, франко-русский союз был ограничен сроком существования союза Германии, Австро-Венгрии и Италии.

Существенные противоречия между Францией и Россией обозначались в ближневосточном вопросе. Немалую, хотя до сих пор неисследованную, роль в углублении этих противоречий сыграл

¹ Донесение военного агента полковника В. П. Лазарева // РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 209. Л. 25.

² Донесение военного агента графа Н. И. Ностица // РГВИА. Ф. 440. Оп. 2. Д. 480.

³ Донесение военного агента В. В. Муравьёва-Апостола // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 420.

рост прорусских симпатий среди христиан ближневосточных колоний Франции. 13 января 1899 г. Монтебелло с тревогой докладывал Делькассе: *«В Бейруте справляют праздник в честь русского императора. В Сирии всё больше набирает обороты православная пропаганда. Россия распространяет своё влияние по всему Востоку»*¹.

Охлаждение русско-французских отношений выразилось в отказе императора Николая II посетить Всемирную выставку в Париже и участвовать в открытии моста Александра III. Помимо политической составляющей, этот отказ был вызван еще и тем, что в последние месяцы работы выставки Государь тяжело заболел.

Загадочная болезнь императора Николая II

Будучи в Дании весной 1899 г., Николай II принял полномочного посланника Франции в Копенгагене Ж.-Ж. Жюссерана. После встречи Жюссеран в своём письме Т. Делькассе сообщал, что накануне *«прошёл слух, что Император болен, не способен заниматься никакими делами, поддерживать какую-либо дискуссию. Он подписывает бумаги, их не читая, и уже рассматривают возможность регентства Великого князя Михаила, председателя Государственного совета. В прессе появились статьи на тему “антагонизма между Императором Николаем II и Вдовствующей Императрицей”. Говорят, что существует дворцовый заговор под влиянием реакционной партии, имеющей целью возведение на престол брата Императора»*².

Жюссеран заканчивал свое письмо полным опровержением этих слухов: *«Новость эта полностью ложная. Император, наоборот, произвёл на меня впечатление человека, находящегося в самом добром здравии»*³.

Вся эта история так и могла бы остаться очередным нелепым слухом, если бы спустя полтора года, в октябре/ноябре 1900 г., Государь, находясь в Ливадии, действительно не заболел. Заболел

---

¹ L.-G. de Montebello à T. Delcassé. 13 janvier 1899 // DDF. 1-ère série. T. 15. P. 43.

² J. Jusserand à T. Delcassé // DDF. 1-ère série. T. 16. P. 195.

³ J. Jusserand à T. Delcassé // DDF. 1-ère série. T. 16. P. 196.

тяжело. Причём обстоятельства, окружавшие эту болезнь, удивительным образом были похожи на те, о каких писал французский посланник. Вечером 25 октября 1900 г. Государь почувствовал себя плохо. 30 октября врачи диагностировали, как тогда говорили, «инфлюэнцу», то есть грипп¹. На вопрос, адресованный Г. И. Гиршу, не тифом ли заболел Государь, Гирш категорически ответил, что нет. Другой же врач, С. П. Тихонов, уже 31 октября стал категорически заявлять, что Государь болен тифом. Гирс был поражён, что «вдруг из инфлюэнцы сделался тиф»².

С. Ю. Витте настаивал на консилиуме, для чего по его рекомендации был вызван из Санкт-Петербурга профессор военно-медицинской академии П. М. Попов. «По диагнозу этого профессора, — пишет Витте, — оказалось, что Государь Император болен брюшным тифом»³. Витте утверждал, что он был вынужден пригласить врача из Петербурга, так как Государь «по своему обыкновению не желал серьёзно лечиться», а «лейб-медик царя старик Гирш, если что и знал, то наверное всё позабыл»⁴.

Однако сводки Министерства Императорского двора, в которых ежедневно отмечалось течение болезни императора, опровергают рассказ Витте. Диагноз «брюшной тиф, с совершенно благополучным течением в настоящее время» был поставлен уже 1 ноября 1900 г. после взятого накануне анализа крови. Под этим диагнозом стоят две подписи: лейб-хирурга Г. И. Гирша и врача Тихонова⁵. Подписи профессора Попова ни под одним из сообщений нет. Если бы Попов действительно осматривал императора, а тем более ставил диагноз, то его подпись обязательно бы стояла.

Дневники императора Николая II ещё больше запутывают си-

¹ Отношения министра Императорского двора о болезни императора Николая II // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 238. Л. 2.

² Мейлунас А. Мироненко С. *Николай и Александра. Любовь и жизнь*. — М., 1998. С. 205.

³ Витте С. Ю. *Воспоминания*. Т. 1. С. 156.

⁴ Витте С. Ю. *Воспоминания*. Т. 1. С. 156.

⁵ Отношения министра Императорского двора о болезни императора Николая II // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 238. Л. 7.

туацию. Царь впервые почувствовал себя плохо 25 октября 1900 г. «Утром гулял нехотя, — писал он в дневнике в этот день, — т.к. чувствовал себя неважно»¹.

Запись за 26 октября гласит: «Вчерашнее недомогание не прошло, и я принуждён был остаться в постели. Сначала думали, что у меня инфлюэнца, но через несколько дней доктора решили, что у меня брюшной тиф, которым я проболел до 30 ноября»². Далее идёт запись за 30 ноября. Совершенно очевидно, что Николай II вторую часть записи за 26 октября написал уже после выздоровления. Возникает вопрос: почему царь ни одного дня в течение болезни не вёл свой дневник? Ведь, судя по истории болезни, изложенной в отношениях министерства Двора, она протекала в достаточно лёгкой форме. Например, в тот же день 1 ноября, когда был поставлен диагноз «брюшной тиф», состояние здоровья Государя описывается так: «Самочувствие хорошее. Голова свежая; силы вполне удовлетворительны»³. Такие же сведения о здоровье характерны и для других записей.

Но если отсутствие записей в дневнике ещё можно объяснить болезнью императора, то совершенно непонятно, почему стали активно распространяться слухи, что он чуть ли не при смерти? Причём их распространял определённый круг людей, центром которого был Витте. Именно он собрал у себя в Ялте практически весь кабинет министров. Единственный вопрос, который задали министры Витте, был: «Как поступить в том случае, если случится несчастье и Государь умрёт? Как поступить с престолонаследием?»⁴

Острота этого вопроса становится понятной, если учесть, что болезнь Николая II усугублялась династическим кризисом. В июне

---

¹ Дневник императора Николая II. Запись за 25 октября 1900 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 242. Л. 82.

² Дневник императора Николая II. Запись за 26 октября 1900 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 242. Л. 82.

³ Отношения министра Императорского двора о болезни императора Николая II // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 238. Л. 7.

⁴ Витте С. Ю., граф. *Воспоминания. Царствование Николая II*. Т. 1—2. — М.; Пг.: Государственное издательство, 1923. Т. 1. С. 157.

1899 г. при невыясненных обстоятельствах скончался наследник-цесаревич, брат императора Николая II, великий князь Георгий Александрович. Наследником престола был объявлен великий князь Михаил Александрович. Но в начале осени 1900 г. выяснилось, что императрица Александра Фёдоровна беременна.

В этих условиях С. Ю. Витте требовал, чтобы, в соответствии с законом о престолонаследии, престол в случае смерти императора перешёл бы к его брату, Великому князю Михаилу Александровичу. Но при этом возникал вопрос: что делать, если у императрицы родится мальчик? В этом случае престол должен был наследовать новорождённый сын императора, а правительницей государства должна была бы стать императрица Александра Фёдоровна. Однако к этому времени престол был бы уже занят Михаилом Александровичем.

По настоянию С. Ю. Витте собрали совет, на котором министр финансов заявил, что в истории не существует прецедента, ссылаясь на который можно было бы позволить императрице Александре Фёдоровне быть правительницей в течение нескольких месяцев на том шатком основании, что у неё может родиться мальчик. Витте категорически настаивал, что престол должен занять Великий князь Михаил Александрович, который к этому времени был под его сильным влиянием. Сам Великий князь Михаил Александрович приехал в Ливадию.

Интересно, что за несколько недель до болезни царя Витте по дороге на Парижскую всемирную выставку посетил Копенгаген. В Копенгагене он имел встречу с датским королём Христианом IX. В ходе беседы король почему-то поинтересовался мнением Витте о Великом князе Михаиле Александровиче. Витте ответил королю, что хорошо знает Великого князя, так как имеет честь и радость преподавать ему, но что ему трудно несколькими словами обрисовать его личность. Однако Христиан IX настаивал, и тогда Витте спросил короля: *«Ваше Величество, вы хорошо знаете моего державного повелителя императора Николая»?* Король ответил: *«Да, я его хорошо знаю»*. Витте выразил тогда уверенность, что король хорошо знал и императора Александра III, на что получил утвердительный ответ. Тогда Витте сказал: *«Так я приблизительно в*

самых таких общих контурах, чтобы определить личность Михаила Александровича, сказал бы так, что император Николай есть сын своей матери и по своему характеру и по натуре, а Михаил Александрович есть больше сын своего отца»¹.

Как утверждает сам Витте, король Христиан при этих словах рассмеялся. Если Витте и не придумал этот диалог, то он сказал неправду королю. По своему характеру Великий князь Михаил Александрович был вовсе не похож на отца. Он обладал слабой волей и легко поддавался чужим влияниям. Но интересно ещё и другое: зачем было Витте убеждать Христиана IX в сильной воле Михаила Александровича и подчёркивать, что характер он унаследовал от своего отца? Не намекал ли Витте на то, что подлинным наследником дела Александра III является его сын Михаил, а не царствующий император? Являлось ли совпадением то, что разговор этот состоялся примерно за месяц до того, как Витте прочил Великого князя в императоры при живом Николае II?

Через четыре года после болезни царя, в разгар русско-японской войны, рейхсканцлер Германии Б. фон Бюлов говорил кайзеру, что немедленное заключение мира могло бы привести к убийству императора Николая II и провозглашению регентства Великого князя Михаила Александровича при деятельном участии Витте, а это, в свою очередь, легко могло бы кончиться превращением монархии в республику².

Что происходило в Ливадии осенью 1900 г., до сих пор точно неизвестно, но удивительная энергия, которую в те дни проявил С. Ю. Витте, заставляет задуматься относительно его намерений. Косвенно это подтверждается тем, что во время болезни Государя императрица установила за ним круглосуточное дежурство, не допуская к нему посторонних людей и лично контролируя лечение. Все назначаемые лекарства давались Государю только в присутствии императрицы. По приказу Николая II *«все важнейшие телеграфные известия доставлялись Государыне Императрице Алексан-*

¹ Витте С. Ю., граф. *Воспоминания*. Т. 1. С. 154.

² Романов Б. А. *Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895—1907)*. — М; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947. С. 368.

дре Фёдоровне для прочтения Его Императорским Величеством»¹. Николай II писал про жену, что во время болезни она была его «ангелом-хранителем и следила за мной лучше, чем всякая сестра милосердия»².

Возможно, Государыня располагала какими-то сведениями и полагала, что император отравлен или что его хотят отравить. Через месяц император выздоровел, и ситуация разрешилась. Однако после болезни царь всерьёз задумался о возможности изменения закона о престолонаследии с тем, чтобы в случае его кончины престол наследовала бы Великая княжна Ольга Николаевна.

Изменения во франко-русской конвенции и углубление союза

Охлаждение отношений с Россией было чревато для Франции опасным поворотом событий. Возможный распад Тройственного союза не устранял опасности со стороны Германии. Став министром иностранных дел, Т. Делькассе не мог не видеть этого. Став хозяином кабинета на набережной д'Орсе, с первых же дней Делькассе стремился придать новый импульс русско-французскому союзу. Он боялся распада Австро-Венгрии, который в те годы представлялся европейским политическим деятелям весьма вероятным. *«Что будет, — вопрошал Делькассе в письме к президенту Лубе, — если умрёт император Франц-Иосиф, который в настоящее время представляется единственной объединяющей силой между соперничающими и даже враждебными расами; что, если Австрии будет угрожать разложение? Что другое может в большей мере подорвать всеобщий мир и нарушить равновесие сил в Европе?»³*

Поэтому, развивал далее свою мысль Делькассе, следует изме-

¹ Отношения министра Императорского двора о болезни императора Николая II // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 238. Л. 9.

² Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 24 ноября 1900 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2326. Л. 90.

³ T. Delcassé au Président E. Loubet // DDF. 1-ère serie. T. XV. № 255.

нить условия русско-французской военной конвенции, сделав её независимой от существования Тройственного союза¹.

Для решения этого вопроса Делькассе отправился в Петербург, куда он прибыл 5 августа 1899 г. Между тем министр иностранных дел М. Н. Муравьев считал, что условия конвенции изменять не следует, так как это невыгодно России. Однако Николай II не согласился со своим министром. Царь полагал, что в случае распада франко-русского союза не только Франция, но и Россия рискует остаться в изоляции. Русское военное ведомство, которое возглавлял тогда генерал А. Н. Куропаткин, было хорошо осведомлено о росте могущества Германии. Она тогда опережала Россию и по темпам военного развития, и по темпам индустриализации. При этом русская мирная инициатива, предложенная на Гаагской конференции, не нашла одобрения европейского сообщества. Что касается Германии, то было очевидно, что она если и будет вступать с Россией в какой-либо союз, то только на тех условиях, какие выгодны ей одной, и что в Берлине с интересами России считаться особо не намерены.

В случае если бы русско-французский союз распался, Франция могла быть вынуждена пойти на соглашения с Германией, тем более что определенные попытки договориться с немцами Делькассе уже предпринимал в декабре 1898 г., когда Франции грозила война с Англией, а на действительную помощь России в Париже не рассчитывали. Тогда на предложения Делькассе о возможном франко-германском сближении поступил заносчивый прусский ответ: *«Франко-германское сближение станет возможным лишь тогда, когда слова “Эльзас и Лотарингия” исчезнут из словаря французских государственных деятелей и французской прессы»*².

В 1898 г. франко-германское сближение не состоялось. Но кто давал гарантию, что изолированная Франция не пойдет на уступки немцам и не подпишет с Германией соглашение? Тем более что во Франции были силы, которые стремились к сближению с Гер-

---

¹ T. Delcassé au Président E. Loubet // DDF. 1-ère serie. T. XV. № 255.

² Langer W. *The Diplomacy of Imperialism*. — N.-Y. 1951. P. 568.

манией и готовы были пойти на уступки. А если к Тройственному пакту примкнёт Англия? Тогда Россия окажется лицом к лицу с враждебной Европой, а это грозило непредвиденными опасностями. Николай II смотрел на проблему изменения военной конвенции с Францией гораздо шире, чем Муравьёв. Желание не допустить изоляции России, отвести от неё опасность большой европейской войны, сохранить Францию, крупную военную державу, как своего союзника — вот чем руководствовался Государь. 6 августа 1899 г. Николай II принял Делькассе и одобрил проект его декларации. Сам министр так писал в те дни: *«Его Величество соизволил мне заявить, что его собственные чувства совершенно совпадают со взглядами правительства республики»*¹.

В беседе с Делькассе царь согласился на обмен письмами с французской стороной, в которых вносились существенные поправки в военную конвенцию 1893 г. 9 августа 1899 года согласие императора было подтверждено Муравьёвым в письме в адрес Делькассе. *«Император соизволил уполномочить меня сделать Вам, господин министр, предложение об обмене письмами. [...] Они постановляют, что проект военной конвенции, который явился дополнением к дипломатическому соглашению, и будет иметь силу столько же времени, как и дипломатическое соглашение, заключенное в целях обеспечения общих и постоянных интересов обеих стран»*².

Изменения и дополнения сводились к следующему:

Во-первых, если в 1893 г. официальной целью договаривающихся сторон было провозглашено поддержание мира, то теперь добавлялась еще и вторая цель — поддержание *«равновесия сил в Европе»*. Это дополнение развязывало Франции и России руки в том случае, если бы Австро-Венгрия распалась, а Германия попыталась захватить часть её владений. Во-вторых, были изменены сроки действия конвенции. Если в варианте 1893 г. действия конвенции между Францией и Россией определялись существованием Тройственного союза, то теперь оно стало бессрочным. Следовательно, союзнические обязательства между Франци-

¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917 гг.

² Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917 гг.

ей и Россией отныне сохраняли свою силу даже в случае распада Австро-Венгрии и Тройственного союза.

Изменение условий конвенции привело к углублению русско-французского военного сотрудничества. Через год, 2 июля 1900 г., в Париже состоялось совещание начальников генеральных штабов России и Франции генералов А. Деллана и В. В. Сахарова¹. На нём обсуждались два главных вопроса: 1) согласование действий в случае распада Австро-Венгрии и попытки Германии присоединить к себе её территории; 2) программа соглашения по действиям в Азии и Африке².

Существенным дополнением в военную конвенцию 1893 г. стало распространение союзных обязательств России и Франции на случай войны с Англией. Правда, в этом случае обязательства распространялись не автоматически, как против Германии, а только при условии, что оба правительства приняли бы специальное решение *«об оказании взаимной помощи в возможной войне с Англией»*.

«Если Англия нападёт на Францию, — говорилось в протоколе, — то Россия в состоянии совершит тактическую диверсию в пользу Франции на границах Афганистана и Британской Индии». Россия, по этому соглашению, должна была выставить на границе с Афганистаном в течение 6 недель до 300—350 тысяч человек.

Если же Англия нападет на Россию, то *«Франция может произвести в пользу России диверсию путем концентрации на побережье Ла-Манша от 100 до 150 тысяч человек»*³.

Военное совещание в Париже сыграло большую роль в развитии русско-французского сотрудничества. Оно положило начало регулярным ежегодным встречам начальников штабов двух стран. В дальнейшем подобные совещания имели место ежегодно с 1901 по 1913 г., за исключением революционного 1905 г.

В апреле 1901 г. Делькассе был вновь принят в Царском Селе.

¹ SHAT. 1K 666. Procès-verbal de la rencontre des deux chefs d'état-major le 19 juin/2 juillet 1900.

² Военные соглашения России с иностранными государствами до войны. С. 43.

³ АВП РИ. Фонд «Секретный архив министра». Д. 373/380.

Он прибыл с секретной миссией для утверждения решений генеральных штабов обеих стран и решения вопроса о предоставлении России денежного займа для строительства стратегических железных дорог.

Таким образом, в начале XX в. военное сотрудничество России и Франции от деклараций о намерениях перешло к наполнению конкретной работой.

Второй визит Николая II во Францию (5/18—8/21 сентября 1901 г.)

Кайзеровская Германия никогда не отказывалась от своей главной стратегической цели: стать ведущей мировой державой. Поэтому Вильгельм II пользовался любой возможностью, чтобы ослабить или расколоть русско-французский союз. Почувствовав, что между Францией и Россией стало ощущаться некоторое охлаждение, Вильгельм II решил его усилить. 19 мая 1901 г., в день рождения Николая II, кайзер дал по этому случаю торжественный обед, местом которого был «случайно» выбран город Метц. В 1871 г. Метц в результате франко-прусской войны отошёл к Германии, и оставался в общественном сознании французского народа как оккупированная территория, так же как и Эльзас и Лотарингия. На этот праздничный обед кайзер пригласил русского посла в Берлине графа Н. Д. Остен-Сакена, что вызвало во Франции острое недовольство. Более того, кайзер передал императору Николаю II приглашение посетить в конце августа большие морские манёвры германского флота на Балтике.

Узнав об этом, французский посол Монтебелло отправил срочное письмо Делькассе. *«Германский император, — писал Монтебелло, — пригласил императора Николая II присутствовать на морских манёврах, которые будут иметь место на Балтике в конце августа. Это приглашение было принято»*¹.

Из сообщения посла Делькассе также узнал, что Государь в августе нанесёт визит в Данию и только затем, в начале сентября,

¹ MAE, NS Russie, vol. 35.

отбудет на германские манёвры с последующим посещением Дармштадта. В своем письме Монтебелло давал своему начальнику весьма смелый совет, который свидетельствовал о дипломатическом таланте французского посла: *«Нам самим следует пригласить императора на какие-нибудь манёвры, даже не очень значительные, чтобы не отдавать эту инициативу исключительно Германии. Послать морской дивизион в Копенгаген, куда император прибудет перед германскими манёврами, чтобы его приветствовать. Пригласить императора высадиться в одном из наших портов перед отъездом в Дармштадт, куда он должен проследовать осенью»*¹.

Делькассе согласился с Монтебелло, так как считал крайне желательным *«присутствие [царя] на французских манёврах рядом с Президентом Республики»*², особенно после «скандала в Метце» и возможности приезда Николая II на германские манёвры.

Французы решили пригласить императора на морской смотр, который совпадал с военными маневрами возле Реймса. Это значительно упрощало Николаю II путь до берегов Франции после завершения своего пребывания на немецких манёврах. Таким образом, царь после смотра французского флота смог бы высадиться в Дюнкерке и посетить парад армии в Реймсе. 8 августа 1901 г. президент Франции Лубе отправил Государю письмо, в котором сообщал о предстоящих манёврах около Реймса и приглашал на эти маневры царя. В своём пригласительном письме президент сообщал: *«Венцом больших манёвров станет 19 сентября близ Реймса смотр четырёх армейских корпусов. В том случае, если Ваше Величество решит выбрать морской путь, Вам, наверное, будет приятно проследовать мимо Северной эскадры, которая будет рада Вас приветствовать во французских водах»*³.

Ознакомившись с приглашением Лубе, Николай II решил его принять. Главная причина этого шага заключалась в верности им-

---

¹ MAE, Papiers Delcassé. Vol. XI. F. 55.

² Un Tsar à Compiègne Nicolas II. 1901. — Paris, 2001.

³ Президент Лубе — императору Николаю II. 8 августа 1901 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1283.

ператора проводимой им политике европейского равновесия, которая, по его мнению, была крайне важной для интересов России. Принимая и приглашение кайзера, и приглашение президента, царь давал понять, что Россия оставляет за собой свободу действий и не собирается использовать дипломатические союзные или дружественные договоры с обеими державами ни против Германии, ни против Франции.

Во Франции о согласии императора должны были узнать немедленно, не дожидаясь получения официального ответа на приглашение президента. 19 июля 1901 г. граф В. Н. Ламздорф направил послу Франции в России маркизу Монтебелло письмо, в котором сообщал, что *«после манёвров в Данциге, которые закончатся 1/14 сентября, император рассчитывает прямо отправиться во Францию, чтобы присутствовать на французских манёврах. Его Величество повелел мне сообщить Монтебелло, чтобы тот немедленно телеграфировал об этом в Париж, не дожидаясь официального ответа нашего Повелителя на письмо, которое господин Лубе направил Его Императорскому Величеству»*¹.

19 июля Монтебелло немедленно телеграфировал *«радостную весть в Париж, требуя соблюдения строжайшей тайны до получения Всемилостивейшего ответа»*².

Принимая приглашение Лубе посетить манёвры, Николай II одновременно выразил желание пробыть несколько дней на французской земле. Тем самым император смещал акцент своего пребывания во Францию с чисто военной плоскости. Идя навстречу пожеланиям высокого гостя, французская сторона предложила большую программу пребывания Государя, в которой кроме манёвров и смотра были предусмотрены посещения Реймского собора и театра, а также встречи с представителями различных общественных кругов. Программа Николаю II понравилась. Мон-

¹ Переписка министра иностранных дел с французским послом в России относительно предстоящей поездки императора Николая II во Францию. [на фр. яз.] // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 170. Л. 1.

² В. Н. Ламздорф — императору Николаю II // 19 июля 1901 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 170. Л. 1.

тебелло писал Делькассе: «Император согласен со всеми пунктами программы, которые вы предложили»¹.

14 августа 1901 г. царь официально принял приглашение Лубе. «Господин Президент! — писал Государь, — Наше первое пребывание во Франции оставило у нас с Императрицей слишком сильное чувство, чтобы отказаться от удовольствия ещё раз ощутить подлинное наслаждение от пребывания на французской земле. Нам будет столь же приятно присутствовать на больших манёврах близ Реймса после того, как, следуя морским путём, мы сможем восхищаться прекрасной Северной эскадрой. Меня особенно радует возможность еще раз засвидетельствовать надёжную прочность нашей дружбы, которая исключительно в мирных в целях объединяет оба наших союзных государства»².

Особенно следует обратить внимание на последнюю фразу письма, лишний раз свидетельствующую об оценке Государем характера франко-русского союза как исключительно оборонительного. Решение согласиться с предложением Лубе было принято Николаем II единолично. Как сообщал в Париж Монтебелло, «Император все решение принял сам, без всяких советов кого-либо»³.

Президент Эмиль Лубе высоко ценил царя как государственного деятеля. Уже не будучи президентом, Лубе писал: «О русском императоре говорят, что он доступен разным влияниям. Это глубоко неверно. Русский император сам проводит свои идеи. Он защищает их с постоянством и большой силой. У него есть зрело продуманные и тщательно выработанные планы. Над осуществлением их он трудится беспрестанно»⁴.

В конце августа 1901 г. император Николай II и императрица Александра Фёдоровна отбыли морским путём из Петергофа в Данию. 10 сентября они последовали из Копенгагена в Данциг, где их ждал император Вильгельм, чтобы присутствовать на маневрах германского флота.

---

¹ МАЕ, Papiers Delcassé, PA, 211, vol. XI, f. 55.

² AN. Fonds Emile Loubet, 473 AP 7.

³ Un Tsar à Compiègne.

⁴ Neue Freie Pressa, 1910 г.

Между тем Франция готовилась второй раз встречать русского царя. Резиденцией Государя и Государыни правительство республики выбрало красивый и уютный Компьенский замок, бывшую резиденцию Наполеона I. Т. Делькассе лично выбрал эту резиденцию и сообщал Л.-Г. де Монтебелло, что *«ничто так не подойдёт императору, как Компьен, с потрясающей обстановкой, полностью благоустроенный. Что касается свиты императора, то в Компьене имеются апартаменты для всех, и каждому будет хорошо у себя»*¹.

Европейская пресса, в том числе немецкая и австро-венгерская, спокойно восприняли предстоящий визит Николая II на военные манёвры во Францию. Таким образом, своим посещением морских манёвров в Германии и армейских маневров во Франции царь добился поставленной им цели: Россия воспринималась как страна, стремящаяся к общеевропейскому миру.

Однако во Франции со времён 1896 г. заметно усилилась антицарская пропаганда, авангардом которой были социалисты. Левые и масонские круги Франции усмотрели в сближении с самодержавной Россией опасность усиления роялистских реставрационных настроений в III Республике. В 1899 г. было сформировано новое правительство во главе с Пьером Вальдек-Руссо, в состав которого впервые вошли социалисты. Один из них, министр торговли А. Мильеран, был тесно и давно связан с русскими анархистскими группировками в Париже. На словах не выступая против русско-французского союза, Мильеран на деле всячески способствовал усилению антицарской и антирелигиозной пропаганды. Французская пресса всё чаще стала размещать на своих страницах негативные материалы, касающиеся императорской России.

В 1897 г. некоторые газеты распространяли всякие небылицы о жизни царской семьи. На первых порах это делалось тонко и осторожно, создавая отрицательный образ русской монархии не напрямую через личность Государя, а описывая якобы творящиеся на самом верху безобразия. Так, в январе 1897 г. американская газета *New York Herald*, издаваемая и в Париже, поместила на своих

¹ Т. Делькассе — Л.-Г. Монтебелло 4 августа 1901 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 170. Л. 1.

страницах заметку, которую затем перепечатали многие европейские газеты. Заметка называлась «*Часовой в Царском Селе застрелил по ошибке садовника*». Далее шло сообщение, что в парке Царского Села царь подозвал к себе «*садовника, занятого на работах. Тот поспешил повиноваться, но охранник, думая, что он бежит, чтобы напасть на императора, застрелил его. Его Величество был глубоко взволнован происшедшим*»¹. Сведения, изложенные в заметке, отнюдь не соответствовали действительности. Реакция императора Николая II была довольно жесткой. В своём письме В. Н. Ламздорфу он потребовал «*категорически опровергнуть в иностранных газетах печатаемые ими нелепые и вздорные слухи, вроде приложенной тут в New York Herald. То же самое появилось в маленькой Дармштадской газете*»². В 1897 г. подобные заметки в иностранной прессе были ещё в диковинку, но пройдёт каких-нибудь 10 лет, и император перестанет на них реагировать.

В 1901 г. в Париже стала выходить т. н. «юмористическая» газета, издаваемая Исааком Шварцем, *Assiette au beurre* («Тарелка с маслом»), которая представляла собой сборник политических карикатур, многие из которых изображали в самой циничной и отталкивающей форме Николая II и русскую армию. Темой ряда карикатур было физическое убийство царя. Газета, красочно изданная, выходила большими тиражами. На её страницах сотрудничали такие известные писатели, как Анатоль Франс и Октав Мирбо. Во французском обществе существовали расхожие представления о «варварской стране» России, с которой у Республики не могло быть ничего общего. С подачи радикальных социалистов союз с Россией в прессе всё чаще стали называть «*противоестественным альянсом*»³.

Антиклерикальная, а по существу богоборческая пропаганда набирала всё больший размах. Перед самым визитом Николая II

---

¹ A Gardener Shot Dead by Mistake by a Sentry at Tsarskoe Selo // New York Herald. 16 jan. 1897.

² Император Николай II — В. Н. Ламздорфу 8 января 1897 // ГА РФ. Ф. 568. Оп.1. Д. 661. Л. 12.

³ Un Tsar à Compiègne.

в Дюнкерк, 26 августа 1901 г., им было получено письмо от некоей француженки Луизы Бельма, в котором та предостерегала русского царя как «главу наиболее уважаемого и цивилизованного государства» от посещения Франции, где у власти стоят «бандиты». Бельма писала, что своим визитом царь невольно поддерживает преступный, по её словам, режим III Республики. Бельма давала характеристику всему руководству Франции: «Господин Эмиль Лубе, — писала она, — президент Республики, ещё со времён Панамы тесно связан с коррумпированными членами нашего парламента, сам парламент демонстрирует сегодня преследования верующих, чья вина заключается только лишь в обожании Всемогущего Бога. Вальдек-Руссо — ренегат, Ланессан — предатель, который служит англичанам, нашим врагам, генерал Андре — дезорганизатор нашей национальной армии, Мильеран — социалист, разрушитель французской индустрии, наконец, Делькассе — организатор нашего провала в Фашода. Остальные ныне действующие министры являются ужасными личностями, которые ведут нашу страну в пропасть бесчестия»¹. Царь написал на письме по-английски: «Довольно строгая оценка одного правительства»².

Однако события во Франции свидетельствовали, что если даже оценка французских министров, данная госпожой Бельма, и была излишне эмоциональной, она, по сути, принципиально верно охарактеризовала сущность политики буржуазного правительства, прокладывающего путь к радикализации общественных настроений. Через год это подтвердится приходом к власти левых.

Показательно, что как крайне левые, так и крайне правые круги были недовольны предстоящим приездом Николая II во Францию. Первые требовали от царя предоставления «свободы» его подданным, прежде всего равноправия российским евреям, а вторые полагали, что Государь сам находится под масонско-

¹ Письмо Луизы Бельма императору Николаю II от 26 августа 1901. [на фр. яз.] // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1170. Л. 1–2.

² Резолюция императора Николая II на письме Л. Бельма [на англ. яз.] // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1170. Л. 1–2.

еврейским влиянием. Правая газета *La Libre Parole*, издаваемая Э. Дрюмоном, писала: «Еврейство управляет Францией и доминирует в Европе. Оно могло бы не пустить царя приехать во Францию, но оно этого не сделало. Почему? Тайна раскрывается просто. Царь находится в союзе с Синагогой. Он путешествует со своим еврейским хирургом Гиршем и его помощником — Поляковым. Царь находится под наблюдением высшего еврейства. Всемирный еврейский совет пропустил его»¹.

По существу, крайняя левая и крайняя правая демагогия были направлены на умаление образа русского царя в разных слоях французского общества. В глазах демократической общественности он должен был предстать как тиран и самодур, в глазах правых и роялистов — как ставленник международного масонства.

Все большее число русских эмигрантов в Париже, многие из которых были радикальными социалистами и участниками террористических группировок, стало еще одним обстоятельством, отрицательно влиявшим на русско-французские отношения. Император Николай II пытался убедить французского президента Лубе в необходимости общих усилий всех европейских государств в борьбе с терроризмом. Как вспоминал А. Комбарье в своей беседе с президентом, Государь «говорил о нигилистах, анархистах. Он сказал, что германский император в беседе с ним высказал мысль о необходимости международного закона против них»².

Однако Лубе ответил, что не считает нужным заключать подобный международный договор и что это является внутренним делом каждого государства. Между тем не подлежит сомнению, что отказ французов в начале XX в. от выработки международного законодательства в борьбе с террором, только набиравшим силу, говорил о недостаточном понимании этой проблемы французскими правящими кругами, в отличие от русского царя.

5/18 сентября 1901 г. императорская яхта «Штандарт» в сопровождении будущего героя русско-японской войны крейсера «Варяг» и крейсера «Светлана» появились вблизи гавани Дюнкерка.

---

¹ *La Libre parole*. 3 septembre 1901.

² AN. Fonds Combarieu AP 410/1.

Навстречу яхте «Штандарт», где находился Император Николай II, вышел крейсер Cassini, на борту которого был президент Лубе с андреевской лентой через плечо. Французская сторона предполагала, что царь с царицей поднимутся на борт Cassini, однако Николай II отказался от этого шага, и смотр французской эскадры главы государств провели каждый на своём корабле. После смотра на причале Дюнкерка состоялась встреча царя и президента. Желая подчеркнуть свое особое уважение к высокому гостю, французский генеральный штаб распорядился вызвать эскорт алжирской кавалерии во главе с алжирским принцем для сопровождения русского императора¹.

В Дюнкерке состоялся праздничный обед в честь царской четы, на котором присутствовали все члены французского правительства, военные, а также представители финансовых кругов, среди которых был известный банкир А. Ротшильд. По воспоминаниям офицера лейб-гвардии Казачьего полка Е. И. Балабина, «Ротшильд сразу задал вопрос Государю: „Как велик русский долг Франции?“ Государь ответил: „Столько-то миллиардов“. Ротшильд сказал: „Я весь этот долг беру на себя, если вы согласитесь дать в России равноправие евреям“. Государь отказал, говоря, что русский народ еще темный и очень доверчивый и при равноправии он немедленно попадет в кабалу к евреям. Отойдя от Ротшильда, Государь сказал: „Сейчас я подписал себе смертный приговор“»².

Такой разговор, в контексте 1901 г., представляется довольно сомнительным: в апреле 1901 г. «французский» Ротшильд предоставил России 4%-й заем на сумму 424 млн франков (159 млн рублей)³.

В своём дневнике император писал об энтузиазме, с которым встречали его французы: «Много войск шпалерами и несколько эскадронов кирасир и гусар в конвое. Вдоль всей линии железной дороги от

¹ Note pour le Cabinet du Ministre l'Etat-Major de l'Armée // SHAT. 7 № 1937.

² Балабин Е. И. *Далёкое и близкое. Старое и новое.* — М.: Центрполиграф, 2009.

³ О выпуске 4% российской консолидированной ренты // РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 406. Л. 1–7.

Дюнкерка до Компьена стояли жители принимающих городов и местечек и трогательно приветствовали наш поезд»¹.

В Компьенском замке император с императрицей разместились в спальне Наполеона и Марии-Луизы. В покоях Николая II был установлен мраморный бюст Наполеона, что было несколько странным, учитывая войну 1812 г. На время пребывания царя маленький Компьен превратился в главный город Франции. Царь, царица, президент, глава правительства, министры иностранных дел, сановники и царедворцы огромной империи, сенаторы, лучшие поэты, актеры и художники Франции стали гостями этого городка. Известный французский драматург, автор бессмертного «Сирано» Эдмон Ростан посвятил императрице Александре Фёдоровне стихи. Прочитанные со сцены в присутствии царской четы и президента, они имели большой успех. Одновременно противопоставляя и соединяя Наполеона и Николая II, Ростан писал:

Где когда-то владыкою мира

Проходил Император Всемирной Войны,

Там идёт Император Всеобщего Мира!²

Не вдаваясь в оценку художественных достоинств этих стихов, следует отметить их политическую актуальность для того времени.

Самым главным моментом визита императора Николая II во Францию, конечно, были манёвры 19 сентября, состоявшиеся вблизи Реймса, и смотр 21 сентября. Завершающая часть манёвров проходила в деревушке Деберу, где находились батареи французской артиллерии, в том числе новая знаменитая скорострельная 75-мм пушка «75С». Она привлекла внимание Государя. Царь занимался проблемой перевооружения русской армии скорострельной и тяжелой артиллерией.

После манёвров Николай II и Александра Фёдоровна посетили Реймс — священный город французских королей. Войдя в главный собор Пресвятой Богородицы, в которой венчались все

¹ Дневник императора Николая II за 1901 г. Запись от 5 сентября // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 243. Л. 67.

² Стихи Э. Ростана, посвящённые императрице Александре Фёдоровне // ГА РФ. Ф. 645. Оп. 2. Д. 5 [пер. с фр. В. Мультатули].

французские монархи до революции 1789 г., Государь преклонил колено. Французский президент и его министры были вынуждены последовать его примеру. Верующие французы не могли не отметить парадоксальность момента. *«Царь верит в Бога, — писала одна правая газета, — в Того Бога, Имя Которого г. Лубе не осмелился произнести в публичном выступлении, в Того Бога, служителей Которого современное правительство всячески преследует»*¹.

Посещение Государем католических храмов вызывало раздражение у политической верхушки III Республики. В условиях начавшейся антицерковной кампании в глазах верующих французов эти посещения выглядели осуждением со стороны русского императора. В Компьене французские власти попытались даже не допустить царя на крестины внука маркиза Монтебелло, посла Франции в России. Генерал А. А. Мосолов вспоминал, что *«ещё задолго до отъезда Государя маркиз просил Его Величество быть восприемником внука у купели. Царь не имел оснований отказать послу. Между тем оказалось, что наше пребывание в Компьене совпало с разгаром борьбы между кабинетом Вальдек-Руссо и клерикалами. Начались длинные и сложные переговоры. Французское правительство не желало, чтобы Государь появился на официальной церемонии в католической часовне. Николай II настаивал на своём: слово русского царя должно было быть нерушимым. Насколько я знаю, маркиз Монтебелло потерял из-за этой истории свой пост посла: его вскоре отозвали из Санкт-Петербурга»*².

Газета Le Gaulois от 12/25 сентября сообщала: *«Царь спросил маркиза Монтебелло: не крестили ли ещё его внука? Не болен ли он? Монтебелло ответил, что, слава Богу, внук полностью здоров. «Прекрасно, — сказал царь. — Тогда окрестим его завтра». На следующий день состоялись крестины, несмотря на сопротивление правительства»*³.

¹ Переписка министра иностранных дел. Обзор печати, посвященный поездкам императора Николая II во Францию, Германию и т.д. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 245. Л. 16.

² Мосолов А. А. Указ. соч. С. 211.

³ Gaulois, 21 septembre 1901.

В городской библиотеке Реймса царю показали древний манускрипт, так называемое «Славянское Евангелие», которое в свое время принадлежало дочери великого князя Ярослава Мудрого Анне Ярославне, королеве Франции. Оно было написано древней славянской азбукой — глаголицей. Первый экземпляр Евангелия император Николай II видел еще в 1896 г. в Париже, и тогда он поразил присутствующих тем, что, взяв книгу в руки, сказал: *«Но это читается очень легко»*, после чего свободно прочитал несколько отрывков¹.

21 сентября в пяти километрах от Реймса в присутствии Государя и президента Э. Лубе был дан смотр французской армии². Над войсками парили воздушные шары, разукрашенные в русские и французские национальные цвета. Французский военный атташе в Петербурге полковник Мулен сообщал военному министру генералу Л. Андре: *«Император восхищён новой французской пушкой. Он нашёл её устройство весьма оригинальным»*³.

Полковник Мулен также сообщал Л. Андре, что из разговора с командующим 2-м русским кавалерийским корпусом генералом А. А. Вонлярлярским, ему стало известно о том *«превосходном впечатлении, которое произвела французская армия на Николая II»*⁴. Как сообщал Мулен, *«Великий князь Николай Николаевич, главный инспектор кавалерии, сказал генералу Вонлярлярскому, что император повторил ему это три раза, что было воспринято самым большим комплиментом на счёт французской армии»*⁵.

Конечно, дело было не столько в действительном восхищении Николая II французской армией, сколько в желании Государя польстить самолюбию французов и тем самым дать понять, что он по-прежнему расположен к Франции.

---

¹ МАЕ, Bibl. 2 1F3.

² SHAT. 7 № 1937.

³ Colonel Moulin attaché militaire en Russie au Ministre de la Guerre général André. Le 31 décembre 1901 // SHAT. 7 № 1937.

⁴ Colonel Moulin attaché militaire en Russie au Ministre de la Guerre général André. Le 23 Décembre 1901. // SHAT. 7 № 1476.

⁵ Colonel Moulin attaché militaire en Russie au Ministre de la Guerre général André. Le 23 Décembre 1901. // SHAT. 7 № 1476.

Окончание «медового месяца» франко-русского союза

В мае 1902 г. в Петербург с ответным визитом прибыл президент Э. Лубе. Его отношение к союзу с Россией уже не носило того безоговорочно положительного характера, какой был у его предшественника президента Фора. Тем не менее накануне своего визита в Петербург Лубе в разговоре с советником Комбарье признал, что союз с Россией является «важнейшей вещью», так как и Англия, и Германия становятся для Франции всё более опасными экономическими конкурентами. Лубе указал при этом, что нужно оставить в ближайшем будущем мысль о возврате Эльзаса и Лотарингии, назвав эту идею «совершенно невозможной путём прямой силовой атаки». «Таким образом, — подытожил Лубе, — остаётся Россия. Традиционные интересы нас сближают с ней. Наши интересы никоим образом не сталкиваются с русскими»¹.

Развивая дальше свою мысль, французский президент выразил надежду, что влияние России в Европе будет ограничено «Балканами и Константинополем, разумеется, без аннексий и захватов». По мнению Лубе, Россия должна направить своё влияние на Дальний Восток, против чего президент не видел «никаких нежелательных для нас последствий». Но и там, на Дальнем Востоке, влияние России должно быть сдержано союзом трёх держав, Франции, России и Японии, который сделает из них гарантов мира в Азии².

Слова президента Лубе демонстрируют изменение подхода Франции к франко-русскому союзу. Французская сторона более не считала главной целью союза с Россией защиту от Германии, в отношениях с которой главным камнем преткновения становился вопрос экономического соперничества. Стремительные темпы промышленного развития Германии в начале XX века, значительно опережающие французские, пугали правящие и промышленные круги Республики.

¹ AN, 410/1AP, Fonds Combarieu.

² Combarieu (Abel). *Sept ans à l'Élysée avec le président Loubet*. — Paris : Hachette, 1932. P. 144–145.

1903 г. стал для франко-русского союза важной переломной датой. Последующие за ним события во внешней и внутренней политике обоих государств поставили под сомнение само будущее франко-русского сотрудничества. Недаром Морис Бомпар, новый французский посол в России, назначенный на свою должность в начале 1903 г., писал в своих воспоминаниях: «В 1903 году медовый месяц русско-французского союза завершился»¹.

Пришедший к власти во Франции в результате майских парламентских выборов 1902 г. левый блок Жюль Комба развязал в стране антицерковную и антимонархическую кампанию. Католические священники подвергались травле, были случаи даже убийства. Русский посол в Париже князь Л. П. Урусов сообщал Государю: «*Правительство Комба подготавливает декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. [...] Такое постановление было бы равносильно безумному отказу в праве преподавания всему белому духовенству. Всё это говорит о намерении правительства вскоре порвать конкордат со Святым престолом*»².

Начавшаяся во Франции антиклерикальная кампания встретила Николая II. По повелению Государя князь Урусов в августе 1902 г. сообщал министру иностранных дел Т. Делькассе: «*Россия неблагоприятно относится к мероприятиям правительства Республики по преследованию христианских учреждений*». Вместе с тем, следуя указаниям императора, посол от полемики уклонился³.

Демарш князя Урусова, совершённый по приказу Николая II, был обусловлен не только тем, что царю была неприемлема любая форма преследования или ущемления христианской религии, но и тем, что в начале XX в. между императорским правительством и папским престолом шли переговоры о сотрудничестве.

Здесь следует сказать, что это сотрудничество касалось исключительно политического взаимодействия против масонско-

---

¹ Bompard (Maurice), ambassadeur de France. *Mon Ambassade en Russie (1903–1908)*. — Paris, Plon, 1937. P. XIV.

² Дешети русских дипломатических представителей за границей. Дешеша князя Л. П. Урусова из Парижа // ГА РФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 735. Л. 2.

³ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Т. 27. Д. 2439. Л. 28.

социалистического влияния, которое всё больше набирало силы в Европе и которое было опасно как для России, так и для папской власти. Нельзя не видеть в этом аналогии с политикой императоров Павла I и Александра I, которые протянули руку помощи папе римскому¹, оказав защиту ему и католической Церкви от революционной, а затем и наполеоновской власти. В свою очередь, папа признал русского царя главой Мальтийского ордена, а католическая Церковь смогла пользоваться агентурной сетью ордена иезуитов, запрещённого в Европе, но разрешённого в России. Глубоко законспирированная организация ордена сохранилась на самом высоком уровне по всей Европе, несмотря на официальное запрещение. Не вызывает сомнений, что иезуиты, смертельно ненавидевшие Наполеона, сыграли большую роль в добывании ценнейшей разведывательной информации о его планах².

В январе 1899 г. император Николай II пригласил папу Льва XIII на Гаагскую конференцию, чем вызвал острое недовольство со стороны Франции, в которой стремительно разрасталась антицерковная кампания, в том числе против протестантского дома Гогенцоллернов. *«Мы увидели новое доказательство почтения, которое император Николай постоянно выказывает признанному Главе католической церкви»*, — с озабоченностью писал Навенн в своём письме к Т. Делькассе по поводу приглашения папы³.

В марте того же года царь направил папе Льву XIII поздравление по случаю дня рождения, которое, по словам понтифика, его *«особенно и сердечно тронуло»*⁴. В связи с этим французский посол в Риме и при Святом престоле Арманд Нисар в письме к Т. Делькассе выразил опасение, что, учитывая союз Франции и России,

¹ Папа Пий VII был избран на папский престол в Венеции, освобождённой от французских республиканских войск армией А. В. Суворова, под защитой русских штыков.

² См. подробнее: Ratchiskiy André. *Napoléon et Alexandre I. La guerre des idées*. — Paris, 2001.

³ M. de Navenne à T. Delcassé. 29 janvier 1899 // DDF. 1-ère série. T. 15. P. 83.

⁴ A. Nisard, Ambassadeur de France à Rome (Saint-Siège) à T. Delcassé // DDF. 1-ère série. DDF. T. 16. P. 149.

возможное сближение папы и царя может привести к самым негативным последствиям, если *«дух социалистической революции будет превалировать во Франции»*¹.

Сменивший скончавшегося в 1903 г. Льва XIII папа Пий X перед лицом всё усиливающейся антиклерикальной политики Франции и Германии готов был искать союзника в лице императорской России. В обмен на поддержку царь требовал от папского престола оказать умиротворяющее влияние на польское католическое духовенство с тем, чтобы оно препятствовало усилению антирусских выступлений в Царстве Польском. В ходе революции 1905–1907 гг. папа обратился с подобным воззванием к польскому духовенству².

Новый посол в России М. Бомпар явно не симпатизировал императорской России. Когда в августе 1903 г. начальник французского генерального штаба дивизионный генерал Ж.-М. Пендзек, прибывший по личному приглашению императора Николая II для участия в больших манёврах русской армии, стал громко выражать французскому послу своё восхищение мощью русской армии и России в целом, Бомпар умерил восхищение генерала, заявив, что *«положение русского государства ужасно, а внутреннее недовольство всеобщее»*³.

Вряд ли Бомпар, только что назначенный на свою должность, смог так быстро разобраться во внутрироссийской политической ситуации. Скорее всего, он выражал мнения тех сил во французском правительстве, которые считали союз с императорской Россией ненужным для Франции.

Столь же отрицательными были оценки политического устройства III Республики со стороны русских военных агентов в Париже. В своей секретной записке военный агент полковник В. П. Лазарев писал: *«Единственным государственным органом, имеющим решающее значение во Франции, является Палата депутатов. Нынешний её состав, определённый выборами 1902 г., представляет*

---

¹ A. Nisard, Ambassadeur de France à Rome (Saint-Siège) à T. Delcassé // DDF. 1-ère série. DDF. T. 16. P. 149.

² Григулевич И. Р. *Папство век XX*. — М.: Политиздат, 1981. С. 244.

³ Bompard (Maurice). Op. cit. P. 38.

сильное преобладание элементов, враждебных тем принципам, которые лежат в основе нашего государственного строя. Главными положениями программы Комба являются антиклерикализм и антимилитаризм. Враждебное отношение парламентского большинства к принципам самодержавия и могущественное значение в стране господствующих политических партий не дают никаких гарантий в том, что Палата будет в минуты необходимости солидарна с исполнительными органами правительства (президентом Республики и министрами), принявшими на себя известные обязательства по отношению к России»¹.

Полковник Лазарев также предупреждал, что Франция, при постоянном уменьшении численности населения и при целенаправленно ослабляемой республиканским режимом армии, «может иметь для Германии, по сравнению с Россией, лишь значение второстепенного противника»².

В 1903 г. Франция начала политику сближения с Великобританией. Для Николая II этот поворот был тем более неожиданным, что всего три года назад, в 1900 г., Делькассе добился внесения изменения во франко-русскую конвенцию, предусматривающую совместные действия России и Франции против Англии в случае, если один из союзников окажется в состоянии войны с нею.

В своём донесении полковник В. П. Лазарев указывал: «Руководящая идея политики Делькассе заключается в следующем: опираясь на существующие договорные отношения с Россией, включить в систему «Двойственного союза» Англию, Италию и Северо-Американские Штаты; цель скрытая, но логически вытекающая из комбинации — изолирование Германии»³.

Между тем изоляция Германии не входила в планы императора Николая II. Царю претила мысль о союзе с Великобританией,

¹ Выписка из секретной записки военного агента в Париже полковника В. П. Лазарева. 24 ноября 1903 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 171. Л. 1–2.

² Выписка из секретной записки военного агента в Париже полковника В. П. Лазарева. 24 ноября 1903 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 171. Л. 2.

³ Донесение полковника В. П. Лазарева // РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 209. Л.

к которому всё более стремилась Франция. Всё это не могло служить укреплению русско-французского союза.

Приход к власти социалистов во Франции ещё более способствовал сближению с Англией, так как и Комбе, и Клемансо, и Жорес были горячими сторонниками взаимодействия с Лондоном и разрыва с Петербургом.

Кроме того, у французского правительства была ещё одна причина сближения с Англией: оно было обеспокоено русскими притязаниями в Маньчжурии и стремлением русского правительства рассматривать этот регион исключительно как свою зону влияния.

20 марта 1902 г. между Францией и Россией была подписана декларация, в которой говорилось, что оба правительства оставляют за собой право совместной охраны своих интересов в Китае и Маньчжурии. Однако в декларации не было оговорено, что это право предусматривает обязательное открытие военных действий против Японии или Англии. Это обстоятельство весьма устраивало Францию. Заключив договор с Англией, Франция рассчитывала в том числе заставить Россию отказаться от планов гегемонии в Маньчжурии и Корее.

Наконец, Франция стремилась к сближению с Англией, так как опасалась, что Россия, все более увязая на Дальнем Востоке, не сможет оказать ей действенную помощь на Западе, а это означало, что Франция оставалась один на один с Германией.

ГЕРМАНИЯ

Германская империя на рубеже столетий

Понятие «Германия», которое в сегодняшнем политическом языке не представляет сложностей для понимания, в конце XIX столетия было в определённом смысле неологизмом. Когда А. С. Пушкин писал в «Евгении Онегине» «он из Германии туманной привёз учёности плоды», речь шла, разумеется, не о каком-то конкретном государстве, а скорее о национально-географическом понятии. До 1871 г. Германия представляла собой конгломерат маленьких королевств, герцогств, графств и прочих земель, отличавшихся порой друг от друга по вере, культуре и даже языку.

В 1871 г. эти земли были объединены Пруссией в единое государство. Согласно германской конституции, в состав новой империи вошло 25 государственных образований. За несколько лет до этого, в 1866 г., некоторые из них (Бавария, Саксония, Вюртемберг, Ганновер) воевали против Пруссии на стороне Австрии во время австро-прусской войны. Отношение к Пруссии среди немецких народов было далеко не однозначным, а некоторые испытывали к ней нескрываемую вражду. Например, католическая Бавария, с её особым языковым диалектом, не воспринимала грубый Hochdeutsch протестантской Пруссии. «Второй рейх», наверное, никогда бы не состоялся как историческое явление, если бы не его создатель — «железный канцлер» князь Отто фон Бисмарк.

Бисмарк понял, что объединить Германию может только сверхидея и такой сверхидеей может быть только германский национализм. «Песня немцев» (более известная во всём мире как «Deutschland, Deutschland über alles» («Германия превыше всего»!)) стала неофициальным гимном рейха именно при Бисмарке. Германский национализм, помноженный на хорошо обученную армию, великую культуру, образование, науку и на трудолюбивый, добросовестный народ, дали огромный импульс новому государству. К концу XIX столетия Германия по мощи и политическому значению уступала в Европе только Англии и России, но по темпам экономического развития опережала их.

Новый Германский рейх видел себя хозяином Европы и имел к этому все предпосылки. Наряду с мощной армией Германия стремительно развивала и тяжёлую промышленность, пытаясь диктовать свои условия на внешнем рынке. Германский капитал всё увереннее проникал в англо-французские колонии, где начинал играть всё большую роль. В планах германского руководства были и более радикальные замыслы. Бисмарк планировал вторую войну с Францией с тем, чтобы навсегда покончить с нею как с великой державой. Все французские колонии должны были перейти Германии. В таких условиях, полагал Бисмарк, Англия была бы обречена на подчинённый союз с рейхом. Этим честолюбивым планам могла помешать только Россия, которую канцлер пытался задобрить обещаниями черноморских проливов и территориями

Османской империи. Однако одновременно Бисмарк в 1882 г. стал одним из основателей т. н. Тройственного союза, в который вошли Германия, Австро-Венгрия и Италия, направленного в первую очередь против России.

Александр III справедливо воспринимал этот блок как враждебный. «Пока он будет существовать, — говорил царь о Тройственном союзе, — наше сближение с Германией невозможно»¹.

Император Александр III быстро осознал коренные изменения, происшедшие в Европе после франко-прусской войны. Пруссия, бывшая на протяжении XIX столетия союзницей России и приведшая в 1882 г. к созданию Германской империи, теперь стала представлять собой опасного потенциального агрессора, мечтавшего о новых захватах. В 1891 г. царь, не побоявшись отойти от традиционного союза с Германией, заключил военную конвенцию с республиканской Францией. Тайный военный союз с Францией не был вызван со стороны Александра III симпатией к III Республике. Это был шаг прагматика, понимавшего, что Франция, которая к концу XIX столетия находилась в условиях полной изоляции перед лицом нового германского вторжения, неминуемо была бы вынуждена пойти на неравный договор с немцами. В этом случае Германия, которая уже состояла в союзе с Австро-Венгрией и Италией, вступив в союз с Англией и силой заставив примкнуть к нему Францию, стала бы самой могущественной державой мира. Россия же оказалась бы под угрозой изоляции.

Ухудшение политических отношений между Германией и Россией привело к ухудшению и отношений экономических, что больно сказалось на экономике обеих стран. Россия была важным экономическим партнёром Германии. В 1897 г. Германия поглощала 30% российского экспорта, являлась важнейшим сырьевым рынком России и поставляла ей машинное оборудование. Немецкий капитал был крупнейшим участником русской промышленности, цифра его вкладов в хозяйство России превышала 200 млн. золотых рублей².

¹ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 37. Л. 116.

² Оль П. В. *Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России*. — Л., 1925. С. 15.

В последние годы жизни Александра III, то есть в 1892—1894 гг., между Германией и Россией разразилась таможенная война, причиной которой стала тарифная политика двух государств в отношении друг друга. До 1891 г. вся германская промышленность пользовалась в России всевозможными льготами, и большинство германских товаров проходило без всяких пошлин. Никаких торговых договоров между Россией и Германией не существовало. Однако в 1891 г. Россия ввела новый таможенный тариф, который предусматривал индивидуальное налогообложение для каждого ввозимого из-за границы товара. Главной целью этих мер было создать свою собственную национальную промышленность. В ответ на русский новый тариф Германия ввела два вида пошлин на сельскохозяйственные продукты: максимальные и минимальные. Причём Германия заявила, что ко всем тем державам, с которыми она имеет торговые договоры, будут применяться пошлины минимальные, а к тем державам, с которыми не заключено торговых договоров, будет применять максимальные пошлины. Так как Россия не имела с Германией торговых договоров, то к ней сразу применили пошлины максимальные. Берлин ввёл высокие пошлины на сельскохозяйственные продукты из России, и главным образом на ввозимый русский хлеб. Петербургу был поставлен ультиматум: отменить действия нового тарифа. Однако Россия не поддавалась германскому шантажу и в свою очередь повысила ввозные пошлины на германские уголь, металл и машины. В результате Берлин был вынужден пойти на уступки, однако торговые противоречия между двумя империями продолжали оставаться.

В 1887 г. «Союз трёх императоров», действовавший между Россией, Германией и Австро-Венгрией с 1881 г., не был возобновлён по инициативе германских государств. Реакцией Александра III на это были слова: «Слава Богу!»

Тем не менее, пока во главе германской внешней политики находился Бисмарк, а на престоле — кайзер Вильгельм I, Германия никогда не переходила в отношениях с Россией определённой черты. Вильгельм I, помимо политических соображений, испытывал личную благодарность России за спасение от Напо-

леона в 1807 и 1813 гг., а Бисмарк полагал, что Россия является тем «ящиком Пандоры», открывать которой ни в коем случае не надо.

Однако новый император Вильгельм II мыслил по-другому. По существу, это был первый монарх новой Германии, и в нём как бы отобразился весь Второй рейх, с его заносчивостью, неосторожностью, агрессивностью и бешеной энергией.

Император Николай II и кайзер Вильгельм II

Понимание трагического развития русско-германских отношений в эпоху царствования императора Николая II невозможно без правильной оценки личности Вильгельма II, который приходился Государю кузеном. Хотя, безусловно, сползание Европы в бездну мировой войны объясняется разными, в том числе и объективными причинами, недооценивать в этом роль Вильгельма II было бы исторически неверно. Кроме того, анализ имеющихся исторических источников позволяет сделать вывод об изначальной вражде кайзера к России и лично к императору Николаю II. Несмотря на многочисленные и эпатажные заявления германского монарха о своей «любви» и «преданности» России, он делал всё, чтобы максимально ослабить её, превратив в инструмент германской политики.

Трудно найти в мировой истории две более противоположные личности, чем кайзер Вильгельм II и император Николай II. Полной противоположностью были их характеры, устремления и духовный мир. Великий князь Гавриил Константинович так вспоминал о своих впечатлениях от встречи с кайзером: *«Я невольно сравнивал его с нашим дорогим Государем, который был само благородство, спокойствие и достоинство. Вильгельм II скорее походил на фельдфебеля, вносил много шума, и в нём не было того, что называется породой»*¹.

Полной противоположностью стала и их смерть. Насколько

---

¹ Гавриил Константинович, великий князь. *В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи.* — Нью-Йорк. 1955. С. 54–55.

праведной была мученическая кончина императора Николая II со всей его семьёй в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге, настолько банальной была смерть скрывавшегося в голландском Дорне изгнанного из Германии Вильгельма. В Ипатьевском доме царь молился за Россию и весь мир, на смерть он пошёл, неся на руках больного сына, оставив человечеству завет, что мир спасёт Любовь. Вильгельм II в Дорне выращивал тюльпаны и писал лживые мемуары, главной мыслью которых было самолюбование и самооправдание. Бывший кайзер очень выгодно вложил свои деньги в германскую промышленность. По официальным данным, за десять лет личное состояние Гогенцоллернов удвоилось и составляло 37 млн марок¹. В 1940 г. бывший император посылал восторженные телеграммы своему бывшему солдату Адольфу Гитлеру по случаю взятия им Парижа².

Кайзер Вильгельм был любителем эпатажа, эффектной позы, длинных и пафосных речей, которые он произносил всюду. По словам австро-венгерского дипломата О. Чернина, кайзер *«говорил об искусстве, науке, политике и музыке, религии и астрономии, и его разговор всегда будил мысль. Не то, что все его мысли казались верными, наоборот, он часто приходил к очень спорным выводам, — но он не страдал худшим недостатком светского человека — он не был скучен»*³.

Вильгельм II от природы был наделён дарованиями и живым умом и, вместе с тем, рядом психологических комплексов, которые приводили императора к несдержанности, порой даже грубости в обращении с ближайшим окружением и подчинёнными. Начальник канцелярии министерства императорского Двора и уделов генерал-лейтенант А. А. Мосолов, много раз видевший Вильгельма, вспоминал, что тот *«временами производил впечатление истеричного человека»*⁴. Наставник будущего императора Г.Хинцпетер отмечал, что с одной стороны, его воспитанник

¹ Рыжов Константин. *Все монархи мира. Западная Европа*. — М., 1999.

² Das Dritte Reich. Band 50. — Berlin. S. 325.

³ Czernin Ottokar. *Im Weltkrieg*. — Berlin-Wien, 1919.

⁴ Мосолов А., генерал. Указ. соч. С. 183.

представлял собой *«необычайно крепкую и развитую индивидуальность»*, а с другой — имел ленивый и «фарисейский» характер. Хинцпетер считал, что эгоизм принца Вильгельма достиг *«почти кристаллической твёрдости»*¹. Мать кайзера, принцесса Виктория, говорила, что в нём нет *«скромности, доброты, доброжелательности, уважения к другим людям, способности забывать о себе, смирения»*².

При этом Вильгельм был достаточно гибким политиком, умевшим находить выходы из сложных ситуаций. В некоторых вопросах он был гораздо находчивее и дальновиднее, чем великий Бисмарк. Но у кайзера было два весьма опасных для государственного деятеля свойства: импульсивность при принятии тех или иных решений и страх перед их последствиями. Это, в свою очередь, приводило к непостоянству и двурушничеству, стремлению использовать другую сторону исключительно в своих интересах.

Мир ценностей Вильгельма II основывался на представлении о святости германской монархии. Говоря в 1897 г. о своем покойном деде императоре Вильгельме I, кайзер заявил, что тот оставил правящим государям *«в наследство жемчужину, которую мы обязаны хранить и считать священной, а именно — монархию милостью Божьей, монархию с её тяжёлыми обязанностями, работой, нескончаемыми трудами и страшной ответственностью перед Создателем»*³.

Однако эта монархия не имела ничего общего с русским самодержавием. Вильгельм II был скорее наследником языческих римских кесарей, чем Константина Великого. Главный упор кайзер делал на культе военного вождя, победителя, грозного владыки, для которого христианские ценности были понятиями второстепенными, а иногда вообще не играли значимой роли. Например, посетив Святую Землю в 1898 г., кайзер писал Николаю II, что

---

¹ Шиндлинг А., Циглер В. *Кайзеры*. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 510–538.

² Шиндлинг А., Циглер В. *Кайзеры*. С. 512.

³ Туполев Б. М. *Династия Гогенцоллернов // Новая и Новейшая история*. 1991 № 6. С. 172.

«если бы он приехал туда, не имея никакой религии, то, конечно, стал бы магометанином»¹.

Даже гимн Германии при Втором рейхе «*Heil dir im Siegerkranz*» (Слава тебе в венке Победителя!), длинный и бравурный, был исполнен хвалы кайзеру, имя которого повторялось десятки раз, при этом имя Божие не упоминалось вовсе. (Сравним этот гимн с «Молитвой русского народа», краткой и торжественной, в которой народ обращается к Господу: «*Боже, Царя храни!*»)

Таким образом, германская монархия воспринималась кайзером не как Богом установленный институт, целью которого является защита христианской веры и христианского народа, а как идеальное мировое устройство, в котором Германия будет играть ведущую исключительную роль. Непостоянный, импульсивный, крайне самоуверенный, злопамятный и в то же время наделённый огромной властью, Вильгельм II представлял собой пример непредсказуемого и ненадёжного политика. Фельдмаршал Альфред фон Вальдерзее уже в самом начале XX в. считал, что Вильгельм II *«слишком много затеял, ничего не довёл до конца и наделал такую путаницу, которую Бог весть когда придётся распутать»².*

Россию Вильгельм не любил и одновременно боялся. Вальдерзее писал: *«Кайзер неоднократно крайне неосторожно высказывал антирусские чувства. Я не сомневаюсь, что подобные высказывания делаются в семейном кругу, и отсюда уже получают широкую огласку... При этом я убеждён, что все эти слова и речи происходят из-за чувства страха перед Россией, но так как монарх показать этого не хочет, то он высказывает в своих речах жестокость, чтобы доказать себе и окружающим, что он чрезвычайно энергичный человек»³.*

«Изю всех соседей Пруссии, — говорил Вильгельм, — Россия — самый опасный, как по причине своей мощи, так и по своему геогра-

¹ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 9 ноября 1898 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914. — М., 2007. С. 296.

² Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн. Вильгельм II. — М., 1991. С. 138.

³ Людвиг Э. Указ. соч. С. 130.

фическому положению. Мои предшественники правильно делали, что поддерживали дружбу с этими варварами»¹.

До своего вступления на престол принц Вильгельм испытывал сильное влияние своего деда Вильгельма I и Бисмарка, которые считали для Германии войну с Россией в принципе невозможной. В это время будущий Вильгельм II также высказывал по этому поводу вполне здравые мысли: *«Я желаю мира. И мир будет, если Франция или Россия на нас не нападут. Необходимость вести войну на два фронта станет для нас грозным испытанием»².*

Тем не менее, ещё будучи кронпринцем, в 1888 г. Вильгельм написал Бисмарку письмо, в котором развивалась идея превентивной войны с Россией. Письмо наполнено опасными фантазиями будущего германского императора в отношении целей и планов России. Следует сказать, что эти фантазии будут в дальнейшем во многом определять внешнюю политику Вильгельма II. *«Чем больше крепла республика, — писал Вильгельм, — тем большую склонность, несмотря на самые лояльные намерения и поведения царя, проявляла Россия, хотя Германия не нанесла ей ни малейшего ущерба, воспользоваться удобным моментом, чтобы напасть на нас. Это угрожающее положение возникло и существует не в результате войны, которую мы по собственной инициативе вели с Россией, а вследствие общей заинтересованности панславистов и республиканской Франции в уничтожении Германии как оплота монархии»³.*

Непонятно, кого имел в виду Вильгельм под загадочными «панславистами». Если Россию, то каким образом могла стремиться она, самодержавная монархия, к уничтожению «оплота монархии»? Впрочем, Вильгельма такие нюансы мало беспокоили. Главное, что высказанная мысль, давала возможность делать вывод о потенциальной опасности России для Германии. Польстив Бисмарку за «мудрую политику», Вильгельм писал, что она *«обеспечила нас от нападения нашего природного врага на Западе.*

¹ Paléologue (Maurice). *Guillaume II et Nicolas II*. P. 9.

² Paléologue (Maurice). *Guillaume II et Nicolas II*. P. 7.

³ Бисмарк О. *Мысли и воспоминания*: В 3 т. — М.: ОГИЗ-СОЦЭГИЗ, 1941. Т. 3. С. 108—109.

Эта политика сумела также расположить в нашу пользу властелина России. Влияние этого фактора сохранится до тех пор, пока теперешний царь действительно обладает властью для осуществления своей воли. Но как только он лишится власти, а многие признаки этого имеются налицо, то вполне вероятно, что Россия уже не позволит отделить себя от нашего прирождённого врага и вместе с ним начнёт против нас войну, когда военные средства обоих покажутся им достаточно сильными, чтобы безнаказанно нас уничтожить»¹.

Мы снова видим, как выводы будущего императора строятся ни на чем не основанных фантазиях. Непонятно, на каких основаниях кронпринц считал, что император Александр III должен лишиться власти? Какие признаки этого имеет Вильгельм в виду? Почему преемник Александра III должен будет обязательно начать против Германии войну? На все эти вопросы у Вильгельма нет ответов, да они и не предусматриваются. Они должны оправдать главный вывод письма: *«Я держусь мнения, что если мы начнём войну на Востоке, то нам её придётся вести на обеих фронтах»².*

То есть Вильгельм уже в 1888 г. допускал войну против России. Это находилось в полном противоречии с мнением Бисмарка о возможности войны с Россией. *«Об этом можно было бы спорить, — писал Бисмарк в том же 1888 г., — в том случае, если бы такая война действительно могла бы привести к тому, что Россия была бы разгромлена. Но подобный результат даже и после самых блестящих побед лежит вне всякого вероятия. Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведёт к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственно русских... Эти последние, даже если их расчленил международными трактатами, так же быстро вновь соединяются друг с другом, как частицы разрезанного куска ртути. Это неразрушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими пространствами и ограниченностью потребностей»³.* Недаром Бисмарк на письме крон-

¹ Бисмарк О. Указ. соч. Т. 3. С. 109.

² Бисмарк О. Указ. соч. Т. 3. С. 110.

³ История дипломатии / Под редакцией академика В. П. Потёмкина. В 3 т. — М.: ОГИЗ, 1945. Т. 2. С. 103.

принца Вильгельма написал, что осуществление его планов «было бы несчастьем»¹.

Цели и задачи политики Вильгельма II расходились с целями и задачами политики его деда Вильгельма I и Бисмарка, которые мечтали о могучей европейской Германии, в то время как Вильгельм II видел Германию мировой владычицей. «Вильгельм II, — отмечал видный русский военный историк, участник Первой мировой войны, генерал-майор профессор А. К. Баиов, — *устранив от влияния на дела империи знаменитого Бисмарка, стал стремиться сделать Германию не только могущественной сухопутной державой, но и мощным морским государством. Что касается разрешения проблемы колониального расширения Германии, то оно при существовавшем тогда распределении земель, могущих стать колониями европейских государств, приводило к тому, что Германия могла получить необходимые для неё колонии, лишь отняв часть громадных колоний Англии и Франции. Это и вызвало, прежде всего, политические столкновения между великими державами*»².

То, что с повелителем Германии ему придётся нелегко, император Николай II понял сразу же после своего вступления на престол. Весной 1895 г. кайзер со скандалом отозвал из России своего посла генерала Беренгарда фон Вердера. Вердер хорошо знал Россию, где ранее служил военным атташе. В 1892 г. Вердер был назначен послом в Петербурге. К нему хорошо относился император Александр III, его с юности знал и к нему благоволил Николай II. Однако Вердера крайне не любил Вильгельм II, искавший только повода, чтобы сместить генерала с этой должности. Так как такого повода не было, то Вильгельму II пришлось его изобрести. 6 января 1895 г. Государь назначил князя А. Б. Лобанова-Ростовского послом в Берлин, но 14 января того же года скончался Н. К. Гирс, а 26 февраля 1895 г. император утвердил князя Лобанова в должности министра иностранных дел. Между тем Вильгельм II, согласившись с назначением князя Лобанова, не был тотчас же из-

---

¹ Бисмарк О. Указ. соч. Т. 3. С. 111.

² Баионов А. К., профессор. *Истоки великой мировой драмы и её режиссёры*. — Таллин; Ревель, 1927. С. 7.

вещен генералом Вердером о новом назначении послом графа Н. Д. Остен-Сакена. Кайзер обвинил Вердера, что тот не исполнил его повеления, хотя было очевидно, что посол просто не поспевал за столь быстро развивающимися событиями. 3/15 марта 1895 г. германский император, не объясняя царю причины, внезапно отозвал Вердера из Петербурга¹.

Николай II сообщил князю Лобанову, что вечером 3/15 марта он *«телеграфировал императору о моём желании назначить Остен-Сакена в Берлин и о глубоком сожалении расставаться с добрым Вердером»*². Николай II был возмущён поведением кайзера: *«Считаю выходку императора, — писал он, — поспешной и бестактной»*. Перед отъездом из России генерал Вердер получил от царя орден Св. Андрея Первозванного³.

Вильгельм II стремился путём дипломатии и интриг вернуть Россию к союзу с Германией, но так, чтобы Россия играла в этом союзе подчинённую роль. После заверений в письме от 8 ноября 1894 г. «в неизменной дружбе и любви» кайзер уже в июле 1895 г. начал указывать царю, в каком направлении должна развиваться Россия свои устремления на международной арене. *«Несомненно, — указывал царю Вильгельм II, — что для России великой задачей будущего является дело цивилизации Азиатского материка и защиты Европы от вторжения жёлтой расы. В этом деле я буду всегда по мере сил твоим помощником»*⁴.

Говоря иными словами, кайзер предлагал России увязнуть на

¹ Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение к дневнику № 245. Князь А. Б. Лобанов-Ростовский — императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 40. Л. 81.

² Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение к дневнику № 245. Князь А. Б. Лобанов-Ростовский — императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 40. Л. 81.

³ Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение к дневнику № 245. Князь А. Б. Лобанов-Ростовский — императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 40. Л. 81.

⁴ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 26 апр. 1895 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 268.

Дальнем Востоке, не лезть в европейские дела, а играть роль буфера между «варварской» Японией и «цивилизованным» Западом, хозяином которого должен был стать кайзер Вильгельм. Собственно, это была ещё идея Бисмарка, который писал: «У России быстро увеличивающееся население, и она полна энергии. Её можно сравнить с закупоренной бочкой бродячего вина, которая, рано или поздно, должна в каком-нибудь месте разорваться. Если взрыв произойдет в сторону Сибири — тем лучше. Если он будет иметь место в Чёрном море или на Босфоре — это тоже не опасно для нас. Мы должны сделать всё возможное, чтобы не допустить взрыва бочки у нашей границы»¹.

Германский император прямо заверял царя, что он берёт на себя обязанности «поддержания спокойствия Европы и охраны тыла России»². В беседе с графом М. Н. Муравьевым в Берлине, Вильгельм II разъяснил, что имел в виду: «Если бы вам даже пришлось стянуть все ваши войска на Восток, преследуя политические, согласно с вашими интересами, цели, то я не только не нападу на Францию, но не допущу, чтобы кто-либо в Европе двинулся, — вот, что я понимаю под обещанием своим обеспечить ваш тыл»³.

Таким образом, Вильгельм II заранее считал Европу своей вотчиной, где только он один может определять направление политики государств, кому куда «двигаться».

Постоянные поучения и эскапады Вильгельма II ничего, кроме раздражения, у Государя не вызывали. «Принял флиг.-адъют. императора Мольтке, — записал царь в своём дневнике от 18 сентября 1895 г., — с письмом и гравюрой от “нудного” господина Вильгельма»⁴.

Между тем, кайзер был обеспокоен франко-русским сближением, которое всё более отчётливо приобретало характер военно-

---

¹ Цит. по: Шишов А. В. *Россия и Япония. История военных конфликтов.* — М.: Вече, 2001. С. 64.

² Император Вильгельм II — императору Николаю II. 26 апреля 1895 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 268.

³ Романов Б. А. *Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1905.* — М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947. С. 56.

⁴ Дневник императора Николая II. Запись за 18 сентября 1895 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. Л. 97.

го союза. Преждевременная смерть императора Александра III, а также убийство президента III Республики Сади Карно вызвали у германского императора Вильгельма II стремление расколоть едва намечающийся франко-русский союз.

14/26 сентября 1895 г. Вильгельм II послал Николаю II пространное письмо, в котором сообщал о полученном «поразительном известии из Парижа», что французы перебрасывают свой армейский корпус из Туниса и Алжира к германской границе. Подобное, писал далее кайзер, произошло только один раз, перед войной 1870 г. В Германии, по словам Вильгельма II, это известие стало «громовым ударом» и возбудило сильнейшее беспокойство. Тем более, продолжал Вильгельм, что в расположении французской пограничной армии, предназначенной для первого удара по Германии, присутствовали князь Лобанов и генерал Драгомиров. Всё это, по мнению кайзера, создаёт в его стране тягостное впечатление, что *«Россия отнеслась бы сочувственно к тому, если бы Франция, в расчёте на помощь России, напала на Германию»*¹.

Зная христианские убеждения Николая II, кайзер пустился далее в длинные рассуждения о богоборческом характере режима III Республики и об антимонархическом его происхождении. *«Не забывай, что Фор сидит на троне короля и королевы Франции Божьей милостью, головы которых отрублены французскими республиканцами! Кровь Их Величеств всё ещё лежит на этой стране»*².

Вильгельм II пытался воздействовать на Государя, доказывая ему опасность для монархий союза с республиканской Францией. В том же письме от 14/26 сентября кайзер писал царю, что союз с Парижем таит в себе опасность *«для нашего монархического принципа, в форме, в которой эта дружба проявляется. Республика как бы возносится на пьедестал»*³.

¹ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 26 сентября 1895 г.
// Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 272.

² Император Вильгельм II — императору Николаю II. 26 октября 1895 г.
// Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 275.

³ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 25 октября 1895 г.
// Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 274—275.

Несмотря на то, что Николай II не верил в сообщения германского императора о грозящей ему опасности со стороны Франции, он не мог их игнорировать. Царь ознакомил с письмом Вильгельма II товарища министра иностранных дел Н. П. Шишкина, так как министр Лобанов-Ростовский был в европейской поездке. Шишкин представил Государю свои выводы и предложения. *«Мне кажется, — докладывал Н. П. Шишкин, — что письма императора Вильгельма служат отголоском вкоренившихся в германских правительственных сферах стремлений преувеличить и истолковать в угрожающей Германии и общему миру всякую вновь принимаемую Францией для усиления своей армии и обеспечения своей внешней безопасности меру и представить Францию, как желающую при нашей поддержке напасть на Германию для отвоевания утраченных в 1870 г. областей»¹.*

Тем не менее, полагал Шишкин, *«представляется необходимым считаться с преувеличенными опасениями Германии и принять зависящие от нас меры для успокоения соседки, приятельские отношения с которой для России ценны»².*

Н. П. Шишкин предлагал: «1. Поручить находящемуся в Париже князю Лобанову проверить истинность дошедших до императора Вильгельма слухов о якобы происходящей концентрации французских войск на германской границе. В случае их достоверности сделать правительству Республики соответствующее представление. 2. Поручить князю Лобанову при его проезде через Берлин на обратном пути в Россию испросить аудиенции у германского императора и в личной беседе успокоить возбужденную в нём преувеличенную опасность»³.

¹ Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение к дневнику № 246. Н. П. Шишкин — императору Николаю II. 20 сентября 1895 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 41. Л. 81.

² Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение к дневнику № 246. Н. П. Шишкин — императору Николаю II. 20 сентября 1895 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 41. Л. 75.

³ Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение к дневнику № 246. Н. П. Шишкин — императору Николаю II. 20 сентября 1895 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 41. Л. 76.

Советы Н. П. Шишкина вызвали полное одобрение императора. *«Совершенно согласен с Вами, — писал царь Шишкину. — Телеграфируйте теперь же князю Лобанову, что я желаю, чтобы он исполнил оба пункта вашего предложения, но в особенности и во что бы то ни стало второй»*¹.

Получив телеграмму от Шишкина с повелением Николая II, князь Лобанов-Ростовский немедленно встретился с Г. Ганото, о результатах встречи с которым министр телеграфировал в Петербург 24 сентября/6 октября 1895 г. В разговоре с министром Ганото ответил, что *«на границе с Германией находится единственный армейский корпус и тот вскоре будет оттуда убран»*². Это же подтверждалось и данными русского военного агента в Париже.

В Берлине Лобанов-Ростовский встретился с германским послом в Вене и ближайшим другом Вильгельма II графом Филиппом Эйленбургом. Граф слово в слово повторял мысли своего императора и всячески сетовал на дружбу России с «республиканцами». В ответ Лобанов говорил о миролюбивом настроении Франции и высказал мнение, что России следует поддерживать нынешнее умеренное правительство, раз восстановление монархии всё равно невозможно³.

По возвращении в Петербург А. Б. Лобанов-Ростовский по указанию Николая II писал в Париж Г. Ганото: *«Это всё та же игра, чтобы привлечь Россию, взывать к монархическим и консервативным принципам, манить Константинополем и обещать поддержку Германии во всех восточных делах. Мы уже не раз получали авансы такого рода, они повторялись и в этот раз»*⁴.

¹ Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение к дневнику № 246. Помета императора Николая II на письме Н. П. Шишкина. 20 сентября 1895 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 41. Л. 76.

² Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение к дневнику № 246. Телеграмма князя А. Б. Лобанова-Ростовского Н. П. Шишкину. 24 сентября/6 октября 1895 г. [на франц. яз.] // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 41. Л. 78.

³ Ольденбург С. С. *Царствование Императора Николая II*. — Петербург, 1991. С. 44.

⁴ Prince de Lobanov à G. Hanotaux // DDF. 1-ère série. T. XII. № 172.

В том же году, комментируя предложения Вильгельма II содействовать России в приобретении Константинополя, Лобанов-Ростовский в беседе с В. Н. Ламздорфом говорил: *«Не правда ли это любопытно? Император Вильгельм предлагает нам Константинополь и всё, что мы только захотим, чтобы оторвать нас от Франции. Чтобы мы дали ему раздавить Францию, чтобы потом полностью подчинить нас своему руководству»*¹.

Раздражение настойчивостью, с которой германский император навязывал царю свои поучения, нашло отражение на страницах дневника Николая II. 5 октября 1896 г., во время нахождения царской четы в Германии, Николай II записал в своём дневнике: *«Несносный Вильгельм и тут не даёт нам покоя и непременно хочет нас позвать к завтраку в Висбаден на будущей неделе»*². На всех этих встречах Государь был вынужден выслушивать длинные монологи кайзера о «жёлтой опасности», о «долге России», о «вечной дружбе между Россией и Германией».

Отношение Николая II к Германии

Император Николай II был сторонником сохранения мирных, но равноправных отношений с Германией. Видный военный деятель кайзера гросс-адмирал Альфред фон Тирпиц в своих воспоминаниях писал: *«Николай II был настроен в пользу Германии. Общественность составила себе ложное представление о царе. Это был честный, лично бесстрашный человек со стальными мускулами. Николай II в одной из бесед со мною сказал по собственной инициативе: Гарантирую вам, что я никогда не буду воевать с Германией»*³.

Когда в 1896 г. великий князь Алексей Александрович высказал своё мнение, что Германия стремится к отторжению русских областей и оттеснению России к рубежам Московского царства,

¹ Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г. [на франц. яз.] // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 42. Л. 65.

² Дневник императора Николая II. Запись за 5 октября 1896 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. Л. 96.

³ Тирпиц А. *Воспоминания*. — М.: Воениздат, 1957.

Николай II возразил: «С какой стати? Владея входом в Балтийское море, Германия вполне спокойна»¹.

В мае 1896 г. Вильгельм II послал на коронацию Николая II своего двоюродного брата принца Генриха Прусского, зная, что царь испытывает к нему чувства дружбы и доверия². Принц привёз Государю письмо от кайзера, исполненное дружественных пожеланий. В ответном письме 17/25 мая 1896 г. Николай II писал, что он «с большим особым удовольствием получил из рук Его Королевского Высочества Принца Генриха письмо, которое Ваше Величество сооблаговолило мне адресовать. Выбор Вашего любимого брата для представления Вашей Августейшей особы на торжествах моей коронации и сердечные чувства, которые Ваше Величество мне выразило по этому поводу, являются в моих глазах новыми и красноречивыми доказательствами продолжения неизменных личных дружественных связей, которые традиционно соединяют наши Дома. Ваше Величество знает всё то значение, которое я этому придаю, и не станет сомневаться, насколько я ставлю своею целью всемерно укреплять наши связи, порождённые славным прошлым. Я люблю возвращаться к чувствам взаимной дружбы, как к наилучшему залогоу спасения монархических принципов, мира во всём мире и процветания наших соседних народов, судьбу которых Бог нам доверил»³.

Перед поездкой в Париж Николай II специально нанёс визит в Германию, где в Берлине встретился с Вильгельмом II. Эта встреча с германским императором должна была лишней раз продемонстрировать мирный характер визита царя во Францию. Во время посещения Николаем II Парижа русская пресса, а также политические и общественные деятели должны были воздержаться по требованию Государя от каких-либо выпадов против Германии.

¹ Записка великого князя Алексея Александровича по поводу брошюры Кази «Русский военный флот, его современное состояние и ближайшие задачи». С пометами Николая II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 440. Л. 8.

² Braibant (Ch.) Op. cit. P. 157.

³ Kaiser Nikolaus II. von Rußland an Kaiser Wilhelm II. Le 25 Mai 1896 // Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. — Berlin, 1927. Band 11. S. 347.

Советник французского посольства Жюль Гансен писал, что князь Лобанов-Ростовский «был настроен откровенно антигермански, но он был вынужден уступать перед непреклонной волей Николая II, который был расположен к сотрудничеству с Германией»¹.

Встреча двух императоров произошла в Бреслау (по-русски: в Бреславле) с 24 по 26 августа 1896 г. Это была первая встреча Николая II с Вильгельмом II после вступления царя на престол. Зная склонность кайзера к шумной торжественности, Николай II заранее просил «сделать все как было при старике императоре, без особого торжества, и в особенности без парадов, а как можно проще и скромнее, как визит родственника»².

Однако кайзер Вильгельм не представлял себе встречи без военного парада. Перед двумя императорами промаршировал германский имени императора Александра I полк, выправку которого Николай II назвал «блестящей». Затем состоялся торжественный обед, на котором кайзер и Государь поднимали заздравные тосты в честь традиционной дружбы между Россией и Германией³. Тост Вильгельма II был, как всегда, эмоциональным и рассчитанным на внешний эффект. «Прошу дозволения Ваших Величеств, — заявил он. — повергнуть к стопам Ваших Величеств чувства моей сердечной благодарности за милостивый визит, сделанный Вами нам сегодня. [...] В особе Вашего Величества народ мой приветствует носителя традиции и оплот мира»⁴. После этих слов кайзер трижды прокричал «ура!» царской чете. Ответ Николая II был намного сдержаннее: «Благодарю Ваше Величество за только что сказанные Вами слова, равно как и за приём, оказанный мне в Бреславле. Могу Вас уверить, государь, что я воодушевлён теми же традиционными чувствами, как и Ваше Величество. Пью здоровье Вашего Величества и её Величества Императрицы»⁵.

В германских правящих кругах ожидали, что Николай II будет просить поддержки Германии в вопросе о черноморских проли-

¹ Hansen (Jules). Op. cit. P. 169.

² ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 47. Л. 35.

³ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 30.

⁴ Правительственный вестник. 26 августа 1896 г.

⁵ Правительственный вестник. 26 августа 1896 г.

вах. Однако никаких обращений по этому поводу с русской стороны не последовало¹. Россию гораздо больше волновал вопрос об изменении германской таможенной политики, от которой русское сельское хозяйство несло большие убытки. Вильгельм II объяснял германскую таможенную политику экспортом в Европу из американских государств, и прежде всего из САСШ. Кайзер даже пытался внушить Государю идею таможенного союза Европы против Америки, а канцлер князь Хлодвиг Гогенлоэ «прозондировал» возможность выступления России против Англии на Востоке, предсказывая, что она может лишиться Индии. Однако Государь на провокацию не поддался, лишь со смехом спросив: *«Почему же Англия станет терять Индию? Кто её возьмёт у неё? Мы не так глупы, чтобы пускаться в подобное предприятие»*. В то же время Государь указал на значение Сибирской дороги для русской дальневосточной политики, и заметил, что, когда дорога будет готова, придётся, очевидно, потягаться с японцами.

В целом в Германии спокойно восприняли итоги визита императора Николая II в Париж. Как писала немецкая газета *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*: *«Россия не желает превращать этот союз (с Францией. — П. М.) в наступательный. Она стремится его использовать исключительно в мирных целях»*².

В 1897 г. император Вильгельм провозглашает так называемую *Weltpolitik* («Мировую политику»), целью которой было превращение Германии в сверхдержаву, в первую очередь созданием мощного военно-морского флота. Однако эта программа «не вызвала большой тревоги у русских генштабистов, в отличие от англичан и французов, а флотские германские законы 1898 и 1900 гг. породили среди военно-политической элиты России скорее удовлетворение озабоченностью Лондона по этому поводу, чем страх за уязвимость её геополитических позиций»³.

¹ Ерусалимский А. С. *Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века*. — М., 1951. С. 211–216.

² Marmouget M. Op. Cit.

³ Сергеев Е. Ю. *Образ Германии в представлениях военной элиты России накануне Первой мировой войны* // <http://rusgermhist.narod.ru>

Визит Вильгельма II в Петергоф (июль 1897 г.)

25 июля 1897 г. Вильгельм II прибыл в Россию с официальным визитом. Кайзер был встречен в Кронштадте самым торжественным образом. Главное место встречи, императорская резиденция в Петергофе, была торжественно иллюминирована. Германскому императору было пожаловано звание адмирала русского флота. Правда, сделано это было исключительно из дипломатических соображений. О подлинном отношении Николая II к этому событию говорит письмо к матери, вдовствующей императрице Марии Фёдоровне: «*Милая Мама, к сожалению, придётся теперь назначить Вильгельма — нашим адмиралом. [...] Как это ни скучно, всё же приходится дать ему наш морской мундир, тем более что в прошлом году он назначил меня капитаном Гранга у себя и, что всего хуже, мне придётся его встречать так в Кронштадте! C'est à vomir [Это тошнотворно! (франц.)]*»¹.

Кайзер был в восторге от полученного адмиральского мундира². Занимавший тогда должность статс-секретаря по иностранным делам князь Бернхард фон Бюлов вспоминал, что в природе кайзера «*было придавать самое серьёзное значение подобным формальностям. Он принимал их слишком близко к сердцу*»³.

Николай II сообщал матери, что чрезвычайно довольный адмиральским чином Вильгельм «*начал раздавать свои милости направо и налево. Он дал полки: д.[яде] Мише⁴, Косте⁵ и Николаше⁶ и зачислил Кирилла⁷ в свой флот*»⁸.

¹ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 23 июля 1897 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2320. Л. 13.

² Дневник великого князя Константина Константиновича. Запись от 25 июля 1897 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 44. Л. 71.

³ Bülow V. *Mémoires du chancelier Prince de Bülow*. Т. 1 1897—1902. — Paris: Plon, 1930. P. 74.

⁴ Великий князь Михаил Николаевич.

⁵ Великий князь Константин Константинович.

⁶ Великий князь Николай Николаевич-Младший.

⁷ Великий князь Кирилл Владимирович.

⁸ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоров-

Германский император пытался вновь вернуться к идее таможенного союза против САСШ, которые только что приняли протекционистский тариф. Но ухудшение отношений с Америкой не отвечало интересам России. Министр финансов С. Ю. Витте предложил взамен совместные таможенные меры континентальных государств Европы против всех заокеанских стран, включая Англию. Однако это не устроило германских политиков. Через некоторое время кайзер прислал Николаю II меморандум «О необходимости образовать против США торгово-политическую коалицию европейских государств». На отрицательном заключении Витте Государь наложил резолюцию: «Дело сие предать забвению»¹.

Однако Вильгельм II не оставлял надежды оказывать на Государя политическое влияние, предлагая ему «сердечную и верную дружбу». Вильгельм II делал царю одно политическое предложение за другим, рисуя обширные планы по разделу Китая и вытеснению Англии из её колоний. Николай II воспринимал эскапады кайзера практически молча. Уже после того, как германский император покинул Россию, царь сказал Великому князю Алексею Александровичу: «Я не понимаю, почему он себе позволил поднимать в разговорах со мной столь важные вопросы, не дав возможности обсудить их с моими министрами. Поэтому большую часть времени я ему говорил на самые отвлечённые темы»².

Тост царя в честь германской императорской четы не выходил за рамки общего этикета: «Присутствие Вашего Величества и Её Величества Императрицы и Королевы»³, — сказал Николай II, — доставляет мне весьма большое удовольствие, и мне очень приятно выразить вам свою искреннюю признательность. Это новое доказательство связующих нас традиционных уз и установившихся до-

---

не. 1 августа 1897 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2320. Л. 12.

¹ Игнатъев А. В. *Последний царь и внешняя политика* // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 5.

² Paléologue (Maurice). *Guillaume II et Nicolas II*. P. 20.

³ Титул германского императора с 1871 г. — «император Германский и король Прусский», соответственно такой же титул носила и германская императрица.

брых отношений между нашими соседними государствами служит, вместе с тем, драгоценным залогом сохранения всеобщего мира, что является предметом наших постоянных забот и самых пламенных желаний»¹. Великий князь Константин Константинович отмечал в своём дневнике: тост Николая II был «чисто официальным, без особых сердечных излияний»².

В своём благодарственном тосте кайзер заявил: «С полным доверием могу я снова дать Вашему Величеству торжественное обещание, и этому, я знаю, сочувствует мой народ, что в великом деле сохранения народами мира я всеми силами буду содействовать Вашему Величеству и оказывать самую сильную поддержку против всякого, кто попытается помешать или разрушить его»³. В том же дневнике Константина Константиновича читаем: Вильгельм II в конце своего тоста «ручался, что за ним вся его нация всегда будет стоять за Россию и за мир». Комментируя эту фразу, великий князь провидчески отметил: «Такое ручательство мне кажется несколько смелым»⁴. Через семнадцать лет Вильгельм II забудет о своём торжественном обещании, когда сделает всё, чтобы развязать мировую войну.

Отъезд кайзера вызвал у царя вздох облегчения: «*Слава Богу, германский визит окончен*», — писал Государь своей матери⁵.

Вильгельм II вызывал антипатию не только у Николая II. После отъезда кайзера 30 августа 1897 г. Великий князь Константин Константинович записал в свой дневник: «*При всей своей изысканной любезности личность Вильгельма, как говорится, действует мне на нервы. Он — непоседа, его всё время, так сказать, дёрга-*

---

¹ Полное собрание речей императора Николая II. 1894—1906. С. 16.

² Дневник великого князя Константина Константиновича. Запись от 25 июля 1897 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 44. Л. 71.

³ Приветственная речь императора Вильгельма II на приёме у императора Николая II. 27 июля 1897 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 710. Л. 2.

⁴ Дневник великого князя Константина Константиновича. Запись от 25 июля 1897 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 44. Л. 71—72.

⁵ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 30 августа 1897 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2324. Л. 67.

ет, точно его поджаривают калёным железом. Он ни в чём не знает меры»¹.

Вернувшись в Берлин, Вильгельм II направил Николаю II телеграмму, полную благодарности и заверений в дружбе. *«Только что добрался до дома. Благодарю Вас за тот радушный прекрасный приём, какой Вы нам оказали. У меня нет слов, чтобы выразить Вам всю мою благодарность, особенно за пожалование мне чина Русского Адмирала, который меня несказанно обрадовал. Я буду дорожить этими дорогами воспоминаниями и уверяю Вас, что во всех серьёзных испытаниях Вы можете положиться на верного Друга»².*

Ответ Николая II был вновь выдержан в более спокойных тонах: *«Очень рад узнать о Вашем благополучном возвращении домой. [...] Позвольте мне поблагодарить Вас за Вашу любезную телеграмму. Примите мои заверения в братских чувствах и самой искренней дружбе»³.*

Весьма интересным представляется впечатление, оказанное императором Николаем II на Б. фон Бюлова, бывшего в германской делегации во время посещения кайзером Петергофа. Мнение умного и рационально мыслящего Бюлова, конечно, отличались от эмоциональных перепадов его повелителя. 20 августа 1897 г. Бюлов писал германскому послу в Вене графу Эйленбургу, что встреча с *«императором Николаем произвела на него серьёзное впечатление. В присутствии большого числа людей царь иногда в какой-то мере смущается, но, однако, с глазу на глаз он говорит свободно и умно. Царь не делает тайны из своего антианглийского образа мыслей. Царь считает, что необходимо вынудить Англию очистить Египет, причем он выразил мнение, что для России даже важнее Египта свобода Суэцкого канала. Политика Англии, сказал царь, имеет целью достижение европейской войны, в которой она бы*

¹ Дневник великого князя Константина Константиновича. Запись от 30 августа 1897 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 44. Л. 73.

² Kaiser Wilhelm II. an Kaiser Nikolaus II. von Rußland. 13. August 1897 // Die Große Politik. 11 Band. S. 77–78.

³ Kaiser Nikolaus II. von Rußland an Kaiser Wilhelm II. 14. August 1897 // Die Große Politik. 11 Band. S. 78.

осталась в стороне, как во времена Наполеона I, так как надеется, что континентальная война позволит ей сохранить Египет»¹.

Николай II и захват немцами китайского порта Киао-Чао

Во время своего визита в Петергоф Вильгельм II завёл с Николаем II разговор о возможности использования германским ВМФ китайского порта Киао-Чао (Цзяочжоу). В ноябре 1895 г. этот порт был предоставлен Китаем России для зимовки её военного флота в благодарность за дипломатическую поддержку Пекина при заключении мира с Японией². Однако при этом китайское правительство просило Россию «*при первой возможности*» найти другой порт для зимней стоянки и увести свою эскадру, дабы не возбудить «*петиций со стороны других держав*»³.

Кайзер попросил Николая II разрешения, чтобы в Киао-Чао заходили и германские корабли. Военный агент России в Китае генерал-майор Д. С. Путята сообщал, что «*бухта Цзяочжоу — удобный плацдарм для германского захвата Шаньдуня, который осуществится путём строительства железных дорог к железорудным и угольным районам*»⁴.

Последовавший в скором времени (ноябрь 1897 г.) захват немцами Киао-Чао, породил устойчивое представление, что в Петергофе Вильгельм II попросил царя отдать ему этот порт, и царь якобы на это согласился. На самом деле это не так. Вильгельм II и

---

¹ Der Stellvertretende Staatssekretär des Auswärtigen Amtes Bernhard von Bülow an den Botschafter in Wien Grafen zu Eulenburg. 20 August 1897 // Die Große Politik. 11 Band. S. 81–82.

² Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник №248. Князь А. Б. Лобанов-Ростовский — императору Николаю II. 19 ноября 1895 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 31.

³ Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник № 248. Князь А. Б. Лобанов-Ростовский — императору Николаю II. 19 ноября 1895 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 31.

⁴ Записка генерал-майора Д. С. Путяты // РГВИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 8. Л. 41.

раньше пытался добиться благосклонного ответа Николая II по поводу приобретения Германией порта в Китае. В апреле 1895 г. Вильгельм в своём письме к Государю заверял его в своей готовности помочь в улаживании вопроса «о возможных территориальных аннексиях для России» в Китае и одновременно выражал надежду, что и Николай II «благосклонно отнесётся к тому, чтобы Германия приобрела порт», конечно, не «потеснив» при этом русских¹.

Так как царь никак не реагировал на этот зондаж кайзера, Вильгельм II возобновил его во время своего визита в Петербург летом 1897 г. и назвал конкретный порт — Киао-Чао.

С. Ю. Витте в своих мемуарах уверял, что после отъезда из России германского императора у него (Витте) состоялся разговор с Великим князем Алексеем Александровичем. Тот сообщил Витте, что кайзер спросил Государя, «нужен ли России китайский порт Киао-Чао, что в этот порт русские суда никогда не заходят и что в своих целях, в интересах Германии, он желал бы занять этот порт, чтобы он был стоянкой германских судов, но не хочет этого делать, не имея на то согласия русского императора»².

Со слов Великого князя Алексея Александровича, Вильгельм II поставил Государя «в самое неловкое положение, так как он гость и категорически отказать ему в этом было бы неловко, что вообще ему это крайне неприятно»³.

Витте считал, что деликатный по природе император Николай II «не мог категорически отказать и германский император мог понять, что Русский Государь даёт, так сказать, на это своё благословение»⁴.

Воспоминания С. Ю. Витте грешат, как всегда, большими преувеличениями, а то и прямой дезинформацией. Из имеющихся источников мы можем определённо утверждать, что, во-первых, кайзер Вильгельм в Петергофе никак не выразил своего стремле-

¹ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 26 апреля 1895 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 268—269.

² Витте С. Ю. *Воспоминания*. С. 91.

³ Витте С. Ю. *Воспоминания*. С. 91.

⁴ Витте С. Ю. *Воспоминания*. Т. 1. С. 91.

ния занять Киао-Чао, а во-вторых, что император Николай II никакого своего согласия на это не давал.

Б. фон Бюлов писал в своих мемуарах: Вильгельм II сказал Николаю II, что *«в его стремлениях нет желания утвердиться в Киао-Чао. Он с удовольствием отдаёт этот порт своему русскому Кузену и Другу. Всё, что он просит, — лишь разрешения для немецких судов заправляться в этом порте углём»*¹.

29 июля/10 августа 1897 г. рейхсканцлер Х. Гогенлоэ направил министру иностранных дел России М. Н. Муравьеву телеграмму, в которой сообщал, что во время переговоров в Петергофе на вопрос кайзера, *«имеет ли Россия виды на бухту Киао-Чао, Его Величество Российский Император ответил, что действительно Россия заинтересована в том, чтобы обеспечить себе доступ в указанную бухту до того момента, когда она приобретёт порт, более северный, и такой порт она уже имеет в виду. На вопрос германского императора, усмотрит ли император Николай какое-либо неудобство, если германские корабли, в случае необходимости и согласия русских морских властей, бросят якорь в бухте Киао-Чао, Его Величество Император российский ответил отрицательно»*².

Император Николай II дал своё согласие лишь на возможность германским кораблям заправляться углём в Киао-Чао при возникновении необходимости и с согласия на это русского военно-морского командования. Как видим, никакой двусмысленности в ответе Государя не было.

В сентябре того же 1897 г. Германия известила Россию и Китай о намерении разместить в Киао-Чао свою военно-морскую базу. При этом Берлин сослался на якобы полученное в Петергофе царское согласие. Однако Николай II вновь напомнил германскому императору, что свою готовность временно предоставить Германии якорную стоянку в Киао-Чао он обусловил предварительным запросом и согласием на это русского военно-морского командования.

4/16 сентября 1897 г. германский посол в Петербурге сообщил

¹ Bülow В. Op. cit. P. 5.

² Захват Германией Киао-Чао в 1897 г. // Красный архив. 1938. № 2 (87).

в Берлин, что «в соответствии с переговорами, которые имели место в Петергофе во время пребывания Его Величества Императора и Короля, императорское правительство намерено было потребовать от китайского правительства, чтобы германские суда имели право, в случае необходимости, войти временно, в течение ближайшей зимы, в порт Киао-Чао. Командирам германских судов будет предписано в необходимых случаях предварительно согласовать свои действия с русским главноначальствующим в этом порту»¹.

В октябре товарищ министра иностранных дел граф В. Н. Ламздорф вновь напомнил немцам, что «германские начальники должны быть инструктированы в случае необходимости войти предварительно в соглашение с русским главноначальствующим в этом порту»².

26 октября/7 ноября 1897 г. Вильгельм II направил в Киао-Чао германскую эскадру под предлогом наказания китайцев провинции Шаньдун за убийство двух католических миссионеров. Предварительно кайзер отправил Государю телеграмму, в которой выражал надежду, что, «согласно нашим личным переговорам в Петергофе, ты одобришь переход моей эскадры в Киао-Чао». Однако ответ Николая II был по существу отрицательным, хотя и выраженным в нейтральных тонах. Русский император не только не одобрил отправку немецких кораблей в Киао-Чао, но и высказал сомнение в целесообразности «наказания» китайцев. «Не могу, — писал царь кайзеру, — одобрить или не одобрить твоего распоряжения направить эскадру в Киао-Чао, так как недавно узнал, что эта гавань была в наших руках только временно в 1895—1896 гг. Боюсь, что строгие меры наказания могут вызвать тревогу и беспокойное настроение на Дальнем Востоке и, возможно, ещё более увеличат пропасть между христианами и китайцами»³.

2/14 ноября 1897 г. немцы высадили десант в Киао-Чао в 200 человек. 4/16 ноября 1897 г. министр иностранных дел М. Н. Му-

¹ Захват Германией Киао-Чао в 1897 г. // Красный архив. 1938. № 2 (87).

² Захват Германией Киао-Чао в 1897 г. // Красный архив. 1938. № 2 (87).

³ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 4 января 1898 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 284.

равёв довёл до сведения Берлина, что Николай II «совершенно не думал заявлять о своей незаинтересованности в Киао-Чао»¹. Германии было указано, что Россия имеет в Киао-Чао преимущественное право якорной стоянки. Китайское правительство было уведомлено, что Россия не будет иметь никакого отношения к тем репрессиям в отношении китайцев, которые возможны со стороны германского командования. Русская эскадра получила приказ отправиться в Киао-Чао тотчас же, как только туда войдут германские корабли.

Насколько в Берлине серьёзно восприняли заявление русского МИДа, свидетельствует запись в дневнике рейхсканцлера князя Гогенлоэ: «Заявление России так жёстко очевидно, что вряд ли целесообразно давать кайзеру какие-либо советы. Ему одному известно, хочет ли он войны с Россией или нет»².

20 ноября 1897 г. Вильгельм II выступил по поводу инцидента в Киао-Чао с обширной декларацией, в которой уверял, что решил на захват только потому, что «неправильно понял» царя в Петергофе и был уверен, что Россия не заинтересована в длительном владении этим китайским портом. «*Ответ Его Величества Императора Николая*, — говорилось в послании, — не формулируя точно и не давая возможности подразумевать какую бы то ни было оговорку, заставил замолчать последние сомнения, и его величество император германский приказал эскадре направиться в Киао-Чао»³.

Заверяя русское правительство, что захват Киао-Чао лишь «временная мера», немцы продолжали наращивать в регионе свои военные силы. Они добились от Китая признания аренды Киао-Чао сроком на 99 лет. Таким образом, у России оставалась возможность очистить Киао-Чао только военной силой.

Император Николай II не хотел начинать вооружённый конфликт с Германией из-за китайского порта, тем более что Китай, как главная пострадавшая сторона, смирился с захватом своего порта и узаконил его договором с немцами об аренде. Помимо

¹ Die Grosse Politik. — Berlin, 1927. Bd. XIV. T.1. S. 73.

² Сергеев Е. Ю. Указ. соч. С. 34.

³ Захват Германией Киао-Чао в 1897 г. // Красный архив. 1938. №2 (87).

опасности большой войны, Государь руководствовался и другими соображениями. Захват Германией Киао-Чао делал возможным заключение русско-германского соглашения о совместных действиях в Китае, направленного против Англии, что отвечало планам Николая II¹.

Государь решил уступить Германии Киао-Чао и выбрать для стоянки русского военно-морского флота другой незамерзающий порт. Им стал Порт-Артур.

Провокационная политика Вильгельма II

Вильгельм II активно поддержал приобретение Россией Порт-Артура. Во-первых, вопрос о Киао-Чао отпадал сам собой, а во-вторых, появлялся ещё один предлог для конфронтации между Россией и Англией. Посол России в Берлине Н. Д. Остен-Сакен направил М. Н. Муравьеву телеграмму, в которой передал слова кайзера по случаю занятия Порт-Артура русскими. *«Вы знаете, — сказал Его Величество, — что я принимаю близко к сердцу всякий политический успех Императора Николая. Вот мы оба прочно утвердились на Дальнем Востоке, — пусть это не нравится Англии! Настало время, чтобы она поняла всю тщетность её претензий на первоестественное и исключительное право на всех пунктах земного шара, на которые притязают её торговые аппетиты, и чтобы она перестала кричать о предательстве, когда другие державы преследуют свои интересы в тех же областях без её согласия»*².

Вскоре после того, как кайзер «порадовался» русским успехам в Порт-Артуре, он поспешил сообщить английскому послу в Берлине Ф.-К. Ласселсу о том, что Россия стремится настроить как можно большее число государств против Великобритании и что она заключила тайный союз с эмиром Афганским.

Любопытно, что в это же время Николай II в разговоре с

¹ Записка М. Н. Муравьева императору Николаю II. 2 ноября 1897 г. // РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 121. Л. 2.

² Вильгельм II о занятии царской Россией Порт-Артура // Красный архив. 1933. №3 (58).

Л. де Монтебелло утверждал, что Германия на Дальнем Востоке не угрожает ни интересам России, ни интересам Англии. *«Вы помните, — спрашивал император у французского посла, — что произошло во время японо-китайской войны? Германия сама пришла к нам на помощь, хотя мы об этом её никак не просили. Германия присоединилась к России на Дальнем Востоке, и, таким образом, она присоединилась и к Франции, которая сегодня нераздельна от России, и в Германии это хорошо понимают».* Это взаимодействие «наших трёх стран», продолжил Николай II, которое достигнуто на Дальнем Востоке, нужно перенести и на Европу¹.

Таким образом, мы видим, что, в отличие от кайзера, Николай II делал всё от него зависящее для поддержания добрых отношений с Германией и сохранения европейского мира. Вильгельм, напротив, постоянными интригами пытался столкнуть Россию с Англией, Англию с Францией, а её с Россией.

Англии это политическое интриганство германского императора была на руку, так как давало возможность посеять рознь между Россией и Германией, особенно на Дальнем Востоке. В марте 1899 г. королева Виктория написала Николаю II письмо, в котором убеждала царя в нечистоплотных интригах кайзера. *«Вильгельм, — писала она царю, — при каждой возможности старается внушить сэру Ф. Лэсселу мысль, что всё, что делает Россия, направлено против нас; что она предлагает другим могущественным государствам вступить в альянс с ней, и уже заключила такой союз с эмиром Афганистана и, естественно, против нас. Нужно ли мне говорить, что ни я, ни лорд Солсбери, ни сэр Лэссел не верим ни единому слову из сказанного. Но я боюсь, что Вильгельм будет говорить тебе всякие гадости про нас, как он уже наговорил их нам против тебя»*².

Однако Государь понимал, что королева Виктория преследовала те же цели, что и император Вильгельм, — поссорить Россию с одним из крупнейших государств мира. Поддаться на эти провокационные сообщения, хотя и содержащие большую долю до-

¹ L. Montebello à T. Delcassé. 18 janvier 1899 // DDF. 1-ère série. T. 15. P. 41.

² Королева Виктория — императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1194. Л. 23 [на англ. яз.].

стоверной информации, означало втянуть Россию в противостояние с Англией или Германией. Николай II в письме от 13/25 марта 1899 г. со всем почтением благодарил «дражайшую бабушку» за то, что она «открыла ему глаза» на коварство Вильгельма. *«Теперь мне совершенно ясно, чего он добивается — он играет в опасную игру. [...] Меня очень порадовало, что Вы не поверили в историю о якобы существующем нашем альянсе с афганским эмиром, потому что в этом нет ни слова правды»*¹.

Государь, конечно, не написал королеве о том, что, хотя альянса с афганским эмиром заключено не было, но переговоры о сотрудничестве между Россией и Афганистаном велись, что привело в 1901 г. к установлению дипломатических отношений между двумя странами. Таким образом, Николай II мог лишний раз убедиться в преданности ему «верного друга» — императора Вильгельма.

Королева, в свою очередь, не сообщила Николаю II, что кайзер, который ещё совсем недавно торжественно клялся помогать восставшим против британского владычества бурам, успел во время своих переговоров с англичанами добиться передачи 8 ноября 1899 г. Германии двух островов архипелага Самоа в Тихом океане в обмен на невмешательство в англо-бурский конфликт. После этой сделки кайзер с прежней экзальтацией продолжал восхищаться «героическими бурами».

Чем дольше Николай II имел дело с Вильгельмом, тем больше он понимал его лицемерную двойственную натуру.

Постоянные заверения в дружбе, на которые германский император не скупился в своих письмах к царю, всегда прикрывали своекорыстные интересы. В конце марта 1898 г. Англия, понимавшая, что остаётся один на один с русско-французским блоком, предложила Германии заключить формальный союз. Однако Вильгельму II союз с Англией был не нужен. Кайзер стремился к переделу английского колониального мира в свою пользу. Как писал С. С. Ольденбург: *«Считая, что Англия и Россия сговориться никогда не могут, он полагал, что Англии всё равно не на кого больше рас-*

¹ Император Николай II — королеве Виктории // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1111. Л. 24 [на англ. яз.].

считывать, а если бы Франция склонилась в сторону Англии, это бы компенсировалось сближением России с Германией». Несмотря на то, что кайзер не собирался заключать с англичанами никакого соглашения, он поспешил представить царю дело таким образом, что именно от него, от царя, зависит судьба англо-германского договора. Сообщая императору Николаю II в «частном и очень конфиденциальном письме» об английском предложении, Вильгельм II спрашивал: «Так вот, мой старый верный друг, я прошу тебя сказать мне, что ты можешь предложить мне и что ты сделаешь, если я откажусь?»¹ В том же письме Вильгельм как бы мимоходом сообщал, что к союзу с Германией готовы примкнуть САСШ и Япония. Расчёт кайзера строился на том, что Николай II испугается большого блока держав, опасного для русских геополитических планов на Дальнем Востоке, и, чтобы не допустить его, начнёт делать Германии какие-либо выгодные предложения.

Однако планы кайзера провалились. Государь правильно оценил положение: если бы Германия хотела сговориться с Англией, она бы не стала его запрашивать². В своём письме Николай II ясно дал понять, что ему вполне ясна игра Вильгельма. Отвечая кайзеру с тонкой иронией, царь поблагодарил его за то, что тот «по обыкновению спрашивает его мнение, прежде чем решить какой-либо вопрос». Далее Государь сообщал: «Три месяца тому назад, во время переговоров с Китаем, Англия вручила нам меморандум, содержащий много заманчивых предложений, пытаясь побудить нас прийти к полному соглашению по всем пунктам, где наши интересы соприкасаются». Но «Англия нуждалась в нашей дружбе, чтобы иметь возможность скрытым путём помешать нашему развитию на Дальнем Востоке. Мы, не задумываясь, отклонили её предложения»³.

В том же письме Николай II развеял «кошмары» кайзера об опасности сближения Японии и САСШ с Великобританией «толь-

¹ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 30 мая 1898 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 288.

² Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 124.

³ Император Николай II — императору Вильгельму II // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 290.

ко ради *“les beaux yeux”* Англии». *«Мне очень трудно, если не совсем невозможно, — подчёркивал Государь, — ответить Тебе на твой вопрос: полезно ли будет для Германии принять эти часто повторяемые предложения Англии, ибо я не имею ни малейшего представления об их ценности. Ты, конечно, должен сам решать, что лучше и что более необходимо для твоей страны».*

Закончил своё письмо Николай II словами о дружбе между Россией и Германией, которые живут *«издавна в мире как добрые соседи и, даст Бог, останутся и впредь близкими и лояльными друзьями».*

Таким образом, Государь в мягкой и дружественной форме намекнул, что ему понятен хитроумный расчёт кайзера Вильгельма и его сомнительная игра.

Тем не менее Николай II по-прежнему не только желал сохранять дружеские отношения с Германией, но даже не отказывался от военного сотрудничества с ней. При этом он учитывал имеющееся среди германской правящей элиты, особенно среди учеников бисмарковской школы, распространённое мнение, что в новых исторических условиях Германия должна сохранять хорошие отношения с Россией и с Францией.

В первые месяцы 1898 г. германская дипломатия заметно активизировалась в Турецкой империи, стремясь создать на её территории свои военные базы, добиться согласия на строительство железных дорог, усилить своё военное присутствие.

В октябре 1898 г. Вильгельм II начал свою триумфальную поездку на Ближний Восток. Официальной целью этой поездки кайзера было «паломничество по святым местам» в Иерусалиме. Свой визит он начал с Константинополя. Султан Абдул-Гамид был весьма польщён визитом такого высокого гостя. Турция тогда воспринималась в Европе как умирающее государство и поэтому визит могущественного монарха не мог не польстить самолюбию султана. Вместе с кайзером находился директор «Дойче банк» Георг фон Сименс, который провёл успешные переговоры о концессии на продление железнодорожной линии от Коньи до Багдада, а также на оборудование порта в Хайдар-паша. Кроме того, Вильгельм обещал султану «вечную дружбу и вечный мир».

Помимо бесед с султаном, кайзер встретился в Константинополе с лидером сионистов Т. Герцлем и пообещал ему поддержку Германии в осуществлении сионистских планов переселения евреев в Палестину под покровительством рейха¹. Правда, встретив недовольство со стороны султана, Вильгельм II отказался от своих обещаний Герцлю.

Из Иерусалима кайзер отправился в Дамаск, где 30 октября 1898 г. по его приказу на гробницу султана Саладина был возложен венок с надписью «*Вильгельм II, германский император и прусский король, доблестному и рыцарскому султану Саладину*»². На могиле Саладина кайзер произнёс пафосную речь, в которой назвал себя другом Турции и 300 миллионов мусульман. В ответ старший из присутствовавших представителей мусульманского духовенства объявил, что отныне все 300 миллионов каждодневно будут призывать Аллаха ниспослать свое благословение на германского императора. Было ясно, что Германия активно устремилась в Османскую империю³. Результатами этой поездки стало усиление германского влияния на Босфоре, разрешение Турцией строить Багдадскую железную дорогу, укрепление существующих деловых отношений между османским правительством и крупными германскими оружейными фирмами.

Между тем сами турецкие власти поспешили заверить царя, что не стремятся вступать в альянс с Германией, несмотря на все дружеские заверения с обеих сторон. В конце октября 1898 г. Николай II писал вдовствующей императрице Марии Фёдоровне: «*Тут побывало турецкое посольство. Старший из них Турхан-паша, симпатичный спокойный старик, хорошо говорит по-французски. Интересно было слышать их рассказы о пребывании Вильгельма в гостях у Султана — они не особенно довольны его визитом*»⁴.

Тем не менее визит кайзера не мог не вызвать в высших кру-

¹ Маор Ицхак. *Сионистское движение в России*. — Иерусалим, 1977. С. 86.

² Русские ведомости. 1898. 31 октября. № 240.

³ История дипломатии. Т. 2.

⁴ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 30 октября 1898 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2325. Л. 57.

гах России чувства раздражения и тревоги. Французский военный атташе в Петербурге подполковник Мулен писал французскому военному министру генералу Галифе в апреле 1899 г.: *«Проект германского императора создать на берегах Сирии новое Киоо-Чао больно ударил бы по русским коммерческим и военным интересам, и особенно по престижу России в Турции. Были бы оскорблены религиозные чувства русских и христиан Востока, которым Россия покровительствует. Император России весьма встревожен и некоторые представители из окружения императора уже серьёзно обсуждают возможность визита в Константинополь и Иерусалим русского Государя и Императрицы, который бы свёл на нет все проекты Вильгельма»*¹

Немцы хорошо знали, что Россия считает Константинополь зоной своих геополитических устремлений и весьма болезненно относится к любым попыткам установить чужую гегемонию в этом регионе. Вильгельм II не мог этого не понимать, и в своих письмах к Государю он всячески пытался опровергнуть в его глазах *«весь вздор, распускавшийся во время моей поездки в Иерусалим»*², то есть кайзер пытался дезавуировать перед царём все свои комплименты, сделанные султану, и все поползновения германского капитала к широкому проникновению в этот регион.

Однако царю было хорошо известно, что кайзер, столь щедро обещавший в Петергофе в 1897 г. «вечный мир и дружбу с Россией», не менее щедро обещал то же самое султану в Стамбуле³.

Становилось всё более очевидным, что Германия не собирается уступать России ни Балканы, ни черноморские проливы. Примечательно восклицание Вильгельма II, оставленное им на донесении своего посла в Петербурге Хуго фон Радолина относительно предложения русского министра Муравьёва о готовности России

¹ Lieutenant-Colonel Moulin au Général de Galliffet // DDF. 1-ère série. P. 416.

² Император Вильгельм II — императору Николаю II. 28 авг. 1898 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 291.

³ Lieutenant-Colonel Moulin au Général de Galliffet // DDF. 1-ère série. P. 447

признать германские приобретения в Тихом океане и на Дальнем Востоке в обмен на признание Германией русских интересов в проливах: *«Сколь бесконечно великодушно и милостиво! Приблизительно так, должно быть, разговаривая Николай I с Фридрихом-Вильгельмом IV. Но при мне дела, чёрт возьми, обстоят иначе! Прошу Вас! Каблуки вместе, стоять смирно, господин Муравьёв, когда говорите с германским императором»*¹. Понятно, что с таким политическим партнёром, как Вильгельм II, договариваться о чём-либо было весьма рискованно.

Осенью 1899 г. Николай II и Александра Фёдоровна гостили в германском Вольфсгартене. По пути возвращения в Россию царская чета отдала визит вежливости императору Вильгельму в Потсдаме. Посол Франции в Берлине де Нулленс сообщал Делькассе: *«Визит царя в Потсдам прошёл хорошо. Оба императора, кажется, оправдали взаимные ожидания и расстались добрыми друзьями»*².

Однако за видимой безоблачностью встречи двух монархов скрывалось чётко выраженное недовольство русской стороны. Принимая Бюлова, император Николай II сказал: *«Нет никакого вопроса, в котором интересы Германии и России находились бы в противоречии. Есть только один пункт, в котором вы должны считаться с русскими традициями и бережно к ним относиться, — а именно на Ближнем Востоке. Вы не должны создавать впечатления, будто вы хотите вытеснить Россию, в политическом или экономическом отношении, с того Востока, с которым она веками связана многими узлами национального и религиозного характера. Даже если бы я сам относился к этим вопросам более скептически или равнодушнее, я бы должен был всё-таки поддерживать русские традиции на Востоке. В этом отношении я не могу вступить в противоречие с заветами и чаяниями моего народа»*³.

---

¹ Die Große Politik. Bd. XIV. T. II. № 4022.

² M. de Noailles à T. Delcassé. 26 novembre 1899 // DDF. 1-ère série. T. XVI. P. 18.

³ L. Montebello à T. Delcassé. 29 janvier 1899 // DDF. 1-ère série. T. 15. P. 83.

Попытки Германии изолировать Россию

8 июня 1900 г. внезапно скончался министр иностранных дел граф М. Н. Муравьев. Николай II повелел вступить в управление министерством опытного дипломата графа В. Н. Ламздорфа, который 25 декабря того же года был утверждён в должности министра иностранных дел¹.

Как и Государь, новый министр считал союз с Францией необходимым условием сохранения хороших отношений с Германией. *«Для того, — писал В. Н. Ламздорф, — чтобы быть действительно в хороших отношениях с Германией, нужен союз с Францией. Иначе мы утратим независимость, а тяжелее немецкого ига я ничего не знаю»².*

4 июля 1900 г. Государь получил депешу от русского военного агента в Берлине В. Н. Шебеко, в которой тот приводил слова крупного германского военного чина: *«Место Германии возле России и Франции, а не возле Англии, поскольку, сделавшись союзницей последней, Германии пришлось бы иметь дело с мировой войной, войной в собственной стране и войной на два фронта — с Францией и Россией»³.*

Для Вильгельма главной целью по-прежнему оставался разрыв франко-русского согласия. После обеда в Метце 19 мая 1901 г., данного в честь дня рождения Николая II, кайзер в беседе с только что назначенным послом в Париж князем фон Радолином сказал: *«Я надеюсь, что Вы затратите меньше времени для того, чтобы поссорить Россию и Францию, чем затратил Ваш предшественник для того, чтобы поссорить Францию и Англию»⁴.*

¹ Свидетельство и сообщение о смерти министра иностранных дел Муравьева. 8 июня 1900 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 237. Л. 3.

² Дневник В. Н. Ламздорфа. Август-октябрь 1895 г. [на фр. яз.] // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 42. Л. 63.

³ Депеша агента в Берлине В. Н. Шебеко от 4 июля 1900 г. // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4945. Л. 632.

⁴ *Télégramme du 21 mai 1901 de Delcassé à Montebello // MAE, NS Russie. Vol. 35.*

21 мая 1901 г. министр иностранных дел III Республики Т. Делькассе с тревогой писал в Петербург послу Монтебелло: «*Вы читали о приёме в Метце и о присутствии на нём русского посла в Берлине. Верю, что императорское правительство не смогло избежать участия в этой манифестации, которая произвела во Франции ужасное впечатление*»¹.

8 июля 1901 г. кайзер Вильгельм, «*предвкушая величайшее удовольствие от нашей встречи на море*»², пригласил Государя присутствовать на большом смотре военно-морского флота, который должен был состояться после германских морских манёвров в Данцигской бухте. Верный своей политике политического равновесия, Николай II принял предложение.

28/11 сентября, в 9 ч. утра Вильгельм II на яхте «Гогенцоллерн» в сопровождении крейсера «Ниобе» и нескольких миноносцев вышел в море навстречу царской яхте «Штандарт», которая шла в сопровождении нескольких боевых кораблей русского военно-морского флота. Николай II поднялся на «Гогенцоллерн», которая возглавила объединённую русско-германскую флотилию. Замыкал эскорт новый русский крейсер «Варяг», которому через 3 года предстояло стать героем русско-японской войны.

Морской офицер германского флота, будущий гросс-адмирал Гитлера Эрих Редер, присутствовавший на манёврах, писал: «*Встреча двух императоров прошла гладко, и кайзер Вильгельм в ознаменование её дал право всем офицерам германского военно-морского флота носить кортик на черном поясном ремне при повседневной форме одежды*», как это было принято на русском флоте. В свою очередь Николай II, «*которому понравилась широкая фуражка офицеров германского флота, ввел своим указом её в качестве формы одежды русских ВМФ*»³.

---

¹ Télégramme du 21 mai 1901 de Delcassé à Montebello // MAE, NS Russie. Vol 35.

² Император Вильгельм II — императору Николаю II. 22 августа 1901 г. // Переписка Вильгельма II и Николая II. С. 300.

³ Редер Э., гросс-адмирал. *Воспоминания командующего ВМФ Третьего рейха. 1935–1943 гг.* — М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 33.

Кайзер воспринял согласие Николая II приехать в Данциг как проявление уступчивости. Тотчас же после возвращения царя из Франции кайзер попытался развить успех, сразу же навязывая Николаю II новую встречу в Варшаве. Таким образом, Вильгельм пытался ослабить впечатление от присутствия царя на манёврах французской армии и закрепить в представлениях международной общественности особые отношения, якобы существующие между Германией и Россией. Однако Николай II отказался от встречи с кайзером. В письме к графу В. Н. Ламздорфу царь писал: *«Я считаю посещение Данцига совершенно достаточным проявлением моего дружеского отношения к Германии»*¹.

Государь ограничился тем, что в ноябре 1901 г. велел своему брату Великому князю Михаилу Александровичу официально посетить Берлин и передать кайзеру слова благодарности за проведённый смотр. Вильгельм II не преминул намекнуть царю о желательности скорой встречи летом 1902 г. *«Я очень благодарен тебе, — писал кайзер Николаю II, — за любезные слова по поводу Данцига, они преисполняют меня гордостью. Я надеюсь, что при моём визите летом я смогу показать тебе однородную эскадру и один из новых броненосных крейсеров! Я с удовольствием ожидаю нашего свидания»*².

Однако встреч с германским императором у Николая II в 1901 г. больше не было. Поток славословий и комплиментов, сочетавшихся с клятвами в «вечной дружбе» и «братском единении», коими были наполнены все письма германского императора, не мог скрыть того, что говорил кайзер третьим лицам. Так, в 1901 г. на похоронах королевы Виктории, Вильгельм II уверял нового английского короля Эдуарда VII в том, что он враг России и не питает уважения к императору Николаю II. Последнего он характеризовал как *«некомпетентного правителя, годного только для того, чтобы выращивать репу»*³.

¹ Император Николай II — В. Н. Ламздорфу // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 162^а.

² Император Вильгельм II — императору Николаю II. 17 ноября 1901 г. // Переписка Вильгельма II и Николая II. С. 302.

³ Остапенко Г. С. *Наследники королевы Виктории и первые британские мо-*

Осенью 1901 г. в Спале Государь принял брата императора Вильгельма, принца Генриха Прусского. Принц Генрих был назначен командующим Дальневосточной германской эскадрой, поэтому посещение им царя в условиях начавшейся большой игры великих держав на Дальнем Востоке имело важное значение. Генрих Прусский вынес из длительного общения с Николаем II впечатление, не имевшее ничего общего с оценкой кайзера: *«Царь блажелателен, — писал принц Генрих германскому канцлеру Бюлову, — любезен в обращении, но не так мягок, как зачастую думают. Он знает, чего хочет, и не даёт никому спуска. Он настроен гуманно, но желает сохранить самодержавный строй. Свободно думает о религиозных вопросах, но никогда публично не вступит в противоречие с Православием. Хороший военный»*¹.

В своих беседах с принцем Генрихом Николай II ещё раз дал понять, что его союз с Францией вовсе не исключает дружественных отношений с Германией².

Тем временем Вильгельм II продолжал настаивать на новой встрече с царём. В письме от 3 января 1902 г. он писал Николаю II: *«Мой флот, Генрих и я, мы ждём с нетерпением дня, когда сможем в этом году отдать тебе твой визит, и мне было бы очень приятно узнать, когда и где ты нас ожидаешь»*³.

Однако царь явно не спешил встречаться со своим германским кузенком. Ему было известно, что кайзер только что тайно поддерживал англо-японский договор, направленный против России. *«Германское правительство, — говорилось в немецком обращении от*

нархи XX века: Эдуард VII и Георг V. Конституционные полномочия и реальные права монархов XX в. // Новая и Новейшая история. 1999. № 6.

¹ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 25.

² Нигметзянов Т. И. *Российско-германские отношения в правления императоров Николая II и Вильгельма II // II Романовские чтения «Центр и провинция в системе российской государственности»: Материалы конференции. Кострома, 26 — 27 марта 2009 года / Сост. и науч. ред. А. М. Белов, А. В. Новиков. — Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова. 2009.*

³ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 3 января 1902 г. // Переписка Вильгельма II и Николая II. С. 303.

января 1902 г. к японскому правительству, — признаёт, что англо-японский союз является важным орудием укрепления и сохранения мира на Дальнем Востоке. Ввиду того, что интересы Германии в Китае и Корее ограничены, она намеревается придерживаться там дружественного нейтралитета. Придерживаясь дружественного нейтралитета, Германия будет вынуждена, если, к сожалению, разразится война и Франция придет на помощь России, мобилизовать немецкую армию у французской границы, для того чтобы запугать Францию, которая тогда не сможет оказать достаточно эффективную поддержку России. Иными словами. Германия считает, что, придерживаясь нейтралитета, она лучше послужит делу всеобщего мира, нежели выступая с позитивной политикой»¹.

Таким образом, «старый верный друг» кайзер Вильгельм был готов нанести России удар в спину, гарантируя японцам нейтрализацию Франции — главного союзника русских.

11 января 1902 г. Николай II отправил в Берлин своего флигель-адъютанта князя В. Н. Оболенского, которому поручил «передать императору германскому в день его рождения морскую накидку или плащ нового образца и две вазы нашего фарфорового завода»². В письме к кайзеру царь даже не упоминает о предстоящей встрече.

Новая встреча императоров состоялась только в июле 1902 г. в Ревеле. К этому времени Государь знал из донесений своей разведки, что в германском генштабе рассматриваются предложения об использовании польских сепаратистов на территории Царства Польского против русского императорского правительства. В донесении помощника варшавского генерал-губернатора по полицейской части генерал-лейтенанта И. А. Фуллона говорилось, что по сведениям, полученным от военных агентов в Берлине, там идут «тайные переговоры с польско-патриотической партией, обещающая полякам, если они откажут помощь Германии в войне с Россией, после успешного окончания войны образовать из нынешней Познанской провинции и Привисленского края по образцу Саксонского

¹ Шишов А. В. Указ. соч. С. 65.

² Император Николай II — графу В. Н. Ламздорфу. 11 января 1902 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 197.

королевства “Королевство Польское”, которое управлялось бы самостоятельно, но, входя в то же время в состав Германской империи, находилось бы под её постоянной защитой»¹.

Конечно, такие сведения не могли укреплять в Николае II дружеские чувства к Германии. Но с другой стороны, царь полагал главным противником России Англию, а главной геополитической задачей текущего момента — утверждение России на Дальнем Востоке. Вот почему Николай II пытался использовать как Францию, так и Германию для решения этой задачи. Встреча в Ревеле должна была продемонстрировать единство позиций России и Германии на Дальнем Востоке. Однако кайзер, поддерживая устремления России на Дальнем Востоке, старался избежать каких-либо перед нею обязательств. Единственно, что обещал германский император царю, так это гарантировать в случае конфликта на Дальнем Востоке спокойствие на западной границе России и её морских рубежах на Балтике². При этом кайзер как бы разделял «компетенции» обеих стран: Россия должна была сосредотачиваться на Дальнем Востоке, а Германия — по всему миру. Когда императорские яхты расходились после ревельского смотра, Вильгельм II приказал просигналить царю следующий текст: «Адмирал Атлантического океана приветствует адмирала Тихого океана». По приказу Государя со «Штандарта» Вильгельму был дан вежливый, но сухой ответ: «Благодарю. Желаю счастливого плавания».

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Главный противник России

С середины XIX столетия Англия становится главным геополитическим противником России. Соперничество это существовало и раньше, во времена императоров Павла I и Александра I, но

---

¹ Донесение генерал-лейтенанта И. А. Фуллона начальнику штаба Варшавского военного округа, Варшава, 7 (20) марта 1902 г. // РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 143. Л. 78.

² Игнатъев А. В. *Последний царь и внешняя политика* // Вопросы истории. 2001. №6.

тогда, перед лицом наполеоновской опасности, Великобритании приходилось быть с Россией заодно. Победа над Бонапартом принесла Европе мир, а Англии экономический и торговый расцвет. Британская колониальная империя росла и ширилась. Начиная с 20-х годов XIX в. Россия всё более уверенно активизировала свою внешнюю политику, буквально «наступая на пятки» Англии. Блестящие победы армии императора Николая I над персами в 1826—1828 гг. и турками в 1828—1829 гг. закрепили за Россией Восточную Армению, большую часть восточного побережья Чёрного моря, господство в Валахии и Молдавии. По условиям Адрианопольского мира, Турция согласилась с автономиями Сербии и Греции. Авторитет России на Балканах чрезвычайно возрос.

По мере дряхления Османской империи планы Николая I по освобождению от османского ига христианских народов, а также Константинополя, Черноморских проливов и Святой Земли стали серьёзно беспокоить Британскую империю. Главная причина участия Великобритании в Восточной войне (1853—1856 гг.) заключалась именно в попытке устранения России как военно-политического фактора, представлявшего, как это считали в Лондоне, серьёзную опасность для британского могущества. Ещё весной 1854 г., в разгар Восточной войны, английский премьер-министр Генри Джон Пальмерстон строил планы расчленения России: Аландские острова и Финляндию следовало возвратить Швеции, Остзейские провинции (Прибалтику) передать Пруссии, восстановить Польшу, а Молдавию, Валахию и устье Дуная уступить Австрии, Крым и Грузию вернуть Турции, «Черкесию» поставить под сюзеренитет султана¹.

Супруг королевы Виктории принц Альберт в 1850 г. тоже хотел видеть Россию расчленённой. Он говорил: Россия, «*потеряв свои западные пограничные земли, даже может быть сокращена до чисто славяно-азиатского государства, которое перестанет играть существенную роль в управлении Европой*»². Тот же лорд Пальмерстон в

¹ Gueddella Ph. *Palmerston*. — London, 1950. P. 350.

² Виноградов К. Е., Сургаев П. Б. *Королева Виктория, принц-супруг Альберт и Крымская война* // Новая и Новейшая история. 2004. № 2.

1837 г. объяснял, что ненавидит Россию, потому что «*боится её величины, силы и завоевательных возможностей не только в Турции, но и в Афганистане, в Средней Азии, вообще всюду*»¹.

В конце XIX столетия страхи Пальмерстона продолжали доминировать в английской политике. Во время парламентских дебатов 1885 г. премьер-министр Уильям Гладстон заявил: «*Русский кошмар должен быть устранён каким-нибудь решительным ударом. Ни наши финансы, ни наш престиж не вынесут неопределённости угрожающего положения*»².

Собственно этот страх и был главной движущей силой политики Великобритании в отношениях с Россией в течение всей второй половины XIX в. и вплоть до 1907 г., когда «Туманный Альбион» перед лицом германской угрозы был вынужден пойти на соглашение с ненавистным ему Петербургом. Между тем Россия вовсе не собиралась противодействовать Англии любыми средствами и была готова договариваться с нею, учитывая, конечно, свои собственные интересы. Однако опасность России для Англии заключалась в том, что образ православной империи был гораздо ближе туземным народам, чем образ Британской. Английские правящие круги опасались, что в конечном итоге и Афганистан и Индия подпадут под русское влияние. Стремительное завоевание Россией новых позиций в Средней Азии и на Дальнем Востоке, среди иноверческих народов, которые в целом добровольно входили в империю Белого Царя, убедительно доказывало Англии, что то же самое произойдёт и в её колониях, если там в той или иной мере утвердится русское влияние.

О том, что эти страхи Лондона имели под собой основание, говорит письмо индийского магараджи Дулин Сингха к императору Александру III с просьбой освободить Индию от англичан. Сингх писал, что он осмеливается изложить царю «*просьбу как государей, так и народа индийского об освобождении их от угнетателей*». Император Александра III написал на письме: «*Это желательно*»³.

¹ Тарле Е. В. *Крымская война*: В 2 т. — М.; Л.: 1941–1944. Т. 1. С. 93.

² Parliamentary Debates. Н.С. 16 April 1885 Vol. 296. СС. 1864–9.

³ Дневник графа В. Н. Ламздорфа. Вклады в дневнике. Резолюция Алек-

В своей резолюции министру иностранных дел он указал: *«Повелеваю Вам лично — на прочтение. Не показывайте эту депешу никому. Составьте ответ ему и покажите мне до отправления»*¹. Содержание ответа императора индийскому князю неизвестно, но совершенно очевидно, что русские цари со времён Павла I сочувствовали порабощённому индийскому народу. Кроме того, возможный поход в Индию всегда мог быть адекватным ответом России на английскую агрессию.

В 1872–1873 гг. между Россией и Англией было подписано соглашение, которое определяло как территориальные пределы Афганистана, так и общие начала взаимного политического положения обеих стран в Средней Азии. Одной из причин столкновения на Кушке в 1885 г. было нарушение Англией договора с Россией 1873 г., по которому обе державы договорились о создании «буферного пояса в Средней Азии». Этим буфером должен был служить Афганистан, и Англия брала на себя обязательство удерживать афганского эмира от каких бы то ни было наступательных действий².

Характерна оценка Александром III английской стороны, данная императором сразу же после событий на Кушке. Полностью оправдывая действия генерала Комарова, царь писал: события на Кушке *«ещё раз это доказывают, что мы имеем дело с величайшими нахалами»*³.

Инцидент на Кушке легко мог привести к англо-русской войне, и только железная выдержка Александра III, а также убедительная демонстрация готовности России мобилизовать все свои вооружённые силы заставили Британию отступить. Кроме того,

---

сандра III на письмо магараджи Дулин Сингха // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 2.

¹ Письмо магараджи Дулин Сингха императору Александру III. 16 мая 1887 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 80. Л. 1 [копия].

² Депеша Гренвилля, министра иностранных дел Англии, от 24 января 1873 г. // Афганское разграничение: Сборник дипломатических документов. — СПб., 1886. С. 42.

³ Помета императора Александра III на записке министра иностранных дел Н. К. Гирса // ГА РФ. Ф. 667. Оп. 1. Д. 473. Л. 6.

положение России, как члена союза «Трёх императоров» (России, Германии и Австро-Венгрии), выгодно отличалось от положения Англии, которая находилась в «блестящей изоляции». Англия опасалась, что эта изоляция, говоря словами лорда Солсбери, поссорит Лондон со всем миром. *«Все нации объединились против Англии, — говорил Солсбери, — и “концерт Европы” к которому стремился Гладстон, обернулся “концертом против Англии”»*¹.

По мнению англичан, главной «скрипкой» в этом концерте была Россия. Поэтому в конце XIX—начале XX в. Англия всё ещё воспринимала именно Россию своим основным соперником. 10 июня 1900 г. лорд Солсбери писал королеве Виктории: *«Россия мне кажется величайшей опасностью»*².

Однако эгоизм Англии раздражал практически всю Европу. Как писал в своём всеподданнейшем докладе от 22 января 1900 г. министр иностранных дел М. Н. Муравьёв: *«За истекшие полвека Англия, вследствие своей алчной, корыстной и эгоистической политики, успела возбудить против себя неудовольствие почти всех государств континентальной Европы»*³

С другой стороны, в Лондоне полагали, что Англия не нуждается ни в каких союзах и комбинациях и что самая выгодная для неё политика — действовать самостоятельно, используя в своих целях то или иное государство. Эта политика получила в английской истории название «блестящей изоляции». Однако, эффективная в середине XIX столетия, «блестящая изоляция» не соответствовала наступающим новым временам. Поэтому английским правящим кругам всё чаще приходилось договариваться с Россией по тем или иным вопросам. Но главная цель британской политики — всемерно ослаблять и вытеснять с мировой арены Россию — по-прежнему доминировала.

¹ Гелла Т. Н. *У. Гладстон, либералы и Британская империя в последней трети XIX в.* — Орёл. С. 213.

² Сергеев Е. Ю. Указ. соч. С. 102.

³ Всеподданнейший доклад министра иностранных дел 22 января 1900 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп.1. Д. 84. Л. 1.

Николай II и его отношение к Англии

С юных лет Николай II воспринимал Англию как врага России. О коварности «Туманного Альбиона» всегда предупреждал его отец — император Александр III. Во время кругосветного путешествия цесаревича Николая Александровича Александр III писал сыну, когда тот прибыл в Бомбей: *«Я воображаю, как ты теперь доволен быть в Индии и как тебе должно казаться странным быть вдруг там, посреди далеко нам не сочувствующей нации, в царстве красных мундиров¹ и посреди далеко не верноподданных императрицы Индии²! Конечно, англичане тебя будут везде встречать с почётом и даже весьма любезно, но увлекаться этому не следует, и в Англии твоя поездка по Индии далеко многим не по нутру»³.*

В письмах цесаревича Николая своему отцу мы встречаем ещё более сильную неприязнь к Англии. Посещая английские колониальные владения, Николай Александрович воспринимал «владычицу морей», как врага и соперника России. *«Досадно видеть, — писал цесаревич отцу из Каира, — как англичане разгуливают в мундирах по городу, как будто в Лондоне»⁴.* В другом письме Александру III цесаревич пишет, что *«англичане думают и стараются только для себя и своей выгоды»⁵.* Посетив Каунпор, центр восстания сипаев в 1857 г., и выслушав рассказы сопровождавших его англичан о зверствах, творимых здесь индийцами, цесаревич *«не удержался и напомнил англичанам о тех же мерах, какими они сами пользовались после подавления мятежа — расстреливая бунтовщиков у дула орудий»⁶.* В Бенаре-

¹ Цвет военной униформы английской армии в конце XIX в.

² Имеются в виду индийцы.

³ Император Александр III — цесаревичу Николаю Александровичу. 18 декабря 1890 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1139. Л. 30.

⁴ Цесаревич Николай Александрович — императору Александру III. 12 ноября 1890 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919 (3). Л. 124.

⁵ Цесаревич Николай Александрович — императору Александру III. 1 декабря 1890 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919 (3). Л. 128.

⁶ Цесаревич Николай Александрович — императору Александру III. 20 января 1891 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919 (3). Л. 142.

се наследника русского престола возмутило поведение английского наместника, который встретил цесаревича, оставив за спиной местного индийского князька. Для цесаревича было совершенно неважно, что этот магараджа *«владеет небольшим клочком вне Бенареса»*. Это нисколько не извиняет английского чиновника проявлять такую *«непочтительность к туземному князю»*¹. В такой реакции будущего Государя особенно ярко проявляется антиколониальный, антирасистский дух русской монархии. Подобная мысль не могла прийти в голову, конечно, ни одному западному монарху. Путешествие на Восток и впечатления от английского колониализма ещё больше утвердили будущего императора в мысли, что *«мы должны быть сильнее англичан в Тихом океане»*².

Вместе с тем восшествие на престол Николая II воспринималось в Англии с надеждой на улучшение двусторонних отношений. В первую очередь поводом для этого служила женитьба императора на принцессе Гессен-Дармштадтской Алисе, приходившейся внучкой королеве Виктории, которая питала к ней самые нежные чувства. 9/21 апреля 1894 г. газета «Новое время» писала по поводу обручения тогда ещё наследника-цесаревича с принцессой Гессен-Дармштадтской: *«Лондон. Все здешние газеты радостно приветствуют известие по помолвке Его Императорского высочества Наследника Цесаревича с принцессой Алисой Гессенской. Здешняя печать придаёт огромное значение этому факту, особенно ввиду родственных отношений Августейшей Невесты и королевы Виктории. Times заявляет, что отныне мир Европы покоится на отношениях России к Великобритании в борьбе, которую обе державы веля за своё существование. Возникающее родство между императрицей Индии и Белым Царём произведет, несомненно, сильное впечатление на умы Востока и укрепит надежды на прочный, долгий мир»*³.

¹ Цесаревич Николай Александрович — императору Александру III. 20 января 1891 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919 (3). Л. 144.

² Цесаревич Николай Александрович — императору Александру III. 7 марта 1891 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919 (3). Л. 156.

³ Новое время. 17 января 1894 г.

Императора Николая II связывали личные отношения с английской королевой Викторией. Свою любовь к внучке королева Виктория перенесла на наследника русского престола, ставшего в октябре 1894 г. императором. Преодолевая свойственную ей политическую русофобию, английская королева, в день свадьбы Николая II и Александры Фёдоровны, подняла бокал «за здоровье Их Величеств русского Императора и Императрицы, моих дорогих внучат»¹.

Русский царствующий дом конца XIX в. был тесно связан с английским королевским домом. Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, урождённая принцесса Дагмара, была младшей сестрой британской королевы Александры. В то же время молодая супруга императора Николая II императрица Александра Фёдоровна, являвшаяся принцессой Гессенской, была дочерью принцессы Алисы, родной сестры принца Уэльского Альберта-Эдуарда, будущего короля Эдуарда VII, которому приходилась племянницей.

Несмотря на такое тесное родство, отношения между двумя царствующими домами не были близкими². Пытаясь их улучшить, королева Виктория послала на свадьбу императора Николая II и императрицы Александры Фёдоровны своего сына принца Уэльского Альберта-Эдуарда и внука принца Георга. Однако принц Уэльский плохо справился со своей задачей. По воспоминаниям С. Ю. Витте, который впрочем, любил распространять разного рода непроверенные сплетни, Альберт-Эдуард во время одного из завтраков с императором и императрицей, обращаясь к Государыне, «довольно недипломатично сказал: *“Как профиль твоего мужа похож на профиль императора Павла”*, — что очень не понравилось как императору, так и императрице»³.

В 1896 г., в ходе европейского турне, Николай II отдал визит

¹ Боханов А. Н. *Александра Фёдоровна*. — М.: Вече, 2008. С. 96.

² Остапенко Г. С. *Наследники королевы Виктории и первые британские монархи XX века: Эдуард VII и Георг V. Конституционные полномочия и реальные права монархов XX в.* // Новая и Новейшая история. 1999. № 6.

³ Витте С. Ю., граф. *Воспоминания. Царствование Николая II*. Т. 1. С. 4–5.

вежливости королеве Виктории. Царская семья провела две недели в гостях у королевы в шотландском замке Бальмораль.

Однако, несмотря на хорошие личные отношения с королевой и другими представителями правящей английской династии, Николай II продолжал считать Великобританию главным противником России. В 1896 г. великий князь Алексей Александрович в своей письменной рецензии на книгу Г. Кази «*Русский военный флот, его современное состояние и задачи*», предоставленной Николаю II, с возмущением отмечал: «*Автор брошюры принадлежит к числу лиц, которые считают Англию нашим главным неприятелем*». На что Государь на полях написал: «*К этому я вполне присоединяюсь, как всякий русский, знающий родную историю*»¹.

Николай II всегда относился к Англии крайне настороженно. Между тем в Лондоне вначале рассчитывали, что молодой и неопытный царь, внешне настроенный вполне англофильски, станет проводником британской политики. Королева Виктория пыталась оказывать влияние на Николая II, надеясь, что тёплые родственные чувства будут способствовать продвижению английских интересов. Однако надежды королевы Виктории не оправдались — царь не признавал родственных привязанностей в отстаивании интересов своей страны. Он был убеждён: «*Политика — это не то, что домашние или частные дела, и в ней нельзя руководствоваться личными чувствами и отношениями*»².

Это хорошо видно из писем Николая II к «дражайшей бабушке». Так, в мае 1895 г. королева Виктория жаловалась ему на недопустимый, по её мнению, тон некоторых русских газет в отношении Англии, и просила царя повлиять на них. Ответ Государя взывал к демократическим принципам в отношениях власти и прессы: «*В ответ на Ваше второе письмо, где Вы упоминаете статьи об Англии в русских газетах, я должен сказать, что не могу за-*

¹ Записка великого князя Алексея Александровича по поводу брошюры Кази «Русский военный флот, его современное состояние и ближайшие задачи». С пометами Николая II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 440. Л. 8.

² Император Николай II — королеве Виктории. 10/22 мая 1895 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1111. Л. 25 [на англ. яз.].

претить людям открыто выразить свои мнения в печати. Разве меня не огорчали часто довольно несправедливые суждения о моей стране в английских газетах? Даже в книгах, которые мне постоянно присылают из Лондона, ложно освещают наши действия в Азии, нашу внутреннюю политику и т. п. Я уверен, что в этих писаниях не больше сознательной враждебности, чем в упомянутых выше статьях»¹.

Россия и Эфиопия: противостояние с Англией и Италией

Первое заочное столкновение России и Англии в эпоху царствования Николая II произошло в далёкой Эфиопии (Абиссинии). В 1895 г. Италия, поддерживаемая Англией, начала захватническую войну против Абиссинии. Великобритания была связана союзническими узами с Италией ещё с 1887 г., когда между этими государствами, а также Австро-Венгрией был заключён союз («Средиземноморская Антанга»), направленный на ослабление позиций России и Франции на Ближнем Востоке и укрепление позиций Англии в Египте, Италии в Триполитании и Австро-Венгрии на Балканах. Однако, раздираемый внутренними противоречиями, этот союз скоро распался². В 1895 г. Англия, которая находилась в условиях «блестящей изоляции», начала вести переговоры с Италией о возобновлении союза, толкая её на колонизацию Эфиопии. Таким образом, английские правящие круги стремились руками итальянцев утвердиться в богатой полезными ископаемыми африканской стране.

Италия пыталась присоединить к себе Эфиопию ещё в 1889 г., когда итальянское правительство объявило, что отныне представляет интересы этой страны на международной арене. Все державы, кроме России и САСШ, признали это право Италии. Однако

¹ Император Николай II — королеве Виктории. 10/22 мая 1895 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1111. Л. 25 [на англ. яз.].

² Дипломатический словарь. — М.: ГИПЛ. А. Я. Вышинский, С. А. Лозовский. 1948.

27 сентября 1890 г. вступивший на эфиопский престол негус Менелик II направил итальянскому королю Умберто I послание, в котором категорически протестовал против итальянских заявлений. О своём вступлении на престол он сообщил всем европейским государям, в том числе и императору Александру III. Италия ссылалась на подписанный с Эфиопией Уччиальский договор «О дружбе и торговле» от 2 мая 1889 г., по которому Эфиопия признавала над собой верховенство Италии. На самом деле статья 17 этого договора была сфальсифицирована итальянцами. Дело в том, что договор был составлен на двух языках, итальянском и амхарском. На амхарском статья звучала так: *«Его величество царь царей Эфиопии может прибегать к услугам правительства Его величества короля Италии во всех делах с прочими державами»*. В итальянском варианте слово «может» было заменено на слово «согласен», и таким образом получалось, что Эфиопия, признавала над собой протекторат Италии¹.

Россия не признала ни прав Италии на Эфиопию, ни её полномочий руководить внешней политикой этой страны. Дипломатический представитель России в Египте А. И. Кояндера сообщал министру иностранных Н. К. Гирсу: *«Факт отправления письма Менеликом Государю Императору доказывает, что заявление итальянцев о том, будто, согласно подписанному владельцем Шоа 2 мая с.г. договору, все внешние сношения Абиссинии должны находиться в их руках, или заведомо ложно, или же основано на недоразумении. Менелик, если даже он и подписал подобный договор, по-видимому, вовсе не намерен ему подчиниться и прямые с ним отношения являются, таким образом, вполне возможными»*².

Эфиопия отказалась признавать условия сфальсифицированного договора и 12 февраля 1893 г. денонсировала его, что привело к нападению на неё Италии, подталкиваемой Англией. Уже в силу

¹ Бартницкий А., Мантель И. *История Эфиопии*. — М.: Прогресс, 1976. С. 326.

² А. И. Кояндера — Н. К. Гирсу о пребывании в Эфиопии В. Ф. Машкова и его впечатлениях // АВП РИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д 2003. Л. 24–26 об.

этого Россия была заинтересована увеличить своё влияние в Абиссинии, чтобы использовать его против Великобритании и Италии, чьи колониальные владения находились вблизи эфиопских границ. Ю. Елец в своей книге, вышедшей в 1898 г., писал: «*Что нам Абиссиния? Зачем она нужна России? В ответ на это вспомним только о том, какая важная роль предстоит нам в будущем Азии, какой серьёзной соперницей нашей является там Англия и как чувствительно всё, происходящее в Африке*».¹

Объясняя позицию России в отношении Абиссинии русскому резиденту в этой африканской стране действительному статскому советнику К. Н. Лишину, министр иностранных дел в секретной инструкции писал: «*Для императорского правительства Абиссиния является главным образом серьёзным средством воздействия на другие государства, а посему ограждение независимости и территориальной неприкосновенности Абиссинии составляет основное начало нашей политики к этой стране*»².

Помимо геополитических интересов Эфиопия воспринималась в России как православная страна. И хотя это было в целом неверно (эфиопы-монофизиты), в русском обществе прочно утвердилось представление о православных братьях, которым угрожает опасность. Кроме того, страна имела большое сакральное значение: по легенде, именно в Эфиопии находится Ковчег Завета, а эфиопский император — прямой потомок царя Соломона. Уже в 1894 г. в Абиссинию была послана, с одобрения Николая II, экспедиция Русского географического общества. Официально целью экспедиции было изучение и исследование природы и народа этой страны. Однако на самом деле, помимо научных интересов, экспедиция носила характер военный и разведывательный. Не случайно её возглавлял есаул Кубанского войска Н. С. Леонтьев, который стал ближайшим советником негуса Менелика II по делам внешней политики и обороны³.

¹ Елец Ю. Л. *Император Менелик и война его с Италией. По документам и походным дневникам Н. С. Леонтьева.* — СПб., 1898. С. II.

² АВП РИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 157. Л. 53–54.

³ Елец Ю. Л. Указ. соч. С. 29.

23 июня 1895 г. в Петербург прибыла масштабная дипломатическая делегация Эфиопии во главе с двоюродным братом негуса расом Дамтоу¹. Приезд эфиопской миссии не был согласован с российским МИД и явился для правительства России полной неожиданностью. Формальной целью миссии было возложение золотой короны на усыпальницу покойного императора Александра II². Дамтоу вёз царю письмо от Менелика. Н. С. Леонтьев сообщал в МИД: *«Письмо Менелика Государю Императору, которым снабжён Дамтоу, не заключает в себе никакой просьбы, ограничиваясь лишь рекомендацией отправляемого в С.-Петербург Посланца. На последнего, кроме того, не возложено никакого политического поручения. Негус, по-видимому, вполне понимает, что никакой материальной помощи Россия оказать ему, хотя бы вследствие географического положения обеих стран, не может. Единственно, к чему он стремится, — это будто бы иметь в Европе благорасположенное к нему государство, которое могло бы подавать ему государственные советы и предупреждать о грозящих ему опасностях. Кроме того, он, кажется, желал бы получить из России инструкторов для своей армии и инженеров и другого рода техников для разработки природных богатств Абиссинии»*³.

Император Николай II согласился принять эфиопскую делегацию. 30 июня 1895 г. в Большом (Екатерининском) дворце Царского Села царю и царице была представлена весьма экзотическая делегация. По этому поводу Николай II записал в своём дневнике: *«После докладов мы с Аликс поехали в Большой дворец, где приняли Абиссинское посольство. Красивые чёрные люди, в странной одежде, как будто сверху им чего-то недостаёт. Разговаривали через их переводчика по-французски, но разговор не клеился. Кроме нескольких подарков, я получил орден “Печать Соломона”»*⁴.

¹ Елец Ю. Л. Указ. соч. С. 29.

² Россия и Африка: Документы и материалы. Т. 1. XVIII век — 1917 г. — М., 1999.

³ А. И. Кояндер — князю А. Б. Лобанову-Ростовскому. 8/20 июня 1895 г. // АВП РИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2013. Л. 4—5 об.

⁴ Дневник императора Николая II. Запись от 30 июня 1895 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. Л. 38.

Подарки от негуса состояли из восьмиконечной священной звезды весом около восьми килограммов золота, которая покоилась на двух подушках, вышитых золотом. В ней находилась рукописная Библия, обшитая зелёным бархатом, украшенным золотым тиснением, искусно выполненным эфиопскими мастерами¹.

Несмотря на сложности переговоров с плохо знавшими французский язык абиссинцами, для Эфиопии результаты встречи с царём были значительными.

Эфиопская делегация оставалась в России сорок три дня. Она увезла с собой 135 больших коробок с винтовками и боеприпасами, а также крупную партию кавалерийских сабель Златоустовского завода. Император Николай II из своих средств передал Менелику II в качестве подарка 400 тыс. рублей². Сам негус Менелик II был высочайше пожалован орденом Святого благоверного великого князя Александра Невского, украшенным бриллиантами³. Награды получили многие члены правящей эфиопской династии.

Кроме того, Николай II передал личное письмо негусу Менелику. Царь писал: *«Ваше Величество, отправленное Вашим Величеством в Россию Чрезвычайное посольство вполне благополучно прибыло в мою столицу и передало Мне дружественное письмо Ваше от 22 мязия⁴. Выраженные в этом письме чувства соболезнования по поводу кончины в Бозе почившего Отца моего Императора Александра III и благожелания по случаю вступления Моего на прародительский престол искренне тронули Меня. С удовольствием приняв из рук принца Дамто Святые Евангелие и золотой крест, я могу заверить Ваше Величество в неизменном Моём расположении, а равно и уча-*

¹ Jesman Czesław. *The Russian in Ethiopia. An Essay in Futility.* — London: Chatto and Windus, 1957. P. 87.

² Jesman Czesław. *Op. cit.* P. 88.

³ Высочайшее соизволение о награждении членов эфиопской дипломатической миссии // АВП РИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2013. Т. 4—5 об.

⁴ Месяц амхарского календаря, соответствует 30 апреля европейского календаря.

стии к судьбам абиссинского народа. Во имя этих чувств я прошу Вас принять и возложить на себя знаки ордена святого благоверного великого князя Александра Невского, украшенные бриллиантами. Для облегчения Чрезвычайному посольству Вашего Величества обратного путешествия я разрешил есаулу Леонтьеву сопровождать посольство по пути следования в Абиссинию. Засим молю Всевышнего о долголетии Вашего Величества и о ниспослании успеха всем Вашим благим начинаниям. Вашего Величества добрый брат Николай»¹.

22 июня 1895 г. министр иностранных дел князь А. Б. Лобанов-Ростовский докладывал Николаю II: «Итальянский поверенный в делах крайне возбужден появившимися в газетах известиями об официальном приеме, оказанном в Одессе абиссинской депутации. Вчера он приезжал сказать мне, что этот приём произведет в Италии самое прискорбное впечатление; что Менелик, подчинившийся итальянскому протекторату, находится ныне в возмущении против Итальянского правительства, и что вследствие сего почести, возданные его посланцам, не соответствуют дружественным отношениям, существующим между обеими нашими правительствами.

На это я ответил господину Сильвестрелли, что итальянского протектората над Абиссинией мы никогда не признавали; что если Менелик в чём-либо поступил в противность своим договорам с Италией, то это до нас вовсе не касается и что вообще, какие бы ни были враждебные отношения между двумя государствами, отношения эти никогда и нигде не почитались препятствием к тому, чтобы посторонние державы имели сношения с каждым из этих государств»².

Уже в ходе войны в Эфиопию через Джибути из России и Франции было доставлено 130 тыс. ружей³. В марте 1896 г. Российское общество Красного Креста отправило в Абиссинию санитарный отряд, в Аддис-Абебе стал действовать русский госпи-

¹ Император Николай II — негусу Менелику II // АВП РИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 137. Л. 55.

² Князь А. Б. Лобанов-Ростовский — императору Николаю II. 22 июня 1895 г. // АВП РИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 137. Л. 38—39.

³ Елец Ю. Л. Указ. соч.

таль¹. Был выпущен нагрудный знак с надписью: «*Православным братьям Абиссинии. Красный Крест России*»².

В марте 1896 г. эфиопская армия нанесла сокрушительное поражение итальянцам в битве при Адуа. 30 марта 1896 г. русский посол в Италии А. Г. Влангали сообщил телеграммой Николаю II, что в разговоре с министром иностранных дел О. Каэтани последний высказал озабоченность, что русская помощь Абиссинии вызывает негативную реакцию в итальянском общественном мнении, что может привести к падению его кабинета. На сообщении посла Государь написал резолюцию: «*Очень нам нужно знать общественное мнение Италии и бояться за участь их министерств*»³.

14 марта 1896 г. посол Италии в Петербурге А.-К. Маффеи ди Больо доложил министру иностранных дел Италии О. Каэтани, что «*Менелик телеграфировал Царю о своём согласии начать мирные переговоры с Италией с целью заключения почётно мира при условии сохранения независимости Эфиопии*»⁴. По указу Николая II дипломатическую поддержку мирным переговорам обеспечивала Россия.

1 апреля 1896 г. Менелик II направил письмо «*московскому царю царей Николаю II*», в котором сообщал «о своих трудностях». Менелик просил Николая II помочь ему окончательно выгнать из Абиссинии итальянцев. «*Пусть уходят итальянцы, — писал он, — которых мы раньше уважали и которые затем творили здесь злодеяния*»⁵. Раса Маконен 17 июля 1896 г. выражал импера-

¹ Давидсон А. Б. *Гумилёв в Абиссинии* // Новая и Новейшая история. 2001. № 6.

² Давидсон А. Б. *Гумилёв в Абиссинии* // Новая и Новейшая история. 2001. № 6.

³ Резолюция императора Николая II на телеграмме посла А. Г. Влангали. [копия]. 30 марта 1896 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 45. Л. 69.

⁴ L'Ambasciatore a Pietroburgo, Maffei, al ministro Degli Esteri, Caetani. 14 marzo 1896 // I Documenti Diplomatici Italiani. Terza Seria: 1896—1907. V. 1. — Roma, MCMLIII. P. 15.

⁵ Император Менелик II — императору Николаю II. 1 апреля 1896 г. // Материалы архива внешней политики России. Некоторые новые доку-

тору Николаю II глубокую благодарность за оказанную Эфиопии помощь: «*Да благословит вас Бог. Сообщаю Вам, что раненых наших лечат люди ваши, которые прибыли из России. Передаю Вам мою благодарность и выражение моей радости. Эфиопы никогда не забудут вашей благосклонности. Пусть даст Вам Бог долгие годы жизни и здоровье. Да будет уважение всему народу русскому на радость Эфиопии*»¹.

1 сентября 1896 г. Маффеи проинформировал виконта Э. Висконти-Веноста, сменившего Казтани на посту главы внешнеполитического ведомства Италии, что «*Менелик обратился к Царю с просьбой быть посредником в итало-абиссинском конфликте*»².

Николай II лично контролировал весь ход переговоров эфиопов с итальянцами. При этом он проявил в этом вопросе незаурядную эрудицию и дипломатические способности. 9 сентября 1896 г. Николай II направил М. Н. Муравьеву следующее письмо: «*Прошу обратить внимание на это весьма интересное письмо Менелика к королю Греческому, копию с которого посылаю Вам. Надо будет иметь ввиду его содержание, при дипломатическом ходе мирных переговоров между Абиссинией и Италией. Николай*»³. В послании к греческому королю Георгу I Менелик подробно рассказывал о фальсификации итальянцами статьи 17 Уччиальского договора, что было тогда еще неизвестно ни русским, ни европейцам⁴. По указанию импе-

---

менты о русско-эфиопских отношениях. (Конец XIX — начало XX века) // Проблемы востоковедения. 1960. № 1.

¹ Раса Маконен — императору Николаю II. 17 июля 1896 г. // Материалы архива внешней политики России. Некоторые новые документы о русско-эфиопских отношениях. (Конец XIX — начало XX века) // Проблемы востоковедения. 1960. № 1.

² L'Ambasciatore a Pietroburgo, Maffei, al ministro Degli Esteri, Visconti Venosta. 1 settembre 1896 // I Documenti Diplomatici Italiani. Terza Serie. V. 1. P. 131.

³ Император Николай II — М. Н. Муравьеву. 9 сентября 1896 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 45. Л. 69.

⁴ Негус Менелик II — греческому королю Георгу I. 1889 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 68. Л. 5–6. [на фр. яз.]

ратора Николая II русский посол в Риме немедленно запросил министра иностранных дел Италии Висконти-Веноста, согласно ли правительство короля на условия Менелика¹. 4/16 октября 1896 г. Российское телеграфное агентство сообщило, что в Аддис-Абебе подписан мирный договор, по которому Италия признала независимость Эфиопии и выплатила ей контрибуцию².

Видную роль в дипломатической победе Эфиопии сыграла Россия и лично император Николай II. Эфиопы высоко оценили помощь русского народа. Император Менелик направил начальнику санитарного отряда Российского общества Красного креста Н. К. Шведову свою благодарность, в которой говорилось: *«Мы очень благодарим Вас за то, что Вы позаботились направить в нашу страну от общества Красного Креста полное оборудование и необходимые медикаменты. Сейчас над бывшим лагерем общества Красного Креста, где ранее развеялся флаг русского государства, вновь поднят эфиопский флаг. Вы неотделимы от нас, мы запечатали вас в наших сердцах»*³.

В сентябре 1897 г. Николай II послал к Менелику II Чрезвычайную дипломатическую миссию во главе с действительным статским советником П. М. Власовым⁴. В составе миссии были врачи, военные, инструкторы. Это было первое дипломатическое представительство, отправленное Россией в Чёрную Африку. Конвой чрезвычайного посланника состоял из 21 казака лейб-гвардии Атаманского полка под командованием сотника П. Н. Краснова⁵. В первых числах февраля 1898 г., преодолев более 500 км по горам и пустыням, миссия прибыла в основанную Менеликом II новую столицу страны Аддис-Абебу. Между Абиссинией и Россией были установлены дипломатические отношения.

¹ I Documenti Diplomatici Italiani. Terza Seria. V. 1. P. 138.

² Российское телеграфное агентство, понедельник 4/16 октября 1896 г.

³ Материалы архива внешней политики России. Некоторые новые документы о русско-эфиопских отношениях. (Конец XIX — начало XX века) // Проблемы востоковедения. 1960. № 1.

⁴ Булатович А. К. *С войсками Менелика II. Дневник похода из Эфиопии к озеру Рудольфа*. — СПб., 1900. С. 1.

⁵ Булатович А. К. Указ. соч. С. 2.

После итало-эфиопской войны отношения между Россией и Эфиопией продолжали крепнуть. В Эфиопии стали появляться доверенные лица царя, которые являлись одновременно близкими советниками эфиопского негуса. Прежде всего, следует отметить поездку по Абиссинии с отрядом казаков полковника Генерального штаба Л. К. Артамонова, получившего от Менелика II должность советника. Главной задачей Артамонова была глубокая разведка местности и помощь эфиопской армии в недопущении вторжения на территорию Эфиопии английских войск, что Артамонов блестяще исполнил.

Россия с Абиссинией сблизилась потому, что их интересы во многом совпадали. Обе страны видели в Англии противника. Менелик при этом хотел получить у России и защиту от Англии, и прямую материальную помощь¹.

Такая помощь стала особенно актуальной в 1899 г., когда нависла угроза агрессии против Эфиопии со стороны Великобритании. П. М. Власов был твёрдо убеждён, что вторжение английских войск в западные пределы Эфиопии является лишь вопросом времени. 29 апреля 1899 г. он докладывал М. Н. Муравьёву: *«Ввиду вероятной неизбежности войны между Англией и Эфиопией я счёл нужным собрать под рукою сведения касательно боевой готовности последней. Сведения эти, к сожалению, говорят не в пользу её [...] Если в интересах России поддерживать императора Менелика и Эфиопию в борьбе их с Англией, то казалось бы необходимым, пока отношения их к англичанам не обострились и не дошли до открытого разрыва, оказать им помощь безотлагательно»*². Власов предлагал безвозмездно направить в Абиссинию военные корабли с 30–50 тыс. ружей Бердана и 10–15 млн патронов к ним, а также 15–20 тыс. лёгких горных скорострельных орудий с 200–300 зарядами на каждое и, воздействуя на правительство Франции, добиться от него такой же бесплатной помощи в поставке патронов к ружьям Гра³.

¹ Давидсон А. Б. *Гумилёв в Абиссинии* // Новая и Новейшая история. 2001. № 6.

² П. М. Власов — графу М. Н. Муравьёву // АВП РИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 146. Л. 233.

³ П. М. Власов — графу М. Н. Муравьёву // АВП РИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 146. Л. 236–238 об.

Мысль о возможности английского нападения на Эфиопию разделялась и рядом европейских дипломатов в Аддис-Абебе, а также самим императором Менеликом. Негус просил Власова откомандировать в западные районы поручика лейб-гвардии Гусарского полка А. К. Булатовича с целью определения степени боеспособности расположенных там эфиопских гарнизонов. Булатович находился в Абиссинии со специальной миссией. В сентябре 1897 г. он встречался с Менеликом II, который включил его в состав военной экспедиции по землям Каффы, куда еще не ступала нога человека. Целью экспедиции было закрепление этих земель за Абиссинией. В походе Булатович вел географические наблюдения. Им был открыт ранее неизвестный горный хребет, названный в честь Николая II¹. 5 марта 1899 г. Государь выполнил просьбу Менелика и направил Булатовича вновь в Эфиопию. Перед отъездом Булатовича царь лично встретился с ним и напутствовал его. Встреча происходила в Зимнем дворце «вне правил», то есть вне установленного протокола².

Однако вторжение Англии не состоялось, так как она увязла в кровавой войне с бурами и ей стало не до Эфиопии. Тем более что в Лондоне понимали, что война с Менеликом вызовет в той или иной форме вмешательство России.

В 1902 г. Булатович писал: *«Обращаясь к взаимным отношениям России и Эфиопии, мы видим, что Россия есть единственная искренняя и бескорыстно сочувствующая Абиссинии держава. Только сочувствием вызваны наши прямые сношения с Абиссинией, и сочувствие является самой характеристичной чертой русской политики в Абиссинии»*³.

Характер отношений Эфиопии и России был прекрасно отражен в послании Менелика II (8 марта 1907 г.) русскому царю: *«Мы*

¹ Иларион (Алфеев), епископ. *Священная тайна Церкви. Введение в историю и проблематику имяславских споров*. — СПб.: Издательство Олега Абышко, 2007. С. 413.

² Иларион (Алфеев), епископ. Указ. соч. С. 415.

³ Записка А. К. Булатовича в МИД. 7 июля 1902 г. // АВП РИ. Ф. Полит-архив. Оп. 482. Д. 157. Л. 48—50 об.

приносим нашу искреннюю благодарность Вам и всему Вашему народу за Вашу помощь и поддержку, за Ваши заботы и любовь к нам — за всё то, что в течение многих дней Вы делали для нас, ваших друзей, — христианской православной Эфиопии. Будьте благословенны за Вашу благожелательность и ваши благодеяния во имя Иисуса Христа. Чем можем ответить мы вам, кроме благодарности? Мы всегда будем вспоминать ваши деяния в молитвах и думах наших»¹.

Память об императоре Николае II долго хранилась в эфиопском народе. Когда в 20-е гг. советский учёный Н. И. Вавилов посетил Эфиопию, он встретился с регентом государства раса Тэфэри, который вскоре стал негусом Хайле Селассия I. Как вспоминал Вавилов, раса Тэфэри очень интересовался «судьбой императорского Дома». Понятно, что по цензурным соображениям учёный не мог написать напрямую, что эфиопский правитель скорбел о судьбе императора Николая II, Августейшего друга и покровителя его страны. Сам будущий эфиопский император, встречаясь с Вавиловым, не мог предположить, что через полвека он будет тоже злодейски убит коммунистическим режимом, пришедшим к власти в его стране путём переворота.

Россия устанавливает связи с Марокко

Россия всё увереннее проникала в Африку, регион, который воспринимался Англией и Францией исключительно своей вотчиной. Причём проникновение России носило диаметрально противоположный характер, чем у англичан и французов. Это не были колониальные завоевания или оккупация стран и покорение народов. Белый Царь далёкой великой страны всегда проявлял себя как покровитель слабых государств, защитник их национальных интересов. Россия всегда была заинтересована в сохранении суверенитета и независимости стран Африки и Азии, которые вос-

---

¹ Император Менелик II — императору Николаю II. 8 марта 1907 г. // Материалы архива внешней политики России. Некоторые новые документы о русско-эфиопских отношениях. (Конец XIX — начало XX века) // Проблемы востоковедения. 1960. №1.

принимались Англией и Францией исключительно как объект их хищнических устремлений. Одним из таких государств был султанат Марокко. В начале XX в. как Великобритания, так и Франция имели свои виды на эту богатую страну. Но наиболее агрессивно к Марокко была настроена Великобритания.

В 1901 г. Николай II послал в Марокко русскую дипломатическую миссию, которую возглавлял генеральный консул в ранге министра-резидента В. Р. Бахерахт. В Марокеше Бахерахт вручил верительные грамоты султану Марокко Аб аль-Азису. Султан заверил консула в самых дружественных чувствах к России и выразил глубокую благодарность императору Николаю II за присланную миссию.

В апреле 1901 г. в Петербург было отправлено чрезвычайное посольство во главе с министром иностранных дел султаната Абд аль-Кримом бен-Слиманом¹. Из Марракеша посланцы сначала передвигались на лошадях по Северной Африке, потом по Средиземному морю прибыли во Францию и оттуда по Северной железной дороге почти месяц добирались до Петербурга. В знак высочайшего уважения султан подарил царю десять знаменитых арабских скакунов.

24 июля марокканская делегация была принята в Большом Петергофском дворце императором. Абд аль-Крим передал Николаю II послание султана Аб аль-Азиса. В своём ответе султану Государь писал: *«Мы усмотрели в решении отправить означенную первую официальную миссию в Россию новый залог искреннего желания Вашего Величества ещё теснее закрепить дружественные отношения, установившиеся между империями нашими»*².

Во время переговоров М. Н. Муравьев призывал марокканского посланника не иметь дела с Англией и больше ориентироваться на Францию. Но, подчёркивал Муравьев, Россия в любом случае заинтересована в независимом и сильном Марокко.

Марокканская делегация вернулась в Марокеш с самыми луч-

¹ Подгорнова Н. П. *Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах (1777 — 1916)*. — М.: Институт Африки, 1999.

² Подгорнова Н. П. Указ. соч. С. 56.

щими впечатлениями от поездки в Россию. В беседе с секретарем российского генерального консульства С. А. Каншиным Сид Абд аль-Крим бен-Слиман не скрывал своего восхищения приемом, оказанным ему в России. Послание Николая II султану вызвало, по заверению министра, огромную радость Абд аль-Азиза, поскольку подтверждало бескорыстную дружбу российского императора и давало надежду на дальнейшее укрепление связей между двумя странами.

Противостояние Николая II попыткам Англии присоединить Египет и борьба царя за свободный статус Суэцкого канала

Весьма болезненным и важным вопросом для России в её отношениях с Англией был вопрос свободного мореплавания по Суэцкому каналу. 29 октября 1888 г. в Константинополе все ведущие европейские державы — Великобритания, Франция, Россия, Австро-Венгрия, Германия, Испания, Италия, Голландия, а также Турция, представлявшая одновременно Египет, подписали декларацию «Относительно обеспечения свободного плавания по Суэцкому каналу». Первая глава этой конвенции гласила: *«Морской Суэцкий канал как в военное, так и в мирное время будет всегда свободен и открыт для всех коммерческих и военных судов без различия флага. Ввиду сего Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются ни в чем не нарушать свободного пользования Каналом как в военное, так и в мирное время»*¹.

Однако, поскольку канал имел для Англии первостепенное значение — он связывал метрополию с удалёнными частями империи, — английское правительство не спешило выполнять полностью подписанную конвенцию, ссылаясь на то, что Египет, по которому проходил канал, был оккупирован английскими войсками. Между тем Египет был частью владений турецкого султана, и английская оккупация была незаконной. Российская империя всячески противилась захвату Египта западными державами,

---

¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. С. 272.

и прежде всего Англией, по следующим причинам: во-первых, Англия была главным соперником России на Ближнем Востоке; во-вторых, Россия была заинтересована в Суэцком канале, связующем звене европейской части империи с Дальним Востоком. Россия ещё со времён Александра II вела борьбу за эвакуацию английских войск из Египта и открытие Суэцкого канала для свободного мореплавания. Российские представители обратились к турецкому султану, добиваясь созыва специальной международной конференции по определению статуса Суэцкого канала и Египта.

Лондон был готов предложить России Черноморские проливы в обмен на Египет. Но Россия не согласилась на это, отлично понимая, что, при господстве Англии на Суэцком канале, Босфор и Дарданеллы теряли значение в качестве главной связующей магистрали с Дальним Востоком.

Вступив на престол, Николай II практически сразу же занялся проблемой освобождения Египта и Суэцкого канала. 5 июля 1896 г. по приказу царя министр иностранных дел князь Лобанов-Ростовский встретился с британским принцем Людвигом Баттенбергом по вопросу английской оккупации Египта, и в частности, Суэцкого канала. В своём докладе Государю князь отмечал, что он *«совершенно открыто изложил принцу побуждения, руководившие нами в Египетском вопросе. С того времени как интересы России на крайнем Востоке стали развиваться, вопрос о свободном проходе судов через Суэцкий канал и Чёрное море приобрёл для нас первостепенное значение. Между тем в переговорах, предшествовавших заключению Суэцкой конвенции, Англия заявила, что, пока Египет занят её войсками, конвенция эта не может быть применена»*¹.

10/2 октября 1896 г. в своём послании Николай II дал ясно понять королеве, что Россия недовольна английской оккупацией. *«Что касается Египта, — писал царь, — то это очень серьёзный вопрос, затрагивающий не только Францию, но и всю Европу. Россия весьма заинтересована в том, чтобы были освобождены и открыты её кратчайшие пути к Восточной Сибири. Британская оккупация Егип-*

¹ Князь Лобанов-Ростовский — императору Николаю II. 5 июля 1896 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 692. Л. 1—2.

та — это постоянная угроза нашим морским путям на Дальний Восток; ведь ясно, что у кого в руках долина Нила, у того и Суэцкий канал. Вот почему Россия и Франция не согласны с пребыванием Англии в этой части света, обе страны желают реальной целостности канала»¹.

В результате дипломатической деятельности Россия предотвратила превращение Египта в колонию Англии как де-юре, так и де-факто и не допустила окончательного его отторжения от Османской империи. Кроме того, Россия не позволила Англии установить полный контроль над Суэцким каналом².

Россия, Англия и проблема Черноморских проливов в начале XX в.

Российская империя в конце XIX в. располагала четырьмя приграничными морскими регионами (не считая Каспия): Балтийское, Чёрное и Японское моря, Северный Ледовитый океан и регион Белого моря, но ни один из них не обеспечивал беспрепятственного доступа к Мировому океану. Черноморские проливы, принадлежащие Османской империи, являлись для юга России единственным выходом в открытое море. *«Для России море — не средство, оно цель... Наша задача — проложить себе, в смысле военно-политическом и экономическом, пути к морям, наш идеал — вполне овладеть выходом в океан»³.*

Государство, владевшее Проливами, оказывало влияние на всю ситуацию на Чёрном море, подчиняя экономическую жизнь юга России. *«Господство над Босфором и Дарданеллами не только открывает двери на влияние в бассейне Чёрного и Средиземного морей, но и является источником преобладания над Балканским миром и Передней Азией, в судьбе которых Россия заинтересована»⁴.*

¹ Император Николай II — королеве Виктории. 10/22 мая 1895 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1111. Л. 25 [на англ. яз.].

² Беккин Р. И. *Дипломатическая борьба вокруг Египта и участие в ней России (в период с 1881 по 1896 г.)* // *Международник*. 4 ноября 2006 г.

³ Арктур. *Вопросы внешней политики*. Одесса, 1910. С. 243.

⁴ Стрельцов Р. *Россия, Царьград и Проливы*. — СПб., 1915. С. 82.

В письме начальнику Генерального штаба генералу Н. Н. Обручеву Александр III указывал: «По-моему, у нас должна быть одна главная цель — занятие Константинополя, чтобы раз и навсегда утвердиться в Проливах и знать, что они будут постоянно в наших руках»¹. В российском военном ведомстве считали, что для обороны Чёрного моря необходимо сесть на Босфоре².

Кроме того, обладание Константинополем несло в себе не только геополитическую, но и духовную составляющую. Мысль, которую газета «Церковный вестник» выразила с началом Первой мировой войны, была полностью актуальна и для конца XIX в.: «Царьград — это колыбель нашего христианства, великий учитель веры славянских народов. Царьград — это наследие Константина, завещанное русскому Мономаху и идейно преданное короне московской. Царьград — это узел русского прошлого и ключ к русскому национальному будущему»³. Николай II также считал овладение проливами вопросом первостепенной важности.

В 1894—1895 гг. в Османской империи прошли массовые убийства армян. Не последнюю, хотя и тайную, роль в разжигании межнациональной розни в Турции играла Англия⁴. Под видом заступничества за армян английское правительство стремилось навязать султану свой союз и таким образом утвердиться в Османской империи. При этом главной целью английской внешней политики было недопущение в этот регион России. И. Тимашев ещё в 1887 г. писал, что Англия в случае развала Османской империи постарается оказать возможное влияние на христианские народы Турции,

¹ Император Александр III — генералу Н. Н. Обручеву. 1885 г. // Красный архив. Т. 3. (46). 1931 С.180—181.

² Коренные интересы России глазами её государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов: Док. публ. // Российская академия наук, Институт российской истории / Сост. И. С. Рыбаченок. — М., 2004.

³ Дурыйлин С. *Град Софии. Царьград и Святая София в русском народном религиозном сознании.* — М., 1915.

⁴ Киракосян А. Дж. *Великобритания и армянский вопрос. 90-е годы XIX в.* — Ереван: Айастан, 1994. С. 64.

чтобы «таким образом помешать распространению власти России на бывшие турецкие владения»¹.

Однако, как бы это ни было парадоксально, Англия могла достигнуть своей цели только при помощи России и с её согласия, так как, в противном случае, проникновение английского флота и сухопутных сил в Турцию встретило бы сопротивление России, что грозило англо-русской войной. Поэтому 12/27 июля 1895 г. премьер-министр Англии лорд Р.-А. Солсбери дал указание послу в Петербурге Ф. Лассенсу убедить царя, что Великобритания, защищая армян, не собирается создавать в Турции автономную Западную Армению². Не дожидаясь результатов встречи Лассенса с российскими политическими верхами, 23 июля/5 августа 1895 г. Солсбери непосредственно предложил Лобанову-Ростовскому «предпринять энергичные меры против Высокой Порты»³.

Однако Лобанов, с одобрения императора, ответил Солсбери, что «Императорскому правительству крайне нежелательно самим принимать или взирать на применение другими мер принуждения в отношении Порты в связи с армянским вопросом»⁴.

Убедившись, что Россия не поддаётся на провокацию, Англия попыталась договориться о разделе Турции с Германией. 24 июля/6 августа 1895 г. император Вильгельм прибыл на своей яхте «Гогенцоллерн» в Великобританию. К идее раздела Турции кайзер отнёсся скептически и посоветовал Солсбери не нападать на султана. Солсбери, разочарованный в ответе Вильгельма II, отказался принять предложение последнего и не посетил императорскую яхту, тем самым чувствительно задев самолюбие её хозяина⁵. Однако, вернувшись в Берлин, кайзер предложил свой

¹ Тимашев И. *Политическая судьба Константинополя, балканских народов и отношение их к России и западноевропейским державам.* — СПб., 1887. С. 92.

² Grenville J.-A. *Lord Salisbury and Foreign Policy. The Close of the Nineteenth Century.* — London, 1964. P. 30.

³ Grenville J.-A. *Op. cit.* P. 30.

⁴ Киракосян А. Дж. Указ. соч. С. 60.

⁵ Grenville J.-A. *Op. cit.* P. 40.

собственный секретный план раздела Турции, в котором были предусмотрены «компенсации Германии и Австро-Венгрии», а также России. Интересно, что России её «верный и искренний друг» предлагал отдать, помимо Константинополя, Сирию, давний предмет вождения Франции. Таким образом кайзер надеялся поссорить двух союзников¹. Но Солсбери, в свою очередь, отверг германский план, и Англия вернулась к отправной точке в т. н. армянском вопросе.

Осенью резня армян приняла в Османской империи ещё больший размах. Воспользовавшись убийством турецкого жандарма в Стамбуле, турецкие власти начали зверское избиение армянского населения по всей стране. Только в Трабзоне 8 октября 1895 г. турками была убита (в том числе заживо сожжена) тысяча человек. Всего же турками было убито 41 тыс. 930 человек².

Воспользовавшись этими событиями, королева Виктория потребовала от Солсбери ввести в Босфор британский флот и занять Константинополь. Для России настал тревожный момент, когда приходилось принимать быстрые решения, чтобы отстоять свои важнейшие геополитические интересы. В русском правительстве понимали, что, *«прикрываясь высоким знаменем покровительства несчастным, страдающим за Христа армянам, Англия преследует исключительно только одну цель — отвести внимание Европы от правды ещё большего насилия, учиняемого ею же в Ирландии, Индии, Египте и других колониях, где, в сущности, господствовать она не имеет никакого права»*³.

Николай II повелел послу в Турции А. И. Нелидову встретиться с послами великих держав и предложить им ввести свои боевые корабли в Черноморские проливы. 11 ноября 1895 г. указание Государя было исполнено. Представители Англии, Франции, Австро-Венгрии и Италии поддержали предложение русского посла⁴.

Россия стремилась опередить остальные державы, первой вой-

¹ Grenville J.-A. Op. cit. P. 41.

² Киракосян А. Дж. Указ. соч. С. 73.

³ Русский вестник. 1896. Т. 243.

⁴ Киракосян А. Дж. Указ. соч. С. 77.

ти в Проливы и захватить Константинополь. Эти планы существовали со времен императора Александра II (совещание в сентябре 1879 г.). Согласно этим планам, в случае распада Османской империи Россия не должна была допустить: во-первых, расширения Австро-Венгрии на Балканах и, во-вторых, «*постоянной оккупации проливов Англией*». Поэтому в этих условиях (распад Османской империи и угроза захвата Англией проливов) актуальной задачей России было «*овладеть Проливами, в случае если обстоятельства приведут к уничтожению турецкого господства в Европе*»¹.

Однако в интересах России было сохранить status quo и не допустить распада Турции, который бы крайне осложнил ситуацию в регионе. В Петербурге понимали, что больше всех заинтересована в обострении ситуации Англия, которая стремится руками России и других стран укрепиться на обломках Османской империи. Поэтому, согласившись ввести свои корабли в Босфор, Николай II одновременно стремился к проявлению лояльных чувств к султану.

11 ноября Лобанов-Ростовский доложил царю, что султан просил передать через своего посла, «*как о личной для него услуге*», не вводить в проливы большой эскадры, «*потому что подобная мера, имея значение угрозы, могла бы вызвать беспокойство и беспорядки среди Константинопольского населения*»². Николай II оставил на записке Лобанова помету: «*Я с удовольствием исполнил бы просьбу Султана, но уже поздно. Нельзя отказываться от собственного предложения. Во всяком случае, он может рассчитывать на мою искреннюю дружбу*»³.

¹ Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / Под ред. Л. Нежинского, А. Игнатьева. — М.: Международные отношения, 1999. С. 239.

² Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник. Докладная записка князя А. Б. Лобанова-Ростовского императору Николаю II. 11 ноября 1895 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 20.

³ Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник. Докладная записка князя А. Б. Лобанова-Ростовского императору Николаю II. 11 ноября 1895 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 20.

19 ноября 1895 г. по повелению Николая II в Петербурге состоялось Особое совещание под председательством Великого князя Алексея Александровича. В повестке дня было обсуждение предстоящих действий Черноморского флота на случай операции в проливах. Особое совещание постановило: «1. Боевые суда Черноморского флота держать под флагом сверх срока, определённого для них обычной программой плавания, в течение 4 зимних месяцев с 1 ноября по 1 марта. 2. Безотлагательно снабдить Черноморский флот транспортом, специально приспособленными для перевозки кавалерии, полевой артиллерии и осадного парка. 3. Принять соответственные меры для развития частных перевозных средств, до размера, необходимого для посадки во всякое время, в течение 24 часов, по меньшей мере 25 тыс. человек. 4. В устьях Дуная ограничиться высылкой транспортных средств, необходимых для преграждения выхода в море неприятельских мелких судов»¹.

Россия была готова ввести свой флот в черноморские проливы, но царь и князь Лобанов по-прежнему искали возможности если не предотвратить силовое давление на Турцию, то хотя бы придать ему легальный характер. 23 ноября 1895 г. Лобанов-Ростовский подал Николаю II записку, в которой заявил о желательности получения от султана специальных фирманов (разрешений) для вхождения русского флота в проливы. Если султан не даст таких фирманов, то, считал Лобанов, придётся форсировать пролив. Однако, спрашивал царя министр, «не разрешите ли Ваше Императорское Величество предписать Нелидову, чтобы он, от имени Вашего Величества, обратился бы к султану лично с советом не противиться пропуску» боевых кораблей²? Николай II написал на полях записки: «Конечно, согласен с Вашим заключением»³.

¹ Арбузов В. В. *Броненосцы русского флота*. Выпуск II. — СПб., 1994.

² Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник. Докладная записка князя А. Б. Лобанова-Ростовского императору Николаю II. 23 ноября 1895 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 40.

³ Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник. Резолюция императора Николая II на докладной записке князя А. Б. Лобанова-Ростовского. 23 ноября 1895 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 40.

Россия всеми мерами сопротивлялась попыткам Англии совместно с другими державами захватить Константинополь. По приказу Николая II посол Нелидов заявил, что цель великих держав должна ограничиться лишь стремлением восстановить порядок в Турции. Одновременно Николай II запретил своему внешнеполитическому ведомству оказывать давление на Турцию, у которой возникли затруднения с выплатой большой контрибуции за проигранную России войну 1877–1878 гг. В декабре 1895 г. благодарный султан направил в Петербург почётную делегацию во главе с великим визирем Ахмедом Аарифе-пашой. Султан обратился к императору Николаю II с просьбой о покровительстве Турции в сложившейся ситуации, давая ясно понять, что не желает иметь дело с Англией и поворачивается в сторону Петербурга¹.

16 января 1896 г. по поручению Николая II Лобанов-Ростовский заявил великим державам, что в Турции восстановлен порядок и необходимость посылать объединённый флот в проливы отпала. Это была крупная дипломатическая победа России.

Однако летом 1896 г. ситуация вокруг проливов вновь обострилась. 26 августа 1896 г. группа армян из националистического движения «Дашнакцутюн»², вооружённых револьверами и динамитными бомбами, овладела Оттоманским банком в Константинополе, «угрожая взорвать дом со всеми миллионными ценностями, хранившимися в этом представительстве международной финансовой олигархии», если султан не примет срочных мер по проведению реформ в Западной Армении³. Одновременно в посольства европейских держав в Константинополе поступили литографированные письма с требованием вмешательства в защиту армянского народа⁴.

---

¹ Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г. Запись за 13 декабря // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л.

² Киракосян А. Дж. Указ. соч. С. 86.

³ История дипломатии. Т. 2. С. 336.

⁴ Киракосян А. Дж. *К вопросу о константинопольской резне* // Литературная Армения. 1989. № 4. С. 99.

По мнению ряда исследователей, турецкие власти, которые якобы знали о предстоящем нападении, специально допустили захват Османского банка, чтобы начать новую кровавую расправу с армянским населением. Однако такое утверждение небесспорно. Дело в том, что Османский банк имел для европейских держав весьма важное значение, так как они, прежде всего Англия, осуществляли через него финансирование Турции. Султан не мог не понимать, что нападение на банк и последующая резня армян почти наверняка вызовет негативную реакцию Европы. Если учесть, что Абдул-Гамиду только что с трудом удалось предотвратить вторжение в проливы и занятие Константинополя, вряд ли он решился бы подвергать себя новым испытаниям судьбы. Тем более что дашнаковцы оказывали упорное сопротивление турецким солдатам и полиции, пытавшимся освободить здание банка, убив при этом десятки турок.

Как бы там ни было, на следующий день после событий в банке, 27 августа, в разных районах Константинополя одновременно появились вооруженные толпы турок, которые открыто стали избивать армян, не встречая никакого сопротивления со стороны турецких жандармов и солдат. Посол России в Османской империи А. И. Нелидов докладывал: «...из разных турецких кварталов высыпали вооруженные ножами и палками толпы башибузуков, которые стали нападать на всех тех, кого принимали за армян, и началось самое варварское избиение беззащитных и ни в чем не повинных христиан. Полиция не только оставалась спокойной зрительницей происходящих ужасов, но даже во многих случаях принимала участие в убийствах и грабежах»¹.

Нелидов послал к султану сотрудника посольства В. Максимова, который уговорил Абдул-Гамида вступить в переговоры с захваченными армянами и гарантировать им беспрепятственный выезд из страны, если те не взорвут банк². Переговоры прошли

¹ Киракосян А. Дж. *К вопросу о константинопольской резне* // Литературная Армения. 1989. № 4. С. 100.

² Киракосян А. Дж. *К вопросу о константинопольской резне* // Литературная Армения. 1989. № 4. С. 100.

успешно, армяне банк покинули и беспрепятственно уехали из Турции. Тем не менее резня армян в Стамбуле и других городах продолжилась с новой силой. За два дня было зверски убито свыше 8 тыс. армян. Посол А. И. Нелидов пытался как мог остановить резню. Не довольствуясь малоэффективными нотами протеста, он лично предупредил султана, что, если убийства не будут прекращены, он прикажет русским кораблям обстрелять Буюкдере. По мнению английского посла в Турции А. Герберта, решительный тон Нелидова вынудил султана отдать «*приказ диким толпам разойтись*»¹

К берегам Турции был подтянут английский военный флот. Всё это создавало угрозу захвата проливов Англией и усиление её позиции в этом регионе. В политических кругах Лондона обсуждалась возможность низложения султана Абдул-Гамида II и замены его английским ставленником. Однако в этом вопросе Англия не могла обойтись без соглашения с Россией. Консервативный кабинет лорда Р. Солсбери придерживался курса на урегулирование отношений с Россией².

11/23—18/30 сентября 1896 г., во время посещения Николаем II Англии в ходе его европейского турне, у Государя состоялось несколько важных бесед с лордом Солсбери. Солсбери заявил, что Англия готова пойти на определённые уступки России в Ближневосточном регионе, предложив поделить Турцию по принципу: Египет — за проливы³.

Как писал в своём отчёте Солсбери, Николай II «*заставил меня начать беседу и в ходе её старался не брать инициативы*»⁴. Царь выступил за сохранение статус-кво в Турции, но признал, что, если, с одной стороны, «*попытка принудить Турцию путем захвата лю-*

¹ Grenville J. A. S. Op. cit. P. 75—76

² Grenville J. A. S. Op. cit. 196

³ Проект захвата Босфора в 1896 г. // Красный архив. Исторический журнал. 1931. № 4—5 (47—48).

⁴ Jefferson M. *Lord Salisbury's Conversations with the Tzar at Balmoral, 27 and 29 September* // The Slavonic and East European Review. 39 (N 92) Dec. 1960. P. 216.

бой части ее территории является опасной для всякой державы, так как она обострит противоречия между державами и приведет к войне...», то, с другой стороны, «...опасно оставлять дела такими, как они есть...», потому, что в скором будущем финансовые затруднения могут привести Османскую империю к полному краху, и тогда вмешательство какой-либо державы, в частности Австро-Венгрии, станет очевидным, что явится поводом для войны в Европе¹.

Николай II в принципе согласился с предложением Солсбери относительно смещения султана Абдул-Гамида II. Однако при этом царь однозначно заявил, что проливы должны перейти под русский контроль, ибо «*Проливы — это дверь в комнату, в которой русские живут, и он должен иметь ключ от этой двери*»².

Когда Солсбери «предложил достичь без особых трудностей открытие проливов для всех наций», Николай II убежденно сказал, что «подобное решение вопроса будет отвергнуто русским общественным мнением»³. На замечание Солсбери, что осуществление русского контроля над проливами предполагает устранение султана, Государь ответил, что это верно лишь отчасти и вообще это вопрос будущего. В настоящее время, сказал царь, нужно сохранять статус-кво. Впрочем, добавил он, «можно представить себе и такое положение, когда султан остается на месте, а Россия контролирует Проливы... Россия не хочет иметь Константинополь или иную часть турецкой территории на стороне проливов. Она хочет только владеть дверью и иметь возможность укреплять её»⁴.

Николай II заявил, что, желая получить «ключи от двери», он не собирается добиваться этого военным путём и ущемлять при

¹ Киракосян А. Дж. Указ. соч. С. 93.

² Jefferson M. *Lord Salisbury's Conversations with the Tzar at Balmoral, 27 and 29 September*. P. 218.

³ Jefferson M. *Lord Salisbury's Conversations with the Tzar at Balmoral, 27 and 29 September*. P. 218.

⁴ Jefferson M. *Lord Salisbury's Conversations with the Tzar at Balmoral, 27 and 29 September*. P. 218.

этом интересы других держав. Царь заявил, что сама мысль о войне вызывает в нём неприязнь¹.

Вечером 17/29 сентября 1896 г. по инициативе Николая II состоялась его вторая беседа с британским премьер-министром. Государь отметил, что, после размышлений, он считает смещение султана Абдул-Гамида нежелательным, так как оно представляет собой большую трудность и неизвестно, как к этому событию отнесутся мусульмане. По мнению русского императора, «...вполне вероятно, что они будут смотреть на нового султана как на ставленника христиан и откажутся ему повиноваться или, возможно, убьют его». Солсбери признал, что опасения Николая II небезосновательны, но тем не менее полагал, что при любых обстоятельствах кризис неминуем, и за ним последует раздел Османской империи².

Николай II фактически отказал Англии в аннексии Египта, которая была крайне невыгодной для России. При этом царь сказал, что лично «не имеет ничего против» того, чтобы Англия заняла Египет, но «значительные интересы» Франции в этом регионе не позволяют ему пойти на это³. В ответ Солсбери предложил отдать Франции Сирию.

Таким образом, Солсбери не добился главной цели Англии — согласия России на смену политической власти в Османской империи и её расчленение. Поэтому, выступая в Палате лордов в январе 1897 г., Солсбери заявил, что Англия будет готова удовлетворить интересы России в проливах только в случае распада Турции. Соглашаясь отдать России Проливы, когда их уже невозможно будет удержать, Солсбери мог быть уверен, что, даже при согласии Англии на такую жертву, Россия не сможет практически принять этот «дар»⁴.

---

¹ Jefferson M. *Lord Salisbury's Conversations with the Tzar at Balmoral, 27 and 29 September*. P. 218.

² Киракосян А. Дж. Указ. соч. С. 94.

³ Jefferson M. *Lord Salisbury's Conversations with the Tzar at Balmoral, 27 and 29 September*. P. 218.

⁴ Parliamentary Debates. H.C. Ser. 3. Vol. 45. 26 January 1897. С. 577–598.

Русская газета «Новое время» назвала согласие Англии на передачу Проливов «сомнительным даром»: *«Англичане предлагают России только выполнить её назначение, но вовсе не содействовать в этом, и, конечно, в расчёте, что остальные державы в состоянии будут оказать сопротивление России. Англия же будет пользоваться в то время плодами искусственного нейтралитета»*¹.

Договориться с Англией не удалось. Надвигающаяся революция в Турции грозила тем, что английская эскадра, дрейфующая у входа в Дарданеллы, займёт Константинополь и навяжет султану свои правила игры. Тогда бы проблема Проливов и Восточный вопрос были бы решены в интересах Великобритании. Это было невыгодно как для России, так и для Франции. Франция настойчиво советовала России опередить Англию и ввести в Проливы свой боевой флот.

В таких условиях Государь в беседе с Г. Ганото, главой французского правительства, согласился на участие России в осуществлении международного контроля над Турцией. Николай II и Ганото договорились дать соответствующие инструкции своим послам в Константинополе. Русское правительство: 1) посылало своего представителя в «управление Оттоманского долга»; 2) соглашалось на весьма значительное расширение его компетенции².

По возвращении в Петербург Николай II встретил эмоциональное и организованное сопротивление принятым им в Париже решениям. Причем оно исходило, по разным соображениям, как от дипломатического корпуса, так и от представителей экономического блока правительства. Так, против участия России в плане Ганото выступили: министр финансов С. Ю. Витте, граф В. Н. Ламздорф, посол России в Вене граф П. А. Капнист, но особенно возражал посол России в Турции А. И. Нелидов. Дело в том, что А. И. Нелидов был убеждённым сторонником скорейшего захвата Черноморских проливов русским флотом. При этом Нелидов полагал, что эту задачу Россия может выполнить самостоятельно, в том числе и путем соглашения с Турцией. «Интерна-

¹ Новое время. 19 сентября 1896 г.

² АВР РИ. Фонд Канцелярии, 1896. Д. 29.

ционализация» же турецкого вопроса делала, по мнению Нелидова, идею захвата проливов неосуществимой.

В результате Николай II решил отказаться от «Плана Ганото» и не вводить своего представителя в Совет по оттоманскому долгу. Окончательное решение по этому вопросу он написал на записке Нелидова: *«Чем больше я думаю об этом деле, тем сильнее мне кажется, что мы сделаем крупный промах, вводя своего представителя в Совет по оттоманскому долгу. От этой мысли Ганото нам надо отказаться»*¹.

Отказ Николая II от участия в «Плане Ганото» был вызван, однако, не указанным сопротивлением, а нежеланием Франции идти на уступки России и сговором французской стороны с правящей верхушкой Англии. Французская дипломатия отрицательно отнеслась к плану захвата русскими Босфора, на котором настаивал Нелидов. Французы считали, что русские не должны одни господствовать на Востоке. Посол Франции в Константинополе П. Камбон писал: *«Наши политические интересы на Востоке равны интересам России, наши финансовые и промышленные интересы значительны, как и ее. Поэтому мы вправе разделить с ней управление делами на Востоке и приучить ее рассматривать нас как союзников, а не как подчиненных»*².

Во время Ближневосточного кризиса главным для России было не подавить турецкий флот, а *«не допустить англичан овладеть выходом из Босфора в Чёрное море»*. Николай II подчёркнул эту фразу и написал: *«Именно»*³. Он одобрил предложение Нелидова содержать Черноморскую эскадру в боевой готовности круглый год, пока не утихнет Ближневосточный кризис.

В декабре 1896 г. во время встречи с русским послом в Париже Ганото предложил положить в основу работы конференции послов в Константинополе соглашение по следующим трём пунктам: поддержание целостности Оттоманской империи, отказ от сепаратных выступлений и отказ от попыток установления кондоминиума держав над Турцией⁴.

¹ Рыбаченок И. С. *Союз с Францией во внешней политике России*.

² DDF. XII. № 215.

³ Там же. Л. 18.

⁴ Проект захвата Босфора в 1896 г. // Красный архив. 1932. Т. 4—5. С. 53.

Император Николай II согласился с этим предложением. Управляющий МИД Н. П. Шишкин в своей телеграмме А. И. Нелидову сообщал: *«Его Величество Государь Император соизволил признать, что три пункта, сформулированные г. Ганото, соответствуют взглядам Его Величества. Действительно, было бы невозможно прийти к соглашению о совместных действиях с другими державами, давая им основания предполагать возможность сепаратного выступления России. Мы рисковали бы таким путем развязать им руки и уклонились бы от основного принципа, который заставил нас признать соглашение европейских держав единственным средством воспрепятствовать произвольным действиям отдельных держав»*¹.

Ряд историков считает, что, одоббив новые пункты Ганото, Николай II отказался от идеи захвата Проливов. Однако это не так. Наоборот, 5 декабря 1896 г. на совещании Совета министров, которое проходило под председательством Николая II, было принято решение о высадке русского десанта в Босфоре. Руководить операцией должен был вице-адмирал Н. В. Копытов, под началом которого находилось 6 эскадренных броненосцев. Десантным корпусом, предназначенным для высадки, в составе 33 750 человек с 64 полевыми и 48 тяжелыми орудиями, командовал генерал В. фон Шток. Эскадра должна была направиться якобы для учений к берегам Кавказа, а затем внезапно повернуть на Стамбул. Десантникам предписывалось в трехдневный срок занять и укрепить берега Мраморного моря. К моменту подхода британской эскадры с Мальты на Босфоре должен был реять российский флаг.

Николай II считал весьма важным договориться с Турцией, чтобы приход русской эскадры выглядел как просьба с турецкой стороны. *«Пусть Султан обратится к нам с просьбой о помощи, для внутреннего порядка в Турции»*, — указывал царь М. Н. Муравьеву 17 октября 1896 г.²

9 июня 1897 г. Николай II вновь пишет Муравьеву: *«Прошу, на всякий случай, составить и прислать мне проект энергичной (под-*

¹ Проект захвата Босфора в 1896 г. // Красный архив. 1932. Т. 4–5. С. 53.

² Император Николай II — графу М. Н. Муравьеву. [копия] // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 46. Л. 24.

чёркнуто Николаем II. — П. М.) телеграммы султану. Не сообщало ли Вам Морское министерство о поспешных приготовлениях, делаемых Турцией на Босфоре с целью обороны своих берегов?»¹

Во исполнение царского приказа, сразу после отплытия Черноморской эскадры из Севастополя и Одессы, послу «поручалось предупредить султана о последствиях безоговорочных решений и предложить ему ручательство России за личную его безопасность, если он согласится на вход русских судов в Босфор и на занятие десантом некоторых пунктов на обоих берегах Пролива, для ограждения прохода в Чёрное море». Рядом с этим текстом Николай II написал: «Навсегда» и два раза подчеркнул это слово².

7 января 1897 г. Нелидов получил секретное предписание из Петербурга, которое обязывало его срочно телеграфировать о высылке эскадры с десантом, в случае если посол другой державы вызовет свой флот в пролив³. «Целью десантного предприятия поставлено только занятие Босфора и никоим образом не касается Константинополя. Изменения в ограничении сей цели могут последовать по указанию посла», — отмечалось в секретной телеграмме⁴. Сухопутный десантный отряд должен был прочно утвердиться на Верхнем Босфоре и прочно занять прилежащие к проливу позиции, включительно до Бейкоса на азиатском берегу и до Киреч-Бурну на европейском. После занятия Босфора Нелидову поручалось провести переговоры с султаном, добиться мирной уступки России укреплений Босфорского пролива (или главнейшей его части) и «надёжной, твёрдой обороны Босфорского пролива от прорыва неприятельских судов в Чёрное море»⁵.

¹ Император Николай II — графу В. Н. Ламздорфу. 9 июня 1897 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 20.

² АВП РИ Ф. Секретный архив министра. Д. 447/466. Л. 43.

³ Генерал-адъютант П. С. Ванновский — А. И. Нелидову. 14 января 1897 г. // ГА РФ Ф. 568. Оп. 1. Д. 156.

⁴ Генерал-адъютант П. С. Ванновский — А. И. Нелидову. 14 января 1897 г. // ГА РФ Ф. 568. Оп. 1. Д. 156. Л. 6.

⁵ Генерал-адъютант П. С. Ванновский — А. И. Нелидову. 14 января 1897 г. ГА РФ Ф. 568. Оп. 1. Д. 156. Л. 8.

В последний момент Босфорская операция была отменена. Бытует мнение, что причиной этой отмены стало то, что в окружении императора «возобладал разум». Хотя при этом никто не объясняет, почему предполагаемый поход в Проливы не соответствовал разуму. Несомненно, что у России были все основания рассчитывать на успешное окончание своего предприятия. На наш взгляд, причины отмены Босфорской операции в январе 1897 г. заключались в том, что царю стало известно о договоре, заключенном за его спиной, между союзной ему Францией и Великобританией.

Без поддержки Франции в Босфорском вопросе Россия рисковала оказаться изолированной и вовлечённой в конфликт не только с Турцией, но и с Англией. В январе 1897 г. Париж посетил министр иностранных дел М. Н. Муравьёв, который пытался выяснить отношение Франции к возможному захвату русскими проливов. Муравьёв заметил, что, в случае смуты в Османской империи, Россия займёт *«Босфор и господствующие высоты, или, иначе, такая акция приведет к приобретению навеки ключа в Чёрное море — наше внутреннее озеро»*¹. В ответ на это Ганото дал понять Муравьёву, что *«Россия может рассчитывать лишь на дипломатическую, а не на военную поддержку Франции»*².

Ганото увязывал получение Россией Проливов с возвратом Франции Эльзас-Лотарингии в ходе европейской войны. Муравьёв, *«не упуская ни на минуту из виду честных и дружественных отношений с Францией»*, заявил, что Россия *«находится и останется, я надеюсь, в хороших отношениях с Германией, к которой нам нет никаких причин относиться враждебно»*³.

В том же январе 1897 г. в Константинополе состоялась встреча английского посла с французским поверенным в делах, в ходе которой стороны попытались, в обход России, достигнуть согла-

¹ МАЕ, Papiers Hanotaux, vol. 2.

² МАЕ, Papiers Hanotaux, vol. 2.

³ Рыбачёнок И. С. *Визит М. Н. Муравьева в Париж и в Берлин в 1897 году. Сравнительный анализ русской, французской и германской документации // Внешняя политика России. Источниковедение и историография.* — М., 1991.

шения о фактически совместном контроле над Турцией. Известие об этом вызвало негативную реакцию Николая II. На телеграмме Нелидова Государь оставил следующую резолюцию: «Я решительно против подобного соглашения с Англией. Это было бы на деле первым шагом к постепенному разделу Турции»¹.

Ввиду фактического противодействия со стороны Англии и Франции России пришлось отказаться от захвата Черноморских проливов. Однако 23 сентября 1896 г. Николай II указал, что считает необходимым продлить боевую готовность Черноморского флота на зиму 1897 г.²

Провал планов Ганото и Нелидова обнажил существенные противоречия между Францией и Россией в Ближневосточном вопросе. Несмотря на то что обе стороны в период, предшествующий Мировой войне, несколько раз пытались договориться по Ближневосточному вопросу, разногласия по нему с каждым годом становились все серьезнее и в конце концов стали главным противоречием между Францией и Россией.

Николай II и англо-бурская война

В 1899 г. два южноафриканских государства, Трансвааль (Южно-Африканская Республика) и Оранжевая Республика, заселённые в основном белым населением (бурами), начали войну против Англии, которая стремилась превратить их в свои колонии. Симпатии русской общественности были целиком на стороне буров, восставших против английских колонизаторов. Среди буров было немало выходцев из России. Каждый десятый житель Йоханнесбурга был российского происхождения, и общий размер капитала этих лиц составлял 500 тыс. ф.ст., по тому времени громадную сумму³. Николай II полностью разделял чувства своего народа.

---

¹ Резолюция императора Николая II на телеграмме А. И. Нелидова // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 45. Л. 54.

² ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 45. Л. 42.

³ Давидсон А. Б. Филатова И. И. *Англо-бурская война и Россия* // Новая и Новейшая история. 2000. №1.

В апреле 1897 г. Трансвааль попросил у Франции содействия в установлении официальных отношений с Россией. Переговоры между двумя странами начались в августе 1898 г. Государственный секретарь Трансвааля Френсис Вильям Рейтц 16 сентября 1898 г. запросил у России согласия о назначении доктора В. Лейдса своим послом в Петербурге. 28 сентября 1898 г. Николай II дал своё согласие на это назначение, и между двумя государствами были установлены дипломатические отношения. Однако южноафриканский посол так и не доехал до России, так как через год началась англо-бурская война.

В январе 1900 г. французский посол Монтебелло писал Делькассе: *«В России газеты не скрывают своих чувств против Англии. Даже в окружении императора открыто демонстрируется самое враждебное к ней отношение»*¹. Царь самым внимательным образом следил за ходом войны и радовался успехам бурских войск. В первые недели англо-бурской войны Николай II путешествовал по Дании и Германии. В дневнике от 14 октября 1899 г. он записал: *«Читал с интересом английские газеты о войне в Южной Африке»*². В письме к великому князю Сергею Александровичу Николай II признавался, что *«от души желает бурам ещё больших успехов, чем они до сих пор имели»*³. А обращаясь к своей сестре Великой княгине Ксении Александровне, он писал: *«Не могу не выразить моей радости по поводу только что подтвердившегося известия, полученного уже вчера, о том, что во время вылазки генерала Уайта целых два английских батальона и горная батарея взяты бурами в плен! [...]*

Недаром старик Крюгер⁴, кажется, в своем ультиматуме к Англии, сказал, что, прежде чем погибнет Трансвааль, буры удивят весь мир своей удачей и стойкостью. Его слова положительно уже

¹ Montebello à Delcassé. 19 janvier 1900 // DDF. 1-ère série. T. XVI. — Paris, MCMLIX, P. 79.

² Дневник императора Николая II. Запись 14 окт. 1899 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 240. Л. 181.

³ Император Николай II — великому князю Сергею Александровичу. 22 октября 1899 г. // ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 70. Л. 37.

⁴ П. Крюгер — президент Южно-Африканской Республики.

начинают сказываться. Я уверен, что мы ещё не то увидим, даже после высадки всех английских войск. А если поднимется восстание остальных буров, живущих в английских южноафриканских колониях? Что тогда будут делать англичане со своими 50 тысячами? Этого количества будет далеко не достаточно, война может затянуться, а откуда Англия возьмёт свои подкрепления — не из Индии же?

Ты знаешь, милая моя, что я не горд, но мне приятно сознание, что только в моих руках находится средство вконец изменить ход войны в Африке. Средство это очень простое — отдать приказ по телеграфу всем туркестанским войскам мобилизоваться и подойти к границе. Вот и всё! Никакие самые сильные флоты в мире не могут помешать нам расправиться с Англией именно там, в наиболее уязвимом для неё месте.

Но время для этого еще не пришло: мы недостаточно готовы к серьёзным действиям, главным образом потому, что Туркестан не соединён пока сплошной железной дорогой с внутренней Россией¹.

Николай II рассчитывал, что Россия сможет оказать эффективную помощь бурам совместно с Германией. Ведь Вильгельм II не высказывался в этом духе, подчёркивая, что он «никогда не позволит англичанам раздавить Трансвааль»².

Степень и размеры этой помощи оба монарха и должны были обсудить в Потсдаме. Однако во время встречи 8 ноября 1899 г. вместо обсуждения совместных действий против англичан в Южной Африке Вильгельм принялся усиленно склонять царя к походу в Индию. Причиной тому, как мы уже писали, была договорённость, достигнутая между кайзером и английским правительством о передаче Германии островов Самоа и согласии британцев на строительство немцами Берлинско-Багдадской железной дороги.

По наблюдениям русских дипломатов, неудача в войне с бурами привела Англию к состоянию «неуверенности в себе, и если

¹ Николай Романов об англо-бурской войне // Красный архив. Исторический журнал. 1934. Т. 2 (63). С. 125—126.

² Kaiser Wilhelm II. an Kaiser Nikolaus II. von Rußland // Die Große Politik. Bd. 19. № 6118.

не к утрате, то к ослаблению её престижа в международных отношениях»¹.

В выступлениях депутатов британского парламента в связи с восточным кризисом положение Великобритании уподоблялось положению России на Берлинском конгрессе — его характеризовала та же изолированность². Лидер либеральной оппозиции в Палате общин У. Харкурт говорил, что Англия оказалась в вынужденной изоляции, проистекающей от отсутствия союзников и из-за враждебности всего мира³.

Николай II не упустил возможности воспользоваться этим ослаблением Англии на международной арене. 23 января 1900 г. русское правительство известило английский кабинет, что торговые интересы и территориальное соседство с Афганистаном не позволяют России далее воздерживаться от прямых политических сношений с этой страной⁴. Так были установлены дипломатические отношения между Российской империей и Афганским эмиратом. В ответ на протесты Солсбери русский посол де Сталь отвечал: *«Россия желает мира и сохранения дружественных отношений со всеми сопредельными государствами, и если Англия не сумела внушить доверие эмиру — Россия, со своей стороны, не считает себя вправе отклонить попытки Афганистана к дружественному сближению с Россией»⁵.*

Незадолго до того вдоль афганской границы были сконцентрированы русские войска. Увязнувшая в Трансваале Англия никак не отреагировала на этот шаг с русской стороны. Вскоре, опираясь на Россию, новый эмир, Хабибула, вступивший на престол в 1901 г., демонстративно отказался от британских субсидий.

В Персии, где также шла англо-русская борьба за влияние, русская дипломатия достигла значительного успеха. В январе 1900 г.

¹ The P.D. House of Commons. 4 Ser. Vol. 38/ Col. 37—122.

² The P.D. House of Commons. 4 Ser. Vol. 38/ Col. 37—122.

³ Ibid Vol. 37/ Col. 269.

⁴ История дипломатии. Т. 1. С. 102.

⁵ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 15—16.

Россия предоставила Персии заём, обеспечением которого явились таможенные сборы северной части страны¹.

Между тем в марте—июне 1900 г. в англо-бурской войне произошёл перелом в пользу Великобритании. Добившись большого численного и технического перевеса, английские войска захватили столицы двух бурских государств, Блумфонтейн и Преторию. Английские оккупанты развязали кровавый террор против бурского мирного населения. На территориях бурских государств развернулась партизанская война. Англичане проводили в Южной Африке тактику «выжженной земли». Впервые в истории ими были созданы концлагеря, в которые заключались мирные жители, заложники, в том числе женщины и дети, заподозренные в оказании помощи партизанам. Условия содержания в этих лагерях были ужасными. Русский военный агент в Брюсселе подполковник Е. К. Миллер докладывал в Петербург 17/30 марта 1901 г.: *«Несколько недель тому назад были опубликованы в западноевропейских газетах письма двух английских докторов, которым было поручено ознакомиться с действительным положением женщин и детей, запертых англичанами в лагерях, специально для них устроенных в окрестностях больших городов, как-то Йоганесбурге, Блумфонтейне. Оказалось, что условия жизни сотен женщин с маленькими детьми, скученных в тесных лагерях, крайне неблагоприятны, продовольствие отпускается в недостаточных размерах и было часто совершенно непригодного качества. [...] Маленькие дети остались совсем без продовольствия, так как нельзя назвать пищей гнилую маисовую муку, полную всяких насекомых. Вследствие этого смертность среди женщин и детей у буров — громадна»*². По приблизительным подсчётам, в концлагерях погибло 25 тыс. буров и 14 тыс. аборигенов (в основном женщин и детей)³.

---

¹ История дипломатии. Т. 1. С. 103.

² Из письма военного агента в Брюсселе и Гааге подполковника Е. К. Миллера. 17/30 марта 1901 г. // Красный архив. Исторический архив. Англо-бурская война в донесениях русского военного агента.

³ Энгдаль Уильям Ф. *Боги денег. Уолл-Стрит и смерть американского века*. — СПб., 2011. С. 77.

Варварское ведение войны англичанами не могло оставить равнодушным Николая II. Царь поручил Ламздорфу подготовить свои соображения по поводу возможного дипломатического противодействия английской агрессии. Летом 1901 г. Ламздорф подал записку на Высочайшее имя, в которой писал: *«Лишь совместное с Россией представительство континентальных держав в пользу буров могло бы склонить Англию к прекращению беспощадной расправы с совершенно разорённым противником. Успех такового согласия Держав вероятен лишь при непрременном участии Германии, которую, смею думать, могло бы подвигнуть к намеченному шагу только непосредственное обращение Вашего Императорского Величества к императору Вильгельму. Если бы, невзирая на проявленные за последнее время англофильские наклонности, впрочем, уже несколько охладевшие, германский император изъявил бы готовность участвовать в дружественных представлениях в защиту несчастных буров, то нет сомнений, что за Германией тотчас последовали бы её союзницы Италия и Австрия, точно так же как и человеколюбивый почин России, по всей вероятности, поддержала бы Франция, а может, даже и Америка»¹. На этой записке Государь написал резолюцию: *«Вполне одобряю высказанные Вами соображения. Петергоф, 3 июля 1901 г.»².**

4 июля 1901 г. русскому послу в Берлине Н. Д. Остен-Сакену была послана секретная телеграмма от Ламздорфа, в которой сообщалось: *«Государю Императору благоугодно было Высочайше повелеть, чтобы Вы самым осторожным образом постарались выяснить, как была бы принята императором Вильгельмом мысль об указанном обращении к Англии»³.*

Однако на взаимопонимание с германским императором больших надежд царь не возлагал. Ещё за год до инициативы Ламздор-

¹ Всеподданнейшая записка министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа. Июль 1901 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 83. Л. 7 [копия].

² Резолюция императора Николая II на Всеподданнейшей записке министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа. 3 июля 1901 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 83. Л. 7 [копия].

³ Граф В. Н. Ламздорф — графу Н. Д. Остен-Сакену. 4 июля 1901 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 83. Л. 10 [копия].

фа его предшественник Муравьев в своём всеподданнейшем докладе писал, что император Вильгельм «признал более выгодным для Германии, сохраняя наружный нейтралитет, войти в непосредственные, вполне самостоятельные соглашения с Англией. В расчётах своих император Вильгельм, по-видимому, не ошибся. Англия, имевшая более всего оснований опасаться неприязненных действий со стороны своей главной соперницы в области колониальной торговли, не замедлила вступить в полюбовные сделки с Германией»¹.

Тем не менее 28 июня 1901 г. Ламздорф сообщал послу в Париже князю Урусову, что император пришёл к убеждению о необходимости воззвания Держав к Великобритании с целью оказать «возможное содействие к облегчению тяжелой участи Южно-Африканских Республик». Император приказал Ламздорфу направить телеграмму Вильгельму II и осведомиться «в какой степени император Вильгельм расположен последовать Всемилошвейшему почину в благом деле заступничества за буров». Император Вильгельм, сообщал далее Ламздорф, «отнесясь сочувственно к великодушному намерению Государя Императора, находит, однако, что успех в этом деле возможен лишь в том случае», если бы Державы открыто пригрозили Англии войной. Иначе, «по мнению германского императора, Англия отнесётся равнодушно к заступничеству Держав за буров»².

Далее Ламздорф писал: «Англия согласится внять голосу христианских держав и, быть может, озаботится предложением Африканским Республикам удобоприемлемых условий мира. Исходя из этих соображений, я обращаюсь к Вам с Высочайшего Государя Императора соизволения с просьбою, если к тому представится удобный случай, выяснить, возможно ли рассчитывать на то, что Франция совместно с Россиею, быть может Северо-Американскими Соединенными Штатами, Италией и иными Христианскими Государствами, согласится принять участие в тождественном предста-

¹ Всеподданнейший доклад министра иностранных дел. 22 января 1900 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 84. Л. 7.

² Граф В. Н. Ламздорф — князю Л. П. Урусову. 28 июня 1901 г. // АВПИ. Ф. Политархив, 1901. Оп. 482. Д. 2122. Л. 238–239.

тельстве пред Англиею за буров в условиях, изложенных в секретной телеграмме к графу Остен-Сакену»¹.

Россию не поддержало ни одно европейское государство. Война с бурами подходила к концу, победитель был очевиден. По европейским понятиям, не стоило впустую тратить время, тем более что в 1902 г. бурские государства признали над собой протекторат Великобритании.

Противостояние Англии и России на Дальнем Востоке накануне русско-японской войны

Глубокие противоречия между Россией и Великобританией на Дальнем Востоке выявились ещё во время японско-китайской войны 1895 г. 25 марта 1895 г. министр иностранных дел А. Б. Лобанов-Ростовский докладывал Николаю II: *«Главный и самый опасный противник наш в Азии — бесспорно Англия. Чувства недоброжелательности и зависти, с которыми она смотрит на каждый шаг наш вперед на Дальнем Востоке, не подлежат сомнению. Как скоро возникали какие-либо азиатские затруднения, друзья Англии всегда были нашими врагами, и наоборот»².*

8/21 января 1901 г. скончалась королева Виктория. Завершилась знаменитая викторианская эпоха. Почившая королева была, несомненно, незаурядной личностью и талантливым политиком. Несмотря на свою неприязнь к России, она понимала необходимость мирного сосуществования. Кроме того, Виктория видела растущую опасность Германии, возглавляемой непредсказуемым и злонамеренным императором. За год до своей смерти она писала Николаю II: *«Я опасюсь, что Вильгельм может высказать что-то против нас, так же как он это делает в отношении Вас в беседах с нами. Если это так, молю сообщить мне об этом откровенно и кон-*

¹ Граф В. Н. Ламздорф — князю Л. П. Урусову. 28 июня 1901 г. // АВП РИ. Ф. Политархив, 1901. Оп. 482. Д. 2122. Л. 238—239.

² Всеподданнейшая записка министра иностранных дел князя А. Б. Лобанова-Ростовского. 25 марта/6 апреля 1895 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2. С. 98.

фиденциально. Очень важно, чтобы мы понимали друг друга и чтобы этим недостойным и злонамеренным манёврам был положен конец»¹.

Новый король Эдуард VII испытывал ставшую уже традиционную для Англии вражду к России. В свою очередь, Николай II считал Эдуарда *«самым опасным и лживым интриганом в мире»²*. (По иронии судьбы, именно при Эдуарде VII Россия и Великобритания заключат союзный договор.) При новом короле Великобритании взяла курс на примирение с Францией и на ещё большее противостояние с Россией. Правительство Эдуарда VII придавало особое значение новым дипломатическим комбинациям, обусловленным *«исторической необходимостью»³*. Отношение Англии к России было точно подмечено в записке В. Н. Ламздорфа: *«Верная своей системе не связывать себя никакими союзами, отделенная от нас морем, нигде не соприкасающаяся с нашими границами, Англия считает себя с нашей стороны совершенно неуязвимой и открыто действовала против нас на том же Балканском полуострове, надеясь на этой почве нанести нам наиболее чувствительные удары»⁴.*

Но вначале Англия пыталась сблизиться с Германией. Находясь в состоянии «блестящей изоляции», в условиях кровопролитной войны с бурами, при усилении русско-французского присутствия на Дальнем Востоке и Китае, британская дипломатия была готова договариваться с германским правительством. Тем более что и по многим признакам оно было готово вступить в переговоры. Немцы отказались поддержать предложение Николая II о взаимодействии по оказании помощи бурам, а в англо-бурской войне придерживались строгого нейтралитета. У правящих кругов Великобритании появилась надежда втянуть Рейх в противодействие продвижению России на Дальнем Востоке. Однако немцы, в свою очередь, не собирались таскать для Англии каштаны из огня. Гер-

¹ Королева Виктория — императору Николаю II. 1899 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1194. Л. 43.

² Дипломатический словарь.

³ Лунёва Ю. В.

⁴ Записка графа В. Н. Ламздорфа императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 53. Л. 6.

манская сторона стремилась не допустить англичан в экономически важный район Китая на реке Янцзы.

Таким образом, англичане толкали немцев в Китай, чтобы столкнуть их там с русскими, а немцы стремились воспользоваться этим, чтобы захватить новые территории и не допустить туда англичан. С августа 1900 г. кайзер Вильгельм на встрече с принцем Уэльским Альбертом-Эдуардом предложил заключить договор о совместной англо-германской гарантии принципа «открытых дверей» и равных условий для торговли всех наций в бассейне реки Янцзы. Англичане сразу ухватились за это предложение и предложили немцам распространить этот принцип на весь Китай, то есть и на Маньчжурию, где германские интересы неминуемо бы столкнулись с русскими. Бюлов понял английскую ловушку и предложил англичанам распространить соглашение на территории Китая в такой мере, «насколько они (Германия и Англия) могут оказывать там влияние». Скрытый замысел Бюлова заключался в том, что в Маньчжурии обе договаривающиеся державы заведомо никакого влияния оказывать не могли¹. Солсбери счел за благо уступить, ибо даже такое выхолощенное соглашение представляло для английских империалистов некоторую ценность, страхуя их от возможности сговора Германии с Россией, направленного против Англии². 16 октября 1900 г. англо-германский договор был заключён.

Русский посланник в Токио А. П. Извольский в письме министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу оценил англо-германское соглашение как акт, «направленный против России и Японии», так как он обязывал «стороны сохранить открытыми для торговли и экономической деятельности все порты на реках и морских побережьях Китая. Россия рассматривает этот договор как попытку Англии создать антирусскую коалицию в вопросе Маньчжурии»³.

Извольский был прав только в том, что этим договором Англия

¹ История дипломатии. Т. 1. С. 56.

² История дипломатии. Т. 1. С. 58.

³ Делеша посланника в Токио А. П. Извольского министру иностранных дел графу В. Н. Ламздорфу. 18 декабря 1900 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (63). — М, 1934. С. 7–8.

пыталась создать коалицию против России. Но Япония от этого соглашения никак не пострадала, более того, в октябре 1900 г. она сама примкнула к нему. Японцы рассчитывали использовать англо-германское соглашение, чтобы нейтрализовать вероятную помощь Германии России в случае её столкновения с Японией. Что же касается Англии, то её планы найти взаимопонимание с Германией и заключить с ней большой наступательный союз против России и Франции на Дальнем Востоке провалились. Германия была готова к оборонительному соглашению, но наотрез отказывалась от каких-либо действий наступательного характера по вытеснению России из Китая¹.

Английский король Эдуард VII был крайне раздражён политикой Германии. Король заявил, «что ему понятна необходимость для Германии добиваться колоний и хозяйственного расширения. То и другое она могла бы иметь в достаточном размере, так как на свете хватит места как для Германии, так и для Англии. Но Англия не может участвовать в постоянных «козлиных прыжках» кайзера»².

Газета The Times писала в те дни: «Там, где сталкиваются наши интересы с интересами России, мы должны полагаться на собственные силы для их защиты и на собственную государственную мудрость, чтобы согласить их, если это возможно. Обращать взоры к Берлину за помощью бесполезно»³.

После того как планы английского правительства сблизиться с Германией потерпели фиаско, оно решило отказаться от политики «блестящей изоляции». Англия стремилась обрести на континенте европейского союзника, который мог бы оказать ей поддержку в случае колониального или иного конфликта⁴.

¹ Остальцева А. Ф. *Англо-русское соглашение 1907 года. Влияние русско-японской войны и революции 1905—1907 гг. на внешнюю политику царизма и на перегруппировку европейских держав.* — Саратов: Издание Саратовского университета, 1977. С. 74.

² Фейгина Л. Указ. соч. С. 11.

³ Остальцева А. Ф. Указ. соч. С. 45.

⁴ Renouvin (Pierre). *La crise Européenne (1904—1914) et la Grande Guerre.* — Paris, 1939. P. 60.

Весной 1903 г. король Эдуард VII прибыл в Париж с официальным визитом, который откровенно демонстрировал англо-французского сближение. Летом того же года президент Э. Лубе нанёс ответный визит королю Великобритании. В поездке его сопровождал главный идеолог англо-французского сближения Т. Делькассе. В ходе переговоров и в Париже, и в Лондоне стороны постарались найти компромиссы по разделу сфер влияний в Африке.

Добившись нейтрализации Франции и Германии на случай столкновения с Россией, Англия могла теперь приступить к своей главной задаче — вытеснению России с Дальнего Востока. Таким образом, главные противоречия между Россией и Англией в конце XIX—начале XX в. наметились на Дальнем Востоке. До 1890-х гг. в этом регионе, безусловно, лидировала Англия. Английские правящие круги хорошо понимали всю важность китайского, корейского и японского рынков сбыта. Ещё в 1885 г. видный деятель консерваторов Р. Солсбери заявлял: *«Держава, которая сможет лучше всех укрепиться в Китае, получит преобладание в мировой политике»*¹. Если Россия, верная Нерчинскому договору 1689 г. с Китаем, в течение 200 лет придерживалась дружественного нейтралитета со своим восточным соседом, то Англия, а затем и другие западные государства в 1840—1860 гг. приступили к насильственному «открытию» Китая, вассальной ему Кореи, а затем и Японии. В результате т. н. «опиумных войн» Китаю были навязаны кабальные договоры, Англии был передан в арендное владение Гонконг, китайские порты были открыты для английской торговли. К последнему десятилетию XIX в. положение Англии на Дальнем Востоке было весьма прочным. Это положение нашло отражение в статье близкого к правительственным кругам журналиста «Таймс» В. Чирола. *«Престиж Великобритании, — писал он, — как великой азиатской империи, великолепное положение в Сингапуре и Гонконге, постоянное преобладание в морских силах у побережья Китая — всё вместе обеспечило её первостепенное влияние в этом регионе»*².

¹ Сергеев Е. Ю. Указ. соч. С. 67.

² Сергеев Е. Ю. Указ. соч. С. 22.

Однако к 1890-м гг. Россия начала теснить Англию. Русская дипломатия и её агенты влияния всё больше проникали в Маньчжурию и Китай, русские инвестиции в китайскую экономику постоянно росли. Ускоренное строительство Транссиба обещало в недалёком будущем возможность быстрой переброски на Дальний Восток русских товаров, а также военного снаряжения и войск. После приобретения Россией Порт-Артура опасность Транссиба для Англии стала ещё очевиднее. В марте 1899 г. Николай II сказал французскому послу Монтебеллю: *«Я убеждён, что Англия будет проявлять повсюду намного меньше высокомерия, когда наша железная дорога будет построена вплоть до Порт-Артура и когда мы соединим её с Транскаспийской магистралью»*¹.

Насколько верно Николай II оценивал беспокойство Англии по поводу Транссиба, видно из нижеследующих слов Арчибальда Колькуна, известного английского экономиста, сказанных в 1900 г.: *«Когда девять лет тому назад была начата постройка Сибирской железной дороги, то это предприятие, при всей его грандиозности, носило характер домашнего русского дела, исход которого лишь слабо мог интересовать Западную Европу. Пока конечным пунктом дороги значился Владивосток, отдалённый замерзающий русский порт, нам нечего было возражать против Сибирского пути. Но с тех пор как Владивосток был заменён Порт-Артуром, а фактически Пекином, картина резко меняется: Сибирская железная дорога приобретает мировое значение и продвижением её наносится тяжёлый удар английским интересам, могуществу и прогрессу»*².

Главный узел англо-русских противоречий заключался не в Маньчжурии. Маньчжурия интересовала Англию лишь потому, что она могла послужить трамплином, с которого России легко было выйти на китайскую столицу, а затем и на остальной Китай.

Для того чтобы не допустить дальнейшего сближения Рос-

¹ Montebello à Delcassé. 16 mars 1899 // DDF 1-ère série. T. XVI. — Paris, MCMLIX, P. 174–175.

² Мнение английского экономиста А. Колькуна о Сибирской железной дороге // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 243. Л. 1.

сии и Китая, в 1898 г., под видом торговых переговоров, в Китай и Японию отправился член Парламента, отставной адмирал лорд Чарльз Бересфорд. Подлинные цели поездки лорда на Дальний Восток осветил русский агент в Лондоне, который отмечал, что Бересфорд — «наш враг», который ничего не смыслит в торговле и *«едет в Китай, чтобы интриговать против России»*¹.

В 1902 г. между Японией и Англией был заключён военный союз, по существу направленный против России. Договор предусматривал право на противодействие «третьей державе» (имелась в виду Россия), *«угрожающей интересам Японии или Англии»*. Если бы Россия решила противодействовать японской агрессии в Корею, то это можно было бы подвести под статью англо-японского договора².

Общее неприятие России заставляло Англию и США объединять свои усилия. Президент США Теодор Рузвельт предупреждал Францию и Германию: *«В случае антияпонской комбинации в союзе с Россией я тотчас встану на сторону Японии и не остановлюсь в дальнейшем ни перед чем, что окажется нужным в её интересах»*³.

Причины активной поддержки Америкой японской агрессии против России довольно точно раскрыл в своём письме к А. П. Извольскому финансовый агент в Лондоне, путейский инженер М. В. Рутковский. Рутковский в 1907 г. по заданию МИД ездил в САСШ для понимания обстоятельств, определивших поддержку Соединёнными Штатами Японии в 1904 г. Рутковский писал, что главной причиной поддержки стало коренное изменение внешней политики Америки после американско-испанской войны 1898 г. *«Лёгкий успех, — писал Рутковский, — достигнутый исключительно благодаря военному флоту, вызвал крупный поворот в политике Соединённых Штатов. Один Американский континент оказался уже недостаточным. Захват новых территорий на Азиатском континенте, могущем служить отличной военной базой в бу-*

¹ Сергеев Е. Ю. Указ. соч. С. 78–79.

² История дипломатии. Т. 2. С. 537.

³ Солженицын А. И. *Двести лет вместе*. — М. 2001. Т. 1. С. 92.

дущих военных операциях, обратил взоры Соединённых Штатов на Тихий океан и на государства, им омываемые»¹.

Наиболее опасным государством в Тихоокеанском регионе для САСШ представлялась Россия, успешно продвигающаяся в глубь Азиатского региона. Поэтому, поддерживая Японию, к которой САСШ никакой симпатии не испытывали, американское руководство стремилось остановить поступательное движение России. Американские военные советники отправились в Японию для оказания ей консультационной помощи. Американская пресса выражала уверенность, что *«Россия будет скоро побеждена»*.

---

¹ Отчёт М. Рутковского министру иностранных дел А. П. Извольскому о своей поездке в САСШ. 9 декабря 1908 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 75. Л. 1–5.

Глава 2.

Гаагская мирная конференция

Суть внешней политики императора Николая II нераздельна от его личности. Христианский принцип миролюбия был заложен в основу как внешней, так и внутренней политики царя¹. Однако это миролюбие прочно сочеталось в Николае II, как и у его отца, императора Александра III, с восприятием России как великой мировой державы, призванной быть гарантом мировой стабильности и равновесия. Царь считал защиту интересов России главным приоритетом своей внешней политики. Однако эти интересы никогда не означали оккупацию, грабёж и расчленение других государств и народов. Эфемерная слава военного завоевателя, полководца никогда не привлекала императора Николая II, хотя он хорошо знал и любил военное дело. Мировоззрение императора Николая II было мировоззрением христианского государя, воспринимавшего свое императорское достоинство как служение Богу и России.

Внешняя политика императора Николая II не может быть понята, если мы не будем учитывать, что она стала восприимчивой всей международной политики России, начиная с образования её как централизованного государства. Главная цель русской внешней политики была неразрывно связана с политикой внутренней, с той сверхидеей, которой руководствовалась Россия на протяжении всей её истории. Этой сверхидеей была Святая Русь, то есть православная империя, целью которой было служение Христу и осуществление христианских принципов в политике, насколько, конечно, это было возможно. Величайшей ошибкой было бы искать в политике русских царей доминанту в виде стремления к территориальным захватам, завоевания новых рынков сбыта — то есть

---

¹ Блажени миротворцы, яко тии сынови Божии нарекутся (Мф. 5, 9).

всего того, что определяло сущность западной внешней политики. России была совершенно чужда германская идея lebensraum (жизненного пространства), во-первых, в силу того, что Россия обладала огромной территорией, а во-вторых, потому, что завоевания никогда не входили в приоритеты русского государства. Как писал великий русский учёный Д. И. Менделеев: «Русский народ никогда не был склонен к завоевательству, и если воевал и покорил немало народов, то лишь потому, что к этому принуждали его прямо слагающиеся обстоятельства»¹.

Россия никогда бы не начала ни одной войны из-за того, что территории её соседей больше и богаче, чем её собственные, хотя бы уже потому, что таковых не существовало вовсе. Наоборот, именно Россия постоянно подвергалась агрессии, так как её богатые земли манили бесконечных завоевателей с востока и запада. Но Россия являлась объектом нападения ещё и по причине духовной. Само существование огромной православной империи раздражало и пугало её многочисленных врагов.

Постоянно подвергаемая агрессии, Россия более всех земных благ ценила мир. Для Европы война, вплоть до Наполеона, была скорее опасным развлечением, в котором участвовали небольшие, в основном наёмные армии, чем национальным бедствием. Для России же война всегда была огромным народным горем. Победа над врагом воспринималась русским народом как Божья милость, а не как злорадное торжество над поверженным противником. Поэтому государственная мысль России постоянно искала пути создания таких международных условий, при которых война стала бы в принципе невозможной. Огромную роль в попытке создания такой системы сыграл император Александр I, главный основатель и идеолог Священного союза, созданного после разгрома Наполеона. Безусловно, пример Александра Благословенного всегда был в памяти императора Николая Александровича, и нет сомнений, что Гагская конференция была навеяна Священным союзом. Это кстати, отмечал в 1905 г. граф Л. А. Комаровский в своём

---

¹ Менделеев Д. И. *К самопознанию России*. — СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907. С. 45.

труде, посвящённом Гаагской конференции. *«Победив Наполеона, — писал он, — император Александр помышлял даровать народам Европы, истерзанным долгими войнами и революциями, прочный мир. По его мысли, великие державы должны были соединиться в союз, который, покоясь на началах христианской морали, справедливости и умеренности, был бы призван содействовать им в уменьшении их военных сил и поднятии торговли и общего благосостояния»*¹.

Александр I был одним из первых государственных деятелей новой истории, кто считал, что помимо земных, геополитических задач у внешней политики России есть задача духовная. *«Мы заняты здесь важнейшей заботой, но и труднейшей также, — писал царь княгине С. С. Мещерской. — Дело идёт об изыскании средств против владычества зла, распространяющегося с быстротою при помощи всех тайных сил, которыми владеет сатанинский дух, управляющий ими. Это средство, которое мы ищем, находится, увы, вне наших слабых человеческих сил. Один только Спаситель может доставить это средство Своим Божественным словом. Воззовём же к Нему от всей полноты, от всей глубины наших сердец, да сподобит Он послать Духа Своего Святого на нас и направит нас по удобному Ему пути, который один только может привести нас ко спасению»*².

Политика Священного союза позволила сохранить Европу от большой войны почти на полвека. Союз был уничтожен не по вине России, а по вине Запада, развязавшего против России Восточную (Крымскую) войну. Распад Священного союза превратил Европу в большой котёл, в котором температура постоянно накалялась. В новых условиях Россия делала всё, чтобы не допустить большой войны или гегемонии одной европейской державы над другой.

Своей инициативой провести конференцию по разоружению император Николай II хотел создать международную систему, которая смогла бы эффективно препятствовать большому вой-

¹ Комаровский Л. А., граф, профессор. *Гаагская мирная конференция 1899 года*. — М., 1905. С. 3.

² Письмо Императора Александра I княгине Софии Сергеевне Мещерской. 23 октября 1820 г. С предисловием Н. Барсукова // *Русский архив*. 1886. № 10—12. С. 406. [пер. с фр.].

нам. В этом Николай II задолго опередил создание и Лиги Наций, и ООН. Великая инициатива царя не была оценена в конце XIX в., а в течение всего XX в. упорно замалчивалась. Большевистский режим, присвоивший себе монополию на мирные инициативы, не мог допустить, чтобы в общественном сознании утвердился образ убитого им царя как инициатора всеобщего разоружения.

Советская историография объясняла мирные инициативы императора Николая II корыстными интересами: слабостью «царского режима», отсталостью русской экономики и вооружённых сил, влияниями на царя различных политических течений. Так, историк В. И. Бовыкин полагал, что невозможность «*поспеть в гонке вооружений за Германией вынудила царское правительство выйти с предложением их сокращения*»¹.

Известная исследовательница международной политики начала XX в. И. С. Рыбачёнок выделяет три основных мотива инициативы царя по созыву конференции: «*политический — создание стабильной и благоприятной для России международной обстановки в Европе; идеологический — формирование образа великой империи как носительницы идеи мира и справедливости; и финансовый — “замораживание” военных бюджетов при общем вполне прагматическом устремлении укрепить систему “неустойчивого равновесия”, сложившуюся тогда в Европе*»².

Однако нельзя не признать, что все предложенные автором мотивы созыва конференции в Гааге не учитывают нравственного стремления императора Николая II начать практические шаги по искоренению такого зла, как современная война. Между тем, из имеющейся совокупности источников, можно утверждать, что эта причина была у Николая II главной и превалировала над всеми остальными.

Сегодня некоторые недобросовестные исследователи пытаются увязать Гаагскую мирную конференцию 1899 г. с нынешним

---

¹ Бовыкин В. И. *Очерки истории внешней политики России. Конец XIX — нач. XX в.* — М., 1960.

² Рыбачёнок И. С. *Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге.* — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. С. 20.

Гаагским судилищем (т.н. Комиссией по делам бывшей Югославии), прославившимся репрессиями против сербских военных и государственных деятелей. Разумеется, эти судебные инстанции Гааги ничего общего с идеями императора Николая II не имеют.

Идея императора Николая II о разоружении и международном арбитражном суде была вызвана не сиюминутными политическими расчётами Государя, а его глобальным видением современной и грядущей геополитической эпохи, когда война становилась не *«продолжением политики иными средствами»*, а величайшим мировым бедствием, сопряженным с гибелью миллионов людей. Мирная инициатива императора Николая II стала не каким-то необычным шагом со стороны России, а продолжением её вековой христианской политики. Именно эта христианская политика и превалировала в стремлении императора Николая II созвать мирную конференцию по разоружению. Даже такой критик Николай II, как французский историк М. Ферро, чьи писания настолько предвзяты, что порой переходят в дезинформацию, вынужден признать, что *«Николай II стремился положить конец войнам между Германией и Францией, Англией и Россией, Россией и Австрией. Это должно было быть небольшое сообщество наций, некий аналог Священного союза»*¹.

Идея о необходимости общеобязательных правил ведения войны была впервые выдвинута императором Александром II в 1874 г. Франко-прусская война, сопровождавшаяся особо губительным, в том числе и для мирного населения, огнём тяжёлых крупновских пушек, побудила Царя-Освободителя обратиться к державам, с предложением провести международную конференцию по кодификации правил войны в сухопутных сражениях². Мысль русского царя, опережавшая время на несколько десятилетий, не была воспринята тогдашним мировым сообществом.

¹ Ferro (Marc). *Nicolas II. Une vision de l'empire et de la paix* // Diplomatie. Affaires Stratégiques et relations internationales. №5. Octobre-novembre, 2011. Géopolitique de la Russie. P. 12.

² Хайцман В. М. *Идеи и общества мира в России конца XIX в.* // Дипломатический ежегодник. — М., 1995. С. 147—148.

К идее о проведении конференции о разоружении русская государственная мысль возвращалась и в царствование императора Александра III.

Одним из активных сторонников конференции по разоружению был барон Е. Е. де Стааль, который в 1899 г. председательствовал на конференции в Гааге. Ещё в 1894 г. де Стааль подал записку Александру III о проведении конференции по разоружению, но царь счёл такое мероприятие преждевременным. 20 апреля 1894 г. Александр III написал на записке Стааля: *«Мы не раз говорили с Вами об этом. Но практических результатов я положительно не вижу. Конечно, это было бы великим благом всех, но думаю, что пока это утопия»*¹.

Император Николай II, разумеется, тоже не тешил себя иллюзиями о том, что на следующий день после конференции государства начнут политику разоружения. Французский дипломат Жюссеран отмечал, что во время своей встречи с Николаем II император предупредил, чтобы он не *«строил больших иллюзий по поводу практических и немедленных результатов от его конференции. Но он уверен в её необходимости по причине моральной»*².

Однако речь шла не только о моральной стороне дела. Всё усиливающаяся гонка вооружений грозила большей части европейских государств нищетой и разорением. Эта гонка была выгодна лишь одному европейскому государству — Германии, которая в силу осуществлённой в ней военно-технической революции вырвалась далеко вперёд в деле развития тяжёлого вооружения. Об этом хорошо писал в своей записке на Высочайшее имя один из организаторов конференции крупный чиновник МИД Ф. Ф. Мартенс: *«Нынешнее перевооружение германской артиллерии, — писал он, — служит новым доказательством неотложности положить предел этой разрушительной и опасной системе бесконечных вооружений, впервые введённой той же Германией, и которая, в конце*

---

¹ Резолюция императора Александра III на записке барона Е. Е. де Стааля. 20 апреля 1894 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 37. Л. 91.

² Jusserand à T. Delcassé. Le 31 mars 1899 // DDF. 1-série. T. XVI. P. 196.

концов, неминуемо должна привести к небывалой по своим разрушительным последствиям всеобщей войне»¹.

Таким образом, главной целью Николая II была попытка предотвращения или хотя бы смягчение последствий грядущей мировой войны, которая, и это понимал царь, должна была неминуемо рано или поздно начаться в условиях ничем не ограниченной гонки вооружений.

Ф. Ф. Мартенс полагал, что период 1898—1899 гг. представляется как нельзя более благоприятным для проведения конференции о разоружении. «*Новые вооружения Германии, — писал Мартенс, — которых неизбежным последствием должно быть принятие соответствующих мер не только Россией, Францией и Англией, но и теми державами, которые входят в состав предводимого ею же самой Союза. Между тем, одна из них, Италия, страшно разорена экономически и едва выносит бремя своего нынешнего военно-морского бюджета. Другая, Австро-Венгрия, переживает смутное время с точки зрения военной политики и столь же мало расположена к дальнейшему отягощению своих и без того в высшей степени обложенных налогоплательщиков, новыми налогами на военные нужды*»².

Мартенс считал, что между европейскими государствами нет на текущий момент столь острых противоречий, из-за которых хотя бы одному из них имело бы смысл продолжать безумную гонку вооружений. Что касается России, то Мартенс полагал, что после того как она обрела незамерзающий порт в Тихом океане (Порт-Артур), свою столетнюю мечту, её геополитические задачи решены полностью, как на Западе, так и на Востоке, за исключением выхода к проливам, который может разрешиться мирно по соглашению с Турцией или великими державами.

Мысли Мартенса были вполне созвучны идеям императора Николая II. Стремление царя ускорить проведение конференции было вызвано, в том числе, англо-бурской войной и теми преступ-

¹ Записка Ф. Ф. Мартенса на Высочайшее имя // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 45. Л. 4.

² Записка Ф. Ф. Мартенса на Высочайшее имя // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 45. Л. 6.

ными методами, какие применялись англичанами в ходе кампании. Граф М. Н. Муравьев писал, что *«Его Величество видит в этих событиях (англо-бурской войны. — П. М.) новое доказательство необходимости уменьшения, насколько это возможно, ужасов состояния войны, необходимость которого Императорское правительство имело в виду, предлагая Конференцию в Гааге»*¹.

Мирная инициатива России преследовала две цели: 1) создать систему миролюбивого обсуждения международных споров и ограничения гонки вооружений, предупреждая тем самым саму войну; 2) выработать правила и законы ведения войны, не допустить создания и широкого применения оружия, причиняющего особые мучения, и оружия массового поражения (отравляющих веществ)².

12 августа 1898 г. министр иностранных дел граф М. Н. Муравьев обратился к представителям России за границей с циркулярной нотой, в которой говорилось: *«Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений являются, при настоящем положении вещей, целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств. Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья — таков ныне высший долг для всех государств. Преисполненный этим чувством, Государь Император повелеть мне соизволил обратиться к правительствам государств, представители коих аккредитованы при Высочайшем Дворе, с предложением о созыве конференции в видах обсуждения этой важной задачи. С Божьей помощью, конференция эта могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века»*³.

Циркуляр графа Муравьева произвёл в Европе сильное впечатление, хотя однородным его назвать нельзя. Большинство европейских государственных и политических деятелей, а также

¹ Всеподданнейшие записки министра иностранных дел по вопросам англо-бурской войны // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 83. Л. 3—4.

² Гагская конференция мира: Культурно-исторический очерк // Вестник Европы. 1900. С. 5—28.

³ Циркулярная нота министра иностранных дел графа М. Н. Муравьева. 12 августа 1898 г. // Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 67.

пресса консервативного и либерального направления однозначно приветствовали «великодушный почин миролюбивого Государя». Министр иностранных дел Италии маркиз Висконти-Веноста заявил, что «долг всех правительств помочь в деле мира, с инициативой которого выступил Царь»¹.

«Мир был уже поражён, — писал в своей книге о конференции Ж. де Лапрадель, — когда могущественный монарх, глава великой военной державы, объявил себя поборником разоружения и мира в своих посланиях от 12/24 августа и 30 декабря. Удивление еще более возросло, когда, благодаря русской настойчивости, конференция была подготовлена, возникла, открылась».

Во Франции, особенно среди военных, было сильно недовольство мирной инициативой своей союзницы. Это известие, по словам Ф. Ф. Мартенса, стало для «французов ушатом холодной воды, на них вылитым мылом союзником. Они рвут и мечут и не могут успокоиться, считая, что конференция направлена против них»².

Французские военные круги восприняли конференцию как желание России склонить Францию к отказу от возвращения Эльзаса и Лотарингии. Французские военные были также обеспокоены, не приведёт ли запрет на перевооружение армий новым оружием к запрету на скорострельную 75-мм пушку, перевооружение которой с успехом шло во французской армии. Французы были настолько напуганы предстоящей конференцией, что Николай II поручил М. Н. Муравьеву успокоить французов. «Я думаю, было бы хорошо, — писал Государь, — если бы Вы побывали в Париже и увидались бы с Фором и некоторыми из главных их деятелей. Важно их всех успокоить насчёт нашего проекта всеобщего разоружения, который, судя по их печати, кажется, наделал во Франции сильный переполох. Ваше посещение Парижа сразу положит конец разным сомнениям или разочарованиям, если они имеют место»³.

¹ Barrère, Ambassadeur à Rome à T. Delcassé. 7/20 mai 1899 // DDF. 1-série. T. XVI. P. 302.

² Новое время. Август 1898 г.

³ Император Николай II — графу М. Н. Муравьеву. 27 августа 1898 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 30.

Успокаивать французов в Париже выезжал не только М. Н. Муравьев, но и генерал А. Н. Куропаткин. Несмотря на то, что последним удалось успокоить союзников по поводу Эльзаса и Лотарингии, а также 75-мм пушки, французской поддержки русская идея о прекращении новых вооружений не получила¹.

Между тем император Николай II в разговоре с послом Монтебелло выразил настойчиво пожелание, чтобы оба посланника на конференции, французский и русский, «действовали наступательно и всегда согласно друг с другом по всем более-менее важным пунктам»².

Позицию Англии хорошо передал в письме к графу Муравьеву посол в Лондоне де Стааль: «Относительно мирной конференции Англия будет держаться своей обыкновенной политики: она примет участие в совещаниях, чтобы подвести их и не выполнить»³.

Отношение Германии к предстоящей мирной конференции было выражено императором Вильгельмом II в узком кругу: «Я согласен с этой идеей, только чтобы царь не выглядел дураком перед Европой. Но на практике в будущем я буду полагаться только на Бога и на свой острый меч!»

24 октября/6 ноября 1898 г. «Предварительный проект» программы конференции был представлен императору Николаю II⁴. Гаага не сразу была выбрана местом проведения конференции. Вначале в качестве такового рассматривался Санкт-Петербург, но российская столица была отвергнута по предложению самого российского МИДа. Тогда возникла идея обратиться к королеве Нидерландов Вильгельмине⁵.

---

¹ Записка генерала Куропаткина от 31 октября 1898 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1932. Т. 1–2.

² L. Montebello à T. Delcassé. Le 22 avril 1899 // DDF. 1-série. T. XVI. P. 239

³ Барон Е. Е. де Стааль — графу М. Н. Муравьеву // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 9.

⁴ Рыбачёнок И. С. *Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге*. С. 115.

⁵ Рыбачёнок И. С. *Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге*. С. 115.

Приглашение участвовать в ней было послано и принято всеми европейскими державами, а также США, Мексикой, Китаем, Японией, Персией, Сиамом. Каждая из приглашенных держав прислала своих уполномоченных. По предложению королевы Нидерландов Вильгельмины начало работы конференции в знак уважения к её Августейшему инициатору приурочили ко дню рождения императора Николая II — 6/18 мая. Председателем конференции был избран представитель России барон Е. Е. Стааль.

Гаагская мирная конференция заседала в королевском Лесном дворце с 18 мая по 17 (по григорианскому стилю) июня 1899 г. Был принят целый ряд конвенций, в том числе конвенция о мирном разрешении международных споров путем посредничества и третейского разбирательства. Плодом этой конвенции, разработанной русским депутатом проф. Ф. Ф. Мартенсом, явилось учреждение действующего и поныне Гаагского международного суда.

Представители прессы на конференцию не были допущены; о её заседаниях имеются только краткие сведения, сообщенные печати по постановлению самой конференции. Первая и главная цель конференции — сокращение вооружений и военных бюджетов — достигнута не была, что объяснялось позициями Германии и Франции. Один из главных участников конференции со стороны России Ф. Ф. Мартенс называл позицию французской делегации «подлой». *«Они, — говорил Мартенс, — наши друзья и союзники, но не только не помогают нам, но, напротив, на каждом шагу пакостят, выступая против предложений России в военной и морской комиссиях»*¹.

Конференция достигла соглашения по установлению общих правил относительно мирного разбирательства столкновений между державами и выработала определенные правила относительно ведения войны. Все это выразилось в шести конвенциях и декларациях:

1) конвенция о мирном улаживании международных столкновений;

2) конвенция, определяющая обычаи сухопутной войны;

¹ АВП РИ. Ф. 340. Оп. 787. Д. 5.

3) конвенция, распространяющая применение Женевской конвенции 1864 г. на войну морскую;

4—6) декларации, запрещающие бросание взрывчатых снарядов с аэростатов, употребление снарядов, единственной целью коих является распространение удушающих газов, пуль, взрывающихся в человеческом теле.

Конвенция о мирном разбирательстве споров и о морской войне ратифицирована всеми 26 державами; конвенция о сухопутной войне не ратифицирована Швейцарией, Турцией, Китаем; декларация о бросании взрывчатых снарядов с аэростатов не подписана Англией, декларация о снарядах, распространяющих удушающие газы, — Англией и Соединёнными Штатами.

Наибольшее значение имела конвенция о мирном разрешении международных столкновений. Она устанавливала право вмешательства третьей державы в столкновение между двумя другими державами как до войны, так даже и после открытия военных действий, посредством предложения «добрых услуг». Спорящие державы могут отвергнуть или принять добрые услуги. В последнем случае конвенция рекомендовала спорящим державам (если война еще не началась) избрание каждой одной нейтральной державы, и эти державы могли выработать все условия соглашения, пока шли переговоры между ними.

Затем спорящие державы могли принять предложенное им соглашение или отвергнуть его. Конвенция предусматривала случаи, когда спор мог происходить вследствие различного толкования фактической обстановки какого-либо события. Для подобных случаев конвенция предложила совсем новый способ международного следствия и передачи спора третьейскому суду. Для этого в Гааге учреждался постоянный международный третейский трибунал.

Учреждение международного третейского суда в Гааге, осуществленное по инициативе русского императора, опередило свое время более чем на полвека.

Оценивая итоги Гаагской конференции, Государь писал в 1900 г.: *«Результаты трудов созванной в Гааге Мирной Конференции дают полную надежду, что осуществлению такой близкой Мо-*

ему сердцу задачи положены твердые основы ввиду признания всеми державами возможности и необходимости её всестороннего разрешения»¹.

Конференция, конечно, не остановила гонку вооружений. Более того, сразу же после неё Германия почти демонстративно увеличила свою армию мирного времени на 26, 6 тыс. человек, Турция — более чем на 300 тыс. Министр колоний Англии Дж. Чемберлен заявил, что само Провидение предназначило Англию «быть завоевательницей и управительницей громадных пространств земной поверхности»².

Но хотя конференция и не смогла остановить гонку вооружений, она имела важное практическое значение. «С некоторых пор в газетах и в здешних политических кругах, — сообщал Николаю II в июле 1903 г. российский посол в Париже князь Л. П. Урусов, — обсуждалась возможность заключения с иностранными державами договоров, в силу коих споры по известному роду вопросам обязательно подвергались бы третейскому суду. Нужно заметить, что вообще великодушная мысль Государя Императора, практическим выражением коей была Гаагская конференция 1899 г., широко распространилась с тех пор и сделала большие успехи во Франции... Принцип арбитража популярен во Франции, и его поддерживает большая часть здешней печати»³. В том же 1903 г., сначала (в октябре) с Англией, а затем (в декабре) и с Италией, Франция подписала договоры о представлении на разрешение Гаагского третейского суда недоразумений и споров «неполитического свойства»; международное расследование знаменитого «Гулььского инцидента» велось в Париже зимой 1904/1905 г. также в рамках гаагских договоренностей. С тех пор следование гаагским решениям превратилось в общепринятую норму, а идеал достижения «прочного мира во всем мире» стал общим местом рассуждений аналитиков и комментаторов международных отношений⁴.

¹ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 37.

² Рыбаченок И. С. *Россия и Первая конференция мира*. С. 232.

³ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2507. Л. 64 — 64 об.

⁴ Рыбаченок И. С. *Россия и Первая конференция мира*.

ЧАСТЬ 2. «ОКНО В АЗИЮ»

Глава 1. «Большая Азиатская программа» императора Николая II

Истоки и причины «Большой Азиатской программы» императора Николая II

«Большая Азиатская программа» императора Николая II, осуществление которой было одной из главных задач его царствования, до сих пор остаётся малоизученной. Между тем определение Государем азиатско-дальневосточного направления как приоритетного для России опередило своё время по меньшей мере на полвека. Стремление русского царя «прорубить окно в Азию», обеспечить России выход к незамерзающим морям по своему масштабу не уступало планам Петра Великого. Но помимо геополитической составляющей в Большой программе императора была заложена и духовная составляющая. Царь видел в восточных народах возможных будущих христианских братьев России. Восточная цивилизация, начисто лишённая буржуазного духа Западной Европы, виделась Николаю II полем для миссионерской деятельности. Однако это понятие, конечно, не стоит понимать только буквально. Между православной монархической цивилизацией русского народа, его представлениями о Белом Царе и сакральной цивилизацией Востока с теми же понятиями Ак-Падишаха (Белый Царь у мусульман), воплощения Белой Тары (Белый Царь у буддистов)

было много общего, на котором можно было строить здание будущей русско-восточной цивилизации.

Истоки «Большой Азиатской программы» следует искать в путешествии наследника цесаревича Николая Александровича, будущего императора Николая II, на Восток в 1891 г. В его свите был князь Э. Э. Ухтомский, большой знаток Востока, а также В. Д. Менделеев, сын великого учёного Д. И. Менделеева. К слову сказать, сам Д. И. Менделеев всегда горячо поддерживал планы Николая II относительно Азии. «Только неразумное резонерство, — писал Д. И. Менделеев, — спрашивало: к чему эта дорога? А все вдумчивые люди видели в ней великое и чисто русское дело — путь к океану — Тихому и Великому, к равновесию центробежной нашей силы с центростремительной, к будущей истории, которая неизбежно станет свершаться на берегах и водах Великого океана»¹.

Князь Э. Э. Ухтомский вторил Менделееву: «Иные говорят: «К чему нам это? У нас и так земли много», — но для Всероссийской державы нет другого исхода — или стать тем, чем она от века призвана быть (мировой силой, сочетающей Запад с Востоком), или бесславно и незаметно пойти по пути падения, потому что Европа сама по себе нас в конце концов подавит внешним превосходством своим, а не нами пробужденные азиатские народы будут еще опаснее, чем западные иноплеменники».

Князь Ухтомский стал автором многотомного красочного издания «Путешествие Наследника Цесаревича на Восток». Он оказал большое влияние на наследника, обратив его внимание к Восточному региону в свете геополитических интересов России.

Не менее важным для будущего царя было его путешествие по Дальнему Востоку и Сибири при возвращении из кругосветного путешествия в Петербург. «Что за громадина Амур, — писал цесаревич своему отцу императору Александру III, — мы шли 10 дней вверх по нему и затем вошли в Шилку, которые тоже не из маленьких»².

¹ Менделеев Д. И. *Заветные мысли*. — М.: Мысль, 1995.

² Великий князь Николай Александрович — императору Александру III // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919(4). Л. 196.

В письме Великому князю Александру Михайловичу цесаревич писал: «Я в таком восторге от того, что видел, что только устно могу передать впечатления об этой богатой и великолепной стране, до сих пор так мало известной и (к стыду сказать) почти незнакомой нам, русским»¹!

Путешествие по Дальнему Востоку и Сибири, а также знакомство великого князя Николая Александровича с Восточной Азией привело его к убеждению, что Россия должна развиваться именно в этом направлении. Поэтому «Большая Азиатская программа» стала закладываться в планах Николая II ещё до его вступления на престол.

Особое внимание Востоку уделял ещё Александр III, который поддержал идею и практические мероприятия по распространению России на «монголо-тибетско-китайском Востоке при посредничестве активных торговых отношений из Забайкалья»². 1 февраля 1891 г. Александр III утвердил решение о строительстве железной дороги, которая бы соединила Урал с Тихоокеанским побережьем³. Так был заложен знаменитый Транссиб, председателем комитета по строительству которого стал наследник цесаревич Николай Александрович. Во Владивостоке он возглавил торжественную церемонию, посвящённую началу строительства Транссибирской железнодорожной магистрали. Цесаревич провёл символическую тачку с землёй для железнодорожной насыпи. К моменту приезда наследника было проложено 3 версты железнодорожного полотна.

Необходимость транссибирской магистрали была вызвана также активным продвижением англичан к русским южным границам и широким использованием для этого китайской территории.

---

¹ Великий князь Николай Александрович — великому князю Александру Михайловичу // ГА РФ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 102. Л. 23.

² Записки, депеши и письма без подписей, адресованные Николаю II и С.Ю.Витте о политике России на Дальнем Востоке в Китае и Монголии // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 700. Л. 1.

³ Данилов О. Ю. *Пролог «великой войны». 1904–1914 гг. Кто и как втягивал Россию в мировой конфликт.* — М.: Поколение, 2010. С. 5.

Англичане планировали построить дорогу от Дагу, через Шанхай-гуань, Цзиньчжоу, Мукден и далее к Хуечуню на р. Тумынь к русской границе¹. В случае успешного завершения строительства англичане могли угрожать Владивостоку с Запада и отрезать Южное Приморье от империи. Таким образом, развитие Дальневосточного региона являлось для России важнейшей военной и геополитической задачей.

Однако при Николае II распространение России на Восток получило не просто военно-оборонительный характер, а стало частью большой политико-религиозной программы. Восточные народы были гораздо больше расположены к православной миссии, чем народы Западной Европы. Фраза Государя, что «Россия должна прирастать Азией», отражала его глубочайшее убеждение в необходимости распространения русского влияния на Восток.

«Большая Азиатская программа» сводилась к обеспечению развития Сибири и Дальнего Востока, экономическому сотрудничеству с великими и древними соседями его империи по Азии. Как показывают исторические факты, у Николая II был свой взгляд на внешнеполитические задачи его империи. Царь понимал, что цели России, которых она добивалась во времена его отца Александра III и деда Александра II, — утвердить своё главенство на Балканах, в этой связи захватить проливы из Чёрного моря в Средиземное и противодействовать Австрии и Турции в Южной Европе, а Англии и Франции — на Ближнем Востоке — можно было достичь только путём кровопролитных войн в Европе. К тому же обладание Босфором и Дарданеллами открывало для России лишь «форточку» в зал, который был заперт британскими засовами. Только развитие Сибири, Дальнего Востока и активная политика в Азии могли укрепить величие России².

¹ Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949). — М., 1956. С. 117.

² Журнал «Золотой Лев» № 227—228 — издание русской консервативной мысли.

Начало реализации планов царя на Дальнем Востоке

Негласным представителем императора Николая II на Дальнем Востоке был князь Э. Э. Ухтомский. По заданию царя Ухтомский готовил продвижение России на Восток, стимулировал распространение русского влияния в Бурятии, Китае, Верхней Монголии, Маньчжурии, устанавливал связи с Тибетом и Кореей. Э. Э. Ухтомский регулярно направлял отчёты императору в Петербург, в которых передавал все важнейшие новости из Дальневосточного региона, добытые секретные карты китайского и корейского районов, передавал важнейшую информацию о настроениях среди восточных народов. Николай II предвидел, что Дальневосточный регион станет театром военного противостояния России с третьими странами, и Ухтомский собирал бесценную, с военно-оборонительной точки зрения, информацию об этой территории. *«Ваше Императорское Величество, — сообщал Э. Э. Ухтомский царю в декабре 1894 г., — ввиду новейших событий на Дальнем Востоке всеподданнейше осмеливаюсь повергнуть на Ваше благоусмотрение единственный в своём роде Атлас, данный мне всего на несколько дней. На 1 стр. ясно виден лучший путь из Забайкалья на Пекин, наглядно изображены выгоды нашего положения между Стратенском и Благовещенском. В данное время китайцы охотно бы продали или уступили на каких-нибудь льготных условиях эту часть своей территории, населённую почти исключительно бродягами»¹.*

Князь Ухтомский сумел создать на Востоке разветвленную эффективную агентурную сеть. Причём в понятие «агентурной сети» вкладывалось гораздо большее, чем просто сеть тайных агентов, собирающих секретную информацию. Люди Ухтомского, конечно, занимались и этим, но главное, они вели работу по усилению влияния России в Дальневосточном и Китайском регионах, подготавливали будущие ведущие позиции России во всей Центральной Азии. Главой агентуры князя Ухтомского был Пётр Александров-

---

¹ Князь Э. Э. Ухтомский — императору Николаю II. 14 декабря 1894 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 137. Л. 8.

вич Бадмаев, носивший до крещения буддистское имя Жамсаран. Крестник императора Александра III, Бадмаев был убеждён, что только Россия способна понять и спасти восточные народы от варварского господства Запада и поглощения Японией. Прекрасно знавший бурятскую культуру и буддистские традиции Бадмаев был незаменимым помощником князя Ухтомского.

В своём докладе Николаю II от 2 сентября 1895 г. князь Ухтомский отмечал успешную деятельность Бадмаева, который *«разъезжает в качестве купца по Монголии, с целью повидать всех местных князей-лам, привлечь их на нашу сторону и, сооружая станции по степному почтовому тракту на Пекин, незаметно поставить там же телеграфные столбы при ясно намеченном рельсовом пути, который мог бы пойти от Сибирской магистрали»*¹.

Бадмаев собирал информацию о настроениях в регионе, вызывал у местных вождей дружественные чувства к России, обеспечивал телеграфной связью территорию, по которой могло начаться движение русских войск, находил среди русских государственных чиновников лиц, могущих предоставлять Государю достоверную и объективную информацию о состоянии дел на Дальнем Востоке.

15 сентября 1895 г. П. А. Бадмаев шифром передаёт Э. Э. Ухтомскому: *«Выезжаю верхом со 150 помощниками. Буду во всех важных пунктах до Кореи. Всюду разузнаю на месте сам, как сподручнее провести на частные средства ближайшим путём железную дорогу из внутреннего Китая в Читу. Пространство между этими районами занято и охраняется монголами. Вхожу в соглашение со всеми их главными вождями. Народ за нас. Маньчжурская династия падает. Казаки и буряты единодушно мне содействуют»*².

Помимо Ухтомского у Николая II в Дальневосточном регионе и в Китае имелись и другие доверенные лица, имена которых неизвестны до сих пор. По имеющимся запискам, адресованным императору, авторство которых не установлено, мы можем судить,

¹ Князь Э. Э. Ухтомский — императору Николаю II. 02 сентября 1895 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 137. Л. 22.

² Князь Э. Э. Ухтомский — императору Николаю II. 15 сентября 1895 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 137. Л. 26—27.

насколько сильным было проникновение России в этом регионе к началу XX в.

В 1896 г. резидент сообщал: *«Вся Монголия готова без выстрела сейчас же перейти в подданство России. О Монголии, Маньчжурии и Тибете не стоит и разговаривать: факт присоединения этих стран к России можно считать фактом свершившимся»*¹.

Кроме геополитической задачи Николай II никогда не забывал о своём долге православного царя. Распространение русского влияния на Востоке означало распространение там православной веры. Одновременно с налаживанием связей с мировыми буддистскими лидерами под непосредственным контролем царя на Дальнем Востоке развернулось создание русских школ для бурят и монголов, которые, по сообщениям резидента, сотнями просились в эти школы, *«высказывали желание принять православие»*.

Несмотря на свои обширные геополитические планы в Азии и на Дальнем Востоке, Россия не собиралась ни оккупировать, ни расчленять соседние государства. Между тем европейские страны стремились к их оккупации и расчленению. Особенно заманчивым им казался огромный Китай.

С. Ю. Витте, который обладал удивительной способностью до крайности утрировать мысли людей, по тем или иным причинам ему несимпатичных, так обозначал, со слов генерала А. Н. Куропаткина, векторы «Большой Азиатской программы»: *«У нашего Государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы»*².

Разумеется, Государь никогда не ставил задач прямого захвата Кореи и тем более Персии. Но, в условиях быстрого усиления в Дальневосточном и Азиатском регионах ведущих европейских

¹ Записки, депеши и письма без подписей, адресованные Николаю II и С.Ю.Витте о политике России на Дальнем Востоке в Китае и Монголии // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д.700. Л. 1.

² Дневник А. Н. Куропаткина // Красный архив. Исторический журнал. — Пг.; М., 1922. Т. 2. С. 31–32.

держав, Россия не могла не стремиться к их опережению на этих направлениях геополитического влияния.

Император Николай II и независимость Сиам (Таиланда)

Несмотря на тесные союзнические отношения с Францией, Николай II не боялся действовать вопреки интересам союзника, если они противоречили интересам России. Так произошло и в случае ситуации вокруг Королевства Сиам (Таиланд).

В 1893 г. Франция совершила военное нападение на Сиам и навязала ему кабальный договор, на основании которого добилась для себя многих привилегий, а также большой контрибуции. Однако даже столь неравноправный договор мало удовлетворял французских колонизаторов, и они пошли по пути его нарушения. Речь шла о подготовке к полной ликвидации государственной самостоятельности Таиланда, к разделу его между английскими и французскими империалистами.

Король Сиам Рама V (Чулалонгкорн) был дружен с императором Николаем II ещё со времён его путешествия на Восток в качестве наследника престола. В инструкции русскому консулу в Нью-Йорке А. Е. Ораловскому, отправлявшемуся на своё новое место службы в Бангкок, сообщалось: *«Могучий толчок пробудившемуся влечению Сиаму в сторону России был дан состоявшимся посещением бангкокского двора Всемилостивейшим Государем нашим в качестве русского престолонаследника в 1891 г. во время предпринятого на Дальний Восток путешествия. Оказанный Его Императорскому Величеству королём Чулалонгкорном и всем населением страны торжественный приём, полный самого искреннего радушия и внимания, явился той данью признательного уважения, которую король, а с ним вместе и все его подданные в лице высокого своего гостя желали воздать русскому Царю и России»*¹.

¹ Из инструкции МИД России А. Е. Ораловскому при назначении его русским поверенным в делах и генеральным консулом в Таиланде. 21 февраля 1898 г. // Из истории русско-тайландских отношений (конец XIX — начало XX века) // Исторический архив. 1957. № 6. С. 120.

Сиам произвёл на будущего Государя самое хорошее впечатление. Жителей страны русский престолонаследник называл не иначе как «добрые сиамцы», а сам Сиам — «отлично устроенной страной». «По-моему, — писал цесаревич Николай Александрович III, — это самая интересная и своеобразная страна, которую мы до сих пор видели»¹.

Когда король Рама V понял, что Франция собирается колонизировать Сиам, он отправился в заграничную поездку, надеясь добиться урегулирования отношений с Францией. Но официальный Париж отказался даже разговаривать с королём². Единственной страной, которая могла бы повлиять на Францию, был её союзник, Российская империя. Рама V обратился лично к императору Николаю II с предложением установить с Таиландом дипломатические отношения. Царь сразу же откликнулся на просьбу короля, пригласив его в Россию. Визит короля Рамы V проходил с 21 по 28 июня 1897 г. Россия сделала всё, чтобы придать этому визиту наибольшую гласность. Известная русская газета «Новое время» писала: «Сегодня 16 (29) июня по Варшавской железной дороге отправлен на границу Императорский поезд, на котором прибудет в Петергоф Его Величество Сиамский Король»³.

«Московские ведомости» 25 июня подчёркивали: «Ещё до захвата соседних стран в Сиаме был предпринят ряд реформ в европейском духе, и в Азии, если исключить Японию, нет другого самостоятельного государства, в котором так широко распространилась бы европейская культура, как именно в Сиаме. Необыкновенный подъём страны за последние годы должен быть поставлен в заслугу королю Чулалонгкорну»⁴. «Санкт-Петербургские ведомости» отмечали, что «король Чулалонгкорн — один из самых симпатичных, образованнейших, выдающихся людей нашего времени. Доброе сердце, широкое гостеприимство, пламенная любовь к своей стране и народу и замеча-

---

¹ Цесаревич Николай Александрович — императору Александру III. 20 марта 1891 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919(3). Л. 157.

² Россия и Восток: Учебное пособие. — СПб.: Издательство СПГУ, 2000 // Мельниченко Б. Н. Россия и Сиам (Таиланд). С. 428—451.

³ Новое время, 16 июня 1897 г.

⁴ Московские ведомости. 25 июня 1897 г.

тельное благородство характера. Личные качества короля приобрели ему искреннее уважение европейцев и любовь подданных»¹. Давая такую характеристику сиамскому королю, Россия как бы предупредила, что нападение на его страну будет восприниматься ею как агрессия и варварство. Тем более что Рама V был принят в Петербурге как высокий гость царя.

Рама V следовал в Петербург через Москву. В связи с этим Николай II дал указание генерал-губернатору Первопрестольной столицы Великому князю Сергею Александровичу оказать самый тёплый приём таиландскому монарху. Царь писал, что он давно знает короля Раму. *«Все, которые его видели в первый раз, поражены его умом, знаниями, любезностью и обращением. Поэтому прошу тебя и Эллу² смотреть на него как на верного и хорошего друга моего, как на убеждённого поклонника России (их и без того мало)»*³.

Король был поселён в Большом Петергофском дворце, откуда он мог любоваться белыми ночами и живописными петергофскими фонтанами. Во всех официальных русских газетах была помещена фотография встречи императора Николая II и короля Рамы V, что определило успех давления на Францию, которая не решилась продолжить агрессивные действия в отношении друга своего главного союзника. Рама V уехал к себе на родину в окружении 200 русских гвардейцев, которых Николай II отправил в Таиланд для охраны короля. Осенью 1897 г. между двумя государствами были установлены дипломатические отношения. Сразу же после встречи Рамы V с императором Франция согласилась принять сиамского монарха и обсудить с ним назревшие проблемы.

В связи с дружественным характером российско-сиамских отношений и расширением культурных связей королевские гвардейцы Сиамы до 1870-х гг. носили форму российских лейб-гусар, причем некоторые элементы этой формы сохранились и до нашего времени.

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 25 июня 1897 г.

² Великая княгиня Елизавета Фёдоровна.

³ Император Николай II — великому князю Сергею Александровичу. 23 июня 1897 г. // ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 70.

В инструкции первому русскому поверенному в делах в Таиланде А. Е. Оларовскому подчёркивалось, что вся его деятельность «должна идти навстречу той искренности и приязни, кои положены Сиамом в основу отношений своих к России; равным образом она должна быть лишена всяких корыстных побуждений и стремлений исторгнуть те или иные выгоды; наконец, она должна отвечать и ожиданиям страны встретить со стороны России столь желанное к её интересам участие и найти в последнем необходимую нравственную опору в неравной борьбе с ее могущественными соседями»¹.

По просьбе тайландского правительства и лично короля Чулалонгкорна, а также по собственной инициативе Николай II неоднократно оказывал Таиланду поддержку в разрешении спорных вопросов с Францией, что способствовало сохранению его независимости.

7 марта 1898 г. сиамский король просил Государя содействовать в переговорах Таиланда и Франции. «Пользуясь этим случаем, — писал царю Чулалонгкорн, — хотел бы [обратиться] к Вашему Величеству с целью заключить от моего имени и при содействии дружественной и мощной поддержки Вашего Величества такое соглашение с Францией, которое было бы основано не на уступках, противоречащих ныне действующим трактатам и не совместимых с моими верховными правами и с независимостью моего королевства, а на истинном и справедливом применении и истолковании этих трактатов. Как никогда раньше я желаю подобного соглашения и продолжаю сожалеть, что мое предложение передать все дело на арбитраж Вашего Величества, на что Вы с такой готовностью согласились, не было принято французским правительством»².

Сиам добивался от Франции возвращения захваченного ею го-

¹ Из инструкции МИД России А. Е. Оларовскому при назначении его русским поверенным в делах и генеральным консулом в Таиланде. 21 февраля 1898 г. // Из истории русско-тайландских отношений (конец XIX — начало XX века) // Исторический архив. 1957. № 6. С. 121.

² Выписка из письма тайландского короля Чулалонгкорна императору Николаю II // Из истории русско-тайландских отношений (конец XIX — начало XX века) // Исторический архив. 1957. № 6. С. 122.

рода Чантабуна. Император Николай II повелел послу в Париже князю Урусову «оказать возможное содействие к разрешению в желательном для Сиам смысле дела по очищению Чантабуна». Переговоры Урусова с Делькассе окончились удачно для Сиам. Франция отказалась от планов колонизации этой страны. Так Сиам остался единственной независимой державой в регионе.

Россия и Китайская империя

К концу XIX в. началось активное проникновение основных европейских держав в распадающуюся империю Цинь. Экономика Китая находилась под контролем иностранного капитала. С 1894 по 1898 гг. Китай получил семь иностранных займов на общую сумму 54 млн. фунтов стерлингов. Иностранные державы активно строили в Китае железные дороги и занимались добычей полезных ископаемых. Явная направленность иностранных притязаний в это время состояла в домогательстве монопольных прав внутри соответствующих «сфер влияния» и в возможно более надёжном исключении не только других иностранцев, но и самих китайцев от любого участия в контроле или управлении какой-либо железной дорогой¹.

Более всех стремилась занять господствующее положение в Китае Великобритания. Ещё в 1885 г. видный деятель консерваторов лорд Р. Солсбери заявил: «*Держава, которая сможет лучше всех укрепиться в Китае, получит преобладание в мировой политике*»².

Летом 1894 г. началась схватка между Японией и Китаем за влияние в Корее. Войне предшествовало вступление китайских войск в Корею по просьбе её короля, который не мог справиться с крестьянскими бунтами, охватившими страну. Корейское правительство немедленно уведомило японское правительство о появлении китайских войск на своей территории, заверив его, что

¹ Сергеев Е. Ю. *Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке. 1897–1903.* — М., 1998. С. 67.

² Сергеев Е. Ю. Указ. соч. С. 67.

китайские войска после подавления восстания будут отозваны обратно¹.

Однако Япония отреагировала по-своему — 10 июня 1894 г. 6 тыс. японских военнослужащих были доставлены в Чемульпо десятью японскими кораблями, после чего японцы предложили Китаю совместными усилиями подавить корейское восстание. Китай в ответ заявил, что восстание уже ликвидировано и никакой японской помощи не требуется. Китайцы объявили, что выводят из Кореи свои войска и ждут такого же шага со стороны японцев. Однако японцы силой захватили королевский дворец в Сеуле, фактически свергли короля и установили в столице Кореи оккупационный режим. 22 июля 1894 г. Китай отозвал своего посланника из Токио, а японцы внезапно начали военные действия на суше и на море, объявив войну только 1 августа.

Японцы изгнали китайскую армию из Кореи и вторглись на китайскую территорию. Хорошо организованная и вооружённая японская армия и здесь добилась больших успехов: от китайцев были очищены большая часть Маньчжурии, полуостров Ляодун и порт Вэйхай. 3/15 февраля 1895 г. российский посол в Токио М. А. Хитрово на встрече с министром иностранных дел Японии Мунэмицу Муцу высказал последнему крайнюю озабоченность России по поводу действий Японии в Китае. В ответ Муцу заявил: *«Япония отнюдь не намерена идти в войне до обстоятельств, могущих повлечь распадение Китая или падение династии»*².

1/13 апреля 1895 г. между Японией и Китаем был заключён Симоносекский мир, по которому Пекин должен был уплатить Японии огромную контрибуцию, признать независимость Кореи и отдать навечно остров Тайвань и весь Ляодунский полуостров.

Для России японские захваты являлись прямым вторжением в зону её геополитических интересов. В своей верноподданнической записке от 25 марта/6 апреля 1895 г. министр иностранных

---

¹ Нозиков Н. *Японо-китайская война 1894–1895 гг.* — М.: Воениздат НКО СССР, 1939. С. 9.

² Секретная записка М. А. Хитрово в МИД // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 40. Л. 41.

дел князь А. Б. Лобанов-Ростовский писал: *«Не подлежит сомнению, что из предложенных японцами условий мира окончательное занятие ими полуострова, на котором находится Порт-Артур, вызывает наиболее замечаний; оно было бы постоянною угрозою против Пекина и даже против Кореи, коей независимость предполагается провозгласить; в то же время, с точки зрения наших интересов, оно было бы фактом крайне нежелательным. Но если мы тешимся требовать от японцев, чтобы они отказались от этого условия, то возникнет вопрос: а если они отвергнут наше требование, должны ли мы прибегнуть к принудительным мерам и можем ли мы в таком случае рассчитывать на содействие других держав?»*¹ Как писал далее князь Лобанов, из его разговоров с английским послом стало ясно, что Англия *«не решится на какие-либо принудительные меры или враждебные Японии демонстрации»*. Французское правительство было против территориальных уступок Японии, но *«неизвестно, в какой мере оно было бы готово поддержать как свои, так и наши требования. Положение, которое Германия намерена принять в этом вопросе, также не выяснено»*².

В этих условиях А. Б. Лобанов-Ростовский предложил Государю договариваться с японцами о разделе Северо-Восточного Китая. По мысли Лобанова, Россия должна была получить незамерзающий порт Лазарева в Корее и Северную Маньчжурию. Император Николай II в целом был согласен, но окончательное решение вопроса было отложено до обсуждения на Особом совещании 28 марта. К моменту этого совещания французский посол Монтебелло сообщил Лобанову-Ростовскому от имени своего правительства: *«Так как для России занятие японцами Ляодунского полуострова (с портом Артур), а для Франции занятие Пескадорских островов представляются весьма нежелательными, то, если бы*

¹ Всеподданнейшая записка министра иностранных дел князя А. Б. Лобанова-Ростовского. 25 марта/6 апреля 1895 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1932. Т. 3 (52). С. 75.

² Всеподданнейшая записка министра иностранных дел князя А. Б. Лобанова-Ростовского. 25 марта/6 апреля 1895 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1932. Т. 3 (52). С. 77.

Япония не согласилась от них добровольно отказаться, можно было бы приступить к принудительным мерам»¹.

30 марта/11 апреля 1895 г. на Особом совещании под председательством Великого князя Алексея Александровича Лобанов-Ростовский доложил позицию европейских стран: *«На сделанный нами через представителей наших в Лондоне, Берлине и Париже запрос о том, какого взгляда держатся Англия, Германия и Франция на происходящие ныне между Китаем и Японией переговоры о мире, великобританское правительство ответило, что оно не видит для себя оснований вмешиваться в эти переговоры; напротив того, Германия, относившаяся до начала переговоров совершенно безучастно к китайско-японской распри, заявила ныне о своей готовности присоединиться ко всякому шагу, который мы сочли бы необходимым сделать в Токио с целью побудить Японию отказаться не только от занятия южной части Маньчжурии с Портом Артур, но и от занятия Пескадорских островов. Такую внезапную перемену во взглядах германского правительства наш поверенный в делах в Берлине объясняет коммерческими интересами Германии на Дальнем Востоке, которые могли бы пострадать от усиления влияния Японии в Китае. Что касается Франции, то она изъявила согласие сообразовать свои действия с нашими»².*

Изменение позиции западных государств было вызвано опасением, что Россия сможет договориться с Японией и перестанет нуждаться в помощи западных государств, а те, в свою очередь, уже не смогут участвовать в разделе китайского пирога.

После долгих обсуждений Особое совещание пришло к мнению, что необходимо добиваться сохранения status quo на севере Китая и отказа Японии от Южной Маньчжурии. В противном случае Россия оставляла за собой свободу действий. 11 апреля 1895 г. Россия, Франция, Англия и Германия потребовали, чтобы

---

¹ Всеподданнейшая записка министра иностранных дел князя А. Б. Лобанова-Ростовского. 2/14 апреля 1895 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М, 1932. Т. 3 (52). С. 77.

² Журнал Особого совещания. 30 марта/11 апреля 1895 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М, 1932. Т. 3 (52). С. 79.

Токио отказался от Ляодуна. К берегам Японии была направлена совместная европейская военная эскадра. Япония вынуждена была уступить, получив от Китая дополнительную контрибуцию в 30 млн лян. 23 апреля 1895 г., когда опасность военного конфликта миновала, император Николай II писал А. Б. Лобанову-Ростовцеву: *«Большая гора свалилась у меня с плеч, по получению Вашей телеграммы и о том, что Япония отказывается вовсе от Ляодунского полуострова. Сколько жизней и жертв спасено! [...] Меня несказанно радует это полюбовное окончание нашего вмешательства в японо-китайское столкновение»*¹.

Помощь, оказанная Китаю в смягчении последствий войны с Японией, существенно улучшила позиции России в Поднебесной. 13 ноября 1895 г. Николай II в записке князю Лобанову указывает: *«Я думаю, что теперь именно время на переговоры с Китаем для получения концессии на постройку через Маньчжурию железной дороги из Забайкалья прямо на Владивосток»*².

Россия и события в Корее

В 1895 г. король Кореи Коджон (с 1897 г. — император), стремясь избежать зависимости от всё более агрессивной Японии, перешёл в фарватер политики России. Девизом нового курса стали слова «Поближе к России, подальше от Японии». Главным проводником этой политики была жена Коджона, королева Мин.

8 октября 1895 г. группа вооружённых японцев, переодетых в корейское платье, ворвалась во дворец и зверски убила королеву, министра двора и несколько фрейлин³. Король успел скрыться в

¹ Император Николай II — князю А. Б. Лобанову-Ростовцеву. 23 апреля 1895 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 117. Л. 15.

² Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник № 248. Император Николай II — князю А. Б. Лобанову-Ростовскому. 13 ноября 1895 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 28.

³ Секретная телеграмма действительного статского советника Вебера. Сеул, 27 сентября 1895 г. // АВП РИ. Фонд «Японский стол». Оп. 494. 1895—1896. Д. 6. Л. 57.

русской дипломатической миссии, откуда он в течение 375 дней управлял страной.

Николай II был весьма обеспокоен событиями в Корее. В своей резолюции на записке князя Лобанова-Ростовского царь отмечал, что возможный захват Кореи японцами «ещё существеннее для нас, нежели захват ими Ляодунского полуострова»¹.

В мае 1896 г. на коронацию Николая II были приглашено корейское посольство во главе с родственником короля Мин Ён Хваном. При встрече с царём корейцы обратились с просьбой прислать в Корею русских военных инструкторов и советников, организовать личную гвардию короля, сформировать корейскую армию в 6 тыс. человек, оказать помощь в строительстве в Корее телеграфных линий и выделить королевству займ в размере 3 млн иен для погашения долга Японии². Николай II согласился удовлетворить все эти просьбы. Вместе с тем на проекте полковника Д. В. Путяты по осуществлению вышеперечисленных мероприятий Николай II написал: «На этом остановиться»³. Царь полагал, что более глубокое проникновение России в Корею на этом этапе чревато осложнениями с другими странами, прежде всего с Японией.

Для выполнения договоренностей в 1897 г. в Корею по рекомендации министра финансов России С. Ю. Витте был отправлен чиновник русского таможенного ведомства К. А. Алексеев, который впоследствии стал главным советником министерства финансов Кореи. Опираясь на помощь России, король Коджон сформировал прорусское правительство. Он отменил все договоры, навязанные ему японцами, и объявил Корею независимой державой. 20 февраля 1897 г. король покинул русскую дипломатическую миссию и окончательно переселился во дворец Кенбоккун. 12 октября 1897 г. Коджон принял титул императора, тем самым подчеркивая свою независимость от Китая. Свою коронацию он отпраздновал на тер-

¹ Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 42. Л. 137.

² Записка полковника Путяты о Корее от 6 ноября 1897 г. [Копия] // АВП ИР. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. 1898 г. Д. 8. Л. 332.

³ АВП ИР. Ф. 191. Миссия в Сеуле. Оп. 768. Д. 6. Л. 91.

ритории русской миссии. В 1897 г. Святейший Синод Русской Православной Церкви принял решение об учреждении Русской духовной миссии в Корее, в задачу которой входило попечение о русских православных христианах, пребывающих на Корейском полуострове, а также проповедь Православия среди местного нехристианского населения. 20 июня 1897 г. последовало Высочайшее соизволение на учреждение православной миссии в Сеуле и на сооружение здесь первого православного храма. Число корейцев, принимавших Православие, постоянно росло. Скромные масштабы школьного просвещения в определенной степени восполнялись благодаря симпатиям корейцев к обрядам и таинствам Православной Церкви¹.

Таким образом, влияние России в Корее чрезвычайно усилилось, а популярность всего русского возросла до небывалых размеров. Известный русский публицист Н. Г. Гарин-Михайловский, который во время пребывания в Корее посетил город И-Чжоу, записал в своём дневнике от 18 октября 1898 г.: «Корейцы по-прежнему любезны до бесконечности. Начальник города, кунжу, прислал к нам цуашу (предводителя дворянства) с вопросом, не надо ли нам чего... Любезность кунжу этим не ограничилась. Он первый сделал нам визит и на наше замечание, что он предупредил нас, сказал: «Имя русского в Корее священно. Слишком много для нас сделала Россия и слишком великодушна она, чтоб мы не ценили этого. Русский — самый дорогой наш гость. Мы между двумя открытыми пастями: с одной стороны Япония, с другой — Китай. Если нас ни та, ни другая паста не проглатывают, то, конечно, благодаря только России»².

5 декабря 1897 г. Николай II утвердил устав Русско-Корейского банка. Банк получал право делать займы без жёстких гарантий, приобретать концессии, давать обязательства, превышающие сумму его уставного капитала в 500 тыс. руб., и финансировать ветку КВЖД в Корее.

Укрепление России в этом регионе вызвало сильное беспокой-

¹ Боровской Г. В. *Россия и Корея: обзор церковных связей* // Миссионерское обозрение. 2004. №3.

² Больбух А. В. *Н. Г. Гарин-Михайловский на Дальнем Востоке* // Дальний Восток. — 1973. № 4. С. 142–145.

ство у Великобритании. В ноябре 1899 г. во время визита Вильгельма II в Лондон министр колоний сэра Дж. Чемберлен предложил кайзеру союз, целью которого было остановить продвижение России на Дальнем Востоке. В обмен на блок против России Германии предлагалась часть Марокко и поддержка в строительстве Багдадской железной дороги¹. Однако Вильгельм II от подобного предложения отказался, так как подобная комбинация не соответствовала его планам переключения России с европейского на азиатское направление и ослабления Англии в Азиатском регионе.

Занятие Россией Порт-Артура и Дальнего

21 мая 1896 г. во время пребывания в Москве Ли Хунчжана, «воспитателя наследника престола», а фактически министра иностранных дел цинского правительства, Россия заключила союзный договор с Китаем. По этому договору, в случае нападения Японии на Китай, Корею или восточноазиатские владения Российской империи, договаривающиеся стороны обязаны были оказывать военную помощь друг другу. Китай разрешил России провести через Маньчжурию до Владивостока железную дорогу, а русские суда получали свободный доступ в порты Китая².

Обстановка весьма благоприятствовала намерениям Николая II приобрести незамерзающий порт на Дальнем Востоке со свободным выходом в Мировой океан. По мнению Государя, такой порт должен находиться либо в Корее, либо на Ляодунском полуострове. В ноябре 1897 г. царь сказал Ламздорфу: *«Я всегда был того мнения, что будущий наш открытый порт должен находиться или на Ляодунском полуострове, или в северо-восточном углу Корейского залива»*³. Мысль Николая II поддерживали адмиралы Ф. В. Дубасов и Е. И. Алексеев.

¹ История дипломатии. Т. 2. С. 137–144.

² Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. — М., 1952. С. 292–294.

³ Конспект Всеподданнейшего доклада графа В. Н. Ламздорфа 4 ноября 1897 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1932, № 3 (52). С. 102.

В конце концов, выбор территории для порта был сделан в пользу не Кореи, а Китая. 15 марта 1898 г. императорское правительство Китая подписало с Россией конвенцию, по которой оно уступало ей в арендное пользование сроком на 25 лет порты Люй-шунь (Порт-Артур) и Талиенван (порт Дальний) вместе с прилегающим к ним водным пространством¹.

Выбор китайского порта в качестве русской военно-морской базы имел несколько причин. Одной из них стал захват немцами Киао-Чао. Когда немецкие суда вошли в Киао-Чао 2/14 ноября 1897 г., Ли Хунчжан обратился к России с просьбой также ввести свои суда в этот порт². Россия, согласно заключённому в 1896 г. с китайским правительством договору, была обязана придти на помощь Китаю.

Адмирал Ф. В. Дубасов получил приказ исполнить просьбу китайцев и занять Киао-Чао. Однако это могло обернуться русско-германским конфликтом в китайских водах. Морской министр адмирал П. П. Тыртов в своём всеподданнейшем докладе убеждал Государя в опасности и бесполезности этого шага. Германские корабли, писал он, будут в Киао-Чао раньше русских, и вхождение последних в порт, где будут уже находиться немцы, неминуемо сопряжено с опасностью военного столкновения с ними³. Николай II согласился с адмиралом, и 8 ноября распоряжение адмиралу Дубасову было отменено. 4 ноября В. Н. Ламздорф предложил Государю *«воспользоваться первым удобным случаем, чтобы занять независимо какой-либо другой, более для нас выгодный порт»*⁴.

В ответе Пекину на его просьбу Россия объясняла свой отказ: поскольку китайские корабли ушли из Киао-Чао, не противодействуя немцам, появление там русских судов *«было бы равносиль-*

¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 71.

² АВП РИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1488. Л. 11 — 12.

³ Всеподданнейший доклад морского министра адмирала П. П. Тыртова, 5 ноября 1897 // РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1689. Л. 38.

⁴ Конспект всеподданнейшего доклада В. Н. Ламздорфа. 4 ноября 1897 г. // ГАРФ, Ф. 568. Оп. 1. Д. 58. Л. 64.

но признанию нами установившегося там ненормального порядка»¹. Россия, не отказывая Китаю в поддержке, заявила о своей готовности помочь лишь в случае большого столкновения с Германией и при условии, если «русским судам будет открыто дружеское гостеприимство даже в тех портах, которые недоступны для иностранцев» (к таким портам относился Артур), а также если уладятся все нерешенные вопросы, связанные с КВЖД (речь, вероятно, шла о разрешении на строительство ветки до незамерзающего порта)².

11 ноября Муравьев представил Николаю II записку, в которой предложил «приступить, не теряя времени, к занятию судами нашей эскадры [...] Таляньваня, то есть того порта, который в данную минуту [...] представляет несомненные видимые преимущества, или же иного порта»³. 14 ноября царь созвал Особое совещание для обсуждения записки Муравьева. Военный министр генерал П. С. Ванновский поддержал идею Муравьева, в то время как министр финансов С. Ю. Витте и генерал А. Н. Куропаткин резко выступили против занятия Порт-Артура и Дальнего. Под их давлением Особое совещание отклонило решение о Порт-Артуре и Дальнем, сославшись на имеющийся договор с Китаем.

С. Ю. Витте вспоминал, что он «предвидел в этом шаге — дело роковое, которое должно было кончиться ужасами»⁴. Генерал А. Н. Куропаткин считал, что «Россия вместе с другими державами вынудила Японию покинуть завоеванный ею Квантунский полуостров с Порт-Артуром. Это составило первый и решительный шаг к тому, чтобы на Дальнем Востоке поставить Японию в ряды наших врагов»⁵.

¹ Лукоянов И. В. *Порт-Артур в политике России (конец XIX в.)* // Вопросы истории. 2008. №4.

² Лукоянов И. В. *Порт-Артур в политике России (конец XIX в.)* // Вопросы истории. 2008. №4.

³ Цит. по: Лукоянов И. В. *Порт-Артур в политике России (конец XIX в.)* // Вопросы истории. 2008. №4.

⁴ Витте С. Ю. *Воспоминания*.

⁵ Куропаткин А. Н. *Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны*. — СПб.: Полигон, 2002.

То есть генерал Куропаткин считал именно занятие Порт-Артура одной из главных причин войны с Японией. Критикуя идею занятия Порт-Артура и Дальнего, Витте и Куропаткин не менее категорично выступали против русского присутствия в Южной Маньчжурии и Корее.

А. Н. Куропаткин полагал, что воевать с Японией «из-за Кореи было бы большим бедствием для России»¹. «Будучи убеждённым сторонником включения в той или в другой форме в сферу нашего влияния Северной Маньчжурии, — писал в своих мемуарах Куропаткин, — я в то же время неуклонно боролся против всех военно-политических начинаний в Южной Маньчжурии».

Таким образом, как со стороны Витте, так и со стороны Куропаткина мы встречаем противодействие всему курсу Николая II на широкое продвижение в Азию. Куропаткин прямо отмечал в своём дневнике: «Мы, министры, задерживаем Государя в осуществлении его мечтаний» (имелась в виду Корея)². 20 марта 1903 г. генерал сделал следующую запись в своём дневнике: «Вчера сидел 2 часа у С. Ю. Витте. Витте просил высказать Государю трудности положения и попытаться добиться обещания: 1) не развивать флот; 2) приостановить расходы на Дальний Восток»³. Через 2 дня, 22 марта 1903 г., Витте и Куропаткин «дружно убеждали Государя в необходимости приостановить расходы на флот и на Дальний Восток».

Несомненно, что действия С. Ю. Витте и А. Н. Куропаткина шли вразрез не только с планами императора, но и с интересами безопасности Российской империи. Какими соображениями руководствовались при этом Витте и Куропаткин?

Генерал-майор генерального штаба Ф. П. Рерберг в своих записках, изданных его сыном за границей уже после революции, писал: «Начиная с 1900 года по наблюдении некоторых фактов, с которыми приходилось мне встречаться на служебном поприще, и знакомясь с известного рода литературой, я начал приходить к заклю-

¹ Записка генерала А. Н. Куропаткина императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 514. Л. 14.

² Дневник А. Н. Куропаткина // Красный архив. Исторический журнал.

³ Дневник А. Н. Куропаткина // Красный архив. Исторический журнал.

чению, что среди высокопоставленных лиц, окружающих русского императора, есть несколько человек, ненавидящих Государя и предающих его, а с ним и всю Россию. Лица эти находились в подчинении тайных интернациональных сил, и к первым таковым лицам я по целому ряду наблюдений относил генералов Куропаткина и Фредерикса, министров Витте и Ламздорфа»¹.

Исследователи, которые объясняют события, предшествующие началу русско-японской войны, только волевыми решениями того или иного государственного деятеля, упускают из виду то обстоятельство, что вся внутренняя и внешняя политика России определялась Николаем II. Анализ предвоенного периода убедительно свидетельствует, что все решения принимались лично царём после глубокого и всестороннего изучения им обстановки.

Убеждение Николая II в необходимости движения России в Азию вовсе не означало, что он готов был ради этого вести войну. Не была исключением и Япония. Государь делал всё, чтобы добиться компромисса. Он не желал, чтобы экспансия в Корею привела к войне с Японией, тем более что в этот момент в Париже от имени своего правительства японский посланник предлагал союз и Франции, и России. В таких условиях занятие русскими корейского порта ещё более ухудшили бы русско-японские отношения и погубили первые слабые надежды договориться с Японией. К тому же Николай II не стремился к аннексии Кореи. Он лишь хотел сохранить там русские интересы и не допустить оккупацию этой страны японцами. «Я не хочу брать себе Корею, — писал император ещё в 1901 г. принцу Генриху Прусскому, — но никоим образом не могу допустить, чтобы японцы там прочно обосновались. Это было бы *casus belli*. Столкновение неизбежно: но надеюсь, что оно произойдёт не ранее, чем через четыре года — тогда у нас будет преобладание на море. Это наш основной интерес. Сибирская железная дорога будет закончена через 5–6 лет»².

¹ Цит. по: Галенин Б. *Цусима — знамение конца русской истории. Скрытые причины общеизвестных событий.* — М.: Крафт, 2009. Т. 1. С. 692.

² Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 68.

В конце концов Государь решил, что занятие китайского, а не корейского порта будет менее опасным для России. Совершенно очевидно, что решение это было принято царем лично, а не под «влиянием» кого-либо. Доказательством этому служит отметка Николая II на записке графа Ламздорфа, который полагал, что всякая попытка *«приобретения Россией военного порта на Корейском побережье»* неминуемо приведёт к *«окончательному разрыву с Японией»*. На этой записке Государь написал: *«Согласен»*¹. Порт в Китае облегчил бы подписание соглашения с Японией по корейским делам, а отношения с Пекином от этого хуже бы не стали: там Россия особым расположением все равно не пользовалась, а его правители, по убеждению Ламздорфа, считались только с силой².

Между тем русские военные агенты сообщали, что в результате германского захвата Киао-Чао английская эскадра собирается войти в Порт-Артур и занять его.

2 декабря 1897 г. Николай II отменил заключение Особого совещания и приказал ввести боевые корабли в две бухты Ляодунского полуострова. 3 декабря последовал царский приказ о занятии Даляньваня. На сообщении контр-адмирала М. А. Реунова, командира группы кораблей, занявших Порт-Артур и Дальний, о том, что в указанных портах не было никого кроме китайцев, Государь написал: *«Слава Богу! Я нахожу желательным, чтобы два наших крейсера были посланы в Талиенван, куда англичане его не заняли. Прошу срочно сообщить об этом Дубасову. По занятии этих двух портов я буду спокойно относиться к дальнейшим событиям на Востоке»*³.

¹ Докладная записка министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа императору Николаю II // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (63). — М., 1934. С. 53.

² Лукоянов И. В. *Порт-Артур в политике России (конец XIX в.)* // Вопросы истории. 2008. №4.

³ Морской министр адмирал П. П. Тыртов — вице-адмиралу Ф. В. Дубасову [с резолюцией императора Николая II] // РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1710. Л. 79.

16 марта 1898 г. русская эскадра высадила в Порт-Артуре воинский десант. На соответствующем донесении контр-адмирала Ф. В. Дубасова Николай II начертил: «*Радуюсь благополучному окончанию высадки и занятию незамерзающего порта в Тихом океане*»¹.

В те дни император писал своему брату Великому князю Георгию Александровичу: «*Очень пора нам стало сделаться сильными на море, в особенности теперь, когда пошла своего рода травля и погоня за китайскими портами. Слава Богу, что нам удалось занять Порт-Артур и Таляньвань бескровно, спокойно, почти по-дружески! Конечно, это было довольно рискованно, ну а прозевай мы эти гавани теперь, впоследствии, конечно, без войны нам бы не удалось вышибить засевших туда англичан или японцев! Да смотреть надо зорко, там на Тихом океане почти вся будущность развития России, и, наконец, мы имеем вполне незамерзающий открытый порт; а железная дорога туда ещё больше укрепит наше положение*»². 24 марта 1898 г. Николай II разрешил спустить китайский флаг в Порт-Артуре³.

Государь был весьма озабочен, чтобы аренда Порт-Артура и Дальнего не была воспринята китайцами как посягательство на их права. В связи с этим контр-адмирал Дубасов в специальном послании известил местное население: «*Ныне китайские войска уходят, и русские власти будут всячески защищать благонамеренных людей и поддерживать порядок в стране. Благонамеренные люди, продолжайте спокойно заниматься своими делами, а злые,*

¹ Резолюция императора Николая II на донесении контр-адмирала Ф. В. Дубасова из Порт-Артура. 16 марта 1898 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 716. Л. 1.

² Император Николай II — великому князю Георгию Александровичу // ГА РФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 56. Л. 100.

³ Телеграмма контр-адмирала Ф. В. Дубасова управляющему Морским министерством вице-адмиралу П. П. Тыртову. 24 марта 1898 г. [с резолюцией императора Николая II] // Русско-японская война 1904—1905 гг. Действия флота: Документы. Отдел 1. Книга 2. Занятие Порт-Артура и Квантунской области. — СПб.: Издание исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904—1905 гг. 1912. № 314.

бойтесь, ибо мы будем строго наказывать зло по законам обоих государств»¹.

Российская военная мысль, в отличие от гражданской ответственности, с большим пониманием встретила занятие Порт-Артура. Участник русско-японской войны 1904–1905 гг. контр-адмирал Д. В. Никитин писал: *«Наше правительство предприняло в 1898 году очень смелый, но вполне правильный и своевременный шаг: оно заняло военной силой Квантунский полуостров, получив на это согласие Китая. Оно ясно сознавало, что путь к владению Владивостоком лежит через Порт-Артур. Оставалось только по мере усиления Японии своей военной мощи соответственно увеличивать сухопутную и морскую оборону вновь занятой области. Самые крупные расходы, которые приходилось бы при этом нести, несомненно, являлись бы каплей в море по сравнению с тем, что стоило бы оборонять рядом крепостей грандиозной длины границу вдоль реки Амур. Нечего говорить и о том, что они представлялись бы прямо ничтожными, если учесть тот моральный и материальный ущерб, какой понесла бы Россия в результате неудачной войны. Но тут выступила на сцену так называемая русская общественность. Совершенно не разбираясь в стратегической обстановке на Дальнем Востоке, наши тогдашние газеты зашумели о безумной аванюре. В обществе стали говорить: «Швыряют миллионами, чтобы великим князьям можно было наживаться на лесных концессиях на Ялу»².*

Занимаемая территория в Южной Маньчжурии получила название Квантунской области. Россия начала строить Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), призванную соединить Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Русские основали город Харбин, ставший на многие десятилетия столицей «русского Китая».

Занятие Порт-Артура вызвало сильное раздражение С. Ю. Витте. О своём крайнем недовольстве министр финансов поспешил сооб-

¹ Извещение контр-адмирала Ф. В. Дубасова // Русско-японская война 1904–1905 гг. № 367.

² Цит. по: Шишов А. В. *Россия и Япония. История военных конфликтов.* — М.: Вече, 2001. С. 50.

щить в самой резкой форме английскому послу Н. О'Конору и германскому послу Г. Радолину, назвав операцию в Порт-Артуре ребячеством, которое «очень плохо кончится». Витте настолько потерял осторожность в своих высказываниях, что Николаю II пришлось его одёрнуть жёстким выговором¹.

Министр иностранных дел М. Н. Муравьёв требовал от моряков быть максимально обходительными с иностранцами и сам немедленно заверил англичан, что Даляньвань будет открыт для международной торговли. Он также склонен был удовлетворить просьбу китайского правительства предоставить городу Цзиньчжоу автономное управление и не размещать в нем русский гарнизон. Однако командование эскадры отказалось это сделать из военных соображений. Ф. В. Дубасов препятствовал поездке мукденского цзянь-цзюня (генерал-губернатора) в Цзиньчжоу, которая, по его мнению, не вызывалась никакими важными соображениями. Посланник России в Пекине Павлов полагал, что китайскому чиновнику следовало, наоборот, оказать любезный прием. Император Николай II поддержал дипломата². Несмотря на все опасения Витте, китайское правительство не стало резко протестовать против занятия русскими Порт-Артура и Даляньваня.

Решение о Порт-Артуре совпало с ослаблением русского присутствия в Корее. Из Сеула были отозваны русские военные инструкторы и финансовый советник К. А. Алексеев, прекратил своё существование и русско-корейский банк. Главной причиной этого было стремление Государя договориться с Японией и не доводить дело до военного конфликта из-за Кореи. В апреле 1898 г. в Токийском протоколе Россия признала за Японией решающую роль в торговле с Кореей.

Однако ослабление позиций России в Корее было также связано и с той степенью разложения высшего корейского общества, которое ставило под вопрос стабильность русско-корейских от-

¹ Конспект Всеподданнейшего доклада графа В. Н. Ламздорфа. 16 ноября 1897 // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 58. Л. 77–78.

² Лукоянов И. В. *Порт-Артур в политике России (конец XIX в.)* // Вопросы истории. 2008. №4.

ношений. Император Коджон неоднократно обращался к Франции, Англии, Германии с просьбой направить военные контингенты и корабли для поддержания своего правления. Русский посланник А. Н. Шпейер доносил министру иностранных дел графу М. Н. Муравьеву, что то *«безобразное состояние, в котором находится в настоящее время Корея, высшие классы коей, не исключая короля, возводят взятки на степень необходимого, если не единственного фактора внутренней политики, тот поголовный обман и та беспросветная ложь, которые царят ныне во всех слоях корейского общества, приводят меня к тому грустному убеждению, что никакие старания наши не смогут поставить нашу несчастную соседку на ту нравственную высоту, ниже которой самостоятельное существование государства немисливо и не может быть допущено его соседями»*¹.

Порт-Артур как приморская крепость занимал весьма выгодное стратегическое положение на Жёлтом море. Из Порт-Артура русский флот мог постоянно держать под ударами Корейский и Печилийский заливы — важнейшие операционные линии японских армией в случае их переброски в Маньчжурию². Однако у Порт-Артура были и свои недостатки: отсутствие доков для ремонта кораблей, складов материального обеспечения флота, недостаточная защищённость с моря и суши.

Разногласия в русских правящих кругах относительно того, как усилить русское влияние в Китае

Отношения России и Китая трудно было назвать союзническими. Подписав союзный договор с Россией, *«Ли Хунчжан отправился благодарить за спасение Китая германского императора и французского президента. Подобная комбинация в высшей степени неприятна для нас по делам Востока. Немцы и французы ни в коем*

¹ Торкунов А., Денисов В. *Россия и Корея: взгляд из прошлого* // Мировая экономика и международные отношения. — 2005. № 1....

² Галенин Б. Указ. соч. Т.1. С. 375.

случае не спасли бы Китай, если бы наш Государь не принял бы решительных мер, тем более что французский адмирал изменнически ушёл в Японию, и очень может быть, в критическую минуту оказался бы на их стороне»¹.

В связи с этим в своём донесении Николаю II от 26 декабря 1896 г. резидент внес следующее предложение: Россия в Дальневосточном регионе должна: «1) принудить Японию заключить договор с Китаем; 2) не допустить Японию до захвата на материке». Вместе с тем он предлагал, чтобы «Приамурское генерал-губернаторство было преобразовано в Наместничество, учреждён департамент по делам Дальнего Востока при МИДе, преобразован факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета»². Кроме того, резидент указывал на необходимость «пригласить в Читу из Пекина знатоков китайского, маньчжурского и монгольских языков, которые должны переводить на русский язык законы Китая, Монголии и Тибета, чтобы ознакомиться с современным судебно-административным положением этих стран»³.

По мнению царя, проникновение России в Маньчжурию и на Дальний Восток носило оборонительный характер против Японии, с которой, впрочем, Николай II стремился найти взаимопонимание. Между тем министр финансов С. Ю. Витте был горячим сторонником сближения в первую очередь с Китаем. Хотя отношения России и Японии до середины 1890-х гг. были непростыми, но не враждебными. Многие изменилось после японско-китайской войны 1894—1895 гг. Петербург, прежде всего благодаря энергичным действиям молодого министра финансов С. Ю. Вит-

¹ Записки, депеши и письма без подписей, адресованные Николаю II и С. Ю. Витте о политике России на Дальнем Востоке в Китае и Монголии // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 700. Л. 5.

² Записки, депеши и письма без подписей, адресованные Николаю II и С. Ю. Витте о политике России на Дальнем Востоке в Китае и Монголии // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 700. Л. 1.

³ Записки, депеши и письма без подписей, адресованные Николаю II и С. Ю. Витте о политике России на Дальнем Востоке в Китае и Монголии // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 700. Л. 5.

те, сделал выбор в пользу союза с Китаем и настоял на том, чтобы Токио вернул Пекину завоеванный у него Ляодунский полуостров¹.

Витте для проникновения в Китай предлагал использовать банковскую систему. При его активном содействии был создан Русско-Китайский банк. Сам Витте писал в своих воспоминаниях, что он *«совершал для Китая заём между парижскими банкирами на бирже; в этом займе принимали участие банки Banque de Paris et des Pays-bas, Crédit Lyonnais, банкирский дом Готенгер. По этому делу представители этих домов, а именно Нестли и Готенгер, приезжали сюда, причем они просили меня, чтобы взамен той услуги, которую они мне делают по заключению займа, я помог им по расширению банковской деятельности в Китае со стороны французского рынка. Вследствие этого, по моей инициативе и по просьбе этих французских банкиров, мною был основан русско-китайский банк, в котором главное участие приняли французы»*².

Французы, которые на севере Китая имели значительно менее сильные позиции, чем на юге, надеялись с помощью Русско-Китайского банка потеснить там своих английских и германских соперников. По замыслу Витте, изложенному им в докладе Николаю II в 1895 г., новый банк должен был упрочить *«русское экономическое влияние в Китае в противовес тому огромному значению, которое успели приобрести здесь англичане»*.

Витте считал, что России следует ограничиться исключительно финансовым проникновением в Китай, отказавшись в пользу Японии не только от Кореи, но и от Маньчжурии. Нетрудно заметить, что объективно деятельность Витте отвечала интересам французских и английских банкиров, не желавших глубокого проникновения России в Азию. С учётом активного присутствия западного капитала в Русско-Китайском банке очевидно, что этот капитал пытался контролировать само присутствие России в Китае.

Упомянутое уже нами неустановленное лицо, постоянно до-

¹ Лукоянов И. *Последние русско-японские переговоры перед войной 1904–1905 гг. (взгляд из России)* // Acta Slavica Japonica. 2006. № 23. С. 1–36.

² Витте С. Ю. *Воспоминания*.

кладывающее Государю о событиях на Дальнем Востоке, напрямую обвиняло Русско-Китайский банк в антирусской направленности. «Вы, Ваше Величество, — сообщал резидент, — окружены только одними теоретиками, высказывающими часто совершенно противоположные мнения по вопросам практической жизни. Я считаю, что теоретики почти погубили наше влияние на монголо-тибетско-китайский Восток. На место бескровного нашего там господства они вызывают потоки русской крови и вмешательство Европы. Всё это есть результат переговоров с Лихунчаном и антирусской деятельности Русско-Китайского банка»¹.

Однако это было не совсем верно, так как банковская система становилась необходимым инструментом мировой политики, игнорировать которую было невозможно.

Император Николай II и «Безобразовский кружок»: правда и вымыслы

Спасшийся в русской дипломатической миссии корейский император начал широко предоставлять русским предпринимателям концессии на вырубку корейского леса. Происходило это по инициативе самого Коджона при полной поддержке корейского общества. Великий князь Александр Михайлович писал императору Николаю II, что «по докладу вернувшихся членов экспедиции, отправленной осенью 1898 г. в Северную Корею для осмотра лесных богатств, оказывается, что русское обаяние в Северной Корее очень сильно. Мысль, что мы должны её занять, совершенно обычна не только у престоляродья, но и у чиновников»².

9 сентября 1896 г. по соглашению с корейским правительством была создана Корейская лесная компания. Согласно этому договору, компания получала преимущественное право вырубki лесов

¹ Записки, депеши и письма без подписей, адресованные Николаю II и С. Ю. Витте о политике России на Дальнем Востоке в Китае и Монголии // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 700. Л.13.

² Записка великого князя Александра Михайловича императору Николаю II. 5 марта 1899 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 720. Л. 1.

в верховьях реки Туманган, в бассейне реки Ялу, а также на острове Уллындо сроком на 20 лет. В 1899 г. владелец концессии Ю. И. Бринер решил продать компанию и обратился с просьбой о посредничестве к и.о. русского консула в Корее Н. Г. Матюнину. Тот сообщил об этой просьбе Бринера давнему знакомому промышленнику и золотодобытчику В. М. Вонлярлярскому, а тот в свою очередь сенатору — статс-секретарю А. М. Безобразову, который принадлежал к близкому окружению министра Императорского двора и уделов графа И. И. Воронцова-Дашкова.

У А. М. Безобразова родилась мысль использовать концессию Бринера для усиления военного и политического присутствия России в Корее под прикрытием охраны коммерческого предприятия. Для этого предполагалось на основе концессии Бринера создать «большую русскую промышленную компанию по образцу английских».

Идея А. М. Безобразова была поддержана графом И. И. Воронцовым-Дашковым, В. М. Вонлярлярским, Н. Г. Матюниным и В. К. Плеве, которых и принято называть «Безобразовским кружком». В советской историографии «Безобразовский кружок» долгое время считался чуть ли не главным виновником русско-японской войны. Однако на деле это не более чем очередной лживый миф.

Миф этот был порождён ещё С. Ю. Витте, действия которого по устройству Русско-Китайского банка на Дальнем Востоке «безобразовцы» жёстко критиковали и считали чрезвычайно опасными для влияния России в этом регионе. В своих мемуарах Витте всеми силами представлял «безобразовцев» коварными своекорыстными интриганам, поймавшими на свой крючок «доверчивого бедного Государя». На самом деле раздражение министра финансов действиями «Безобразовского кружка» заключалось в том, что он своей государственнической позицией мешал как раз своекорыстным интересам Витте, смотревшего на занятие Ляодунского полуострова исключительно с позиций личных меркантильных интересов, связанных с его участием в деятельности Русско-Китайского банка.

«Безобразовцы» выступали за активизацию действий России в

Манчжурии. Однако члены кружка понимали и всю опасность и открытой оккупации, которая могла спровоцировать войну с Японией. Не исключая, конечно, коммерческой выгоды от планируемой промышленной компании, члены кружка не преследовали личных целей. Они стремились прежде всего к усилению русского влияния на Дальнем Востоке, в Китае и Корее, при сохранении по возможности мирных отношений с Японией.

По планам А. М. Безобразова предполагалось из небольшого частного предприятия по разработке леса создать большую Восточно-Азиатскую компанию по типу английской Ост-Индийской, которая контролировала бы экономику и политику Кореи. Под видом служащих компании предполагалось ввести в места концессии 20 тыс. военных. Компания, помимо заготовки леса, должна была заниматься топографией, стратегическими дорогами, складами. Таким образом, русское правительство получало мощный военный и идеологический центр в Восточной Азии, с помощью которого к тому же предполагалось сдерживать возможное продвижение Японии на континент.

С этой идеей Безобразов пришёл к министру иностранных дел графу М. Н. Муравьёву, но не нашёл в его лице поддержки. Тогда кружок решил обратиться со своими предложениями напрямую к Государю. Графом Воронцовым-Дашковым была составлена пояснительная записка, которую он, втайне от Витте, 26 февраля 1898 г. передал императору. В записке говорилось, что *«Восточно-Азиатская компания создается не для обогащения отдельных лиц, но для самого насаждения русских идей. В руках компании должно сосредоточиться все влияние на общий ход дел в Корее»*.

«Безобразовский кружок» предлагал, чтобы компания находилась в государственном владении. Император Николай II согласился с доводами и предложил выкупить концессию. Однако Государь указал, что компания должна оставаться формально частной собственностью. При этом деньги на выкуп компании были отпущены из личных средств императора, который внёс 200 тыс. фунтов. Общий контроль за организацией компании был поручен Великому князю Александру Михайловичу. Великий князь в своей секретной записке Государю от 5 марта 1899 г. писал: *«Является»*.

настоятельная необходимость поддержать наше влияние в Северной Корее и не дать нашим противникам возможность подчинить своему влиянию эту часть страны. Если продолжать действовать так, как мы действовали до сегодняшнего дня, то несомненно, что через весьма короткое время, стараниями японцев и англичан, Северная Корея окажется в сфере их коммерческих интересов и нам придётся считаться в Северной Корее не только с японцами, но и, что хуже, с англичанами. Время ещё не упущено, есть возможности, при помощи будущей Восточно-Азиатской компании, прочно утвердиться в Северной Корее и подготовить совершенно мирный переход её в наши руки»¹.

Главой предприятия должен был стать Н. Г. Матюнин, который дал личное обязательство вновь назначенному министру Императорского двора барону В. Б. Фредериксу, что по первому требованию он должен передать права на концессию другому лицу, на которое укажет министр². Таким образом, цели и задачи «Безобразовского кружка» полностью опровергают версии о личной заинтересованности Безобразова и об «откатах» великим князьям за лоббирование проекта.

Сразу же после образования Восточно-Азиатской промышленной компании русское правительство стало вести переговоры с китайским правительством о возможности эксплуатации также и правого берега реки Ялу. Николай II осознавал, что после очищения Маньчжурии русскими войсками, согласно договору с Китаем, заслон на Ялу приобретает особую важность, в «смысле предотвращения столкновений с Японией», которые уже неоднократно проходили на этом рубеже.

В связи с этим царь приказал «ныне же приступить к учреждению частного общества для использования маньчжурских и корейских концессий. Со взятием Порт-Артура и постройки Маньчжурской железной дороги Государю Императору благоугодно было

¹ Записка великого князя Александра Михайловича императору Николаю II. 5 марта 1899 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 720. Л. 1–2.

² Павлов Д. *Русско-японская война 1904–1905 гг.* — М.: Материк, 2004. С. 274.

указать, что устройство заслона в бассейне реки Ялу приобретает ещё большее стратегическое и политическое значение, как владение местностью, находящееся во фланге наших коммуникаций с Порт-Артуром»¹. Разрешение китайских властей было получено в 1903 г. Управление всей компанией поручили одному из богатейших людей России — лесопромышленнику И. П. Балашову.

8 августа 1903 г. А. М. Безобразов послал министру иностранных дел графу В. Н. Ламздорфу записку, в которой он «резюмировал своё принципиальное понимание вопросов на Дальний Восток»². В записке Безобразов отмечал: «Цель на Дальнем Востоке состоит в укреплении и обеспечении государственной границы, при условии наименьших затрат в настоящем и наибольшей выгоды в будущем. Следовательно, наша цель не завоевательная, а устроительная. [...] Наша административная задача сводится к тому, чтобы под нашим началом жителям жилось лучше, чем это было до прихода нашей власти. На Дальнем Востоке это вполне достижимо путём ограждения жизни и собственности жителей от царящего там традиционного произвола. Центральное китайское правительство (Пекин) должно совершенно утратить своё положение по существу, но сохранив его по форме. В этом отношении у нас имеются налицо две правительственные организации: Русско-Китайский банк и Китайская Восточная железная дорога. Вокруг этих учреждений, как около позвоночника, следует собрать согласованную между собой всю экономическую правительственную деятельность»³.

Таким образом, создание Восточно-Азиатской промышленной компании могло бы стать крупнейшей опорой Большой Азиатской программы. Однако этого не случилось из-за стремительного сползания Дальневосточного региона к войне с Японией.

¹ Переписка В. Н. Ламздорфа с русскими посланниками в Японии [копии] // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 180. Л. 22.

² А. М. Безобразов — графу В. Н. Ламздорфу. 8 августа 1903 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 320. Л. 7.

³ Записка А. М. Безобразова по задачам на Дальнем Востоке, приложенная к письму В. н. Ламздорфу от 8 августа 1903 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 320. Л. 9.

В условиях приближающейся войны смысл воздействия на регион посредством «коммерческой» компании утрачивался.

Одновременно с деятельностью «Безобразовского кружка» правительство использовало и иные меры расширения своего влияния в Китае и Корее. 21 октября 1898 г. указом императора Николая II во Владивостоке был учреждён Институт восточных языков, первым директором которого стал выдающийся востоковед, доктор монгольской и калмыцкой словесности профессор А. М. Позднеев. Он был убеждённым монархистом, глубоко верующим православным человеком¹. Под его руководством на Дальнем Востоке был создан крупнейший научный центр по изучению китайской, тибетской и монгольской культур, который сыграл значительную роль в деле распространения русского влияния в Дальневосточном регионе. Программа института предусматривала подготовку специалистов-востоковедов со знанием английского и французского языков, а также, в зависимости от выбранного учебного отделения, китайского, японского, корейского, монгольского и маньчжурского языков. Позже был добавлен тибетский.

Кроме того, институт имел важное военно-разведывательное значение. В нём проходили обучение офицеры русской разведки. Всего за весь период обучения (1899—1911 гг.) было подготовлено 124 переводчика, многие из которых использовались также в качестве драгоманов, консулов и военных агентов. Главное управление Генерального штаба привлекало их к работе по сбору и обработке сведений о сопредельных странах².

Институт сыграл большую роль в налаживании союзнических отношений между Россией и буддистским миром. В 1898 г. директор Института восточных языков А. М. Позднеев направил своего лучшего ученика-бурята Г. Ц. Цыбикова в Тибет и Непал для установления связи с буддистскими религиозными лидерами. В столице Тибета Лхасе Цыбиков имел личную встречу с Далай-ламой.

¹ Герасимович Л. К. *А. М. Позднеев (1851—1920)* // Российские монголоеды (XVIII — начало XX в.). — Улан-Удэ, 1997. С. 79—86.

² Ващурина З. П., Шишканов А. И., полковник. *Родословная военных переводчиков* // Независимое военное обозрение. 19.05.2000.

Император Николай II и Тибет

В результате завоевания Средней Азии к моменту вступления Николая II на престол границы Российской империи находились в непосредственной близости от Восточного Туркменистана, равнины которого примыкали к Тибету, духовному центру буддизма. Это давало возможность России напрямую устанавливать прямые контакты с Лхасой. Официально Тибет входил в состав Монгольской империи на правах автономии, но фактически им управлял Далай-лама. На Тибет претендовала Китайская империя, стремившаяся присоединить его к себе. Но самым опасным для России было то, что Тибет был объектом колониальных устремлений Англии. 3 мая 1896 г. С. Ю. Витте в докладе Николаю II писал: *«По своему географическому положению Тибет представляет, с точки зрения интересов России, весьма важное политическое значение. Значение это особенно усилилось в последнее время, ввиду настойчивых устремлений англичан проникнуть в эту страну и подчинить её своему политическому и экономическому влиянию. Россия, по моему глубокому убеждению, должна сделать всё от неё зависящее, чтобы противодействовать установлению в Тибете английского влияния»*¹.

В 1898 г. при активном содействии князя Э. Э. Ухтомского в Россию прибыл один из авторитетных буддийских богословов, уроженец России, доверенное лицо Далай-ламы, первый цангхамбо Агван Доржиев. Несмотря на то что Доржиев был принят Николаем II, первый его приезд больших результатов не дал. В России ещё сомневались в необходимости тесного сближения с Лхасой, опасаясь резкого ухудшения отношений с Англией и Японией.

В 1900 г. XIII Далай-лама провозгласил себя главой Тибетского государства и сразу стал налаживать контакты с Россией². В том же 1900 г. он вновь направил Доржиева в Россию. На этот раз к посланцу Далай-ламы со стороны русских правящих кругов было

¹ Россия и Тибет: Сборник русских архивных документов. 1900—1914. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. С. 16.

² Козлов П. К. *Тибет и Далай-лама*. — Петербург, 1920. С. 59.

проявлено повышенное внимание. 30 сентября 1900 г. Государь принял Доржиева в Ливадии и в беседе с ним заявил о своей поддержке Тибета. В свою очередь Доржиев передал Государю письмо Далай-ламы, в котором духовный глава буддистов посылал царю своё благословение¹. Далай-лама через Доржиева одобрил планы продвижения России на Восток, передав, что считает Россию защитницей монголов и тибетцев от угнетения со стороны Китая, Японии и Англии. На следующий 1901 г. Далай-лама вновь послал Доржиева в Россию, и тот снова был принят императором и императрицей. На этот раз встреча носила торжественный официальный характер.

Всё это не могло не встревожить главного конкурента России в этом регионе — Великобританию. Англичане утверждали, что Россия стремится захватить Тибет, чтобы оттуда дотянуться до английских владений в Индии. Сначала англичане попытались договориться с Далай-ламой о прекращении контактов с Россией и о переориентации Тибета на Англию. Однако письмо вице-короля Индии лорда Дж.-Н. Керзона, которое он послал Далай-ламе в 1901 г., было ему возвращено нераспечатанным.

23 июня 1901 г. XIII Далай-лама направил в Россию делегацию буддийских монахов, передавшую Государю подлинные одежды Будды и священную мандалу. Дар Далай-ламы свидетельствовал о глубочайшем почитании русского царя со стороны тибетских буддистов. Буддисты России и Азии считали Николая II «Чакравартином» (Царь Мира в буддийской традиции). Государь планировал создание Великой буддийской конфедерации, опиравшейся на культурно-экономическую перспективу взаимодействия Российской империи с Тибетом и Монголией. При Николае II Петербург становится мировым центром буддизма. Царь понимал, что Россия не может чувствовать себя на Востоке свободно без её признания религиозными авторитетами буддизма.

В 1902 г. английская печать сообщила, что русский посланник П. М. Леснер предложил маньчжурскому богдыхану даровать неза-

¹ XIII Далай-лама — императору Николаю II. 1900 г. // Россия и Тибет: Сборник русских архивных документов. 1900—1914. С. 34.

висимость Тибету¹. Это сообщение очень взволновало китайское правительство, и В. Н. Ламздорфу пришлось успокаивать Пекин и уверять его, что «сообщения англичан об агрессивных замыслах российского правительства» в отношении Тибета «представляют чистый вымысел», так как, помимо «приёма в прошлом году почётной депутации от тибетцев для приветствия Государя Императора от имени Далай-ламы, никаких сношений между Россией и Тибетом не устанавливалось»²

В ноябре 1903 г. английские войска вторглись в Тибет. Русский посол в Лондоне граф А. К. Бенкендорф был проинформирован, что вторжение вызвано «жестоким обращением тибетцев с британскими подданными»³. В ответ 2 февраля 1904 г. Бенкендорф передал в МИД Великобритании меморандум, в котором сообщалось, что России известно о военных действиях Англии в Тибете, что может вынудить русское правительство принять меры самозащиты.

По предложению А. Доржиева в ноябре 1903 г. в Тибет под видом паломника в один из крупных тибетских монастырей (в Дацзяньлу) был послан тайный эмиссар Б. Рабданов, который должен был вести наблюдение за ходом военных действий и за политикой Пекина в отношении Тибета. 6 ноября 1903 г. Рабданов сообщал, что тибетцы готовятся отразить английское вторжение. Кроме того, по его сведениям, в Тибет готовы были вторгнуться китайские войска. При этом, отмечал русский разведчик, тибетцы из всех иностранцев испытывают добрые чувства только к русским⁴.

14 января 1904 г. Государь направил в Тибет ещё одну тайную экспедицию, состоящую из офицеров и агентов русской военной

¹ Кузьмин С. Л. *Скрытый Тибет*. — СПб.: Издание А. Терентьева, 2010.

² Телеграмма министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа посланнику в Пекине П. М. Лессару. 4 сентября 1902 г. // Россия и Тибет: Сборник русских архивных документов. 1900–1914. С. 44–45.

³ Кузьмин С. Л. Указ. соч. С. 312.

⁴ Секретная телеграмма российского консула в Ханькоу А. Н. Островерова посланнику в Пекине П. М. Лессару. 1 февраля 1904 г. // Россия и Тибет: Сборник русских архивных документов. 1900–1914. С. 53.

разведки. Перед началом экспедиции их инструктировал сам царь. Николай II записал в дневнике: «В 3 часа принял двух донских калмыков — офицера Уланова и ламу Ульянова, которые отправляются в Тибет...»¹ Речь шла о приёме царём в Зимнем дворце подъесаула 1-го Донского казачьего полка Н. Э. Уланова и бакши (вероучителя) Д. Ульянова — руководителей группы калмыков-буддистов, направляемых в Лхасу. Встреча происходила втайне от министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа. По воспоминаниям тогдашнего военного министра генерала А. Н. Куропаткина, которому царь поручил обеспечить экспедицию всем необходимым, Николай II якобы сказал Н. Э. Уланову, что «это будет частная поездка на свой страх и риск». Царь, по Куропаткину, дал поручение «разжечь тибетцев против англичан»². Эти сведения нам представляются сомнительными, потому что Николай II делал всё, чтобы прекратить войну против англичан в Тибете. Государь придавал серьёзное значение этой экспедиции и сведения о ней занёс в свой дневник. Причины сокрытия от Ламздорфа целей экспедиции следует искать в недостаточном доверии Государя к своему министру. Любопытно, что в советском издании дневников А. Н. Куропаткина под редакцией М. Н. Покровского датой приёма царём калмыков обозначено 3 января, тогда как в дневниках Николая II она почему-то указывается по новому стилю: 13 января.

Несмотря на оказанное тибетцами сопротивление, английские войска довольно быстро овладели тибетской территорией. Русско-японская война сделала невозможными активные действия России в Тибете. Россия — единственная держава, которая могла поддержать Тибет, была занята войной³.

26 июля 1904 г. ночью Далай-лама был вынужден тайно покинуть Лхасу. В его окружении были только самые проверенные и верные ему люди во главе с А. Доржиевым⁴. Далай-лама

¹ Дневник императора Николая II. 1 января — 25 сентября 1904 г. Запись за 13 января 1904 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 247. Л. 8.

² Дневник А. Н. Куропаткина. С. 122.

³ Козлов П. К. Указ. соч. С. 60.

⁴ Козлов П. К. Указ. соч. С. 62.

отправился в Ургу, на север Монголии, где он, в случае опасности, мог бы быть немедленно взят под охрану русскими войсками. В Угру сразу же прибыл личный посланник Николая II путешественник П. К. Козлов, ученик знаменитого исследователя Н. М. Пржевальского. Козлов передал Далай-ламе письмо от Государя, в котором Николай II высказывал духовному лидеру буддистов свою поддержку и покровительство. Это было особенно важно для Далай-ламы, так как монгольский богдыхан не оказал ему никакого гостеприимства, а затем демонстративно объявил себя главой буддийской сагхи¹.

Крайне негативно отнёсся к отъезду Далай-ламы из Лхасы официальный Пекин. Вначале циньское правительство хотело навсегда лишить Далай-ламу возможности возвратиться в Тибет. Но после того как стало известно о личном покровительстве главе буддистов со стороны русского царя, китайскому правительству пришлось посылать своих чиновников к Далай-ламе в Ургу с подарками и просьбами переехать в Китай, однако тот категорически от этого отказался².

В начале июня 1905 г. в Ургу по дороге к месту назначения прибыл новый посланник в Пекине Д. Д. Покотиллов. Он встретился с Доржиевым и Далай-ламой, которому привёз подарки от Николая II. Доржиев сказал, что пребывание Далай-ламы в Урге вызвано лишь одним: его стремлением переехать на постоянное проживание в Россию. По словам Доржиева, Далай-лама отлично понимал, в каком затруднительном положении находится сейчас Россия, но всё-таки рассчитывал, что «Государь Император не оставит Тибет и его лично своим милостивым покровительством»³.

7 марта 1906 г. Николай II принял Доржиева в Петербурге и заявил: «Мне всегда дороги интересы моих подданных — наствы Его

¹ Козлов П. К. Указ. соч. С. 65.

² Россия и Тибет. Сборник русских архивных документов. 1900–1914. С. 24.

³ Россия и Тибет: Сборник русских архивных документов. 1900–1914. С. 26.

святѣйшества, — равносильно и Тибет. Пусть мне верят, что я и со мною Россия всегда готова помочь Тибету настолько, насколько располагаем силами и средствами, и я надеюсь, через некоторое время мы окажем Его святѣйшеству ещё более сильную и желательную помощь»¹. Далай-лама направил Николаю II личное письмо, в котором сообщал о посылке подарков, образа Будды и священных книг. Заканчивал своё письмо Далай-лама следующими словами: *«Великий Государь, как не оставлял ранее своим милосердием и покровительством, так и не оставляй покорного Тибета»*².

Фактически этим письмом Далай-лама подтверждал свою готовность привести Тибет под державную руку русского царя. Но Правительство России не считало возможным поддержать призывы XIII Далай-ламы — для России это означало ещё большее ухудшение отношений с Китаем.

Тем не менее в своей ответной телеграмме от 23 марта/5 апреля 1906 г. Николай II признавал Далай-ламу главой Тибета, что было очень важно в условиях, когда его верховенство не признавали ни в Монголии, ни в Китае. Телеграмма начиналась словами: *«Его святѣйшеству Далай-ламе — Верховному Главе Тибетского народа»*. Далее Государь писал: *«Мои многочисленные подданные, исповедующие буддийскую веру, приветствуют их духовного вождя во время его пребывания в Северной Монголии, сопредельной с Российской империей. Радуясь, что мои подданные могут получить милостивое духовное благословение от вашего святѣйшества, я прошу Вас поверить в мои искренние чувства благодарности и уважения к Вам. Николай»*³.

Вскоре после того, как Николай II направил Далай-ламе телеграмму, посол Великобритании в Персии С. Спринг-Райс сообщал министру иностранных дел Э. Грею: *«Как вам известно,*

¹ АВП РИ. Ф. Китайский стол. Д. 1456. Л. 8.

² Далай-лама — императору Николаю II. 10 февраля 1906 г. // Россия и Тибет: Сборник русских архивных документов. 1900—1914. С. 81—82.

³ August Telegram from The Emperor to His Holiness the Dalai Lama. March 23/5 April, 1906 // British Documents on the Origins of the War 1898—1914. — London, 1928. Vol. IV. P. 327.

русская политика давно направлена на укрепление своего влияния в Монголии, и в этих целях агент влияния в лице Буддистской общины мог бы иметь для неё первостепенное значение»¹.

Вопреки утверждениям некоторых исследователей, царь сдержал своё слово и в соответствии с имевшимися у него возможностями оказал Далай-ламе и Тибету существенную помощь. В первую очередь это касалось сдерживания английских агрессивных устремлений. 11 декабря 1903 г. наместник императора на Дальнем Востоке адмирал Е. И. Алексеев в секретном письме к посланнику в Пекине П. М. Лессару писал: *«Остановить захват Тибета, от которого зависит в духовном отношении всё буддийское население Сибири и метрополии, можно лишь непосредственно воздействовав на Англию в одном из более чувствительных пунктов среднеазиатских владений»².*

20 марта 1904 г. министр иностранных дел России Ламздорф передал министру иностранных дел Англии Лэнсдоуну, что Россия заинтересована в сохранении в Тибете status quo, а если Англия нарушит его, то Россия предпримет меры не в самом Тибете, а в других районах Азии. Англия была вынуждена пойти на переговоры с Россией, и обе страны договорились сохранить в Тибете status quo. Причём Англия обещала не аннексировать его территорий, а Россия признала британские «особенные интересы» по географическим причинам. Под давлением России 23 сентября 1904 г. английские войска покинули Лхасу. 11 ноября 1904 г. новый генерал-губернатор Индии Эмфтил ратифицировал Лхасскую конвенцию. Он уменьшил втрое тибетскую контрибуцию и сократил оккупацию англичанами долины Чумби до 3 лет (с гипотетических 75 лет).

---

¹ Mr. Spring-Rice to Sir Edward Grey. April 10, 1906. // British Documents. P. 327.

² Секретная телеграмма наместника на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексеева посланнику в Пекина П. М. Лессару 11 декабря 1903 г. // Россия и Тибет: Сборник русских архивных документов. 1900–1914. С. 52.

Участие России в подавлении восстания ихэтуаней. Русско-китайская война

Лето 1900 г. заставило Россию гораздо активнее принять участие в китайских делах. В ноябре 1899 г. лидер недавно возникшего движения ихэтуаней Ли Лай-чжун призвал весь китайский народ бороться с иностранцами и с династией Цин. Движение ихэтуаней (в переводе «кулак, поднятый во имя мира и справедливости») вышло из китайских оккультных сект. Поскольку все члены этого движения практиковали физические упражнения, напоминающие кулачный бой, европейцы стали называть их «боксёрами». «Боксёры», против которых поначалу были брошены правительственные китайские войска, были поддержаны тёткой правящего императора Цзайтяня императрицей Цыси. Цыси одобрила стремление «боксёров» освободить Китай от иностранцев. Она свергла императора и сама заняла престол. В обстановке социальных потрясений — поражение Китая в войне с Японией, эпидемия холеры и засилье иностранцев в стране — движение «боксёров» пользовалось сочувствием у большей части китайского населения. Главное острие пропаганды «боксёров» было направлено не против иностранцев как таковых, а главным образом против христианских миссионеров и китайцев-христиан. В мае 1900 г. «боксёры» сожгли храм и школу русской православной миссии на севере Китая. В Мукдене произошёл ряд убийств и нападений на иностранцев и китайцев-христиан. В связи с антихристианскими погромами русское правительство вынуждено было направлять в Китай всё больше и больше войск. 14/26 мая 1900 г. было сожжено здание русской православной миссии в Бэйгуане.

14/26 мая «боксёры» двинулись на Пекин и 11/23 июня захватили город. В Пекине они убивали иностранцев, которые укрылись в Посольском квартале китайской столицы. Были убиты германский посол и японский дипломат. На сторону «боксёров» перешли правительственные войска.

Правительство Цыси объявило войну европейским государствам, в том числе и России. Началась русско-китайская война. Встал вопрос о главнокомандующем европейскими войсками.

6 июня Николай II сообщил адмиралу Е. И. Алексееву, что, зная *«его высокие дарования, энергию и характер»*, было бы весьма желательно, чтобы именно он объединил под своим общим руководством войска других держав¹.

Однако М. Н. Муравьев убедил Государя в нежелательности этого назначения. *«Принимая во внимание, — писал министр царю, — что иностранным отрядам предназначена будет сравнительно с первоначальными предположениями более широкая задача, а именно — подавление распространяющегося восстания, известного рода насилия и борьба с правительственными войсками, что почти равносильно открытию военных действий против Китая, то я осмеливаюсь полагать, что нам отнюдь не следовало бы добиваться сосредоточения в своих руках командования общими силами держав, предоставив таковое руководительство французскому, английскому, германскому либо иному военачальнику»*².

Такой военачальник быстро нашёлся. Император Вильгельм назначил главнокомандующим своего генерал-фельдмаршала А. фон Вальдерзее. Перед этим кайзер послал Николаю II телеграмму, в которой сообщал: *«Если Державы не договорились о выборе главнокомандующего, я готов поставить на эту должность генерал-фельдмаршала Вальдерзее»*³.

Государь ответил, что ничего не имеет против этого назначения. Однако Вильгельм II поспешил сообщить французам, что Государь просил его назначить Вальдерзее главнокомандующим. Во Франции это ложное известие вызвало сильные политические волнения. Делькассе заявил русскому послу князю Л. П. Урусову, *«что для Франции не представляется возможным согласиться на назначение главнокомандующим немецкого генерала. Страна не потерпела бы этого, и это могло бы повести к опасному внутреннему кризису. Сам Делькассе персонально тоже чрезвычайно враждебен»*

¹ Галенин Б. Указ. соч. Т. 1. С. 484.

² Всеподданнейшая записка министра иностранных дел графа М. Н. Муравьева. 4/17 июня 1900 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1926. № 1 (14). С. 15.

³ L. Montebello à T. Delcassé. 9 août 1900 // DDF. 1-ère série. T. XVI. P. 393.

этому»¹. Урусов самым категорическим образом заявил Делькассе: «Подобное предположение совершенно неприемлемо, и я уполномочил его воспользоваться, если бы он это нашёл нужным, этим моим заявлением в ближайшем заседании кабинета»².

27 июля/9 августа В. Н. Ламздорф заявил французскому послу Л. Монтебелло, что «Император ничего не сказал и ничего не сделал, что бы дало германскому императору повод думать о желательности назначения Вальдерзее»³. На этом инцидент с германским фельдмаршалом был исчерпан. Впрочем, назначение Вальдерзее никак не отразилось на ходе подавления «боксёрского» восстания, так как генерал-фельдмаршал доехал до театра боевых действий уже тогда, когда они завершились.

9 июня в Приамурском военном округе Российской империи была объявлена мобилизация 12 тысяч военнослужащих. Кроме того, против китайцев было выдвинуто Уссурийское казачье войско под командованием наказного атамана генерал-лейтенанта Н. М. Чичагова. Россия, Япония, Великобритания, Германия, Франция, САСШ, Италия, Австро-Венгрия, Бельгия и Нидерланды создали международную армию численностью до 35 тыс. человек при 106 орудиях. Русскими войсками командовал генерал-лейтенант Н. П. Линевиц.

Тем временем в Пекине убийства иностранцев приняли устрашающие размеры. В ночь с 11/23 на 12/24 июня в Пекине были убиты все христиане-китайцы, в том числе множество православных. Убитые в Пекине православные христиане причислены Русской Православной Церковью к лику святых и составляют Собор новомучеников Китайских.

24 июня/6 июля китайцы атаковали русские строительные от-

¹ Секретная телеграмма посла в Париже князя Л. П. Урусова. 29 июля/11 августа 1900 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1926. № 1 (14). С. 15.

² Секретная телеграмма посла в Париже князя Л. П. Урусова. 29 июля/11 августа 1900 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1926. № 1 (14). С. 15.

³ L. Montebello à T. Delcassé. 9 août 1900 // DDF. 1-ère série. T. XVI. P. 393.

ряды на строящейся КВЖД и принялись за разрушение железнодорожного полотна и станционных построек. Все русские военные, охранявшие строительство КВЖД, во главе с поручиком П. И. Валевским погибли в бою с китайцами. Инженер Б. А. Верховский был захвачен «боксёрами» в плен и обезглавлен в Мукдене.

К июлю 1900 г. «боксёры» совместно с регулярными китайскими войсками и хунхузами полностью захватили КВЖД, осадили переполненный беженцами Харбин и начали артиллерийские обстрелы Благовещенска.

21 июля/2 августа русские войска в ходе контрнаступления деблокировали Харбин, а 23 июля/5 августа Забайкальская казачья пехотная бригада под командованием генерал-майора Н. А. Орлова разбила значительный отряд китайцев при Онгуне и заняла город Хайлар. 21 июля/3 августа началось общее наступление коалиционных сил на Пекин. 1/13 августа войска Линевича вышли к Пекину и после штурма овладели им.

4/22 августа русские войска разбили «боксёров» в районе Благовещенска и начали наступление в Маньчжурию. 25 августа/7 сентября китайская императрица Цыси, видя поражение «боксёров», перешла на сторону коалиционных войск и издала указ о преследовании восставших. В октябре 1900 г. вся Маньчжурия была полностью занята русскими войсками.

С самого начала «боксёрского» восстания император Николай II был главным сторонником сохранения единого Китая. В беседе с французским послом Монтебелло 8 июля 1900 г. царь сказал: *«Нужно исключить все идеи раздела Китая. Искать возможности восстановления внутреннего status quo в нынешних беспорядках, таким образом, чтобы центральное правительство смогло обеспечить общественную безопасность во всей стране»*¹.

В частном письме королеве Виктории в 1900 г. Николай II писал: *«Всё, чего хочет Россия, — чтобы её оставили в покое и дали развиваться свое нынешнее положение в сфере ее интересов, определяемой ее близостью к Сибири. Обладание нами Порт-Артуром и Маньчжур-*

¹ L. Montebello à T. Delcassé. 8 juillet 1900 // DDF. 1-ère série. T. XVI. P. 330.

ской железной дорогой для нас жизненно важно и нисколько не затрагивает интересы какой-либо другой европейской державы. В этом нет и никакой угрозы независимости Китая. Пугает сама идея крушения этой страны и возможности раздела её между разными державами, и я считал бы это величайшим из возможных бедствий»¹.

Посол России в Лондоне барон Е. Е. де Стааль так видел итоги подавления «боксёрского» восстания: «Возникшие в Китае события могли бы иметь крайне опасные последствия и повести к изменению основного взгляда Императорского правительства на дело лишь в том случае, если бы начался раздел владений Богдыхана. По счастью, этого не случилось, благодаря именно твёрдому решению нашего Августейшего Монарха, при первом же известии о происшедших в Китае серьёзных осложнениях, открыто поставить в основу политической программы России охранение целостности Поднебесной империи и неприкосновенность её векового государственного строя»².

1903 г. стал последним годом мирного развития Большой азиатской программы. В случае её успешного выполнения Россия могла бы стать первым государством Дальневосточного региона, её влияние должно было распространиться далеко в Азию, где она имела потенциальных союзников и сторонников. Однако надеждам не суждено было сбыться.

Тем не менее нельзя не согласиться с анонимным советником императора, который, находясь на Дальнем Востоке, писал царю: «Пётр Великий прорубил окно в Европу, и Петербург как великое творение Петра, выражает собой мощь русского государства. Трудно и тяжело было Петру Великому уяснить своим сотрудникам пользу, которую должна принести России новая столица. Николай II прорубил окно на Восток»³.

¹ Император Николай II — королеве Виктории // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1111. Л. [на англ. яз.].

² Барон Е. Е. де Стааль — графу М. Н. Муравьёву // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 19.

³ Записки, депеши и письма без подписей, адресованные Николаю II и С. Ю. Витте о политике России на Дальнем Востоке // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 700. Л. 13.

Эта мысль столетней давности находит удивительное совпадение с мнением современного российского мыслителя и писателя, капитана 1-го ранга в запасе К. Б. Раша. Он считает, что русско-японская война, которую Россия вела за претворение в жизнь Большой азиатской программы, была «главной войной России после Северной войны Великого Петра, войной, прямо связанной со всей будущностью русского народа и пребыванием его на земле. Это была война за Сибирь, которую самые проникательные умы давно осознали как сердце России и её надежду. Ближе всех приблизился к заветам Петра I последний русский император Николай II. Он проложил к берегам Сибири стальную путь и создал Сибирскую флотилию и Тихоокеанский флот. [...] Царь спешил и рвался к Тихому океану, среди взрывов бомбистов. Но тайные враги России решили во что бы то ни стало опередить царя, не дать ему твёрдо закрепиться на Русском Востоке своей державы»¹.

---

¹ Раш Кавад. *Война за сердце России. (Уроки Цусимы)*. <http://www.rospisatel.ru/voina>

Глава 2.

Русско-японская война

Противостояние с Японией в 1904—1905 гг. является самой оклеветанной страницей царствования императора Николая II. Были извращены причины этого противостояния, цели России в войне, ход военных действий, причины преждевременного мира с Японией и последствия войны для России. Именно те силы, которые были заинтересованы в поражении России, стали авторами мифа о ненужности этой войны для нашего Отечества и о «страшном поражении», якобы полученным нами от японцев.

Между тем русско-японская война явилась реакцией ряда государств (прежде всего Японии, Англии, САСШ) на стремление России «прорубить окно в Азию». Она была попыткой со стороны этих государств, каждое из которых преследовало свои личные интересы, не дать реализоваться Большой Азиатской программе императора Николая II.

Император Николай II и Япония

Вся совокупность фактов, предшествовавших русско-японской войне, убедительно свидетельствует, что император Николай II военного столкновения с Японией не желал, хотя и готовился к возможному противостоянию. Император придавал большое значение сохранению дружественных отношений с Японией, к которой относился с искренней симпатией с 1891 г., когда, будучи наследником престола, посетил Страну восходящего солнца. *«Япония мне страшно нравится, — писал наследник императрице Марии Фёдоровне, — это совершенно другая страна, непохожая на те, которые мы до сих пор видели»*¹.

При посещении Нагасаки 15 апреля 1891 г. наследник с удив-

---

¹ Великий князь Николай Александрович — императрице Марии Фёдоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 163.

лением констатировал, что *«японцы в Нагасаки почти все говорят по-русски не только в магазинах, но и в лавках и на базарах, недаром наши моряки считают себя дома во время стоянки в Нагасаки»*¹.

Великого князя поразило и то уважение, с которым японцы относились к памяти русских военных моряков, похороненных в Инасе (пригороде Нагасаки). *«Я был на нашем кладбище, — сообщал цесаревич императрице Марии Фёдоровне. — Оно очень искусно содержится японским бонзой-священником»*².

В Стране восходящего солнца со стороны буддийского духовенства цесаревичу Николаю был оказан подчёркнуто почтительный приём. Когда он входил в храм, буддийские священнослужители падали пред ним ниц, а когда он их поднимал, смотрели на него с благоговением и торжественно вводили в святилище своего храма. При этом никого из свиты наследника в святилище не пускали. Так, например, ламы преградили вход в алтарь принцу Георгию Греческому. Как писал епископ Митрофан (Зноско-Боровский), *«каждая такая встреча носила характер какого-то непонятного таинственного культа, совершаемого пред высшим воплощением, по воле Небес сошедшим на землю с особой миссией»*³.

Даже покушение в Отцу 29 апреля 1891 г., совершённое психически ненормальным японским полицейским Сандзо Цуда, не повлияло на хорошее отношение цесаревича к Японии. Сразу же после покушения он писал в письме к матери: *«Япония также нравится мне и теперь, как раньше, и случай со мной 29 апреля не оставил во мне никакого неприятного чувства»*⁴.

Покидая Японию, 8 мая 1891 г. в своём дневнике наследник записал, насколько грустно оттого, что ему *«не удалось проехать че-*

¹ Великий князь Николай Александрович — императрице Марии Фёдоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 164.

² Великий князь Николай Александрович — императрице Марии Фёдоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 163.

³ Митрофан (Зноско), епископ. *Хроника одной жизни. К шестидесятилетию пастырского служения*. IX.1935 — IX.1995. — М., 1995. С. 294—297.

⁴ Великий князь Николай Александрович — императрице Марии Фёдоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 163.

рез всю эту любопытную страну, которая мне понравилась больше всех других»¹.

Великий князь поддерживал дружественные отношения с японским принцем Арисугава Тарухито, с которым состоял в переписке. В одном из писем Тарухито посылал наследнику русско-го престола модель японского боевого корабля, выражая при этом свои «самые тёплые дружественные чувства»².

Император Николай II видел в Японии возможного союзника России. В Японии всё более распространялось Православие, в особенности среди знати. Если в 1871 г. православных японцев было немногим более ста, в 1876 г. — чуть более тысячи, в 1880 г. — шесть тысяч, то к началу русско-японской войны их число приблизилось к 30 тысячам, по всей стране они образовали 260 общин³.

Вице-адмирал С. О. Макаров, посетивший Японию в 1888 г., отмечал: *«Распространение православия в Японии не вызывает среди этого народа никаких опасений. В японских православных храмах молятся о благоденствии ныне царствующего императора, его дома и всего японского народа, а проповедники наставляют паству подчиняться властям, ибо «несть власть, аще не от Бога». Православное вероисповедание не влечёт за собой подчинения какому-нибудь духовному лицу, не проживающему в самой стране, равно как оно не ведёт и к вмешательству постороннего политического элемента в государственном отношении. С точки зрения политической нам, русским, безразлично, примет ли Япония православие или нет. Наша программа заключается в том, чтобы совершенно не вмешиваться во внутренние дела дружественной нам соседки... Православие может*

¹ Дневник великого князя Николая Александровича. Январь-май 1891. Запись за 8 мая 1891 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 225.

² Принц А. Тарухито — наследнику цесаревичу Николаю Александровичу // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1356. Л. 1—2.

³ Павлов Д. «Христианский вопрос» в годы русско-японской войны 1904—1905 гг., или Планировала ли Япония сделаться христианским государством? (По материалам мировой печати) // Acta Slavica Japonica № 26, 2009.

дать Японии живую внутреннюю силу и упрочить в ней консервативные принципы, столь необходимые для прочности ее благосостояния в будущем. Как друзья японцев мы могли бы радоваться всякому шагу их в этом направлении. Для нас было бы приятно и лестно иметь соседку, единоверную с нами, но не наше дело тянуть её в эту сторону»¹.

В связи с этим большое значение имела постоянная поддержка, которую оказывал император Николай II святителю Николаю (Касаткину). Причём в этом случае царь выступал в первую очередь как царь христианский, а не как царь русский. В 1906 г. Государь особенно отметил труды святителя Николая по окормлению его японской паствы, многие представители которой воевали в 1904—1905 гг. против России. Царь наградил владыку орденом Святого Владимира и написал при этом: «В тяжкое время войны, когда оружие брани разрывает мирные отношения народов и правителей, Вы, по завету Христову, не оставили вверенного Вам стада, и благодать любви и веры дала Вам силу выдержать огненные испытания брани и посреди вражды бранной удержат мир веры и молитвы в созданной Вашими трудами Церкви»².

В 1906 г. православная паства Японии поздравляла архиепископа Николая с 25-летием посвящения в епископский сан. Присутствующий при торжестве американский епископ Мак-Ким сказал русскому посланнику в Токио Ю. П. Бахметьеву, что, живя в Токио уже 10 лет, он убеждён, что нет человека, пользующегося большим уважением в японском народе, чем владыка Николай. «Впрочем, — писал Бахметьев министру иностранных дел А. П. Извольскому, — эта светлая личность так хорошо известна Вашему Превосходительству, что не мне указывать на достоинства нашего Архиепископа, которого Государь Император так милостиво оценивает»³.

¹ Макаров С. О. *Православие в Японии*. — СПб.: Синодальная типография, 1889. С. 24, 25, 28.

² Акафист равноапостольному святителю Николаю, апостолу Японии, и житие его. Церковь Николай-до. — Токио, 1972. С. 20.

³ Ю. П. Бахметьев — А. П. Извольскому. 13 июля 1906 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. 27. Л. 6.

Обострение русско-японских отношений

Конец XIX—начало XX вв. привели к обострению русско-японских отношений. Закрытая в течение столетий от чужеземного влияния экзотическая феодальная страна в середине XIX в. была насильственно «открыта» европейскими державами, которые стремились к её порабощению. В 1854—1858 гг. САСШ, Англия и Франция навязали Японии кабальные Ансэйские договоры. Эти договоры установили свободу торговли иностранных купцов с Японией, предоставили иностранцам право экстерриториальности и консульской юрисдикции, лишили Японию таможенной автономии, навязали низкие ввозные пошлины т. д.

Отсталая в военном и экономическом планах Япония не могла противостоять западной экспансии. Вступивший на японский престол в 1867 г. микадо Муцухито (Мэйдзи) провёл в стране коренную реформу по европейскому образцу, перестроил государственную систему, армию, флот и экономику. В его царствование феодальная Япония совершила резкий скачок в капитализм, стремясь сравняться с европейскими государствами.

В конце XIX столетия Англия активно содействовала росту могущества Японии, рассчитывая, что она станет главным соперником России на Дальнем Востоке. 16 июля 1894 г. Великобритания подписала с Японией равноправный торговый договор, который отменял наиболее кабальные статьи Ансэйских соглашений и тем самым выводил Японию из состояния полусуверенной страны. Новый договор был ратифицирован королевой Викторией всего через сутки. Этим шагом Англия открывала Японии возможность начать активную политику в регионе.

Николай II весьма серьёзно воспринял вступление Японии в борьбу за передел мира. Ещё до японско-китайской войны 17 августа 1894 г. императором была получена депеша русского посланника в Токио М. А. Хитрово, в которой тот писал: *«В лице Японии нарождается новая сила, которая будет иметь огромное влияние на дальнейшие судьбы Дальнего Востока. Я сознаю, что, может быть, это не укладывается в головы, но рано или поздно с этим придётся*

примириться»¹. Государь поставил на денеше помету: «Совершенно правильно! И с этой силой придётся серьёзно считаться»².

Справедливость царских слов получила подтверждение уже в следующем, 1895 г., когда армия микадо напала на Китай и достигла решительной победы над ним. Однако благодаря давлению европейских держав военный успех закончился для Японии ничтожным политическим результатом. В Токио всё больше росло стремление провести новую войну, которая привела бы Японию к гегемонии во всём Азиатско-Дальневосточном регионе. Главным конкурентом в этой части света японское руководство считало Россию.

В июне 1901 г. в Японии ушёл в отставку умеренный кабинет премьер-министра маркиза Хиробуми Ито. К власти пришли крайние милитаристы в лице главы правительства Таро Кацуры. Тем же летом японское правительство возобновило переговоры с Англией о союзе. Одновременно по приказу микадо отставной министр Х. Ито совершил визит в Петербург. Сам Ито был сторонником мирного существования с Россией и противником войны с ней. Однако микадо и Кацура склонялись к военному решению вопроса. Посылая Ито в Россию, они рассчитывали надавить на Англию и заставить её быстрее заключить союз с Японией.

В Петербурге маркизу Ито был устроен самый торжественный и почтительный приём. Во время аудиенции у императора Николая II японскому политику было заявлено, что главный интерес России в Корее заключается в свободе плавания по Цусимскому проливу. Было также указано, что, если это условие будет принято, Россия без колебаний признает первостепенные политические и коммерческие интересы Японии в Корее.

В обмен Россия требовала признание русского преобладания в Маньчжурии и других областях Китая, примыкающих к русской границе. В Петербурге настаивали, чтобы японцы отказались от всякого вмешательства в этих регионах, всецело предоставив их урегулирование России и Китаю. Русское правительство пред-

---

¹ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 77.

² ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 77.

дагало японцам, в случае их согласия на предложенные условия, устроить крупный финансовый заём в Париже. При этом Николай II заявил о необходимости военного паритета с Японией в Корее. «России, — отмечал он на полях записки Ламздорфа, — никак нельзя отказаться от прежнего её права содержать в Корее столько войска, сколько там находится японских»¹.

Великий князь Александр Михайлович предлагал царю договориться с Японией о разделе сфер влияний в Корее. «Для более успешного ведения дел в Корее, — писал он Николаю II, — желательно соглашение с Японией, по которому Японии предоставляется Южная Корея. [...] Это разделение Кореи не должно быть фактическим, т.е. ни Япония, ни Россия не имеют права ввести немедленно по соглашению ни своего управления, ни своих войск, ни экономическое, т.е. раздача концессий, постройка портов, железных дорог»².

Военная партия всё больше набирала силу в Японии. Причём действовала она не только через официальные правительственные структуры, но и скрытно, через различные «общественные» организации. Наиболее агрессивная из них, «Национальный союз», выступала с позиций «защиты целостности Китая» от русских и «цивилизаторской миссии Японии в Китае»³. Председатель союза принц Конойе заявил, что «настоящее положение Маньчжурии несогласно с принципом сохранения целостности Китайской империи и является угрозой по отношению к Корее. Необходимо поэтому как можно скорее найти средство изменить это положение вещей»⁴.

¹ Записка министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа императору Николаю II. 22 ноября 1901 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М, 1934. С. 30.

² Записка великого князя Александра Михайловича императору Николаю II. 5 марта 1899 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 720. Л. 1—2.

³ Делегация посланника в Токио А. П. Извольского графу В. Н. Ламздорфу 18 декабря 1900 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М, 1934. С. 7—8.

⁴ Делегация посланника в Токио А. П. Извольского графу В. Н. Ламздорфу 18 декабря 1900 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М, 1934. С. 7.

Каким образом Япония стремилась «изменять» положение вещей и как она собиралась бороться за «независимость и целостность» Китая, хорошо видно из задач, которые ставились «партией войны» перед военно-политическим руководством (к слову сказать, этими же положениями японские агрессоры будут руководствоваться в ходе подготовки Второй мировой войны): *«Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сперва завоевать Китай»*¹.

Окрылённая успехами в Китае и поддержкой, оказанной ей со стороны САСШ и Великобритании, «военная партия» строила далеко идущие захватнические планы. Они были связаны с идеей создания «Великой Японии», которая должна была включить в свой состав Курильские острова, Сахалин, Камчатку, Тайвань, Корею, Маньчжурию и большую часть Восточной Сибири.

Один из ведущих представителей «военной партии» Такахаши Есио в следующих словах высказал позицию сторонников войны с Россией: *«Прочно обосновываясь в Маньчжурии, Россия тем самым создаёт угрозу Корее. В конечном итоге дело дойдет до того, что сломленная Корея также вынуждена будет подчиниться диктату русского правительства. Следовательно, для государственной обороны Японии складывается очень опасное положение. Эта опасность даже больше, чем если бы сама Япония, захватив Корею, стала угрожать России»*². Между тем Россия отказывалась даже обсуждать с Японией совершенно её не касающиеся русско-китайские соглашения по вопросам Маньчжурии. Когда А. П. Извольский только выслушал протест Японии против проекта соглашения с Цинской империей, граф В. Н. Ламздорф направил посланнику строгое предупреждение: *«Считаю необходимым напомнить Вам, что вообще едва ли можно говорить о каком-либо протесте японского правительства в этом деле.*

---

¹ Романов Б. А. *Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907)*. С. 16.

² Шишов А. В. Указ. соч. С. 52.

По крайней мере, при первой попытке здешнего посланника Чинды вступить со мною в объяснения по поводу проектированного соглашения я тотчас прервал его, заметив, что не допускаю никаких запросов относительно переговоров, которые ведутся между двумя независимыми державами». Это мнение Ламздорфа было санкционировано императором Николаем II, который поставил на проекте телеграммы: «Согласен»¹.

В 1902 г. между Японией и Англией был заключён военный союз, по существу направленный против России. Договор предусматривал право на противодействие «третьей державе» (имелась в виду Россия), «угрожающей интересам Японии или Англии». Если бы Россия решила противодействовать японской агрессии в Корее, то это можно было бы подвести под статью англо-японского договора².

Попытки Англии создать против России коалицию держав на Дальнем Востоке и развязать русско-японскую войну

Англия делала всё, чтобы спровоцировать военное столкновение Японии с Россией. 3 июля 1903 г. японский посол в Лондоне Т. Гаяси заявил министру иностранных дел Великобритании лорду Г.-Ч. Лэнсдоуну, что, «*следя с пристальным вниманием за развитием дел в Маньчжурии*», японское правительство решило отказаться от позиции «бдительной сдержанности». Как заявил Гаяси, японская позиция объяснялась последним выступлением России «с требованием от Китая новых условий, консолидирующих её власть в Маньчжурии». Эти требования заставляли его, Гаяси, полагать, что «неограниченная постоянная оккупация Маньчжурии Россией создает положение, чрезвычайно пагубное для интересов, защита которых являлась целью при за-

¹ Отпуск секретной телеграммы министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа посланнику в Токио А. П. Извольскому. 1 мая 1901 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (63). — М., 1934. С. 29.

² История дипломатии. Т. 2. С. 537.

ключении англо-японского союза», и что «пришло время изменить политику»¹.

Лэнсдоун ответил Гаяси уклончиво, указав только на «крайнюю важность» соглашения с САСШ относительно действий Японии против России. Однако на совещании английского кабинета было решено тайно поддержать Японию в ее требованиях к России.

Франция, которая стремилась к соглашению с Англией и одновременно противилась войне России с Японией, стала предпринимать активные шаги, чтобы добиться русско-английского компромисса. Во время своих переговоров в Лондоне Делькассе убеждал англичан начать переговоры с Россией. Одновременно и Россия, понимая, что в случае войны с Японией она может остаться в фактической изоляции, высказывала свою готовность к переговорам с Англией.

Заклѹченный англо-японский договор 1902 г. давал Японии возможность начать войну против России с большой долей уверенности, что никто в Европе не окажет ей военной поддержки из-за опасения войны уже не с одной Японией, но и с Англией. Одновременно Токио был обеспечен английской финансовой поддержкой, поставками вооружения и получал возможность строить на британских верфях боевые корабли.

В Петербурге надеялись, что союзная Франция сможет оказать влияние на Англию для достижения ею компромисса с Россией. Париж действительно убеждал Лондон отойти от активной помощи Японии и от противодействия России на Дальнем Востоке. Англичане, для которых намечающийся союз с Францией был очень важен, были вынуждены делать вид, что идут навстречу мирным усилиям Делькассе. Они убеждали французов, что не намерены поддерживать Японию в её возможном столкновении с Россией. В беседе с французским послом Полем Камбоном Лэнсдоун заявил: «*Мы тоже хотим поддержания status quo в Корее, ибо мы не заинтересованы видеть японцев на обоих берегах Корейского пролива*»². Этими словами Лэнсдоун создал у французского посла

---

¹ British Documents. Vol. II. № 237. 238.

² British documents. II. № 254.

впечатление, что Англия «примирилась бы с русской оккупацией в Маньчжурии», будь у неё «какой-нибудь правдоподобный довод для предъявления своим японским союзникам»¹.

В 1903 г. в Лондоне при активном содействии Т. Делькассе начались русско-английские переговоры. Англичане выдвинули жесткие требования: Россия должна была отказаться от любых территориальных и экономических претензий в Афганистане, Тибете и в большей части Персии. Что касается Дальнего Востока, то английские правящие круги были готовы «признать преобладающие интересы России как соседней державы в Маньчжурии. Но в Маньчжурии должны также уважаться договорные права Англии, её торговля должна вестись там на правах равноправия»².

При условии, что Россия дальше Маньчжурии не пойдёт, Англия заявляла о своей готовности признать особые интересы и особое положение России в этом крае с оговоркой о принципе «открытых дверей» для английской торговли. В обмен Великобритания настойчиво требовала отказа России от прямых дипломатических отношений с Афганистаном, установленных в 1901 г. Она также желала, чтобы Россия признала Тибет вне сферы своего влияния. Наконец, Южный Иран Англия включала в сферу своего влияния.

Все эти домогательства Лондона сводились к тому, чтобы окружить индийскую границу поясом буферных территорий, подчиненных английскому контролю. Северный Иран англичане готовы были признать сферой влияния России.

Английские заверения казались французской стороне убедительными, и Камбон доносил в Париж, что английского вмешательства в события на Дальнем Востоке не будет, поскольку «...финансовый мир боится форменного краха. В Англии нет наличных денег, и она уже давно держится в финансовом отношении только благодаря помощи Франции и Германии, особенно Франции. События на Дальнем Востоке наверняка произведут такое действие на парижский и берлинский рынки, которое повлечет сокращение фран-

¹ MAE, Correspondance politique et commerciale. V. 35. Alliance franco-russe. 1892—1904.

² British Documents. Vol. IV. P. 186—188.

узской и немецкой денежной массы в Англии, и Сити с подлинным ужасом взирает на эту перспективу»¹.

В последнем были убеждены не только в Париже. Германский посол в Петербурге Ф.-И. фон Альвенслебен сообщал, что он *«из самого осведомленного финансового источника заверен, будто Англия в Токио определенно заявила, что Япония ни в коем случае не может рассчитывать на финансовую поддержку Англии»².*

Лэнсдоун просил Делькассе умиротворяюще подействовать на Петербург, *«в то время как сам он будет действовать так же на Токио»* и в дальнейшем *«следить внимательно за ходом событий»* с той же целью — не допустить войны. Поверив в искренность английских заверений, французы в течение последних месяцев 1903 г. и в январе 1904 г. начали убеждать русских *«быть откровеннее»* в разговорах с Лондоном. Николай II был готов пойти на компромисс с англичанами в том случае, если те будут сотрудничать с Россией и способствовать мирному исходу дела на Дальнем Востоке. Когда японцы, полагали в Петербурге, поймут, что они оказались в изоляции, *«благоразумие возьмёт верх»*. При этом Ламздорф твёрдо заявил, что японцам не следует забывать, что *«на севере Кореи есть русские интересы»³.*

Франция была против любого русско-японского конфликта, так как он по многим причинам не отвечал интересам III Республики. Полковник Мулен докладывал в Париж: *«Россия руководствуется в своих планах на Дальнем Востоке различными с нами интересами. Стремясь сохранить за собою свободу действий на севере Китая, она стремится не допускать туда больше ни одну державу, включая Великобританию»⁴.* Франция опасалась быть втянутой в войну, как против Японии, так и против Англии. Она опасалась вовлечения России в войну на Дальнем Востоке, так как в этом случае Франция оставалась один на один с Германией.

¹ P. Cambon à T. Delcassé // DDF. Vol. IV. №.246.

² Die Große Politik. 19. Band. № 5929.

³ АВП РИ, фонд Канцелярии, 1903 г.

⁴ Note pour la direction politique. 31 juillet 1899 // DDF. 1-ère série. T. 15. P. 416.

А. Н. Куропаткин писал в своём дневнике: «Франция, ввиду нашей политики на Дальнем Востоке, ищет соглашения с Италией и Англией, а там и до соглашения с Германией один шаг»¹. Вступая в войну с Японией, Россия не рассчитывала на помощь Франции, и даже больше того, не могла желать этой помощи, так как наличие англо-японского договора 1902 г. делало бы неизбежным, вслед за вступлением в войну Франции, выступление Англии, т.е. превращение русско-японской войны в мировую².

Таким образом, русская политика относительно переговоров с Лондоном во многом исходила из заверений французских политиков о мирных намерениях Англии. Не доверяя англичанам, в России тем не менее полагали, что французы сумеют повлиять на них и не допустят развязывания военного конфликта на Дальнем Востоке. Поэтому до поры до времени англо-французское сближение приветствовалось в Петербурге. Император Николай II в письме к президенту Э. Лубе от 15/28 октября 1903 г. отмечал с симпатией те усилия, с какими французское и английское правительства пытаются добиться мирного разрешения ситуации на Дальнем Востоке³.

Что касается Германии, то император Вильгельм, на словах выражая полную поддержку России, на деле рассчитывал увидеть её застрявшей в маньчжурских степях. В этом случае у кайзера появлялась надежда на разрыв России с Францией.

В итоге против России на Дальнем Востоке фактически объединились усилия трёх держав: Японии, Великобритании и САСШ. Франция, Германия и Австро-Венгрия сохраняли дружественный нейтралитет.

При таких обстоятельствах Япония начала готовиться к войне. Во время подготовки она взяла в долг на иностранных рынках 282 млн американских долларов. Однако этой суммы было недостаточно. Глава японского правительства и министр финан-

¹ Дневник А. Н. Куропаткина. С. 101.

² Фейгина Л. Указ. соч. С. 16.

³ L'Empereur Nicolas II au Président E. Loubet. 28 oct. 1901 // AN. Fonds Emile Loubet, AP 473/7.

сов направили своих посланцев в САСШ и Англию с просьбой о предоставлении дополнительных займов. Такие займы были предоставлены Японии банками «Нэйшнл Сити банк», «Национальный коммерческий банк», банковский дом «Кун, Лёйб энд Компани». Все эти банки фактически принадлежали семействам американских банкиров, главным из которых был Я.-Г. Шифф. Благодаря Шиффу Япония получила от американских банковских домов кредит на общую сумму 200 млн долларов. За свою поддержку Японии Я. Шифф в 1905 г. был награждён японским орденом Священного сокровища и в 1907 г. орденом Восходящего солнца.

Обострение ситуации вокруг Маньчжурии

12 августа 1900 г. министр иностранных дел В. Н. Ламздорф уведомил иностранные посольства, что русские войска выводятся из Пекина и будут выведены из Маньчжурии, как только там будет восстановлен порядок. Однако император Николай II приказал генералу А. Н. Куропаткину всячески затягивать вывод войск из Маньчжурии, стремясь заключить с Китаем соглашение об особом положении в ней России. В конце октября 1900 г. между местником Квантунской области адмиралом Е. И. Алексеевым и китайским губернатором Мукденской провинции было заключено соглашение, которое фактически устанавливало русский протекторат над этой провинцией¹.

Но Китай под нажимом Японии и Англии стал требовать от России эвакуировать свои войска из Маньчжурии. 26 марта/8 апреля 1902 г. подписано русско-китайское соглашение, по которому Россия обязывалась вывести свои войска к октябрю 1903 г. Правительство микадо пригрозило, что если Россия не уйдёт из Маньчжурии, то японская армия захватит Корею. Царь повелел военному министру заявить, что Россия не допустит туда японцев².

---

¹ История дипломатии. Т. 2. С. 153.

² Император Николай II — генералу П. С. Ванновскому.

Россия настаивала на сепаратном соглашении с Китаем, по которому тот фактически должен был полностью передать Маньчжурию в аренду России, что снимало необходимость вывода русских войск из Маньчжурии.

Планы России привели к общему протесту Англии, Японии и САСШ. Под их давлением Петербург был вынужден прервать свои переговоры с Пекином.

Против твёрдой политики в отношении Японии и усиления наших позиций в Маньчжурии выступил министр финансов С. Ю. Витте. Ранее Витте постоянно убеждал Государя в том, что господство России в Азии, Китае и Маньчжурии обеспечено, и требовал применить к Японии самые жёсткие меры. На Особом совещании 30 марта 1895 г. Витте объявил Японию «главным противником России» и заявил, что нужно любой ценой не допускать Японию на континент, даже путём «бомбардировки японских портов». Теперь же Витте демонстрировал полное упадничество. Он заявил, что проникновение в Китай чревато опасностью ослабления России на Западе.

27 октября 1902 г. на совещании в Ялте под председательством Николая II по вопросу о заселении полосы КВЖД Витте отверг целесообразность любой активности России даже в Маньчжурии, а для укрепления позиций на Дальнем Востоке министр финансов предложил построить Амурскую железную дорогу исключительно по российской территории¹.

Нельзя не согласиться с мнением И. В. Лукоянова: «Продолжая рассуждать о господстве в Маньчжурии, С. Ю. Витте признавал, что Россия не может её захватить, так как это вызовет сильные протесты держав. Записка сановника ярко свидетельствовала о тупике, в который зашла его дальневосточная политика. Начав в 90-е гг. XIX в. с программы широчайшей экономической экспансии в Китае, к концу 1902 г. он не мог предложить ничего иного, кроме уступок и отступления по всем направлениям»².

¹ По разнородной переписке // РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 326. Л. 163–164.

² Лукоянов И. *Последние русско-японские переговоры перед войной 1904–1905 гг. (взгляд из России)* // Acta Slavica Japonica, № 23, 2006. С. 1–36.

Япония не желала видеть Россию в Маньчжурии и Корее, а Россия именно к этому стремилась. 24 июня 1902 г. во время своей встречи в Ревеле с Вильгельмом II император Николай II прямо сказал, что рассматривает укрепление и усиление влияния России в Восточной Азии *«как задачу именно своего правления»*.

5/18 апреля 1903 г. китайскому правительству была направлена российская нота, в которой говорилось, что дальнейший вывод войск обусловлен закрытием Маньчжурии для иностранной торговли. В ответ Англия, САСШ и Япония заявили России протест против нарушения сроков вывода русских войск, а Китаю посоветовали не принимать никаких условий. Китайское правительство так и сделало, заявив, что будет обсуждать «любые вопросы о Маньчжурии» лишь «по эвакуации».

Подстрекаемые Англией и САСШ японские власти всё больше ужесточали свой тон. В Токио заявляли, что отказ от эвакуации русских войск из Маньчжурии является следствием антияпонской политики России. Государь по этому поводу ответил: *«Сожалительно, что совершенно закономерное появление русских лесопромышленников с охраною вызывает возбуждение умов в Японии. Надеюсь, что подобные недоразумения прекратятся»*.

27 марта 1903 г. генерал А. Н. Куропаткин, посланный царём в Японию для зондажа позиции Токио относительно приостановки вывода русских войск из Маньчжурии, получил указание Государя: *«В минимальный срок и не останавливаясь перед нужными расходами, поставить нашу боевую готовность на Дальнем Востоке в равновесие с нашими политико-экономическими задачами. Дать очевидное для всех доказательство решимости отстаивать наше право на исключительное влияние в Маньчжурии»*.

В мае 1903 г. сотня русских солдат, переодетых в гражданскую одежду, была введена в Северную Корею. Под предлогом строительства лесных складов в деревне было начато строительство военных объектов, что в Великобритании и Японии восприняли как подготовку России к созданию постоянной военной базы на севере Кореи.

Попытки императора Николая II сохранить мир с Японией. Мероприятия по укреплению обороноспособности Дальневосточного региона

Перед лицом всё более возрастающей военной угрозы Николай II по-прежнему делал всё, чтобы избежать сползания к войне с Японией. 28 марта 1903 г. на совещании с министрами Николай II заявил, что *«надо избегать повода к ссоре с Японией, что война с ней совершенно нежелательна»*¹.

1 августа 1903 г. на Особом совещании под председательством императора было окончательно решено не присоединять Маньчжурию к России, а войска отвести в полосу отчуждения КВЖД. Предполагалось отменить военное управление Маньчжурией, передать власть местной администрации в трёх китайских провинциях, воздерживаться от всякой активной политики в Корее, которая сможет привести к войне с Японией.

Осенью 1903 г. Николай II вновь заявил, что *«он не желает войны России с Японией и не допустит её»*². При этом он вынужден был готовиться к войне как в дипломатическом, так и в военном отношении. На Западе был обеспечен дружественный нейтралитет Германии и Австро-Венгрии, на Востоке сильно укреплены русские военные позиции: усилен флот и материальная база армии, быстрыми темпами строились крупные железные дороги.

1/14 июля 1903 г. открылось движение по Транссибирской железной дороге (Транссиб) почти на всём её протяжении и далее по Китайско-Восточной железной дороге. Новая магистраль, соединившись с Транссибирской, обладала серьёзным недостатком — единая трасса, связывавшая Порт-Артур с Россией, имела 160-километровый разрыв в районе озера Байкал. Перевозка по нему железнодорожных вагонов осуществлялась двумя паромами-ледоколами. В зимнюю стужу рельсовый путь прокладывался прямо по байкальскому льду. Участок вокруг южной части озера Бай-

¹ Дневник А. Н. Куропаткина. С. 47.

² Дневник А. Н. Куропаткина. С. 93.

кал решили не строить из-за высокой стоимости, сэкономив на этом 25 миллионов рублей¹.

Строительство КВЖД велось прогрессивными методами. Мосты возводились из железа или камня. Всего было сооружено 1464 моста, проложено 9 туннелей, из них два протяженностью более трёх километров. 2 ноября 1901 г. на всем протяжении КВЖД была завершена укладка рельсов, и дорога открылась для временной эксплуатации. Регулярное движение по всей магистрали началось 13 июля 1903 года. Административно-техническим центром КВЖД стал город Харбин, который имел русские кварталы². К январю 1904 г. по планам русского командования общая численность войск должна была достичь 150 тыс. человек, хотя это считалось явно недостаточным.

20 июля 1903 г. японский посланник в Петербурге Синитиро Курино по тайному согласованию с английским правительством передал министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу «вербальную ноту» с сообщением, что *«правительство Японии желает удалить из отношений двух Империй любую причину недоразумения в будущем, по положению дел на Дальнем Востоке, где встречаются их, России и Японии, интересы»*³.

Японцы настаивали на следующих соглашениях: 1) о поддержании «равного благоприятствования для торговли и промышленности всех наций в Китайской и Корейской империях»; 2) о прокладке японской железной дороги из Кореи через КВЖД на соединение с железнодорожной линией на Пекин и 3) о признании лишь *«специальных интересов России в железнодорожных предприятиях в Маньчжурии»*.

По существу это означало требование к России отказаться от своих геополитических устремлений на Дальнем Востоке. С. Курино, передавая проект соглашения В. Н. Ламздорфу, заявил, *«что чем далее будет откладываться заключение соглашения, тем*

¹ Шишов А. В. Указ. соч. С. 49.

² Шишов А. В. Указ. соч. С. 49.

³ Нота С. Курино В. Н. Ламздорфу. 20 июля 1903 г. // АВП РИ. Фонд Канцелярии.

всё труднее будет, так как положение дел на Дальнем Востоке теперь более осложняется. Было ясно, что Япония, подстрекаемая Англией и США, готовится к войне. Японцам было жизненно необходимо начать военные действия как можно скорее, пока Россия не сосредоточила на Дальнем Востоке внушительные силы.

Французский представитель сообщал из Токио в Париж, что *«японские военные и моряки открыто считают себя совершенно готовыми к быстрой мобилизации и считают бесполезным принимать особые меры предосторожности»*. Японский флот под предлогом учений вошёл в корейские воды.

16 мая 1903 г. Николай II одобрил предложение В. Н. Ламздорфа прозондировать в Токио возможность соглашения между Россией и Японией. 17 мая Ламздорф уполномочил посланника в Токио барона Р. Р. Розена искать договоренностей с Японией по Корее¹. Но Государь уполномочил возглавить переговоры с Японией не Розена, а заместника на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексеева. Розен по решению царя вёл в Токио всю «техническую» сторону дела, отсылая все японские предложения и ответы в Петербург, а также Е. И. Алексееву в Порт-Артур².

Японское правительство представило русской стороне проект двустороннего договора, предусматривавшего признание *«преобладающих интересов Японии в Корее и специальных интересов России в железнодорожных предприятиях в Маньчжурии»*. Таким образом, Япония отказывала России в её правах на Маньчжурию, соглашаясь лишь на признание КВЖД. 5 октября Россия предоставила Токио свой проект, в котором, с оговорками, выражала готовность признать за Японией преобладание её интересов в Корее, в обмен на признание Маньчжурии, лежащей вне сферы японского влияния.

Таким образом, переговоры изначально выявили миролюбие России и готовность к компромиссам, и заданность Японии на

¹ В. Н. Ламздорф — Р. Р. Розену 17 мая 1903 г. // АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1519. Л. 133, 139.

² Лукоянов И. *Последние русско-японские переговоры перед войной 1904—1905 гг. (взгляд из России)* // Acta Slavica Iaponica, Tomus 23. С. 18.

войну. До самого начала войны Россия постоянно предпринимала шаги, чтобы её предотвратить. Решающую роль в этом играла позиция императора, который напутствовал русскую делегацию пожеланием сделать всё, чтобы «не было войны».

Министр иностранных дел В. Н. Ламздорф полагал, что излишне мягкая позиция барона Розена, главы русской делегации на переговорах с японцами, приведёт не только к отдаче всей Кореи японцам, но и к прекращению переговоров. Ламздорф считал, что позиция России должна быть значительно более жёсткой, особенно в отношении возможного захвата японцами Кореи, в противном случае переговоры надо прервать. Николай II ответил Ламздорфу: *«Благодарю Вас, граф, за откровенно высказанное мнение. Тем не менее остаюсь при своём убеждении. Из продолжения переговоров, мне кажется, ясно видно миролюбие России и желание её прийти к какому-либо соглашению с обезумевшей Японией»*¹.

В ноябре 1903 г. — декабре 1904 г. наместник на Дальнем Востоке Е. И. Алексеев указывал на всё крепнущее нежелание японской стороны идти на какие-либо компромиссы с Россией. В январе 1904 г. адмирал телеграфировал императору: *«Переданные 31 декабря ответные предложения Японии, по существу, ещё более притязательны и самоуверенны, чем прежде. Продолжение переговоров в этом направлении, по-видимому, не только не может привести к примирению обоюдных интересов и, следовательно, к достижению той цели, которой они были начаты, но, напротив, ведёт к постепенному обострению отношений и к более вероятному разрыву»*². На эту телеграмму Николай II ответил: *«Желаю, чтобы переговоры с Японией продолжались в дружественной форме»*³.

Алексеев полагал, что схватка неизбежна, поэтому лучше нане-

¹ Император Николай II — графу В. Н. Ламздорфу. 20 декабря 1903 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 95.

² Телеграмма генерал-адъютанта Е. И. Алексеева на Имя Его Императорского Величества из Порт-Артура. 3 января 1904 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 160.

³ Резолюция императора Николая II на записке В. Н. Ламздорфа о письме адмирала Е. И. Алексеева // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 50.

сти удар первыми. Однако он получил телеграмму от царя с категорическим предупреждением, что он «войны не желает» и «не допустит». Царь запретил Алексееву проводить в наместничестве всякую мобилизацию войск, оставив это право за собой¹. Николай II справедливо считал, что оттягивание всеми силами войны идёт только на пользу России. *«Время — лучший союзник России. Каждый год нас усиливает»*, — говорил Государь². Это понимали и в Японии. Однако царь видел, что положение становится крайне угрожающим. 27 декабря 1903 г. он писал Великому князю Сергею Александровичу: *«Душевное беспокойство у меня относительно поганой Японии. [...] Тем не менее я всё ещё убеждён, что войны не будет, конечно, если японцы сами её не объявят. Но велик Бог земли русской!!!»*³

Император Николай II и предвоенная ситуация

24 декабря 1903 г. генерал-адъютант Алексеев телеграфировал Николаю II, что, по полученным им сведениям, нельзя уже больше сомневаться в намерении Японии занять Корею и установить над нею протекторат. Доказательством тому служили прибытие в Чемульпо и в Сеул японских офицеров, доставка туда боевых и продовольственных запасов, фрахтование Японией значительного числа транспортных судов и приготовление к посадке на эти суда 3—4 японских дивизий⁴. О высадке японского десанта сообщал царю и барон Розен. Государь отвечал ему: *«Высадка отряда японских войск в Корею не будет вызовом России. О нападении же на Порт-Артур или Владивосток, по-моему, и речи быть не может»*⁵. Николай II полагал,

¹ Дневник А.Н. Куропаткина. С. 93.

² Дневник А.Н. Куропаткина. С. 144.

³ Император Николай II — великому князю Сергею Александровичу. 27 декабря 1903 г. // ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 70. Л. 78.

⁴ Из истории русско-японской войны 1904—1905 гг.: Сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. С. 40.

⁵ Император Николай II — барону Р. Р. Розену // АВП РИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 189. Л. 113.

что, заняв часть Кореи, японцы удовлетворят свои амбиции, «нарыб лопнет» и в ближайшем будущем войны с Японией не будет. Через год-другой, считал Николай II, Россия укрепится на Дальнем Востоке настолько, что никакая война ей будет не страшна¹. По свидетельству генерала В. А. Апушкина, Государь указал Е. И. Алексееву, «что надо приложить все усилия к тому, чтобы избежать войны, так как для России каждый год мирного времени составляет огромную выгоду; что политика твёрдая, но вежливая по форме и не придирчивая в вопросах не существенных, — лучше всего достигнет цели; поэтому, отклоняя переговоры об эвакуации Маньчжурии, так как это дело касалось только Китая и России, Наместнику указано было не считать за *casus belli* оккупацию японцами Кореи»².

Тем не менее 15 января 1905 г. Николай II в беседе с участниками Особого совещания заявил: «Мы должны в ограждение наших интересов положить известный предел их захватам на этом пространстве... С военно-морской точки зрения такая граница должна обнять Северную Корею, имевшую для России серьёзное стратегическое значение. Если мы не добьемся её нейтрализации, то, без сомнения, на фланге Порт-Артура мы будем иметь сильного врага, который разрежет связь между Южно-Усуйским краем и Квантунской областью, будет господствовать над Маньчжурией и вскоре уничтожит возможность существования в Порт-Артуре»³.

По распоряжению царя русская делегация была готова идти на самые большие уступки японцам. Во время переговоров японская сторона выступила против русского предложения о нейтральной зоне в Корее. Несмотря на то что для России эта нейтральная полоса была очень важна, она была готова отказаться от этой статьи договора в обмен на признание японцами статьи об отказе их притязаний на Маньчжурию⁴.

¹ Дневник А. Н. Куропаткина. С. 116.

² Из истории русско-японской войны 1904—1905 гг. С. 42.

³ Игнатьев А. В. *Последний царь и внешняя политика* // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 3—24.

⁴ Телеграммы министра иностранных дел, русских посланников в Японии и Китае // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 514. Л. 24.

21 января 1904 г. Николай II в письме В. Н. Ламздорфу изложил свой взгляд на решение этой проблемы: «Сегодня утром, — писал император, — мне пришла следующая мысль: так как мы не можем отказаться от нейтральной полосы, а Япония, наверное, не согласится на неё, следует испробовать последний способ, а именно, предложить Японии то же самое, но в виде тайной статьи. Этим способом их самолюбие и ответственность правительства перед страной будут удовлетворены, а наши интересы сохранены»¹.

Однако, не желая прекращать переговоры с Японией в надежде сохранить мир, царь всё яснее видел неизбежность столкновения. А. Н. Куропаткин писал: «Государь продолжает верить в мирный исход конфликта и продолжает быть настроенным миролюбиво. Но несомненно и то, что в нём всё растёт и растёт всеобщее враждебное чувство к Японии. Он скрывает его от нас с удивительным самообладанием. Растёт неприязнь и к Англии»².

1 января 1904 г., надеясь на сохранение мира, Государь заявил японскому послу С. Курино, «что Россия есть не только великая страна, но и часть света, и что у такой державы, несмотря на всё миролюбие, может наступить предел терпения»³.

В конце февраля 1904 г. Курино получил через Ламздорфа указание Николая II о том, что «на высадку японских войск в Северной Корее Россия посмотрит как на весьма недружелюбное действие»⁴.

Японцы требовали, чтобы Россия допустила их к совместному контролю над Маньчжурией, на что посол Р. Р. Розен отвечал, что все вопросы по Маньчжурии Россия будет решать только с Китаем. Розен был сторонником жёсткой позиции по отношению к Японии и полагал, что Токио не осмелится начать войну. Розен придерживался мнения, что «соглашение с Японией может состо-

¹ Император Николай II — графу В. Н. Ламздорфу. 21 января 1904 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 77.

² Дневник А. Н. Куропаткина. С. 123.

³ Лукоянов И. Последние русско-японские переговоры перед войной 1904—1905 гг. (взгляд из России) // Acta Slavica Iaponica, Tomus 23.

⁴ Император Николай II — графу В. Н. Ламздорфу. 21 января 1904 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 77.

яться лишь совершенно в стороне от маньчжурского вопроса, на почве взаимных уступок в виде разграничения обоюдных сфер интересов в Корее, а отнюдь не на почве раздела Кореи с отдачей южной её части Японии в виде компенсации за Маньчжурию»¹.

25 сентября/8 октября 1903 г. истек срок, в который Россия должна была вывести свои войска из Маньчжурии. Так как этого не произошло, Япония стала протестовать. Россия в ответ указывала на несоблюдение Китаем условий эвакуации. Китайские войска концентрировались возле линии КВЖД. Зная изменчивую китайскую политику, от цинского правительства можно было ожидать каких угодно провокаций. Николай II велел резко заявить Китаю, что, «если он не прекратит немедленно посылки войск к району возможных боевых действий, Маньчжурия будет присоединена к России немедленно»². Одновременно Япония протестовала против действий России в Корее. На самом деле японские правящие круги искали лишь повода к войне.

В течение всего предшествовавшего войне января японцы вели постоянные консультации с САСШ. Так, 4/16 января 1904 г. Р. Р. Розен сообщал в Петербург, что ему стало известно «из достоверного источника, что между Токио и Вашингтоном в течение последних трёх недель происходит оживлённый ежедневный обмен телеграммами»³.

5/18 января 1904 г. та же информация содержалась в секретной телеграмме посла в Вашингтоне графа А. П. Кассини: «Япония всё время осведомляла и продолжает осведомлять Хей⁴ о ходе наших с нею переговоров. Хей и без того японофил, очень польщён этим внима-

¹ Р. Р. Розен — в МИД 20 июня/3 июля 1903 г. // АВП РИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 188. Д. 65–66.

² Император Николай II — графу В. Н. Ламздорфу // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 83.

³ Телеграммы министра иностранных дел, русских посланников в Японии и Китае, журнал Особого совещания и другие документы, относящиеся к переговорам с Японией перед русско-японской войной. [Копии] // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 514. Л. 63.

⁴ Джон Мильтон Хей — государственный секретарь САСШ.

нием, сделанным с явным расчётом заручиться симпатиями Соединённых Штатов и подчеркнуть будто бы полное единодушие между Соединёнными Штатами, Англией и Японией. Симпатии нынешнего вашингтонского кабинета ныне бесспорно на стороне Японии»¹. Американцы давали своим японским союзникам последние советы о том, как начать агрессию.

22 января/5 февраля 1904 г. японский министр иностранных дел Масахико Комура приказал главе японской делегации на переговорах с русскими прервать «настоящие бессодержательные переговоры» и объявить русскому императорскому правительству о разрыве дипломатических отношений. 24 января/6 февраля 1904 г. Япония объявила о разрыве дипломатических отношений с Россией.

25 января Николай II впервые высказался о возможности войны с Японией. «Надо скорее выяснить вопрос о войне, — сказал он, — воевать так воевать; мир так мир. А эта неизвестность становится томительной»².

Поздно вечером 25 января в Петербурге была получена нота японского посланника Синитиро Курино, в которой тот сообщал, что ему приказано покинуть Петербург со всей японской миссией. Той же ночью Государь велел отозвать русскую миссию из Токио.

26 января у царя состоялось совещание по японскому вопросу³. На совещании царь поставил перед своими министрами вопрос: следует ли допустить высадку японцев в Корее или принудить их силой отказаться от этого замысла?⁴ Ламздорф и Куропаткин считали, что нужно делать всё, чтобы войны избежать, на что Государь ответил: «Разумеется», но когда тот же Ламздорф стал говорить о посредничестве, Николай II перебил его: «Поздно. Японцы

¹ Граф А. П. Кассини — графу В. Н. Ламздорфу. 5/18 января 1904 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 180. Л. 161.

² Дневник А. Н. Куропаткина. С. 128.

³ Дневник императора Николая II. Запись за 26 января 1904 г. // ГАРФ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 247. Л. 18.

⁴ Дневник А. Н. Куропаткина. С. 128.

уже высказали мнение, что не примут посредничество. Они действовали теперь глупым образом»¹.

Тем не менее поздно вечером 26 января царь разрешил русскому послу в Лондоне графу Бенкендорфу обратиться к английскому министру иностранных дел лорду Лэнсдауну с просьбой о посредничестве для предотвращения конфликта. Об этом же просил Лэнсдаун и французский посол. Британский министр ответил, что Япония не желает ничего посредничества и уже поздно что-либо изменить.

Вечером 26 января Николай II послал адмиралу Е. И. Алексею телеграмму. В телеграмме говорилось: если японцы сами не начнут военных действий флотом или десантом, Алексеев не должен допускать высадки японцев на западном берегу Кореи выше 38-й параллели. Высадку в южной Кореи и Чемульпо — допускать. Если японские войска начнут движение в сторону Северной Кореи, то это не считать за открытие военных действий².

Таким образом, Николай II сделал всё от него зависящее, чтобы избежать войны с Японией. Царь был готов идти на самые большие компромиссы с микадо. Фактически Японии отдавалась большая часть Кореи, учитывались её интересы и в Китае. От японской стороны требовалось лишь признание русских интересов в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове. Но Япония не допускала никакой возможности компромиссов с Россией. Ей нужна была война, в результате которой она рассчитывала заполучить не только Корею, но и Китай с Маньчжурией. Заручившись поддержкой Великобритании и Соединённых Штатов, японцы хотели начать военные действия как можно скорее, пока Россия не сосредоточила на Дальнем Востоке внушительные силы.

В ночь с 26 на 27 января 1904 г., без объявления войны, японский военный флот атаковал русские боевые корабли, стоявшие на внешнем рейде Порт-Артура. Историк С. С. Ольденбург справедливо замечал: *«Подобный образ действий токийского правительства, не выждавшего даже передачи ему отправленного на днях от-*

¹ Дневник А. Н. Куропаткина. С. 131.

² Дневник А. Н. Куропаткина. С. 132.

вета императорского правительства, возлагает на Японию всю ответственность за последствия»¹.

27 января 1904 г. Николай II записал в своём дневнике: «Получил от Алексеева телеграмму с известием, что этой ночью японские миноносцы произвели атаку на стоявших на внешнем рейде “Цесаревич”, “Ретвизан”, “Палладу” и причинили им пробоины. Это — без объявления войны! Господь да будет нам в помощь!»².

Русская дипломатия во время русско-японской войны

Начавшаяся война с Японией подчинила себе всю внешнюю и внутреннюю политику государства. И хотя война шла за тысячи километров от Петербурга и Москвы и не на территории Российской империи, её влияние ощущалось всем русским обществом, в котором наблюдался взрыв патриотических чувств. Даже известная своими революционными настроениями учащаяся столичная молодёжь завершила свою университетскую сходку шествием к Зимнему дворцу с пением «Боже, Царя храни»! В скорой победе над «желтолицыми пигмеями» в обществе не сомневались. Однако Государь и военные профессионалы знали, что противник упорен, храбр и решителен. Император Николай II писал об этом кайзеру Вильгельму уже во время войны: «Японцы прекрасные и храбрые солдаты»³.

Главные цели России были: отразить все японские атаки, не допустить высадки японских войск в Маньчжурии, разгромить японский флот и заставить Японию либо пойти на компромисс с Россией по вопросам своего присутствия в Маньчжурии и Корее, либо вообще вытеснить Японию из этого региона. Самым главным в расчетах русского командования был выигрыш времени для

¹ Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 102.

² Дневник императора Николая II. Запись за 27 января 1904 г. //ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 247. Л. 19.

³ Император Николай II — императору Вильгельму II. 19 мая 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 329.

сосредоточения и развертывания основных сил русских войск. Генерал А. Н. Куропаткин докладывал царю: «Мы должны держать-ся против Японии оборонительного способа действия. Хотя мы и выдвинем свои войска на линию Мукден, Ляоян, Хайчен, но отстоять Южную Маньчжурию в первом периоде войны, если туда вторгнется вся японская армия, не можем. Мы должны готовиться, что Порт-Артур будет отрезан на довольно продолжительное время, и, не допуская наши войска до частного поражения, должны отступать по направлению к Харбину до тех пор, пока прибывшими с тыла подкреплениями не будем усилены настолько, что получим возможность, перейдя в наступление, разгромить японцев»¹.

Куропаткин также полагал, что, «незвизрая на благоприятные для Японии стратегические условия, мы, с течением времени, успеем сосредоточить на театре военных действий столь значительные силы, что превосходство их над силами противника вполне обусловит собою несомненность нашей над японцами победы»².

Те же мысли излагал ещё в мае 1903 г. начальник Главного штаба генерал-адъютант В. В. Сахаров: «Наш вероятный враг, Япония, — в случае вооруженного с нами столкновения будет первое время иметь значительное превосходство в силах... Поэтому до прибытия подкрепления из Сибирского [военного] округа и из Европейской России мы на Дальнем Востоке должны будем занимать строго выжидательное положение и главнейшая наша задача будет клониться к тому, чтобы не дать противнику возможности сколько-нибудь серьёзных над нами успехов. Только по сосредоточению достаточных сил мы будем вправе приступать к решительным действиям и искать боевых столкновений, дабы одержать успех, лишить противника всех достигнутых им выгод. [...] За это время мы можем понести значительные жертвы, до потери Порт-Артура включительно»³.

¹ Телеграммы и другие документы, относящиеся к переговорам с Японией перед русско-японской войной. [Копии] // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 514.

² Телеграммы и другие документы, относящиеся к переговорам с Японией перед русско-японской войной. [Копии] // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 514.

³ Телеграммы и другие документы, относящиеся к переговорам с Японией перед русско-японской войной. [Копии] // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 514.

На момент начала боевых действий Япония обладала подавляющим превосходством над русскими войсками (380 тыс. японцев при 820 орудиях против 134 тыс. русских при 148 орудиях). Однако в японском командовании знали, что перевес этот временный и что в течение года Россия перебросит в Дальневосточный регион значительные силы, которые полностью сведут на нет японские преимущества.

7 февраля 1904 г. Николай II освободил генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина от должности военного министра и назначил его главнокомандующим Маньчжурской армией. Современники ценили в генерале Куропаткине усидчивость и военные способности, но отмечали при этом отсутствие в нём большого полководческого таланта и харизмы военного вождя. Однако у генерала были «недостатки» куда более опасные, чем отсутствие полководческого гения. Накануне русско-японской войны А. Н. Куропаткин, будучи военным министром, не сообщал Государю важнейшую информацию о подготовительных планах Японии. В 1903 г. генерал В. Ф. Субботин передал Куропаткину свой анализ ситуации на Дальнем Востоке. Этот анализ имел очень важное значение для планирования будущих боевых действий против японцев. Но А. Н. Куропаткин не проинформировал Государя об этой работе!¹

Военный агент в Японии полковник В. К. Самойлов сообщал Куропаткину важнейшие сведения о японской армии. Самойлов постоянно доносил, что японская армия сильна, хорошо снабжена. Ни один из этих докладов также не был доложен императору². Подобные действия Куропаткина до сих пор труднообъяснимы.

Стратегические планы русского командования хорошо видны из записки А. Н. Куропаткина на Высочайшее имя: *«Важнейшей нашей задачей в начале войны должно служить сосредоточение наших войск. Для достижения этой задачи мы не должны дорожить*

¹ Телеграммы министра иностранных дел, русских посланников в Японии и Китае, журнал Особого совещания и другие документы, относящиеся к переговорам с Японией перед русско-японской войной. [Копии] // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 514. Л. 24.

² Никольский Е. А. *Записки о прошлом*. — М.: Русский путь, 2007. С. 87–89.

никакими местными пунктами, никакими стратегическими соображениями, имея в виду главное — не давать противнику возможности одержать победу над нашими разрозненными войсками. Только достаточно усилившись и подготовившись к наступлению, переходить в таковое, обеспечив себе насколько возможно успех»¹.

Император Николай II самым активным образом следил за ходом боевых действий и давал соответствующие указания. Чтобы понять, насколько царь был занят мыслями о военных действиях, достаточно привести телеграммы командующему Маньчжурской армией. 27 апреля 1904 г. Николай II писал Куропаткину: *«Из доложенной мне военным министром вашей телеграммы я усматриваю, что указания Наместника относились к тому времени, когда наши войска занимали ещё линию Ялу. С тех пор обстоятельства резко переменились: Восточный отряд, неся большой урон, отступил и неприятель продвинулся за Фынху, чем Порт-Артур — отрезан. Поэтому теперь вопрос может идти не о поддержке Порт-Артура, а о его вырубке. Я признаю сосредоточение армии в кратчайший срок из того положения, которое оно ныне занимает и которое мне представляется крайне опасным»².* Такие телеграммы Государь регулярно отправлял на фронт, особенно во время отступления русских войск и неудач на Маньчжурском фронте. Кроме того, император Николай II часто выезжал на проводы войск, отправлявшихся на Дальний Восток.

Загруженность царя военными делами проходила в крайне сложной международной обстановке. Англия и САСШ открыто приветствовали нападение Японии на Россию. Английские и американские пароходы, чаще всего под флагом дружественной Германии, вели шпионаж возле Порт-Артура и передавали полученные сведения японскому командованию.

¹ Телеграммы и другие документы, относящиеся к переговорам с Японией перед русско-японской войной. [Копии] // ГА РФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 514. Л. 31.

² Телеграмма императора Николая II главнокомандующему Маньчжурской армии генералу А. Н. Куропаткину // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. Б/Н.

Английская Daily Mail писала зимой 1904 г.: «Россия должна быть уничтожена. Этот тяжёлый мастодонт, готовый проглотить всю Азию, зашёл слишком далеко»¹. После гибели «Варяга» и «Корейца» американский президент Т. Рузвельт писал своему сыну: «Я в высшей степени рад японской победе, ибо Япония играет нашу игру»².

В Петербурге стало известно, что Англия склоняется оказать Японии не только финансовую помощь, но и военную. Офицеры Ирландского корпуса получили приказ немедленно выехать в Индию, резервисты флота должны были сообщить в Лондонское адмиралтейство свои адреса, английская фирма Гиббса закупала чилийские и аргентинские броненосцы для японского правительства³.

Но если в отношении Англии в России не строили никаких иллюзий, то несостоятельность французских заверений о том, что Париж контролирует Лондон и что войны с Японией не будет, была воспринята в Петербурге болезненно. Вёдь еще накануне нападения японцев на русский флот Делькассе убеждал Ламздорфа: «из хорошего источника ему известно, что усилия Японии заключить заём в Лондоне потерпели неудачу» и что Англия не окажет Японии никакой поддержки⁴.

В условиях, когда вероятность войны с Англией возрастала, её сближение с Францией, главным союзником России, становилось для Петербурга всё более подозрительным. Отношение к англо-французскому сближению со стороны России ухудшилось еще больше после 8 апреля 1904 года, когда между Англией и Францией был подписан ряд договоров, вошедших в историю, как «Сердечное согласие» (L'Entente Cordiale), известное больше как Антанта. Но не Антанта сама по себе вызвала ухудшение франко-русских отношений. Наоборот, вначале Россия отреагировала на англо-французский договор скорее положительно,

¹ Цит. по: Русский вестник. 1904. Июль. № 7.

² Pringle (H.) *Theodore Roosevelt*. — New York, 1931. P. 375.

³ РГВИА, Фонд 165 (Куропаткин). Оп. 1. Д. 3587. Л. 44.

⁴ АВП РИ. Фонд «Секретный архив».

чем отрицательно. Накануне подписания «Сердечного согласия», 31 марта 1904 г. Ламздорф рекомендовал русскому послу в Париже А. И. Нелидову не высказывать никакого негативного отношения к подписанию англо-французского соглашения, более того, поддержать его. *«Ваши сообщения о подготавливаемых проектах между Францией и Англией вызвали живейший интерес и привлекли особое внимание Его Императорского Величества. Объяснения, данные по этому поводу господином Делькассе, вполне удовлетворительны, и я думаю, что у нас нет никаких оснований быть обеспокоенными сближением Франции и Англии»*¹.

Это объяснялось тем обстоятельством, что в условиях начавшейся русско-японской войны Россия делала всё, чтобы сохранить нейтралитет Англии. Правда, реакция русского общества на подписание англо-французского соглашения было в целом резко отрицательной, особенно по отношению к Франции. *«Для большинства русских, — сообщал французский посол в Петербурге М. Бомпар, — Франция объединилась с союзником Японии в тот момент, когда её собственный союзник был предательски атакован этой наглой нацией»*².

Нападение японцев на русскую эскадру у Порт-Артура было внезапным не только для русских, но и для французов. Постоянно заверяя Петербург, что Англия не поддерживает японцев и старается удержать их от войны, французские правящие круги, узнав о японской атаке, оказались в весьма щекотливом положении. Одновременно они испытывали и смущение перед Россией, и раздражение за то, что та проводила полностью самостоятельную политику в Маньчжурии, не желая допускать кого-либо в этот регион и не прислушиваясь к советам Франции. Таким образом, вся ответственность за развязывание войны, по мнению Парижа, ложилась на Россию, а потому Франция могла полностью отмежеваться от участия в конфликте. Узнав об объявлении японским микадо войны России, Делькассе, выступая на заседании совета министров

¹ Граф В. Н. Ламздорф — А. И. Нелидову. 31 марта 1904 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 150.

² Bompard (Maurice). Op. cit. P. 54.

в Париже, воздержался от каких-либо сильных слов в поддержку России, заявив лишь, что «по просьбе русского правительства французскому посланнику в Токио поручена охрана русских интересов»¹. Тогда же Франция заявила русскому правительству, что военный союз с Россией о взаимопомощи касается только Европы и не распространяется на Дальний Восток.

Несмотря на то что русские газеты и журналы пестрели статьями о том, что «в дружественной нам союзной Франции многие из молодежи выразили желание идти добровольцами в русскую армию, а французская печать единодушно осуждает предательское нападение японцев»², правительство понимало, что Франция останется сторонним наблюдателем, в лучшем случае доброжелательным. В Петербурге прекрасно знали, что газеты лгут и что на самом деле французское общественное мнение не на стороне России. Особенно это становилось очевидным, когда счёт войны уже пошёл на недели, а из Парижа не донеслось ни одного громкого слова в поддержку своего союзника. Вскоре и русская пресса была вынуждена констатировать: «Европа безмолвствует. Неужели молчание — знак согласия, одобрения Японии?»

По мере расширения масштабов русско-японской войны отношения между двумя союзниками продолжали ухудшаться. В 1904 г. состоялось совещание начальников Генеральных штабов России и Франции. На этом совещании французский генерал Пендзек выступил с просьбой разрешить Франции в случае, предусмотренном Конвенцией 1892 г., задействовать половину своих сухопутных сил (350 тыс. человек) не немедленно, а лишь на 12-й день войны³. Это предложение не было принято русской стороной, и совещания начальников штабов не возобновлялись до 1906 г.

Если со стороны французской военной разведки чувствовалась определенная помощь, то во внешнеполитической области всё больше дул холодный ветер. С началом войны французский посол Морис Бомпар во время аудиенций у царя почти открыто

¹ Нива. 1904. № 6. С. 120.

² Нива. 1904. № 7. С. 140.

³ Les Tsars et la République. — Paris, 1993. P. 35.

указывал Государю на тот политический тупик, в который, по его мнению, Николай II заводит Россию и франко-русский союз. Однако эти советы и предупреждения, и без того плохо воспринимаемые императором, были окончательно скомпрометированы в его глазах после того, как в середине 1904 г. ему стало известно, что некоторые французские банки финансируют поставки оружия и артиллерии японской армии¹.

Летом 1904 г. произошёл ещё один неприятный для франко-русского союза инцидент. Русский крейсер «Диана», уходя от преследования японцев, зашёл во французский Сайгон. Там он был интернирован, то есть разоружён. При этом французские колониальные власти задержали всех русских моряков (многие из которых умерли в Сайгоне от эпидемий) и долго их не отпускали, что противоречило не только союзническим отношениям, но даже статусу Франции как нейтрального государства².

Во многом такому изменению отношения к своему ещё недавно столь превозносимому союзнику способствовало отступление русских войск в Маньчжурии. Былая уверенность в могуществе русского оружия, которому не может противостоять никакая сила в мире, сменилась разочарованием и скепсисом. «В России всё гнило, — доносил в Париж военный атташе Мулен, — все требует переустройства и пересоздания; большинство лиц, стоящих во главе правительства и армии, являются ничтожествами. Генерал Куропаткин, корпусные командиры действующей армии — всё это ничтожества без прошлого, не внушающие к себе никакого доверия. Среди руководителей событиями на Дальнем Востоке господствует разлад, несогласие, взаимные нарекания-пререкания»³.

У французской стороны невольно возникал вопрос: имеет ли смысл оставаться в союзе с таким государством, которое неспособно разбить даже такого второстепенного противника, как Япо-

¹ Hogenhuis-Seliverstroff (Anne). *L'alliance Franco-Russe*. — Paris, 1997. P. 183.

² Les Alliées contre la Russie avant, pendant et après la guerre mondiale. (Faits et Documents). — Paris. S/A. P. 22.

³ Colonel Moulin au général André // SHAT. 7N 1219–1223.

ния? Особенно это мнение поддерживалось французскими социалистами и их товарищами в правительстве. Французские военные, соглашаясь во многом с критикой русского командования, тем не менее пытались защитить Россию, указывая на ту помощь, которую оказывают Японии Англия и САСШ и утверждая, что Россию ни в коем случае нельзя списывать со счетов, более того, такое списывание опасно, прежде всего, для самой Франции. Однако их голос тонул в антирусской пропаганде могущественных политических сил III Республики. *«Несмотря на то, — доносил военный агент полковник В. П. Лазарев, — что масса армии и населения сохраняют пока ещё симпатии к России, официальный Париж принялся за разрушение того, что некогда рассматривалось неоспоримой истиной»*¹.

Между тем Англия решила воспользоваться подписанием союзного договора с Францией для налаживания контактов с Россией. В Лондоне полагали, что неплохо бы закончить войну на Дальнем Востоке, пока успехи Японии не стали слишком значительны или, наоборот, пока Россия не нанесла японской армии поражение. 25 марта/8 апреля 1904 г. находящийся в Копенгагене король Эдуард VII в беседе с русским послом заявил: *«Заключение англо-французского соглашения даёт мне надежду, достичь теми же методами, но больших результатов, заключения подобного же договора с Россией, заключение которого всегда было и продолжает оставаться объектом моих искренних желаний»*². Кроме того, король много говорил о своем стремлении способствовать прекращению русско-японской войны.

Николай II верно оценил это заявление короля как попытку навязать России английское посредничество в заключении мира с Японией. В своем письме Эдуарду VII царь напоминал, что Россия не вмешалась в англо-бурскую войну³. Король был весьма недо-

¹ Донесение военного агента полковника В. П. Лазарева // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 460. Л. 12.

² Остальцева А. Ф. Указ. соч. С. 67.

³ Император Николай II — королю Эдуарду VII // АВП РИ. Ф. Канцелярия МИД. 1904. Д. 86. Л. 46.

волен этим сравнением, считая, что в Трансваале была заинтересована только одна Англия, тогда как в Дальнем Востоке заинтересован целый ряд государств. В своём письме к Николаю II английский король утверждал, что Англия будет соблюдать нейтралитет, но при этом подчеркнул, что она заинтересована в таких условиях мира, при которых будут гарантированы её «особые интересы в Маньчжурии»¹.

Инициатива английского короля не привела ни к каким результатам. Обе стороны, Россия и Англия, признали невозможным вести переговоры о сотрудничестве во время войны. 30 июля/12 августа 1904 г. у царской четы родился долгожданный наследник, цесаревич Алексей Николаевич. Его крестины, состоявшиеся 11/24 августа в дворцовом храме Большого Петергофского дворца, стали поводом для встречи представителей ведущих европейских царствующих домов. Почётными восприемниками цесаревича были король Англии Эдуард VII, его представлял принц Людвиг Баденский, германский император Вильгельм II, его представлял принц Генрих Прусский, и датский король Христиан IX, его представлял наследный принц Христиан. Однако родственные монархические связи не смогли возобладать над существующими противоречиями между державами.

В частности, дружеская беседа императора Николая II с принцем Баденским не была в состоянии остановить рост напряженности «холодной» войны между Англией и Россией. И вскоре обе стороны оказались на пороге войны «горячей».

Гулльский инцидент

Потери 1-й Тихоокеанской эскадры и перевес флота противника на театре боевых действий привели Николая II к решению отправить на Дальний Восток 2-ю Тихоокеанскую эскадру под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского. На совещании у императора в Петергофе 2-й Тихоокеанской эскадре была

¹ Король Эдуард VII — Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1388. Л. 23—26.

поставлена следующая главная задача: «*Достигнуть Порт-Артура и соединиться с первой эскадрой для совместного затем овладения Японским морем...*»

Эскадра должна была осуществить переход из Балтики в Тихий океан, прийти на помощь осаждённому Порт-Артуру и завоевать господство на море. Кроме того, действия эскадры должны были пресечь концентрацию японских войск в Маньчжурии.

Основные силы русской эскадры вышли из Либавы 2-го октября 1904 г. Русскому командованию было известно, что Англия оказывает активную помощь японцам. Рожественский также имел сведения, что в Северном море его будут ждать японские эсминцы. В ночь с 8-го на 9 октября в Северном море, недалеко от английского порта Гуль, с русских кораблей были замечены сигнальные огни каких-то судов, показавшихся подозрительными. Опасаясь нападения, Рожественский приказал открыть огонь, посчитав, что эти корабли — японские. На следующий день английские телеграфные агентства известили всему миру, что русская эскадра напала на английские рыболовецкие суда.

Однако изучение имеющихся источников позволяет сделать более чем вероятный вывод о том, что в Северном море против русской эскадры была осуществлена англо-японская провокация, причём с использованием действительно японских или английских миноносцев. В своём рапорте в Морское министерство от 15 октября 1904 г. вице-адмирал З. П. Рожественский докладывал, что утром 8 октября корабли его эскадры были атакованы миноносцами, чью принадлежность установить не удалось, так как они шли с потушенными фонарями в условиях сильного тумана¹. Эти миноносцы двигались в окружении рыбацких баркасов. Присутствие последних стало понятно только после того, как они были освещены прожекторами русских кораблей. В этот момент эскадра уже открыла ответный огонь по миноносцам. Однако при об-

¹ Строевой рапорт командующего 2-й эскадрой флота Тихого океана вице-адмирала Рожественского в Морское министерство. 15 октября 1904 г. // Павлов Д. Русско-японская война 1904—1905 гг. Секретные операции на суше и на море. — М.: Материк, 2004. С. 389.

наружении баркасов Рожественский отдал приказ по ним огонь не вести. Вся стрельба продолжалась менее десяти минут. «По некоторым из собранных показаний, — докладывал З. П. Рожественский, — миноносец, безжавший по правому борту, должен был сильно пострадать, а левый скрылся удачно. Могли пострадать и находящиеся на месте происшествия паровые борта рыбаков, но нельзя было не отгонять всеми средствами атакующих миноносцев из опасения причинить вред неосторожно вовлечённым в покушение судам мирных граждан, из которых некоторые забывали зажигать свои отличительные огни рыболовных судов»¹.

Согласно сообщениям Рожественского, в крейсер «Аврору» попало рикошетированных или перелетевших 5 снарядов, которыми был тяжело ранен священник и легко ранен комендор². Впоследствии, правда, утверждалось, что эти повреждения были причинены крейсеру огнём своих же судов.

18 ноября 1904 г. министр внутренних дел П. Д. Святополк-Мирский представил Николаю II записку, в которой доложил о расследовании «сведений о нападении, произведённом в Северном море на суда 2-й Тихоокеанской эскадры»³. Святополк-Мирский отмечал, что за 6 дней до выхода эскадры Рожественского в поход в районе будущего столкновения английский лоцман парохода «Титания» Лукас видел два миноносца без флагов и огней, которые показались ему подозрительными. При попытке парохода приблизиться к ним миноносцы на высокой скорости ушли.

7 октября, когда эскадра Рожественского остановилась у датского мыса Скаген, чтобы пополнить запасы угля, подошло русское военно-топографическое судно «Бакан». Его командир до-

¹ Строевой рапорт командующего 2-й эскадрой флота Тихого океана вице-адмирала Рожественского в Морское министерство. 15 октября 1904 г. // Павлов Д. Указ. соч. С. 390.

² Строевой рапорт командующего 2-й эскадрой флота Тихого океана вице-адмирала Рожественского в Морское министерство. 15 октября 1904 г. // Павлов Д. Указ. соч. С. 390.

³ Всеподданнейшая записка министра внутренних дел князя П. Д. Святополк-Мирского от 18 ноября 1904 г. // Павлов Д. Указ. соч. С. 396.

ложил адмиралу Рожественскому, что накануне ночью он видел в море четыре миноносца, шедших под одними топовыми огнями, чтобы их приняли за рыбацкие суда.

8 октября, т.е. в день столкновения, в том же районе капитан французского корабля «Сан-Андре» Ж.-Б. Эсноль видел стоящий в море миноносец, без флага и с потушенными огнями¹. Также удалось установить, что в канун и в момент инцидента в Гулле с тайной миссией находились японские подданные, бывшие, по всей видимости, представителями японской разведки.

По всей видимости, японские, а может быть, даже и английские миноносцы, пользуясь сильным туманом, без опознавательных знаков, под прикрытием рыбацкого «флота», подошли в непосредственную близость к русской эскадре и спровоцировали русские корабли на открытие огня, после чего скрылись. Видимым результатом инцидента, о котором вскоре узнал весь мир, были два убитых английских рыбака, шесть раненых и потопленный рыбацкий траулер.

10 октября английское агентство «Рейтер» сообщило о «нападении русской эскадры на английских рыбаков», причём число убитых было увеличено вдвое. Событие вызвало взрыв негодования в английском общественном мнении. «Нападение на рыбаков, — писал английский историк Р.-М. Каннегтон, — было воспринято как покушение на статус и достоинство Англии, владычицы морей и великой державы»². Пресса всего мира заговорила о почти неизбежной войне между Россией и Англией. Особенно яростно атаковала Россию английская пресса. Николай II заметил по этому поводу: «Какие мерзости, в смысле лжи и клеветы, распространяют английские газеты про Россию!»³

¹ Всеподданнейшая записка министра внутренних дел князя П. Д. Святополк-Мирского от 18 ноября 1904 г. // Павлов Д. Указ. соч. С. 399.

² Connaughton R.-M. *Rising Sun and Tumbling Bear: Russia's War with Japan*. — Cassel, 2007. P. 247.

³ Император Николай II — графу В. Н. Ламздорфу. 15 января 1905 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 102.

Английские газеты действовали в унисон с японскими, которые, отрицая факт посылки в Северное море своих кораблей, утверждали: «Позволять себе подобное насилие над международно признанными нормами может только тот, кто не имеет ничего общего с цивилизованными народами. Этот вопиющий инцидент не мог быть следствием простой ошибки. Нет сомнений, что правительство пострадавшей стороны примет против России адекватные меры»¹.

Николай II направил английскому королю Эдуарду VII телеграмму со словами сожаления и соболезнования. То же самое сделал в устной форме посол в Лондоне граф Бенкендорф. Тем не менее от официальной оценки царь воздержался до получения сведений от Рожественского. Когда же 14 октября эти сведения были получены, оказалось, что картина событий в корне иная. Рожественский утверждал, что «случай в Немецком море был вызван двумя миноносцами, шедшими в атаку без огней под прикрытием темноты»².

Премьер-министр Великобритании лорд А. Бальфур назвал слова Рожественского «чистой фантазией» и добавил: «Всякий флот, который понимает свои права так, как понял их русский адмирал, надо было бы преследовать и уничтожить»³.

Николай II был уверен, что со стороны Англии это было преднамеренной провокацией в пользу Японии. Государь писал Ламздорфу: «Прочитывая агентские телеграммы за последние дни, я обратил внимание на те известия о встречах эскадры Рожественского с английскими военными судами, которые эти последние давали по приходе в первый порт. Имена этих английских судов "Iphigenia" и "Sutley" — оба крейсера. Мне очень было бы интересно знать, что ответит Вам Гардинг⁴ на Ваш вопрос: согласны ли с нейтралитетом подобные оповещения на весь мир военным судном о движении одной

¹ Павлов Д. Указ. соч. С. 98.

² Павлов Д. Указ. соч. С. 99.

³ Теплов В. Происшествие в Северном море // Русский вестник. 1905. Март, № 3.

⁴ Барон Чарльз Гардинг — в 1904—1906 гг. посол Великобритании в России.

из воюющих держав и полное замалчивание сведений относительно местопребывания флота другой стороны?»¹

Между тем в английском парламенте полным ходом шли призывы к войне с Россией. «Война может быть вопросом нескольких часов, — писала *The Times*, — Англии остаётся лишь один путь»². Эти слова не были пустым звуком. Ещё в середине 1904 г. английский генеральный штаб разработал планы нападения на Россию. Они предусматривали ведение боевых действий на Балтике и в Центральной Азии³. Планы эти стали известны русской разведке. В русском МИДе также знали, что готовится английский десант на Кавказское побережье России⁴.

В этой связи для России была принципиально важна позиция, которую займёт Франция. В октябре 1904 г. Гульский инцидент рассматривался особой международной комиссией, заседавшей в Париже. В ходе разбирательства России не удалось привести прямых доказательств присутствия японских военных судов ни в ночь на 9 октября 1904 г. на Доггер-Банке, ни в европейских водах в описываемое время. Парижская комиссия решила, что Гульский инцидент стал трагической случайностью.

Во время работы комиссии по Гульскому инциденту в Париж прибыл директор департамента полиции А. А. Лопухин. В ходе проведенных им неофициальных переговоров с президентом республики Э. Лубе, министром иностранных дел Т. Делькассе и руководителями французских секретных служб Франция выразила готовность и впредь оказывать услуги российской секретной полиции в рамках франко-русского союза⁵. Однако в то же время русский военный агент полковник В. П. Лазарев сообщил в своей шифрограмме от 24 октября 1904 г.: «Ввиду неопреде-

¹ Император Николай II — графу В. Н. Ламздорфу. 15 января 1905 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 106.

² Теплов В. *Происшествие в Северном море* // Русский вестник. 1905. Март, №3.

³ Данилов О. Ю. Указ. соч. С. 35.

⁴ Данилов О. Ю. Указ. соч. С. 36.

⁵ ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 316. 1904-П. Д. 19.

ленности отношений с Англией, считаю долгом донести, что Франция ни в каком случае не окажет вооруженное содействие нам в борьбе с Англией»¹.

Дело принимало для России крайне опасный оборот. Возможность того, что на стороне Японии открыто выступит Англия, становилась всё более реальной, а на Францию при таком развитии событий рассчитывать не приходилось. В этот момент на политическую арену вышла Германия со своими предложениями о военном и политическом союзе.

Император Николай II и кайзер Вильгельм: кто кого переиграл в Бьёрке?

Фактическая изоляция России в обстановке английской военной угрозы заставила русское правительство срочно искать выходы из опасной и крайне странной ситуации: находясь в состоянии войны с Японией, Россия была союзником Франции, которая заключила «Сердечное согласие» с Англией, союзницей Японии. Англия же сама была на грани войны с Россией.

20 октября 1904 г., выполняя распоряжение царя, граф Ламздорф сообщал русскому послу в Париже А. И. Нелидову: «Необходимо во что бы то ни стало поставить категорично вопрос: что будет делать Франция в случае разрыва Англии с Россией? Это поставит французское правительство перед очень серьёзным испытанием, тогда как было бы очень самонадеянно с нашей стороны оставить этот вопрос неопределённым»². Французы никаких чётких ответов не давали, пускаясь, как они часто это делали, в пространные заверения в своей преданности подписанному союзу.

Тон германского правительства в отношении России в связи с начавшейся русско-японской войной был дружественным только на словах. Летом 1904 г. Германия навязала России крайне невы-

---

¹ Доклад военного агента полковника В. П. Лазарева. 24 октября 1904 г. // РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 209.

² Граф В. Н. Ламздорф — А. И. Нелидову // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 150. Л. 74.

годный торговый договор, согласно которому целые отрасли русской промышленности (особенно химические производства и машиностроение) были лишены таможенного покровительства, а потому не могли успешно развиваться. Россия была вынуждена приобретать машины и химические продукты в Германии.

После неудач русской армии в Маньчжурии кайзер счёл уничтожение русской армии настолько вероятным в самом ближайшем будущем, что уже готов был поздравлять микадо с победой и обещать не противиться занятию японскими войсками Порт-Артура. Бюлову, однако, удалось отговорить своего повелителя от такого поспешного и неблагоприятного шага¹. Тем более что Николай II в своём письме заверил кайзера: «Россия доведёт эту войну до конца: до тех пор, пока последний японец не будет выгнан из Маньчжурии; только тогда можно будет толковать о мирных переговорах»².

24 августа 1904 г. русский посланник в Королевстве Бавария А. В. Вестман сообщил из Мюнхена, что во время встречи императора Вильгельма и короля Эдуарда в Киле там же находился известный французский дипломат и общественный деятель барон П.-А. д'Эстурнель де Констан, который почти каждый день встречался и подолгу беседовал с Вильгельмом II. Это вызвало целый ряд выступлений в прессе в пользу англо-франко-германского сближения³.

Можно представить, какую обеспокоенность в Петербурге могли вызвать даже слухи о возможности такого альянса в тот момент, когда русская армия вела тяжёлые бои на полях Маньчжурии! Газета «Новости дня» писала: «Немецкие газеты сообщают, что во время последнего свидания императора Вильгельма и короля Эдуарда в Киле велись переговоры о том, чтобы к англо-германскому соглашению примкнула Франция»⁴.

¹ Романов Б. А. Указ. соч. С. 369.

² Император Николай II — императору Вильгельму II. Не позднее 8 октября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 339.

³ АВПРИ, фонд «Секретный архив».

⁴ Новости дня. Ежедневная газета. 9 августа 1904 г.

Однако царю было трудно поверить в возможность сближения Германии с Францией и Англией, ведь подписание «Сердечного соглашения» было направлено исключительно против Германии. После соглашения с Францией английское адмиралтейство стянуло в свои воды около 160 военных кораблей, которые до этого оно было вынуждено держать главным образом в Средиземном море из-за опасения войны с Францией. Теперь, наоборот, Франция прикрывала тыл англичан, и поэтому последние могли смело сосредотачивать свой флот против Германии. Более того, в английских военных кругах зрела мысль о превентивном ударе по строящемуся германскому флоту. Император Вильгельм II прямо указывал на эту опасность канцлеру Б. фон Бюлову: *«Я сегодня получил новое сообщение о том, что англичане вскоре должны объявить нам войну, так как наш флот пока ещё настолько мал, что его можно уничтожить без опасности для Англии, а через два года будет уже поздно»*¹.

В Петербурге правильно оценили слухи о возможности создания англо-франко-германского блока газетной «уткой», раздутой мюнхенской Allgemeine Zeitung, инспирируемой германской разведкой².

После Гулььского инцидента, когда Англия стала открыто готовиться к войне против России, Вильгельм II решил, что настал благоприятный момент для реализации своих планов. Воспользовавшись сложным положением России, кайзер хотел втянуть её в фарватер своей политики, отстранить от европейских дел, полностью захватить русский внутренний рынок и разорвать франко-русский союз.

14 октября 1904 г. в телеграмме Николаю II кайзер писал: *«Английская печать грозит Германии, что ей ни в коем случае не будет дозволено снабжать Балтийскую эскадру углём теперь, когда она в пути. Нет ничего невозможного, что правительства Японии и Англии сообща заявят протест против снабжения нами ваших кора-*

¹ Die Große Politik. Band XIX. № 6126.

² Донесение русского военного агента в Берлине. Октябрь 1904 г. // РГВИА, Фонд 165. Д. 3588.

блей углём, присоединив к нему "требование" о прекращении этого в дальнейшем. Конечным результатом такой угрозы — войной — была бы полная неподвижность Твоего флота и невозможность для него достигнуть своего назначения вследствие отсутствия топлива. Эту новую опасность должны встретить сообща Россия и Германия, которым пришлось бы обоим напомнить Твоей союзнице Франции об обязательствах, принятых ею на себя в силу договора о двойственном союзе с Тобой. Не может быть и речи о том, чтобы в ответ на подобное приглашение Франция попыталась уклониться от исполнения своей бесспорной обязанности по отношению к своему союзнику. Хотя Делькассе — ярый англофил, но он достаточно умен, чтобы понять, что английский флот совершенно не в состоянии спасти Париж! Таким путём создалась бы мощная комбинация трёх наиболее сильных континентальных держав, и, прежде чем напасть на неё, англо-японской группе не раз пришлось бы подумать»¹.

Ответная телеграмма Николая II показывает, насколько серьёзно было положение России после инцидента в Северном море. «Твоя телеграмма, — отмечал Николай II, — получена в очень серьёзный момент. Сердечно благодарю Тебя за неё. Из телеграммы нашего адмирала Ты, конечно, узнал первые подробности инцидента в Северном море. Это, конечно, совершенно меняет характер происшедшего. Не нахожу слов выразить своё негодование по поводу поведения Англии. [...] Я вполне разделяю Твоё неудовольствие по поводу поведения Англии в вопросе снабжения наших кораблей углём; она понимает сохранение нейтралитета своеобразно. Безусловно, пора положить этому конец. Единственное средство этого достигнуть, как Ты говоришь, это чтобы Германия, Россия и Франция пришли к соглашению уничтожить англо-японское высокомерие и нахальство. Как только он будет нами принят, Франция должна будет присоединиться к своей союзнице. Этот план приходил мне часто в голову, он принесёт мир и спокойствие всему миру»².

¹ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 14 октября 1904 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1924. Т. 5. С. 5—6.

² Император Николай II — императору Вильгельму II. Не позднее 16 октября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 341—342.

По мнению Николая II, предлагаемая Вильгельмом комбинация могла стать для России большим успехом. Она позволяла решить сразу несколько задач. В случае заключения договора с немцами царь, естественно, должен был сообщить о нём французам. Согласно изменениям в русско-французской конвенции 1901 г., Франция и Россия обязаны были вступаться друг за друга в случае нападения Англии на одного из союзников. Если бы Франция согласилась примкнуть к русско-германскому союзу, она, в случае нападения Англии на Россию, была бы вынуждена объявить войну Англии и воевать с англичанами в союзе с русскими и немцами. Но Николай II понимал, что для Франции, которая только наладила союзные отношения с Англией, такой расклад событий был бы крайне нежелателен и что Франция сделает всё от неё зависящее, чтобы отговорить Англию от войны с Россией.

Кроме того, сама по себе идея кайзера о союзе «Континентальных держав» (России, Германии и Франции), при условии соблюдения интересов всех сторон, не могла не импонировать Николаю II. Однако уже тогда царь понимал, что главной целью Германии является раскол франко-русского союза. Николай II писал кайзеру, что присоединение Франции к русско-германскому договору — вопрос решённый, хотя на самом деле он не мог не понимать, что Франция этого делать не будет.

На наш взгляд, начиная дипломатическую игру с кайзером, Николай II преследовал следующие цели: 1) предотвратить вступление Англии в войну против России; 2) заставить Францию, под угрозой объединения с Германией и совместной войны с Англией, вынудить её оказать давление на Лондон; 3) втянув Германию в активную антианглийскую деятельность, не допустить все еще имеющиеся возможности Германии и Англии договориться между собой против России.

Граф Ламздорф цели царя не понял и поэтому с тревогой докладывал ему 16 октября 1904 г., что не может *«не усмотреть в предложениях германского правительства постоянное стремление его расстроить дружеские отношения между Россией и Францией. С этой точки зрения я считал бы совершенно несвоевремен-*

ным ставить какие-либо категорические вопросы французскому правительству»¹. Ламздорф предлагал императору указать послу графу Остен-Сакену «на необходимость крайней осторожности в столь щекотливом вопросе»².

Однако Николай II стремился именно к тому, чего так боялся Ламздорф. Царь хотел добиться наибольшего эффекта от известия о русско-германском сближении. Для выхода из крайне опасной ситуации, сложившейся после Гулььского инцидента, царю необходимо было заставить призадуматься как Англию, так и Францию. Поэтому Николай II ответил Ламздорфу, что не согласен с ним: «Вы увидите из моего ответа на телеграмму императора Вильгельма, что я сильно стою в настоящее время за такого рода соглашения с Германией и Францией. Это избавит Европу от чрезмерного нахальства Англии и будет весьма полезно в будущем»³.

Вильгельм II воспринял согласие царя как большой дипломатический успех. В своей следующей телеграмме он, не скрывая чувства радости, писал: «Дорогой Ники! Твоя милая телеграмма доставила мне удовольствие, показав, что в трудную минуту я могу быть тебе полезным. Пусть будет так, как ты говоришь. Будем вместе»⁴.

Дальнейшие строки Вильгельма II свидетельствуют, что кайзер действовал в согласии с влиятельными кругами САСШ. Дело в том, что к началу 1905 г. верхи Соединённых Штатов, одни из главных поджигателей русско-японской войны, опасались, что успехи англо-японской коалиции, в случае вступления Англии в войну на стороне Японии, приведут к чрезмерному усилению Великобритании как в регионе, так и в мире. Это совсем не улыба-

¹ Доклад графа В. Н. Ламздорфа императору Николаю II. 16 октября 1904 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1924. Т. 5. С. 6.

² Доклад графа В. Н. Ламздорфа императору Николаю II. 16 октября 1904 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1924. Т. 5. С. 7.

³ Помета императора Николая II на докладе графа В. Н. Ламздорфа // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1924. Т. 5. С. 6.

⁴ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 17/30 октября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 342.

лось американцам. Военное поражение России, по мнению американских политико-финансовых кругов, должно было привести не к усилению Англии и Японии, а к ослаблению России и усилению САСШ. Союз кайзера и царя не мог остановить продвижение японцев, но совершенно определённо мог остановить англичан. Поэтому Вильгельм II в своём письме сообщал Николаю II: *«Очень важно, чтобы Америка не видела для себя угрозы в нашем соглашении. Рузвельт, как мне известно, в силу врождённой антипатии американцев ко всякой цветной расе, не питает особой склонности к Японии, хотя Англия изо всех сил старается повлиять на американцев и настроить их в пользу Японии»*¹.

При этом, конечно, германский император не мог не знать, что японцы бомбят Порт-Артур, используя, по совету американских военных, воздушные шары американского производства. Об этом открыто писали как американские, так и русские газеты и журналы.

Далее в своём письме Вильгельм II убеждал царя в бесполезности и ненужности союза с Францией, не подкреплённого союзом с Германией. *«Мне достоверно известно, — писал он, — что не дальше как в декабре прошлого года французский министр финансов Рувье, по собственному почину, заявил финансовому агенту одной державы, что Франция ни в коем случае не присоединится к вам в русско-японской войне, даже если Англия встанет на сторону Японии. Чтобы сделать этих республиканцев более надёжными, Англия передала Франции Марокко. Полная уверенность, что Франция намерена оставаться нейтральной и даже оказывать дипломатическую поддержку Англии, — вот причина необыкновенно грубой уверенности английской политики настоящего момента. Это неслыханное положение вещей изменится к лучшему, как только Франция очутится перед необходимостью выбрать, к кому ей примкнуть, и когда ей придётся открыто высказаться за Петербург или за Лондон. [...] Если Ты и я будем стоять плечом к плечу, то важнейшим последствием этого будет то, что Франция должна будет откры-*

¹ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 17/30 октября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 343.

то и формально присоединиться к нам обоим и таким образом выполнить наконец по отношению к России возложенные на неё договором обязательства»¹.

Убеждая царя в вероломстве Франции, кайзер призывал Государя не оказывать на неё давление, так как Делькассе и Камбон примкнули к британской точке зрения по Гульскому инциденту и «с этим отношение французского правительства определилось как сочувствующее Англии. Если мы в этом вопросе окажем давление на Францию, то она, несомненно, примет сторону Англии, а это как раз нам и нежелательно»².

Таким образом, мысль императора Вильгельма сводилась к следующему: Россия заключает с Германией союзный договор, до поры до времени ничего не сообщая об этом Франции. Это никоим образом не мешало вовлечь Англию в войну с Россией. Когда же Франция окажется поставленной перед фактом русско-германского союза, она будет вынуждена либо примкнуть к нему, что крайне маловероятно, либо выступить против России и Германии на стороне Англии и Японии, что означало бы полный развал франко-русского союза. Но даже в случае присоединения Франции к русско-германскому союзу она попадала в зависимость от Германии и утрачивала независимость своей политики. Таким образом, Германия становилась главной державой в Европе, не имеющей себе конкурентов. Таковы были планы императора Вильгельма, когда он посылал проект союзного договора Николаю II. Смысл этих планов удачно выразил В. Н. Ламздорф: «Истинные цели императора Вильгельма, — писал министр А. И. Нелидову в октябре 1904 г., — совершенно разрушить франко-русский союз и получить возможность окончательно скомпрометировать нас в Париже и Лондоне. Россия изолированная и неизбежно зависимая от Германии — вот его давняя мечта. Поэтому он старался удалить г. Делькассе, так как в его лице видел помеху. Не скрываю, что стою

¹ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 17/30 октября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 344.

² Император Вильгельм II — императору Николаю II. 17/30 октября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 344.

за возможно лучшие отношения с Германией, но при условии сохранения нашего союза с Францией»¹.

Проект договора содержал в себе три статьи. Первая гласила, что «в случае, если одна из империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, союзница ее придет к ней на помощь всеми своими сухопутными и морскими силами. В случае надобности обе союзницы будут также действовать совместно, чтобы напомнить Франции об обязательствах, принятых ее на себя согласно условиям договора франко-русского союза». Вторая статья проекта определяла, что «обе Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются не заключать отдельно мира ни с одним из общих противников». Наконец, третья статья указывала, что «обязательство помогать друг другу остаётся в силе и в том случае, если бы действия одной из Двух Договаривающихся Сторон, совершённые во время войны, как, например, доставка угля одному из воюющих, вызвали бы после войны, со стороны третьей державы, протест по поводу якобы нарушения прав нейтральных государств»².

Николай II с самого начала хорошо понимал истинные цели кайзера. Об этом свидетельствует письмо царя графу Ламздорфу, написанное сразу же после получения проекта договора 20 октября 1904 г. «Только сегодня получил письмо с проектом "Соглашения" от императора Вильгельма. Читая его, я рассмеялся. Содержание трёх единственных статей более всего касается Франции. Срок договора — длительность нашей войны с Японией. Последний пункт касается именно предмета неудовольствия германского правительства действиями Англии относительно угольной операции. Но это — частное дело обоих государств.

Я ответил сегодня императору Вильгельму телеграммой, что необходимо ознакомиться с присланным проектом и что ответ последует через несколько дней.

Ввиду этого прошу вас, граф, приехать ко мне в пятницу, в 12 часов. Нужно обсудить это дело всесторонне и составить жела-

¹ Красный архив. Т. 5. С. 15.

² Проект договора 17/30 октября 1904 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 345.

тельный для нас контрпроект. При этом, как всегда, необходимо соблюсти свои интересы и пощадить авторское самолюбие другой стороны. Николай»¹.

Все действия Николая II при подготовке проекта договора с Германией говорят о том, что царь не собирался жертвовать союзом с Францией и пускаться в авантюрный союз с Германией. Император понимал, что союз с Берлином неминуемо вовлечёт бы Россию в фарватер германской политики, а это означало бы разрыв с Францией и углубление конфликта с Англией. Такой результат поставил бы Россию в полную зависимость от планов Германии, как в политическом, так и экономическом смысле. Полная переориентация на Берлин заставила бы Россию уступать ему в вопросах Ближнего Востока и в обладании проливами, а агрессивный германский капитал ещё активнее начал бы вторжение на русский рынок.

По приказу царя Ламздорф внёс значительные коррективы в проект договора. Так, в первую статью было вписано следующее дополнение: *«Его Величество Император Всероссийский предпримет необходимые шаги для того, чтобы ознакомить Францию с этим договором и побудить ее присоединиться в качестве союзницы»*².

Тогда же было составлено конфиденциальное сообщение французскому правительству. В нём император Николай II сообщал, что *«враждебная и вызывающая политика, которой всё чаще и чаще считает нужным придерживаться к другим державам британское правительство»*, заставляет его и императора Вильгельма прибегнуть к серьёзным шагам по организации отпора английской агрессии, путем заключения союзного договора. Об этом он, Николай II, в силу союзнических обязательств, сообщает французскому правительству для выяснения мнения последнего по этому поводу³.

¹ Император Николай II — графу В. Н. Ламздорфу. 20 октября 1904 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 5. С. 12—13.

² Доклад графа В. Н. Ламздорфа императору Николаю II 22 октября 1904 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 5. С. 13.

³ Красный архив. Исторический журнал. Т. 5. С. 13.

Одновременно Государь сообщил германскому императору, что *«было бы разумным показать французам черновик договора, перед тем как подписать его. Пока он ещё не подписан, есть возможность сделать некоторые маленькие поправки в тексте, тогда как если он будет уже вполне одобрен нами обоими, покажется, что мы пытаемся заставить Францию принять договор. В этом случае всё дело может потерпеть неудачу, чего, как я полагаю, и Ты не можешь желать. Поэтому я прошу Твоего согласия ознакомить правительство Франции с этим проектом, и по получении ответа я немедленно сообщу тебе телеграммой»*¹.

Посуществу, это заранее означало провал так называемого «Союза Центральных держав»², так как весь план кайзера строился именно на том, чтобы поставить Францию пред свершившимся фактом состоявшегося русско-германского союза.

Предложение царя ознакомить Францию с проектом договора вызвало у Вильгельма II крайнее негодование. *«Дорогой Бюлов, — писал он своему канцлеру, — при сем посылаю Вам только что полученную от царя шифрованную телеграмму. [...] Его Величество начинает прошибать холодный пот из-за галлов, и он такая тряпка, что даже этого договора с нами не желает заключить без их разрешения, а значит, не желает его заключать также и против них. По моему мнению, нельзя допустить, чтобы Париж что-нибудь узнал, прежде чем мы получим подпись “царя-батюшки”. Ибо если до подписания текст договора сообщить Делькассе, то он даст телеграмму Камбону, и в тот же день её напечатают Times и Figaro, а тогда делу конец. Первая неудача, которую я лично испытываю!»*³

С плохо скрываемым раздражением кайзер сообщал об этом же царю 26 ноября 1904 г.: *«Было бы, несомненно, опасно уведомлять Францию, прежде чем мы с Тобой не подпишем договора; последствия этого были бы диаметрально противоположны нашим желаниям. Лишь несомненная и определённая уверенность в том, что мы*

¹ Телеграмма императора Николая II императору Вильгельму II // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 354.

² Такое название договору предлагал Вильгельм II.

³ Die Große Politik, Bd XIX, T.1, № 6126.

с Тобой связаны договором о взаимной помощи, заставит Францию оказать давление на Англию в том смысле, чтобы последняя оставалась спокойной и не нарушала мира из-за боязни поставить Францию в опасное положение. Между тем, если Франция узнает, что русско-германский договор только в проекте, но ещё не подписан, она тотчас предупредит своего друга (если не тайного союзника) Англию, с которой её связывает "Entente Cordiale", и осведомит её немедленно»¹.

Но Николай II стремился именно к тому, чего так не желал кайзер. Царь хотел, чтобы Франция предупредила Англию о готовящемся подписании русско-германского союза, и тем самым заставила бы её не вступать в войну с Россией. Он понимал, что для Франции было совершенно невыгодно ни оказаться в союзе с Германией, ни вступать с ней в войну. А именно к одному из двух вариантов привёл бы Францию русско-германский договор. Кайзер рисовал Николаю II страшные последствия от ознакомления Парижа с черновиком договора: «*Результатом такой информации, — утверждал он, — будет, без сомнения, моментальное нападение двух союзных держав, Англии и Японии, на Германию в Европе, равно как и в Азии. Громадное превосходство их морских сил скоро бы покончило бы с моим небольшим флотом, и Германия на время осталась бы калеккой. Это нарушило бы мировое равновесие в ущерб нам с Тобой, и позднее, когда ты начнёшь переговоры о мире, оставило бы Тебя один на один с нежным попечением Японии и её торжествующих, подавляюще могучих друзей*»².

Но Николай II знал, что ничего подобного не произойдёт и что нагнетание обстановки кайзером преследует одну лишь цель: добиться подписания выгодного только для Германии договора. Царь не ошибся в своих расчётах.

Весть о готовящемся русско-германском союзном договоре не на шутку встревожила Францию. Примкнуть к договору означало для неё отказ от всей политики, проводимой Делькассе, и факти-

¹ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 13/26 ноября 1904 г.
// Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 355.

² Император Вильгельм II — императору Николаю II. 13/26 ноября 1904 г.
// Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 355.

ческий отказ от статуса одной из ведущих держав Европы. Отклонить этот договор и продолжать занимать прежнюю позицию по отношению к Петербургу означало пойти на разрыв с Россией, допустить её объединение с Германией, и тем самым поставить себя в крайне опасное положение, оставшись один на один со старым врагом при весьма сомнительной помощи Англии.

Поэтому французские правящие круги сразу начали оказывать ощутимое давление на Англию. 28 октября посол Франции в Лондоне Камбон на аудиенции у Ч. Лэнсдауна заявил, что если Англия нападёт на Россию, то может последовать изъятие из лондонских банков значительных французских капиталов, что вызовет катастрофу в Сити¹.

Если учесть, что долг Великобритании Франции на тот период составлял около полутора миллиардов франков, угроза французского посла была более чем весомой. Поэтому Лондон поспешил согласиться на русское предложение передать Гульский конфликт на разрешение международной конвенции и отказался от всяких попыток задержать русскую эскадру Рождественского.

Таким образом, царь удачно использовал угрозу сближения с Германией в интересах России. В конечном счёте, весь «союз» свёлся к договоренности между Германией и Россией о том, что германское правительство будет продолжать обеспечивать русский флот углём, а русское правительство — *«поддерживать Германию всеми мерами, имеющимися в её распоряжении, в вопросе о затруднениях, которые могут оказаться налицо по доставке угля русскому флоту в течение настоящей войны»*.

Правильность дипломатии Николая II подтвердила международная ситуация начала 1905 г. Европа стала медленно сползать к большой войне. Важнейшей вехой в готовящейся войне стал первый марокканский кризис.

В начале XX в. на Марокко претендовало сразу несколько крупных европейских государств (Англия, Франция, Испания). Благодаря умелой дипломатической деятельности Делькассе Парижу удалось договориться с Лондоном и Мадридом о признании

¹ P. Cambon à T. Delcassé // DDF. 2-ème série. Vol. V. P. 475—476.

первенства Франции в этой североафриканской стране. Однако неожиданно со своими притязаниями выступила Германия, которая до этого времени не проявляла особого интереса к Марокко.

Таким образом, Марокко стало тем первым полигоном, на котором Германия, с одной стороны, и Франция с Англией, с другой, стали испытывать свои дипломатические и военные силы. Можно легко себе представить, в каком положении оказалась бы Россия, если бы она пошла на подписание союзного договора с Вильгельмом II, одним из обязательств которого было участие в войне на стороне Германии. Россия могла быть легко втянута в европейскую войну, развязанную из-за Марокко.

31 марта 1905 г. Вильгельм II прибыл в марокканский город Танжер. Его встреча вылилась в демонстрацию германской силы. Императора приветствовали не только дядя султана, военные и представители марокканской знати, а также хоть и небольшая, но представительная немецкая колония в Марокко. Кроме того, согласно дипломатическому протоколу, на встречу прибыли и представители Франции. Выступая перед собравшимися, кайзер провозгласил дружбу между марокканским и германским народами. Отвечая на приветствие французского представителя, Вильгельм II заявил, что знает, как защищать права Германии, и надеется, что Франция будет их уважать¹.

Душой сопротивления германским требованиям был министр иностранных дел Делькассе, который был уверен, что Германия блефует и никогда не начнёт войны из-за Марокко².

Весной 1905 г. Делькассе не нашел понимания со стороны многих французских политиков, в частности председателя совета министров Рувье, который вообще был сторонником примирения с Германией. Рувье указывал на чрезвычайную опасность войны для Франции. Он говорил, что русские увязли на Дальнем Востоке, отношения с Россией портятся с каждым днем. «*Что произойдет, — спрашивал премьер-министр у Делькассе, — если Германия*

¹ История дипломатии. Т. 2. С. 568.

² Zоргbibe (Charles). *Delcassé. L'inconnu du Quai d'Orsay*. — Paris: Olbia Eds, 2001.

всё-таки атакует Францию, а Англия её не поддержит? Разве можно подвергать страну такому риску, когда Россия поглощена войной в Маньчжурии и вполне может отказаться от своих обязательств по союзному договору?»¹

В ответ на слова Делькассе о том, что Англия разгромит германский флот и блокирует Германию, Рувье с раздражением воскликнул: *«Английский флот не заменит русских пушек!»²*

Рувье был готов идти на большие уступки немцам, и не только по марокканскому вопросу. С Германией, полагал он, следует идти на договоренности, а не воевать из-за Марокко³. *«Франко-германский союз — залог мира во всём мире»*, — заявлял Рувье⁴. Французский премьер-министр предлагал немцам полный доступ на французский рынок и двусторонний франко-германский дележ Марокко без участия Англии⁵.

Немцы были согласны, но требовали немедленной отставки Делькассе. В случае отказа или проволочки они угрожали войной. На самом деле кайзер воевать не собирался, так как Германия не была тогда ещё готова к войне. Цель Вильгельма II в отношении Франции была той же, что и в отношении России, когда он предлагал царю заключить секретный договор, — навязать Франции «союзный» договор, оторвать её от России и полностью подчинить интересам германской политики.

Пойдя на поводу у немцев, Рувье, под прямым давлением Германии и заручившись поддержкой президента Лубе, 6 июня 1905 г. добился отставки Делькассе и сам встал во главе министерства иностранных дел. Это была крупная дипломатическая победа Германии. Вслед за отставкой Делькассе, чувствуя слабость позиции французского правительства, германцы стали требовать от Франции полной капитуляции в Марокко. Франция должна была от-

¹ Renouvin (Pierre). *La crise européenne et la Grande Guerre*. P. 71–72.

² Paléologue (Maurice). *Un grand tournant de la politique mondiale. 1904–1906*. — Paris, 1934. P. 234.

³ AN, Fonds Loubet, AP 473/7.

⁴ Renouvin (Pierre). *La crise européenne et la Grande Guerre*. P. 72.

⁵ Hammann (O.) *Zur Vorgeschichte des Weltkrieges*. — Berlin, 1919. S. 214.

казаться от своего привилегированного положения в этой стране. При этом на её место, естественно, должна была прийти Германия. Как ни напугано было правительство Рувье, но идти на такие уступки оно не было готово. К тому же в стране нарастало возмущение уступками Германии. 26 июня Клемансо заявил послу Англии во Франции: «Если Германия хочет войны, ну что же, мы будем драться!»¹

3–15 июля во французский Брест вошла английская эскадра, которую тепло приветствовали местные жители². Визит английской эскадры стал не только демонстрацией англо-французской дружбы, но и в какой-то степени признаком угасания русско-французского альянса. Вильгельм II полагал: для того чтобы развить успех и заставить Францию отказаться от всякого сопротивления, её необходимо поставить в условия полной изоляции, когда помощи ждать будет неоткуда. Для этого надо во что бы то ни стало оторвать её от России, благо что франко-русский альянс переживал не лучшие времена. В Германии хорошо понимали, что Англия, не имевшая многочисленной армии, не сможет оказать Франции действенной помощи на суше.

Стремясь осуществить вышеизложенный замысел, Вильгельм II вновь вернулся к идее заключения с Россией секретного союзного договора, к которому, после его подписания, предполагалось присоединить Францию. На этот раз договор с Россией, помимо прежних целей, был призван заставить Францию капитулировать по вопросу Марокко.

Тем временем в 1905 г. Россия переживала грозные события. К неудачам русско-японской войны, к тяжёлым безрезультатным боям под Мукденом и поражению у Цусимы прибавилась общероссийская смута, грозившая самодержавному строю.

Кроме того, к лету 1905 г. Россия фактически вновь оказалась в международной изоляции, так как будущее союза с Францией по-

¹МАЕ, 12–15. Négociations secrètes. Janvier 1902–novembre 1905. Agent Barrère. 2. (microfilm). Lettres de Barrère. La chute de Delcassé.

²MG, 7N 1219–1223. Rapports des attachés militaires sur la Grande-Bretagne. 1871–1907.

сле отставки Делькассе и усиления позиций антироссийских сил, вообще представлялось в Петербурге весьма туманным.

Осенью 1904 г. Париж стал местом проведения конференции оппозиционных и революционных сил России. Помимо либералов в работе конференции участвовали эсеры, а также делегаты ряда национальных партий. Конференция была инициирована финским националистом К. Целиакусом и тайно организована на деньги японского правительства. Негласный контроль над конференцией осуществлял глава японской резидентуры в России полковник М. Акаси. Японцы использовали конференцию для передачи больших денежных средств революционерам и сепаратистам. Основная часть денег пошла финской оппозиции и эсерам на закупку оружия и печатания прокламаций¹.

После событий 9 января 1905 г. в Петербурге Париж стал центром самой яростной антицарской пропаганды. Посол России А. И. Нелидов докладывал графу Ламздорфу: *«Печальные события, совершившиеся в Петербурге 9 января, нашли отклик не только в заседании палаты депутатов, но и во всех народных собраниях и рабочих союзах. Возжаками направленного против России движения явились везде социалисты-революционеры и анархисты, а среди слушателей и крикунов находилось значительное число русских эмигрантов и студентов. [...] Я счёл нужным обратить на эти обстоятельства внимание французского правительства»*². Однако никакого эффекта обращение Нелидова не имело.

В этих условиях кайзер, который в этот момент возвращался морским путём в Германию по Балтике, отправил императору Николаю II следующую телеграмму: *«На своём обратном пути, войдя в Финский залив, я не могу не отправить Вам самые лучшие свои пожелания. Если Вам доставило бы удовольствие увидеться со мной на берегу или на Вашей яхте, я, конечно, всегда в Вашем распоряжении. Я мог бы прийти как простой турист, без каких-либо торжественных встреч»*³.

---

¹ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 316, 1904-П. Д. 1. Ч. 6.

² АВП РИ, секретный архив, 1905.

³ Das Telegramm des Kaisers an den Zar. 18 juli 1905 // Die Große Politik. Bd. XIX. №6202. S. 435.

Николай II сразу же ответил: «Очень рад Вашему предложению. Как бы Вы отнеслись к встрече в Биоркезунд, недалеко от Выборга, на борту наших яхт? В это серьёзное время я не могу находиться далеко от столицы. Конечно, наша встреча будет сугубо личной и пройдёт в домашней обстановке. С нетерпением ожидаю столь приятной встречи с Вами»¹.

8 июля 1905 г. царь писал Ламздорфу: «6 июля вечером я получил телеграмму от Императора Вильгельма с восточного побережья Швеции — весьма приветливого содержания. В конце её он прибавил, что был бы счастлив возможности запросто увидеться со мной. Считая свидание с Императором очень полезным и важным в переживаемое время, я с удовольствием согласился, предложив ему прийти в Биоркезунд недалеко от Выборга. Наша встреча состоится в воскресенье под вечер и продлится, вероятно, полтора дня. Вам сопровождать меня не нужно, так как Бюлов не находится в плавании с Императором»².

10 июля 1905 г. император Николай II вышел на яхте «Полярная Звезда» на встречу с кайзером Вильгельмом. Царь специально не взял с собою Ламздорфа, максимально засекретив свою встречу с германским императором. Объяснения Николая II, что он не берёт с собой Ламздорфа, потому что с кайзером не будет Бюлова, нельзя признать убедительными, так как на борту «Гогенцоллерна» вместе с Вильгельмом II находился граф Генрих фон Чиршке Бёгендорф, бывший сотрудник германского посольства в Петербурге и достаточно влиятельное лицо германской дипломатии. Государя сопровождали морской министр вице-адмирал А. А. Бирилёв и Великий князь Михаил Александрович. Таким образом, по свидетельству А. П. Извольского, «в царской свите не было никого равного по рангу и по осведомлённости этому чиновнику (имеется в виду Чиршке. — П. М.)»³.

¹ Der Reichskanzler Fürst von Bülow, z. Z. in Norderney, an das Auswärtige Amt. // Die Große Politik. Bd. XIX. №6202. S. 435.

² Император Николай II — графу В. Н. Ламздорфу. 8 июня 1905 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 112.

³ Извольский А. П., бывший министр иностранных дел. *Воспоминания* /

Несомненно, что это было сделано императором Николаем II сознательно, для того чтобы, в случае подписания любого договора с кайзером, можно было в будущем легко от него отказаться ввиду отсутствия подписи Ламздорфа.

Государь записал в своём дневнике: *«Ровно в час вышел на "Полярной Звезде" в Бьёрке, куда прибыл в 4 часа. Стали на якорь у ост. Равица. Были две грозы с сильнейшим ливнем, но температура очень приятная. С 7 часов ожидали прихода "Гогенцоллерна", который запоздал на два с половиной часа. Он подошёл во время нашего позднего обеда. Вильгельм приехал на яхту в отличном расположении духа и пробыл некоторое время. Затем он отвёз Мишу и меня к себе и накормил поздним обедом. Вернулись на "Полярную" только в 2 ч.»*¹.

Свидание двух императоров состоялось 10/23–11/24 июля 1905 г. в финских шхерах около острова Бьёрке. На этой встрече Вильгельм II предложил царю вернуться к проекту договора 1904 г. Кайзер на этот раз был уверен в успехе. Опасность того, что царь заранее ознакомит французское правительство с проектом союзного договора, кайзера больше не пугала, так как новый кабинет Рувье делал всё, чтобы не раздражать германского повелителя. Вильгельм II с этого и начал встречу с Николаем II, заявив, что теперь можно возвратиться к прошлогоднему проекту, так как с премьер-министром Рувье легко находить общий язык.

Николай II согласился со словами кайзера. Текст договора был тот же самый, что и в 1904 г. Как вспоминал А. П. Извольский: *«Мне рассказывал сам царь, что договор был подписан за несколько минут до отъезда императора Вильгельма, после завтрака, который состоялся на борту "Гогенцоллерна"»*².

Эта видимая лёгкость, с какой Государь подписал договор, дала потом повод различным писателям от истории утверждать, что царь находился «под хмельком». Как писал Извольский, то

Пер. с англ. А. Сперанского. — Пг.; М.: «Петроград», 1924. С. 44.

¹ Дневник императора Николая II. Запись за 10 июля 1905 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 248. Л. 39.

² Извольский А. П. Указ. соч. С. 43.

было «вульгарное утверждение, которое легко могло бы быть устранено, если бы кто-нибудь из них имел случай, как это бывало со мной, часто присутствовать на подобных завтраках»¹.

Кайзер настаивал, чтобы договор был контрассигнован. С германской стороны это сделал фон Чиршке, с русской — вице-адмирал Бирилёв, причём Государь закрыл для него текст договора рукой и приказал адмиралу поставить свою подпись, что тот и сделал, не зная, что подписывает.

11 июля 1905 г. император Николай II занёс в дневник: «В 10 ч. прибыл Вильгельм к кофе. Поговорили до 12 ч. и втроём с Мишей отправились на германский крейсер “Берлин”. Осмотрел его. Показали артиллерийское учение. Завёз Вильгельма к нему и вернулся на “Полярную”. Было полчаса отдыха. В 2 ч. у нас был большой завтрак. Слушали музыку Гвардейского Экипажа и разговаривали всё время стоя до 4. Простился с Вильгельмом с большой сердечностью. Снялись в 5 ч. одновременно и до маяка Веркомоталы шли вместе; затем разошлись. [...] Вернулся домой под самым лучшим впечатлением проведённых с Вильгельмом часов»².

Почему же Николай II, который отказался подписывать секретный договор в 1904 г., сделал это летом 1905 года? Советская историография считала, что царь пошёл на поводу у германского императора. На Западе часто можно было слышать суждения, что Россия и Германия подписали что-то вроде сепаратного мира и тем самым Россия чуть ли не предала Францию. Однако при тщательном рассмотрении вопроса Бьёркского соглашения вырисовывается совершенно иная картина.

Для понимания того, что произошло в Бьёрке, надо рассматривать всю ситуацию, военную, внутреннюю и международную, в которой оказалась Россия и лично император Николай II к лету 1905 г.

Несмотря на цусимское поражение, к середине 1905 г. война складывалась не в пользу Японии. Японцы овладели Кореей и

¹ Извольский А. П. Указ. соч. С. 43.

² Дневник императора Николая II. Запись за 11 июля 1905 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 248. Л. 41.

Южной Маньчжурией, но Центральная и Северная Маньчжурия находились под контролем русских войск. К северу от Мукдена, близ Сыпингай выросла мощная линия укреплений, на которую опиралась русская армия, и опрокинуть этот укрепленный район было чрезвычайно трудно, тем более что наступательный пыл японской армии угас. Как признавался главнокомандующий сухопутными частями в Маньчжурии маршал Ивао Ояма, японская армия, одержав с большим трудом победу под Мукденом, физически и психологически «надорвалась» и уже не в силах была вести наступательные операции¹.

Главнокомандующий, генерал от инфантерии Н. П. Линевиц, приказал готовить ещё одну линию укреплений глубоко в тылу Сыпингайских позиций². Уже к лету—началу осени 1905 г. Транссибирская магистраль была значительно расширена и реконструирована, её пропускная способность увеличилась. Теперь Россия могла направлять подкрепления на Дальний Восток быстрее, чем это могли делать японцы по морю. В Маньчжурию было переброшены 10 свежих корпусов, пулемётные роты, современная артиллерия, инженерные части. Русская армия к лету 1905 г. должна была насчитывать около 500 тыс. бойцов против 385 тыс. бойцов Японии³. У русских это были кадровые части из Центральной России. Япония же практически лишилась под Порт-Артуром, у Ляояна и под Мукденом своих лучших войск и теперь черпала резервы из числа юных призывников и возрастных резервистов⁴. Все силы русской армии сосредоточивались на вытеснении противника из Южной Маньчжурии.

К лету 1905 г. САСШ отказали Японии в очередных займах,

¹ Сахаров А. Н. *Размышления о русско-японской войне 1904–1905 гг.* // Вопросы истории. 2007. № 4.

² Мезенцев Е., Головатенко А. А. *Внешняя политика России на Дальнем Востоке (конец XIX — начало XX века)*. — М. 1993. С. 42, 45.

³ Сахаров А. Н. *Размышления о русско-японской войне 1904–1905 гг.* // Вопросы истории. 2007. № 4.

⁴ Достаточно сказать, что под Порт-Артуром погибли трое сыновей командующего 3-й японской армией М. Ноги.

были прекращены поставки сырья и материалов. Финансовое состояние Японии было катастрофическим.

Один из германских наблюдателей при русской армии, генерал Кремер, писал, что японская победа *«вполне бесплодная, отрицательная»*. Япония не в состоянии *«выигрывать много таких побед, а Россия может перенести ещё несколько таких поражений»*¹.

Лучшим доказательством того, что Япония была в крайне тяжёлом положении, является тайное обращение японского руководства через два дня после Цусимского сражения к президенту САСШ Теодору Рузвельту с отчаянной просьбой: помочь заключению мира с Россией².

Конечно, было бы неправильно представлять Японию полностью *«разбитой»*, и в 1905 г. Россия не стояла на пороге победы. У армии микадо имелись ещё возможности для ведения войны. На Особом совещании 24 мая 1905 г., которое состоялось после Цусимского сражения и на котором обсуждался вопрос, заключать или не заключать мир с Японией, Государь сказал, что *«до сих пор японцы воевали не на нашей территории. Ни один японец не ступал ещё на Русскую землю, и ни одна пядь русской земли ещё не уступлена. Этого не следует забывать. Но завтра это может перемениться, так как при отсутствии флота Сахалин, Камчатка, Владивосток могут быть взяты»*³. Справедливость этих слов доказала высадка 24 июня 1905 г. японцев на Южном Сахалине и захвата ими всего острова.

Но военная обстановка не шла ни в какое сравнение с тем, что творилось в самой Российской империи. Начавшаяся в январе 1905 г. смута охватила всю страну, от рук террористов ежедневно гибли десятки людей. Для того чтобы понять размах террора, достаточно сказать, что с января 1905 по 1907 г. террористами было убито 9 тыс. человек, с января 1908 по январь 1910 г. — 7

¹ Цит. по: Сахаров А. Н. *Размышления о русско-японской войне 1904–1905 гг.* // Вопросы истории. 2007. № 4.

² История русско-японской войны. 1904 — 1905 гг. — М. 1977. С. 364.

³ Конец русско-японской войны // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1928. № 3(28). С. 201.

тыс. 634 человека, из них 732 государственных чиновника, 3 тыс. 51 частное лицо¹. Общее число жертв террора составило 16 тыс. 634 человек. От рук эсеровских боевиков погибли верные царю люди: Великий князь Сергей Александрович, градоначальник Петербурга В. Ф. фон дер Лауниц, московский градоначальник граф П. П. Шувалов, министр внутренних дел В. К. фон Плеве, губернатор Уфы Н. М. Богданович, военный министр генерал-адъютант В. В. Сахаров, командир лейб-гвардии Семёновского полка генерал-майор Г. А. Мин, вице-адмирал Г. П. Чухнин и др.

К середине 1905 г. Россия была парализована всеобщей забастовкой. От Варшавы до Урала бездействовали железные дороги и заводы, у причалов стояли неразгруженные суда. Николай II очень точно оценил сложившуюся ситуацию: *«Мы находимся, — писал он, — в полной революции при дезорганизации всего управления страной — в этом главная опасность»*².

По имеющейся информации, Николаю II было хорошо известно, что за террористами стоят влиятельные международные силы, представители которых находились в САСШ, Франции и Англии. Он также знал, что революционеров финансирует Япония. В 1905—1906 гг. начались волнения в армии, на весь мир прогремели мятежи на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический» и крейсере «Очаков». С большим трудом генералам П. К. Ренненкампу и барону А. Н. Меллер-Закомельскому удалось усмирить взбунтовавшиеся части и очистить Сибирскую и Забайкальскую железные дороги, которые к тому моменту находились фактически в руках революционеров. По этим дорогам войска следовали на Маньчжурский фронт.

Не менее тяжёлым было внутривнутриполитическое давление на Государя. Промышленные и либеральные круги упорно требовали от него прекращения войны и введения в стране парламентского строя. К этому давлению добавлялось давление извне. Во Фран-

¹ Гейфман Анна. *Революционный террор в России. 1894—1917*. — М.: Кронпресс, 1997.

² Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 19 октября 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 15.

ции «возмущение» по поводу «варварского» самодержавия достигла своего апогея, в Англии Россию иначе как страной «кнута и вилы» не называли, и даже кайзер Вильгельм позволил себе в письме к Николаю II рассуждать о необходимости введения в России представительного органа. В конце 1905 г. на стол императора Николая II легло оперативное донесение о том, что французский посол М. Бомпар встречается с революционным подпольем¹.

Но самым тяжёлым было финансовое положение дел в стране. 29 апреля (12 мая) 1904 г. Россия подписала в Париже контракт о займе на 800 млн франков (300 млн рублей), которые пошли на нужды войны². Революция привела к громадным дополнительным затратам. Русской просьбе о новом займе в размере 300 млн рублей Париж отказал в довольно оскорбительной форме. 1 марта 1905 г. министр финансов В. Н. Коковцов ожидал в своём кабинете парижских банкиров, которые должны были подписать текст контракта. Однако банкиры так и не явились, письменно его уведомив, что в ночь с 28 февраля на 1 марта, ими был получен приказ не подписывать контракта и вернуться в Париж. Франция недвусмысленно давала понять Николаю II, что войну с Японией надо заканчивать³.

В апреле 1905 г. германский банкирский дом «Мендельсон и С» дал России краткосрочный заём в 150 млн рублей⁴. Но эти деньги почти полностью ушли на нужды 2-й Тихоокеанской эскадры, погибшей в Цусимском сражении.

Когда Государь направлялся на встречу с кайзером в Бьёрке, он уже знал, что Лондон и Париж готовы выделить России заём, но только после окончания войны и только при двух условиях: если политическая позиция относительно Англии перестанет быть враждебной и если внутри России установится «способный внушить доверие порядок вещей»⁵. Б. А. Романов со знанием дела

¹ Извольский А. П. Указ. соч.

² АВП РИ. Фонд «Секретный архив». 1904. Д. 224/225. Л. 60.

³ Романов Б. А. Указ. соч. С. 366.

⁴ Die Große Politik. Bd. 19/II, №6187, 6189. S. 387, 446.

⁵ Романов Б. А. Указ. соч. С. 366.

писал в сороковых годах XX в., что вокруг Николая II «замыкалось кольцо, за которое не было хода»¹.

Прорывом из этого «кольца» во многом стало Бьёркское свидание двух императоров. Николай II понимал, что необходимо заключать мирный договор с Японией. Идти на это его заставляла внутривосточная, а не военная ситуация. Дальнейшее продолжение войны, без необходимых финансовых средств, в условиях набирающей силу смуты, было крайне опасным. Царю было известно, что революционные силы, имеющие влиятельных союзников как за рубежом, так и в верхних эшелонах российской власти, вынашивали планы его устранения и уничтожения монархии.

Франция, Германия и САСШ, каждый по своим соображениям, были настроены против продолжения войны России с Японией. Кроме того, в Петербурге было непонятно, в каком направлении будет двигаться дальше Франция. Вполне можно было предположить, что правительство Рувье заключит с Германией сделку по Марокко и тем самым неминуемо начнёт играть по германским правилам. Позиция Англии при этом по-прежнему оставалась весьма враждебной по отношению России, а ее помощь Японии продолжалась.

Поэтому Николай II стремился использовать хитроумную комбинацию кайзера в свою пользу, добившись от германского императора поддержки в заключении приемлемого для России мира. Именно для этого в статью 3 договора, который в остальном являлся повторением немецкого варианта 1904 г., по настоянию Николая II была внесена поправка: «*Настоящий договор войдёт в силу тотчас по заключении мира между Россией и Японией*».

Эта поправка была главным достижением царя. Государь понимал, что Вильгельм II, который был очень заинтересован, чтобы договор скорее вступил в силу, окажет всё имеющееся у него давление на Японию с целью скорейшего прекращения войны. Кроме того, в своих письмах кайзер не раз намекал царю на желательность мирного посредничества президента САСШ Т. Рузвельта, который, по словам Вильгельма, один может повлиять на

¹ Романов Б. А. Указ. соч. С. 366.

японцев и «побудить их быть благоразумными в своих требованиях». Если только Николай II пожелал бы, заявил кайзер, он мог бы частным образом снестись с Рузвельтом, «потому что мы с ним большие приятели»¹.

(К слову сказать, через 13 лет, в ноябре 1918 г., другой «приятель» кайзера, президент Вудро Вильсон, с которым до Первой мировой войны Вильгельм II дружил, как и с Рузвельтом, сыграл главную роль в свержении германского императора. «Серый кардинал» Вильсона М. Хаус назвал это свержение «сбрасыванием кайзера с насеста».)

Между Вильгельмом II и президентом Т. Рузвельтом шли переговоры о скорейшем прекращении войны на Дальнем Востоке задолго до Бьёркского свидания. Идея Рузвельта сводилась к простой формуле: «Надо будет радоваться, если результат войны сведётся к тому, что русские и японцы останутся лицом к лицу, уравновешивая друг друга, те и другие — ослабленные»².

Это вполне устраивало и кайзера, который предложил американскому президенту сразу же после заключения мира начать активно действовать в Китае³. С другой стороны, Вильгельм II и Рузвельт были обеспокоены возможностью оккупации Японией русского Дальнего Востока, так как это сразу же её чрезмерно усилило бы. Как отмечал Рузвельт в те дни: «Если японцы добьются победы, не только славяне, но и все мы должны будем считаться с огромной новой силой в Восточной Азии. Победа сделает Японию саму по себе гигантской силой на Востоке, потому что другие заинтересованные нации имеют разнообразные интересы, множество забот, двойные ноши, в то время как у Японии будет одна забота, один интерес, одно бремя»⁴.

В июне 1905 г. Рузвельт высказался по поводу Японии ещё

¹ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 13 июня 1905 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 379.

² Jusserain à Delcassé // DDF. 3-série. P. 38.

³ Die Große Politik. Bd. 19. № 6285.

⁴ Цит. по: Уткин А. Теодор Рузвельт. Политический портрет. — Издательство Уральского университета, 1989. С. 165.

определённое: «...если японцы выиграют войну, это, возможно, будет означать борьбу между ними и нами в будущем»¹. Кроме того, американцам было желательно сохранять в Китае и в Маньчжурии зону нестабильности, что позволяло САСШ более активно вмешиваться в дела региона. «Я предостерег английское правительство, — писал Рузвельт, — что оно сделает ошибку, если поддержит изгнание России из Восточной Сибири, где она должна стремиться сохранить пограничное трение с Японией»².

Николай II знал, что Рузвельту, как и кайзеру, выгоден скорейший мир на Дальнем Востоке. Ради этого они готовы были поддержать Россию на мирных переговорах с Японией. Поэтому царь с такой лёгкостью и подписал договор с Вильгельмом, заранее зная, что этот договор постигнет судьба его предшественника 1904 г.

С. Ю. Витте справедливо писал по этому поводу, что до свидания в Бьёрке в интересах императора Вильгельма «было ещё более обессилить Россию, а раз были Биорки, его интерес также заключался в том, чтобы в Портсмуте дело кончилось миром. Не мог же он тогда думать, что Биорки потом провалятся»³.

Через две недели после подписания договора царь уведомил о нём Ламздорфа, который принялся сокрушаться по поводу «поспешности» императора. Николай II подыграл своему министру и, как бы соглашаясь с тем, что он совершил ошибку, попросил графа сделать так, чтобы этот договор был признан ничтожным, чем Ламздорф энергично и занялся. Но перед этим Николай II повелел Ламздорфу сообщить о договоре в Париж М. Рувье и выяснить его отношение к возможности присоединения к русско-германскому союзу. Разумеется, во Франции известие о новой возможности заключения русско-германского союза, к которому её приглашали примкнуть, произвело весьма тягостное впечатление. Было понятно, что вместо союза с Россией французам предлагался фактический союз с Германией. Для Франции подобные запросы царя о союзе с немцами стали сигналом к прекращению

¹ Уткин А. *Теодор Рузвельт*. С. 165.

² Романов Б. А. Указ. соч. С. 336.

³ Витте С. Ю. *Воспоминания*. Т. 1.

политики уступок Германии и к возобновлению активного союза с Россией. В своем ответе Ламздорфу Рувье заявил, что Франции вполне достаточно союза с Россией, которому она остаётся верна¹. «Союз с Германией невозможен, — писал Рувье Ламздорфу, — нация не вынесет сближения с Германией, правительство обязано считаться с чувствами нации»².

Перспектива русско-германского союза сильно встревожила и Великобританию, в которой всё больше набирали силу антигерманские настроения и все больше крепло убеждение в необходимости примкнуть к русско-французскому союзу. Кроме того, Англию тоже тревожила перспектива усиления Японии, а это означало, что английскую помощь ей следовало прекратить или значительно уменьшить.

Таким образом, известие о свидании в Бьёрке и подписанном договоре между царём и кайзером резко изменило международную обстановку в пользу России. Результатом стало возобновление активного франко-русского сотрудничества и начало русско-английского сближения, закончившееся союзным договором 1907 г. Непосредственно после Бьёркского свидания начинается активная посредническая деятельность президента САСШ Т. Рузвельта по организации мирных переговоров России и Японии.

Относительно последствий Бьёрке для Франции нельзя не видеть, что известие о возможности русско-германского союза означало крах политики уступок, проводимой Рувье, которую, говоря языком Второй мировой войны, можно было бы назвать политикой «умиротворения агрессора». Крах Рувье означал победу политики Делькассе.

Известие об отказе Франции участвовать в русско-германском союзе пришло из Парижа, когда Портсмутский мир был подписан и ждал своей ратификации. После ратификации и прекращения войны между Россией и Японией Бьёркский договор должен был автоматически вступить в силу. Как писал Витте, Вильгельм II

¹ AN, AP 473/7 Fonds Loubet, Alliance Franco-Russe, Guerre russo-japonaise.

² Renouvin (Pierre). *La crise européenne et la Grande Guerre*. P. 75.

«уже не сомневался, что его дело в шляпе — война ослабила Россию и ему развязала руки с Востока, теперь же Портсмут и Биорки послужат ему к успокоению, а возможно и к возвеличиванию Германии при помощи России с Запада. И всё это без пролития капли крови и затраты хотя бы одного германского пфеннига. Но человек полагает, а Бог располагает»¹.

Специально не дождавшись ратификации, Николай II послал Вильгельму II письмо, в котором сообщал, что *«при попытке выяснить, возможно ли склонить французское правительство присоединиться к нашему соглашению, на первых же шагах обнаружилось, что это является трудной задачей и что потребуется много времени для того, что привести его к этому по его доброй воле. Иначе можно толкнуть Францию в объятия противника. Поэтому я полагаю, что Бьёркский договор не должен быть проведён в жизнь до тех пор, пока мы не узнаем, как к нему отнесётся Франция»².*

Царь был готов подписать договор с Германией, но с одной оговоркой: поскольку Франция пока не собирается примыкать к союзу России и Германии, то статья I договора о военной взаимопомощи между двумя странами не будет выполняться Россией в отношении Франции в случае войны её с Германией. Берлин занял по этому вопросу непримиримую позицию, настаивая на том, что договор должен соблюдаться в том варианте, каким он был подписан, без всяких изменений. Тем самым Вильгельм II продемонстрировал, что его истинной целью являлось насилие над Францией, к которому он хотел привлечь и Россию.

Николай II знал о ненадежности характера германского императора и подписывал с ним «союз», изначально рассматривая его как необходимый тактический ход. Все предположения о том, что на разрыв союза повлияли царские министры (Ламздорф и Витте), строятся на недостаточном понимании русской самодержавной власти. Следует помнить, что царь держал все нити управления внутренней и внешней политики в своих руках и принимал

¹ Витте С. Ю. *Воспоминания*. Т. 1. С. 381.

² Император Николай II — императору Вильгельму II. Без даты // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 400.

решения единолично по всем вопросам. О своих решениях он мог не сообщать никому, и министры, ничего не зная о царских планах, лучше, по мнению царя, претворяли их в жизнь. Эту суть Николая II, как государственного деятеля, хорошо понял французский президент Э. Лубе, когда писал о царе: *«Обычно видят в императоре Николае II человека доброго, великодушного, но слабого. Это глубокая ошибка. Он имеет всегда задолго продуманные планы, осуществления которых медленно достигает. Под видимой робостью царь имеет сильную душу и мужественное сердце, непоколебимо верное. Он знает, куда идет и чего хочет»*¹.

В самом деле, как мог Николай II всерьёз рассчитывать на присоединение Франции к русско-германскому договору, если статья 1 этого договора предусматривала вооруженную помощь России Германии в случае «агрессивности Франции» против Германии, а русская поправка к статье 4 предусматривала, что Россия обязана известить Францию о содержании договора? То есть Франции предлагалось вступить в союз против самой себя!

Вторая по счёту неудача Вильгельма II в создании «Союза Центральных держав» стала его крупным дипломатическим поражением. Пытаясь спасти положение, он, по своему обыкновению, пустился в эмоциональные телеграммы, в которых заклинал Николая II: *«Мы подали друг другу руки и дали свои подписи перед Богом. Что подписано, то подписано»*². Однако эти телеграммы не трогали императора Николая II и он их прочитывал с полным спокойствием.

Долгое время в советской историографии считалось, что политическая игра немцев осенью 1904 г.—летом 1905 г. вокруг союзного договора с Россией была крупным дипломатическим успехом Германии, уловкой на которую поддались русские политики, осознавшие затем пагубность для России этого договора и отказавшиеся от него. Однако на самом деле всё было наоборот: в ходе этой дипломатической игры именно царь переиграл германского императора. Это был крупный успех дипломатии Николая II.

¹ AN. Fond Combarieu. AP410/1

² Император Вильгельм II — императору Николаю II. 29 сентября 1905 г.
// Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 402.

Портсмутский мир

Осознание императором Николаем II необходимости прекращения войны с Японией пришло сразу после гибели 2-й Тихоокеанской эскадры. При встрече с В. Н. Коковцовым царь сказал, что *«не видит теперь надежды на скорую победу и думает только о том, что нужно тянуть войну, доводить японцев до истощения и заставить их просить почётно для нас мира»*¹.

На всеподданнейшей записке графа В. Н. Ламздорфа, испрашивающего мнение императора о возможности заключения мира, Николай II написал: *«Я готов кончить миром не мною начатую войну, если только предложенные условия будут отвечать достоинству России. Я не считаю нас побеждёнными, наши войска целы, и я верю в них»*². Государь был готов идти на уступки в Корее, так как *«это не русская земля»*³.

Осознание необходимости заключения мира с Японией далось Государю крайне тяжело. Рушилась одна из главных задач его царствования: «Прорубить окно в Азию». Причём рушилась не в силу поражения вооружённых сил, обстановка на фронте вполне позволяла продолжать войну, а рушилась в первую очередь по причине изменнической смуты, по причине опасности гибели государства. Второй причиной была финансовая удавка, которую накалили на Россию западные державы. Избавиться от этой удавки, не прекращая войны, было невозможно.

Между тем непредсказуемой была и реакция русского общества в случае заключения мира с Японией, в условиях, когда русская армия не одержала ни одной победы, а тем более мира позорного (с потерями территорий и контрибуциями). Впрочем, такой мир Государь не собирался заключать ни при каких условиях. На Особом совещании 24 мая 1905 г. Николай II услышал мнения многих военачальников, которые были категорически против за-

¹ Коковцов В. Н., граф. *Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919*. В 2 т. — Париж: Издание «Иллюстрированная Россия», 1933. Т. 1. С. 69.

² Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 76

³ Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 76

ключения мира. Член Государственного совета генерал Х. Х. Рооп заявил: «Я не могу согласиться с тем, чтобы немедленно просить мира. Попытка предложить мирные условия есть уже сознание бессилия. Ответ будет слишком тягостным». Генерал-адъютант адмирал Ф. В. Дубасов: «Несмотря на тяжёлые поражения на суше и в особенности на море, Россия не побеждена. Мало того, Россия, продолжая борьбу, непременно должна победить врага. Наше движение на восток есть движение стихийное — к естественным границам; мы не можем здесь отступить, и противник наш должен быть опрокинут и отброшен». По существу, за рассмотрение возможности заключения мира высказались Великие князья Владимир Александрович и Алексей Александрович. Последний заявил, что «в случае продолжения войны положение Владивостока, устья Амура и Камчатки будет весьма опасное; нет сомнений, что японцы обратят туда всё своё внимание, и положение армии будет тяжёлое, так как она не в состоянии будет помочь»¹.

Здесь проявились первые грозные признаки раскола русского общества, которые через 12 лет приведут Россию к катастрофе. Как верно писал С. С. Ольденбург, «если адмирал Ф. В. Дубасов возмущался мыслью о том, что Россия может кончить войну на Мукдене и Цусиме, то широкие круги русского общества именно этого и желали. Даже те, кто не радовался поражениям, считали, что из них следует “извлечь пользу” для освободительного движения. Требования прекращения войны стали открыто раздаваться везде; и все, кто пытались протестовать против мира, подвергались озлобленным нападкам или осмеянию»².

Моральное разложение русского общества наиболее ярко проявило себя в открытках, которые посылали курсистки Бестужевских курсов японскому микадо, поздравляя его с победами под Цусимой и Мукденом.

Опасность исходила и от других общественных настроений. В начале июня в Петергофе состоялась встреча Николая II с пред-

¹ Конец русско-японской войны // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1928. №3 (28). С. 200.

² Ольденбург С. С. Указ. соч. С.

ставителями оппозиционного общества. Выступивший от имени делегации князь С. Н. Трубецкой, сказал: «Мы знаем, Государь, — говорил он, — что Вам тяжелее нас всех... Крамола сама по себе не опасна... Русский народ не утратил веру в Царя и несокрушимую мощь России... Но народ смущен военными неудачами: народ ищет изменников решительно во всех — и в генералах, и в советчиках Ваших, и в нас, и в господах вообще... Ненависть неумолимая и жестокая поднимается и растёт, и она тем опаснее, что вначале она облекается в патриотические формы»¹.

22 мая кайзер передал своему «приятелю» президенту Рузвельту, что он «признает положение России настолько серьёзным, что [...] жизнь царя окажется в опасности»².

Вообще в этот период Вильгельм II проявлял такую «обеспокоенность» за жизнь Николая II, что невольно напрашивается подозрение: а не намекал ли германский император на возможность убийства царя в случае отказа пойти на мирные переговоры?

В те дни кайзер и президент действовали заодно. 24 мая, через два дня после письма Вильгельма II Рузвельту, американский посол в Петербурге Джордж Мейер по поручению Рузвельта добился аудиенции у Государя. Американский посол убеждал царя в необходимости созыва конференции по условиям мира с Японией. Николай II согласился на проведение конференции при условии, что в её работе не будут участвовать посредники, а требования Японии будут известны заранее³.

Необходимость заключения мира с Японией ставила перед императором Николаем II задачи чрезвычайной сложности. Трудно было рассчитывать, что японцы согласятся на приемлемые для России условия. Ведь в России ничего не было известно о том, что Япония находится на грани экономического коллапса и остро нуждается в мире. Сама же Япония громогласно требовала от России большой контрибуции и внешне была настроена воинственно. Её в этом поддерживала Англия, не зная, что Япония уже обратилась

¹ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 95.

² Die Große Politik. Bd. 19/II. S. 425.

³ Уткин А. Теодор Рузвельт. С. 166.

к САСШ с просьбой о посредничестве в заключении мира с Россией. 22 мая/4 июня Рузвельт запросил у Лондона мнения о возможных мирных условиях и получил холодный ответ, что «*правительство Его Величества ещё не получило никакого указания относительно условий мира, каких Япония будет ожидать теперь*», и «*что было бы бесполезно выражать мнение, основанное на предположениях*»¹.

27 мая/9 июня 1905 г. Эдуард VII заявил: «*Россия, возможно, будет ещё раз побита, и японцы, вероятно, возьмут Владивосток... Конtribusiция Японии причитается как победителю, по обычаю*»². 29 июня/11 июля Япония получила в Лондоне новый заём в 30 млн фунтов, что в финансовом отношении на какое-то время развязывало ей руки для продолжения войны с Россией. Рузвельт через германского посла в САСШ передал кайзеру для русской стороны: «*Царь должен отчётливо понять, что эта война проиграна, мир должен быть подписан с ясным осознанием того, что японцы — победители*»³.

Местом мирных переговоров русская делегация выбрала сначала Вашингтон, а затем американский Портсмут⁴. Николай II предложил возглавить делегацию послу в Париже А. И. Нелидову, а затем, когда тот отказался, послу в Риме Н. В. Муравьёву, который тоже отказался, сославшись, как и Нелидов, на болезнь. В конце концов Государь назначил главой делегации С. Ю. Витте. В данном случае это был очень удачный выбор. Витте слыл в САСШ «убеждённым либералом» и прогрессивным государственным деятелем. Кроме того, Витте имел довольно тесные контакты с Америкой, неплохо понимал американский менталитет и знал общественную жизнь. 29 июня Государь вызвал к себе Витте и объявил ему о назначении главным уполномоченным по ведению переговоров с Японией⁵. При этом Николай II сказал, что «он

¹ Dennett. (Т.) *Roosevelt and the Russo-Japanese War*. — New York, 1925. P. 210—211.

² Романов Б. А. Указ. соч. С. 379.

³ Уткин А. *Теодор Рузвельт*. С. 170.

⁴ Уткин А. *Теодор Рузвельт*. С. 170.

⁵ Витте С. Ю. *Воспоминания*. Т. I. С. 324.

желает искренно, чтобы переговоры пришли к мирному решению, но только он не может допустить ни хотя бы одной копейки контрибуции, ни уступки одной пяди земли»¹.

Перед отъездом в Портсмут Витте получил от Государя руководящие указания, сделанные им до этого на докладе Ламздорфа².

6 июля 1905 г. русская делегация выехала в САСШ на мирные переговоры с японцами. По дороге Витте остановился в Париже и встретился с М. Рувье, сказав ему, что России срочно понадобятся деньги или для продолжения войны, если мир не удастся заключить, или для ликвидации последствий войны, если мир заключить удастся. Рувье, однако, ответил, что в настоящее время Франция дать денег России не может. Деньги могут быть выделены только после заключения мира, но, так как Япония наверняка потребует большую контрибуцию, Франция поможет России выплатить эту контрибуцию. На парижских улицах русскую делегацию встречали либо равнодушно, либо с насмешками и злорадством³.

28 июля 1905 г. в адмиралтейском дворце Портсмута начались переговоры о мире. Японская сторона выдвинула свои требования: 1. Россия признаёт за Японией преобладающие политические, военные и экономические интересы в Корее. 2. Россия полностью эвакуирует Маньчжурию и отказывается от всех территориальных преимуществ и привилегий в этой области. 3. Япония обязуется вернуть Китаю, если будет дана гарантия, что будет реформировано и улучшено управление, все те части Маньчжурии, которые ею оккупированы, за исключением районов, на которые распространяется аренда Ляодунского полуострова. 4. Япония и Россия взаимно обязуются не противиться никаким общим мерам, касающимся всех стран, какие Китай может принять для развития торговли и промышленности в Маньчжурии. 5. Сахалин и все острова, к нему принадлежащие, и все государственные предприятия и собственность уступаются Японии. 6. Аренда Порт-Артура, Та-

¹ Витте С. Ю. *Воспоминания*. Т. 1. С. 324.

² Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 77.

³ Витте С. Ю. *Воспоминания*. Т. 1. С. 324.

лиена и прилежащих к ним территорий и территориальных вод, включая все права, привилегии, концессии и льготы, приобретенные Россией у Китая, должны быть переданы Японии. 7. Россия обязуется передать Японии железную дорогу между Харбином и Порт-Артуром, включая все права, привилегии и собственность, сюда принадлежащие, и все угольные копи, принадлежащие железной дороге или ею эксплуатируемые. 8. Россия сохраняет за собой и эксплуатирует Транс-Маньчжурскую железную дорогу при условии, что она будет использоваться исключительно в торговых и промышленных целях. 9. Россия возмещает Японии действительные расходы войны. 10. Все русские военные корабли, которые вследствие повреждений, полученных в бою, искали убежища в нейтральных портах и были там интернированы, должны быть переданы Японии, как законный приз. 11. Россия обязуется ограничить свои морские силы в водах Дальнего Востока. 12. Россия предоставит японским подданным неограниченные права на рыбную ловлю вдоль берегов и в заливах, гаванях, бухтах в реках, находящихся в ее владениях в Японском, Охотском и Беринговом морях¹.

Выполняя инструкцию царя, Витте в самом начале мирной конференции подчеркнул: в войне нет победителей и побежденных, а есть обоюдное стремление прекратить кровопролитие². Как верно пишет академик А. Н. Сахаров, *«ход переговоров убедительно показал, что Портсмутский мир вырос на почве общей заинтересованности непобедившей Японии и не проигравшей войну России»*³.

Перед Д. Комурой, главой японской делегации, микадо тайно поставил жёсткую задачу: заключить мир любой ценой. Государь такой задачи Витте не ставил. Получив 29 июля 1905 г. телеграммой японские требования, Николай II целиком вычеркнул пункты 5, 7, 9, 10, 11, а пункт 8 вычеркнул, начиная от слов *«при условии...»*.

¹ Романов Б. А. Указ. соч. С. 461.

² Сахаров А. Н. *Размышления о русско-японской войне 1904–1905 гг.* // Вопросы истории. 2007. № 4.

³ Сахаров А. Н. *Размышления о русско-японской войне 1904–1905 гг.* // Вопросы истории. 2007. № 4.

Причём Николай II написал на полях телеграммы: «Конечно, эти условия неприемлемы, те, которые мною отчёркнуты»¹.

Тем временем японская делегация настаивала на своих требованиях. 5 августа стало ясно, что конференция зашла в тупик.

Президент Рузвельт вновь обратился к кайзеру Вильгельму с просьбой о посредничестве. 7 августа в телеграмме к Николаю II Вильгельм посоветовал передать вопрос о войне и мире на обсуждение Государственной Думы, о созыве которой царь только что издал указ. «Если бы она (Дума) высказалась за мир, то Ты был бы уполномочен нацией заключить мир на условиях, предложенных в Вашингтоне твоим делегатам... Никто в твоей армии, или стране, или в остальном мире не будет иметь права Тебя порицать... Если Дума сочтёт предложение неприемлемым, то сама Россия чрез посредство Думы призывает тебя, своего Императора, продолжать борьбу, принимая на себя ответственности за все последствия»².

Ответ императора Николая II был твёрдым и однозначным: «Всякий порядочный русский согласен продолжать войну до конца, если Япония будет настаивать на двух пунктах: ни пяди нашей территории, ни одного рубля вознаграждения за военные расходы. А именно в этом Япония не желает уступить. Меня же никто не заставит согласиться на эти два требования. Поэтому нет надежды на мир в настоящее время. Ты знаешь, как я ненавижу кровопролитие, но всё же оно более приемлемо, нежели позорный мир, когда вера в себя, в своё Отечество была бы окончательно разбита»³.

10 августа уговорить Государя прибыл американский посол Д. Мейер. Он 2 часа убеждал Николая II согласиться на выплату контрибуции Японии и отдать ей Сахалин. Николай II сказал, что Россия контрибуции ни в какой форме платить не будет: «Россия — не побеждённая нация, она не находится в положении Франции 1870 года. Если понадобится, я сам отправлюсь на фронт». Мейер

¹ Романов Б. А. Указ. соч. С. 461.

² Император Вильгельм II — императору Николаю II. 7/20 августа 1905 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 385—386.

³ Император Николай II — императору Вильгельму II // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 387.

указывал, что южная часть Сахалина была в русских руках всего тридцать лет¹, что Россия без флота всё равно не имеет шансов вернуть остров. Николай II ответил, что в виде крайней уступки он готов согласиться на отдачу южной части Сахалина, но при условии, если японцы обязуются не укреплять её, а северную половину вернуть без всякого вознаграждения².

Напрасно Рузвельт посылал новую телеграмму Мейеру, призывая царя обратить внимание на то, что Россия рискует потерять Владивосток и всю Восточную Сибирь, напрасно Витте советовал, что следует согласиться на предложения Рузвельта, — Николай II оставался непреклонен. Как писал С. С. Ольденбург: *«Государь верил в Россию и Он готов был продолжать войну; в этом была Его сила. Он не считал, что Россия побеждена, и, соглашаясь на мирные переговоры, всегда имел в виду возможность их разрыва»*³.

12 августа Николай II написал письмо графу Ламздорфу, в котором дал окончательные указания по поводу условий мира: *«Необходимо окончить происходящие переговоры, ясно и категорически объяснив Президенту, что Россия далее того, что я сказал г. Мейеру, не пойдёт. И так уже, в моих глазах, сделана огромная уступка в том, что я соглашаюсь на удержание Японией южной половины Сахалина, но, разумеется, без малейшей уплаты денег за сохранение в нашей власти северной половины. Я допускаю широкое возмещение нами Японии расходов её по содержанию наших пленных, широкое, но разумное. Настаивать же на других денежных обязательствах напрасно — мною сказано последнее слово и от него я ни за что не отступлю. Представляю Президенту и всему миру судить, насколько благородно желание японцев, во что бы то ни стало, добиться получения денег — даже путём продолжения войны. Конечно, важно щадить самолюбие Президента, но для меня неизмеримо важнее и дороже заботиться и стоять на страже пользы и достоинства России.*

Передайте всё изложенное статс-секретарю Витте, с тем что-

¹ Остров Сахалин был передан России Японией в 1875 г. в обмен на все Курильские острова.

² Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 92.

³ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 93.

бы он заявил наш ответ завтра японским делегатам. Рузвельту тоже заготовить ответ в этом смысле. Николай»¹.

13 августа в Портсмуте Витте в беседе с двумя видными журналистами предположительно сказал, что Россия может заплатить 200—300 млн долларов за возвращение Северного Сахалина. В тот же день ему пришлось срочно опровергать свои собственные слова, так как пришла телеграмма с вышеизложенными повелениями Государя.

16 августа русская делегация выдвинула японской стороне свои условия мира: Россия отказывала в контрибуции, соглашаясь только уплатить за содержание русских пленных в Японии; она соглашалась уступить южную часть Сахалина при условии безвозмездного возвращения северной и обязательства не возводить на острове укрепления и гарантировать свободу плавания по Лаперузову проливу. А. Н. Сахаров пишет, что русской делегации не было известно о готовности Японии отказаться от Южного Сахалина. По тайному наказу своего правительства Комура должен был поступиться и Южным Сахалином, и Курильскими островами (это стало известно лишь в наши дни)².

«Российские уполномоченные имеют честь заявить, по приказу своего Августейшего Повелителя, что это — последняя уступка, на которую Россия готова пойти с единственной целью прийти к соглашению»³. Россия также отвергла японские требования о выдаче судов, укрывшихся в нейтральных портах, и об ограничении своего флота на Дальнем Востоке.

Наступила длинная пауза. Затем глава японской делегации Комура ровным голосом объявил, что японское правительство, в целях восстановления мира, принимает эти условия. Как пишет С. С. Ольденбург: *«Присутствующие, — и в том числе сам Витте, — были ошеломлены. Никто не ожидал, что японцы откажутся*

¹ Император Николай II — графу В. Н. Ламздорфу. 12 августа 1905 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 661. Л. 117—117а.

² Сахаров А. Н. *Размышления о русско-японской войне 1904—1905 гг.* // Вопросы истории. 2007. № 4.

³ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 102.

от контрибуции и согласятся безвозмездно вернуть половину захваченного ими острова! Витте весьма быстро освоился с положением и уже в беседе с журналистами умело приписывал себе всю заслугу этого успеха. Между тем внезапное решение японской делегации только показало, насколько Государь более правильно оценивал шансы сторон. Его готовность продолжать войну была реальной, в то время как со стороны японцев было немало блефа»¹.

Мирный договор был подписан 23 августа (5 сентября) 1905 г. Россия уступила Японии свои арендные права на Ляодунский полуостров и Южно-Маньчжурскую железную дорогу, соединявшую Порт-Артур с Китайско-Восточной железной дорогой. Россия также признала Корею японской зоной влияния.

В Японии известия о мире вызвали чувство глубокой горечи. В стране был траур, среди офицеров были часты случаи самоубийства (харакيري). Япония, вплоть до крушения императорской России, так и не стала единолично господствовать в Корее и в Маньчжурии.

Для императора Николая II согласие японской стороны на русские условия было также неожиданным, как и для членов делегации. Наверное, в глубине души Государь надеялся, что японцы отклонят эти предложения, и война, победа в которой была столь нужна России, продолжится. *«Ночью пришла телеграмма от Витте, — записал царь в своём дневнике 17 августа, — что переговоры о мире приведены к окончанию. Весь день ходил, как в дурмане»².* На следующий день, 18 августа, Николай II снова в своих мыслях возвратился к тому, что произошло в Портсмуте: *«Сегодня только начал осваиваться с мыслью, что мир будет заключён и что это, вероятно, хорошо, потому что должно быть так»³.*

Произошло, казалось бы, немислимое: Россия, которой все пророчествовали страшное поражение, потерю территорий, пол-

¹ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 102.

² Дневник императора Николая II. 1 августа 1905-5 мая 1906 г. Запись за 17 августа 1905 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 249.

³ Дневник императора Николая II. 1 августа 1905-5 мая 1906 г. Запись за 18 августа 1905 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 249.

ную утрату влияния в мире, вышла из войны непобеждённой. Заслуга в этом в первую очередь принадлежит императору Николаю II, который своей непоколебимой решительной верой в Россию спас её от позора и унижения. В. Н. Коковцов писал, что *«соглашение это состоялось главным образом потому, что Государь проявил величайшую настойчивость»*¹.

Заслуга С. Ю. Витте заключалась в том, что он смог полностью выполнить данные ему указания царя. Николай II телеграфировал вернувшемуся из Америки Витте: *«Приветствую Вас с возвращением из Вашингтона, после блестяще выполнения воли Моего поручения первостепенной важности. Приглашаю Вас прибыть ко Мне в Биорке-зунд на яхту “Полярная Звезда”. По Моему повелению яхта “Стрела” будет послана в Ваше распоряжение»*².

Государь принял Витте в своей каюте на «Полярной Звезде». Он сердечно и искренно благодарил его за успешное окончание крайне тяжелого поручения и за точное не только по букве, но и по духу выполнение данных ему инструкций³. За особые заслуги, проявленные в Портсмуте, Николай II пожаловал Витте графский титул. Об этом царь сообщал в письме к вдовствующей императрице Марии Фёдоровне: *«В Биорке к нам явился Витте — он был прост и весьма интересен. После длинного разговора с ним, когда я ему объявил о графском титуле, с ним почти случился “столчок” и затем он три раза старался поцеловать мне руку»*⁴.

Но русское общество встречало именно Витте как «спасителя России», и новоиспечённый граф сам в это быстро уверовал. В. Н. Коковцов писал, что в мемуарах Витте *«не нашлось места слову справедливости в пользу Государя, а всё приписано себе»*⁵.

18 августа 1905 г. император Николай II издал манифест об

¹ Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 79.

² Император Николай II — С. Ю. Витте // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 522. Л. 76.

³ Витте С. Ю. *Воспоминания*. Т. 1. С. 386.

⁴ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 29 сентября 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 5.

⁵ Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 77.

окончании войны с Японией. «16 августа, — говорилось в нём, — японское правительство уступило по всем предъявленным Нам условиям и настаивало лишь на возвращении ему той захваченной японскими войсками южной части острова Сахалина, которая уже принадлежала Японии до 1875 года и была уступлена России по взаимному договору того же года. По долгу совести Моей перед Богом и перед лицом всей России Я не признал возможным подвергать испытанные доблестные войска Мои и дорогую Нам Родину бесконечным ужасам и жертвам войны, ради сохранения части отдалённого острова, уступленного Нам Японией в 1875 году, особенно ввиду обязательств, которые японское правительство взяло на себя по отношению этого острова»¹.

Для России война закончилась весьма невыгодно. Большая Азиатская программа, на которую император Николай II возлагал столь большие надежды, была надолго остановлена, международные позиции России оказались подорванными, её влияние на Дальнем Востоке значительно ослабло. Революционеры и оппозиция раздували миф о «поражении царизма» и о «национальном позоре», постигшем Россию, хотя именно их подрывная деятельность вынудила царя пойти на переговоры и закончить войну.

¹ Высочайший Манифест об окончании войны с Японией // Ф. 601. Оп. 1. Д. 522.

ЧАСТЬ 3. МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ

Глава 1. Россия в борьбе за восстановление авторитета великой державы

Изменение государственного устройства России

Внешняя политика императора Николая II после окончания русско-японской войны не будет понятна, если не учитывать внутривластную обстановку, которая ей предшествовала. Очевидно, что именно революция 1905–1907 гг. имела решающее значение для преждевременного окончания войны с Японией, которое, в свою очередь, привело Россию к поискам компромисса с её главным геополитическим противником — Великобританией. Революция 1905 г., следствием которой стало изменение государственно-политической системы Российской империи, была вызвана не только внутренними, но и внешними причинами. Эти причины, замалчиваемые как советской, так и либеральной историографией, до сих пор мало изучены, ибо они в корне опровергают вывод о «восстании обездоленного народа» как движущей силы революции. Не углубляясь в эту тему, скажем, что социальное недовольство и напряжённость, явившиеся следствием

бурного развития российской экономики начала XX в., были умело использованы некоторыми западными кругами для устранения России как опасного промышленного конкурента. При этом наибольшую опасность представляло для этих кругов растущее лидерство России в энергетической сфере.

Уже в конце XIX в. стало ясно, что будущее мировой энергетики за нефтью. В XX век Российская империя вступила с крупнейшей и лучшей в мире нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленностью. По указу Николая II в 1896 г. экспорт сырой нефти был ограничен с целью развития собственной промышленности: 94% всей нефти перерабатывались внутри страны. Был совершён мощный рывок в машиностроении и других отраслях промышленности. Вся нефть из Баку шла не на экспорт, а на переработку в центральные районы России, стимулируя развитие всех видов транспорта. В 1900-х гг. качество русских машинных масел и других продуктов нефтепереработки было лучшим в мире. К началу XX в. ведущая отечественная нефтяная компания «БраНобель» начала экспорт нефтепродуктов (керосина, масел, бензина) в Европу. В начале XX в. Россия ежегодно экспортировала свыше 50 млн пудов нефтепродуктов (керосина и осветительных масел). В 1900 г. Россия добыла 632 млн пудов нефти. Наибольшее количество керосина Россия вывезла в 1904 г. — 85,1 млн пудов¹. Строился трубопровод, способный кардинально изменить мировой расклад на рынке нефтепродуктов. Кроме того, Россия имела большое влияние в Персии, стране, щедро богатой нефтью. Не случайно, что одновременно с революцией в России беспорядки вспыхнули и в Персии.

Угроза превращения России в энергетическую сверхдержаву вызывала сильную обеспокоенность промышленных кругов Запада, прежде всего САСШ и Великобритании. В декабре 1904 г., в разгар русско-японской войны, в Баку вспыхнули серьёзные волнения, которые шли под лозунгом увеличения заработной платы

¹ Манько А. *Из истории экспорта нефтепродуктов* // Нефтяное хозяйство. 2000. № 1.

рабочим. Но за кулисами этих беспорядков стояли английские и американские нефтяные конкуренты России, одним из представителей которых был английский промышленник Л. Уркварт. События 1905—1907 гг. во многом были вызваны стремлением тех же конкурентов устранить Россию с нефтяного рынка. Одновременно на Западе боялись успешного завершения русско-японской войны и установление русского контроля над сырьевыми ресурсами Дальневосточно-Азиатского региона. Поэтому революция 1905 г. была не только внутривнутриполитическим событием, но и результатом внешнего воздействия на Россию.

1905 г. продемонстрировал, что правящая элита, дворянство, в весьма значительной своей части больше не является, как раньше, верной опорой престолу. В письме к матери Николай II с горечью задавал риторический вопрос: *«Спрашивается, как и чем оно (дворянство. — П. М.) помогло правительству в страшную осень 1905 г.? Ровно ничем»*¹. Среди представителей элиты нашлись даже сторонники революции и противники самодержавной власти, но больше было паникёров и малодушных. Вице-адмирал З. П. Рожественский писал в те дни, что Государь *«лихорадочно ищет людей правды и совета и не находит их»*².

Письма Николая II вдовствующей императрице Марии Фёдоровне дают полное представление о том, что пришлось пережить Государю в 1905—1906 гг. Осенью 1905 г. царь писал о происходящем в Петрограде: *«Господа министры, как мокрые курицы, собирались и рассуждали о том, как сделать объединение всех министерств, вместо того чтобы действовать решительно. Когда на “митингах” (новое модное слово) было открыто решено начать вооружённое восстание и я об этом узнал, тотчас Трепову были подчинены все войска Петроградского гарнизона, я ему предложил разделить город на участки, с отдельным начальником в каждом участке.*

¹ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 53.

² Государь Император Николай Александрович: Сборник памяти 100-летия со дня рождения. — Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1968. С. 79.

В случае нападения на войска было предписано действовать немедленно оружием. Только это остановило революцию»¹.

В своём письме к Марии Фёдоровне от 27 октября Николай II писал: *«У меня каждую неделю заседает Совет. [...] Говорят много, но делают мало. Все боятся действовать смело, мне приходится всегда заставлять их и самого Витте быть решительнее. Никто у нас не привык брать на себя и все ждут приказаний, которые затем не любят исполнять»².*

В другом своем письме Николай II чётко объяснил причину успехов революционеров и паралича общества: *«Конечно, — сообщал Государь, — мне нелегко, но Господь Бог даёт мне силы трудиться и спокойствие духа, что самое главное. Именно это спокойствие душевное, к сожалению, отсутствует у многих русских людей, поэтому угрозы и запугивания кучки анархистов так сильно действуют на них. Без того у нас вообще мало людей с гражданским мужеством, ну а теперь его почти не видно»³.*

В условиях всеобщей растерянности и паники, которая усугублялась всеобщей забастовкой и революционным террором, император Николай II был вынужден пойти на глубокое изменение государственно-политической системы России. Манифестом 17 октября 1905 г. были провозглашены основные политические и гражданские свободы, учреждена Государственная Дума. Согласно ст. 86 Основных законов Российской империи в редакции от 23 апреля 1906 г., *«Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и воспринять силу без утверждения Государя Императора».* Государственный совет, бывший до реформы чисто совещательным органом при императоре, стал, наряду с Государственной думой, органом законодательным.

¹ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 19 октября 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 11.

² Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 27 октября 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 17–18.

³ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 8 декабря 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 23.

19 октября 1905 г. указом Государя для общего «управления и объединения действий главных начальников ведомств по предметам, как законодательства, так и высшего государственного управления» был образован Совет министров, взамен прежнего Кабинета министров. Заседания прежнего кабинета проходили только под председательством императора, собирались нерегулярно. При этом каждый из министров был ответствен перед императором каждый за свою деятельность. Теперь новый Совет министров представлял собой, говоря сегодняшним языком, «единую команду», возглавляемую председателем. Было установлено как общее правило, что *«все министерства и главные управления составляют единое управление и ни одно из них не может отделяться от других ни ввиду управления, ни в общей его цели»*¹.

Однако из ведения Совета министров были выделены дела, относящиеся к ведомству императорского двора, государственной обороны и внешней политики. Эти дела относились исключительно к компетенции императора и могли вноситься на обсуждение Совета министров только по Высочайшему повелению. Ст. 123 Указа устанавливала принцип, что как Совет министров, так и отдельные министры отвечают *«перед Государем Императором не только за свои личные действия и распоряжения, но и за общий ход государственного управления»*.

Ограничение полноты власти монарха было со стороны императора Николая II вынужденным шагом, в целесообразности которого он не был уверен. Большинство народа Российской империи не желало никакого ограничения Самодержавия. *«Я получаю много телеграмм отовсюду, — писал Николай II Марии Фёдоровне, — трогательного свойства, с благодарностью за дарованные свободы, но с ясным указанием на то, что желают сохранения Самодержавия. Зачем они молчали раньше — добрые люди?»*²

Учреждение Думы и дарование свобод, при всей революционности этого шага, не затрагивали основ Самодержавия. Импера-

¹ Основные законы Российской империи.

² Император Николай II — императрице Марии Фёдоровне. 27 октября 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 15.

тор Николай II заявил: *«Искренне говорю вам, верьте, что, если бы я был убеждён, что Россия желает, чтобы я отрёкся от самодержавных прав, я для блага её сделал бы это с радостью. Акт 17 октября дан мною вполне сознательно, и я твёрдо решил довести его до конца. Но я не убеждён в необходимости при этом отречься от Самодержавных прав и изменить определение верховной власти, существующее в статье 1 Основных законов уже 109 лет. Моё убеждение, что по многим соображениям крайне опасно изменять эту статью и принять новое её изложение»¹.*

Дарование свобод и учреждение Государственной Думы имело своей главной целью дать России возможность идти в ногу со временем, пройти опасный переход из одной исторической эпохи в другую, сохраняя самое себя, свои исторические формы государственности.

В результате из ст. 1 свода Основных законов, которая гласила: *«Государь Император есть Монарх Неограниченный и Самодержавный»*, было вычеркнуто только слово «неограниченный». Таким образом, Николай II по-прежнему оставался Самодержцем Всероссийским.

Концы 1905 и 1906 гг. были ознаменованы продолжением политических потрясений в России, которые не могли не сказаться на её международном положении. С. Ю. Витте, добившись должности главы правительства, пытался усилить своё влияние на государственную жизнь, в том числе и на внешнюю политику. Однако в условиях начавшегося после выхода манифеста 17 октября нового витка террора и мятежей, которые затронули даже армию, Витте впал в полную растерянность и заявил В. Н. Коковцову, что *«кругом ужас, я совершенно измучен и одинок, мои нервы истрепаны и голова отказывается соображать»².*

Как видно из письма Государя к матери, Витте уверял его, что после издания манифеста о даровании свобод *«правительство не только может, но и должно решительно проводить реформы и не допускать насилий и беспорядков. А вышло как будто наоборот — по-*

¹ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 684.

² Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 114.

всюду пошли манифестации, затем еврейские погромы и, наконец, уничтожение имений помещиков»¹

Растерявшийся Витте утратил либеральный дух и начал проповедовать совершенно противоположные вещи. «Витте после московских событий резко изменился, — писал Николай II матери, — теперь он хочет всех вешать и расстреливать. Я никогда не видал такого хамелеона, как он. Благодаря этому свойству характера почти никто больше ему не верит, он окончательно потопил себя самого в глазах всех»².

Николай II прекрасно понимал, что одними репрессиями нельзя добиться успокоения: «Это стоило бы потоков крови и, в конце концов, привело бы неминуемо к теперешнему положению, т.е. авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый и реформы не могли бы осуществляться»³.

Витте был отправлен в отставку. Причём Николай II полностью потерял к нему доверие, заявив: «Пока я жив, не поручу этому человеку самого маленького дела!»⁴ 22 апреля 1906 г. Николай II назначил новым председателем Совета министров пожилого савновника И. Л. Горемыкина. Когда В. Н. Коковцов высказал царю свои сомнения по поводу государственных способностей нового председателя, Николай II сказал: «Для меня главное то, что Горемыкин не пойдёт за мою спиною ни на какие соглашения и уступки во вред моей власти, и я могу ему вполне доверять»⁵. Тогда же, в апреле 1906 г., на должность министра внутренних дел Николай II назначил энергичного и целеустремлённого саратовского губернатора П. А. Столыпина.

¹ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 10 ноября 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 18.

² Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 36.

³ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 23.

⁴ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2329. Л. 24—25 об.

⁵ Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 169.

8 июля 1906 г. Столыпин сменил Горемыкина в должности председателя Совета министров. К этому времени революционная анархия достигла своего апогея. Теракты, разбои, грабежи следовали один за другим, их жертвами становились как представители власти, так и ни в чём неповинные люди. Николай II был полон решимости отстоять законный порядок и государственную власть, сохраняя тем самым страну. Царь сказал П. А. Столыпину: *«Я ясно вижу, что вопрос идёт просто об уничтожении монархии. Я обязан перед моей совестью, перед Богом и перед родиной бороться и лучше погибнуть, нежели без сопротивления сдать всю власть тем, кто протягивает к ней свои руки»*¹.

Император отдал распоряжение привести действующее уголовное законодательство в соответствие с переживаемым моментом. 24 августа 1906 г. был опубликован указ о введении военно-полевых судов, которые стали эффективным механизмом борьбы с революцией. Теперь за убийства и взрывы террористов ждал не публичный суд с присяжными, на котором они могли произносить свои зажигательные речи, а короткая и быстрая расправа.

В таком же духе действовали и верные царю войска. В декабре 1905 г. лейб-гвардии Семёновский полк под командованием полковника Г. А. Мина подавил опасный московский мятеж. Были подавлены или серьёзно ослаблены мятежи в Прибалтике, Кавказе, в Севастополе. *«Много банд уничтожено, — писал Николай II матери, — дома их и имущества сжигаются. На террор нужно отвечать террором»*².

Но царь действовал не только репрессиями. Важнейший удар по революции был нанесён Высочайшим манифестом 9 ноября 1906 г., поощрявшим крестьян выходить из общины. Правительство предоставляло крестьянам, решившим ехать осваивать земли в Сибирь, хорошие кредиты с большим сроком погашения. Аграрные беспорядки, вызванные безземельем, пошли на убыль.

Устами главы правительства П. А. Столыпина власть дала

¹ Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 212–213.

² Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 25 декабря 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 31.

жёсткий отпор революционерам и их тайным покровителям: «Не запугаете!», и было очевидно, что действительно такое правительство запугать не удастся. «Революция, объективно, кончилась», — был вынужден признать «легальный марксист» П. Б. Струве.

11 октября 1906 г. Николай II писал вдовствующей императрице: «Слава Богу, всё идёт к лучшему и к успокоению. Это всем ясно, и все это чувствуют»¹!

Революционные события тяжёло отразились на императоре. Помимо невероятной сложности, с какой далось ему решение коренным образом реформировать государственную систему, император испытывал нравственные страдания из-за каждодневной гибели своих подданных, в том числе и среди восставших. «Сколько убитых и раненых [...], — писал Николай II в письме к матери в конце 1905 г. — Подумать страшно, что это ведь свои люди»².

«Государь поразил меня своим видом, — делился своими впечатлениями от встречи царя с депутатами Первой Думы граф Д. А. Олсуфьев: — Цвет лица у него был необычный: какой-то мертвенно-жёлтый; глаза неподвижно устремлены вперёд и несколько кверху; видно было, что он внутренне страдает»³.

3 июня 1907 г. император Николай II распустил Вторую Думу и подписал новое законодательство о выборах. Николай II принял решение об изменении законодательства в условиях, когда большая часть Второй Думы была настроена не на позитивную созидательную работу, а на продолжение революции, только другими методами. В этих условиях жить по законам, дающим революционерам возможность продолжать вести свою разрушительную работу в рамках Думы, правительство не могло. Новый закон о выборах в Государственную Думу был необходим для окончательного подавления революции в России.

¹ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 11 октября 1906 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2329. Л. 25

² Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 17 декабря 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 20

³ Константин (Зайцев), архимандрит. *Чудо русской истории*. — М., 2000. С. 466.

Это тревожное, смутное время не могло не отразиться на внешнеполитическом положении России и на работе министерства иностранных дел.

Министерство иностранных дел в новой политической системе России

Согласно принятой в 1906 г. новой редакции Основных законов, верховное руководство внешней политикой по-прежнему полностью оставалось в ведении императора. Монарх по-прежнему лично встречался с главами других государств, назначал послов, принимал все решения, связанные с международной политикой. Все министры подчинялись напрямую царю, в том числе и министр иностранных дел. Министр имел право выходить к императору со своими предложениями и проектами, но они носили только рекомендательный характер. В особых случаях по указанию императора дело передавалось на коллективное обсуждение представителей различных обществ (Особые совещания)¹.

Аппарат Министерства иностранных дел был малочислен. В 1907 г. в центральном аппарате работало всего около 150 человек, вместе с заграничными служащими — 500². К 1914 г. он вырос до 700 за счёт заграничного консульского аппарата.

Государственный совет и Государственная дума могли обсуждать на своих заседаниях вопросы внешней политики, делать депутатские запросы, касающиеся некоторых её последствий на внутрироссийскую жизнь, а также утверждать бюджет правительства, в том числе и МИДа. Но законодательные учреждения не имели права рассматривать и обсуждать международные договоры до их утверждения императором. То есть законодательные органы не оказывали на внешнюю политику почти никакого влияния.

В структуре министерства произошли значительные изменения, которые смело можно назвать реформой МИДа Российской империи. Главным проводником этой реформы император назна-

¹ Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 27.

² Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 27.

чил в 1906 г. министра иностранных дел А. П. Извольского. Вместо деления по департаментам было введено деление по географическим отделам: 1-й политический (САСШ и Европа), 2-й политический (Балканы и Ближний Восток), 3-й политический (Средняя Азия) и 4-й политический (Дальний Восток). Кроме того, в состав министерства входили отдел печати, юрисконсультская часть, 1-й департамент по личному составу и хозяйственным делам, 2-й департамент (консульский) и Архив МИДа¹.

Заграничный аппарат МИДа состоял из посольств при великих державах (их было 8), миссий, политических и дипломатических агентств, генеральных консульств, вице-консульств и консульских агентов. Россия поддерживала дипломатические отношения со всеми европейскими державами, САСШ, большинством латиноамериканских и азиатских государств и с 3 африканскими странами (Эфиопией, Египтом и Марокко)².

Заграничные учреждения МИДа освещали главным образом проблемы страны их пребывания и проводили в этих государствах политику императорского правительства. В принятии политических решений их роль была весьма скромной, за исключением опытных послов при великих державах, мнение которых нередко учитывалось императором при принятии решений³.

Изменение структуры министерства придало внешнеполитическому ведомству более современный вид, она больше отвечала задачам внешней политики.

Международный курс страны вырабатывался также исключительно императором с опорой на МИД, а также на Военное и Морское министерства, министерство финансов. Эти три министерства имели при посольствах и миссиях своих представителей (военных и морских агентов), которые сообщали необходимые сведения в главное управление Генерального штаба и в Морской

¹ Емец В. А. *Механизм принятия внешнеполитических решений в России до и в период Мировой войны. Дискуссионные проблемы истории.* — М., 1994. С. 63.

² Игнатьев А. В. Указ. соч. С. 29.

³ Игнатьев А. В. Указ. соч. С. 29.

генеральный штаб. По большому счёту, речь шла о военной и финансовой разведке. Кроме того, с дипломатическими представительствами России были тесно связана заграничная агентура департамента полиции, которая вела борьбу за пределами империи с антиправительственными организациями российских эмигрантов, а также иностранных структур, ставивших своей целью свержение существующего строя в России. Опиралась на помощь дипломатов и созданная указом императора Николая II 21 января 1903 г. служба военной контрразведки¹.

Министр иностранных дел или один из его заместителей (товарищей) был обязан присутствовать на заседаниях Совета министров, которые проходили раз в неделю. Совет министров по вопросам внешней политики мог собираться либо по инициативе Государя, либо по инициативе председателя Совета министров.

События революции 1905–1907 гг. и их отражение на международной обстановке

Революция не обошла стороной, казалось бы, далёкое от внутренней политики Министерство иностранных дел. МИДу пришлось принимать участие в борьбе с революцией. Правда, не все сотрудники МИДа были готовы это делать. 28 декабря 1905 г. по ведомству министерства иностранных дел был разослан циркуляр № 31 министра графа В. Н. Ламздорфа, который, выполняя Высочайшее повеление, сообщал: *«Недопустимо, чтобы должностные лица, получающие полномочия от Государственной власти и действующие в силу её поручений, являлись скрытыми врагами существующего государственного порядка, противодействовали начинаниям Правительства и поддерживали враждебные ему стремления. [...] Правительство не потерпит на службе чиновников, оказывающих противодействие его видам и не повинующихся законной власти»*².

События 9 января в Петербурге и последующая смута вызвали

¹ Старков Б. А. *Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914*. — 1-е издание. — СПб.: Питер, 2006.

² Циркуляр по ведомству МИД. № 31. 28.12.1905. Санкт-Петербург.

в Европе целую волну антицарской истерии. Посланник в Брюсселе Н. Н. Гирс докладывал В. Н. Ламздорфу 11/24 января 1905 г.: «Вчера вечером произошла перед домом императорской миссии довольно шумная манифестация. Около ста человек явились процессией, стучали дубинами в ворота и ставни дома, крича неистово: «Убийцы, убийцы»»¹.

В Триесте 11/24 января 1905 г. толпа рабочих-социалистов, не менее 500 человек, подошла к зданию русского консульства и произвела враждебную России демонстрацию, выкрикивая лозунг «Долой Самодержавие!»² Русский консул в Триесте барон К. К. Кистер сообщал, что митингующие кидали камни в окна консульства. К вечеру вокруг русского представительства собралась враждебная толпа примерно в 1 тыс. человек.

Советник посольства в Риме А. Н. Крупенский докладывал 22 января/4 февраля: «Петербургские стачки и беспорядки произвели в Италии, как и везде за границей, сильное впечатление. Если нельзя отрицать, что чувство человеколюбия играло некоторую роль в сострадании здешнего населения к жертвам петербургской стачки, в сущности, симпатия эта была напускная. В ней выразилась общность целей всех недовольных элементов Европы, которые воспользовались этим удобным случаем для пропаганды своих разрушительных теорий. В Италии сочувствие народонаселения к убитым рабочим, число которых было неимоверно преувеличено в здешних органах печати, и неприязнь к России вообще выразилась в самой неприличной форме не только на улице, но, что самое знаменательное, в стенах самого парламента»³.

Большой проблемой для русского правительства стала борьба с незаконным ввозом оружия для революционеров и террористов

¹ Деша посланника в Брюсселе Н. Н. Гирса. 11/24 января 1905 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1925. Т. 2 (9). С. 33.

² Донесение консула в Триесте барона К. К. Кистера. 11/24 января 1905 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1925. Т. 2 (9). С. 34.

³ Деша советника посольства в Риме А. Н. Крупенского. 22 января/4 февраля 1905 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1925. Т. 2 (9). С. 35.

из-за границы. Активную роль в этом играли японские спецслужбы, а также некоторые американские финансовые круги. Оружие завозилось из разных европейских стран, в основном через Финляндию. 24 ноября 1905 г. Великий князь Николай Николаевич докладывал царю: *«Донесения наших военных агентов за границей устанавливают существование тайного ввоза оружия в Империю через Финляндию, принявшего за последние месяцы массовый характер»*¹.

Император Николай II писал вдовствующей императрице: *«Вооружение у подлецов отличное — английское и швейцарское. Морская граница у нас длинная, и охранять её от ввоза оружия крайне трудно»*².

В департамент полиции поступали сведения о завозе оружия из Гамбурга на пароходах через Белоостров. *«В Россию, — говорилось в донесении, — ввозится незначительная часть; большинство остаётся в Финляндии и предназначается на случай партизанской войны с Россией»*³.

Японское правительство, благодаря деятельности своего резидента в Стокгольме полковника М. Акаси, приобрело в Англии для отправки революционным различным группам в России 14 500 винтовок на общую сумму 15 300 фунтов стерлингов⁴. В июне того же 1905 г. финский сепаратист К. Циллиакус купил при помощи японцев английский 315-тонный пароход «Джон Графтон» и, загрузив его большой партией оружия, отправил в Россию через Балтийское море. В Финляндии революционерам удалось успешно выгрузить часть оружия, но 7 сентября корабль сел на мель и был взорван командой⁵.

¹ О запрещении хранения, продажи и ввоза из-за границы огнестрельного оружия // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 85. Л. 1–5.

² Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 15 декабря 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 28.

³ ГА РФ. ДП ОО. Оп. 1908. Д. 321 (1). Л. 24.

⁴ Павлов Д. Б., Петров С. А. *Японские деньги и русская революция*. — М.: Прогресс, 1993. С. 53.

⁵ Павлов Д. Б., Петров С. А. *Японские деньги и русская революция*. С. 52.

Большой резонанс в Европе сыграли последствия мятежа на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический». *«Ни одно предшествующее событие, — сообщал посол России в Великобритании граф А. К. Бенкендорф, — не произвело такого впечатления, как восстание на броненосце “Князь Потёмкин”. Впервые заговорили о революции и начали терять уверенность, что правительство является хозяином положения»*¹.

Оживились отсиживающиеся за границей российские левые политэмигранты, которые находили себе союзников в западной буржуазной печати. *«Заграничная печать всех стран и всех партий, — с восторгом писал Ленин, — полна известиями, телеграммами, статьями по поводу перехода части судов Черноморского флота на сторону русской революции. Газеты не находят слов для выражения своего изумления, для достаточно сильной характеристики того позора, до которого довело себя самодержавное правительство»*².

Мятежи на кораблях Черноморского флота летом 1905 г. — эскадренных броненосцах «Князе Потёмкине-Таврическом» и «Георгии Победоносце», а также на миноносце № 267 были организованы революционным подпольем и тесно связаны с мятежом в Севастополе. Император Николай II сразу понял чрезвычайную опасность этих восстаний. 12 июня 1906 г., узнав о случаях бунта в Севастополе и на этих броненосцах, царь послал телеграмму Главному командиру Черноморского флота и портов Чёрного моря вице-адмиралу Г. П. Чухнину телеграмму, в которой приказывал: *«Примите самые жёсткие решительные меры к подавлению восстания, как на Потёмкине, так и среди населения порта. Каждый час промедления может в будущем стоить потоков крови»*³.

Между тем события вокруг «Потёмкина» развивались следующим образом. После расправы над офицерами взбунтовавшиеся матросы захватили корабль и направились на нём к берегам Румы-

¹ АВП РИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. 1905 г. Д. 74. Л. 519.

² Ленин В. И. *Русский царь ищет защиты у турецкого султана* // Полное собрание сочинений. Издание 5-е. Т. 10. С. 345.

³ Император Николай II — вице адмиралу Г. П. Чухнину // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2109. Л. 16.

нии искать политического убежища. Выход мятежного броненосца, который представлял собой грозную силу, в открытое море вынудил пароходные компании, среди которых были и иностранные, отменить плавание своих судов по Чёрному морю. Всё это сильно было по престижу России. Российское телеграфное агентство передало 16 июня из Лондона, что английские «морские страховые компании предъявили желающим страховать пароходы против риска войны и повреждения со стороны возмущившегося экипажа броненосца «Князь Потёмкин-Таврический» неимоверно высокие премии в 75 фунт. стерл. 75 шиллингов со ста. В палате общин три депутата предъявили запросы правительству относительно одесских беспорядков, ввиду нахождения там большого количества англичан. Лорд Перси ответил, что сведения, сообщенные по телеграфу британским консулом в Одессе, уже опубликованы в газетах. На вопрос сэра Альберта Роллита, какие будут приняты меры для ограждения личной безопасности англичан, их судов и собственности в Чёрном море, Бальфур ответил, что трудно сказать, какие меры следует принять относительно беспорядков в городе, не состоящем под английской властью»¹.

По приказу Николая II товарищ министра внутренних дел генерал Д. Ф. Трепов срочно направил В. Н. Ламздорфу телеграмму: «На броненосце черноморской эскадры «Князь Потёмкин-Таврический» произошло восстание нижних чинов, которые, умертвив часть офицеров, а других высадив на берег, завладели судном и с присоединившимся миноносцем взяли курс из Одессы в море, по видимому, направляясь к Константинополю.

Сообщая о сем, имею честь покорнейшее просить, Ваше Сиятельство, не отказать немедленно войти с представлениями к правительствам Турции, Румынии и Болгарии о недопущении на берег кого-либо из лиц на указанном броненосце и миноносце»².

Соответствующие послания были направлены Ламздорфом в указанные государства, в том числе и правительству Румынии, в чей порт Констанца мятежный броненосец прибыл 20 июня 1905 г.

¹ Российское телеграфное агентство за 16 июня 1905 г.

² Д. Ф. Трепов — графу В. Н. Ламздорфу // Красный архив. Исторический журнал. 1925. Т. 4—5 (11—12). С. 195—196.

В этот день Николай II записал в дневник: «*Чёрт знает, что происходит в Черноморском флоте. Три дня тому назад команда “Георгия Победоносца” присоединилась к “Потёмкину”, но скоро опомнилась, просила командира и офицеров вернуться и, раскаявшись, выдала 68 зачинщиков. “Потёмкин” очутился сегодня перед Констанцей в Румынии. На “Пруте” тоже были беспорядки, прекращенные по приходе транспорта в Севастополь. Лишь бы удалось удержать в повиновении остальные команды эскадры! Зато надо будет крепко наказать начальников и жестоко мятежников»¹.*

Румынские власти отказали команде «Потёмкина» в заправке броненосца углём, топливом и водой, а затем предложили «потёмкинцам» высадиться на берег и стать политическими эмигрантами². Таким образом, румынское правительство ответило отказом на просьбу Николая II выдать бунтовщиков с «Потёмкина» как уголовных преступников. Эти действия румынской стороны позволили мятежной команде уйти из Констанцы и направить броненосец в Феодосию. Министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф отвечал генерал-майору Д. Ф. Трепову: «*Считаю долгом уведомить Ваше Превосходительство, что румынское правительство не располагало, к сожалению, достаточными силами, чтобы принудить команду “Князя Потёмкина” к безусловной сдаче и обещало сдавшимся рассматривать их как военных дезертиров, не подлежащих выдаче России. При таком положении дела предъявлять королевскому правительству требование о выдаче мятежников было бы в настоящее время бесполезно, но можно не сомневаться, что присутствие в стране столь опасных элементов явится крайне обременительным для Румынии, и правительство оной впоследствии, при известных условиях, охотно постарается от них избавиться, сдав их постепенно нашим властям...»³*

¹ Дневник императора Николая II. Запись за 20 июня 1905 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп.1. Д. Л.

² Гаврилов Б. И. В борьбе за свободу: Восстание на броненосце «Потёмкин». — М.: Мысль, 1987. С. 44.

³ Флот в 1905 г. I. Восстание броненосца «Потёмкин-Таврический» // Красный архив. Исторический журнал. — М, 1925. № 4–5 (11–12).

22 июня 1905 г. «Потёмкин» пришёл в Феодосию, команда сошла на берег, матросы стали вести революционные речи, устраивать митинги. Местные власти фактически капитулировали перед мятежниками и согласились выполнить все их требования. На броненосец властями Феодосии было доставлено: хлеб, мука, мясо и четыре живых быка¹.

Николай II писал Г. П. Чухнину: *«Какие меры предположены Вами к прекращению шатания "Потёмкина" по портам? Очень пора покончить с этим невыносимым положением»*².

Между тем осмелевшие от своей безнаказанности мятежники были атакованы во время похищения угля из частных шхун ротой солдат под командованием полковника А. А. Герцыка. Потеряв несколько человек убитыми, «потёмкинцы» поспешили обратно на броненосец, который в 11 ч. ушёл в открытое море. «Потёмкин» снова направился к румынским берегам, рассылая повсюду прокламации, в которых говорилось, что он *«ведёт войну против России, но не будет нападать на иностранные города или корабли»*³. «Броненосец» второй раз прибыл в Констанцу, но над ним уже не было красного флага, который команда выбросила в море при подходе к румынским берегам. Мятежники опять рассчитывали на благосклонность румынских властей, тем более что общественное европейское мнение было не на стороне русского правительства. Подталкиваемый западными державами, турецкий султан Абдул-Гамид II обратился к царю с просьбой не наказывать строго мятежников и оказать им снисхождение. Подобные же голоса раздавались из Румынии. Николай II остро реагировал на подобные просьбы. Царь с самого начала заявил, что мятежники нарушили долг присяги и позорят честь России, а потому, *«если они не образумятся немедленно»*, с ними поступят *«как с клятвопреступниками»*

¹ Гаврилов Б. И. Указ. соч. С. 134.

² Император Николай II — вице-адмиралу Г. П. Чухнину // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1050. Л. 9.

³ Флот в 1905 г. I. Восстание броненосца «Потемкин-Таврический» // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1925. №4—5 (11—12). С. 199.

и изменниками»¹. Д. Ф. Трепов писал В. Н. Ламздорфу: «Что касается предполагаемого султаном прощения от имени Государя Императора взбунтовавшейся команде, то о таковой мере и речи быть не может»².

Румыния согласилась предоставить убежище мятежникам с «Потёмкина». 24 июня команды «Потемкина» и другого мятежного судна, миноносца № 267, сошли на берег и сдались румынским властям. Власти разрешили им стать эмигрантами. «Потёмкинцы» разворовали судовую кассу и разбрелись по Европе. Сам броненосец румынские власти вернули русским властям. Позднее некоторые из членов команды все же предстали перед русским судом и получили соответствующее законодательству того времени наказание.

Альхесирасская конференция и французские займы

Русско-японская война серьёзно подорвала международный имидж России. Раздуваемая всеми врагами Российской империи кампания о слабости русской армии, о бездарности её командования, о косности бюрократического аппарата, об «огромных жертвах», якобы понесённых Россией в этой войне, сочетались с утверждениями, что царское правительство способно успешно воевать только с собственным народом. Эта кампания способствовала созданию на западе образа России-пугала, огромного, кровавого и в то же время слабого, неспособного справиться даже с маленькой Японией. Левые европейские круги, тесно связанные с российскими революционерами, предсказывали скорое падение монархии. Конечно, это сильно подрывало авторитет России в Европе, особенно во Франции, в которой всё чаще стали слышаться призывы разорвать союз с «царским правительством». Частные

¹ Император Николай II — вице адмиралу Г. П. Чухнину // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1052. Л. 2.

² Д. Ф. Трепов — В. Н. Ламздорфу // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1925. № 4–5 (11–12). С. 197.

лица, которые ещё недавно с такой охотой подписывались на русские заёмы, теперь не решались на это и отзывали свои подписи.

В новой международной обстановке, сложившейся под влиянием военных неудач и революции 1905—1907 гг., России пришлось внести принципиальные изменения в свою внешнюю политику. Теперь Россия уже не была настолько сильна, чтобы проявлять активность одновременно в Европе, Центральной Азии и на Дальнем Востоке. По оценке Министерства иностранных дел, безопасность России к 1906 г. оказалась под угрозой «*на всём протяжении её восточных границ...*»¹.

Если раньше Николай II ставил своей главной целью продвижение России на Восток при сохранении добрососедских отношений на Западе, то теперь речь шла о временном отказе от восточной экспансии и переключении внешней политики на Запад. Первой и самой важной причиной этого было катастрофическое положение с финансовыми средствами в России. Внутренний кризис вызвал падение курса российских государственных облигаций, вынудив правительство выплачивать по ним высокие проценты. В ходе революции 1905—1907 гг. российские облигации, обращавшиеся в Западной Европе, существенно упали в цене.

Напуганные ростом революционного движения, представители российских деловых кругов и другие состоятельные люди стали в срочном порядке переводить золотые рубли в заграничные банки и тем самым еще больше усложнили финансовое положение России. Появилась реальная угроза, что русская денежная система золотого обращения рубля, столь недавно созданная, может рухнуть.

Ещё во время своего нахождения в Портсмуте С. Ю. Витте вёл переговоры с американскими деловыми кругами во главе с крупным капиталистом Дж. Морганом о предоставлении России займа. Морган от лица американского делового сообщества отклонил предложение о распределении всего займа в САСШ, но согласился принять участие в международном займе².

¹ Греков Н. В. *Русская контрразведка в 1905—1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы.* — М.: МОНФ, 2000. С. 46.

² Астафьев И. И. Указ. соч. С. 12.

В декабре 1905 г. председатель Совета министров Витте, заручившись поддержкой французского премьера М. Рувье, обратился к банкирскому сообществу Ротшильдов с просьбой принять участие в этой финансовой операции. Однако Ротшильды имели в Российской империи не только экономические, но и политические интересы. Дом Ротшильдов был врагом русского самодержавия и в немалой степени финансировал революцию 1905—1907 гг. На словах предоставление России займа Ротшильды увязывали с расширением прав русских евреев¹. На самом деле этот банковский дом стремился к устранению России как опасного экономического конкурента.

15 декабря 1905 г. Николай II поручил статс-секретарю В. Н. Коковцову срочно отправиться в Париж для получения небольшого займа. По словам Коковцова, этот заём преследовал две цели: *«Не допустить введения принудительного курса, то есть разрушить введённое у нас с таким трудом денежное обращение, и получить некоторый аванс в счёт неизбежного большого ликвидационного займа»*².

Кроме того, император Николай II поручил В. Н. Коковцову напрямую довести до сведения французского правительства о своей готовности поддержать Францию на предстоящей Альхесирасской конференции, которая должна была начать свою работу в январе 1906 г. и урегулировать франко-германский спор вокруг Марокко. *«Я думаю, — сказал император, — что моя поддержка, особенно ясно заявленная французскому правительству, помимо обыкновенной передачи через Министерство и нашего посла, могла бы быть особенно полезна»*³.

Николай II велел Коковцову на обратном пути из Парижа захватить в Берлин и добиться от банкира Мендельсона отсрочки платежей 1905 г., выплата по которым приходилась на весну 1906 г. Он должен был также представиться императору Вильгельму и объяс-

¹ Лотман Герберт Р. *Ротшильды — короли банкиров.* — Мн. Смоленск, 1997. С. 125—126.

² Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 116.

³ Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 119.

нить цель своей поездки в Париж, дабы устранить всякие ложные толкования¹. Коковцов вспоминал: *«Государь сказал мне, что обострения между Францией и Германией по вопросу о Танжере его настолько беспокоят, что он не желал бы их усугублять, давая пищу выдумывать, что на меня возложено какое-либо политическое поручение, и что он предпочитает прямо и откровенно изложить через меня, для чего именно я был в Париже и что мною там сделано»*².

Деловой Париж встретил Коковцова неприветливо. Ему было заявлено, что не верят в быстрое подавление московского мятежа и революции в целом. Французские банкиры предлагали России отказаться от золотого обеспечения своей денежной единицы и ввести принудительный курс кредитного рубля. До тех пор, заявляли они, ни о каких займах для России речи идти не может.

*«Все банкиры, — сообщал В. Н. Коковцов в своей телеграмме С. Ю. Витте от 24 декабря 1905 г., — твёрдо и единодушно заявляют и очень твердо категорическую невозможность ближайшего займа, каким бы он ни был: долгосрочным твёрдым кредитом или займом на срок от 6 до 10 лет. Для этого две причины: первая, это — недоверие по отношению к нашему внутреннему положению, несмотря на первые данные успокоения, и отсутствие уверенности, что публика примет участие в этом займе; вторая, не менее значительная, это — страх столкновения с Германией из-за Марокко»*³.

Не лучше встретили русского финансиста и политические круги Франции. Коковцов прождал главу французского кабинета М. Рувье около двух часов. Рувье встретил Коковцова неприветливо и стал критиковать русскую экономическую политику во время русско-японской войны. Рувье, однако, сказал, что готов быть посредником между русским правительством и французскими банкирами⁴.

Рувье высказал пожелание, чтобы Россия поддержала Фран-

¹ Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 127.

² Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 127.

³ В. Н. Коковцов — С. Ю. Витте // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1928. Т. VI. С. 26.

⁴ Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 122.

цию на Альхесирасской конференции. Коковцов в ответ сказал, что император Николай II уже выразил свою готовность поддерживать Францию, и соответствующие указания посланы русскому представителю в Альхесирасс. Эти слова подействовали на Рувье самым благотворным образом, и он обещал Коковцову своё полное содействие в получении займа. Прощаясь, Рувье просил передать *«Его Величеству, что правительство Республики глубоко тронуту тем, как тонко оценил Император наше трудное положение и какую неоцененную услугу он нам оказывает, обеспечивая, конечно, сохранение мира, так как на конференции мы выступим компактной массой против наших противников, всегда рассчитывающих на наше несогласие»*¹.

Последующая встреча Коковцова с президентом республики Э. Лубе проходила в самых любезных тонах. Лубе заявил, что вполне понимает всю необходимость для России сохранения своего денежного обращения и выразил убеждённость, что если Рувье обещал помочь, то вопрос будет обязательно решён. Одновременно президент не забыл намекнуть, что готовность *«вашего Государя помочь Франции в Альхезирассе обеспечивает заранее ей сохранение мира и обязывает ее всеми доступными ей средствами помогать своей союзнице и во внутренних затруднениях и в переживаемом финансовом кризисе»*².

На встрече с банкирами Рувье энергично потребовал от них выполнить просьбу России о займе, а когда представитель «Лионского кредита» попытался возражать, Рувье на повышенных тонах сказал, что устойчивое положение денежного обращения в России нужно для Франции и для её правительства. Причём эту фразу французский премьер сопровождал *«такой энергичной репликой, что вся оппозиция замолкла»*³.

В результате 29 декабря/11 января 1905 г. Россия получила заём Парижско-Нидерландского банка, директором которого был Э. Нейцлин, в 267 млн франков (100 млн рублей) под весь-

¹ Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 123.

² Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 123.

³ Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 125.

ма выгодным процентом. Эта сумма рассматривалась как аванс будущего большого международного займа¹. Получение Россией этого займа предстояло обсудить после окончания Альхесирасской конференции². Главную роль в положительном исходе поездки В. Н. Коковцова в Париж сыграло переданное Николаем II его личное заверение французскому правительству о поддержке Франции в вопросе по Марокко и, безусловно, талантливое ведение переговоров самим Коковцовым.

10 января 1906 г. Коковцов, возвращаясь в Петербург, остановился в Берлине, где встретился с императором Вильгельмом. Встречу эту никак нельзя назвать тёплой, причём ни в прямом, ни в переносном смысле. Кайзер, который совершал прогулку по Тиргартену, заставил Коковцова более часа ожидать его в едва отапливаемом холодном помещении. Когда же наконец Вильгельм появился, то сухо предложил Коковцову прохаживаться вместе с ним по зале, чтобы не замёрзнуть, так как он, кайзер, озяб, а топить помещение не имеет смысла. Выслушав рассказ Коковцова о результатах его поездки в Париж, Вильгельм II также сухо и безучастно сказал: *«Я не большой финансист и не совсем понимаю, почему России так нужно заботиться о своей денежной системе, когда у неё столько других забот»*. При этом Вильгельм спросил Коковцова, не считает ли он странным, что *«среди общего развала, среди постоянных волнений, которые могут снести всё, что есть ещё консервативного в Европе, две монархические страны не могут соединиться между собою, чтобы составить одно плотное ядро и защищать своё существование. Разве это не прямое безумие, что вместо этого монархическая Россия через голову монархической же Германии ищет опоры в революционной Франции и вместе с нею идёт всегда против своего естественного и исторического друга?»*³

При этом «естественный и исторический друг» ни словом не

¹ Русские финансы и европейская биржа в 1904–1906 гг. — М.; Л., 1926. С. 271.

² Ананьич Б. В. *Россия и международный капитал. 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений.* — Л., 1970. С. 159.

³ Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 128.

обмолвился о том, что его правительство, пользуясь различными рычагами, оказывает давление на Англию и Францию с целью не допустить предоставления кредитов России. Кстати, по утверждению В. Н. Коковцова, одним из таких «рычагов» кайзера был не кто иной, как С. Ю. Витте, который в беседе с рейхсканцлером Б. фон Бюловым 25 сентября 1905 г. сообщал, что «ему удалось в последнюю минуту помешать заключению русского займа во Франции и Англии» при встречах с Рувье и Лубе в Париже¹.

Коковцов от ответа германскому императору уклонился. Он «как бывший министр финансов, лучше, нежели кто-либо другой, понимал, что России для того, чтобы она осталась монархической, придётся ещё не раз выступить вместе с Францией против своего «естественного и исторического друга»².

В отличие от кайзера, встреча с главой банковского дома Э. Мендельсоном прошла у Коковцова успешно. Переговоры с ним не составили большого труда: банкир сразу согласился на полугодичную отсрочку³.

Дальнейшее получение денег было связано с позитивным для Франции окончанием Альхесирасской конференции. По этому поводу Витте вспоминал, что Николай II передал ему и Ламздорфу содержание письма императора Вильгельма, согласно которому, заём не удаётся не из-за Альхесирасса, а потому, что «все еврейские денежные короли не желают принимать участия в операции»⁴.

Ламздорф опровергал это, говоря что, «вопреки распространённому мнению, будто бы препятствием к заключению Россией займа служит еврейская агитация, мы имеем положительные данные о том, что лишь полная неизвестность исхода Альхесирасской конференции побуждает французских банкиров воздерживаться от всяких финансовых сделок»⁵. Ламздорф был прав в этом вопросе лишь

¹ Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 128.

² Астафьев И. И. Указ. соч. С. 31.

³ Русские финансы... С. 31.

⁴ Витте С. Ю. *Воспоминания*. Т. 2. С. 112.

⁵ В. Н. Ламздорф — Н. Д. Остен-Сакену. 7 февраля 1906 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 85. Л. 1–2.

отчасти. Действительно, Эрнст Мендельсон-Братольди был настроен миролюбиво по отношению к России и никак не связывал предоставление ей займов с политическими вопросами. Но банкирские дома Ротшильдов, Шиффов и Кунов в САСШ, Франции и Англии делали всё, чтобы помешать России получить займы.

20 марта 1906 г. Государь снова поручил В. Н. Коковцову отправиться в Париж для заключения большого займа по ликвидации последствий войны¹. Визит Коковцова в Париж совпал с резким обострением франко-германского спора из-за Марокко в Альхесирассе. Вообще само проведение конференции явилось ярким образцом недалёковидности германского императора как дипломата. Ещё летом 1905 г., когда Вильгельм II настаивал на международной конференции, Рувье предлагал кайзеру покончить дело полюбовным соглашением между Парижем и Берлином, причём французы уступили бы Германии часть Марокко. Это было очень выгодно для Германии, но кайзер не согласился. Впоследствии германская дипломатия весьма сожалела об этой ошибке императора: случая утвердиться в Марокко уже больше никогда не представилось².

В декабре 1905 г. между германской и французской делегациями возник острый спор по поводу марокканской полиции. Немцы считали, что полицейский надзор должен осуществляться марокканским султаном, а французы добивались мандата самим руководить полицией, в крайнем случае соглашаясь разделить это право с Испанией³. Рейхсканцлер Бюлов на совещании в германском МИДе 10/23 декабря 1905 г. высказал своё убеждение, что в случае, если французы будут настаивать на своём мандате в Марокко, то Германии следует не допускать этого любыми средствами, вплоть до вооружённого конфликта⁴.

¹ Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 143.

² Тарле Е. В. *Европа в эпоху империализма*. — М.: Издательство Академии наук, 1958. С. 213.

³ Астафьев И. И. *Русско-германские дипломатические отношения. 1905—1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения)*. — М.: Издательство Московского университета, 1972. С. 35.

⁴ Астафьев И. И. Указ. соч. С. 35.

25 января/8 февраля 1906 г. М. Рувье попросил русского посла А. И. Нелидова телеграфировать в Петербург просьбу французского правительства «о срочном вмешательстве в Берлине с поддержкой франко-испанского решения о полиции»¹. 27 января/10 февраля французский посол М. Бомпар на приёме у В. Н. Ламздорфа заявил, что вопрос о полиции — «это звезда всей конференции» и, как только он будет решён, успех конференции будет обеспечен². Бомпар намекнул, что парижский кабинет рассчитывает на личное вмешательство императора Николая II³. Ламздорф указал послу, что такое вмешательство чрезвычайно деликатно и представляет собой последнюю карту, которую не стоит открывать без крайней необходимости, но обещал доложить Николаю II о просьбе французского правительства⁴. При этом Ламздорф в свою очередь намекнул послу, что вопрос с русской помощью по Марокко связан с вопросом французской помощи по займу.

На следующий день, 28 января, Ламздорф подал Государю докладную записку с изложением просьбы французского правительства. Николай II написал на ней резолюцию: «Об этом вопросе я много думаю»⁵. Царь решил оказать давление на императора Вильгельма с целью смягчить его позицию по марокканскому вопросу. Решимость германского императора настоять на своём неуклонно возрастала. Русский посол в Берлине граф Н. Д. Остен-Сакен писал Ламздорфу: «Германия будет твёрдо держаться намеченной позиции, и что сам император будет настаивать на выполнении своей программы»⁶.

Когда известие об этом дошло до французских правящих кругов, оно вызвало там неподдельный страх. М. Рувье был готов в очередной раз уступить немцам. Кайзер Вильгельм считал, что

¹ М. Rouvier à M. Bompard. Le 8 février 1906. // DDF. 9-série. V. 1. № 142.

² М. Bompard à M. Rouvier. Le 10 février 1906. // DDF. 9-série. V. 1. № 142.

³ Астафьев И. И. Указ. соч. С. 36.

⁴ Астафьев И. И. Указ. соч. С. 36.

⁵ Астафьев И. И. Указ. соч. С. 36.

⁶ Н. Д. Остен-Сакен — В. Н. Ламздорфу. 28 января 1906 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1930. Т. 4–5 (41–42). С. 21.

Франция полностью покорилась его воле, и вся конференция в Альхесирассе должна была эту покорность лишней раз продемонстрировать. Во время аудиенции германский император заявил А. П. Извольскому: «Я бросил перчатку Франции по поводу марокканского дела, и она не осмелилась её принять»¹.

По поручению императора Николая II граф Ламздорф писал графу Н. Д. Остен-Сакену: «Франция дошла до крайних пределов уступчивости, согласившись принять почти все пункты последних предложений Берлинского кабинета»². Ламздорф считал, что эта позиция Берлина направлена не только против Франции, но и против России. «Германскому правительству, — писал Ламздорф послу, — хорошо известно, что с благополучным окончанием Альхесирасской конференции тесно связан вопрос чрезвычайно важных для России денежных операций. Только с осуществлением последних, Императорское правительство в состоянии будет принять все необходимые меры к окончательному искоренению революционного движения»³.

Далее Ламздорф поручил Остен-Сакену довести до сведения высших германских сфер нижеследующее: «Мы отказываемся верить, чтобы Император Вильгельм, с твёрдым убеждением высказывавшийся перед нашим Августейшим Монархом за необходимость, в интересах всего человечества, сохранения мира, а также сближения, при посредстве России, между Германией и Францией, решился бы вызвать разрыв конференции, и таким образом не только отказался бы от намеченной политической программы, но и вместе с тем посеял среди европейских Держав тревогу, которая по многочисленным последствиям не менее пагубна, чем открытая война»⁴.

Это письмо ставило кайзера в весьма двусмысленное поло-

¹ Извольский А. П. Указ. соч. С. 58.

² В. Н. Ламздорф — Н. Д. Остен-Сакену. 7 февраля 1906 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.

³ В. Н. Ламздорф — Н. Д. Остен-Сакену. 7 февраля 1906 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 85. Л. 1—2.

⁴ В. Н. Ламздорф — Н. Д. Остен-Сакену. 7 февраля 1906 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 85. Л. 2.

жение. Дело в том, что после окончания русско-японской войны официально вступил в силу Бьёркский договор между Россией и Германией. При этом царь и кайзер договорились делать всё, чтобы убедить Францию присоединиться к этому договору. В случае разрыва и военного конфликта Германии с Францией из-за Марокко Вильгельм II сам оттолкнул бы от себя Париж и сделал бы присоединение Франции к Бьёркскому договору невозможным, о чём тонко и намекал в письме Ламздорф.

С другой стороны, царь понимал, что отказ Вильгельма II от соблюдения статей Бьёркского договора, а враждебные действия в отношении Франции являлись именно таким нарушением, даст возможность России поступить подобным же образом. Если бы кайзер продолжил свою агрессивную риторику в отношении Парижа, то она заставила бы Францию быстрее соглашаться на предоставление России займа.

9 февраля 1906 г. Николай II принял французского посла М. Бомпара, который привёз письмо нового президента республики Армана Фальера, извещавшее о его вступлении в президентскую должность¹. Во время встречи император Николай II заверил Бомпара в своей неизменной поддержке Франции и выразил недоумение поведением Германии, которое противоречило Бьёркским договорённостям².

Между тем для России поддержка Франции на Альхесираской конференции была весьма важна не только из-за вопроса предоставления ей интернационального займа. Дело в том, что неудача в русско-японской войне крайне ослабила влияние России на международные дела, чем не преминула воспользоваться кайзеровская Германия. Английская «Вестминстерская газета» отмечала: *«Нельзя игнорировать того факта, что многие вещи, которые были неважны для Германии, пока Россия была сильна, стали важными, когда она ослабела»*³. В Берлин из германского посольства в Лондоне поступали сообщения о том, что *«бритты жалу-*

¹ М. Bompard à M. Rouvier. Le 9/22 février 1906 // DDF. 9-série. V. 1. № 263.

² М. Bompard à M. Rouvier. Le 9/22 février 1906 // DDF. 9-série. V. 1. № 263.

³ Остальцева А. Ф. Указ. соч. С. 95.

ются, что вследствие краха России Германия на Западе сделалась всемогущей»¹.

Осознание роли России как сдерживающего фактора стало приходиться даже к англичанам. Та же «Вестминстерская газета» писала: «Россия рассматривала себя как хранительницу равновесия в Европе. Последние события в Европе показали, что Германия имеет первенство в Европе и намерена использовать это преимущество для практических целей. Мы узнали, что ослабление России означает усиление Германии, и ничем нельзя этому помешать»².

Предположения английских и французских правящих кругов, что между Россией и Германией существует секретный союзный договор, приводили государства Антанты к мысли о том, что Петербург перешёл в подчинение рейху и не способен вести самостоятельную политику. Ходили упорные слухи, что Россия будто бы отказалась поддерживать Францию в вопросе по Марокко и всецело приняла сторону Германии³. Вильгельм II ставил себе целью доказать Франции на конференции в Альхесирасе, что её союзники, Россия и Англия, ничего не могут сделать в поддержку III Республики, а потому ей следует капитулировать в Марокко и заключить союз с Германией.

В связи с этим России было весьма важно продемонстрировать на конференции, что, несмотря на русско-японскую войну и революционную смуту, она по-прежнему является великой державой, способной влиять на мировую политику. Для этого Николай II поручил В. Н. Ламздорфу отправить послу в Париже А. И. Нелидову циркулярную ноту, в которой послу предписывалось довести до русского представителя на конференции В. Р. Бахерахта, что русская делегация должна на этой конференции всецело поддерживать Францию. По негласному одобрению царя, Нелидову было рекомендовано в качестве «личной инициативы» довести эту циркулярную ноту до сведения французской прессы, что посол и сделал: нота Ламздорфа была опубликована во французской газете

¹ Остальцева А. Ф. Указ. соч. С. 95.

² Остальцева А. Ф. Указ. соч. С. 95—96.

³ Извольский А. П. Указ. соч. С. 27.

Le Temps. Публикация вызвала ярость Берлина. Вильгельм II настолько утратил над собой контроль, что начал публично критиковать императора Николая II в очень резких выражениях «за чёрную неблагодарность по отношению к Германии». В германской прессе началась антирусская кампания, а немецкие финансисты отказались участвовать в большом интернациональном русском займе, переговоры о котором велись в Париже¹.

Однако подобная реакция германского императора в отношении России была предвзята и несправедлива. Петербургу сам по себе спор вокруг Марокко был безразличен, ибо напрямую его интересы не затрагивались ни в случае успеха Берлина, ни в случае успеха Парижа. Но что выигрывала Россия, поддерживая Германию на Альхесирасской конференции? Ровным счётом ничего, а теряла она при этом очень многое. Во-первых, вопрос о предоставлении интернационального займа отпадал сам собой, так как Франция была главным заимодателем и ей принадлежала львиная доля предоставляемых России финансовых средств. Во-вторых, русско-французский союз был обречён на глубокий кризис, а возможно, и на распад. Вместо французского союзника Россия получила бы двух противников: Англию и Францию. В-третьих, Россия подтвердила бы сомнения мирового сообщества о своей самостоятельности и независимости как государства и убедила бы в полной её подчинённости германской политике. Таким образом, Россия осталась бы без союзников, один на один с рвущейся к мировой гегемонии Германией, а каким партнёром был кайзер Вильгельм, Государь знал по собственному опыту.

При этом Россия не отталкивала Германию и не стремилась к её поражению на конференции. Николай II лишь просил кайзера во имя дружбы с Россией пойти на определённые уступки Франции, чтобы помочь получить от неё столь необходимый заём. Но Германия не хотела прислушиваться к просьбам России и делала всё, чтобы усложнить получение финансовой помощи. В Берлине думали только о том, как использовать Россию против Франции, а Францию — против России. «Чем сильнее желание русских полу-

¹ Извольский А. П. Указ. соч. С. 27.

читать заём до открытия Думы, — писал Бюлов кайзеру, — тем более мы имеем возможность через Россию и Витте давить на Рувье и французов»¹.

Для убеждения кайзера Николай II рассчитывал на С. Ю. Витте, авторитет которого в германских политических и финансовых кругах был весьма высок. В своей телеграмме Э. Мендельсону Витте предупреждал: «Заём, сделанный при помощи Франции, Англии и др. стран без Германии, будет означать для всего света сближение России с политической группировкой, не отвечающей ни интересам России, ни Германии. Это удалит Россию и Германию ещё более от осуществления мудрых принципов, провозглашенных в Бьёрке»². Ответом на все просьбы России стал отказ Берлина германским банкирам на заключение внешнего займа³.

С. Ю. Витте во всеподданнейшем докладе сообщал: «Для Германии ныне представляется такой случай надавить на Францию, который редко представляется и, вероятно, долго не представится. Германия, конечно, может помять Францию», но даже если она не доведёт дело до войны, то будет всячески стремиться, «с одной стороны, помешать России быстро получить заём, с другой — показать Франции малую ценность для неё союза с Россией»⁴.

Поддержка Франции давала столь необходимые для русской экономики финансы, с новой силой укрепляла франко-русский союз, давала возможность налаживания диалога с Англией, значительно поддерживала пошатнувшийся международный престиж России и давала возможность остудить пыл Германии, уверившейся в своей безнаказанности.

Поэтому Николай II сделал всё от него зависящее, чтобы Альхесирасская конференция закончилась в пользу Франции, что и произошло в апреле 1906 г., когда Германия потерпела сокрушительное поражение. Против неё выступили все участники, кроме

¹ V. von Bülow am Kaiser Wilhelm II // Die Große Politik. BD. XXI. I. 728.

² С. Ю. Витте — Э. Мендельсону. 22 марта/4 апреля 1906 г. // Русские финансы... С. 173.

³ Астафьев И. И. Указ. соч. С. 57.

⁴ Остальцева А. Ф. Указ. соч. С. 156–157.

Австро-Венгрии. Даже Италия, союзник рейха по Тройственному союзу, не поддержала Германию, и та вынуждена была признать «особые интересы» Франции в Марокко.

Уже 9 апреля 1906 г., в «день окончательного подписания акта Марокканской конференции», посол Франции в Петербурге М. Бомпар по поручению министра иностранных дел Леона Буржуа передал *«Его Императорскому Величеству чувства самой глубокой благодарности Президента Республики и французского правительства за ту мужественную официальную поддержку, какую получила Франция от России в Альхесирассе»*¹.

Между тем борьба В. Н. Коковцова в Париже за получение международного займа была изначально тяжёлой. Министр финансов Раймонд Пуанкаре обещал России поддержку, но при этом сказал, что во французских правящих кругах большое влияние получили левые партии, которые резко выступают против предоставления денег России. Справедливость этих слов Коковцов почувствовал во время беседы с министром внутренних дел радикальным республиканцем Ж. Клемансо, который к 1906 г. успел забыть свои восторги 1896 года по поводу визита царя в Париж. Теперь Клемансо не без лукавства спрашивал Коковцова: *«Думаете ли Вы, господин статс-секретарь, что Ваше правительство избрало подходящий момент для займа крупной суммы денег на французском рынке?»*

После же того, как Коковцов ответил, что не видит *«никаких неблагоприятных условий в состоянии парижского рынка для такой операции»*, Клемансо намекнул, что вопрос займа зависит от либеральных реформ в России. *«Отчего бы вашему Государю, — спросил французский министр, — не пригласить господина Милюкова возглавить новое Правительство? Мне кажется, что это было бы очень хорошо и с точки зрения удовлетворения общественного мнения и разрешило бы многие вопросы»*².

Коковцову пришлось напомнить Клемансо, что Основные законы Российской империи ни в чем не изменились, ни в отноше-

¹ М. Бомпар — графу В. Н. Ламздорфу. 9 апреля/27 мая 1906 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 341. Л. 74 [на фр. яз.].

² Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 154.

нии прав императора по избранию министров, ни в отношении ответственности министров, которые не подчиняются вотуму законодательных учреждений. На эти слова Клемансо ответил, провозжая Коковцова в приёмную: «Очень жаль, мне кажется, что это было бы очень хорошо»¹.

Переговоры о предоставлении России займа шли в условиях самой настоящей антицарской истерии, которую подняла социалистическая пресса Франции. Особенно неистовствовал социалистический ежедневник социалиста Жана Жореса L'Humanité. 9 апреля 1906 г. газета поместила передовицей статью Максима Горького «Ни копейки русскому правительству!». В своей статье Горький писал: «Русское правительство сегодня не более чем политическая клика, которая потеряла все моральные связи с русским народом и которая противостоит ему насмерть во всех устремлениях». Заканчивалась статья призывом: «Не давайте ни копейки в руки этих варваров, чья политика была всегда враждебна цивилизаторскому курсу Европы. Они ограбили Россию. Покупательная способность народа — мизерная. Её индустрия — малоразвитая. И народ будет вынужден в течение долгих лет бороться за свою свободу, если вы дадите деньги Романовым, чтобы воевать против русского народа. Не давайте ни копейки Романовым, чтобы убивать!»²

Интересно, что эти памфлеты Горький сочинял в Берлине. Н. Д. Остен-Сакен сообщал Ламздорфу, что в Берлине пущен слух о якобы грозящей Горькому опасности быть повешенным за участие в рабочих беспорядках. «Слух этот, — отмечал Остен-Сакен, — пущен из немецкого социалистического лагеря, чтобы создать в здешнем обществе враждебное России движение и привлечь к нему видных представителей германской интеллигенции. Приём этот удался. Распространяемые главным образом Berliner Tageblatt небылицы о безжалостном будто бы обращении правительства с талантливым автором многих ценных в Германии литературных произведений имели последствием, что обнародованное означенной га-

¹ Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 155.

² Gorki Maxim. *Pas un sou au Gouvernement Russe!* // L'Humanité. Journal Socialiste Quotidien. Lundi, 9 avril 1906.

зетой воззвание под заглавием *“Спасите Горького!”* было покрыто множеством подписей. В числе их встречаются самые громкие имена немецкого учёного и литературного мира»¹.

Но, несмотря на все старания врагов императорской России, 17 апреля 1906 г. был выпущен «Российский государственный 5%-й заём 1906 г.» на общую сумму 2250 млн французских франков. Из них французским банкам предстояло разместить 1200 млн., русским — 500 млн, английским — 330 млн, австро-венгерским — 165 млн и голландским — 55 млн. Заём был заключён сроком на 50 лет и должен был быть погашен до 1956 г. Это был крайне выгодный для России выход из положения. Император Николай II в телеграмме на имя В. Н. Коковцова писал: *«Вы оказали огромную услугу России и Мне. Я никогда не забуду её и ясно вижу, какой огромный труд выполнили Вы в тяжёлых условиях переживаемой минуты»*².

Сближение с Англией

Стараниями советской историографии русско-английское сближение, начавшееся сразу после Альхесирасской конференции и закончившееся соглашением 1907 г., принято воспринимать как присоединение России к Антанте, то есть создание военного союза Англии, России и Франции против Германии. Но *«царская дипломатия воспринимала это соглашение только как элемент “политики неприсоединения и лавирования между двумя блоками держав”*³.

Никакого военного союза между Россией и Англией в начале XX в. не было. Более того, такого союза не было в тот период и между Англией и Францией. Само высокопарное неофициальное название англо-французского договора 1904 г. «Антанта» («Сер-

¹ Письмо посла в Берлине Н. Д. Остен-Сакена. 28 января/10 февраля 1905 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М. 1925. Т. 2 (9). С. 39.

² Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 162.

³ Греков Н. В. Указ. соч. С. 50.

дечное согласие») говорило о его декларативном характере. «Сердечное согласие» представляло собой несколько договоров, которые носили компенсационный характер: стороны договаривались друг с другом о разделе сфер влияния в Сиаме, Египте и о рыбной ловле возле Ньюфаундленда¹.

Такой же характер имело и русско-английское соглашение 1907 г. Политику Николая II этого периода хорошо определил Н. В. Греков: *«Вслед за военным ослаблением России нарушился общий баланс сил великих держав. В Европе возрос удельный вес Германии. Это еще больше подстегнуло гонку вооружений и обострило противоречия между Тройственным союзом и Антантой. Уклончивая тактика Петербурга нервировала и Лондон, и Берлин. Обе группировки стремились привлечь Россию на свою сторону, так как она по-прежнему обладала самой многочисленной армией в мире. Петербург же, опираясь на поддержку то Берлина, то Лондона, пытался упрочить свою внешнюю безопасность»*².

Ни Россия, ни Англия, которые ещё совсем недавно были потенциальным противниками, не стремились заключать друг с другом военное соглашение, несмотря на опасность военного могущества Германии. Русско-английская договорённость 1907 г. была вызвана стремлением обоих государств разграничить сферу влияния в Азии и договориться о взаимовыгодных уступках в других регионах. Причиной того, что и в России, и в Англии пришли к выводу о необходимости такого сближения, стало упорное стремление рейха проникнуть в геополитические регионы, представляющие исключительный интерес как для Англии, так и для России.

Царю пришлось перенести центр тяжести своей политики на Запад. На первое место вместо Дальнего Востока вновь встала задача обладания черноморскими проливами — Босфором и Дарданеллами. Тем временем Германия активно распространяла своё влияние в Турции. Именно этот фактор английский

¹ Ютчинов Ю. В., Сабанин А. В. *Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях.* — М., 1925. С. 313—316.

² Греков Н. В. Указ. соч. С. 26.

дипломат Артур Никольсон считал весьма важным противоречием в русско-германских отношениях. *«Интересы России и Германии, — писал он министру иностранных дел Э. Грею, — нигде прямо не сталкиваются, за одним исключением, правда, очень большим: я имею в виду германскую политику по отношению к Оттоманской империи»*¹.

Россия была заинтересована в усилении своего союза с Францией и в договорённости о разграничении сфер интересов с Англией. Договор с Англией позволил бы России не беспокоиться за свои восточные рубежи и приступить к активной политике в Европе. Соперничество с Англией становилось для России обременительнее, чем договорённость с ней.

В Англии тоже были весьма веские основания для поиска взаимопонимания с Россией. Главным инициатором сближения был министр иностранных дел Великобритании виконт Эдвард Грей, которого поддерживал король Эдуард VII. Посол в Лондоне граф А. К. Бенкендорф писал графу В. Н. Ламздорфу: *«Король принимает отправляемых в Азию агентов, даже второстепенных, и лично им указывает, что он не хочет никаких инцидентов и сложностей с Россией»*².

По итогам Альхесирасской конференции Э. Грей сделал следующий вывод: *«Если необходимо держать Германию в узде, то это можно сделать только тогда, когда будет обеспечено соглашение между Россией, Францией и нами. Настоящий момент неблагоприятен для обуздания Германии»*³.

В Лондоне понимали, что с прекращением действия русско-французского союза поражение Франции в войне с Германией неминуемо. Тогда Германия будет доминировать в Европе, а Англия обречена на огромные уступки, граничащие с потерей ею статуса великой державы. Больше всего Англию пугал германский во-

¹ Sir Arthur Nicolson to Sir Edward Grey // British Documents. V. III. 209.

² Граф А. К. Бенкендорф — графу В. Н. Ламздорфу. 11/25 декабря 1905 г. [на фр. языке.] // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 741. Л. 2.

³ Memorandum of Sir Edward Grey. 20.02.1906 // British Documents. V. III. 209.

енный флот, который стремительно развивался, и Лондон ничего этому не мог противопоставить. Было очевидно, что через десяток лет немцы вполне смогут соперничать с англичанами на море. Король и Грей считали Германию гораздо большей угрозой своему могуществу, «чем Россию, с её прозрачными угрозами Индии»¹.

Однако не только военная угроза беспокоила Лондон. Ещё больше тревожила торгово-экономическая экспансия рейха. Официально английские правящие круги не хотели признавать этого факта. «Нет, не торговля, — уверял лорд А. Бальфур, — а растущая военно-морская мощь Германии вызывает беспокойство в Англии»². Но эти слова были предназначены для внешнего потребления. С. Д. Сазонов, тогда советник русского посольства в Лондоне, сообщал: в Англии уверены, что Германия вытесняет её из всемирных рынков³.

Дальнейший рост германского экономического могущества полностью подтвердил эти опасения. За период с 1887 по 1911 г. увеличение роста производства чугуна в Германии составило 387%, производство стали — 1375%. (Для сравнения: за тот же период Англия увеличила производства чугуна только на 30,6%, стали — на 154,0%)⁴.

Но Германия не только производила чугуна и стали больше, чем Англия, она ещё и вывозила их в большом количестве, причем вывозила в английские и французские колонии. Она быстро захватывала нужные ей экономические рынки в чужих колониях. В Австралийский союз, в Алжир, в Канаду, в Британскую Индию и в Азиатскую Турцию Германия в целом вывозила во много раз больше, чем в принадлежащие ей Самоа, Новую Гвинею и Камерун⁵.

Таким образом, если бы во главе Германии стоял не самовлюбленный романтик Вильгельм II, мечтающий о «рыцарских похо-

¹ Баиов А. К., профессор. Указ. соч. С. 49.

² Остальцева А. Ф. Указ. соч. С. 162.

³ АВП РИ. Ф. 133. Канцелярия министра. Д. 98. Л. 70.

⁴ Баиов А. К. Указ. соч. С. 10.

⁵ Баиов А. К. Указ. соч. С. 11.

дах» и «месте под солнцем», а вдумчивый и уравновешенный политик, она в недалёкой перспективе имела все возможности без всякой войны подчинить себе колониальные империи Англии и Франции, то есть сделать то, что Соединённые Штаты сделают после Второй мировой войны. Но Вильгельм II всей своей деятельностью упорно настраивал против себя европейские державы. Интересы Англии и России сталкивались с германской экспансией как на Среднем, так и на Дальнем Востоке.

Османская империя

Россию настораживало проникновение Германии в Турецкую империю и нежелание кайзера считаться с русскими интересами в этом регионе. С конца XIX в. немцы активно боролись за право строительства Багдадской железной дороги, что вызывало беспокойство в России, ибо в случае завершения её строительства турки могли бы свободно перебрасывать свои войска к кавказской границе Российской империи. В 1900 г. Петербургу удалось добиться от Стамбула согласия на запрет участия иностранных инженеров в строительстве отрезка дороги, ведущего к Кавказу. Однако полной уверенности в том, что Турция не изменит своего решения под нажимом Германии, у России не было.

Всё более растущее германское господство в Османской империи весьма беспокоило и Англию. С турецкой территории Германия могла реально угрожать Индии и стратегическим позициям Лондона в Египте. Англичане были озабочены также тем, чтобы не допустить вытеснения британской торговли из Месопотамии¹.

Не могли понравиться обеим державам и сильно возросшие связи германской разведки с армянскими националистическими организациями в Турции, прежде всего с «Дашнакцутюн», и стремление немцев поставить их под свой контроль². Дашнаки

¹ Туполев Б. М. *Происхождение Первой мировой войны* // Новая и Новейшая история. 2002. №4.

² Истягин Л. Г. *Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны*. — М.: Наука, 1979. С. 194.

приняли активное участие в революционных событиях 1905–1906 гг. Заброска армянских националистов с территорий Турции и Персии в Россию продолжалась и в дальнейшем. 30 января 1908 г. Особый отдел департамента полиции сообщал: «В пределы Карской области прибыли два армянина персидско-подданных, с целью набора боевых дружин преимущественно из западных армян»¹. Англия, в свою очередь, опасалась, что Германия попытается добиться создания армянских автономий под своим влиянием.

Персия

Серьёзную опасность представляла для России и Англии перспектива усиления позиций рейха в Персии, зоне англо-русских особых интересов. До 1906 г. только Россия имела сильные позиции в Персии, как политические, так и финансово-экономические. При этом она проводила в Иране политику экономического вытеснения английского соперника путём значительных капиталовложений из государственного бюджета. Экспорт из Персии в Россию составлял 69% всего персидского вывоза, а ввоз из России в Персию — 58% всего персидского импорта².

С 1897 г. на территории Персии действовал Учётно-ссудный банк, который был организован русским правительством по соглашению с персидским. Фактически этот банк контролировал все финансовые передвижения в Персии. В 1879 г. главной боеспособной воинской частью персидской армии стала Особая казачья бригада, сформированная указом императора Александра II по просьбе шаха. Костяк бригады составляли русские офицеры. Поэтому Россия была настроена решительно против каких бы то ни было переговоров о разделе Персии на сферы влияния и всякий раз отвергала такие предложения. Главная цель России в Персии состояла в том, чтобы «сохранить целостность и неприкосновенность владений шаха, не ища для себя территориальных приращений,

¹ ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1908. Д. 14. Л. 1-А.

² Ефремов П. Н. *Внешняя политика России (1907–1914)*. — М.: Издательство Института международных отношений, 1961. С. 45.

не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию, без нарушения, однако, как внешних принципов её самостоятельности, так и внутреннего строя»¹.

Что касается Германии, то в XIX в. и в первые годы XX в. она почти не принимала участия в персидских делах. Однако строительство ею Багдадской железной дороги беспокоило как Россию, так и Англию. Именно рост влияния Германии в Персии заставил Великобританию и Россию искать в Персии взаимного компромисса². По сообщению секретаря русского посольства А. Я. Миллера, летом 1906 г. представители германской Гамбургско-Американской паровой компании предприняли активную деятельность по организации регулярных рейсов в Персидском заливе. Представительства компании становились центрами германской резидентуры. Русский посол в Тегеране Н. К. Гартвиг писал А. П. Извольскому 6 июля 1906 г.: *«По некоторым признакам, не представляющим сомнений, Германия намерена проявить более активную роль в делах персидских. [...] У Германии в Персии нет реальных интересов, но есть несомненное желание противодействовать Англии»³.*

Германия вела себя всё более вызывающе в Персии не только в отношении Англии, но и в отношении России. В письме кайзеру от 3 августа 1906 г. Николай II резко осудил поведение германского представителя в Тегеране, который *«открыто противодействовал нашим начинаниям в Персии и представлял их в ложном свете»*. Николай II в послании Вильгельму подчёркивал: *«Единственной целью моей политики в соседней стране, находящейся на грани революции и анархии, является желание сохранить мир и порядок, избежать необходимости нашей интервенции. Сообщение, что мы стараемся воспользоваться настоящим моментом, чтобы добиться особых преимуществ, — злостный вымысел. Наше соглашение с Ан-*

¹ Зиновьев И. А. *Россия, Англия и Персия*. — СПб., 1912. С. 35.

² Казем-Заде Ф. *Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии*. — М.: Политика, 2004. С. 475.

³ Н. Г. Гартвиг — А. П. Извольскому. 6 июля 1906 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

глей, в данном случае, в интересах как России и Персии, так и других заинтересованных сторон, так как им усиленно проводится вышеупомянутая политика невмешательства»¹.

Тем временем сама Персия переживала тяжёлый период своей истории. Страна была охвачена «конституционным» движением, требующим созыва Национального собрания. Главной ведущей силой движения было персидское мусульманское духовенство и купечество, за которыми чувствовалась рука Англии. Сторонники конституционалистов находили убежище в британской миссии в Куме². Серьёзно обострились отношения Персии с Турцией, чьи войска осенью 1905 г. оккупировали персидскую область Урмия. В этих условиях 22 июня 1906 г. шах Мозаффар-эд-Дин обратился к русскому послу Н. Г. Гартвигу с просьбой о помощи. Но Россия не могла оказать действительную помощь Персии, так как была охвачена революцией, эхо которой докатилось и до владений шахиншаха в виде террористических актов, разбоев и грабежей.

5 августа 1906 г. Мозаффар-эд-Дин был вынужден издать указ о введении конституции, свободе слова и союзов. 16 сентября 1906 г. шах вновь встретился с русским послом и спросил, может ли Россия, в случае захвата Англией какой-либо части Персии, оказать военную помощь. Кроме того, шах интересовало, означают ли ведущиеся англо-русские переговоры отказ России от политики покровительства Персии. Шах просил императора Николая II ответить на эти вопросы в личном письме. Мозаффар-эд-Дин также просил Россию предоставить Персии кредит. В Петербурге понимали, что в настоящий момент воевать с Англией из-за Персии нет возможности. Возникла острая необходимость договориться с Лондоном по этому вопросу. Созванное по указу царя 7/20 августа 1906 г. Особое совещание по финансовой политике России в Персии положило конец открытому соперничеству с Англией, признав, что *«лучшим способом направить политику России в Пер-*

¹ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 3/16 августа 1906 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 418.

² Вакс Л. *Очерки истории национально-буржуазных революций на Востоке. Персия, Турция, Китай.* — М., 1931. С. 21.

сии в спокойное русло» будет договориться с Лондоном¹. Особое совещание приняло предложение Англии об авансе Персии 10 млн франков². 12/25 сентября Гартвиг сообщил шаху, что император Николай II совместно с английским правительством решил выделить Персии запрошенный ею кредит. «Шах, — сообщал далее Гартвиг Извольскому, — просил повергнуть пред Государем Императором его глубочайшую благодарность за эти заботы, но выразил сожаление, что к участию в денежной помощи привлечена Англия, к которой он не питает никакого доверия»³.

На слова русского посла, что, наоборот, соглашение между двумя великими державами дают возможность «Его Величеству не беспокоиться за судьбу своей страны», шах горячо возразил, указав на попытки захватов, предпринятые Англией в Персидском заливе. Мозаффар-эд-Дин просил передать в Петербург: «Если Императорское правительство даст мне поручительство в неприкосновенности Персидского залива, то я не только за себя, но и за всех будущих наследников шахского престола дам торжественное обязательство делать всё в интересах России»⁴.

Гартвиг предупреждал Извольского, что «шахское правительство будет искать защиты против Англии у немцев, собирающихся соперничать с ней на юге Персии». Лучшим оружием против персидско-германского сближения Гартвиг считал «соглашение между Россией и Англией по персидским делам»⁵.

¹ Винокур А. В. *От конфронтации к согласованному курсу. Политика Великобритании и России в Иране (1900–1914)* // Дисс. ... на соискание учёной степени канд. ист. наук. — СПб., 2004.

² Англо-русское соперничество в Персии 1890–1906 гг. Журнал Особого совещания по персидским делам 7 августа 1906 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1933. Т. 1 (68). С. 64.

³ Н. К. Гартвиг — А. П. Извольскому. 12/25 сентября 1906 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 6. Л. 42.

⁴ Н. К. Гартвиг — А. П. Извольскому. 12/25 сентября 1906 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 6. Л. 42.

⁵ Н. К. Гартвиг — А. П. Извольскому. 6 июля 1906 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

В русских правящих кругах не было единства в вопросе необходимости договариваться с Англией по Персии. Если П. А. Столыпин, В. Н. Коковцов и А. П. Извольский полагали, что необходимо «поставить вопрос на почве соглашения с Англией», то военное ведомство доказывало: «Англия, утвердившись с нашей помощью на берегах Персидского залива, окончательно убьёт наше влияние в Персии и навсегда закроет движение к Персидскому заливу»¹.

Николай II поддержал Столыпина и Извольского. В создавшихся условиях Россия контролировать всю Персию не могла, да к этому царь тогда и не стремился. Поддерживать персидское шахское правительство было бесполезно из-за его крайней слабости и полной неуверенности в его завтрашнем дне. Вовлечение ослабевшей России в персидские дела и противостояние там Англии могли дать серьёзные осложнения. Таким образом, договорённость с Лондоном о разделе сфер влияний в Персии была насущно необходима.

Дальний Восток

Целесообразность договариваться с Англией была обусловлена и положением на Дальнем Востоке. В конце лета — начале осени 1906 г. в японской печати появились сообщения, что в ближайшее время Япония может захватить Владивосток и Николаевск-на-Амуре и овладеть обширной полосой от Квантунского полуострова до Берингова пролива². 23 февраля 1907 г. Приамурский генерал-губернатор инженер-генерал П. Ф. Унтерберг с тревогой телеграфировал царю: «Война — в ближайшем будущем. Я могу противопоставить предполагаемому японскому десанту, приблизительно двумстам батальонам, лишь около 20 батальонов, так как остальные войска нужны для гарнизона Владивостока и Усть-Амура и охраны Амурской и Усть-Амурской коммуникационных армий»³.

¹ Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 63.

² Данилов О. Ю. Указ. соч. С. 78.

³ Генерал П. Ф. Унтерберг — императору Николаю II. 23 февраля 1907 г.

// ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 750. Л. 12.

Унтерберг настаивал на срочной присылке на Дальний Восток воинских подкреплений. В своём очередном сообщении Николаю II зимой 1907 г. он докладывал: «*Несмотря на состоявшееся соглашение с Японией, как на почве политической, так и торговой, она продолжает усиленно вооружаться, усиливает свой флот, увеличивает свою сухопутную армию и подготавливает базы для военных операций как в Южной Маньчжурии, так и в Северной Корее*»¹.

Государь отреагировал мгновенно, приказав на следующий день привести в полную боевую готовность полевые и крепостные войска Приамурского военного округа и снабдить их всем необходимым². Два соображения заставляли царя относиться к этим сообщениям очень серьёзно: отсутствие у России флота на Тихом океане и нехватка войск на Дальнем Востоке, ввиду необходимости их использования для подавления революции.

Для предотвращения возможной новой японской агрессии Николай II искал взаимопонимания с САСШ, чьи интересы сталкивались в Тихом океане с японскими. Однако главной целью Государя было всё же не использование противоречий одного государства с другим, а выстраивание ровных и мирных отношений со всеми. Во время переговоров с американским президентом В. Тафтом в конце 1907 г. Извольский, выполняя поручение императора, заявил, что сохранение добрых отношений с Японией остаётся одной из главных международных задач России³.

Кроме этого, царя волновала взрывоопасная ситуация в Китае, которую всячески дестабилизировала японская разведка. Ею было инспирировано революционное движение «Тунмэнхой», ставившее своей задачей свержение правящей династии и провозглашение Китая федеральной республикой. Руководитель движения Сунь Ятсен проживал в Японии, откуда он давал указания своим сторонникам⁴. Тесные связи японцев с англичанами давали рус-

¹ Генерал П. Ф. Унтерберг — императору Николаю II. 25 февраля 1907 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 750. Л. 19.

² Данилов О. Ю. Указ. соч. С. 99.

³ Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 65.

⁴ Данилов О. Ю. Указ. соч. С. 91.

скому правительству возможность по крайней мере предполагать, что Лондон был осведомлён о действиях Токио.

Таким образом, у России и Англии было достаточно оснований, чтобы добиваться нормализации отношений. Во всяком случае, появлялась возможность договариваться друг с другом по вопросу о разделе сфер влияний.

Соглашение 1907 г.

Своё стремление к компромиссу Англия начала с поддержки предоставления России международного кредита. 3/16 апреля 1906 г. министр иностранных дел Англии Э. Грей встретился с русским послом графом А. К. Бенкендорфом и заверил его, что отказ германского правительства от выпуска займа не отменяет положительного к нему отношения со стороны Великобритании. Бенкендорф, начиная с конца 1905 г., постоянно убеждал Петербург, что *«в порядке дня больше не стоит соперничество Англии с Россией: страшит угроза со стороны Германии»*¹.

12/25 мая 1906 г. новым английским послом в Петербурге был назначен А. Никольсон. Никольсон был лично знаком с императором Николаем II, которого, в бытность наследником престола, сопровождал в путешествии по Индии². Цель своей миссии новый посол видел в устранении *«разногласий между нами и Россией»*³.

Вскоре после своего прибытия в Россию Никольсон писал в телеграмме Грею: *«Одно из наиболее выдающихся качеств этой необыкновенной страны — терпение и спокойствие, с которыми она выносит испытания, которые бы сломили бы дух другой нации»*⁴.

Новые лица появились и в русском внешнеполитическом ведомстве. По просьбе В. Н. Ламздорфа, жаловавшегося на своё здоровье, он был отправлен царём в отставку. На самом деле Ламздорф не мог понять нового курса внешней политики России,

¹ АВП РИ. Ф. 133. Канцелярия министра. 1906. Д. 97. Л. 67–70.

² Остальцева А. Ф. Указ. соч. С. 167.

³ Nicolson H. *Sir Arthur Nicolson*. — London, 1930. P. 21.

⁴ Sir Arthur Nicolson to Sir Edward Grey // *British Documents*. V. 12. P. 142.

который начался с 1906 г. Барон Б. Э. Нольде писал: «Когда в 1906 году граф В. Н. Ламздорф ушёл с поста министра иностранных дел, можно было сказать, что классическая традиция русской императорской дипломатии была исчерпана. Консервативную формулу русской внешней политики сменила формула по существу своему революционная, искавшая радикальных перемен в освящённом договорами международном политическом порядке. В том поколении, к которому он принадлежал и которое сходит со сцены после 1905 года, Ламздорф занимал одно из первых мест, и по своим способностям, и по своему характеру, и по коренной добросовестности всего своего умственного и нравственного уклада. Конечно, ни калибра, ни удачи государственного человека в нём не было: но в нём была школа, серьёзность, опыт и выдержка, дававшие ему право стоять в первых рядах у огромной русской государственной машины»¹.

11 мая 1906 г. император Николай II назначил министром иностранных дел А. П. Извольского, ранее занимавшего должность министра-резидента в Копенгагене. Происхождение Извольского, чей предок князь В. М. Яшвилль был среди убийц императора Павла I, придавало личности нового министра некий зловещий смысл². Назначение Извольского министром совпадает с пиком революционных событий.

Лето 1906 г. в целях безопасности царская семья безвыездно жила в Петергофе, так как чрезвычайно усилилась угроза террористического акта. «Мы сидим здесь запертыми в Александрии, — писал Николай II Марии Фёдоровне, — такой стыд и позор говорить об этом! [...] Я краснею и от стыда за нашу родину и от негодования, что такая вещь могла случиться у самого Петербурга!»³

18 и 19 июля в Свеаборге и Кронштадте вспыхнули матросские мятежи, организованные эсерами. В то время, когда 25 июля Извольский делал свой доклад Государю в Петергофе, с Крон-

¹ Нольде Б. Э., барон. *Далёкое и близкое. Исторические очерки.* — Париж: Современные записки, 1930. С. 36.

² Извольский А. П. Указ. соч. С. 69.

³ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 30 августа 1906 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2329. Л. 5—6.

штадтской крепости, которая находилась всего в 15 км от петергофской Нижней Дачи, была слышна канонада. Извольского поразило полное спокойствие императора. Он не выдержал и выразил своё изумление. Государь, *«подняв на меня глаза, полные той чрезвычайной мягкости, которая столь часто описывалась, произнёс слова, глубоко врезавшиеся в мою память: “Если вы видите меня столь спокойным, то это потому, что я имею твёрдую уверенность, что судьба России, точно так же как судьба моя и моей семьи, находится в руках Бога, Который поставил меня на моё место. Чтобы ни случилось, я склоняюсь пред Его Волей, полагая, что никогда не имел другой мысли, как только служить той стране, которую Он мне вверил”»*¹.

Некоторые исследователи и мемуаристы часто любят утверждать, что Извольский был сторонником сближения с Англией и поэтому, дескать, между двумя странами были достигнуты договорённости. Однако подобные утверждения, так же как и в отношении других министров Российской империи, совершенно не берут во внимание то обстоятельство, что министр иностранных дел не оказывал на внешнюю политику равным счётом никакого влияния. Вся внешняя политика была прерогативой исключительно императора. Союз с Англией был подписан не потому, что Извольский был англофилом, а потому что Николай II, решив создать новую комбинацию во внешней политике, призвал на министерский пост нового человека. При этом царь учитывал также то, что Извольский был энергичен и настроен на реформирование МИДа, в отличие от своего предшественника графа В. Н. Ламздорфа.

Свобода внешнеполитического манёвра министра ограничивалась ролью, которую ему дал император в планируемом им пересмотре внешней политики России. *«Николай II, разумеется, не случайно назначил Извольского — то был символ сближения противников германской гегемонии в Европе»*, — отмечал А. И. Уткин². По словам С. Д. Сазонова, А. П. Извольский был человеком *«нерв-*

¹ Извольский А. П. Указ. соч. С. 138–139.

² Уткин А. И. *Первая Мировая война*. — М.: Алгоритм, 2001. С. 54.

ным и самолюбивым»¹. Князь Б. фон Бюлов не без иронии писал, что «Извольский считал себя очень умным»².

Николай II знал, что Извольский является «одним из самых горячих сторонников идеи министерства из лиц “общественного доверия”»³. Летом 1906 г. его кандидатура была включена деятелями оппозиции в качестве кандидата на пост министра иностранных дел т.н. «думского кабинета»⁴. В. Н. Коковцов сказал Государю, что утверждение такого правительства будет означать «коренную ломку всего нашего государственного строя»⁵.

Сам Государь так писал П. А. Столыпину о лидерах оппозиции: они «не годятся в министры. Не люди дела, т.е. государственного управления»⁶, а в письме к матери утверждал: «У них собственное мнение выше патриотизма»⁷.

Поэтому назначение Извольского, у которого явно наблюдались те же качества, что и у лидеров оппозиции, казалось странным. Однако, по всей видимости, Извольский был доверенным лицом вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны. Он был женат на М. К. фон Толь, дочери гофмейстера императорского двора при Александре III графа К. К. фон Толя, бывшего в 1885—1893 гг. посланником в Дании. Толь хорошо знал датскую королевскую семью и вдовствующую императрицу Марию Фёдоровну. Именно она способствовала направлению Извольского посланником в Данию. Во время революционных событий 1905—1906 гг. вдовствующая императрица находилась в Копенгагене по настоятельной просьбе своего августейшего сына. «Мы тебя умоляем, — писал Николай II Марии Фёдоровне 15 декабря 1905 г., — со всеми преданными друзьями

¹ Сазонов С. Д. *Воспоминания*. — Мн.: Харвест, 2002. С. 10.

² Bülow В. von. *Op. cit.* 350.

³ Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 208.

⁴ Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 197.

⁵ Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 198.

⁶ Император Николай II — П. А. Столыпину // Красный архив. Исторический журнал. Т. 5. — М., 1924. С. 102.

⁷ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 21 июля 1906 г. // ГА РФ. Ф. 642. Д. 2328. Л. 45.

не приезжать сейчас! Риск слишком велик! Я первый дам тебе знать, как только обстоятельства позволят. Верь мне, милая Мама, я недаром пишу тебе всё это»¹.

Пока вдовствующая императрица находилась в Копенгагене, Извольский часто выполнял личные поручения Николая II, доставляя ей письма царя. Николай II также дал поручение Извольскому информировать императрицу Марию Фёдоровну о всех событиях, происходящих в России². Учитывая, что в момент назначения Извольского Николай II считал большую часть своих министров людьми *sans importance*³, т.е. незначительными, то можно предположить, что он надеялся на способности и амбициозность Извольского, которые могли быть им успешно применены в новой должности.

Николай II поставил перед новым министром следующие задачи: укреплять союз с Францией, смягчать противоречия с Англией и Японией, идти на взаимные уступки с Австро-Венгрией и сохранять дружественные отношения с Германией, не вступая с нею в союз⁴.

По сообщению английского посла А. Никольсона министру иностранных дел Э. Грею в конце 1906 г., Извольский, *«несомненно, желает с успехом сохранить портфель министра иностранных дел и очень тревожится и смущается препятствиями, которые могут возникнуть во время переговоров, которые он ведёт. Он честно и искренне желает соглашения с Великобританией, хотя он не сделает ни шага, на который взглянут неблагосклонно в Берлине, и мнение, преобладающее при Дворе, имеет громадную важность в его глазах»⁵.*

¹ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 15 декабря 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 28.

² Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 27 октября 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 16.

³ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 25 января 1905 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 36.

⁴ Лунёва Ю. В. *Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны. (1907–1914)*. — М.: Квадрига, 2010. С. 14.

⁵ Годовой отчёт великобританского посла в Петербурге министру иностранных дел Грею с секретными сведениями о России за 1906 г. // АВП РИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 259/260. Л. 13.

Весной—летом 1906 г. внешнеполитические вопросы вышли на первый план. Только в мае—июне Николай II принял Извольского девять раз¹, не считая всеподданнейших записок и докладов министра.

В своём первом всеподданнейшем докладе 30 мая 1906 г. А. П. Извольский писал Государю: *«Факты с наглядностью убеждают, что Англия имеет в Тибете права и преимущества, с которыми нельзя не считаться, не говоря уже о том, что страна эта граничит с индийскими владениями. [...] Эквивалента подобным данным Россия выставить не может»*².

7 сентября 1906 г. в Петербурге состоялось совещание под председательством министра иностранных дел. Главным обсуждаемым вопросом было возможное соглашение с Англией. Извольский заявил: *«Надлежит иметь неизменно ввиду чрезвычайную государственную важность прочных отношений с такой Державой, интересы которой соприкасаются с нашими на всём протяжении Азиатского и Европейского материков. Нам предстоит сделать выбор между соглашением, способным надёжно обеспечить хотя бы часть наших интересов, и соперничеством в таких условиях, при которых мы лишены уверенности, что вопросы, близко нас касающиеся, не будут решаться помимо нас и в ущерб нашим интересам»*³.

Между тем идея соглашения с Англией вовсе не вызывала у большей части российской общественности, политической и военной элиты положительного отношения. Особенно сдержанно относились к сближению с Лондоном военные круги. Начальник Главного управления Генерального штаба генерал Ф. Ф. Палицын был против такой перспективы, пока России не будут обеспечены значительные преимущества. Никольсон считал Палицына главным препятствием англо-русскому соглашению⁴.

¹ Дневник императора Николая II за 1906 г. 6 мая 1906—28 февраля 1907 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 250.

² Всеподданнейшая записка г. министра иностранных дел от 30 мая 1906 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 30.

³ Журнал совещания 7 сентября 1906 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 86. Л. 1.

⁴ Лунёва Ю. В. *Босфор и Дарданеллы*. С. 17.

Профессор Казанского университета В. Ф. Залесский писал: *«При теперешних условиях война России и Германии гибельна для обоих государств. Сближение с нашим заклятым врагом Англией — тому порукой. Несмотря ни на какие союзные договоры, Англия в решительный момент нас предаст и, дождавшись полного истощения сил Германии и России в предстоящей губительной войне, одна получит выгоды от этого самоистребления арийской расы»¹.*

Английское правительство собиралось предложить России обсудить четыре проблемы: Багдадскую железную дорогу, Персию, Афганистан и Тибет. По поводу железной дороги англичане были готовы пойти на значительные уступки. Э. Грей отмечал, что он *«готов прийти к соглашению с русским правительством относительно постройки железнодорожного пути из России через Персию к долине Тигра и Персидскому заливу»².*

Насколько изменился подход английской внешней политики к этому вопросу, можно судить по тому, что до 1906 г. правительство Великобритании было убеждено, что Россию ни при каких обстоятельствах нельзя допускать к Персидскому заливу.

Первые попытки зондирования мнения русского правительства по интересующим Лондон вопросам англичане начали через французского министра иностранных дел Леона Буржуа. Во время своей встречи с послом в Париже А. И. Нелидовым Буржуа доказывал, что предложение Грея о Багдадской железной дороге может стать *«исходной точкой для соглашения между Россией и Англией»³.*

В конце 1906 г. Извольский сообщал Государю: *«Не подлежит сомнению, что Англией сделан ныне такой шаг, который ясно и определённо свидетельствует о полной готовности её идти на соглашение. Нам следует с такой же прямотой к делу и, оставив в стороне всякие мелкие политические расчёты, широко взглянуть на вопрос о сближении с Англией в сознании важности последнего для первостепенных государственных интересов. Вышеизложенные соображения*

¹ Русские масоны в эмиграции. — Париж, 1942. С. 5.

² Остальцева А. Ф. Указ. соч. С. 182.

³ Делеша посла в Париже А. И. Нелидова 20 апреля 1906 г. // АВП РИ. Ф. 144. Персидский стол. Д. 4142. Л. 29.

осмеливаюсь повергнуть на всемилостивейшее благовозрение Вашего Императорского Величества»¹.

18/31 августа 1907 г. в Петербурге А. П. Извольским и А. Никольсоном была подписана англо-российская конвенция относительно Персии, Афганистана и Тибета. Правительства России и Великобритании обязались взаимно уважать целостность и независимость Персии и отказались от вмешательства во внутреннюю политику персидского правительства. Сама страна была поделена на три зоны. К северу от линии Касри-Ширин, Исфаган, Иезд, Хакк и точки пересечения русской, персидской и афганской границ располагалась русская сфера влияния; к югу от линии, «*идущей от афганской границы через Газик, Бирджанд, Керман и оканчивавшейся в Бендер-Аббасе*», — английская². Территория между этими двумя линиями считалась нейтральной. Страны договорились о «свободе рук» в своих зонах и о невмешательстве за их пределами. На нейтральной территории Россия и Великобритания по договору обладали равными правами.

Афганистан оставался вне сферы влияния России, а в Тибете стороны признавали сюзеренные права Китая над ним и сохранение существующего порядка внешних сношений Тибета³.

Встреча императора Николая II и короля Эдуарда VII в Ревеле

Ревельское свидание Николая II и Эдуарда VII в 1908 г. стало главной вехой на пути русско-английского сближения. С другой стороны, как это ни парадоксально, эта встреча весьма благотворно для России подействовала на германского императора. Таким образом, Ревельское свидание можно считать крупным успехом дипломатии Николая II.

¹ Всеподданнейший доклад А. П. Извольского // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 82. Л. 33.

² Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). С. 388.

³ Мировые войны XX века. Книга 2. Первая мировая война. Документы и материалы. — М., 2002. С. 19–24.

Ещё в начале 1906 г. граф В. Н. Ламздорф намекнул Э. Грею, что улучшение отношений двух стран невозможно без одобрения его императором Николаем II. В свою очередь, Грей был согласен, что без поездки короля в Россию вряд ли можно рассчитывать на доброе её расположение к Англии. Однако Грей считал, что в условиях продолжающихся беспорядков в России визит Эдуарда VII невозможен, особенно если учесть резкое неприятие России со стороны английского общества того времени¹. Со стороны некоторых английских общественно-политических структур предпринимались попытки вмешательства во внутренние дела России, моральной и политической поддержки российских оппозиционных сил. Правительство Великобритании при этом не оказывало им никакого противодействия. 27 сентября 1906 г. Государь писал вдовствующей императрице Марии Фёдоровне: *«Из Англии лезет к нам какая-то шутовская депутация с адресом Муромцеву² и им всем. Дядя Verti³ и английское правительство дало нам знать, что они ничего не могут сделать, чтобы помешать им приехать. Как они были бы недовольны, если бы от нас поехала депутация к ирландцам и пожелала тем успеха в борьбе против правительства!!!»⁴.*

Ситуация стала меняться через год, когда смута в целом была подавлена, а между Россией и Англией было подписано соглашение о разделе сфер влияния.

В 1907 г., вскоре после подписанного соглашения, А. П. Извольский был принят королём Эдуардом в Мариенбадене⁵. Во время беседы король выразил надежду, что достигнутое англо-русское согласие послужит отправной точкой для дальнейшего сближения держав. Первым признаком возникновения серьёзных отношений

¹ Grey E. *Twenty-Five years*. — London, 1925. V.1. P. 196—198.

² С. А. Муромцев — председатель Государственной думы первого созыва.

³ Король Эдуард VII.

⁴ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 27 сентября 1906 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2329. Л. 13.

⁵ АВП РИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 712/771. Л. 37.

было получение императорским правительством в Лондоне займа на сумму 100 млн £¹.

На этой почве русская и английская сторона пришли к выводу о возможности встречи двух государей. Известие об этом встревожило Германию, тем более что Эдуард VII отложил намечавшийся им на осень 1907 г. визит в Берлин, а сам поехал в Ревель на встречу с Николаем II. В германской печати говорилось, что поездка короля Эдуарда в Россию свидетельствует всему миру о том, что *«удалось наконец объединить Францию, Англию и Россию против Тройственного союза (хотя вслух об этом и не говорят), или, точнее, против Германии. Мы должны быть готовыми к войне, и притом на два фронта»*².

Англия и Россия поспешили успокоить Германию. 11/24 мая и 12/25 мая 1908 г. последовали русское и английское заявления о том, что во время встречи двух монархов в Ревеле военного союза трёх держав (Англии, России и Франции) против Тройственного союза создано не будет. Э. Грей сделал заявление, что *«с русским правительством не происходит никаких переговоров относительно нового договора или конвенции и не предполагается начинать подобные переговоры во время предстоящего свидания»*³.

27–28 мая на рейде порта г. Ревеля состоялась встреча императора Николая II и короля Эдуарда VII. Государь прибыл в Ревель по железной дороге, король — на своей яхте «Виктория и Альберт». Николая II сопровождали: председатель Совета министров П. А. Столыпин, министр иностранных дел А. П. Извольский и морской министр адмирал И. М. Диков.

С Эдуардом VII прибыли постоянный помощник министра иностранных дел Ч. Гардинг, посланник при русском дворе А. Ни-

¹ Лунёва Ю. В. *На пути мировой катастрофы: визиты Николая II в Бальмораль (1896 г.) и Ревель (1908)* // Первая мировая война: взгляд спустя столетие: Материалы международной конференции. 26 июня 2010, Москва. — М.: Издательство МИЭПУ, 2011. С. 22–29.

² АВП РИ. Ф. 139. 2-я газетная экспедиция канцелярии МИД России. Оп. 467. Д. 482. Л. 12–14.

³ Parliamentary Debates. Ser. IV. Vol. 190. P. 259.

кольсон, первый морской лорд адмиралтейства Дж. Фишер, главный инспектор вооруженных сил генерал Френч.

Состав лиц свиты свидетельствовал о чрезвычайной важности переговоров. Несмотря на весьма ограниченное участие английского монарха в политической деятельности своей страны, Эдуард VII обладал большим авторитетом в правящих кругах Англии¹. Король знал толк в политических интригах и умело лавировал между ведущими силами королевства.

Яхта Эдуарда была встречена российской военной эскадрой. Король и королева перешли на борт императорской яхты «Полярная Звезда», где их ждали император Николай II и императрица Александра Фёдоровна. По свидетельству начальника императорской канцелярии генерала А. А. Мосолова, Николай II встречал короля «в форме английской конной гвардии с громадной шапкой из медвежьего меха»².

Во время обеда на яхте «Штандарт» царь произнёс приветственную речь: «С чувством самого глубокого удовлетворения и удовольствия я приветствую Ваше Величество и Её Величество Королеву в русских водах. Я убеждён, что это свидание является новым подтверждением многочисленных и прочных уз, соединяющих оба наши дома, будет иметь счастливым последствием ещё более тесное сближение обеих наших стран и способствовать поддержанию мира. В течение минувшего года нашими правительствами было улажено, к общему удовлетворению, несколько вопросов, одинаково важных для России и для Англии. Я уверен, Ваше Величество ценит столь же высоко, как и я, значение этих соглашений, ибо, несмотря на их ограниченную область, они не могут не содействовать распространению среди наших двух стран чувства взаимного доброжелательства и доверия»³.

«Сердечным образом благодарю Ваше Величество от имени королевы и своего, — сказал Эдуард VII в ответной речи, — за радушный прием, оказанный нам в балтийских водах, и за дружественные слова.

¹ Grey E. Op. cit. V.1. P. 196.

² Мосолов А. А. *При дворе последнего императора*. М., 1992. С. 217–218.

³ Тексты приветственных речей императора Николая II и короля Эдуарда VII // Речь. 28 мая 1908 г.

Я сердечным образом присоединяюсь к каждому слову, произнесенному Вашим Величеством, относительно соглашения, недавно заключенного между нашими двумя правительствами. Я думаю, что оно послужит еще большему укреплению уз, связующих народы наших двух стран, и я уверен, что оно поведет к успешному и дружественному разрешению некоторых важных вопросов в будущем. Я убежден, что оно не только еще теснее сблизит наши страны, но будет также содействовать в значительной степени поддержанию всеобщего мира»¹.

Таким образом, тосты, произнесенные обоими монархами, явились своего рода ратификацией англо-русских договорённостей, подписанных в 1907 г. На следующий день, 28 мая, царская чета прибыла на английскую яхту, где Эдуард VII произвёл Николай II в адмиралы английского флота, что являлось в Англии самой высокой и весьма редкой честью². Уже в звании английского адмирала Николай II посетил британский крейсер «Минотавр». Офицерскому составу «Минотавра» от имени Государя был преподнесён подарок: жбан из чеканного серебра в русском стиле³.

Вечером 28 мая Государь в свою очередь обратился к Эдуарду VII с просьбой оказать честь и стать адмиралом «нашего молодого и растущего флота». Король тепло принял это назначение, и по этому случаю орудие «Штандарта» приветствовало нового российского адмирала торжественным залпом.

Поздно ночью Извольский доложил Государю результаты своих переговоров с Гардингом. По словам министра, «лондонский Кабинет вполне разделяет наше мнение, что Ревельское свидание не должно внушать ни малейшего беспокойства другим державам; что касается специально до Германии, то Великобританское правительство самым искренним образом желает поддерживать с нею наилучшие отношения и не предвидит в ближайшем будущем никаких поводов к обострению англо-германских отношений»⁴.

¹ Тексты приветственных речей императора Николая II и короля Эдуарда VII // Речь. 28 мая 1908 г.

² Лунёва Ю. В. *На пути мировой катастрофы*. С. 25.

³ Мосолов А.А. Указ. соч. С 219.

⁴ E. Grey. Op. cit. V.1. P. 202–209.

Однако, заявил при этом Гардинг, нельзя забывать, что, если Германия будет продолжать увеличивать теми же темпами свои морские вооружения, то через 7 или 8 лет в Европе наступит весьма тревожная ситуация. Главным арбитром тогда станет Россия. Вот почему английский дипломат добавил: *«В интересах сохранения равновесия и мира мы самым искренним образом желаем видеть русское государство как можно более сильным и на суше и на море»*¹.

Это признание со стороны Англии было главным и самым важным результатом Ревельской встречи. Россия могла теперь уверенно заняться своим перевооружением и восстановлением утраченных международных позиций, не только не опасаясь английского нападения на южных и дальневосточных своих границах, но, наоборот, рассчитывая на содействие Великобритании. При этом о военном сотрудничестве и тем более о военном союзе между двумя державами в Ревеле речи не шло, хотя Англия и стремилась к заключению подобной конвенции с Россией. Военный агент в Лондоне генерал-лейтенант Н. С. Ермолов докладывал в Главный штаб: *«Уже ко времени Ревельского свидания у Великобритании было желание идти дальше англо-русского соглашения, заключенного в 1907 г., и, быть может, заключить с нами нечто вроде военно-морской конвенции на случай войны с Германией»*². Однако Государь не захотел связывать Россию договором, явно направленным против Германии, с которой царь не собирался обострять отношения.

Остальные вопросы, обсуждаемые на встрече, шли в русле главного решения. Николай II отверг предложение английской стороны о строительстве железной дороги от кавказских границ России до Персидского залива как невыгодное для России.

Рассматривался в Ревеле и вопрос о принадлежности Черноморских проливов. Англия заверила Россию в своей поддержке по этому вопросу. В своём дневнике член Государственного совета А.

¹ Всеподданнейшей доклад А. П. Извольского от 3 июня 1908 г. // АВП РИ. Ф. 138 Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 275/276. Л. 13–16.

² Копия с весьма секретного письма военного агента в Лондоне Н. С. Ермолова — А. З. Мышлаевскому от 15(28) апреля 1909 г. // РГВИА Ф.2000. Оп. 1. Д. 912. Л. 259.

А. Половцев писал: «В совете говорят, что при свидании двух монархов Эдуард обещал нашему Императору: 1) добиться открытия для нашего флота свободного прохода через Дарданеллы, 2) устроить приобретение для нашего флота угольной станции в Тихом океане, 3) повлиять на английских банкиров в смысле доставления нам денег, потребных для построения Амурской дороги»¹.

Сразу же после Ревельской встречи Англия и Россия поспешили ещё раз подчеркнуть, что она не была направлена против третьей державы, а, по словам П. А. Столыпина, стала необходимым элементом европейского равновесия. Россия, заявил Столыпин, будет поддерживать традиционно дружественные отношения с Германией². Однако в Берлине с недоверием восприняли заверения русского и английского правительств.

Вопрос урегулирования отношений с Германией

Вплоть до завершения Альхесирасской конференции в Берлине были уверены, что ослабленная Россия будет следовать германской линии. Вильгельм II и Бюлов настолько в этом не сомневались, что не побоялись потребовать от России полной поддержки в марокканском вопросе. Как уже говорилось, эта поддержка стала бы для России потерей международного авторитета и столь нужной ей западной финансовой помощи. При этом Германия со своей стороны ничего не предлагала взамен. Единение, с которым выступили Россия, Франция и Англия на Альхесирасской конференции, отрезвляюще подействовало на германское руководство. Вместе с тем в германских верхах царило негодование действиями России. Граф И. Л. Татищев докладывал Николаю II 26 марта/8 апреля 1906 г.: «До последнего времени Император Германский был самым лучшим образом настроен к России. Появление Его Величества в русском мундире в театре на представлении "Царь Феодор Иоаннович", исполняемого труппой Русского художественного теа-

¹ Дневник А. А. Половцева // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1923. № 4. С. 127–128.

² Лунёва Ю. В. *На пути мировой катастрофы*. С. 27.

тра, служит тому доказательством. [...] Обнародование циркулярной депеши уполномоченного Вашего Императорского Величества на Альхесирасской конференции и особенно появление этой депеши в газете "Гетра", притом в несколько искажённом виде, сразу изменило настроение Императора до неузнаваемости. Лично я Императора с тех пор не видел, но из разговоров с лицами, к нему приближёнными, могу заключить, что Император очень рассержен»¹.

Негодование Вильгельма II вызывает удивление, так как после окончания русско-японской войны кайзеру постоянно поступали предупреждения об изменении ориентиров русской политики. Морской атташе кайзера в Петербурге капитан 1 ранга Пауль фон Гинце, который пользовался расположением императора Николая II, неоднократно докладывал кайзеру и статс-секретарю военноморского ведомства гросс-адмиралу А. фон Тирпицу, что цели российской внешней политики перемещаются с Дальнего Востока на Европейский континент. Гинце отмечал стремление России во что бы то ни стало решить проблему Черноморских проливов, а также желание Петербурга устранить противоречия с Англией².

Имея подобную информацию, в Берлине, казалось, должны были учесть русские устремления и хотя бы в чём-то пойти им навстречу, тем более что после Альхесирасса стало очевидным, что Россия в своей внешней политике не будет слепо следовать за Германией.

Вместо этого кайзер предпочёл ряд недружелюбных действий. Весной 1906 г. военный агент в Берлине полковник А. В. Михельсон в своих донесениях начальнику Главного управления Генерального штаба генералу Ф. Ф. Палицыну стал указывать на демонстративное охлаждение кайзера и высшего руководства рейха к представителям России³.

¹ Граф И. Л. Татищев — императору Николаю II. 26 марта/8 апреля 1906 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746 (1). Л. 3.

² Шилов С. П. *Военно-морская политика кайзеровской Германии и Россия: 1897–1914 гг.* // Дисс. на соискание учёной степени доктора ист. наук. — Тюмень, 2004. С. 43.

³ Полковник А. В. Михельсон — генералу Ф. Ф. Палицыну. 14 мая 1906 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 564. Л. 73–73 об.

В сентябре 1906 г. немцы провели большие манёвры возле русской границы. Царь, в свою очередь, 3 декабря 1906 г. утвердил план нового стратегического развёртывания русских армий на западной границе на случай войны против Германии и Австро-Венгрии¹. Военное командование явно считало главным потенциальным противником России германские империи, в то время как командование ВМФ — Англию. 15 декабря 1906 г. начальник Морского Генерального штаба вице-адмирал Л. А. Брусилов подал Николаю II записку, в которой писал, что Англия стремится сотрясти мощь России на суше, а мощь Германии — на море. Заручившись поддержкой России и Франции, отмечал Брусилов, Англия зажмёт Германию в тиски, и та будет вынуждена напасть на Россию, как на менее подготовленного противника. Брусилов считал, что сама Англия не вступит в войну, а пожнёт её плоды².

Тем не менее говорить о резком ухудшении русско-германских отношений ни в 1906, ни в 1907 гг. не приходилось. Николай II понимал, что Германия является самым опасным потенциальным противником, а потому в первую очередь с ней нужно выстраивать дружественные отношения. 15 ноября 1906 г. Государь заявил германскому послу в Петербурге барону В. фон Шёну, что он стремится к новому сближению с Германией и Австро-Венгрией в виде возобновления Союза трёх императоров³. Это предложение царя нашло живой отклик у австро-венгерского посла А. фон Эренталля. Состоящий при германском императоре генерал-майор граф И. Л. Татищев сообщал в письме к Государю, что Эренталь советовал германскому правительству незамедлительно организовать встречу с царём на высшем уровне⁴.

Свою первую заграничную поездку в ранге министра иностранных дел Извольский совершил именно в Германию. Николай II передал кайзеру личное послание, в котором заверял Виль-

¹ Данилов О. Ю. Указ. соч. С. 84.

² Данилов О. Ю. Указ. соч. С. 86.

³ Данилов О. Ю. Указ. соч. С. 88.

⁴ Граф И. Л. Татищев — императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746 (1). Л. 5.

гельма II в своей самой *«искренней дружбе»*¹. Во время встречи Извольского с Бюловым рейхсканцлер сказал, что Берлин будет приветствовать англо-русское сближение до тех пор, пока оно не затронет германских интересов². Кроме того, германское правительство дало понять Извольскому, что готово заключить соглашение с Россией по Багдадской железной дороге. В ноябре 1906 г. посол Австро-Венгрии в России граф Эренталь, на словах сторонник сближения германских империй с Россией, был назначен императором Францом-Иосифом министром иностранных дел.

Свидание императора Николая II и кайзера Вильгельма в Свинемюнде (22—24 июля 1907 г.)

Отказ России идти в фарватере германской политики и угроза её блокирования с Антантой вынуждала Вильгельма II, отбросив всё своё раздражение, искать компромисса с Николаем II. Кайзер хотел обсудить с ним весь широкий круг вопросов русско-германских отношений, а заодно лично попытаться узнать, насколько верны слухи о возможном союзе России с Англией.

7 мая/20 мая 1907 г. во время большого официального приёма, на который было приглашено всё русское посольство, Вильгельм II подошёл к графу И. Л. Татищеву и *«в довольно продолжительном разговоре сказал, что уже приказал узнать о том, как Ваше Величество изволите относиться к возможности свидания с Императором»*. Вильгельм задал тот же вопрос и Татищеву. Граф, не зная мнения царя, не мог ответить на вопрос кайзера, а потому уклончиво заметил, что не знает, насколько внутренняя обстановка в России позволит заграничному путешествию Государя³.

И. Л. Татищев докладывал Николаю II: *«Его Величеству Императору Германскому было благоугодно мне доложить, что Император был бы чрезвычайно рад посещением Вашего Императорского*

¹ Астафьев И. И. Указ. соч. С. 130.

² Уткин А. И. Указ. соч. С. 71.

³ Граф И. Л. Татищев — императору Николаю II. 10/23 мая 1907 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746(1). Л. 10.

*Величества, для чего самое удобное время было бы вскоре после 9 августа нового стиля, а наиболее удобным для свидания местом император считает рейд у Свиномюнде*¹.

Николай II тоже считал встречу с кайзером полезной. Он стремился сгладить неприятный осадок, вызванный у немцев Альхесирасской конференцией, а заодно устранить тревогу кайзера о возможном сближении Петербурга с Лондоном. Кроме того, Николай II хотел, чтобы отказ России от Бьёркского договора не был бы болезненно воспринят в Берлине. Поэтому царь дал знать кайзеру через его морского атташе Гинце, что прибудет в Свиномюнде 21 июля /3 августа, и предлагал императору Вильгельму встретиться на этом рейде. Вильгельм II немедленно ответил согласием².

20 июля/2 августа 1907 г. предстоящая встреча двух монархов уже не была ни для кого секретом. Газета «Русское слово» поместила на своих страницах сообщение, что *«Государь Император отбыл из Петергофа в Балтийское море для свидания с императором Вильгельмом»*³. Государя сопровождали: морской министр вице-адмирал А. А. Бирилёв, начальник Морского штаба контр-адмирал А. Г. Нидермиллер, министр иностранных дел А. П. Извольский, министр Императорского двора граф В. Б. Фредерикс.

Императорская яхта «Штандарт» прибыла в Свиномюнде 22 июля 1907 г. в 11 ч. 20 м. утра. Вильгельм II прибыл на рейд Свиномюнде 19 июля на яхте Hohenzollern. Германского монарха сопровождали рейхсканцлер Б. фон Бюлов, гросс-адмирал А. фон Тирпиц. 20 июля утром вслед за кайзером прибыла вся германская эскадра, в составе 50 судов под командованием принца Генриха⁴. При появлении яхты царя Вильгельм II тотчас же на гребном катере вышел ей навстречу и перешёл на «Штандарт», где был встречен германским гимном и артиллерийским салютом.

¹ Граф И. Л. Татищев — императору Николаю II. 10/23 мая 1907 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746 (1). Оп. 1. Л. 5.

² Die Große Politik. Bd. 22. № 7374.

³ Русское Слово. 19 августа 1907 г.

⁴ Русское Слово. № 146. 20 июля 1907.

Балтийское урегулирование

Одним из важных вопросов, обсуждаемых на встрече в Свинемюнде, было так называемое Балтийское урегулирование и проблема Аландских островов. Дело заключалось в том, что в 1905 г. Норвегия обрела независимость от Швеции и стала самостоятельным королевством. В связи с этим Николай II хотел добиться пересмотра статуса Аландских островов, которые по Парижскому миру 1856 г. Россия не имела права укреплять. В Швеции это стремление России вызвало волнение и настороженность. Лондон предложил обсудить этот вопрос между четырьмя державами: Англией, Россией, Францией и Германией, которые были гарантами независимости Норвегии. Однако царь отверг английское предложение, так как оно означало бы признание за Англией и Францией возможности вмешиваться в вопросы, относящиеся к району Балтийского моря. Россия сняла своё заявление об отмене конвенции 1856 г., предложив решить вопрос путём отдельных соглашений с заинтересованными державами¹.

На встрече в Свинемюнде царь предложил кайзеру проект секретного русско-германского протокола, в котором бы излагались основные принципы политики обеих держав в районе Балтики. Германской стороне предлагалось договориться о том, что их политика в бассейне Балтийского моря *«имеет целью сохранение существующего территориального status quo на основе полного устранения всякого иностранного влияния»*², кроме прибрежных стран: России, Германии, Швеции и Дании. Немцы согласились с этим проектом, и секретный протокол был подписан в Санкт-Петербурге 16 октября 1907 г. статс-секретарём МИДа Германии В. фон Шёном и товарищем министра иностранных дел К. А. Губастовым.

Некоторые исследователи полагают, что подписание этого секретного договора не было необходимостью, и русская ди-

¹ Астафьев И. И. Указ. соч. С. 84.

² Астафьев И. И. Указ. соч. С. 84.

пломатия предложила его исключительно, чтобы смягчить в глазах кайзера отказ России соблюдать Бьёркский договор, а также избежать «сколько-нибудь явной внешнеполитической ориентации, угроза которой уже начинала ощущаться»¹. Трудно не согласиться с этой точкой зрения: действительно, эти соображения занимали не последнее место при подписании русско-германского договора по Балтике. Тем более если учесть, что оно состоялось в скором времени после подписания англо-японской антанты и в преддверии англо-русского сближения. Тем не менее неоправданно утверждать, что секретный протокол был порождён только этими соображениями. Секретное соглашение с Германией, факт которого был сразу сообщён Россией английскому и французскому правительствам, было уравновешено аналогичным соглашением Германии с Англией, Францией, Данией и Швецией по соблюдению status quo в Северном море 10/23 апреля 1908 г. В тот же день Англия, Франция и Швеция подписали декларацию об отмене трактата 1856 г., запрещающего России укреплять Аландские острова². Таким образом, было покончено «ещё с одним наследием Крымской войны»³.

Однако дипломатические переговоры по Аландам на этом не закончились. 15 февраля 1908 г. в Петербург прибыл наследный принц Шведский Вильгельм, который при встрече с императором Николаем II передал ему письмо короля Густава V. Государь писал А. П. Извольскому: *«Принц высказал мне о возникшем в Швеции возбуждении по поводу Аландских островов и о том чрезвычайно трудном положении, в котором находится лично король. Поэтому последний убедительно просит меня оказать ему личную услугу, отложив переговоры об Аландских островах до более благоприятного времени. Развив принцу подробнее нашу точку зрения в связи с целым вопросом о Балтийском соглашении, я в конце концов ответил принцу, что, во внимание к трудному положению короля и в знак искренней дружбы к Швеции, я согласен отложить года на два решение вопроса об Алан-*

¹ Астафьев И. И. Указ. соч. С. 85.

² Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 60.

³ Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 60.

дах. При этом я предупредил его, что вследствие этого всё соглашение о Балтийском море может приостановиться»¹.

Суть письма Николая II и причины его согласия на просьбу шведского короля будут непонятны, если не учесть того, что в декабре 1907 г. император Вильгельм написал царю письмо, в котором сообщал, что получил письмо от Густава V. В нём король высказал кайзеру мысль, что «вопрос об Аландских островах должен быть рассмотрен особо, путём обмена нотами между Россией и Швецией»². Царю было понятно, что в своём письме кайзер поддерживает просьбу короля Густава. Это стремление Вильгельма II было вызвано сближением Германии и Швеции в начале XX в. Стокгольм склонялся к союзу с Берлином и усиливал военные приготовления, обосновывая их политикой, проводимой Россией в Финляндии. Отказ царя в просьбе шведского короля по Аландским островам вызвал бы ненужный всплеск антирусских эмоций в шведском обществе, уже и без того разогретом намерением России отменить запрет на строительство укреплений на Аландах. Поэтому 15 ноября 1907 г. Николай II в ответном письме кайзеру согласился с тем, что пожелания короля Густава по Аландским островам «должны быть удовлетворены. Поэтому я предписал Извольскому составить новое предложение Швеции»³.

Таким образом, пойдя навстречу пожеланиям шведского короля, Государь был озабочен не столько поддержанием добрых отношений с Швецией, сколько укреплением взаимопонимания с Германией. Тем более что царь стремился сгладить крайне негативную реакцию Вильгельма II на русско-английское сближение. В том же письме от 15 ноября Николай II писал кайзеру: «Наши совместные действия в этом важном вопросе Балтийского моря — большое удовлетворение для меня и должно служить тебе доказа-

¹ Император Николай II — А. П. Извольскому // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1129. Л. 1—2.

² Император Вильгельм II — императору Николаю II. 13/26 ноября 1907 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 417.

³ Император Николай II — императору Вильгельму II. 15 ноября 1907 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 418.

тельством моего постоянного желания быть в постоянном контакте с тобой»¹.

Обсуждение судьбы Бьёркского договора

В преддверии свидания в Свинемюнде кайзер и Бюлов пытались возобновить обсуждение Бьёркского договора, который они считали сохраняющим силу². Предвидя, что немцы могут коснуться этого вопроса, Николай II приказал Извольскому через посла графа Остен-Сакена навести кайзера на мысль о желательности приглашения рейхсканцлера Бюлова. Присутствие рейхсканцлера делало обязательным присутствие и Извольского. Именно им двоим, по мысли царя, и предстояло обсуждать все сложности Бьёркского договора.

Однако первой о Бьёркском договоре завела речь русская сторона. На встрече с Бюловым Извольский поинтересовался отношением кайзера к позиции России по Бьёркскому договору. Бюлов поспешил ответить, что император Вильгельм *«проникнут самыми сердечными чувствами»* к императору Николаю II и *«отнюдь не намерен обострять этот щекотливый вопрос»*, так как *«он отлично понимает, что привлечение Франции к этому акту — дело весьма трудное и требующее много времени и терпения. Это своего рода политический идеал, к которому и мы, и вы должны стремиться. Что касается до сделанной Россией оговорки, то, не оспаривая её по существу, мы не предвидим её практического применения, так как вполне убеждены, что связующие Россию и Францию договорные отношения не имеют никакого агрессивного характера»³.*

Таким образом, фактическая денонсация Россией Бьёркского договора не вызвала у германской стороны возражений. Об-

¹ Император Николай II — императору Вильгельму II. 15 ноября 1907 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 418.

² O. von Müllberg am B. von Bülow // Die Große Politik. Bd. 22. № 7375.

³ Всеподданнейшая записка А. П. Извольского императору Николаю II. 31 июля 1907 г. // АВП РИ. Ф. 133 Канцелярия министра. 1907 г. Д. 42. Л. 205.

ший дружеский настрой со стороны Николая II и Извольского, их готовность идти на сотрудничество с Германией по целому ряду важных вопросов заставляли германское руководство не настаивать на соблюдении фактически потерявшего силу бесперспективного Бьёркского договора.

В ходе переговоров царь и его министр иностранных дел смогли добиться согласия кайзера и Бюлова на отказ строительства немцами Багдадской железной дороги. Извольский заверил Бюлова, что Россия не собирается заключать военный союз с Англией¹.

Помимо Бьёрке, Персии и Балтийского соглашения русская и германская делегации обсуждали проблемы Марокко, намерение князя Фердинанда провозгласить независимость Болгарии, предстоящую Гаагскую конференцию и другое.

Утром 24 июля 1907 г. на «Штандарте» состоялся прощальный завтрак. Кайзер Вильгельм, как и император Николай II, был в русской морской форме. В 11 ч. 30 м. оба императора переехали со «Штандарта» на Hohenzollern, где прошло официальное прощание двух монархов. Как писало «Русское слово», они простились *«сердечно, несколько раз пожимали друг другу руки и несколько раз облобызались»*².

Реакция Вильгельма II на русско-английскую встречу в верхах

Русско-английское соглашение 1907 г. всерьёз взволновало Вильгельма II, он увидел в этом разрыв России с *«идеалами вековой дружбы с Германией»*. 14/27 февраля 1907 г. во время официального приёма в честь годовщины своего бракосочетания германский император подошёл к графу Татищеву и *«стал внезапно возмущаться газетой Новое время, утверждающей, что Германия возбуждает Турцию против России, что, по мнению императора, совсем не соответствует действительности»*. Татищев в сообщении к Николаю II полагал, что *«не следует придавать значения постоянным сетованиям*

¹ Фейгина Л. Указ. соч. С. 92.

² Русское слово. 25 июля 1907 г.

императора на нашу прессу. Эти вспышки проходят зачастую весьма строго и дают место другим впечатлениям». Однако Татищев предупредил: «Последний разговор с императором ещё более утвердил во мне убеждение, насколько император озабочен нашим сближением с Англией и насколько это сближение его пугает»¹.

При этом Вильгельм II вовсе не вспоминал, что сам много раз, не считаясь с интересами России, встречался с английскими политиками и заключал с Англией выгодные для Германии соглашения. Так, в августе 1906 г. кайзер поставил царя перед фактом своего свидания с Эдуардом VII, прибывшим с визитом в Вильгельмское (близ Касселя). «Посещение дяди Берти, — писал германский император царю, — сошло удовлетворительно. Мы с ним оба согласны в том, что поддержание дружеских отношений между нашими двумя государствами есть благо не только для них, но и для всех остальных народов»².

Характерен ответ Николая II на это сообщение кайзера: «Для спокойствия всего мира, безусловно, необходимо поддержание дружеских отношений между Германией и Англией. Я радуюсь, что визит дяди Берти имел такие последствия»³.

Для сравнения весьма любопытна реакция Вильгельма лишь на слухи о предстоящем свидании Николая II и английского короля, которые были переданы кайзеру в мае 1908 г.: «Похоже на то, что нас хотят окружить и припереть! Это мы сумеем выдержать! Германец никогда не дрался лучше, чем когда он был вынужден обороняться со всех сторон. Пусть они только придут! Мы готовы!»⁴ Эти слова Вильгельм II сказал германским офицерам на плацу Дёбрице во время смотра. Речь эта, скорее всего, была экспромтом, но о ней стало известно широкой общественности, так как на смотре

¹ Граф И. Л. Татищев — императору Николаю II. 20 февраля/4 марта 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746 (1). Л. 11—13.

² Император Вильгельм II — императору Николаю II. 3/16 августа 1906 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 414.

³ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 3/16 августа 1906 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 415.

⁴ Астафьев И. И. Указ. соч. С. 130.

присутствовали представители иностранных держав, в том числе и граф И. Л. Татищев, который, правда, стоял далеко от кайзера и его слов не слышал. Сам Вильгельм II уверял, что его слова исказили. Однако, судя по его многочисленным пометам на докладе посла в Петербурге графа Ф. фон Пурталеса о встрече царя и короля в Ревеле, кайзер вполне мог произнести нечто подобное и в Дёбернице. Так, одна из помет Вильгельма гласила: «*Мы знаем, чего теперь ждать от этих мерзавцев!*»¹

Бюлову пришлось мягко объяснять своему повелителю, что подобные экспромты только вредят Германии. «*Приходится сожалеть, — писал он кайзеру, — что дёберецкая речь Вашего Величества, предназначенная только для офицеров, благодаря нескромности попала в более широкие круги. Я думаю, во всяком случае, что в интересах всех держав (Антанты), чтобы мы казались нервными и беспокойными. Это даёт также и то преимущество нашим врагам, что всякая реальная или видимая угроза с нашей стороны заставляет французов усиливать их восточную границу укреплениями, англичан — строить больше дредноутов, а русских — сосредоточивать больше войск на их западной границе*»².

28 октября 1908 г. Вильгельм II дал обширное интервью Daily Telegraph, в котором совершенно неожиданно заявил, что во время бурской войны Франция и Россия делали Германии предложения, имевшие целью унижить Англию. В Европе эти слова кайзера были восприняты как заигрывание с Англией и неуклюжую попытку поссорить её с Россией и Францией. В германских общественных кругах, наоборот, проявленная Вильгельмом II симпатия к Англии, которую германский монарх называл во время англо-бурской войны не иначе как «бандитом», была воспринята чуть ли не как проявление безумия императора. В Германии разразился грандиозный скандал. Известный немецкий публицист М. Гарден требовал немедленного отречения кайзера от престола за его губительные для внешней политики Германии изречения³.

¹ Астафьев И. И. Указ. соч. С. 130.

² История дипломатии. Т. 2.

³ Русское слово. 25 октября 1907 г.

Бюлов подал в отставку. Вильгельм II её не принял, но канцлер согласился остаться только после того, как император официально признал, что сожалеет о своих словах и впредь обязуется не выступать по вопросам внешней политики, не посоветовавшись с канцлером. Подобное унижение подействовало негативно на самолюбивую натуру германского императора. И. Л. Татищев писал Николаю II, что после осеннего скандала кайзер *«все время находился в удручённом настроении духа, мало кого видел и не покидал Потсдама. Подобный образ жизни, а главным образом нравственное угнетение дурно отозвались на здоровье»* Вильгельма II¹.

Вопреки мнению кайзера, Россия не помышляла о разрыве с Германией. Она лишь хотела иметь свободу действий и не зависеть от сугубо эгоистичной его политики. По возвращении из Ревеля Николай II сразу телеграфировал Вильгельму II, что на этой встрече *«политические вопросы почти не затрагивались»* и что *«встреча ничего не изменила»* в русско-германских отношениях². Телеграмму похожего содержания направил Вильгельму и Эдуард VII.

3 июня 1908 г. А. П. Извольский встретился с немецким послом в Петербурге графом Ф. фон Пурталесом и заявил ему: *«Мы ни на минуту не помышляем о том, чтобы сойти с почвы наших конкретных отношений с Англией и вступить в какие-либо новые политические комбинации общего свойства, менее всего такие, которые могли бы противоречить нашим искренним дружественным отношениям с Германией»*³.

Шаги, предпринятые Россией, в известном смысле успокоили германского императора. Из разговора с Вильгельмом II, происшедшим сразу же после получения им царской телеграммы, граф

¹ Граф И. Л. Татищев — императору Николаю II. 1 января 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746 (1). Л. 14.

² Kaiser Wilhelm II. am B. von Bülow. 11 Juni 1908 // Die Große Politik. 25/II. № 8805.

³ Докладная записка А. П. Извольского императору Николаю II. 3 июня 1908 г. // АВП РИ. Ф. 138. «Секретный архив». Д. 275/276. Л. 4.

Татищев «вынес убеждение, что Ревельское свидание Вашего Императорского Величества с Его Величеством Королём Английским в значительной степени уменьшили те опасения, которые питались статьями русских и немецких газет, особенно до появления в печати нашего Правительственного сообщения, разъяснявшего цели, преследуемые сближением России с Англией, и очень волновали Императора Вильгельма. Телеграмма из Ревеля, подписанная Вашим Императорским Величеством и Королём Эдуардом, произвели на императора очень приятное впечатление, и Его Величество с видимым удовольствием сообщил мне о её получении»¹.

Таким образом, в крайне тяжёлых условиях, наступивших вместе с окончанием русско-японской войны, Николаю II удалось вывести Россию из глубокого внешнеполитического и внутрироссийского кризиса. Кардинальные реформы государственной жизни не привели к распаду империи, революция была подавлена, финансовый дефолт преодолен. При этом Россия сохранила свои позиции как великая держава и, что самое главное, не была вовлечена ни в один из антагонистских блоков, сохранив нейтральную независимую позицию. Соглашение с Англией разрядило обстановку на южно-азиатских границах России, сняло для неё напряжение в Персии, Тибете и Китае. Отношения с Германией, несмотря на все их сложности этого периода, также не перешли в конфронтацию. Более того, после Свинемюнде наметилось улучшение отношений с Берлином, которые внешне приобретали характер «традиционной дружбы и добрососедства»².

Как никогда спокойны были отношения России с её старым соперником на Балканах Австро-Венгрией. Новый австро-венгерский министр иностранных дел граф Эренталь заверял Россию в своих симпатиях, готовности к сотрудничеству и компромиссу. В таких новых условиях Россия по договорённости с Англией, Германией и Австро-Венгрией могла попытаться раз-

¹ Граф И. Л. Татищев — императору Николаю II. 2 /15 июня 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746 (1). Л. 14.

² Астафьев И. И. Указ. соч. С. 90.

рядить ситуацию на Балканах, а вместе с ней постараться решить давнюю проблему, связанную с черноморскими проливами.

Вторая мирная конференция в Гааге

По мнению Николая II, важным фактором, сдерживающим возможность большой войны, должны были стать мирные конференции. Однако русско-японская война и внутренняя смута поставили под сомнение возможность проведения Второй конференции мира. Тем не менее, когда Россия осенью 1905 г. предложила вновь собраться на мирную конференцию, все державы выразили своё принципиальное согласие. Президент САСШ Т. Рузвельт в сентябре 1905 г. заявил, что *«можно рассчитывать на полное сочувствие и поддержку в созвании международной конференции мира»*. При этом Рузвельт подчеркнул, что находит *«вполне естественным, чтобы Августейший Монарх как инициатор Первой конференции взял на себя почин в этом»*¹. Королева Нидерландов также согласилась, чтобы конференция вновь прошла в Гааге.

Подготовка и проведение Гаагской конференции прошли при деятельном участии графа В. Н. Ламздорфа, а затем А. П. Извольского.

По мнению В. Н. Ламздорфа, Вторая конференция должна была поддерживать преемственность с Первой конференцией 1899 г. Россия была призвана выработать наиболее приемлемую для всех государств программу, которая *«дала бы державам возможность внести на обсуждение конференции некоторые частные вопросы, точно не указанные в программе, но входящие в содержание главных намеченных в ней пунктов»*.

Важной особенностью предложений России был отказ от обсуждения проблемы разоружения. Конференция 1899 г. показала, что державы пока не готовы её рассматривать. Извольский отмечал, что императорское правительство *«из опыта Первой мирной*

¹ В. Н. Ламздорф — А. К. Бенкендорфу. 8 сентября 1905 г. // АВП РИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1179. Л. 4.

конференции убедилось, что страны-участники, столь различные по своей боевой и финансовой мощи и не связанные между собой общими политическими интересами, не могли принять единое решение по вопросу об ограничении вооружений»¹.

Поэтому, выдвигая свою программу конференции, Россия решила исключить из неё пункт о разоружении. 19 июля 1906 г. российский посланник в Нидерландах Н. В. Чарыков докладывал А. П. Извольскому о своей беседе с министром иностранных дел Нидерландов Д.-А.-В. ван Тетс ванн Гадрианом. Министр сообщил, что, по его сведениям, адмирал А. Тирпиц выступает против увеличения существующей германской программы ввиду затруднений, связанных со слишком быстрой перестройкой военных судов и с комплектованием их офицерами. «Если же Германия не увеличит свои программы, уже учтенные при английском предложении, — писал Чарыков, — то есть надежда, что при миролюбивом и примирительном ходе конференции последняя замедлит темпы вооружений»².

По поручению Николая II 31 августа 1906 г. Извольский сообщил послу в Лондоне графу Бенкендорфу, что «вопрос о сокращении вооружений не должен служить предметом обсуждения новой конференции. Предложенная Россией программа уже получила полное одобрение большинства приглашенных держав, в том числе Нидерландов, Германии, Австро-Венгрии, Франции и Италии»³.

То, что Россия оказалась права, исключив из своей программы пункт о разоружении, подтвердила реакция Вильгельма II. Граф И. Л. Татищев писал Государю: «Германский император стал часто говорить о второй Гаагской конференции. Его Величество говорил со мной на эту тему. Из этого разговора я мог заключить, что император относится к Гаагской конференции не только с недоверием,

¹ А. П. Извольский — А. К. Бенкендорфу. 25 июля 1906 г. // АВП РИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1179. Л. 110.

² Н. В. Чарыков—А. П. Извольскому. 19 июля 1906 г. // АВП РИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1179. Л. 121.

³ А. П. Извольский — А. К. Бенкендорфу. 31 августа 1906 г. // АВП РИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1179. Л. 122.

но и опасением, с одной стороны, не ожидая от неё положительных благотворных результатов, а с другой — предполагая возможность возникновения осложнений в международных отношениях. Император заявил, что если в программу конференции будет включён вопрос о разоружении, то Германия уклонится от участия в ней¹. Между тем участие Германии в такой важной конференции было для России крайне желательно.

Сняв с повестки дня вопрос о разоружении, императорское правительство предложило сделать одной из главных тем конференции обсуждение вопросов, связанных с морской войной. Российский МИД считал, что на конференции надо внести дополнения в конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, особенно касательно открытия военных действий, выработать конвенцию о законах и обычаях морской войны, «как-то бомбардирование портов, городов и селений морскими силами, постройка мин и т.п.»

Между тем Англия и США включили в свои программы пункт о разоружении. Начальник Генерального штаба генерал Ф. Ф. Палицын объяснял причины этого миролюбия Великобритании. «Англия, — писал он, — считает себя в имперском смысле уже достаточно “удовлетворенной”, так что надобности в активном дальнейшем развитии своих вооруженных сил она, в особенности ввиду ослабления России и своего союза с Японией, более не усматривала, полагая, что отныне ей следует только обороняться, беречь и развивать то, что уже приобретено, т.е. ей отныне можно несколько приостановить развитие своих активных сил, как морских, так и сухопутных, и все свободные средства государства направить на улучшение обороны и на экономическое преуспевание своих владений»².

По сообщениям Палицына, «Англия намеревается предложить Второй Гаагской конференции рассмотреть вопросы по сокращению или ограничению вооружений. Лондонский кабинет надеется заручиться согласием США, Франции и Японии и принудить Германию на конференции высказаться за или против, т.е. раскрыть свои карты».

¹ Граф И. Л. Татищев — императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746(1). Л. 8.

² АВП РИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1179. Л. 116.

В начале 1907 г. тайный советник Ф. Ф. Мартенс отправился в дипломатическое турне по европейским столицам (Берлин, Париж, Лондон, Рим, Вена, Гаага), с целью убедить руководителей этих стран принять программу России на предстоящей конференции. Мартенс должен был одновременно заручиться *«благоприятным отношением германских правящих сфер по второй конференции»* и поддержкой Лондона и Парижа.

Согласно инструкциям, полученным от Извольского, Мартенсу следовало перед Англией и США придерживаться нейтральной позиции по вопросу разоружения: Россия согласна уменьшить военное бремя, но она считает этот вопрос преждевременным и не желает обременять Вторую конференцию этим проектом. Тайному советнику поручалось также выяснить: *«На чьё содействие мы можем рассчитывать в вопросе о правах военных судов захватывать в военное время коммерческие суда. Для России было бы особенно важно обеспечить себе на 2 конференции мира возможные льготные правила относительно правового положения судов воюющих держав в нейтральных портах»*¹.

Тем временем в начале апреля 1907 г. в Нью-Йорке собрался американский конгресс международного мира и третейского суда под председательством известного миллиардера Э. Карнеджи. На открытии собрания президент Т. Рузвельт обратился с приветственным письмом к конгрессу, в котором он призывал на «основе мира и доброй воли» проводить сокращение вооружений и реформы всеми странами, т.к. «если бы самые передовые нации разоружились бы, то они поставили бы себя в зависимость от менее развитых народов, находящихся еще на ступени военного варварства и деспотизма»². Нетрудно было догадаться, что под последними имелись в виду Германия и те страны, которые не поддерживают предложение об ограничении вооружений. Если учесть, что Россия ко времени Второй Гаагской конференции не поддерживала обсуждение на ней идеи о разоружении, то косвенно Руз-

¹ Копия доверительной инструкции тайному советнику Ф. Ф. Мартенсу

3 января 1907 г. // АВП РИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1179. Л. 154–157.

² АВП РИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1179. Л. 155.

вельт имел ввиду и Россию. В конце приветствия американский президент выразил надежду, что «Гаагская конференция значительно расширит свои полномочия и сделается постоянным учреждением и что постоянные, щедро оплачиваемые независимые судьи будут разрешать возникшие споры между нациями».

Между тем новая программа, представленная Россией в 1906 г., сильно отличалась от программы 1898—1899 гг. Главное отличие заключалось в том, что вопроса об ограничении вооружений Петербург предлагал вовсе не затрагивать. Задачи конференции, по мнению России, заключались в: «1) пересмотре конвенций, касающихся мирного разрешения международных споров посредством третейского суда и международной следственной комиссии, 2) прибавлении к конвенции 1899 г., касающейся законов и обычаев сухопутной войны (открытия враждебных действий, права нейтральных элементов на суше) и 3) выработке конвенций относительно законов и обычаев морской войны (бомбардировки портов, обращении коммерческих судов в военные, отсрочки, предоставленной коммерческим судам для выхода из нейтральных или вражеских портов, при объявлении войны, прав и обязанностей нейтральных судов на море»¹.

Российскую делегацию возглавлял опытный дипломат А. И. Нелидов. В её состав кроме трёх уполномоченных входили технические делегаты, командированные военным и морским ведомствами. Заседания конференции должны были основываться на принятой государствами-участниками программе 1906 г.

Вторая Гаагская мирная конференция заседала 2/15 июня—5/18 октября, в ней приняли участие 232 делегата из 44 государств: все участники Первой конференции мира и 17 государств Южной и Центральной Америки.

Первая часть работы конференции касалась вопросов мирного урегулирования международных столкновений. Российская программа предусматривала усовершенствование третейского международного суда и международных следственных комиссий. На первой конференции русский проект обязательного арбитража

¹ АВП РИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1179. Л. 156.

не был осуществлен из-за сопротивления Германии. Кроме задачи расширения области применения арбитража и упрощения третейской юстиции, второй конференции мира предстояло внести ряд улучшений в статьи существующей конвенции, посвященной ходу международного судебного разбирательства и о международных следственных комиссиях.

Вторая группа вопросов касалась общих вопросов войны. В российской программе специально был упомянут весьма важный, одинаково относящийся к войне сухопутной и к войне морской вопрос об открытии военных действий. Печальный опыт 1904 г. заставил Россию внести пожелание — заранее знать, как начнется война. По мнению России, требовалось улучшение конвенций о законах и обычаях сухопутной войны. В частности, предлагалось усовершенствовать функционирование бюро военнопленных, обеспечить интернированным в пределах страны противника пленным высших иерархических рангов соответствующее обращение, узаконить право дипломатических и консульских представителей державы, которой поручена охрана интересов одной из воюющих сторон, оказывать помощь и покровительство пленным того государства, которое оно временно представляет¹.

Русская программа по вопросам морской войны предлагала запретить бомбардировку незащищенных портов, городов, селений, построек и жилищ. Россия выразила также пожелание, чтобы «*воюющие стороны при постановке мин по возможности употребляли такие, которые, сорвавшись с якоря или дрейфуя, делались бы безопасными автоматически. Из самодвижущихся мин было бы желательно употреблять такие, которые, не попав в цель, теряли бы автоматически свое разрушительное действие*»².

По вопросу положения судов в нейтральных портах русский представитель заявил: «*Не имея колоний, мы силою вещей во время войны осуждены на пользование при операциях на море нейтральными*

¹ Инструкция русскому уполномоченному на 2-й Конференции мира. 23 мая 1907 г. // ГА РФ. Ф. 892. Оп.1. Д. 31. Л. 2.

² Инструкция русскому уполномоченному на 2-й Конференции мира. 23 мая 1907 г. // ГА РФ. Ф. 892. Оп.1. Д. 31. Л. 7.

ми гаванями. Поэтому, чем менее строгий режим, которому подвергаются в нейтральных водах суда воюющих Держав, тем для России они выгоднее»¹.

В заключение инструкции подчёркивалось, что «после войны 1904—1905 гг. России в первый раз приходится выступать в вопросах мирового интереса в руководящей и ответственной роли; помня об этом, надо приложить все усилия, сохраняя интересы нашего будущего, и извлечь из этой роли возможные непосредственные выгоды»².

В результате за четыре месяца работы конференции было принято 13 конвенций: 1) о мирном решении международных столкновений; 2) об ограничении случаев обращения к силе для взыскания по договорным долговым обязательствам; 3) об открытии военных действий; 4) о законах и обычаях сухопутной войны; 5) о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в сухопутной войне; 6) о положении неприятельских торговых судов при открытии военных действий; 7) об обращении торговых судов в военные; 8) об установке автоматических контактных подводных мин; 9) о бомбардировке морскими силами во время войны; 10) о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 г.; 11) о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне; 12) об учреждении международного призового суда (не вступила в силу); 13) о правах и обязанностях нейтральных держав в морской войне³.

Большое внимание было уделено разработке права морской войны. Было принято решение о запрете бомбардировок незащищенных портов и городов.

В рамках вопроса об оккупированных территориях и положении в них мирных жителей было принято решение, что мирное население не обязано давать сведения во вред своей армии и своей стране, и тем более участвовать прямо или косвенно в военных

¹ Инструкция русскому уполномоченному на 2-й конференции мира. 23 мая 1907 г. // ГА РФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 31. Л. 10.

² Инструкция русскому уполномоченному на 2-й конференции мира. 23 мая 1907 г. // ГА РФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 31. Л. 11.

³ Правительственный вестник. 3/16 июня 1907 г.

Император Николай II за рабочим столом. 1895 г.

Наследник Николай Александрович получает последние наставления от умирающего отца императора Александра III. Рисунок

Император Николай II и императрица Александра Фёдоровна принимают французскую делегацию в Кремле. 1896

Николай Карлович Гирс (1894–1895)

Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский (1895–1896)

Граф Михаил Николаевич Муравьев

Граф Владимир Николаевич Ламздорф

Королева Великобритании Виктория

Император Австро-Венгрии Франц-Иосиф I

Президент Французской республики Феликс Фор

Германский император Вильгельм II

Турецкий султан Абдул-Гамид II

Николай II, императрица Александра Фёдоровна с великой княжной Ольгой на руках в гостях у королевы Виктории в Бальморале. Крайний справа принц Уэльский Альберт-Эдуард. 1896 г.

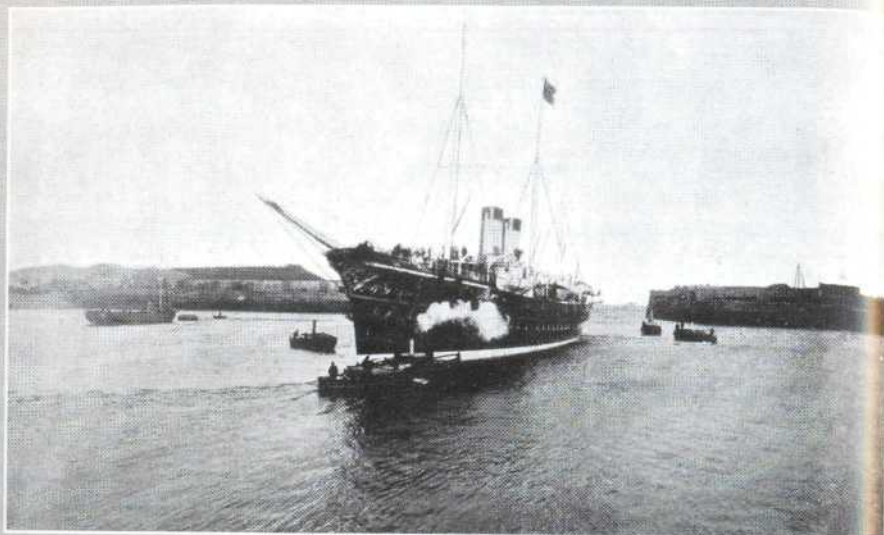
Премьер-министр Великобритании маркиз А. Солсбери

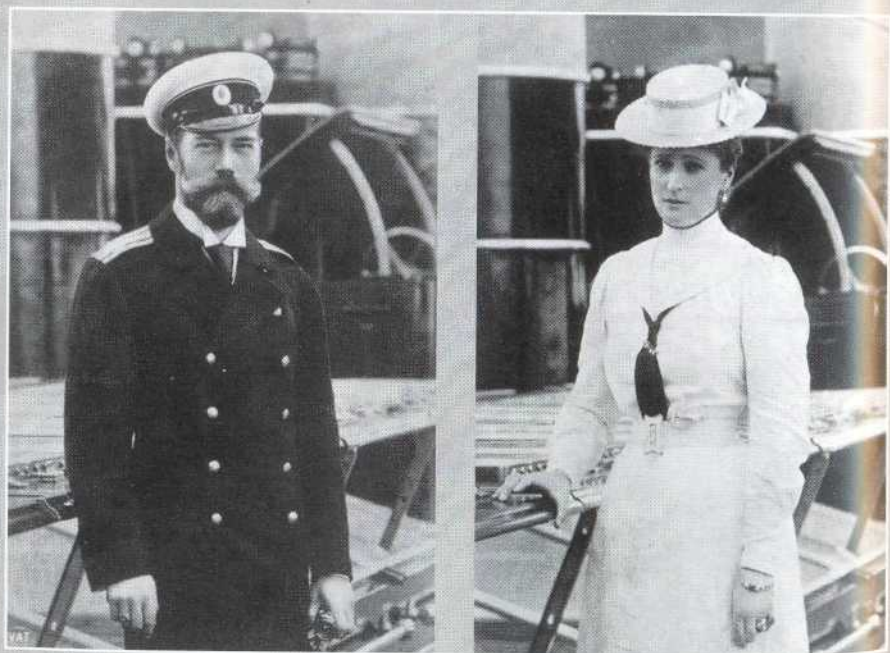
Император Николай II со своим кузеном принцем Георгом

Император Николай II в форме офицера английской гвардии

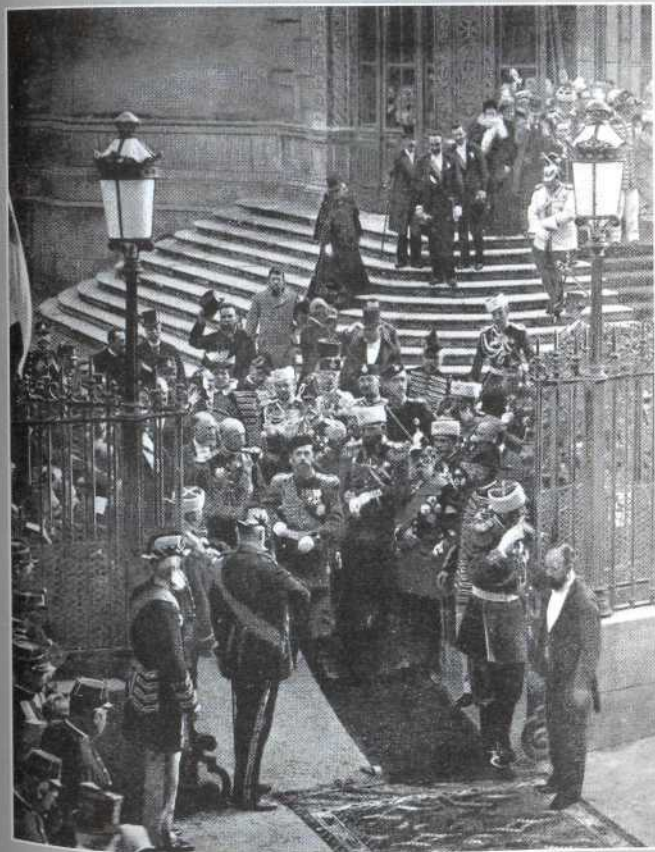
Императорская яхта «Полярная Звезда» входит в порт Шербура

Государь и Государыня на борту «Полярной Звезды»

*Парижане
приветствуют
Царскую Чету*

*Государь после
литургии выходит
из собора Св. кн.
Александра Невского
на ул. Дарю*

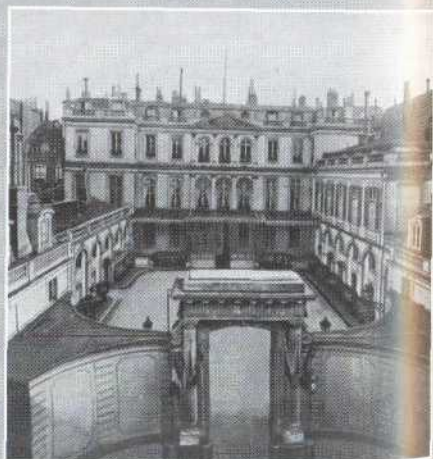
*Барон Артур Павлович Моренгейм.
Посол в 1884—1897 гг.*

*Князь Лев Павлович Урусов. Посол
в 1897—1904 гг.*

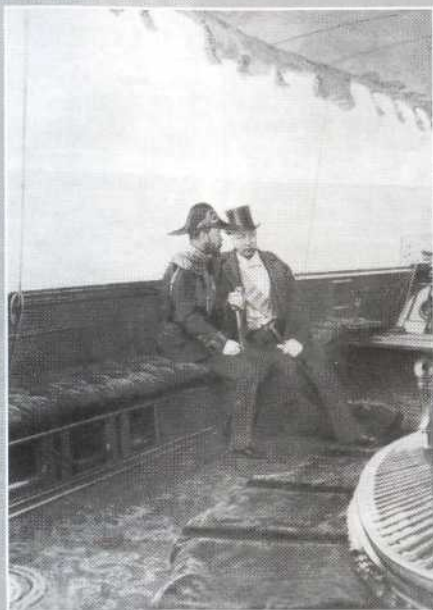
*Александр Иванович Нелидов. Посол
в 1904—1910 гг.*

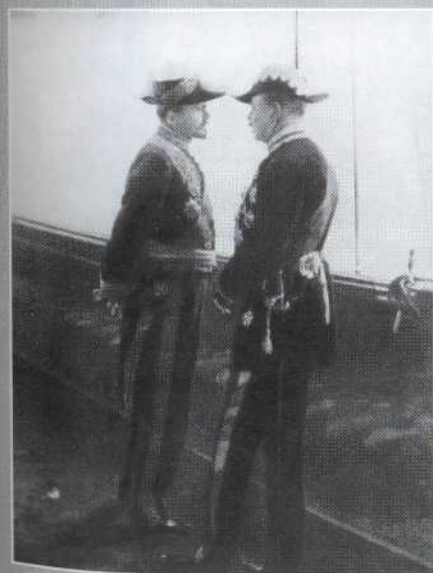
*Здание посольства Российской
империи в Париже на ул. Гренель*

Встреча Николая II и Ф. Фора на борту «Потюю»

Царь и президент беседуют на борту «Александрии»

Министры иностранных дел Франции и России Г. Ганото и М.Н. Муравьев за беседой

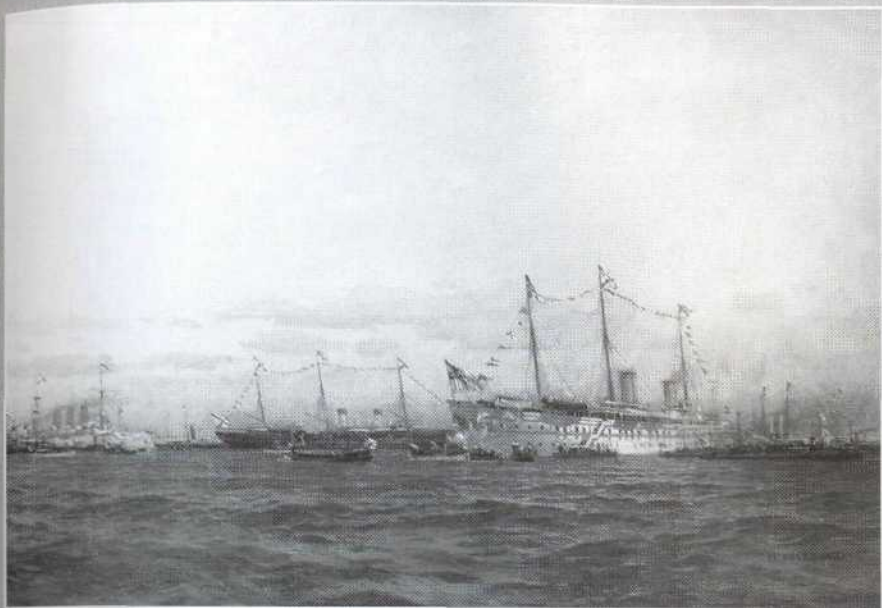
Посол Франции в России маркиз Г.-Л. де Монтебелло

Президент
Фор обходит
почётный караул
в Петербурге

После
прощального
завтрака

*Встреча Николая II
и Вильгельма II на
Кронштадтском рейде.
26 июля 1897 г.*

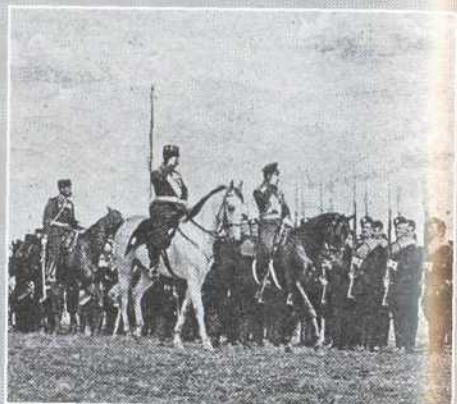

*Кайзер Вильгельм в форме
85-го Выборгского полка*

Николай II и Франц-Иосиф I на Дворцовой площади Петербурга принимают парад

Император Николай II и кайзер Вильгельм объезжают войска под Красным Селом. 26 июля 1897 г.

Войска выстраиваются на Знаменской площади для приветствия высокому гостю

Здание Австро-Венгерского посольства в Петербурге. Сергиевская ул.

Министр иностранных дел Австро-Венгрии граф А. Голуховский

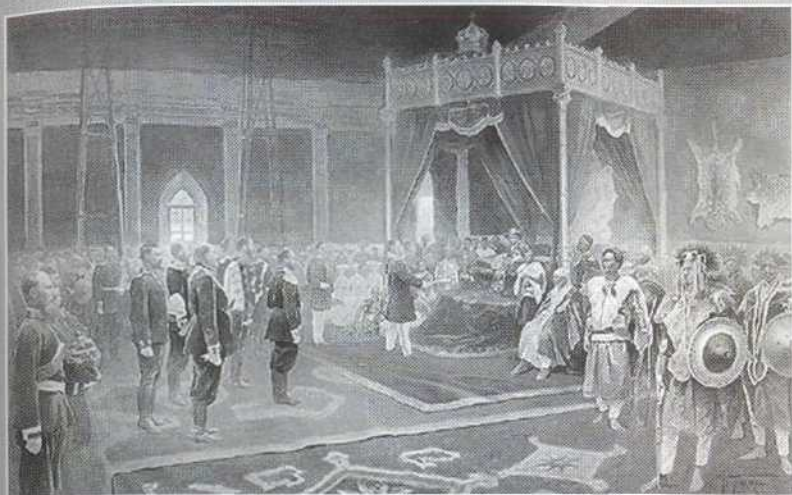

Посол России в Вене граф Пётр Алексеевич Каннист

*Император Николай II
и король Сиам Рама V*

*Визит короля Сиам.
Сидят слева на право:
великая княжна Ольга
Александровна, король
Рама V, вдовствующая
императрица Мария
Фёдоровна, император
Николай II, наследный
принц Сиам*

*Прибытие посольства Императора Всероссийского в Аддис-Абебу.
Вручение верительных грамот Менелику II*

*Император (негус) Эфиопии
Менелик II*

*Доверенное лицо Государя, военный
советник Менелика II, поручик
Лейб-гвардии Гусарского полка
Александр Ксаверьевич Булатович*

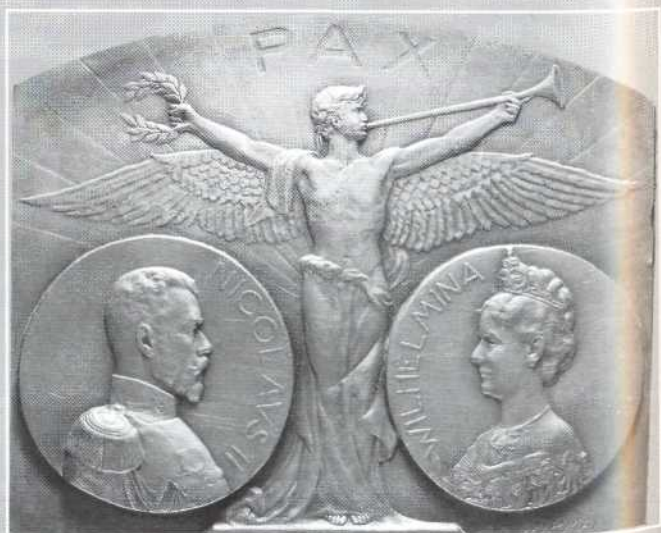

*Августейший Инициатор
первой в истории конференции
по разоружению — император
Николай II*

Королева Нидерландов Вильгельмина

*Памятный
знак в честь
Первой Гаагской
конференции*

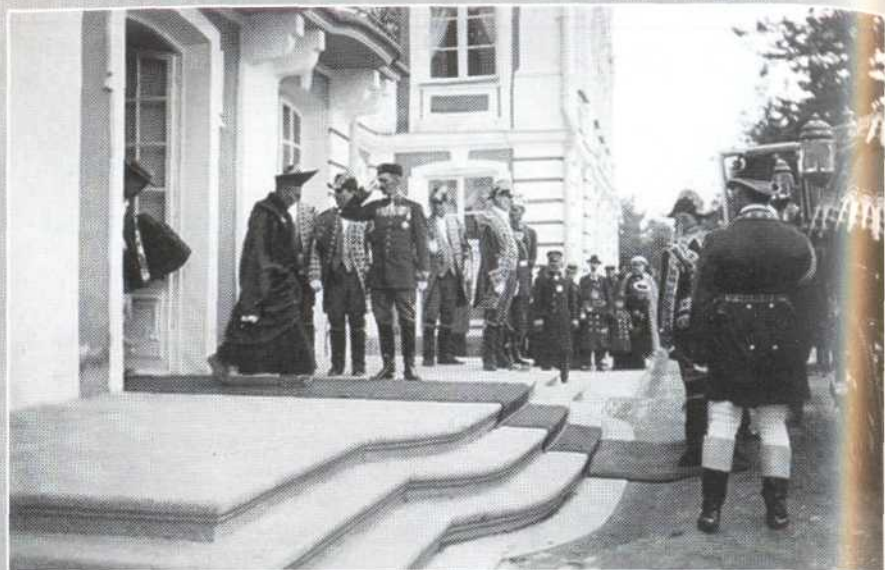
Корейский император Коджон

*Японский император (микадо)
Муцухито*

Китайская императрица Цыси

Делегация Далай-ламы во главе с Джорджи Этигеловым выходит из дворца после аудиенции у императора Николая II

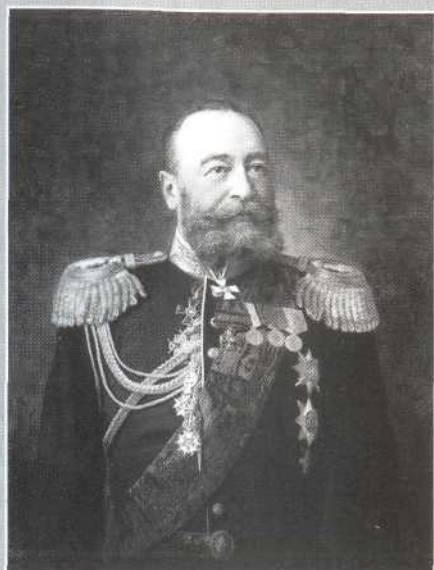
Далай-лама XIII

Доверенное лицо Николая II на Дальнем Востоке по связям с буддистским миром князь Эспер Эсперович Ухтомский

*Министр финансов
Сергей Юльевич Витте*

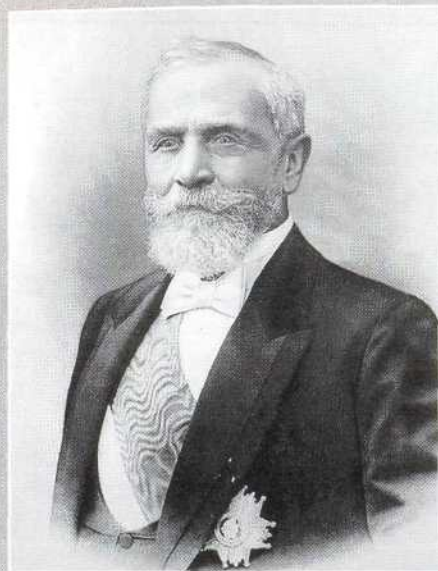
*Наместник на Дальнем Востоке
адмирал Евгений Иванович Алексеев*

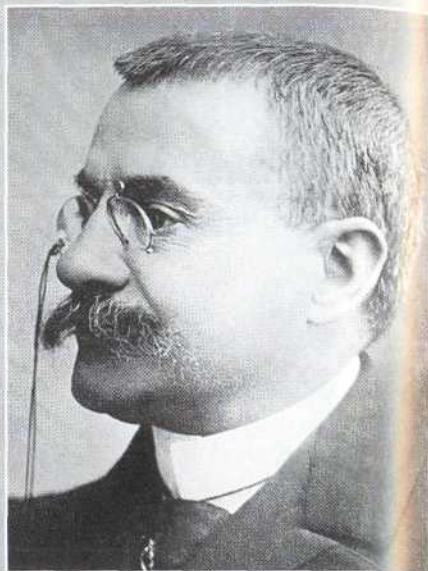
Ли Хунчжан

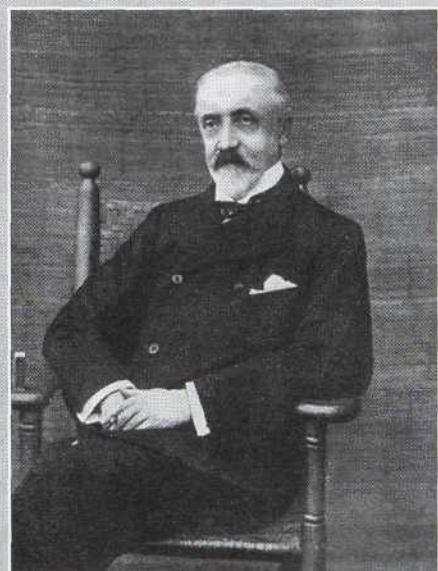
*Премьер-министр Японии
Ито Хиробуми*

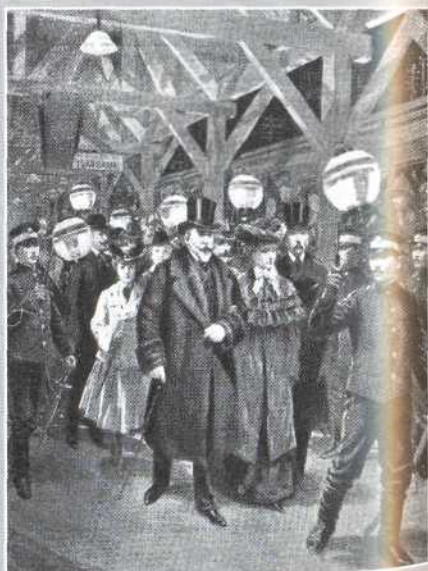
Президент Э. Лубе

*Министр иностранных дел Франции
Т. Делькассе*

*Посол России в Японии
барон Роман Романович Розен*

*Посол Р. Р. Розен покидает Токио
в связи с началом войны. 1904 г.*

*Порт-Артур.
Генерал-
адъютант
Алексеев
принимает
рапорт*

*Государь
осматривает
новую
французскую
75-мм пушку*

*Император
Николай II
благословляет
войска на войну
с Японией. 1904 г.*

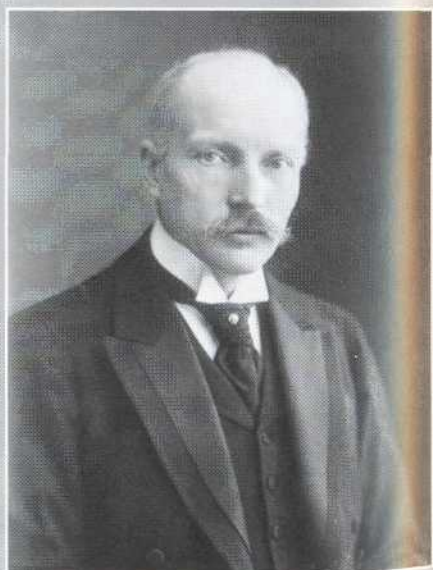
*Император Николай II на борту
яхты «Штандарт». ок. 1905 г.*

*Морской министр адмирал
Алексей Алексеевич Бирилёв*

*Кайзер Вильгельм на одной из своих
яхт на Балтике. 1905 г.*

Граф Г. фон Чишки

Президент США Т. Рузвельт

Глава русской делегации на мирных переговорах в Портсмуте С. Ю. Витте

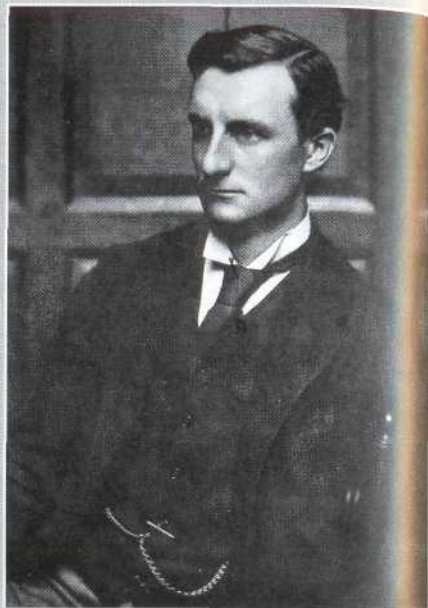

С. Ю. Витте и барон Р. Р. Розен направляются на переговоры с японской делегацией.

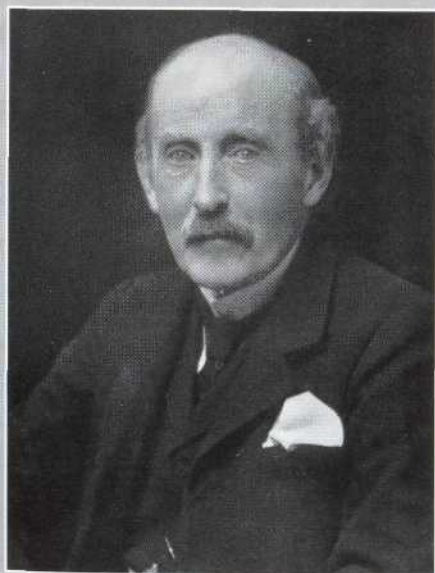

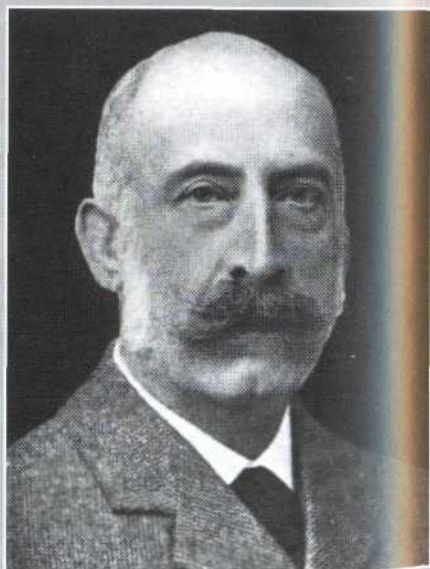
Английский король Эдуард VII

*Министр иностранных дел
Великобритании сэр Э. Грей*

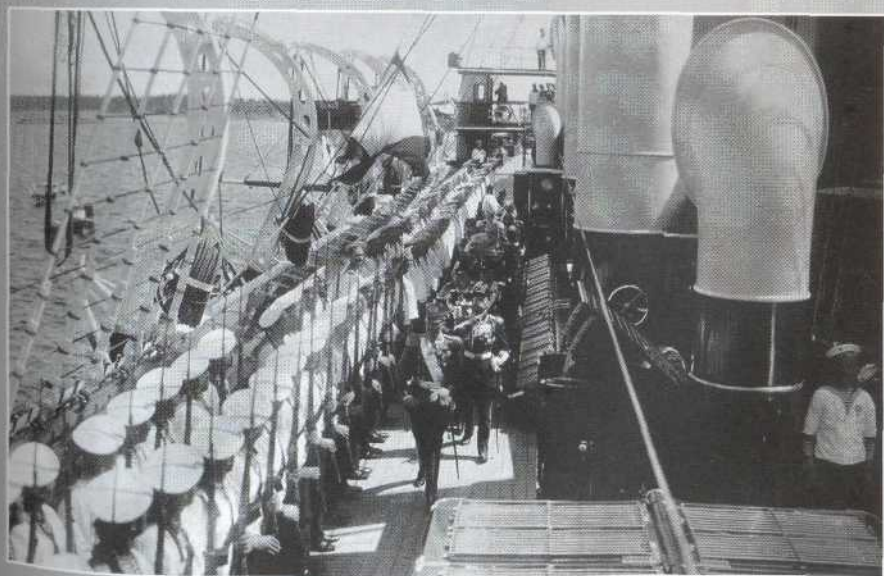
*Посол Великобритании
в Петербурге сэр А. Никольсон*

*Посол Российской империи в Лондоне
граф Александр Константинович
Бенкендорф*

Император Николай II и кайзер Вильгельм на борту «Штандарта»

Царь и кайзер обходят почётный караул на «Штандарте»

Николай II, Эдуард VII и вдовствующая императрица Мария Фёдоровна на борту яхты

Николай II и Эдуард VII обходят почётный караул на яхте «Штандарт»

*Министр иностранных дел России
Александр Петрович Извольский*

*Товарищ министра иностранных дел
Николай Васильевич Чарыков*

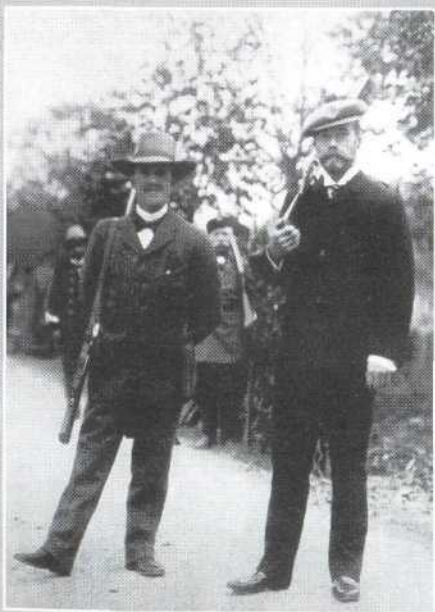
*Министр иностранных дел
Австро-Венгрии граф А. Эренталь*

Рейхсканцлер Германии Б. фон Бюлов

Встреча императора Николая II на вокзале Раккониджи

Николай II и Виктор-Эммануил III на охоте в окрестностях Раккониджи

Король Виктор-Эммануил III, император Николай II и королева 60 время официального прощания

*Посол России в Берлине граф
Николай Дмитриевич Остен-Сакен*

*Личный представитель императора
Николая II при особе германского
императора граф Илья Леонидович
Татищев*

*Здание посольства Российской империи в Берлине
на ул. Унтер-ден-Линден*

665

Der Kaiser besichtigt die Torpedoboote der Kieler Werft.

Германия готовится к войне

*Государь на балконе Зимнего дворца
после объявления манифеста о начале войны*

Последний предвоенный визит Царской Семьи за границу, Румыния 1914 г.

Государь в начале лета 1914 г. Через месяц начнётся война...

действиях противника, строго охранялся принцип неприкосновенности частной собственности.

На конференции рассматривались важнейшие вопросы международного права. Участники конференции договорились созвать Третью мирную конференцию в 1915 г. 19 мая 1912 г. министр иностранных дел С. Д. Сазонов писал императору Николаю II: «В заключительном акте созванной по почину Вашего Императорского Величества Второй Конференции мира 1907 г. было высказано пожелание, чтобы следующая, Третья конференция собралась в срок, примерно равный промежутку между Первой и Второй конференциями. [...] Таким образом, время Третьей конференции мира падает примерно на лето 1915 г., а время заседаний подготовительного комитета — на будущий 1913 г. Осмеливаюсь полагать, что почин созыва конференции может исходить от Вашего Императорского Величества, как Августейшего инициатора Первой и Второй конференций»¹. На этой записке рукой Государя было написано: «Одобряю». В этот момент ни Николай II, ни Сазонов не могли знать, что лето 1915 г., на которое была намечена Третья конференция мира, станет пиком самой кровавой доселе войны.

Император Николай II, следуя своей христианской совести, сделал всё, чтобы мир превратился в мир без войн. Царь в одностороннем порядке стал воплощать эти идеи в русской армии. В 1907 г. императором был утвержден «Наказ Русской армии о законах и обычаях сухопутной войны», который являлся приложением к Уставу полевой службы. В Наказе говорилось: «1. Войска должны уважать жизнь и честь обывателей неприятельской стороны, а также религию и обряды веры. Всякий грабеж строго воспрещается под страхом тяжчайших наказаний (вплоть до смертной казни). Раненые и больные военные чины подбираются с поля боя без различия принадлежности к какой-либо армии. С пленными надлежит обращаться человеколюбиво и предоставить им полную свободу в отправлении религиозных обрядов. Содержать их так же, как содержатся чины русской армии. 2. Во время военных действий воспре-

¹ Всеподданнейшая записка С. Д. Сазонова. 19 мая 1912 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.

щается применять яд или отравленное оружие, ранить или убивать неприятеля, который сложил оружие и сдался, атаковать или бомбардировать города, селения, жилища или строения, не занятые противником, захватывать и уничтожать неприятельскую собственность (если это не является военной необходимостью)»¹.

---

¹ Марков О. Д. *Русская армия 1914–1917 гг.* — СПб., 2001. С. 77.

Глава 2.

Боснийский кризис

Австро-Венгрия

К моменту вступления на престол Николая II Россия имела весьма непростые взаимоотношения с Австро-Венгрией. За всю историю никто так вероломно не предавал Россию, как Австрия. В 1800 г. во время войны против республиканской Франции австрийцы предали союзную русскую армию, обрекая её на верную гибель. Лишь полководческий гений Суворова, совершившего бессмертный переход через Альпы, и храбрость русского солдата спасли честь России. Суворов писал в приказе к войскам: *«Нет, это уже не измена, а явное предательство, разумное, рассчитанное предательство нас, столько крови своей проливших за спасение Австрии»*¹.

В 1805 г. после поражения под Аустерлицем Австрия бросила Россию один на один с Наполеоном, поспешив заключить с ним мир. В 1848 г. Николай I спас габсбургскую монархию от революции, подавив венгерский мятеж. Через четыре года Австро-Венгрия «отблагодарила» царя, поддержав в Крымской войне европейскую коалицию. На Берлинском конгрессе Австро-Венгрия совместно с Англией всячески мешала России и не дала ей воспользоваться всеми плодами выигранной войны против Турции. Австро-Венгрии в короткий срок удалось подчинить своему влиянию финансовую систему Османской империи². Усиление австрийцев в Турции не могло не настораживать русское правительство. Не удивительно поэтому, что Россия не питала тёплых чувств к Австро-Венгрии. В своих мемуарах Б. Бюлов пи-

¹ Старков Я. *Рассказы старого воина о Суворове*. — М., 1847.

² Григорьева А. А. *Внешняя политика Австро-Венгрии на Балканах и панславизм (60-е годы XIX в. — начало XX в.)* // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. №7. С. 189.

сал, что у Николая II было «традиционное недоверие в отношении к Австрии»¹.

После Берлинского конгресса Вена стремилась к установлению своего господства на Балканах. Здесь её интересы сталкивались с интересами России. Доминирующая роль Австро-Венгрии на Балканах была опасна для Петербурга, во-первых, из-за возможности захвата австрийцами черноморских проливов, во-вторых, из-за стремления Вены не допустить сближения России со славянскими народами, находившимися под господством австрийцев. Поэтому Австро-Венгрия была наиболее вероятным противником России на юге. Это обстоятельство было одним из главных противоречий русско-французского союза. Французский публицист А. Леруа-Больё писал: «Русские ненавидят Вену больше, чем Берлин, в то время как Франция заинтересована в сохранении Австро-Венгрии как великой державы»².

Однако к концу XIX столетия Австро-Венгрия была заинтересована в поддержании status quo, сложившегося после Берлинского конгресса 1878 г. Тогда австрийская дипломатия не позволила образовать «Великую Болгарию», предусмотренную Сан-Стефанским договором. Для Австрии было выгодно, чтобы Фракия, Македония, Албания, Эпири, Косово продолжали находиться в составе слабеющей день ото дня Османской империи. Это, с одной стороны, гарантировало Австрию от возникновения здесь сильного славянского государства, а с другой — оставляло возможность в случае возникновения благоприятной ситуации овладеть «гурецким наследством».

Сохранение status quo в конце XIX в. было выгодно и России. Интересы её внешней политики всё больше переключались на Дальний Восток, Балканы, и проливы отходили на второй план. Поэтому Россия была заинтересована в консервации ситуации на Балканах. Как писал в 1896 г. министр иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский, «нам надо поставить Балканы под сте-

¹ Bülow В. Op. cit. P. 81.

² Michon. *L'alliance franco-russe*. — Paris, 1927.

клянный колпак, пока мы не разделаемся с другими, более спешными делами»¹.

Когда Николай II вступил на престол, в Австро-Венгрии уже без малого полвека царствовал шестидесятичетырехлетний император Франц-Иосиф I. Советский военачальник Б. М. Шапошников, бывший офицер русской армии, писал: «Говоря об Австро-Венгрии, нельзя пройти мимо личности Франца-Иосифа, служившего до некоторой степени цементом для этого государственного объединения. Несмотря на ту национальную борьбу, которая велась в стране, личность этого престарелого представителя габсбургской династии среди населения пользовалась известной популярностью. [...] На протяжении долгого своего пребывания главой государства Франц-Иосиф не выпускал из своих рук руля государственной машины. Правда, внешние и внутренние бури не раз грозили вырвать из его рук это орудие управления, но он упорно держался за него, плывя то против, то по течению»².

Убеждённый консерватор и ревностный католик, Франц-Иосиф олицетворял собой уже почти ушедшую эпоху средневековой европейской монархии. Это отражалась даже в деталях быта и привычках монарха. Австрийский император с большим трудом согласился на электрификацию своего дворца, а телефоном он не пользовался до конца своих дней, запретив даже проводить его в своих резиденциях. Будучи по своему характеру человеком спокойным и уравновешенным, не позволяющим вредных политических экспромтов, столь присущих императору Вильгельму, Франц-Иосиф, безусловно, был более предсказуемым политиком. Однако при этом он был более убеждённым и коварным врагом России, чем Вильгельм II. В 1854 г. австрийский император хладнокровно писал: «Наше будущее — на востоке, и мы загоним мощь и влияние России в те пределы, за которые она вышла только по причине слабости и разброда в нашем лагере. Медленно, желательного незаметно для царя Николая, но верно мы доведём русскую политику до

¹ Георгиев В. А., Киняпина Н. С. и др. *Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII — начало XX в.)*. — М., 1978. С. 288.

² Шапошников Б. М. *Мозг армии*. Книга первая. — М.: Военизгиз, 1927. С. 44.

краха. Конечно, нехорошо выступать против старых друзей, но в политике нельзя иначе, а наш естественный противник на востоке — Россия»¹.

Однако предательство и коварство плохо помогли Францу-Иосифу. В 1859 г. Австрия потерпела сокрушительное поражение в Итальянской войне. Австрийская армия была разбита французами и сардинцами в трёх сражениях. Франц-Иосиф оказался в том же положении, в которое он незадолго до этого поставил русского императора Николая I: Франция воевала на стороне Сардинии, а Пруссия спокойно наблюдала за «грубейшим попранием» прав Австрии. В 1866 г. Австрия и её союзники потерпели поражение в войне с Пруссией за главенство в объединении Германии. Император Франц-Иосиф был вынужден искать компромисса с мощным национальным венгерским течением. В 1868 г. он принял титул венгерского короля, и таким образом на карте Европы возникло новое государство — Австро-Венгерская империя.

Несчастья подстерегали императора Франца-Иосифа и в личной жизни. В 1889 г. при тайнственных обстоятельствах погиб его единственный сын, наследник престола эрцгерцог Рудольф, а в 1898 г. итальянский анархист убил трёхгранным напильником жену императора — императрицу Елизавету.

Николай II с первых лет своего царствования стремился к сохранению добрых отношений с Австро-Венгрией. Первый свой заграничный визит, предварявший большое европейское турне, Николай II нанёс австрийскому императору, отдав, таким образом, дань уважения пожилому монарху. Государь пробыл в Австро-Венгрии с 15 по 17 августа 1896 г. Визит не имел важных политических последствий, однако в ходе него оба императора договорились в ближайшее время обсудить вопрос о Балканах. Николай II пригласил Франца-Иосифа посетить Петербург. Визит императора Австро-Венгрии состоялся в период с 15 по 17 апреля 1897 г. По воспоминаниям С. Ю. Витте, Николай II «относился к Францу-Иосифу в высокой степени почтительно, как к престарело-

¹ Рыжов К. В. *Все монархи мира. Западная Европа*: Энциклопедия. — М.: Вече, 1999.

му старцу, что производило на всех самое прекрасное впечатление»¹. Великий князь Гавриил Константинович вспоминал: «По пути проезда Государя и австрийского императора от Николаевского вокзала вплоть до Зимнего Дворца шпалерами стояли войска. Государь вместе с императором приехали в коляске; Государь был в австрийской форме, а император — в форме лейб-гвардии Кексгольмского полка, шефом которого он состоял. Когда коляска остановилась перед подъездом, он выскочил из неё, как молодой человек, несмотря на свои шестьдесят пять лет. По случаю приезда австрийского императора, на Марсовом поле был устроен парад. Государь лично командовал парадом, и потому все время был с вынутой шашкой. Став во главе войск, он, проезжая перед императором, салютовал ему шашкой и, заехав галопом, стал рядом с ним. За Государем ехала громадная свита, которая тоже заехала галопом и стала позади императоров»².

Результатом переговоров в Петербурге стало соглашение между Россией и Австро-Венгрией по Балканам. Важнейшим его положением было согласие двух монархов поддерживать status quo в Балканском регионе. Министр иностранных дел Австро-Венгрии граф А.-М. Голуховский в своём секретном письме послу в Петербурге князю Ф. фон Лихтенштейну писал: «В результате происшедших в Зимнем дворце совещаний двух императоров с участием их министров иностранных дел была установлена общая линия поведения в делах Востока, что позволяет нам, учитывая безопасность и жизненные интересы обеих империй и для устранения опасности пагубного для европейского мира соперничества на раскалённой почве Балканского полуострова — отныне с большей уверенностью и более спокойно предусматривать политические осложнения, могущие в известный момент возникнуть в непосредственной близости от нас»³.

Голуховский писал, что на встрече в Зимнем дворце было констатировано, что «между Австро-Венгрией и Россией не существует никаких принципиальных разногласий, которые могли бы помешать

¹ Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 93.

² Гавриил Константинович, великий князь. Указ. соч. С. 76.

³ Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917 гг. С. 303.

соглашению между нашими странами в целях предотвращения событий, которые, вероятно, в ближайшем будущем, против нашей воли, могут возникнуть на Балканском полуострове»¹.

Стороны договорились, что: 1) в случае если поддержание теперешнего status quo станет невозможным, Австро-Венгрия, равно как и Россия, заранее отвергают всякую мысль о завоеваниях на Балканском полуострове и готовы заставить уважать этот принцип всякую другую державу, которая бы обнаружила притязания на вышеупомянутую территорию; 2) вопрос о Константинополе и прилегающей к нему территории, равно как и вопрос о Проливах (Дарданеллы и Босфор), имеют, по существу, общеевропейский характер. Поэтому они не должны являться предметом отдельного соглашения между Австро-Венгрией и Россией².

Как сообщал министр иностранных дел России М. Н. Муравьев в своей ноте князю Лихтенштейну, Николай II полностью согласен с мнением австрийской стороны, что *«наши правительства не имеют на Балканском полуострове никаких иных целей, кроме как поддержание, укрепление и мирное развитие создавшихся там малых государств. Мы договорились следовать в будущем в этой области политике полной гармонии и, следовательно, избежать всего того, что могло бы посеять среди нас элементы трения или недоверия»³.*

По словам высокопоставленного чиновника МИДа барона Б. Э. Нольде, *«русско-австрийское соглашение по балканским делам, заключённое в 1897 г. графом Голуховским и преемником Лобанова графом Муравьевым, является самым ярким выражением безмятежной полосы в русско-австрийских отношениях»⁴.*

Договор о соблюдении status quo на Балканах был подписан Россией и Австро-Венгрией до 1907 г. Но сильно полагаться на его

¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917 гг. С. 304.

² Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917 гг. С. 305.

³ Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917 гг. С. 308.

⁴ Нольде Б. Э. Указ. соч. С. 55.

пролонгацию в Петербурге не могли. Дело заключалось в том, что, несмотря на внешнее могущество, Австро-Венгрия представляла собой весьма непрочное образование. Множество народов, населявших её, разных по вере, культуре и языку, никогда не представляли собой единого организма, подобно Российской империи. *«При всём своём современном виде и процветании это был уже мир вчерашнего дня — мир сомнений, надломленности и глубоко заседевшего неверия в самого себя»*, — писал германский историк И. Фест¹.

На территории империи Габсбургов жил целый конгломерат различных народностей: немцев (на территории Австрии — 9 млн 171 тыс., на территории Венгрии — 2 млн 185 тыс.), венгров — 8 млн 742 тыс. 301, чехов — 5 млн 955 тыс., поляков — 4 млн 259 тыс., русин — 3 млн 810 тыс., словаков — 3 млн 212 тыс., итальянцев — 727 тыс., румын — 3 млн 30 тыс.² Таким образом, мы видим, что германский элемент составлял меньшинство в австро-венгерской империи (42% от всего населения).

В 1908 г. военный агент в Вене полковник М. К. Марченко в своём секретном докладе дал подробный анализ национального вопроса в Австро-Венгерской империи. Марченко писал, что *«жизнь австро-венгерского правительства систематически отравлена, главным образом, тремя центробежными силами, если за центр принять искусственно господствующий в этом государстве германизм, венграми, чехами и южными славянами»*³. Венгры, по словам Марченко, составляли *«хронический недуг дуализма габсбургской монархии. Сдобренные в своей национальности громадным процентом евреев, венгры, по свойству своей задирчивой природы, за добродетельное отношение к общеимперской власти всегда предъявляли короне крупный счёт, шумели, запрашивали и в конце концов соглашались на барыши, уступаемый им престарелым императором»*⁴.

¹ Фест И. Адольф Гитлер. — Пермь, 1993. Т. 1. С. 58.

² Шапошников Б. М. Указ. соч. С.

³ Секретный доклад военного агента в Вене полковника М. К. Марченко // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 755. Л. 1.

⁴ Секретный доклад военного агента в Вене полковника М. К. Марченко // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 755. Л. 2.

Однако вражда к России со стороны венгров была сильнее, чем их соперничество с династией Габсбургов. Венгерские националисты не могли забыть России её участия в подавлении мадьярского мятежа; кроме того, венграм был свойствен воинственный католицизм, что объединяло их с австрийским императором, с которым вместе они были готовы «спасать западную культуру от варварских объятий московского самодержавия»¹.

Другой национальностью, составлявшей головную боль Вены, были чехи. Причём главную роль в становлении и развитии чешского национализма сыграл сам император Франц-Иосиф. Когда после Берлинского конгресса австрийская немецкая аристократия отказалась поддерживать оккупацию турецких провинций Боснии и Герцеговины, справедливо видя в этом дальнейшее ослабление германского начала империи, Франц-Иосиф стал использовать чехов и южных славян против немцев. Чехи получили ряд привилегий, а сам император собирался короноваться в Праге как чешский король. Полковник Марченко писал, что «живучий, талантливый, сильный народ, чехи использовали полученное. В два десятка лет полунемецкая Прага стала вполне чешским городом. В промышленном, торговом, финансовом и учебном отношениях чехи стали впереди всех австро-славян»².

Вместе с полученными привилегиями и ростом уровня жизни к чехам пришло растущее национальное самосознание, стремление к национальной обособленности, а то и сепаратизму. Ещё в конце XIX в. в Праге зародилось движение «младочехов», которое требовало национальной автономии путём преобразования Австро-Венгрии в триединую монархию³. Лидер партии К. Крамаржбыл настроен прорусски и к моменту начала Первой миро-

¹ Григорьева А. А. *Внешняя политика Австро-Венгрии на Балканах и панславизм (60-е годы XIX — начало XX в.)* // Вестник Иркутского государственного технического университета. С. 189.

² Секретный доклад военного агента в Вене полковника М. К. Марченко // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 755. Л. 1.

³ Клеванский А. Х., Марьина В. В., Мыльников А. С., Поп И. И. *Краткая история Чехословакии.* — М.: Наука, 1988. С. 262.

вой войны негласно выступал за автономную Чехию под скипетром русского царя.

В других славянских провинциях Австро-Венгрии (Галиции, Буковине, Хорватии, Славонии, Австрийской Польше), где было немало православного населения, неприятие Вены было ещё сильнее, чем в Чехии.

В начале XX в. многим ведущим политикам Европы казалось, что единство Австро-Венгрии сохраняется до тех пор, пока жив император Франц-Иосиф. 22 апреля/10 мая 1900 г. министр иностранных дел Франции Т. Делькассе в беседе с послом России князем Урусовым выразил свою обеспокоенность тем, что *«смерть императора Франца-Иосифа вызовет распад Австро-Венгрии»*¹. Этот распад, убеждал Делькассе, *«может сделать серьёзные осложнения в Европе»*. Французский министр был уверен, что Германия стремится к территориальным присоединениям за счёт Австро-Венгрии. М. Н. Муравьёв не разделял тревоги Делькассе и посчитал его опасения *«несколько преувеличенными»*.

Что касается Германии, то ещё в декабре 1899 г. фон Бюлов во время беседы с послом России Н. Д. Остен-Сакеном неожиданно завёл с ним речь об Австро-Венгрии. *«Коснувшись затруднений императора Франца-Иосифа, — писал Остен-Сакен, — и ходящих предсказаний о предстоящем будто бы распадении Австрии, он [Бюлов] весьма горячо опровергал обвинения, возводимые на германское правительство в вожделениях на немецкие провинции Габсбургской империи»*. Бюлов подчеркнул, что призвание династии Гогенцоллернов состоит в том, чтобы *«идти во главе протестантского мира в его борьбе с католицизмом. Отсюда всякий прирост к Германии католического населения является отрицанием этого призвания»*. Бюлов также высказал мысль, что и России *«распадение Австрии не пошло бы впрок. Славянские её элементы в большей части принадлежат католическому вероисповеданию, одинаково враждебному как протестантизму, так и православию. [...]*

¹ М. Н. Муравьёв — Н. Д. Остен-Сакену // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 74. Л. 5.

Следовательно, и в этом вопросе интересы Германии и России — тождественны»¹.

Н. Д. Остен-Сакен писал М. Н. Муравьеву, что *«трудно объяснить цель этих рассуждений, ничем с моей стороны не вызванных и идущих вразрез с практическим направлением германской политики. Я полагаю, что они были скорее отголоском обмена мыслей с Императором при докладе, который граф Бюлов имел у Его Величества в то же утро»*. На эту мысль русского посла навело то, что слова Бюлова были *«столь мало сходны с его обычной речью»* и весьма точно *«отражали склад мыслей»* императора Вильгельма².

Тем не менее рассуждения о возможном распаде Австро-Венгрии муссировались в русской и германской прессе вплоть до 1905 г. Более того, распространялись слухи о якобы имевших место контактах между Петербургом и Берлином на предмет заключения соглашения о территориальных приобретениях за счёт Австро-Венгрии. Эти слухи были настолько интенсивными, что МИД Германии был вынужден 29 ноября 1905 г. вызвать посла Австро-Венгрии и успокаивать его³.

Совместные действия России и Австро-Венгрии в Македонии

Осенью 1902 г. в Пиринской Македонии произошло восстание македонских болгар против османского владычества, известное как Горноджумайское восстание. Руководил восстанием Верховный Македоно-Одринский комитет, за спиной которого стояли правящие круги Болгарии, надеявшиеся добиться при помощи Европы, прежде всего России и Австро-Венгрии, автономии Македонии с последующим её присоединением к Болгарскому княжеству. Как для России, так и для Австро-Венгрии это восстание

¹ Н. Д. Остен-Сакен — М. Н. Муравьеву. Доверительное письмо. 10/22 декабря 1899 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 74. Л. 1—4.

² Н. Д. Остен-Сакен — М. Н. Муравьеву. Доверительное письмо. 10/22 декабря 1899 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 74. Л. 4.

³ Фест И. Указ. соч. Т. 1. С. 57—58.

было неожиданным. Оно не вписывалось в задачи политики обеих империй на Балканах: Россия стояла на пороге суровых испытаний на Дальнем Востоке, Австро-Венгрия — перед внутривнутриполитическим кризисом. Кроме того, восстание грозило вмешательством в события в Македонии других заинтересованных держав: Англии, Германии, а также Сербии и Греции. В этом случае оно могло быстро охватить все Балканы.

Поэтому в октябре 1902 г. Россией и Австро-Венгрией перед Османской империей был поставлен вопрос о проведении реформ в трёх македонских вилайетах. В конце ноября султан издал ирадэ (султанский указ) о реформах в Македонии — административной, судебной и полицейской. «Правительственный вестник» опубликовал сообщение, в котором излагался взгляд правительства России на события в Македонии и сотрудничество с Австро-Венгрией в этом вопросе. Это правительственное сообщение было составлено Ламздорфом и утверждено Николаем II.

Россия в своём желании умиротворить ситуацию в Македонии по-прежнему стремилась заручиться поддержкой Австрии, без которой решать вопросы на Балканском полуострове было крайне затруднительно. Граф Ламздорф считал, что *«для консервативной и мирной русской политики на Востоке необходимо, чтобы Австро-Венгрия в дальнейшем сохраняла контакт с Россией»*¹.

В декабре 1902 г. Николай II направил В. Н. Ламздорфа в Вену для переговоров с Голуховским. Во время их бесед была согласована программа совместных действий России и Австрии по Македонии. В феврале 1903 г. была заявлена совместная русско-австрийская нота по поводу положения дел в этом крае. Русский посол в Константинополе И. А. Зиновьев совместно с австро-венгерским послом Г. фон Каличе предложили султану проект реформ. Его основными условиями были: назначение султаном (по соглашению с державами) генерал-инспектора Македонии, не сменяемого в течение трёх лет и пользующегося правом распоряжаться расквартированными там войсками; привлечение иностранных специалистов для реорганизации местной жандарме-

¹ Bülow B. von. Op. cit. V. 1. P. 113.

рии и полиции и участие в ней христиан наряду с мусульманами в округах с большинством христианского населения; сбор налогов органами общинного самоуправления (вместо прежней системы откупа) и использование доходов от налогов на нужды местного самоуправления под контролем Оттоманского банка¹.

Турция приняла проект и выразила готовность в скором времени осуществить указанные ей преобразования. Одновременно и русское правительство 12 февраля 1903 г. заявило, что «*Балканские государства могут рассчитывать на постоянные попечения Императорского правительства об их действительных нуждах*», не теряя при этом из виду, «*что Россия не пожертвует ни одной каплей крови своих сынов, ни самую малейшую долей достояния русского народа, если бы славянские государства, вопреки заблаговременно преподанным им советам благоразумия, решились домогаться революционными и насильственными средствами изменения существующего строя Балканского полуострова*»².

Летом 1903 г. Николай II, принимая в Ливадии Турхан-пашу, прибывшего во главе с турецким посольством с целью приветствовать царя, выразил свою обеспокоенность положением дел в Македонии и просил довести до сведения султана своё убеждение в необходимости ускорения реформ³.

На этом фоне в августе 1903 г. в Македонии началось ещё более мощное Илинденское восстание. 4 августа восставшие захватили г. Крушево и провозгласили там республику⁴. Результатом этого шага восставших стало направление в Македонию 200-тысячной турецкой армии, которая беспощадно расправилась с восставшими. Осенью 1903 г. более двухсот сел было сожжено, количество убитых исчислялось несколькими тысячами, десятки

¹ Лиманская Т. О. В. Н. Ламздорф (министр иностранных дел России с 1900 по 1906 г.) // Дипломатический вестник. 2001. Сентябрь.

² Лиманская Т. О. В. Н. Ламздорф (министр иностранных дел России с 1900 по 1906 г.).

³ Силянов Хр. *Освободительнит борби на Македония*. — София, 1933. Т. 1. С. 126.

⁴ Силянов Хр. *Op. cit.* С. 189.

тысяч македонцев превратились в беженцев и эмигрантов. Российские консулы сообщали о невыносимых условиях жизни македонских крестьян, испытывавших притеснение как со стороны революционных чет, так и со стороны турецких войск, особенно состоящих в их рядах жандармов-албанцев¹. 26 июля 1903 г. турецкий жандарм-албанец тремя выстрелами убил консула А. А. Ростовского в городе Монастыре. Причём последний, третий выстрел турецкий жандарм произвёл в упор в голову консула. Николай II потребовал самого сурового наказания для убийцы Ростовского. Среди царских требований к султану были: наказание жандарма *«безотлагательное и самое тяжкое»*, *«арест и примерное наказание стрелявших в экипаж российского консула»*, *«немедленная строгая кара для всех гражданских и военных чинов, ответственных за убийство российского консула»*. Для усиления этих требований в 75 верстах от Босфора встал отряд Черноморского флота в составе 4 броненосцев, прибывших из Севастополя. Требования Государя возымели действие: жандарм и его напарник-подельник были повешены 1 августа 1903 г. на том самом дереве, возле которого погиб Ростовский².

Практически все страны Европы осудили зверства турок в Македонии. Исключение составила лишь Германия, пресса которой фактически не обратила никакого внимания на происходящие там события³.

Россия весьма энергично выразила своё сочувствие восставшим. Император Николай II из своих личных средств передал на нужды пострадавшим от последствий подавления восстания 10 тыс. рублей⁴. *«Мы не можем, мы не имеем права забывать, — писало «Новое время», — что единокровный и единоверный нам народ умирает с нашим именем на устах»*. Множество русских людей, как

¹ АВП РИ. Ф. 151. Политархив. 1907. Д. 568. Л. 152.

² Ямбаев М. *Мне сердечно жаль македонских славян, но...* // Профессор С. А. Никитин и его историческая школа: Материалы международной научной конференции. — М., 2004. С. 297–307.

³ Силянов Хр. *Op. cit.* С. 186.

⁴ Силянов Хр. *Op. cit.* С. 186.

богатых, так и бедных, жертвовали свои сбережения на помощь македонцам¹.

Государь в беседе с Ламздорфом выразил свою волю в тесном единении с австрийским кабинетом, а по возможности и с другими державами, оказать всё возможное давление на Османскую империю. Причём царь указал, что надо сделать это как можно скорее: ситуация на Дальнем Востоке и Маньчжурии накалялась день ото дня. В результате в российском МИДе был разработан план действий в новых условиях: к тесному сотрудничеству с венским кабинетом на базе соглашения 1897 г. должно было добавиться коллективное воздействие на султана держав, подписавших Берлинский трактат. Задача российской дипломатии состояла в том, чтобы ввести эту поддержку в определенные, нужные Петербургу рамки и не допустить перерастания ее в «европейский концерт или конференцию»².

9 августа 1903 г. В. Н. Ламздорф сообщал в телеграмме А. И. Зиновьеву: *«Находя возможным при известных условиях привлечение других держав, мы, однако, вовсе не имели в виду возродить к жизни “европейский концерт”. Исторический опыт достаточно показал вред для России таковой политической комбинации. Ныне нам следует избрать совершенно иной путь: продолжая сохранять за собой главное руководство в деле умиротворения, мы должны с целью возложить на них долю ответственности за крайний оборот событий привлечь к участию в воздействии и прочие державы. [...] Указанным выше способом мы устраним весь вред, приносимый русско-австрийскому воздействию державами, остающимися “безответственными” зрителями происходящих событий»*³. Таким образом, речь шла об организации своего рода коллективной ответственности держав, чего в значительной степени удалось добиться.

17/30 сентября 1903 г. император Николай II прибыл с офи-

¹ Силынов Хр. *Op. cit.* С. 186.

² Лиманская Т. О. *В. Н. Ламздорф (министр иностранных дел России с 1900 по 1906 г.)*.

³ Лиманская Т. О. *В. Н. Ламздорф (министр иностранных дел России с 1900 по 1906 г.)*.

циальным визитом в Вену. «Встретил Государя император Франц-Иосиф, бывший в русской форме при андреевской ленте; присутствовали все эрцгерцоги, министры, венские власти, бургомистр, по всему пути шпалерами стояли войска — пехота, кавалерия, артиллерия. Когда Государь вышел из вагона, император Франц-Иосиф сердечно приветствовал его, оба Монарха поцеловались. Государь прошёл вместе с австрийским императором по фронту караула, музыка играла русский гимн. Народ приветствовал, на трибунах публика махала платками и шляпами. По прибытии в Шёнбрунн состоялся парадный завтрак. Их величества обменялись тостами»¹.

Одним из главных вопросов, который предстояло обсудить двум императорам, была выработка общей программы оказания давления на султана. Переговоры Николая II и Франца-Иосифа проходили в Шёнбрунне и Мюрцштеге, где находился охотничий дворец австрийского императора. Там 21 сентября 1903 г. В. Н. Ламздорфом и А. Голуховским было подписано соглашение, оформленное в виде инструкций российскому и австрийскому послам в Константинополе.

Это соглашение вошло в историю как Мюрцштегская программа. Она предусматривала: 1) назначить для контроля над деятельностью местных турецких властей на местах по проведению и исполнению реформ особых гражданских агентов от России и Австро-Венгрии, которые будут обязаны всюду сопровождать главного инспектора, обращать его внимание на нужды христианского населения, указывать на злоупотребления местных властей. Высокая Порта должна предписать местным властям всячески облегчать этим агентам выполнение порученной задачи; 2) так как реорганизация турецкой жандармерии и полиции является одной из наиболее существенных мер к умиротворению края, то необходимо немедленно же потребовать от Порты приведения в исполнение этой реформы. Всего в программе было представлено 9 пунктов, которые обязывали султанское правительство образовать в главных вилайетах смешанные комиссии из мусульманских и христианских делегатов для разбора политических и иных престу-

¹ Новое время. 18 сентября 1903 г.

плений. Турки были должны за счёт казны восстановить все сожжённые ими христианские храмы, выдать пособия христианам, лишившимся крова, восстановить христианские школы и дома, уничтоженные во время подавления восстаний¹.

Одновременно сообщение о достигнутом соглашении было передано российским представителям в Берлин, Рим, Париж, Лондон. Безоговорочно Мюрцштегскую программу реформ поддержали Берлин и Париж. Лондон и Рим высказали принципиальное согласие, выразив недовольство тем фактом, что предполагаемые преобразования не были заранее обсуждены с ними². В Лондоне считали, что требования к Порте должны быть более жёсткими. 10 октября 1903 г., выполняя предписание императоров, Зиновьев и Каличе вручили султану проект преобразований. При этом Ламздорф сказал, что если *«Турция откажется добровольно проводить австро-русскую программу, то с её стороны это будет самоубийственной политикой, так как Англия и Франция считают эту программу недостаточной»*³.

Несмотря на требования Петербурга и Вены, султан Абдул-Гамид отказался их выполнять, как ущемляющие суверенитет Турции. Повелитель Османской империи считал, что ни Лондон, ни Париж, ни Берлин не будут активно поддерживать демарш России и Австро-Венгрии⁴. Особенно в Стамбуле надеялись на Берлин, ведь кайзер клялся султану в «вечной дружбе» и неоднократно утверждал, что не допустит «расширения прежней программы реформ». Германия отказывалась от участия в реорганизации турецкой жандармерии, всячески избегала инициатив по вопросу реформ, настаивала на сохранении status quo в этом регионе. Тем неожиданнее для султана стало согласие Германии с требо-

¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917 гг. С. 329—322.

² Лиманская Т. О. В. Н. Ламздорф (министр иностранных дел России с 1900 по 1906 г.).

³ Bülow В. von. Op. cit. V. 1. P. 122.

⁴ Дипломатическая переписка. Реформы в Македонии 1902 — 1903 гг. — СПб., 1906. Т. 2. С. 20—30.

ваниями России и Австрии. Берлин рекомендовал Абдул-Гамиду принять Мюрцштегскую программу. Столкнувшись с общим требованием европейских держав Турция вынуждена была дать свое принципиальное согласие на принятие Мюрцштегской программы¹ в начале декабря 1903 г. Была создана специальная комиссия для наблюдения за проведением реформ, куда вошли представители турецкого правительства, а также послы Австрии и России². Однако на деле турецкие власти делали всё, чтобы препятствовать нормальной работе комиссии. Тем не менее в целом намеченные реформы в области административной и полицейской в Македонии были осуществлены.

В 1907 г. пришло время провести судебную реформу, проект которой был разработан представителями России и Австро-Венгрии в Константинополе и в сентябре вручен послам других держав. Но в этом месяце истек срок действия Мюрцштегского соглашения. В связи с этим А. П. Извольский отправился в поездку в Вену на переговоры с графом Эренталем о продлении срока его действия. Для Вены это продление было выгодно, так как на Македонию открыто имели виды Сербия, Греция и Болгария, которые только ожидали окончания австро-русской договорённости, чтобы приступить к разделу между собой македонского пирога. Поэтому Австрия согласилась продлить Мюрцштегское соглашение ещё на 7 лет³. Но прежнего единства действий с Россией в Вене уже не наблюдалось, что во многом было вызвано всё более крепнувшим союзом Австро-Венгрии с Германией. Отношения с кайзеровским рейхом становились для Австрии приоритетными, и она пыталась побудить Россию и Францию к подписанию новых соглашений с Турцией, к которым примкнула бы и Германия. Англия опасалась возможных шагов Австро-Венгрии в этом направлении. Э. Грей указывал: «Хотя Россия и Австро-Венгрия,

¹ Дипломатическая переписка. Реформы в Македонии 1902 — 1903 гг. — СПб., 1906. Т. 2. С. 39.

² Дипломатическая переписка. Реформы в Македонии 1902 — 1903 гг. — СПб., 1906. Т. 2. С. 39.

³ Астафьев И. И. Указ. соч. С. 139—140.

подписавшие Мюрцштегскую программу, действуют совместно, но, видимо, в отношении македонских реформ Австро-Венгрия ведёт переговоры и с другими державами, в частности с Францией»¹.

Тем не менее 15 декабря 1907 г. Англия, Россия, Австро-Венгрия, Германия, Италия вручили оттоманскому министру иностранных дел совместную ноту, в которой требовали продления ещё на семь лет полномочий генерал-инспектора трёх вилайетов Македонии, а также продления контрактов с офицерами европейских армий, занимающихся реорганизацией македонской жандармерии. Турция заявила о своей готовности обеспечивать и финансировать их деятельность, но великие державы от этого отказались, отметив, что даже номинальная зависимость офицеров-инструкторов может скомпрометировать их в глазах македонского населения².

Стамбул выдвинул свой контрпроект, не удовлетворяющий даже самым минимальным требованиям христианского населения³. Перед МИДом России встал вопрос о необходимости нового давления на султана. Однако единогласия среди европейских держав снова не было. И. А. Зиновьев докладывал, что в отношении Турции решительно настроена только Англия. Австро-Венгрия, которая официально должна была выступать совместно с Россией, заняла неясную позицию. Английский посол в Константинополе сэръ Н. О'Коннор в письме Э. Грею писал, что Австро-Венгрия *«плетётся за Германией, которая занимает протурецкую позицию»⁴.*

Тем не менее в январе 1908 г. МИД России считал целесообразным следовать тактике «совместных действий» с Веней⁵. В Петербурге не теряли надежду, что наметившееся слияние

¹ Галкин И. С. *Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции. В 1905–1912 гг.* — М.: Издательство Московского университета, 1960. С. 208.

² Галкин И. С. Указ. соч. С. 210.

³ Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 62.

⁴ Галкин И. С. Указ. соч. С. 211.

⁵ Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 62.

австро-венгерской и германской политики всё же не заставит Австро-Венгрию идти на отказ от достигнутых ранее договорённостей с Россией. Однако спустя несколько недель стали проявляться признаки именно последнего. Австро-венгерский министр иностранных дел граф Эренталь заявил, что настало время приобрести у Порты концессии на строительство железной дороги от Увача до Митровицы. По существу это означало, что Австрия стремится к безраздельному господству в Македонии. Более того, Эренталь заявил турецкому послу в Вене, что если правительство Турции *«согласно на постройку Митровицкой железной дороги и если оно обеспечит за Австро-Венгрией исключительное право на концессии в Косовском и Солоникском вилайетах, то Вена примет на себя обязательство помогать Турции во всех вопросах, касающихся Балканского полуострова»*¹.

22 февраля Австро-Венгрия была поддержана Германией. Б. фон Бюлов через турецкого посла в Берлине «советовал» Стамбулу ускорить свой ответ Австро-Венгрии. *«Германия и Австро-Венгрия, — заявил Бюлов, — имеют полную возможность предохранить Турцию от унижения подчинить судебные учреждения Македонии европейскому контролю»*².

4 февраля 1908 г. А. П. Извольский вручил австро-венгерскому послу графу Л. фон Берхтольду ноту, в которой русское правительство расценивало австрийский «железнодорожный проект» и претензии Вены на привилегированное положение в Косовском и Солоникском вилайетах как нарушение status quo на Балканах. Россия, подчеркнул Извольский, будет вынуждена принять соответствующие меры для ограждения её интересов на полуострове³. Извольский заявил английскому послу Никольсону, что Россия хотела бы выйти *«из совместных действий с Австрией и объединиться с теми, кто искренне желает реформ»*, намекая при этом

¹ Секретная телеграмма И. А. Зиновьева — А. П. Извольскому. 1/14 февраля 1908 г. // АВП РИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 2677. Л. 19.

² Делеша И. А. Зиновьева — А. П. Извольскому. 16/29 февраля 1908 г. // АВП РИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 2677. Л. 62.

³ Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 66.

на Англию. В Лондоне были чрезвычайно обрадованы этим словам министра, и Никольсон поспешил заявить, что *«Мюрцштегская программа мертва, как дверной гвоздь»*¹.

Однако английский посол забыл, что в России не министр иностранных дел определял основы внешней политики. 6 февраля 1908 г. Николай II встретился с послом Австро-Венгрии Бертхольдом и заявил ему, что считает продолжение русско-австрийского сотрудничества на Балканах единственно верной политикой, которой нужно следовать, несмотря на все трудности. Вслед за императором министр Извольский, выступая в Думе 4 апреля, защищал миролюбивую политику в отношении к Австрии².

Австро-Венгрия и Германия, на словах выражая готовность к сотрудничеству с Россией, на деле только усиливали экспансию на ближневосточном направлении. Германия вела с Турцией переговоры о политическом и военном соглашении, добилась контрактов на строительство Багдадской железной дороги. Зимой 1908 г. Турция и Австро-Венгрия подписали секретный договор о железнодорожных концессиях. Это всерьёз встревожило Россию и ещё больше — Сербию. Один из высоких сербских чиновников заявил, что *«новая австрийская железная дорога равносильна петле для нашей Сербии. У нас теперь нисколько не скрывают опасений за будущее. Мы прислушиваемся с тревогой и надеждой, что заинтересованные великие державы, особенно Россия и Англия, не откажутся сохранить status quo на Балканах»*³.

В ответ на эти шаги Вены и Берлина император Николай II и английский король Эдуард VII во время своей Ревельской встречи наметили новые реформы для Македонии, которые предусматривали замену в ней русско-австрийского контроля ещё более усиленным англо-русским. Россия и Англия договорились о возможности введения в Македонию иностранных войск с целью поддержания «порядка» и установления особого статуса управления под контролем европейских держав. Однако конкретного ре-

¹ Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 67.

² Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 68.

³ Русское слово. 4/17 февраля 1908 г.

шения на встрече двух монархов принято не было. Тем не менее, когда весть о ней дошла до турецкой военной верхушки, она вызвала у неё яростное возмущение, так как там были уверены, что готовится раздел Османской империи. Ревельское свидание вызвало большую тревогу и у султана Абдул-Гамида II.

Одновременно с турецкой реакцией на встречу в Ревеле обеспокоилась и Австро-Венгрия, которая, нарушив договорённости с Россией, считала себя при этом единственной державой, «имеющей первостепенный интерес в балканских делах»¹. 23 июня 1908 г. фон Булов в письме к Вильгельму II писал: «Мы должны оставаться союзниками Австро-Венгрии. Для нашей позиции по балканским вопросам в первую очередь решающее значение имеют потребность, интересы и желания Австро-Венгрии»².

Летом 1908 г. Македония стала одним из важных центров разразившейся в Османской империи «младотурецкой революции». На этот раз инициаторами мятежа были турецкие военные. 3 июля началось выступление против султана частей под руководством А. Ниязи-бея, 6 июля восстали части Энвера-паши, а через несколько дней — почти все турецкие войска в Македонии. Восстания в Македонии стали решающим фактором победы младотурецкой революции и сыграли главную роль в восстановлении султаном Абдул-Гамидом II конституции Османской империи 1876 г. и созыве парламента. С младотурецким правительством были связаны ожидания широких либеральных реформ. Таким образом, планы европейских держав по принуждению султана провести в Македонии реформы утратили свою актуальность³.

После победы младотурецкой революции А. П. Извольский дошёл до сведения европейских держав, что «ввиду новейших событий в Турции немедленное предъявление державами Порте проекта македонских реформ нецелесообразно, так как всякое вмешательство могло бы затруднить осуществление предпринятых Турцией

¹ Die Große Politik. Bd. 25. T.2. № 8830. S.497.

² Bülow am Kaiser Wilhelm II. 23 juni 1908 // Die Große Politik. Bd. 25. T. 2. № 8833. S.501.

³ Лунёва Ю. В. На пути мировой катастрофы. С. 25.

реформ». Однако при этом Извольский заявил турецкому правительству, что Россия лишь тогда сочтёт свою миссию оконченной, когда меры, проводимые Турцией, приведут к действительному улучшению положения в Македонии¹.

Николай II вначале связывал с младотурецкой революцией определённые надежды. Младотурки провозглашали своей целью свободу и независимость Турции от великих держав. Поэтому они могли занять более жёсткую позицию в отношении действий Австро-Венгрии в Македонии и участия Германии в строительстве Багдадской железной дороги. Царь призвал все державы незамедлительно вывести из Македонии своих офицеров, наблюдавших за ходом реформ. К великому визирю М. Кямиль-паше, благоволившему младотуркам, была послана русская делегация во главе с драгоманом А. Н. Мандельштамом. Ему поручалось войти в «негласное соглашение» с руководителями младотурецкого правительства и засвидетельствовать им симпатии России². Одновременно, во время встречи с Турхан-пашой, турецким послом в Петербурге, Николай II поручил передать султану, что Россия стремится к дружеским и добрососедским отношениям с Османской империей.

Младотурецкий режим действительно порвал договор с Австро-Венгрией о железнодорожных концессиях. Однако вслед за этим Стамбул начал разворачиваться в сторону Лондона, Берлина и Парижа. Германия возобновила переговоры с Турцией о железнодорожном строительстве в Средней Азии, обещала прислать советников для реорганизации турецкого флота, армии и финансов. Но лидер нового режима Кямиль-паша с юности был горячим англофилом. Поэтому, не отвергая помощи Германии, он в своей внешней политике переориентировался на Лондон. Англия также не скупилась в обещаниях помощи и финансов. Ободрённая такой поддержкой, Турция стала заявлять о желательности пре-

¹ Галкин И. С. Указ. соч. С. 225.

² Шпилькова В. И. *Начало младотурецкой революции и восстановление в Османской империи конституции* // Проблемы Новой и Новейшей истории стран Запада и Востока. — М., 1975.

кращения австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины, формально принадлежащих Турции.

Таким образом, ситуация стала принимать весьма невыгодный как для России, так и для Австро-Венгрии оборот. Россия рисковала получить на берегах Босфора и в Константинополе мощное иностранное присутствие, что сделало бы её геополитические планы в этом регионе неосуществимыми. Австро-Венгрия угрожало резкое ослабление своего влияния на Балканах и потеря Боснии и Герцеговины. Момент внутреннего кризиса в Турции Эренталь считал наиболее удобным для покушения на её территорию. Не только соперник — Россия, но и Турция переживали неподходящий момент для войны. Австро-венгерское правительство решило, что настало время аннексировать Боснию и Герцеговину¹.

Боснийский кризис

Две балканские провинции, Босния и Герцеговина, с 1482 г. входили в состав Османской империи. Они были населены в основном боснийцами, сербами и хорватами. В 1875 г. в провинциях вспыхнуло восстание против турок, которое было подавлено. Однако вскоре Турция потерпела поражение в войне с Россией 1877—1878 гг., в связи с чем встал вопрос о будущем турецких владений на Балканах. Берлинский конгресс признал за Австро-Венгрией право оккупировать Боснию и Герцеговину. В XXV главе трактата говорилось: «*Провинции Босния и Герцеговина будут заняты и управляемы Австро-Венгрией*»², хотя формально они по-прежнему считались владениями султана. В 1897 г., когда Россия и Австро-Венгрия договаривались между собой о дальнейшем сохранении status quo на Балканах, Голуховский пытался склонить Россию к следующей формулировке: «*Территориальные преимущества, признанные за Австро-Венгрией Берлинским трактатом, остаются и останутся за нею. Вследствие этого вопрос об облада-*

¹ История дипломатии. Т. 2. С. 145.

² Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917 гг. С. 193.

нии Боснией, Герцеговиной и Новобазарским санджаком не может быть предметом какого-либо спора, причём правительство Его Императорского и Апостолического Величества сохраняет за собой право оккупации и содержания гарнизонов — право аннексии»¹.

Однако граф Муравьёв воспротивился такой трактовке. Он писал австрийскому послу, что, признав за Австро-Венгрией право военной оккупации Боснии и Герцеговины, Россия выступает против их аннексии. «Аннексия, — писал Муравьёв, — этих двух провинций подняла бы более широкую проблему, которая потребует специального рассмотрения в надлежащее время и в надлежащем месте»².

В начале XX в. в руководстве Австро-Венгрии сложилась группа сторонников активизации политики на Балканах. Присоединение Боснии и Герцеговины представлялось этой группе важным шагом по пути укрепления власти императора, создания противовеса венграм за счёт славянского населения, превращения Австро-Венгрии в ведущую силу на Балканах. К 1907 г. политическое влияние сторонников аннексии Боснии и Герцеговины резко возросло. Полковник Марченко писал: «С 1907 г. политика Австро-Венгрии, всегда отличавшаяся некоторой нерешительностью и склонностью к компромиссам, приобрела два мощных двигателя: вмешательство в дела энергичного наследника престола и переход дипломатического руля в предприимчивые руки честолюбивого барона Эренталя. Эти два главных обстоятельства, конечно, в связи с другими побочными, придали австро-венгерской дипломатической мысли боевое настроение»³.

Главным сторонником присоединения провинций был упомянутый полковником наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд. Марченко считал его человеком с

¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917 гг. С. 305.

² Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917 гг. С. 307.

³ Секретный доклад военного агента в Вене полковника М. К. Марченко // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 755. Л. 1.

«сильным характером, умеющим достигать того, чего он хочет»¹. Франц-Фердинанд видел, что политика постоянных уступок венграм, которую вёл престарелый император, угрожает целостности империи.

Однако у эрцгерцога было стойкое стремление всячески снижать значение Венгрии. Национализм венгров казался ему наиболее опасным для будущего империи. Поэтому Франц-Фердинанд рассчитывал, что жители Боснии и Герцеговины, наряду с чехами и хорватами, станут надёжными союзниками австрийского престола.

Эрцгерцог, в отличие от многих представителей австро-венгерской верхушки, не принадлежал к числу безоговорочных сторонников Германии. Военный атташе австрийского посольства в Берлине Йозеф Штюргк отмечал, что, по его мнению, дружба эрцгерцога и германского императора строилась не *«на взаимной симпатии. Франц-Фердинанд был по характеру и воспитанию слишком австрийцем, слишком привержен традициям своего дома для того, чтобы преподнести сердце на ладони отпрыску Гогенцоллернов... Эта дружба основывалась... с обеих сторон на убеждении: мы очень нужны друг другу, а потому должны быть друзьями»².*

Франц-Фердинанд не разделял антипатии Вильгельма II к славянам и той враждебности и страха, с которыми кайзер относился к России. Напротив, наследник австро-венгерского престола считал необходимым поддерживать с Россией дружественные отношения. Он стремился к восстановлению «союза трёх императоров», и активность Эренталя в этом вопросе в конце 1906 г. — начале 1907 г., безусловно, была инициативой эрцгерцога. В 1907 г. Франц-Фердинанд лично инструктировал вновь назначенного послом в Петербурге графа Л. фон Берхтольда: *«Скажите в России каждому, с кем будете иметь возможность поговорить, что я —*

¹ Секретный доклад военного агента в Вене полковника М. К. Марченко // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 755. Л. 12.

² Шимов Я. В. *Планы эрцгерцога Франца Фердинанда по преобразованию Австро-Венгрии: утопия или нереализованная возможность?*

друг России и её Государя. Никогда австрийский солдат не стоял против русского солдата с оружием в руках... Мы должны быть добрыми соседями. Я одобряю старый союз трех императоров»¹.

Однако обольщаться этими «русофильскими» высказываниями австрийского эрцгерцога тоже не стоит. Как писал в своём докладе полковник Марченко, Франц-Фердинанд руководствуется не сердцем, а всегда интересом². Тем не менее не эрцгерцог был инициатором австрийской активизации на Балканах. Главной движущей силой в этом вопросе был барон А. Эренталь. Начиная игру с Извольским, барон меньше всего думал о сохранении дружеских отношений с Россией. Марченко сообщал, что в «основе решимости провести аннексию легло непоколебимое убеждение барона Эрентала, что Россия, не оправившаяся ещё после японской войны и внутренних волнений, не окажет серьёзного сопротивления и согласится на соучастие при условии получения тех или иных гарантий»³.

Кроме того, в Вене понимали, что ослабленная потрясениями Турция не сможет препятствовать аннексии. С другой стороны, нужно было спешить, так как Стамбул мог позвать на помощь Лондон, что серьёзно осложнило бы реализацию австро-венгерских устремлений. Таким образом, план Эрентала сводился к возможно быстрой безнаказанной аннексии Боснии и Герцеговины. России в обмен на поддержку этой аннексии австрийцы были готовы дать обещание оказать помощь в обладании проливами и Константинополем. Будучи убеждены, что Германия поддержит всей своей мощью их экспансию, австрийцы действовали в заданном направлении уверенно и спокойно. Помимо прочего, Эренталь рассчитывал представить аннексию Боснии и Герцеговины осуществлённой якобы с позволения России. Это, надеялся

¹ Шимов Я. В. *Планы эрцгерцога Франца Фердинанда по преобразованию Австро-Венгрии: утопия или нереализованная возможность?*

² Секретный доклад военного агента в Вене полковника М. К. Марченко // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 755. Л. 12.

³ Секретный доклад военного агента в Вене полковника М. К. Марченко // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 755. Л. 12.

Эренталь, скомпрометировало бы Россию в глазах всего южного славянства и подорвало бы её влияние на Балканах¹.

14 января 1908 г. Эренталь поручил послу в Константинополе поднять вопрос об австрийской концессии на постройку железной дороги через Новобазарский снаджак. Эта турецкая провинция отделяла Сербию от Черногории. Согласно Берлинскому трактату, Австрия могла держать там небольшие гарнизоны. Железная дорога, в случае её строительства, создавала прямой путь для Австро-Венгрии до Салоник и укрепляла связь центральных держав с Турцией. Это было прямым нарушением русско-австрийских договорённостей².

15 февраля 1908 г. Николай II принял австро-венгерского посла графа Л. фон Берхтольда и заявил ему, что он ценит дружбу с императором Францем-Иосифом, и хотя политика сотрудничества с Австрией никогда не была популярным в России, он готов продолжить её. Правда, заметил царь, эту задачу «ему весьма затрудняют» (Николай II имел в виду высказывания Эренталя)³.

19 июня/2 июля Извольский написал Эренталю записку, в которой пытался убедить австрийского министра в том, что Россия не претендует на территориальные приобретения за счёт Османской империи или балканских государств. Единственно, что нужно России, — это свободный выход в Средиземное море через турецкие проливы. Извольский предложил Эренталю действовать совместно по этим вопросам. Более того, Извольский заявил о готовности обсудить в «дружественном духе» вопрос об аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в обмен на признание Константинополя и проливов сферой интересов России, правда, оговорившись, что оба вопроса имеют европейский характер и не могут быть решены соглашениями между двумя империями⁴.

Однако австро-венгерская «военная партия» спешила как

¹ История дипломатии. Т. 2. С. 143.

² Ольденбург С. С. *Царствование Императора Николая II*. Т. 2. С. 36.

³ Ольденбург С. С. *Царствование Императора Николая II*. Т. 2. С. 36.

⁴ Зайончковский А. М. *Подготовка России к мировой войне в международном отношении*. — Л., 1926. Приложение 6. С. 335—357.

можно скорее повернуть дело с аннексией. 6/19 августа на совещании под председательством императора было принято решение в ближайшем времени совершить аннексию Боснии и Герцеговины. Главными инициаторами этого были министр иностранных дел А. фон Эренталь и начальник Генерального штаба генерал Ф. Конрад фон Гётцендорф. Наследник престола эрцгерцог Франц-Фердинанд, напротив, считал аннексию авантюрой: *«Я решительно против подобных демонстраций силы, — заявил он, — учитывая неблагоприятное состояние наших домашних дел... Я против мобилизации и не думаю, что мы должны приводить войска в повышенную боеготовность»*¹.

Император Франц-Иосиф колебался: с одной стороны, закрепление за империей важных территорий выглядело весьма соблазнительно, с другой — возникла угроза конфронтации с Россией, хотя Эренталь уверял, что сможет договориться с Россией, встретившись с Извольским.

Чтобы прояснить ситуацию, Николай II приказал А. П. Извольскому вступить в переговоры с А. Эренталем². При этом царь не уполномочивал Извольского вести переговоры с австрийцами по поводу возможной аннексии. Вопрос об этом вообще не стоял в повестке дня.

Однако А. П. Извольский и его давний приятель, товарищ министра иностранных дел Н. В. Чарыков, решили использовать появившуюся возможность для далеко идущей дипломатической комбинации. Не ставя предварительно в известность ни Государя, ни Совет министров, они думали добиться соглашения с Австрией о признании со стороны России аннексии Боснии и Герцеговины. В обмен они надеялись добиться признания Веней особых прав России в Проливах. Извольский и Чарыков исходили из того, что вопрос об аннексии австрийским правитель-

¹ Шимов Я. *Австро-Венгерская империя*. — М.: Эксмо-Алгоритм, 2003. С. 397.

² Император Николай II — императору Францу-Иосифу. 17 декабря 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 1127. Цит. по: Красный архив. Исторический журнал. — М.; Лг., 1925. Т. 3 (10). С. 48.

ством решён, а потому противостоять ему бесполезно, учитывая, что за Австрией стоит Германия. 20 августа/2 сентября Извольский писал Чарыкову: *«Вопрос о присоединении Боснии и Герцеговины будет действительно поставлен ребром. Остаётся найти такую формулировку, которая действительно обеспечивала бы нам необходимую компенсацию. Дело в том, что присоединение Боснии и Герцеговины является материальным фактом; компенсация же, а именно согласие Австро-Венгрии на то или другое разрешение вопроса о проливах, во всяком случае, будет носить характер отвлечённый и секретный»*¹.

В августе 1908 г. Извольский отправился в своё обычное «осеннее» турне по Европе. Эренталь пригласил русского министра посетить Бухлау, где находился его загородный особняк². Там 2/16 сентября 1908 г. австрийский министр подтвердил, что аннексия Боснии и Герцеговины может быть провозглашена уже в начале октября. Эренталь сказал, что Извольский будет им *«своевременно предупреждён об этом»*. Извольский в качестве предпосылки согласия России на аннексию Боснии и Герцеговины выдвинул требования о компенсациях для Сербии³, но Эренталь отклонил его. Извольский поставил вопрос о созыве международной конференции для оформления намеченного пересмотра Берлинского трактата, но снова не встретил сочувствия со стороны Эренталя. Тем не менее Эренталь согласился, не дожидаясь распада Османской империи, принять формулу России касательно Проливов, по которой все русские суда, включая военные, могли проходить через Проливы при сохранении запрета прохода через них военных судов других стран.

На этом, собственно встреча, закончилась. Её результаты не были официально зафиксированы. Извольский утверждал позднее, что в Бухлау состоялось соглашение: Австро-Венгрия получала провинции, Россия — пересмотр вопроса о Дарданеллах.

¹ А. П. Извольский — Н. В. Чарыкову. 20 августа 1908 г. // Исторический архив. 1962. № 5.

² Шапошников Б. М. Указ. соч. С. 52.

³ История дипломатии. Т. 2. С. 149.

Эренталь в свою очередь это опровергал и утверждал, что никакого соглашения в Бухлау не было. По всей видимости, так оно во многом и было. Как пишет А. В. Игнатъев, *«собеседники предпочли ограничиться неофициальным джентльменским соглашением, что оставляло каждому определённую свободу трактовки»*¹. При этом не были уточнены ни сроки аннексии, ни время выдвижения Россией вопроса о пересмотре статуса проливов, ни процедура оформления предполагаемых изменений в Берлинском трактате. Не был в достаточной мере соблюден баланс интересов в части компенсаций². Тем более о договорённости не было сообщено императору Николаю II.

Извольский активно использовал поддержку своих действий со стороны представителей думской оппозиции, в частности А. И. Гучкова. Министр писал Чарыкову: *«...ещё раз с особенной настойчивостью считаю долгом обратить ваше внимание на необходимость подготовить общественное мнение и печать. Необходимо воздействовать не только на Новое время, но и на другие органы. Хорошо бы переговорить с Гучковым, и, если возможно, то и с Милюковым, который только что был на Балканском полуострове»*³. Чарыков сообщил Извольскому в Париж 20 сентября: *«Гучков, ознакомленный мною с сущностью дела, обещает полную поддержку своей фракции. Печать в достаточной мере в наших руках»*⁴.

В связи с этим нельзя исключать, что усилия Извольского были заодно с либеральной думской оппозицией, которая в случае успеха авантюры с Проливами присвоила бы все лавры себе. Не могут не настораживать и контакты Извольского с Гучковым. Именно в это время Гучков установил тесные связи с младотурками, у которых даже перенимал «революционный опыт». *«Посетите Турцию, — говорилось в секретном сообщении Охранного отделения, — после прошедшего там государственного переворота, Гучков*

¹ Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 77.

² Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 77.

³ АВП РИ. Ф. 133. Канцелярия министра. 1908. Д. 42. Л. 70.

⁴ АВП РИ. Ф. 133. Канцелярия. 1908. Д. 204. Л. 95.

решил последовать примеру «младотурок», которые, по словам Гучкова, являются теми же октябристами»¹.

Гучкову, как и Извольскому, всегда был нужен успех любой ценой. Кто знает, не закладывались ли тогда связи Гучкова не только с военными, но и с дипломатами? Связи, сыгравшие немалую роль в феврале 1917 г.

Из Бухлау Извольский отправился в турне по Европе. Его целью было получить от других держав такое же согласие на изменение режима проливов, какого он добился от Эрентала. 13/26 сентября в Берхтесгадене Извольский встретился со статс-секретарём германского министерства иностранных дел В. фон Шёном. Извольский заявил Шёну, что Россия очень хотела бы открыть проливы для своих военных кораблей, но находит настоящий момент неподходящим для того, чтобы немедленно же поднимать вопросы, поставленные в Бухлау. Провозглашение независимости Болгарии, по словам Извольского, может вызвать турецко-болгарскую войну. В случае если Болгария будет разбита, России придётся её защищать, а между тем она не расположена втягиваться в войну. С другой стороны, Россия не может допустить и захвата Константинополя болгарами или греками в случае поражения Турции. Из этого разговора было трудно понять, чего же хочет русский министр. В ответ Шён в малообязывающих выражениях дал понять Извольскому, что Германия не будет возражать против открытия проливов, но в свою очередь потребует за это компенсаций².

16/29 сентября Извольский прибыл в итальянский город Де-зио, где произошла его встреча с министром иностранных дел Италии Т. Титтони. Извольский завёл речь о согласии России на аннексию Боснии и Герцеговины, которая должна произойти одновременно с разрешением вопроса о проливах и компенсациями Сербии и Черногории. Возможность аннексии вызвала крайнее негодование Титтони, так как Италия сама была не прочь присоединить Боснию. К русским планам в отношении проливов Титто-

¹ ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917. Д. 307 ЛА. Л. 127.

² История дипломатии. Т. 2. С. 151.

ни отнёсся положительно. В качестве компенсации итальянский министр поставил условием, что Россия даст своё согласие на захват Триполи Италией. Некоторое время спустя Титтони заявил в Парламенте, что в Дезио была достигнута полная согласованность русской и итальянской точек зрения. Из Дезио Извольский направился во Францию.

Между тем 16/29 сентября император Франц-Иосиф, зная о состоявшейся в Бухлау договорённости, направил Николаю II письмо. В нём австрийский император сообщал, что *«повелевающая необходимость общего положения заставляет меня приступить к аннексии Боснии и Герцеговины. Уверенный в Твоей испытанной дружбе и полагаясь на силу традиционных уз, связующих наши империи, я глубоко убеждён, что Ты благожелательно отнесёшься к той мере, которая нам внушается необходимостью и которую предвидели и приняли без возражений Твои покойные отец и дед»*¹. Примечательно, что Франц-Иосиф ни слова не говорит о состоявшемся соглашении Извольского с Эренталем.

Между тем 19 сентября/2 октября Н. В. Чарыков сообщил о результатах встречи в Бухлау П. А. Столыпину. Председатель Совета министров был возмущён тем, что Извольский вёл переговоры втайне от правительства. Кроме того, Столыпин был полностью не согласен с затеянными Извольским торгами о компенсациях². Совершенно неожиданно Чарыков поддержал Столыпина и выступил против линии Извольского на поддержку австрийской аннексии. Сам Чарыков объяснял перемену своих взглядов тем, что он боялся отставки Столыпина, которая почему-то в его представлении была неминуема, если бы позиция Извольского была бы

¹ Император Франц-Иосиф—императору Николаю II. 16/29 сентября 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1375. Цит. по: Красный архив. Исторический журнал. — М.; Лг., 1925. Т. 3 (10). С. 42—43.

² Чернов О. А. *Проблема проливов Босфор и Дарданеллы в дипломатической деятельности и исторических взглядах Н. В. Чарыкова* // Историческая память и общество: эпохи, культуры, люди: Материалы научной конференции, посвящённой 90-летию ист. образования в Саратовском ун-те. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2008. С. 94—111.

поддержана императором. А в случае отставки главы Совета министров, писал Чарыков, произошла бы неотвратимая «победа реакции»¹.

21 сентября Н. В. Чарыкова доложил царю о результатах встречи в Бухлау и вручил Государю письмо императора Франца-Иосифа. Со слов Чарыкова, Николай II был чрезвычайно доволен итогами переговоров. Он якобы принял точку зрения Извольского и заметил, что в случае изменения режима проливов в пользу России «...нечего хлопотать о Константинополе», и добавил, что успешное решение было бы «решением векового вопроса»².

Однако имеются иные сведения, как о реакции Николая II на переговоры в Бухлау, так и о степени его осведомлённости об инициативе Извольского. В. Н. Коковцов вспоминал, как в октябре 1908 г. П. А. Столыпин сообщил ему, что *«имел длинный разговор с Государем и узнал от него, что никаких полномочий он Извольскому не давал, да тот их и не спрашивал»*. Николай II был *«глубоко возмущён этим инцидентом и прямо сказал Столыпину, что ему просто не хочется верить, чтобы Извольский мог сыграть такую недопустимую роль, которую он поставил и себя, и Государя в совершенно безвыходное положение, так как, если даже оправдается версия, что он обусловил наше согласие содействием нам Австрии в разрешении в нашу пользу вопроса о проливах, то всё же мы останемся в самом невыгодном для нас положении: всякий просто скажет, что мы помогли Австрии вытащить каштаны из печки без всякой для нас пользы, так как для всех ясно, что никакой реальной помощи мы от Австрии не получим, да и не от нее зависит разрешение такого "Мирового вопроса"»*. Столыпин сказал мне, что Государь два раза отметил, что ему, в особенности, *противно, что всякий скажет, что русский министр получил от своего Государя полномочие без всякой надобности обещать нашу помощь Австрии в присоединении Боснии и Герцеговины, когда это дело всех подписавших Берлинский трактат, и мы должны быть последними, кто мог бы брать на себя какое-либо решающее участие в таком деле»*³.

¹ Чернов О. А. Проблема проливов Босфор и Дарданеллы... С. 99.

² АВП РИ. Ф. 133. Канцелярия министра. 1908. Д. 204. Л. 173.

³ Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 335.

В данном случае не верить В. Н. Коковцову у нас нет никаких оснований в связи с полной незаинтересованностью последнего. О своей неосведомленности соглашением Извольского — Эренталя Николай II писал в письме к кайзеру от 15 декабря 1908 г.: «Извольский не успел мне сообщить об этом деле. Я был на „Штандарте“ и ничего не знал о том, что должно произойти»¹.

Совершенно несерьезными представляются умозаключения английского историка А. Тэйлора, который считал, что Николай II отвернулся от Извольского из-за страха перед возможной отставкой П. А. Столыпина. «Столыпин, — писал Тэйлор, — не интересовали Проливы, зато его очень беспокоили настроения славян; он пригрозил отставкой, и Николаю II пришлось сделать вид, будто ему ничего не было известно о планах Извольского»².

Это опровергается фактом встречи 21 сентября 1908 г. Николая II и П. А. Столыпина в Царском Селе, в ходе которой председатель Совета министров доложил Государю о действиях Извольского. Столыпин высказал своё мнение, что такие действия недопустимы, и рекомендовал императору отозвать министра в Петербург. Кроме того, Столыпин предлагал не поддерживать аннексии Боснии и Герцеговины и обратиться к державам о созыве конференции по пересмотру Берлинского трактата. Для того чтобы не обидеть Турцию и балканские государства, Столыпин высказался за то, чтобы предусмотреть им компенсации³. Николай II согласился с главой правительства. От имени Государя Извольскому было указано, что в случае аннексии Боснии и Герцеговины никаких переговоров с Австрией не вести, а заявить ей протест⁴. Чарыков признавал, что «проблема была улажена благодаря исключительно императору»⁵.

¹ Император Николай II — императору Вильгельму II. 15 декабря 1908 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 421.

² Тэйлор А.-Дж. *Борьба за господство в Европе. 1948—1918.* — М., 1958. С. 457.

³ Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 81.

⁴ Чернов О. А. *Проблема проливов Босфор и Дарданеллы...* С. 99.

⁵ Чернов О. А. *Проблема проливов Босфор и Дарданеллы...* С. 100.

Одновременно Николай II поручил Чарыкову подготовить развёрнутые соображения по русско-турецкому сближению. Таким образом, мы видим, что, как только Государю стало известно о планах сговора Извольского с Эренталем по аннексии боснийских провинций, царь этот сговор запретил. Тем не менее поездку Извольского в Париж Николай II решил не прерывать.

23 сентября/6 октября Чарыков представил Государю проект созыва международной конференции по пересмотру Берлинского трактата. Проект предусматривал значительные компенсации Турции за отторжение от неё двух провинций. Предполагалось отменить ограничение суверенитета Турции в Македонии и в Малой Азии, прекратить выплаты России контрибуции за проигранную войну 1877—1878 гг. В обмен на это Турция брала на себя обязательства не возражать против превращения Болгарии в независимое королевство, открыть Проливы для военного флота России и других черноморских стран при соблюдении безопасности турецкой территории. Намечалась компенсации и для Сербии с Черногорией¹.

Николай II одобрил представленный проект. Если бы Турция поддержала инициативу России, то это было бы веским аргументом в диалоге с французами и англичанами.

Между тем прошло довольно много времени с момента получения царём письма от австрийского императора, а царь не спешил отвечать на него. Государь объяснял это Чарыкову тем, что собирается *«зрело обдумать проект моего ответного письма императору, вдохновляясь мыслями, высказанными в разговоре с Вами и со Столыпиным 21 сентября»*².

Однако, не отвечая Францу-Иосифу, император руководствовался не только этим мотивом. Через несколько дней после по-

¹ Сборник секретных документов из архива бывшего МИД. — Пг., 1917. Вып. 1. Док. 2. С. 4.

² Резолюция императора Николая II на докладе Н. В. Чарыкова. 23 сентября 1908 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М.; Лг., 1925. Т. 3 (10). С. 44.

лучения письма от австрийского императора Чарыков ознакомил царя с секретными документами, которые хранились в архиве МИДа и касались Берлинского конгресса. Из этих бумаг, сообщал Николай II императрице Марии Фёдоровне, «я узнал, что после бесконечных споров с Австрией Россия согласилась на присоединение Боснии и Герцеговины в будущем! И об этом же согласи, данном тогда Анпапа¹, пишет мне старик император. Fichueposition!!! Я получил его письмо две недели назад и до сих пор ещё не ответил. Ты понимаешь, какой это сюрприз и в каком неудобном положении мы очутились. Я никогда не думал, что существует такая секретная статья, и ничего не слышал об этом от Гирса и Лобанова, при которых эти события происходили»².

Строго говоря, секретная статья, о которой писал Николай II, относилась не к Берлинскому конгрессу, а к секретному дополнению к договору о «Союзе трёх императоров», подписанному 6/18 июня 1881 г. Его основные положения разрабатывались ещё при жизни Александра II, но подписан договор уже при Александре III. Статья 1 Приложения гласила: «Австро-Венгрия сохраняет за собой право аннексировать Боснию и Герцеговину в момент, который она признает подходящим»³.

В результате царь вынужден был отказаться от ноты протеста Вене по поводу аннексии Боснии и Герцеговины.

Между тем 23 сентября/5 октября в Петербурге австро-венгерский посол сообщил о предстоящей «свободе действий» в Боснии и Герцеговине и передал памятную записку с предложением выступить совместно о признании Болгарии самостоятельным королевством⁴. 24 сентября/7 октября вышел указ императора Франца-Иосифа о присоединении Боснии и Герцеговины. Николай II в послании Францу-Иосифу указал, что это было сделано, «преду-

¹ Император Александр II.

² Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. Л. 2330. 69.

³ Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. С. 232.

⁴ Шалошников Б. М. Указ. соч. С. 53.

предив нас всего лишь за 24 часа и не посчитавшись ни в малейшей степени с моими возражениями»¹.

Ночью 25 сентября/8 октября Николай II получил телеграмму от адмирала Дубасова, извещающую, что «Босния и Герцеговина присоединены к Австрии, как имперские земли, с обещанием в будущем постепенно очистить Санджак. К сербской границе стянуты части 7, 15 корпусов»². Чуть ранее в Париже об аннексии из газет узнал и сам Извольский. Австро-Венгрия поставила весь мир перед свершившимся фактом. Одновременно пришло известие о провозглашении Болгарией независимости.

В Париже русского министра ждало новое разочарование. Как сообщал посол А. И. Нелидов, Франция «безучастно... взирает на международные события, когда она к ним непосредственно непричастна и когда не затронуты самые чувствительные для неё материальные интересы»³. А эти «материальные интересы» Франции были связаны в тот момент гораздо больше с Австро-Венгрией, чем с Россией. Ещё во время Альхесирасской конференции Франция обещала поддержку Австро-Венгрии на Балканах в обмен на её поддержку в Марокко. «Марокко было настолько чувствительным для Франции — а новые столкновения в этом вопросе с Германией были не исключены, — что лишиться будущей поддержки Австро-Венгрии в споре с Берлином Франция не хотела»⁴.

Французский президент А. Фальер отреагировал на аннексию Боснии и Герцеговины с полным пониманием, даже в сердечном тоне. Министр иностранных дел С. Пишон отнёсся к идее Извольского о международной конференции весьма скептически. Кроме того, во французских правящих кругах были недовольны сепаратными переговорами Извольского с Эренталем. Франция высту-

¹ Император Николай II — императору Францу-Иосифу. 17 декабря 1908 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М.; Лг., 1925. Т. 3 (10). С. 48.

² Ф. В. Дубасов — императору Николаю II. 25 сентября 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Д. 750. Оп. 1. Л. 24.

³ Шапошников Б. М. Указ. соч. С. 56.

⁴ Шапошников Б. М. Указ. соч. С. 57.

пила за уважение суверенитета Турции и настоятельно советовала согласовать этот вопрос в Великобритании¹.

Положение Извольского становилось весьма щекотливым. Он собирался ехать в Лондон, но Совет министров вновь требовал его возвращения в Петербург. 25 сентября Извольский писал Чарыкову: *«Благоволите доложить Государю, что отказ мой от поездки в Лондон, где в воскресенье у короля назначен в мою честь официальный обед и где меня ожидают с нетерпением для установления соглашения о созыве конференции и её программе, мог бы произвести нежелательное впечатление, вызвав превратные толкование, особенно опасное при настоящих критических обстоятельствах. Ввиду милостивой резолюции Его Императорского Величества решаюсь ехать в пятницу в Лондон, и затем в кратчайший, по возможности, срок, вероятно, прямо в Париж, Берлин, Петербург»*².

Государь полагал, что Извольский должен довести начатое дело до логического завершения. Кроме того, отказ от поездки в Англию, после всего происшедшего, действительно выглядел бы недружественным шагом. Поэтому Николай II разрешил Извольскому ехать в Лондон. Там, однако, министр встретился с тем же нежеланием помочь России, что и во Франции. Извольский попытался воздействовать на английское правительство угрозой омрачения дружественных отношений, с таким трудом намеченных во время Ревельской встречи русского и английского монархов. Выступая перед британским кабинетом, Грей сообщил, что *«Извольский заявил, что настоящий момент является наиболее критическим — он может укрепить и усилить добрые отношения между Англией и Россией или разорвать их совершенно»*³. Извольский предупредил Грея, что без Проливов ему в Петербург возвращаться нельзя и что он будет заменен «реакционным» министром⁴. Однако все его усилия не дали никакого результата.

¹ Лунёва Ю. В. Босфор и Дарданеллы... С. 64.

² А. П. Извольский — Н. В. Чарыкову. 25 сентября 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 750. Л. 23.

³ Лунёва Ю. В. Босфор и Дарданеллы... С. 66.

⁴ Милюков П. Н. Воспоминания. — М., 2001. С. 376.

26 сентября/9 октября Турхан-паша сообщил, что султанское правительство в целом согласилось с предложением России. «Против нашей формулы о Проливах Турция не возражает», — писал Чарыков Столыпину¹. Но при этом турецкое правительство просило Петербург добиться согласия Англии и Франции на созыв конференции. На самом деле Стамбул не был заинтересован в изменении статуса Проливов. Турецкое правительство немедленно тайно ознакомило с русским предложением правительства Англии и Германии. Посол в Константинополе И. А. Зиновьев, верно оценивая ситуацию, отмечал, что «настоящее турецкое правительство не особенно расположено к разрешению вопроса о Проливах в желательном для России смысле»².

Тогда же, 26 сентября/12 октября, Извольский в первый раз был вынужден публично признать, что ему было официально заблаговременно сообщено о намерении Австрии присоединить Боснию и Герцеговину, хотя и без указания срока. Он также признал, что обнадёжил Австрию, что Россия не сделает из этого факта *casus belli*³.

Между тем Эренталь публично заявил, что аннексия совершенна по сговору с Извольским. Попав в столь неприятную ситуацию, Извольский 29 сентября 1908 г. просил в письме к Чарыкову помочь ему «отмыться» от своих же интриг: «Благоволите доложить Государю: речь барона Эренталя, с подлинным текстом коей я познакомился сейчас, является образцом иезуитства и выставляет в совершенно ложном свете результат обмена мыслей в Бухлау»⁴. Извольский просил Государя разрешения выступить ему с разъяснениями в Государственной Думе. Вскоре Н. В. Чарыков получил от императора телеграмму: «Обдумав предложение Извольского, нахо-

¹ Н. В. Чарыков — П. А. Столыпину. 26 сентября/9 октября 1908 г. // Исторический архив. 1962. № 5. С. 306.

² И. А. Зиновьев — А. К. Бенкендорфу. 9/22 октября 1908 г. // АВП РИ. Ф. 184. Посольство в Лондоне. Оп. 520. Д. 1324. Л. 138.

³ Речь. 26 сентября 1908 г.

⁴ А. П. Извольский—Н. В. Чарыкову. 29 сентября 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 750. Л. 26.

жу, что его выступление в Думе полезно и лучше всякого другого способа для восстановления истины. Николай»¹.

1/14 октября 1908 г. Грей вручил Извольскому секретный меморандум с окончательным мнением британского правительства. «Английское правительство, — говорилось в нём, — согласно на открытие Проливов, при условии, что Проливы будут открыты для всех одинаково и без исключения. Русское предложение (открыть их для России и прибрежных государств) идёт вразрез с общественным мнением Англии, которое было бы крайне разочаровано, если бы Россия, протестовавшая против действий Австрии, воспользовалась случаем обеспечить для себя преимущество в ущерб Турции или с нарушением статус-кво к невыгоде других»². В меморандуме подчёркивалось, что «согласие Турции должно быть необходимым предварительным условием всякого проекта». Одновременно с отрицательным ответом Извольскому английский кабинет поспешил сообщить турецкому правительству, что Россия «готовит агрессивные проекты против Порты».

Позиция Англии во многом объяснялась проанглийским курсом младотурецкого правительства. Английская дипломатия рассчитывала, что теперь она легче сможет оторвать Турцию от Германии. При таких условиях в Лондоне полагали, что поднимать вопрос о Проливах несвоевременно.

Одновременно английский МИД весьма сочувственно отнёсся к идее пересмотра Берлинского трактата. В отличие от Парижа Лондон совершенно не сочувствовал усилению Австро-Венгрии на Балканах, так как это вело к усилению здесь Германии. Извольский предложил 9 пунктов повестки дня конференции, которые предусматривали различные компенсации славянским странам и Турции. С их помощью английский министр Грей стремился создать антигерманскую группировку на Балканах. О каких-либо приобретениях для самой России речи в этих пунктах не шло. Извольский, для которого согласие Грея на проведение конферен-

¹ Император Николай II — Н. В. Чарыкову // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 750. Л. 27.

² Лунёва Ю. В. *Босфор и Дарданеллы...* С. 66.

ции уже означало какой-то успех, стремился привезти в Петербург хотя бы тень успешного соглашения. Но у него не получилось даже этого. Франция категорически заявила, что не согласна с территориальными компенсациями для Сербии и Черногории, и Англия её в этом поддержала.

Уехав из Лондона и Парижа с пустыми руками, Извольский рассчитывал теперь договориться с Германией. За четыре дня своего пребывания в германской столице Извольский вёл переговоры с В. фон Шёном, Б. фон Бюловым и императором Вильгельмом. Всё трое дали понять: ориентация на Антанту способна лишь серьёзно повредить России; Германия будет поддерживать свою союзницу Австро-Венгрию всеми силами и средствами; конференция, если она состоится, должна свестись только к двум пунктам: признание аннексии Боснии и Герцеговины и независимости Болгарии; вопрос о Проливах может решиться для России положительно лишь в том случае, если она договорится об этом с Турцией¹.

Берлинские переговоры означали полный крах всей линии Извольского. Бюлов, оценивая результаты осеннего турне Извольского, писал: *«В боснийском вопросе Извольский делал ошибку за ошибкой. Грубой ошибкой было то, что 15 сентября 1908 г. в Бухлау он не спросил Эренталя прямо и без обиняков, когда и в какой форме он намеревается предпринять аннексию Боснии и Герцеговины. Дальнейшей ошибкой было то, что, когда Эренталь поразил его аннексией, он не вернулся в Петербург, чтобы перед Думой и царём мужественно защищать свою политику. Вместо этого он комичным образом объездил все европейские столицы»*².

Сам Извольский в письме к Нелидову признавался, что в ходе своего европейского турне он убедился, как радикально изменилась ситуация в Европе: державы оказались разделёнными на две группировки: Германия и Австро-Венгрия, с одной стороны, Россия, Англия и Франция — с другой³.

¹ АВП РИ. Ф. 133. Канцелярия министра. 1908. Д. 203. Л. 6—7.

² Bülow B. von. Op. cit. P. 350.

³ Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 85.

Вернувшись в Петербург, Извольский был подвергнут самой острой критике со стороны различных общественных и политических сил России. Саморазоблачения министра в том, что он пошёл на сговор с австрийцами против славян, согласился с захватом земель, на которые претендовала Сербия, вызвали бурю негодования среди русской славянофильской общественности. Извольский подвергся резкой критике и в Государственной думе, а патриотическая печать обвиняла его чуть ли не в предательстве. Министр находил поддержку только у партии Гучкова. 10 октября 1908 г. газета «Русское слово» писала: *«Лидеры октябристов заявляют, что сообщения газет о том, что октябристы не намерены поддержать Извольского, ни на чем не основана. Напротив, фракция всемерно поддержит Извольского и не будет ставить ему затруднений. Положением, в котором находится министр иностранных дел, желают воспользоваться только правые»*¹.

Все ожидали отставки Извольского. Сам Извольский обратился к Государю с просьбой об этом. Однако Николай II не пошёл сразу на этот шаг. Французский посол Ж. Луи писал в своём дневнике, что Николай II *«получил просьбу Извольского об отставке. Но Император не знает, кем его заменить. Он не хочет назначения Сазонова только потому, что он зять Столыпина. Император склоняется к Чарыкову»*².

Кроме того, отставка Извольского, сразу же после его возвращения из европейского турне, означала бы признание Россией полного провала своей политики, как в вопросе признания аннексии, так и в вопросе созыва конференции. Столыпин также рекомендовал Государю не увольнять Извольского, ибо его смещение могло выглядеть так, будто Россия собирается решать балканский вопрос военным путём. К тому же отставки Извольского активно добивался Вильгельм II. Немедленное увольнение министра означало бы поощрение бесцеремонного вмешательства кайзера в дея-

¹ Русское слово. 10 октября 1908 г.

² Les carnets de Georges Louis, ambassadeur de France en Russie. T. 1. 1908-1912. — P., 1926. P. 99.

тельность русского правительства. Но Извольский продолжал настаивать на своей отставке.

13 января 1909 г. Николай II «имел с А. П. Извольским серьёзный разговор», после которого царь сообщил Столыпину, что больше министр иностранных дел просить о своём уходе не будет¹. Вместе с тем Николай II был крайне недоволен действиями Извольского, и вопрос об его увольнении был в принципе решён. Речь шла только о выборе подходящего времени. Отставка должна была произойти в виде длительного отпуска с последующим назначением Извольского главой какой-либо миссии².

Неутешительный итог деятельности Извольского привёл Николая II к выводу, что в дальнейшем во главе МИДа следует поставить не профессионального дипломата, а человека со стороны, что исключило бы в будущем такие экспромты, к каким прибегнул Извольский в Бухлау. В преемники Извольскому рассматривались кандидатуры И. Л. Горемыкина, Н. В. Чарыкова, гофмаршала императорского двора князя Н. С. Долгорукого и министра-резидента при Святом престоле С. Д. Сазонова. Фактическое руководство министерством перешло к Чарыкову, который в апреле стал управляющим МИДом³. При этом в русском правительстве давали понять, что, независимо от назначения кого-либо из перечисленных лиц, внешнеполитический курс России претерпит изменения.

В одном шаге от большой войны

После того как в Берлине и Вене стало ясно, что ни в Париже, ни в Лондоне Россия не получит поддержки, германские империи решили развить успех. Теперь уже Германия задавала тон на Балканах. Цель Вильгельма II была всё той же: оторвать Россию от Франции и Англии и максимально ослабить её на Балка-

¹ Император Николай II — П. А. Столыпину. 13 января 1909 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1924. Т. 5 (5). С. 119.

² Данилов О. Ю. Указ. соч. С. 149.

³ Астафьев И. И. Указ. соч. С. 191—193.

нах. В свою очередь Вена рассчитывала продолжить экспансионистскую политику и при удобном случае разделаться с Сербией и Черногорией. Начальник австро-венгерского Генштаба Конрад писал: «Самостоятельная Сербия и не усмирённая Черногория будут непримиримыми врагами при каждом шаге монархии, при каждом политическом обострении, постоянным очагом агитации для южнославянских областей»¹. Конрад считал, что если «будет решено ликвидировать сербский вопрос оружием, тогда необходимо теперь же использовать все средства для подготовки к войне».

Планы Конрада были не только на бумаге: к границам Сербии стягивались австро-венгерские войска. В ответ на это в Сербии призвали резервистов, черногорское командование начало разработку планов обороны морского побережья, шла подготовка мобилизации в Румынии.

На этом фоне осложнились германо-французские отношения из-за ареста французами в Касабланке трёх дезертиров Иностранного легиона, немцев по национальности. Чиновник германского консульства организовал их побег, но французские военные власти сумели их задержать, когда они садились на пароход. Во время задержания пострадал германский консул, сопровождавший дезертиров. Власти Германии потребовали от Франции извинений и освобождения задержанных. Франция отвергла эти германские притязания. Конфликт принял столь острый характер, что французским солдатам на границе было запрещено покидать казармы, в армию были призваны резервисты, уволенные в запас в сентябре 1907 г. Англия дала понять, что будет поддерживать Францию всеми силами².

В этот момент, 22 октября/4 ноября, Николай II счёл нужным ответить на сентябрьское письмо императора Франца-Иосифа, в котором, с одной стороны, осуждал односторонние шаги Австро-Венгрии, а с другой — спешил заверить её императора, что Россия предпримет все меры для мирного разрешения конфликта. «Положение Боснии и Герцеговины, — писал Николай II, — *вверен-*

¹ Шапошников Б. М. Указ. соч. С. 64.

² История дипломатии. Т. 2. С. 199.

ных Берлинским трактатом оккупации Австро-Венгрии, не может быть изменено иначе, нежели постановлением держав, подписавших этот трактат. [...] Со своей стороны, я от всего сердца готов служить укреплению монархических и консервативных начал, столь благодетельных для России и для Австро-Венгрии, и приложу все усилия для дружественного разрешения этих затруднений, чтобы тем сильнее укрепить традиционные узы, связующие обе наши империи»¹.

Однако поведение Австро-Венгрии и Германии не говорило об их стремлении идти навстречу России в преодолении конфликта. 15/28 октября 1908 г. в инструкциях послу в Петербурге Ф. Пурталесу Бюлов указывал, что неудачи русской политики являются следствием поворота России в сторону Англии. Эта инструкция свидетельствовала, что главной целью Германии по-прежнему являлось стремление оторвать Россию от Антанты и тем самым максимально ослабить её и подчинить своей политике².

23 ноября/8 декабря 1908 г. австро-венгерское правительство официально заявило, что отказывается передать вопрос об аннексии на международное обсуждение. Вена поясняла, что могла бы пойти на созыв конференции лишь при том условии, если бы все её участники заранее обязались не возражать против совершённого ею акта. Германия безоговорочно поддерживала Австрию, о чём в тот же день 23 ноября/8 декабря Бюлов заявил публично³.

Между тем Извольский сообщал Совету министров, что Германия готовит нападение на Францию. Николай II не верил в возможность в настоящих условиях войны между Германией и Францией. Гораздо вероятнее было нападение Австро-Венгрии на Сербию, которую охватила волна народного негодования действиями австрийцев. Правительства Сербии и Черногории высту-

¹ Император Николай II — императору Францу-Иосифу. 22 октября 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 1127. Цит. по: Красный архив. Исторический журнал. — М.; Лг., 1925. Т. 3 (10). С. 44—45.

² История дипломатии. Т. 2. С. 194.

³ История дипломатии. Т. 2. С. 194.

пили с совместным заявлением протеста¹. Возросла вероятность войны Турции с Болгарией и даже Австро-Венгрией, так как в Стамбуле были сильно раздражены австро-венгерской аннексией. В этих условиях царь считал, что самое главное — не допустить войны на Балканах. 15 декабря 1908 г. Николай II написал Вильгельму II письмо, в котором указывал, что «аннексия Австрией Боснии и Герцеговины вызвала в России взрыв негодования»². По мнению Государя, «единственная опасность политического положения в настоящий момент заключается в следующем: быть или не быть войне между Австрией и Сербией»³.

Царь сообщил кайзеру, что Россия успокоила правительства славянских государств. «Ты можешь себе представить, — продолжал Николай II, — в каком затруднительном положении я бы очутился, если бы Австрия напала на одно из этих малых государств». Государь просил Вильгельма II «во имя нашей давнишней дружбы» дать понять Вене, что война на Балканах «представляет опасность для европейского мира»⁴.

Вильгельм II тянул с ответом. Тем временем Николай II 17 декабря 1908 г. написал очередное послание императору Францу-Иосифу, в котором спрашивал: ограничится ли австрийская политика «той смутой, которую она уже причинила, или же мы находимся накануне осложнений, ещё более опасных для общего мира». Царь писал, что «по сведениям, которые до меня доходят, Твоё правительство принимает военные меры в таком масштабе, из коего можно предположить, что оно готовится к возможному в ближайшее время конфликту с Твоими южными балканскими соседями. Если подобное столкновение произойдёт, то оно вызовет в ответ большое воз-

¹ Задохин А. Г., Низовский А. Ю. *Пороховой погреб Европы*. — М.: Вече, 2000. С. 81.

² Император Николай II — императору Вильгельму II. 15 декабря 1908 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 422.

³ Император Николай II — императору Вильгельму II. 15 декабря 1908 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 422.

⁴ Император Николай II — императору Вильгельму II. 15 декабря 1908 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 423.

мушение не только на Балканском полуострове, но также и в России, и Ты поймёшь то особо трудное положение, в котором я окажусь. Избави нас, Боже, от подобной перспективы, которая положит конец всякой возможности сохранить хорошие отношения между Россией и Австро-Венгрией и может привести Европу к общей войне»¹.

В этом письме Государь был вынужден оправдывать действия Извольского, фактически признавая, что суть переговоров в Бухлау ему стала известна уже после свершившегося факта. Франц-Иосиф не преминул заметить это царю: *«Я не могу, мой дорогой друг, скрыть удивления, что предложения эти не были предварительно представлены на твоё утверждение и стали Тебе известны после свершившегося факта в форме неожиданного и несвоевременно сделанного сообщения»².*

Что касается Сербии и Черногории, то Франц-Иосиф заверил Николая II в том, что его поведение *«в отношении сербских стран продиктовано мне с осени моим долгом и предусмотрительностью. Я никогда не думал посягать на их независимое существование и не питаю никаких завоевательных стремлений, могущих причинить им вред»*.

Между тем германские верхи пытались воспользоваться ситуацией, чтобы, с одной стороны, успокоить Россию, а с другой — оторвать её от Антанты. 18/31 декабря 1908 г., во время новогоднего приёма в русском посольстве в Берлине, начальник Большого штаба генерал-фельдмаршал Г. фон Мольтке поздравил представителя царя графа И. Л. Татищева с наступающим новолетием. При этом Мольтке сказал: *«Желаю нам обоим, чтобы наступающий год протёк мирно. Нам с Россией делить нечего, и между нами нет таких причин, которые требовали нарушения наших добрых отношений. Увеличивать ваши владения вам нет надобности, а если бы мы*

¹ Император Николай II — императору Францу-Иосифу. 17 декабря 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 1127. Цит. по: Красный архив. Исторический журнал. — М.; Лг., 1925. Т. 3 (10). С. 49.

² Император Николай II — императору Францу-Иосифу. 17 декабря 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 1127. Цит. по: Красный архив. Исторический журнал. — М.; Лг., 1925. Т. 3 (10). С. 50.

отвоевали у вас Польшу, то создали бы себе большие внутренние хлопоты. Однако мы союзники Австрии и должны её поддерживать, но если бы война началась, и мы бы дрались с вами и Францией, то это была бы катастрофа, равняющаяся уничтожению европейской культуры. Исход войны никогда вперёд предусмотреть нельзя, и только одна Англия, которая в войне не приняла бы никакого участия, извлекла бы из неё существенную пользу»¹.

Молытке не знал, произнося эти речи, что ещё осенью 1908 г. царь знал о планах наступательной войны Германии против России².

9 января 1909 г. царь получил наконец ответ от кайзера Вильгельма на своё письмо от 15 декабря. Вильгельм II утверждал, что для Германии австрийская аннексия была столь же неожиданной, как и для России. Кайзер жаловался, что политика России *«постепенно всё более и более отклоняется от нас, всё теснее примыкая к комбинации держав, нам враждебным»*³. Вильгельм II объяснял «величайшую сдержанность» германского правительства к предложениям Извольского *«стремлением русской политики опереться на Англию и Францию»*, которое *«особенно проявилось во время теперешнего кризиса»*⁴. Главная мысль, которую Вильгельм II проводил в своём письме, заключалась в том, что если бы Россия обратилась с самого начала к Германии, то *«мы бы подали мысль о предварительных конфиденциальных переговорах между кабинетами. Такие переговоры доставили бы нам не один случай оказать России ценные услуги. Если бы Россия вовремя посоветовалась с нами, то дела не оказались бы в таком запутанном состоянии»*. Кайзер выра-

¹ И. Л. Татищев — императору Николаю II. 1 января 1909 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746 (1). Л. 17.

² Записка о распределении германских вооруженных сил в случае войны. 22 августа (5 сентября) 1908 г // РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 33. Л. 98–106; Сергеев Е. Ю. *Образ Германии в представлении военной элиты*.

³ Император Николай II — императору Вильгельму II. 9 января 1909 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 425.

⁴ Император Николай II — императору Вильгельму II. 9 января 1909 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 425.

жал уверенность, что Австрия не нападет на Сербию и что, несмотря на многочисленные серьезные затруднения, удастся уладить дело мирным путем.

О том, как на деле Вена и Берлин собирались «улаживать дело мирным путем», стало ясно в ближайшие месяцы. На антиавстрийское движение, поднявшееся в Сербии, Австро-Венгрия ответила военными приготовлениями. В январе 1909 г. Конрад и Эренталь активно обсуждали предстоящее нападение на Сербию. На совещании 21 декабря/4 января, по свидетельству Конрада, было признано необходимым решить конфликт с Сербией «силой оружия». *«Через каких-нибудь 2—4 года, — заявлял на совещании Эренталь, — Россия и Италия будут в состоянии прийти сербам на помощь. Тогда мы можем оказаться вовлеченными в войну с Россией и Италией и на Балканах одновременно. Этого во что бы то ни стало надо избегать»*¹.

Эренталь выдвинул план раздела Сербии между Австрией, Болгарией и Румынией². Тем не менее Вена не была готова одна начинать войну против Сербии из-за опасения русского вмешательства. Ключ от мирного решения конфликта лежал в Берлине, а не в Вене. Нужно было воздействовать на кайзера с тем, чтобы тот оказал давление на австрийские правящие круги. Николай II написал Вильгельму II 30 декабря/12 января 1909 г. очередное письмо. Царь пояснял, что Сербия и Черногория *«принадлежат к славянской расе и исповедуют ту же религию, что и мы. Вот почему национальное чувство России так всецело на их стороне. По отношению к Германии нет никакой враждебности»*. Николай II указывал кайзеру: *«Лишь Ты один в состоянии помочь нам всем, оказав дружеское воздействие на Вену в смысле смягчении курса её политики»*³.

Однако кайзер был глух к просьбам царя. Наоборот, Вильгельм всемерно поощрял агрессивные действия своего союзника. 13/26 февраля 1908 г. Германия оказала большую помощь Австро-

¹ Conrad von Hötzendorf. *Aus meiner Dienstzeit. 1906—1918*. Bd. 1—5. — Wien, 1921. Bd. 1. S. 138.

² История дипломатии. Т. 2. С. 195.

³ Император Николай II — императору Вильгельму II. 12 января 1909 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 427.

Венгрии в заключении договора с Турцией, по которому последняя, в обмен на 2,5 млн фунтов стерлингов, отказалась от своего суверенитета над Боснией и Герцеговиной¹. В январе—марте 1909 г. шла активная переписка между Мольтке и Конрадом о взаимодействии в случае начала войны Австрии с Сербией или Россией. Мольтке обещал австрийскому командованию военную помощь и в случае прямого нападения России на Австрию, и даже в том случае, если Россия вмешается в австро-сербский конфликт².

Весной 1909 г. Германия считала себя готовой вступить в войну, как против России, так и против Франции. Но для Берлина также было выгодно и то, если бы Россия отступила. Этим, по мнению германского руководства, она показала бы свою слабость и скомпрометировала себя в глазах балканских народов. Поэтому кайзер, Бюлов и Мольтке всячески подстрекали «военную партию» в Вене действовать решительнее. 7/20 февраля Эренталь известил Бюлова, что мобилизация и выступление против Сербии назначены на середину марта. Сербии будут предъявлены требования: отказаться от притязаний на компенсации, от протеста против аннексии и дать заверения, что она не питает агрессивных замыслов против Австро-Венгрии. Если Белград не удовлетворит этих требований, Австрия предъявит ему ультиматум, а в случае его отклонения последует война³.

Между тем в Думе и в прессе шла яростная кампания в поддержку Сербии. Газеты помещали самые провокационные сообщения, которые могли дать повод для австрийцев к эскалации конфликта. Так, «Русское слово» 10 февраля 1908 г. писало: *«Из Вены. Вчера отправлено на сербскую границу 50 000 солдат. В общем на границе Сербии расположено уже 200 000 человек. Ввиду намерения австрийского правительства удвоить число войск. На днях ожидается призыв запасных. В здешней печати циркулируют слухи, будто уверенность Сербии и ее вызывающий образ действий по отношению к Австрии объясняются негласным обещанием поддержки*

¹ История дипломатии. Т. 2. С. 196.

² Conrad von Hötzendorf. Op. cit. Bd. 1. S. 631.

³ История дипломатии. Т. 2. С. 197.

Россией на случай войны. По уверениям газет, в Петербурге победила дипломатическая партия, стоящая за активное вмешательство России в балканские дела»¹.

4/16 марта 1909 г. император Николай II писал Марии Фёдоровне: «Австрийские дела продолжают приносить всем большие неприятности. В пятницу вечером у меня соберётся Совет министров. Нужно потолковать о мерах, которые будет нужно принять у нас в случае войны Австрии и Сербии. Например, не позволять добровольцам ехать на войну, крепко держать газеты в руках, чтобы они не агитировали. Конечно, если на нас не нападут, мы драться не будем»².

Николай II как никто знал, насколько Россия, только-только начавшая выходить из последствий войны с Японией и смуты, не готова к новому военному противостоянию, да ещё с такими мощными державами, как Германия и Австро-Венгрия. Царь хорошо понимал, что Германия не только не содействует мирному разрешению конфликта, но, наоборот, всячески толкает Австро-Венгрию на войну. «Нам со всех сторон было известно, — писал Государь Марии Фёдоровне уже после событий, — что Германия совершенно готова к мобилизации. Против кого? Очевидно, что не против Австрии»³.

По мнению русского Главного штаба, основанного на анализе мобилизационных мероприятий Австро-Венгрии, последняя с января 1909 г. была готова вести войну против большой державы, под которой, безусловно, понималась Россия⁴.

26 февраля/9 марта Австро-Венгрия в ультимативной форме потребовала от Сербии признания аннексии Боснии и Герцеговины, открыто угрожая ей войной, демонстративно начала военные приготовления и сосредоточила свои войска на сербской границе. 28/12 марта на военном совещании эрцгерцог Франц-Фердинанд

¹ Русское слово. 10 февраля 1909 г.

² Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 4 марта 1909 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 75.

³ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 4 марта 1909 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 78.

⁴ Данилов О. Ю. Указ. соч. С. 141.

высказался за войну с Сербией, заявив, что она должна исчезнуть с карты Европы. Эрцгерцога поддержал Конрад фон Гётцендорф. 1/13 марта австро-венгерское правительство начало мобилизационные мероприятия, которые должны были закончиться к 27 марта по новому стилю¹.

На стороне Австро-Венгрии решительно выступила Германия. 8/21 марта 1909 г. посол Пурталес предложил русскому правительству «германское посредничество», которое фактически было ультиматумом России. Германия соглашалась повлиять на Австро-Венгрию не нападать на Сербию. За это от России требовали: заранее признать аннексию Боснии и Герцеговины, отказаться от требования созыва международной конференции по боснийскому вопросу и воздействовать на Белград, чтобы он принял условия венского кабинета. *«Мы ожидаем точный ответ — да или нет, — говорилось в послании Пурталеса, — всякий уклончивый, условный или неясный ответ мы будем вынуждены считать отклонением от нашего предложения. В таком случае мы бы отошли в сторону и предоставили бы событиям идти своим ходом; ответственность за все дальнейшие последствия пала бы исключительно на г. Извольского»*².

Извольский немедленно доложил о немецком ультиматуме Государю. Царь понимал, что в случае отказа от германских требований Россия неминуемо будет втянута в большую европейскую войну, к которой она не была готова. Действия Германии, а также имеющаяся оперативная информация убедительно доказывали, что она стремится к войне. Для России было жизненно важным предотвратить войну, что стало для царя приоритетной задачей. Особое совещание под председательством Николая II и при участии П. А. Столыпина, военного министра генерала А. Ф. Редигера, морского министра вице-адмирала С. А. Воеводского и А. П. Извольского сделало единодушный вывод: Россия в настоящий момент воевать не может. Поэтому Николай II 9/23 марта 1909 г. телеграфировал Вильгельму II, что Россия принимает

¹ Данилов О. Ю. Указ. соч. С. 147.

² Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 423.

германские требования. «Последнее предложение князя Бюлова, — писал Николай II кайзеру, — переданное нам через Пурталеса, вызывает, по-видимому, желание Германии найти мирный исход из настоящего затруднительного положения. Я этому сердечно рад и предписал Извольскому проявить полную готовность пойти ему навстречу. Надеюсь, что благодаря твоей сильной поддержке и твоему влиянию в Вене нам удастся благополучно уладить это осложнение»¹.

Однако ответ царя не означал однозначную капитуляцию перед Германией и Австро-Венгрией. В том же письме Николай II предупредил кайзера, что если он не окажет достаточного влияния на Австро-Венгрию и та начнёт войну с Сербией, то отношения России с германскими империями серьёзно ухудшатся. «Мы делаем и сделаем всё от нас зависящее, чтобы успокоить Сербию, — продолжал царь, — но Эренталь, со своей стороны, должен говорить в более примирительном тоне. [...] Мы слышим из Вены, что он и Эстергази², оба желают войны. Я не могу понять, что может выиграть Австрия при таком исходе; уничтожение Сербии не прибавит ей лавров, а материальных выгод принесёт ещё меньше. С другой стороны, если бы даже нам удалось локализовать войну, что будет нелегко, ввиду возбуждения, которое она вызовет в моём народе и в других местах, то последствием её было бы нарушение status quo на Балканах, а следовательно, наступление эры всеобщей тревоги и волнений в Европе. Во всяком случае, исчезнет всякая возможность какого-либо согласия между Россией и Австрией в будущем. [...] Окончательное отчуждение между Россией и Австрией безусловно повлияет также на наши отношения с Германией, и мне не нужно повторять тебе, как глубоко это меня огорчило бы»³.

Объясняя причины своего согласия на германские условия, Николай II сообщал Марии Фёдоровне: «На прошлой неделе у

¹ Император Николай II — императору Вильгельму II. 9 марта 1909 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 433—434.

² граф М. Эстергази, венгерский политический деятель, сторонник захвата Сербии Австро-Венгрией.

³ Император Николай II — императору Вильгельму II. 9 марта 1909 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 434.

меня состоялось заседание Совета министров по несносному вопросу о Сербии и Австрии. Это дело, тянувшееся уже 6 месяцев, сразу осложнилось для нас тем, что мы можем помочь делу и предотвратить войну, если мы дадим согласие на знаменитую аннексию, а если мы откажемся, последствия могут быть серьёзными и непредвиденными. Раз вопрос был поставлен ребром — пришлось отложить самолюбие в сторону и согласиться»¹.

Между тем германские империи настаивали на согласии Сербии с их условиями. В письме царю от 14/27 марта Вильгельм II окончательно отказался от участия в каком-либо посредничестве в достижении компромисса с Австрией. Более того, кайзер считал, что война между Австро-Венгрией и Сербией стала почти неизбежной. «Я убеждён, — отмечал он, — что даже сегодня правительство императора Франца-Иосифа хочет избежать принятия военных мер против Сербии, но я боюсь, что Австрия, в конце концов, будет вынуждена сделать это благодаря угрожающему поведению Сербии. Вследствие этого я бессилён оказать какое-либо давление на венское правительство»².

16/29 марта 1909 г. в Австро-Венгрии была объявлена частичная мобилизация. Пять корпусов были сосредоточены на сербской границе. 18/30 марта перед угрозой неминуемого военного поражения сербское правительство признало, что аннексия Боснии и Герцеговины не нарушает её прав. В Германии и Австро-Венгрии наступило всеобщее ликование, а в России и в Сербии — всеобщее возмущение. Как писал С. С. Ольденбург: «Русское общественное мнение было плохо осведомлено о ходе переговоров, и когда в газетах 14 марта появилось сообщение об австрийском вопросе всем участникам Берлинского договора и о заранее данном согласии России на аннексию, в печати и в думских кругах поднялась целая буря. Спрашивали — почему Россия всё время требовала международной конференции и теперь признала аннексию раньше, чем менее в этом вопро-

¹ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 4 марта 1909 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 78.

² Император Вильгельм II — императору Николаю II. 14/27 марта 1909 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 435.

се заинтересованные Англия и Франция? Писали о “дипломатической Цусиме”. Изображали происшедшее как унижительное поражение России»¹.

Николай II писал вдовствующей императрице, что «у нас в обществе не хотят понять, что вопрос стоял так грозно несколько дней назад! [...] Кроме дурных людей в России никто теперь не желает войны, а, по-моему, она была очень близка. Как только опасность её прошла, сейчас же начинают кричать, что мы унижены, оскорблены и т.п. Из-за слова “аннексия” наши патриоты готовы были пожертвовать Сербией, т.к. в случае нападения на неё Австрии мы не могли ей ничем помочь!»²

Несмотря на весь свой внешний эффект, победа германских империй в Боснийском кризисе была во многом мнимой. Присоединение к Австро-Венгрии двух провинций, чьё население было настроено враждебно к австрийскому царствующему дому, лишь ослабило империю Габсбургов. Русское влияние на Балканах не только не было подорвано, но, наоборот, принципиальное нежелание царя идти на сговор с Австрией способствовало поднятию авторитета России в Сербии и Черногории. Кроме того, этим балканским государствам, кроме России, не к кому было обращаться за помощью от австро-германских агрессоров.

Ф. Пургалес, получив через Извольского согласие России с германскими условиями, телеграфировал своему правительству: «Не исключено, что это поворотный пункт. Теперь наступит новая ориентация русской политики в смысле сближения с Германией»³. Но Пургалес жестоко ошибался.

Грубое вмешательство Германии в пользу Австро-Венгрии, полное игнорирование кайзером просьб Николая II о воздействии на Вену привели к резкому ухудшению русско-германских отношений. Государь пришёл к окончательному выводу о нежелании кайзера строить дружественные равноправные отношения с Рос-

¹ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 424.

² Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 4 марта 1909 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 78—79.

³ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 124.

сией. Вся дальнейшая политика Николая II в отношении Германии не несла в себе и тени дружественной откровенности. «*Формали приём германского правительства, — писал Николай II матери, — их обращение к нам, был груб, и мы этого не забудем!! Я думаю, что этим ещё раз хотели отделить нас от Англии и Франции, но опять это не удалось. Такие способы приводят скорее к обратным результатам*»¹.

Однако на самом деле Николай II был разочарован и в действиях Антанты, не оказавшей никакой помощи России. Тем не менее он понимал, что продолжать прежний курс балансирования между блоками становилось всё труднее. Причиной этому была заданность германских империй на войну, так ярко проявившаяся в дни Боснийского кризиса. Тем более что после отставки летом 1909 г. рейхсканцлера Б. фон Бюлова его место занял ненавистник России Теобальд Бетман фон Гольвег, ставший впоследствии одним из активных поджигателей Первой мировой войны.

---

¹ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 4 марта 1909 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 79.

Глава 3.

Николай II: «В этот исторический момент необходимо избегать всего, что может привести к войне...»

Встреча Николая II и кайзера Вильгельма II в шхерах (4/17—5/18 июня 1909 г.)

Боснийский кризис стал тревожным сигналом для России. Николаю II стало ясно, что Австро-Венгрия и стоящая за ней Германия, твёрдо встали на путь эскалации военной напряжённости. *«После Боснийского кризиса и военным, и дипломатам, и царскому правительству было ясно, что Германия никогда не допустит войны один на один России и Австро-Венгрии и царским войскам придётся противостоять армиям обоих государств»¹.*

Несмотря на это, Государь вскоре после завершения Боснийского кризиса предложил Вильгельму II встретиться в Бьёрке. Главной причиной, по которой Николай II стремился увидеться с кайзером, была крайне опасная для России политика Австро-Венгрии на Балканах. Военный агент в Вене полковник М. К. Марченко докладывал в ГУГШ в июле 1909 г.: *«Я беру на себя смелость утверждать, что Австро-Венгрия серьёзно готовится к разрешению в ближайшем будущем, с наибольшей для себя выгодой, балканского вопроса во всей его полноте, и первым этапом в этом направлении явился бы захват ею (при соучастии Болгарии) западной*

¹ Шаццлло К. Ф. *Россия перед Первой мировой войной.* — М.: Изд-во «Наука», 1974. С. 79.

части Сербии, обеспечивающий для Австро-Венгрии владение Боснией и дальнейшего движения её к Салоникам»¹.

Возникла реальная угроза захвата Австрией Проливов и утверждения её на Балканах. Ни первого, ни второго Россия допустить не могла. «*Поперек австро-германских путей, — отмечал генерал А. И. Деникин, — стояла Россия, с её вековой традицией покровительства балканским славянам, с ясным сознанием опасности, грозящей ей самой от воинствующего пангерманизма, от приближения враждебных сил к морям Эгейскому и Мраморному, к полуоткрытым воротам Босфора»².*

Но Россия никаких дипломатических рычагов воздействия на Вену не имела. Царю было известно, что Эренталь заявил германскому дипломату графу фон Чиршке, что Австро-Венгрия в настоящее время против каких-либо соглашений с Россией о Балканах³. Помощи ни от Франции, ни тем более от Англии в обуздании Австрии ждать не приходилось. Таким образом, в ближайшей перспективе России угрожала война в одиночку с Австро-Венгрией, причём война эта тут же бы обернулась войной и с Германией. Поэтому Николай II стремился создать на Балканах военно-политический блок, который затруднял бы Австро-Венгрии её продвижение в глубь полуострова.

Николай II рассчитывал в личной встрече убедить кайзера оказать давление на Вену относительно её дальнейшей политики на Балканах в обмен на гарантию нейтралитета России в случае англо-германской войны. Николай II написал кайзеру письмо с предложением о встрече. Одновременно он попросил германского морского атташе фон Гинце передать кайзеру на словах, что во время встречи он собирается обсудить с ним с глазу на глаз важнейшие вопросы двусторонних отношений.

Вильгельм II, однако, воспринял приглашение царя как продолжающуюся после Боснийского инцидента капитуляцию Рос-

¹ Полковник М. К. Марченко в ГУГШ. 18/31 июля 1909 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 674. Л. 99–100.

² Деникин А.И. *Путь русского офицера*. — М., 1990. С. 222.

³ Астафьев И. И. Указ. соч. С. 216.

сии. «Об этом я не смел и мечтать, — воскликнул Вильгельм, получив письмо Николая II. — Это превосходит всё, что я ожидал!»¹ Кайзер сказал своему канцлеру Бюлову: «Боснийский вопрос Вы великолепно обделали!» Эта фраза доказывает, что кайзер увязывал предложение царя о встрече с неудачей русской дипломатии на Балканах. Вильгельм II и Бюлов решили, что царь готов полностью изменить свою политику и развернуться в сторону Германии. Сам кайзер ни на какие уступки России идти не хотел, а саму встречу рассчитывал использовать исключительно для демонстрации силы и закрепления достигнутого в 1908 г. дипломатического успеха.

Перед отъездом Вильгельм проинструктировал статс-секретаря МИДа В. фон Шёна, который должен был его сопровождать и на которого ложилась главная тяжесть ведения переговоров с русскими. Согласно этой инструкции, Шён должен был руководствоваться следующим: 1) не затрагивать вопроса о Дарданеллах. Если русские заговорят, сослаться на то, что это европейский вопрос, и позиция Германии будет зависеть от дальнейшего развития русско-германских отношений; 2) в случае жалоб русских на Австрию вздыхать или улыбаться, смотря по их интенсивности, пожимать плечами, но не соглашаться; 3) постоянно подчёркивать традиционные дружественные русско-германские отношения как опоры монархического порядка в мире. «Союз трёх императоров» остаётся германским идеалом, но пусть русские сами выступают с этим предложением. Германия не может теперь пойти на сепаратное соглашение с Россией — только вместе с Австрией; 4) если русские будут изображать положение в Турции непрочным и не поддающимся учёту, не противоречить, но сами турецкие события обсуждать спокойно; 5) ни слова не говорить против Англии, так как это тотчас же было бы передано туда и лишь укрепило бы русских в их склонности к Англии; 6) Германия не думает выступать против русских в Персии или где-нибудь на Востоке. Персидские события её не интересуют; 7) не рекомендуется слишком часто возвращаться к событиям минувшей зимы. Если рус-

¹ Bülow B. von. Op. cit. T. 2. P. 221.

ские заговорят, сказать: «Мы были лояльны по отношению к Австро-Венгрии, честно-дружественны — к России; мы постоянно желали мира». К Бьёрке ни в коем случае не возвращаться¹.

Из этой инструкции понятно, что единственное, чего хотела Германия добиться от встречи с Николаем II, это реанимации «Союза трёх императоров», который в условиях 1909 г. означал неравноправное и кабальное положение России в германо-австрийском блоке.

Встреча Николая II и кайзера Вильгельма состоялась 4/17–5/18 июня 1909 г. в местечке Виролахти, в 8 км от границы с Россией и 200 км от Петербурга. Государя сопровождали П. А. Столыпин и А. П. Извольский, германского императора — В. Шён, Ф. Пурталес и П. Гинце. Встреча эта прошла безрезультатно и закончилась ничем. Шён монотонно повторял пункты данной ему инструкции. Сам кайзер почти всё время молчал, что было ему совсем несвойственно. На неоднократные попытки Извольского поднять вопрос о недопустимом поведении Австрии немцы отвечали отговорками. На заявление русского министра о том, что «*русско-английское соглашение не имеет никакого общего характера и никоим образом не направлено против Германии*», немецкая сторона никак не прореагировала. Не произвели впечатления на кайзера и слова Николая II о том, что он даёт «святое слово», что с какими бы требованиями во время его визитов в Англию он ни столкнулся, он не пойдёт «*на то, что было бы направлено против Германии или исходило бы из направления против Германии*»².

Из общего разговора с германской делегацией Николай II сделал вывод, что Берлин не собирается идти навстречу России по вопросу сдерживания Австро-Венгрии. Одной из главных причин этого нежелания было стремление Германии самой закрепиться с помощью Вены на Балканах, а оттуда усилить своё влияние в Турции, развернув продвижение в Персию, зону русско-английских интересов. В таких условиях всякая попытка России начать переговоры о соглашении с Германией теряла всякий смысл.

¹ Астафьев И. И. Указ. соч. С. 210–211

² Die Große Politik. Bd. 26. S. 823

Встречи Николая II с президентом Франции А. Фальером в Шербуре и королём Эдуардом в Коузе (июль 1909 г.)

После неудачной встречи с Вильгельмом II Государь направился в Шербур для встречи с французским президентом А. Фальером. Цель была той же, что и в переговорах с кайзером: создание противовеса Австрии и Германии на Балканах. Между тем французов раздражало то обстоятельство, что Николай II вёл переговоры с кайзером, не ставя их заранее в известность. Для Парижа было лучше, если бы царь вообще отказался от активной политики на германском направлении. Когда 10/23 июля 1909 г. императорская яхта «Штандарт» оказалась вблизи Шербура, её встречали боевые суда французского флота. Флаг-капитан яхты «Штандарт» адмирал К. Д. Нилов писал: *«Бросилось в глаза название броненосца, избранного французами для салюта: Democratie. Неужели они не могли сделать более удачного выбора?»*¹

Главной темой переговоров царя с президентом и Извольского с Пишоном было обсуждение русско-французских отношений во время Боснийского кризиса и мер, которые следовало бы принять, чтобы не дать Австро-Венгрии создать новый кризис. Устами Пишона Россия получила от Франции отказ в поддержке её усилий на Балканах. *«Франция, — заявил Пишон, — находится по отношению к Австрии и России примерно в таком же положении, как Россия по отношению к Германии и Франции. Как русское правительство старается в интересах мира сохранить как можно лучшие отношения с германским правительством, так и Франция старается с той же целью поддерживать сколь можно дружественные отношения с австро-венгерским правительством»*².

Все попытки Извольского выяснить, какими средствами Франция и Россия совместно с Англией *«могли бы сохранить ин-*

¹ Адмирал К. Д. Нилов — морскому агенту во Франции лейтенанту С. С. О церемонии встречи императора Николая II в Шербуре. 10 июля 1909 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2429. Л. 2.

² Астафьев И. И. Указ. соч. С. 217.

тересы балканских народов и предотвратить внезапное открытие восточного вопроса», ни к чему не привели.

Из встречи с французскими верхами Николай II сделал вывод, что на них, как и на германское руководство, рассчитывать в деле сдерживания Австрии на Балканах нельзя. Кроме того, французы постоянно намекали, что любые договорённости по этому поводу возможны только в том случае, если Россия прекратит военно-политическое сотрудничество с немцами. То есть позиция Франции мало чем отличалась от позиции её главного потенциального противника — Германии. Но, как и в случае с кайзером, Николай II дал понять французскому правительству, что Россия свободна в своих отношениях с любой державой.

Нежелание Германии идти на соглашения с Россией заставляли Николая II идти на более тесное сотрудничество с Англией. В этом он находил встречное движение у тогдашнего английского руководства. Военный агент в Лондоне генерал-лейтенант Н. С. Ермолов докладывал в Главный штаб, что *«уже ко времени Ревельского свидания у Великобритании было желание идти дальше англо-русского соглашения, заключённого в 1907 г., и, быть может, заключить с нами нечто вроде военно-морской конвенции на случай войны с Германией. Я думаю, что такое желание продолжается у англичан и теперь»*¹. Ермолов задавал вопрос: *«Если бы такая конвенция была заключена, не сильнее ли бы мы оказались перед лицом Босне-Герцеговинского кризиса, поддержанного Германией»*.

Но Англия всё же не стремилась к союзу с Россией. Обмен визитами между царём и королём рассматривался правящими кругами Англии исключительно как сдерживающий фактор для Германии. Лондон считал, что, так же как и в эпоху «блестящей изоляции», он по-прежнему не нуждается в союзниках. Но, в отличие от политики «блестящей изоляции», англичане делали вид, что они заинтересованы в союзнических отношениях, тем самым пытаясь пугать Германию своим возможным блоком с Россией.

Тем не менее в Лондоне опасались, что при таких стреми-

¹ Н. С. Ермолов – А. З. Мышлаевскому. 15/28 апреля 1909 г. // РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Д. 912. Л. 259.

тельных темпах экономического роста, с каким развивался кайзеровский рейх, и при таких амбициях его монарха Англии рано или поздно придётся столкнуться с Германией в военном противостоянии при отсутствии союзников. В этом плане Англия находилась в ещё более опасном положении, чем Россия, так как русско-французская конвенция предусматривала военную взаимопомощь, а англо-французская — нет. Поэтому Николай II в вопросе сдерживания Австро-Венгрии на Балканах всё-таки в известной степени рассчитывал на Великобританию.

Накануне прибытия царской четы в Англию сэр Э. Грей заявил в парламенте, что *«мы встретим царя как главу великого государства, с правительством и народом которого желаем находиться в дружественных отношениях»*¹.

Царская семья прибыла в Великобританию после встречи с французским президентом 20 июля 1909 г. Встреча Николая II и Эдуарда VIII по инициативе англичан носила неофициальный характер семейного отдыха. Чтобы подчеркнуть этот момент, местом её проведения был выбран не Лондон, а небольшой остров Коуз.

Августейшим гостям продемонстрировали мощь британского флота в составе 24 линкоров, 16 броненосных крейсеров, семи дредноутов и других военных кораблей. Парад произвел на царя, по его собственным словам, «глубокое впечатление». *«На общем протяжении 18 миль стоял английский флот в 5 линиях. Всех судов было 150 с подводными лодками и вспомогательными судами. Обошли три средние колонны больших кораблей»*, — записал Николай II в своём дневнике вечером 20 июля 1909 г.² Король Эдуард на торжественном обеде поспешил заявить, что он надеется, что царь будет воспринимать *«самый могущественный и сильный флот из всех когда-либо собиравшихся»* «не как символ войны, а как на защиту нашего побережья, нашей торговли и, что выше всего, — как на средство для поддержания интересов мира»³. В своей речи король

¹ P. D. House of Commons. Vol. 13.

² Дневник императора Николая II. Запись за 20 июля 1909 г. // ГА РФ. Ф. 601. Д. 252. Л. 78.

³ Речь. 22 июля. 1909 г.

напомнил, что он «в этом году имел случай принимать представителей Государственной думы, и не нужно говорить, какое удовольствие это доставило мне и королеве».

Ответная речь Николая II отличалась особой сердечностью: «15 лет прошло с того времени, когда я в последний раз был в Коузе. Я всегда храню в памяти счастливые дни, проведенные с вашей возлюбленной и чтимой матерью, королевой Викторией, и любовь, которую она проявила по отношению ко мне как к внуку». Николай II вспомнил о «дружественном приёме, оказанном Вашим Величеством и Вашим народом членам Государственной думы»¹.

Эти упоминания Государственной думы в тостах обоих монархов должны были оказать определённое воздействие на либеральную часть английского общества и помочь британскому правительству, выдерживающему сильный напор критики за приглашение в Великобританию царя.

На следующий день Николай II на борту своей яхты принимал Э. Грея. Император отметил глубокое удовлетворение итогами англо-русской конвенции по Персии, хотя и не выразил желания заключить новое соглашение, которое бы теснее связало державы. Согласно англо-русской конвенции о разделении сфер влияния в Персии, российская торговля была сосредоточена в северных и северо-западных областях, торгово-разделительная линия с Англией проходила несколько южнее Исфагана. Строительство Германией Багдадской железной дороги всерьёз обеспокоило российское и британское правительства. Царя, в общем, не очень беспокоило торговое присутствие Германии в Персии. Но он понимал, что «за немецкими товарами выступает политическое влияние самой Германии, к этому уже нельзя отнестись так же равнодушно, и вопрос об окончании Багдадской дороги становится гораздо острее»².

Грей попытался прозондировать почву по поводу вывода русских войск из Северной Персии, однако получил отпор Нико-

¹ Речь. 1908 г. 22 июля.

² Федоров М.П. *Реальные основы современной политики*. — Спб., 1909. С. 130.

лая II. Впрочем, особо Грей на этом не настаивал. Более того, пообещал поддержать в Тегеране требования России о гарантии её интересов в Северной Персии.

21 июля А. П. Извольский дал интервью «Дейли Телеграф», в котором отметил, что *«Персия является наглядным доказательством выгод англо-русского соглашения. Россия и Англия научились относиться друг к другу с доверием и могут ныне обратить внимание на защиту своих интересов в этой стране, которая ничуть не является препятствием на пути национальной политики Персии и ее политического развития. Присутствие русских войск спасло Тегеран и Табриз от разгрома»*¹.

Англия была заинтересована и в расширении торговых связей с Россией. Британская газета «Стандарт» писала: *«Англии нужны сырые материалы для ее фабричного производства. Россия со своими лесными и минеральными богатствами могла бы выбрасывать на английский рынок бесчисленное количество этих материалов, если бы её естественные богатства полностью эксплуатировались»*².

Исходя из этой заинтересованности Англии, Николай II принял депутатов с адресами из лондонского Сити и торговой палаты.

Однако, несмотря на торжественные обеды, тосты о дружбе и присутствие царя на гонках королевского яхт-клуба, добиться от англичан четкой позиции по Балканскому вопросу русская делегация не смогла. Было ясно, что Лондон не намеревается оказывать помощь России ни в какой форме.

Таким образом, встретившись летом 1909 г. с представителями трёх ведущих держав Европы, Николай II сделал вывод, что союзников у России в Балканском вопросе нет. Это представляло для империи большую опасность, ибо Государь хорошо понимал, что для России война начнётся именно с Балкан.

Встрече Николая II с королём Эдуардом в Коузе суждено было стать последней: 23 апреля/6 мая 1910 г. король Эдуард VII скончался. На престол вступил его сын — король Георг V.

¹ Daily Telegraph, Aug. 5. 1909.

² Речь. 22 июля 1909 г.

Переговоры Николая II и итальянского короля Виктора-Эммануила III в Раккониджи (10/23—11/24 октября 1909 г.)

Готовя аннексию Боснии и Герцеговины, барон Эренталь обманул не только одного А. П. Извольского. Второй его жертвой стал министр иностранных дел Итальянского королевства Томмазо Титтони. Во время переговоров с Титтони в Зальцбурге австрийский министр ввёл последнего в заблуждение, точно так же как в своё время Извольского в Бухлау. Эренталь утверждал, что в Зальцбурге он получил от Титтони согласие на аннексию Боснии и Герцеговины. Возмущённый итальянский премьер писал Эренталю: *«При наших переговорах в Зальцбурге вы мне сказали, что, с вашей точки зрения, проблема Боснии и Герцеговины должна быть решена между Австро-Венгрией и Турцией, не нося международного характера. Но вы не сообщили мне о вашем намерении осуществить аннексию. Я не считал её ни вероятной, ни близкой и поэтому не высказывался на этот счёт»*¹.

Раздражение итальянского правительства действиями Австро-Венгрии, а также та бесцеремонность, с которой австрийцы и немцы проигнорировали итальянские интересы в регионе, побудили Николая II попытаться отколоть Италию от Тройственного союза. В условиях, когда все великие силы отказывались оказать содействие России в обуздании Австро-Венгрии, Италия могла хоть в какой-то мере такое содействие оказать.

*«Сближение России с Италией, — писал А. П. Извольскому посол в Берлине Н. Д. Остен-Сакен, — произошло самым естественным образом. Его ускорило присоединение Боснии и Герцеговины. Не случись этого факта, сближение всё равно имело бы место, только несколько позже»*².

У Италии, как и у России, была общая цель — не допустить дальнейшего расширения Австро-Венгрии на Балканах. России

¹ История дипломатии. Т. 2. С. 194.

² Н. Д. Остен-Сакен — А. П. Извольскому. 3 ноября 1909 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.

было важно обезопасить Проливы, а Италия стремилась присоединить к себе в Африке Триполитанию, в Европе — Албанию, на которую имела виды Австро-Венгрия, а также Триест и Трентино, входившие в состав Австро-Венгрии. Таким образом, налицо был предлог для конфликта между Италией и Австрией. Россия не преминула этим воспользоваться.

Италия, кроме обиды на Австрию, была недовольна также и Германией, которая без энтузиазма относилась к планам Италии отвоевать у Турции Ливию. Рим хотел получить от Петербурга гарантии нейтралитета в своей будущей войне с Турцией.

Исходя из этого, Николай II рассчитывал, что соглашение России с Италией могло затруднить дальнейшую для Австро-Венгрии возможность придерживаться на Балканах политики экспансии.

16 сентября 1909 г. Извольский направил послу в Риме князю Н. С. Долгорукому доверительное письмо, в котором он рекомендовал в беседе с итальянским министром не подвергать острой критике австро-венгерский кабинет, *«дабы окончательно не оттолкнуть от соглашения с нами г-на Титтони, который, хотя и стремится сблизиться с Россией, но все-таки в довольно значительной степени связан союзными отношениями с Австро-Венгрией и на которого я опасался воздействовать без надлежащей постепенности и осторожности».*

Через пять дней князь Долгорукий телеграфировал из Рима: *«По отношению Проливов Титтони ручается, что симпатии Италии будут на стороне России, если бы к разрешению этого вопроса приступили державы, но не может, не запросивши Совета министров письменно в сем обязаться, пока не последует на то предварительное согласие Турции и в особенности Англии».* Князь считал особенно благоприятным то обстоятельство, что свидание Извольского с Титтони состоится прежде приезда туда германского рейхсканцлера Бетмана фон Гольвега. Оно, несомненно, внушит Титтони больше твердости в возможных переговорах его с немцами.

Переговоры русских и итальянских дипломатов создавали предпосылки для организации визита императора Николая II в Италию. Царь хотел встретиться с королём Виктором-Эммануилом III и закрепить общий политический курс России и

Италии на Балканах. Встреча с итальянским королём должна была носить демонстративно антиавстрийский характер. В конфиденциальном разговоре с британским послом Извольский утверждал, что Государь был сильно оскорблен действиями Австро-Венгрии в начале года и что он не желал проезжать через территорию этой страны. 27 сентября 1909 г. Николай II писал вдовствующей императрице: *«Поездка выходит длинная, но иначе нельзя, так как я ни за что не проеду через Австрию»*¹.

10/23 октября 1909 г. императорский поезд остановился на вокзале итальянского города Раккониджи, где находилась резиденция короля Италии. Газета «Новое время» писала об обстоятельствах прибытия императора Николая II в Раккониджи: *«Погода превосходная. В городе царит радостное настроение. В час двадцать восемь минут Императорский поезд подходит к дебаркадеру. Государь Император при выходе из вагона приветствуется королем. Встреча носит самый сердечный характер. Монархи облобызались. После приветственной речи мэра и представления должностных лиц монархи вышли на перрон вокзала. В занятый войсками вокзал были допущены лишь журналисты, которым и удалось первыми прокричать "ура" в честь Царя. В экипажах Царский кортеж проследовал в замок. Население настроено восторженно. Город улыбается. Приняты чрезвычайные меры охраны, оказавшиеся совершенно излишними»*².

Посещение Николаем II Италии длилось два дня, в ходе которых царь и король определяли главные направления взаимодействия двух стран на Балканах, а Извольский и Титтони обсуждали технические стороны предстоящего соглашения. Извольский заявил Титтони о своем недоверии к Вене и высказал опасение, что она, освободившись от внутренних раздоров, может проявить стремление двинуться дальше к югу. Он объяснил, что Россия проявила стремление сохранить территориальный status quo на Балканском полуострове, а также привести различные балканские государства к взаимному соглашению. Титтони согласился на со-

¹ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 27 сентября 1909 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330 а.

² Новое время. 11 октября 1909 г.

действие Италии поддержанию территориального статус-кво. Извольский считал, что уверения, которые он получил от Титтони, стоили длинного путешествия по железной дороге до Раккониджи. Обе страны обещали «благожелательно относиться» к интересам друг друга.

В достигнутом соглашении обе стороны обязались сохранять status quo на Балканах и обеспечивать независимое существование малых стран региона. *«В случае каких-либо изменений на полуострове стороны обязались настаивать на применении принципа национальности путем развития Балканских государств и исключения какого-либо иностранного господства. Предусматривалось совместное дипломатическое противодействие всяким акциям, противоположным этим целям».*

Стороны обязались также не заключать новых соглашений по делам Европейского Востока без привлечения к этому друг друга. Россию и Италию объединяло отрицательное отношение к австро-германской экспансии на Балканах. Российская дипломатия делала упор на защиту прав малых стран региона.

Следующий важный аспект соглашения касался Турции. Титтони обещал Извольскому благожелательное отношение своего правительства к русским интересам в вопросе о Проливах в обмен на аналогичное обязательство по отношению к итальянским интересам в Триполи и Киренаике. *«Италии, игравшей на противоречиях ее союзников и Антанты, легче было реализовать свою часть договоренности, нежели России решить самый сложный международный вопрос о Босфоре и Дарданеллах».*

Российская дипломатия стремилась использовать любую возможность, которая хотя бы в малой степени сулила желательные перемены в статусе Проливов. Однако решить проблему Проливов при поддержке одной Италии стало невозможно. 29 сентября/12 октября князь Долгорукий телеграфировал из Рима Извольскому: *«За короткое время моего пребывания в Риме я не мог не заметить значения, которое здесь придают мнению Англии в делах Балканского полуострова. Не раз мне случалось слышать в течение переговоров, что если последует согласие Англии, то успех известного дела можно считать обеспеченным. И ныне вновь пришлось убедиться, что ключ*

к Проливам находится все-таки в руках Сен-Джемского кабинета. Если нам удастся заручиться его согласием, то нам не следует опасаться какого-либо противодействия со стороны Италии; не добившись же согласия Англии, мы в лучшем случае получим от г. Титтони лишь составленную в общих выражениях формулу, которая положительной опоры не может дать».

Вместе с тем соглашение в Раккониджи было весьма значимо для России. Фактически можно было говорить о создании итало-русского союза, направленного против Турции и Австро-Венгрии, и это при том, что Италия являлась членом Тройственного союза! Русско-итальянское сближение, дополняя франко-итальянское, отдаляло Рим от Тройственного союза и приближало его к Антанте. Важное значение имело установление добрых отношений между двумя монархами. Король Виктор-Эммануил позже писал царю: *«Твой визит в Раккониджи мы вспоминаем с таким удовольствием и часто думаем об прекрасных днях»*¹. Посол России в Риме князь Долгорукий сообщал Извольскому 27 октября/9 ноября 1909 г.: *«Приезд Государя Императора в Ракониджи, являясь событием в международной жизни, вызвал многотысячные отзывы итальянской прессы, судя по которым, встреча русского Императора с королём Италии произвела радостное впечатление во всех слоях населения»*².

Николай II добился от короля согласия на создание большого православного центра в Бари, где покоятся мощи святителя Николая. 12 мая 1911 г. в рамках Императорского Палестинского православного общества был учрежден Барградский комитет под Высочайшим покровительством императора Николая II, внесшего 10 тыс. рублей. Виктор-Эммануил писал Государю: *«Я только что получил сведения от городских властей Бари по поводу гостиницы для русских паломников, которые приезжают к нам для поклонения гробнице святого Николая, епископа Мирликийского. Я лично*

¹ Король Виктор-Эммануил III — императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1198. Л. 4.

² Н. С. Долгорукий — А. П. Извольскому. 27 октября/9 ноября 1909 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 65. Л. 8.

займусь этим делом, о котором ты меня просил, и сделаю всё от меня возможное»¹. В октябре 1911 г. королевским декретом было дано разрешение на строительство в Бари русского подворья и храма. 30 мая 1912 г. общий проект подворья был представлен его автором архитектором А. В. Щусевым императору Николаю II и им одобрен. 22 мая (в день перенесения мощей святителя Николая) 1913 г. состоялась торжественная закладка подворья. На строительный участок, украшенный государственными флагами России и Италии, прибыли городской глава Бари и президент провинции Апулии (католическое духовенство в церемонии закладки участия не приняло, как прежде во Флоренции). Была получена телеграмма от Государя, в которой он благодарил итальянские власти и строителей и желал «успешного окончания постройки храма»². С началом Первой мировой войны строительство подворья не прекращалось и было завершено к двадцатым годам XX в.

Николай II хотел пожаловать пятилетнему сыну Виктора-Эммануила, наследному принцу Умберто, знаки ордена Андрея Первозванного, но король посчитал, что принц ещё слишком маленький, и орденом был награждён генерал Бузати³.

12 октября 1909 г. Николай II выехал из Раккониджи. «Отбытие Государя Императора, — сообщала газета «Новое время», — совершилось при восторженной манифестации населения. Русский Государь и король Италии были видимо тронуты взрывом народного восторга по их адресу. Историческое свидание Монархов навсегда оставит блестящую страницу в русско-итальянских отношениях»⁴.

Соглашение в Раккониджи можно считать успешным ответом германской дипломатии со стороны России. Это, конечно, не был реванш за Боснийский кризис, но серьёзный дипломатический

¹ Король Виктор-Эммануил III — императору Николаю II. 20 марта 1911 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1198. Л. 6–7.

² Святая Русь и Италия у мироточивой гробницы Святителя Николая Мирликийского в Бар-граде / Сост. А. Дмитриевский и В. Юшманов. — Пг., 1915.

³ Новое время. 13 октября 1909 г.

⁴ Новое время. 13 октября 1909 г.

выигрыш, который стал залогом того, что в августе 1914 г. Италия не вступила в войну вместе с Тройственным союзом, а, наоборот, в 1916 г. примкнула к Антанте.

Английская *The Times* писала в эти дни, что визит в Италию русского императора является событием гораздо большего политического значения, чем обычный обмен любезностями между коронованными особами.

Встреча в Ракониджи не осталась без внимания Германии и Австрии. Особенно неприятное впечатление она произвела в Австро-Венгрии. Князь Л. П. Урусов сообщал из Вены 14/27 октября 1909 г.: *«Свидание Его Императорского Величества с королём Виктором-Эммануилом в Ракониджи и проезд Государя Императора мимо австро-венгерской территории вызвал здесь, несомненно, сильную досаду»*¹.

Отныне в Берлине и Вене не могли более безоговорочно надеяться на верность Италии Тройственному союзу. Кадетская газета «Речь» отмечала, что Германия, *«таксируя»* свою союзницу очень низко, теперь задумалась над ролью и положением Италии в Тройственном союзе и над тем, как могло бы быть это положение исправлено и в исправленном виде упрочено. Впрочем, успокаивая союзников, Италия дала им торжественное заверение, что обе стороны ни о чем в Ракониджи не договаривалась, кроме как *«о похвальном желании Италии и России сохранять статус-кво на Балканах и предоставить балканские государства их нормальному и мирному развитию»*².

Встреча Николая II с кайзером в Потсдаме (октябрь/ноябрь 1910 г.)

15/28 сентября 1910 г. Николай II уволил всё ещё значащегося в должности главы МИДа А. П. Извольского. В письме П. А. Столыпину от 8/21 сентября 1910 г. Извольский сообщал из Франкфурта, где он находился на лечении, что *«Государь Император со-*

¹ Депеша князя Л. П. Урусова из Вены 14/27 октября 1909 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 55. Л. 2.

² Фэй С. *Происхождение Первой мировой войны*. Т. 1. М.; Л., 1934. С. 285.

благоволил снизить на моё ходатайство об увольнении меня от должности министра иностранных дел и в то же время назначить меня на только что освободившийся пост в Париже»¹. А. П. Извольский сменил в должности посла, скончавшегося А. И. Нелидова.

Указом императора управляющим министерством был назначен С. Д. Сазонов. Столыпина волновало, что Государь поедет на предстоящую встречу с кайзером в Потсдам без министра иностранных дел. «Я несколько смущён тем, — писал Столыпин Извольскому, — что свидание в Потсдаме произойдёт в отсутствие министра иностранных дел. Ввиду чрезвычайно деликатных отношений наших к Германии напрасно, кажется, не вызвали для этого Сазонова. Он вступит в управление министерством, имея за собой разговоры или переговоры, ему неизвестные»².

Однако Столыпин беспокоился напрасно. 22 сентября 1910 г. Николай II, который находился с семьёй в Дармштадте в замке Вольфсгартен, владении императрицы Александры Фёдоровны, сообщил Столыпину, что решил назначить министрами С. Д. Сазонова и Л. А. Кассо (народного просвещения). «Дай Бог, чтобы они оправдали своё назначение»³, — подчеркнул царь.

Со слов самого Сазонова, «Государь сказал мне, что остановил свой выбор на мне, потому что в довольно продолжительные сроки моего управления министерством успел со мной познакомиться в достаточной мере и что он надеется, что за время моего пребывания в Петрограде⁴ я уже успел подготовиться к занятию должности министра»⁵.

¹ А. П. Извольский — П. А. Столыпину. 8/21 сентября 1910 г. // АВП РИ. Ф. 340. Оп. 835. Д. 43. Л. 1.

² П. А. Столыпин — А. П. Извольскому. 21 сентября 1910 г. // АВП РИ. Ф. 340. Оп. 835. Д. 43. Л. 7.

³ Император Николай II — П. А. Столыпину. 22 сентября 1910 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 5. С. 122.

⁴ С. Д. Сазонов писал свои воспоминания после Первой мировой войны и придерживался названия столицы Российской империи, данной ей в 1914 г.

⁵ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 27.

8 ноября 1910 г. назначение С. Д. Сазонова на должность министра иностранных дел было утверждено Николаем II. Однако при встрече с царём в Потсдаме Сазонов попросил утвердить это назначение при возвращении в Россию. *«Государь, объявляя мне свою волю относительно моего назначения министром, — писал Сазонов, — сказал мне, что он желает сделать его тотчас же, чтобы придать больший вес моим переговорам с германскими министрами. Я просил его отложить мое назначение до возвращения в Россию, потому что мне не хотелось дебютировать в качестве министра на берлинской сцене. Я полагал, что мне не следовало связывать мое первое официальное появление за границей с посещением Германского двора, чтобы не дать нашим союзникам ложного впечатления о моей политической ориентации»*¹.

Николай II согласился с мнением Сазонова, и его утверждение в ранге министра состоялось позже. Сазонов был дипломатом с большим стажем. Французский посол Ж. Луи писал, что Сазонов импонировал Николаю II своими дипломатическими заслугами и чёткостью своих действий. *«Насмешливый в отношении Вильгельма II, — писал Луи, — испытывающий антипатию к Австрии, Сазонов всё время говорил о Франции с симпатией»*². Решающим доводом при выборе Сазонова, по мысли французского посла, было его родство с П. А. Столыпиным (Сазонов был женат на его сестре).

Однако, разумеется, вовсе не особые симпатии к Франции побуждали Николая II назначить Сазонова, и уж точно не его антипатия к германским империям. Наоборот, он был призван царём добиться улучшения отношений с Германией и Австро-Венгрией при сохранении дружественных отношений с Францией и Англией. То есть Сазонов должен был проводить ту же линию, что и Извольский, только гораздо более осторожно и взвешенно. Сазонову это было делать легче, чем кому-либо другому, так как он долго проработал под началом Извольского в Ватикане, а с мая 1909 г. — в МИДе.

Несмотря на то что Сазонов должен был продолжать в главных

¹ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 37.

² Les carnets de Georges Louis. T. 1. P. 27.

направлениях курс Извольского, в МИДе была проведена серьёзная чистка и почти все сотрудники Извольского смещены со своих должностей.

Практически сразу же после своего назначения Сазонов получил от Государя приказание прибыть к нему в Вольфсгартен, для того чтобы сопровождать его во время предстоящей встречи с германским императором в Потсдаме.

15/28 октября 1910 г., буквально накануне отъезда Сазонова в Дармштадт, в Петербурге было созвано Особое совещание для обсуждения возможного соглашения с Германией¹. Совещание пришло к выводу, что переговоры с германской стороной должны носить «*лишь очень общий характер*» и желательно не связывать себя «*никакими определенными обещаниями*»². На основании такого решения некоторые исследователи утверждают, что Сазонов во время переговоров в Германии был лишён Особым совещанием полномочий для ведения действительных переговоров³. Не учитывается очевидный факт, что Сазонов находился в Потсдаме и Берлине под непосредственным руководством самодержавного императора, а потому выводы Особого совещания для министра могли играть только рекомендательную роль.

Николая II не покидало стремление несмотря ни на что договориться с императором Вильгельмом. Он видел, что мир быстрыми шагами идёт к войне. Россия всеми силами пыталась её остановить. К 1911 г. страна уже вполне оправилась после русско-японской войны и смуты. Хотя оставалось немало нерешённых вопросов и проблем, русская экономика уверенно шла вперёд, претендуя за 10–15 лет выйти в мировые лидеры по многим отраслям.

Но для обеспечения своего дальнейшего успешного развития России был нужен внешний и внутренний мир. П. А. Столыпин писал А. П. Извольскому: «*Нам нужен мир: война в ближайшие годы, особенно по непонятному для народа поводу, будет гибельная*

¹ Астафьев И. И. Указ. соч. С. 241.

² Лиманская Т. О. С. Д. Сазонов (министр иностранных дел 1910–1916 гг.) // Дипломатический вестник. Ноябрь 2001 г.

³ Астафьев И. И. Указ. соч. С. 245.

для России и Династии. Напротив того, каждый год мира укрепляет Россию не только с военной и морской точек зрения, но и с финансовой и экономической»¹.

Для успешного развития русской экономики требовался контроль над Проливами, сохранение влияния в Персии и, по возможности, возвращение утраченных позиций в Азиатском регионе. Царь готов был вести долгую дипломатическую борьбу за решение этих проблем. Он помнил, что его мирное продвижение на восток было прервано негласной коалицией Англии, США и Японии. Главный урок, какой Россия вынесла из дальневосточной войны, заключался в том, что решение любой геополитической проблемы должно осуществляться путём договоров с другими государствами о разделе сфер влияний. Эта дипломатия уже принесла свои плоды с Англией, конфронтация с которой сменилась внешне дружескими отношениями, при которых возможно было обсуждение и решение спорных вопросов между Петербургом и Лондоном. Последнему теперь было труднее открыто противодействовать России.

Такие же договорённости Николай II хотел достичь и с Германией, перспективу войны с которой царь считал особо опасной и губительной. По большому счёту, всё чего хотел Государь от Германии, — это отказа от поощрения австро-венгерской экспансии на Балканах и соблюдения приоритетных прав России в Проливах и Персии. Немцы, чьё торговое присутствие в Персии постоянно росло, были заинтересованы в согласии России на продолжение строящейся ими ветки Багдадской железной дороги в Персию. Германцы добивались от русского правительства строительства соответствующего участка дороги на персидской территории. Николай II был готов пойти навстречу немецким торговым интересам, не допуская, однако их политического влияния на шахское правительство. России, конечно, не было выгодно строить в Персии эту железную дорогу, которая помогала бы проникновению в страну конкурентов, прежде всего Англии и Германии. Однако, опасаясь дальнейшего ухудшения отношений с Берлином, Россия

¹ П. А. Столыпин — А. П. Извольскому. 28 июля 1911 г. // АВП РИ. Ф. 340. Оп. 835. Д. 43. Л. 26.

сочла необходимым согласиться с его пожеланиями. Предложения немцев самим построить участок дороги были русским правительством отвергнуты из-за опасения возникновения постоянных германских интересов в русской сфере влияния¹.

Как писал С. Д. Сазонов: *«Русскому правительству необходимо было, прежде всего, обезвредить Германию на долгий срок путём возможных уступок в области её экономических интересов. Положение её было довольно выигрышное, и нам трудно было удержаться на почве экономической монополии Северной Персии. Надо было сохранить, главным образом, в неприкосновенности наше политическое положение в Тегеране и добиться его официального признания со стороны Германии, что было недостижимо без соответственных уступок»*². Николай II был готов также гарантировать кайзеру нейтралитет России в случае войны рейха с Англией.

Эти вопросы царь собирался обсудить с императором Вильгельмом в Потсдаме. Надо было перевернуть страницу, связанную с Боснийским кризисом, и попытаться нормализовать отношения с Германией. Отправляясь на встречу с кайзером, Государь писал матери: *«В настоящее время нам нужно жить с нашими соседями в постоянной дружбе»*³.

21 октября/3 ноября 1910 г. Николай II отбыл из Вольфсгартена в Потсдам для свидания с Вильгельмом II. На следующий день Государь прибыл в Потсдам, где на станции его встречали кайзер и германские официальные лица. Началась торжественная часть визита, во время которой германский император дал аудиенцию Сазонову. Николай II предупредил Сазонова, что император Вильгельм постарается произвести на него впечатление, *«как он часто старается это сделать при первых встречах с незнакомыми ему людьми»*⁴. Во время встречи кайзер действительно много гово-

¹ Фируз Казем-Заде. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. — М.: Центрполиграф, 2004. С. ....

² Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 32.

³ Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д.

⁴ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 27.

рил на тему *«вековой дружбы между русским и прусским царствующими домами»*. Сазонов в ответ подчеркнул, что *«ближайшей моей задачей будет изыскание способа, оставаясь верным основным началам русской внешней политики, восстановить между нами доверчивые отношения, поколебленные недавно Боснийско-Герцеговинским кризисом»*¹. Вильгельм II выразил удовлетворение от состоявшегося разговора и отпуская Сазонова, сказал: *«С национально настроенным министром нам, немцам, нетрудно будет жить в мире и добром согласии»*².

После встречи с кайзером Сазонов отправился в Берлин, где его ждали переговоры с канцлером Бетман-Гольвегом и министром иностранных дел А. фон Кидерлен-Вехтером. Переговоры начались с того, что Сазонов заявил: ситуация последних лет, когда русские дипломаты не обменивались мнениями с германскими государственными деятелями, должна отойти в прошлое³. Бетман-Гольвег выразил с этими словами своё полное согласие.

Далее Сазонов предложил заключить Германии соглашение по железной дороге в Персии на следующих условиях: 1) Россия не будет препятствовать строительству Багдадской железной дороги; 2) Багдадская железная дорога не будет соединяться с будущими персидскими линиями без предварительного согласия России; 3) Германия объявит, что не имеет в Персии политических интересов, а также согласится с существованием особых стратегических и коммерческих интересов России в Северной Персии и не будет добиваться там концессий.

В Англии не понимали смысла игры русской дипломатии. Внешняя готовность русского министра иностранных дел принять требования Германии в отношении линии Ханекин—Тегеран казалась там глупой и вредной. А. Николсон писал, что Сазонов *«легкомысленно отдал Германии все то, что Извольский решительно намеревался удержать»*.

Однако в Потсдаме Николай II и Сазонов прекрасно знали, что

¹ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 27.

² Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 27.

³ Die Große Politik. Bd. 27. S. 835.

Россия получила взамен обещания не препятствовать строительству Багдадской железной дороги. После того как Германии были предложены весьма выгодные экономические условия в Персии, Бетман-Гольвег заявил, что *«если бы Австро-Венгрия обнаружила стремление к политике захватов на Балканах, то она не встретила бы ни малейшей поддержки со стороны своей союзницы, не обязанной к тому никакими договорами и не склонной к подобной политике в силу собственных интересов»*¹.

Это было долгожданное обещание Германии не потворствовать экспансии Австро-Венгрии на Балканах! Казалось, появилась ниточка, с помощью которой можно было начать разматывать балканский клубок. Сазонов сказал Бетману, что это чрезвычайно важное заявление, о котором он должен немедленно сообщить Государю². Далее германский рейхсканцлер подтвердил, что Германия не преследует в Персии никаких политических целей и не будет домогаться в русской зоне для себя никаких территориальных уступок³.

Сазонов полагал, что заявление по Австрии было принято под влиянием германского министра иностранных дел Кидерлен-Вехтера, который *«питал к Австро-Венгрии весьма мало симпатий и смотрел на союз Германии с двуединой монархией по-бисмарковски, т. е. не как на цель германской политики, а как на средство»*⁴.

Русский министр ещё раз заверил германскую сторону, что договорённости с Англией 1907 г. вызваны исключительно разграничением сфер влияния и не направлены против Германии. *«Если Англия захочет вести враждебную Германию политику, то она не найдёт нас на своей стороне»*, — заявил Сазонов⁵.

Тем временем в Потсдаме Государь заверял императора Виль-

¹ С. Д. Сазонов — императору Николаю II // Красный архив. Исторический журнал. — М.; ПГ., 1923. Т. 3. С. 7.

² С. Д. Сазонов — императору Николаю II // Красный архив. Исторический журнал. — М.; ПГ., 1923. Т. 3. С. 7.

³ Ефремов П. Н. Указ. соч. С. 109.

⁴ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 29.

⁵ Die Große Politik. Bd. 27. S. 838.

гельма, что Россия не враг Германии. Николай II и Вильгельм II достигли устной договорённости не поддерживать политики, направленной друг против друга. Германия гарантировала отказ от поощрения агрессивной линии Австро-Венгрии на Балканах, а Россия — от участия в агрессивных планах Англии против Германии.

Но в этот момент Сазонов получил от русского посла в Берлине графа Н. Д. Остен-Сакена конфиденциальную информацию, которая заставила министра действовать с германской стороны крайне осторожно. Остен-Сакен сообщил Сазонову, что Берлин тайне уже предупредил Вену, чтобы та не очень обращала внимание на возможные обязательства перед Россией в отношении неё. Остен-Сакен вообще призвал Сазонова не питать никаких иллюзий в отношении ни русской политики Германии, ни возможной перемены её отношений с Австро-Венгрией¹. Как доказывал Остен-Сакен, Германия стремится использовать переходное время, пока *«наше главное внимание сосредоточено на внутренних реформах, чтобы умножить и закрепить свои мировые позиции»*. Остен-Сакен подчеркнул, что союз с Веной служит краеугольным камнем нынешней политики Берлина. Германия преследует две цели: во-первых, обеспечивает противовес Англии, а во-вторых, использует австрийское поступательное движение на Балканах в целях собственного проникновения на восток². Граф был старый и опытный дипломат, преданный России, но и любивший Германию. Он с горечью наблюдал, как сумасбродная политика Вильгельма II и его окружения влекут обе страны к катастрофе. Информация Остен-Сакена всегда была чрезвычайно ценна для русского правительства.

Поэтому, прочитав депешу графа, С. Д. Сазонов, соблюдая внешнюю любезность, повёл себя на переговорах очень осторожно. Он дал условное согласие на смычку будущих персидских железных дорог с Багдадской дорогой в Ханекине, но сопроводил это

¹ Лиманская Т. О. С. Д. Сазонов (министр иностранных дел 1910–1916 гг.) // Дипломатический вестник. Ноябрь 2001 г.

² АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия министра. 1910. Д. 204. Л. 73–75.

существенными оговорками. Глава российского МИДа обещал не чинить препятствий немецкой торговле в Северной Персии в обмен на отказ Германии преследовать там любые политические и прочие некоммерческие цели. Что касается взаимных обязательств, то Сазонов сузил своё предложение до желательности посредничества Германии в случае, если интересы мира потребуют достаточно доверительных отношений между Россией и Австро-Венгрией. Эта сдержанность позволила ему уйти от ожидавшихся Берлином заверений относительно Англии.

Действия министра были одобрены Государем.

По возвращении Сазонова в Потсдам он представил Государю подробный доклад о проведённых переговорах, на котором Николай II написал: *«Я считаю результаты этих бесед весьма удовлетворительными»*¹.

Тем временем немцы спешили заставить Россию подписать именно договор о взаимодействии. Бетман-Гольвег направил в Петербург послу Пурталесу текст переговоров и поручил ему заключить с русской стороной следующее письменное соглашение. 1. Получив от императорского и королевского правительства Австро-Венгрии вполне определённые заверения в том, что оно не намерено проводить на Востоке политику экспансии, императорское правительство Германии заявляет, что оно не принимает на себя никаких обязательств и не намерено поддерживать подобную политику в случае, если бы таковой придерживалась Австро-Венгрия. 2. Императорское российское правительство заявляет, что оно не принимало на себя никаких обязательств и не имеет намерения поддерживать враждебную Германии политику, в случае если бы таковой придерживалась Англия. 3. Оба правительства находятся в полном согласии, желая, насколько возможно, сохранить status quo на Балканах и способствовать по мере сил его поддержанию. Если бы, несмотря на их усилия, в которых каждое из них постарается привлечь и своих союзников, на Балканах возник конфликт, оба правительства сделали бы всё возможное для лока-

---

¹ С. Д. Сазонов — императору Николаю II // Красный архив. Исторический журнал. — М.; ПГ., 1923. Т. 3. С. 7–8.

лизации конфликта и, предварительно договорившись, вошли бы в сношения со своими союзниками в целях выработки мер к предотвращению всеобщего пожара. 4. Оба правительства согласны с тем, что для поддержания status quo и спокойствия на Балканах необходимо, с одной стороны, мирное развитие освобождённых Россией балканских государств, с другой стороны, поддержка державами устойчивого и прочного правительства в Турции, достаточно сильного, чтобы гарантировать порядок внутри и на границах. Ни одно из обоих правительств не будет поощрять агрессивной политики ни со стороны Турции, ни со стороны Балканских государств. 5. Ввиду того, что оба государства заинтересованы в сохранении неприкосновенности Персии и восстановлении порядка в этой стране, они обязуются не поощрять завоевательных стремлений в отношении этой страны со стороны какой бы то ни было державы, и особенно со стороны Турции¹.

После возвращения в Россию Сазонов заявил германской стороне, что проект содержит неравноценность взятых обязательств: Россия обязуется не поддерживать враждебную политику в отношении Германии вообще, а Германия — только экспансионистскую политику Австро-Венгрии на востоке. Пурталес убеждал Сазонова, что Австро-Венгрия может проводить враждебную политику в отношении России только на востоке. Но Сазонов всячески уклонялся от подписания проекта. Действовал он, разумеется, с согласия Николая II. Причиной этому были постоянно идущие доклады русских военных агентов из Европы. В январе 1911 г. полковник А. А. Михельсон сообщал в Петербург: *«По завершении приема кайзером депутации Гроднеского гусарского полка церемония показала, что политика пошла в иное русло и что она направляется иными, новыми могучими экономическими и политическими факторами, которые одними старыми традициями уже не пересилить»*². В это же время поступают сообщения от военных агентов в Румынии и Швеции. Суть их сводилась к тому, что германская дипло-

¹ Ефремов П. Н. Указ. соч. С. 245.

² Сергеев Е. Ю. *Образ Германии в представлениях военной элиты России накануне Первой мировой войны* // <http://rusgermhist.narod.ru>

матия создаёт «на наших обоих флангах» выгодное исходное положение для военной стратегии рейха. В этих условиях трудно было ожидать позитивного отклика Николая II и С. Д. Сазонова на зондажи Вильгельма относительно проекта русско-германского политического соглашения во время Потсдамских переговоров¹.

Для того чтобы вынудить Россию подписать проект договора, 27 ноября/10 декабря 1910 г. Бетман-Гольвег выступил в рейхстаге, где заявил, что Россия и Германия пришли к договорённости не предпринимать «никаких комбинаций, острие которых могло быть направлено против другой стороны».

Если бы Россия согласилась с подобным заявлением, это означало бы, что она фактически выходит из соглашения с Францией и примыкает к Германии в её антианглийской политике. Правительства Франции и Англии выразили свою обеспокоенность. Только что назначенный в Петербург новый английский посол сэр Дж. Бьюкенен при вручении верительных грамот сказал Николаю II, что «британское правительство следит за русско-германскими переговорами с некоторым беспокойством»². Воспользовавшись шумом, который поднялся во франко-британской прессе, русское правительство отклонило германский проект.

Однако отказ России подписывать проект, выработанный в Берлине, был вызван не давлением со стороны Англии и Франции, а двойной политикой Берлина, о которой Петербургу стало известно. Подтверждением этому служит то обстоятельство, что Россия 6/19 августа 1911 г. подписала выработанное в Потсдаме «Соглашение по персидским делам». Соглашение закрепляли следующие позиции: «Правительства русское и германское, исходя из принципа равноправия в отношении торговли всех наций в Персии, имея в виду, с одной стороны, что у России имеются в этой стране специальные интересы, и что, с другой стороны, Германия преследует там лишь коммерческие цели. Ст. I. Императорское германское правительство заявляет, что оно не имеет намерения ни добивать-

¹ Сергеев Е. Ю. *Образ Германии в представлениях военной элиты России накануне Первой мировой войны* // <http://rusgermhist.narod.ru>

² Ефремов П. Н. Указ. соч. С. 116.

ся для себя самого, ни поддерживать домогательств со стороны германских или иностранных подданных концессий железнодорожных, дорожных, навигационных и телеграфных к северу от линии, идущей от Касри-Ширина, пролегающей через Исфагань, Иезд и Хакк и кончающейся на афганской границе на широте Гязика. Ст. 2. Со своей стороны русское правительство, имея в виду получить от персидского правительства концессию на создание сети железных дорог на севере Персии, обязуется в числе прочих испросить концессию на постройку пути, который должен исходить из Тегерана и окончиться в Ханекене для смычки на турецко-персидской границе означенной сети с линией Садид-же — Ханекен, как только эта ветвь Кония-Багдадской железной дороги будет окончена»¹

Это соглашение вызвало в Англии гораздо большее беспокойство, чем проект о неучастии России и Германии во враждебной друг ко другу деятельности. Бьюкенен писал, что Николай II «не уловил того факта, что уступки, сделанные правительству Германии по вопросу о Багдадской железной дороге, несовместимы с той поддержкой, которую оно должно было оказывать своим компаньонам по Тройственному согласию»².

Английские правящие круги стали оказывать на русское правительство мощное давление, с целью заставить его отказаться от соглашения по Персии. Однако это не возымело никакого действия, хотя, повторимся, что соглашение в целом не было выгодно и России. Оно было призвано исключительно для того, чтобы хоть как-то умиротворить Германию, вручив ей приз в виде активного проникновения на персидский рынок. Сазонов при этом надеялся, что строительство будет идти долго, а потому согласие России на соединение сети персидских железных дорог с Багдадской магистралью может оказаться «чисто фиктивным». Но Сазонов не учёл энергии и деловитости немецких чиновников и инженеров. Строительство Багдадской железной дороги продвигалось стремительными темпами.

¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917 гг. С. 405—406.

² Ефремов П. Н. Указ. соч. С. 116.

Ещё одним обстоятельством, свидетельствующем о том, что отказ от проекта соглашения с Германией был вызван нечестной игрой Берлина, а не давлением Франции и Англии, стало частичное изменение дислокации русских войск на западной границе. Часть из них были переброшены на восток. Это решение было принято лично Николаем II главным образом как знак доброй воли в адрес Берлина.

Конфликт с Китаем и признание автономии Внешней Монголии

В 1910 г. Китай резко усилил колонизацию Внешней Монголии. В Халхе начались широкие административные преобразования, преследующие цель введение прямого китайского правления, распространение общекитайского законодательства и ликвидации самостоятельности монгольских ханов, князей и лам. В Халху были введены китайские войска, планировалось строительство железных дорог, что грозило окончательным поглощением Внешней Монголии Китаем и ассимиляцией монголов, затрагивало экономические и политические интересы России в этой стране¹.

15/28 января 1911 г. император Николай II утвердил план на случай военного столкновения с Китаем. Согласно ему русские войска должны были занять Северную Маньчжурию и Западный Китай. Понадобилось две ноты китайскому правительству (3/16 февраля и 11/24 марта 1911 г.), чтобы Пекин согласился на русские условия и отказался от планов по вытеснению России из вышеуказанных районов.

В 1911 г. в Китае начались революционные беспорядки, направленные на свержение правящей маньчжурской династии Цин. В Учане восставших поддержала армия. Консул в Дайрене Е. Ф. Лебедев сообщал поверенному в делах в Токио С. С. Броневскому: *«Вооруженное возмущение китайцев на юге Китая против царствующей Маньчжурской династии заслоняет собой на юге*

¹ Моисеев В. А. *Россия и Китай в Центральной Азии. (Вторая половина XIX—начало XX вв.)*. — Барнаул: АзБука, 2003. С. 268.

Маньчжурии в настоящее время все мировые события, особенно среди китайского населения. [...] Население Южной Маньчжурии состоит почти исключительно из китайцев — не маньчжур, — и потому вполне понятно, что все симпатии китайской массы здесь на стороне восставших революционеров, являющихся в её глазах защитниками национальных китайских интересов против пришельцев — маньчжур. Эти симпатии не ограничиваются только платоническими пожеланиями успеха националистам, но выражаются в более реальной форме. Китайское население в Дайрене, Киньчжоу и др. устроило негласный сбор в пользу националистов и собранную довольно значительную сумму выслало в Ханькоу на дело революции. Китайские войска в Южной Маньчжурии пока оставались спокойными зрителями разворачивающейся драмы на юге, но их связь с местным населением, симпатизирующим национальной партии, их частые переходы от солдата до хунхуза и наоборот делают эти войска не особенно надежными защитниками Маньчжурской династии»¹.

Образовавшаяся в городе революционная власть провозгласила Китай республикой, и всем консулам в Ханькоу были направлены ноты с отказом от неравноправных договоров, заключённых богдыханским правительством. Движение против маньчжуров охватывало всё новые провинции. Оплотом врагов монархии стал юг Китая. Фактически империя оказалась расколотой на две части. А. А. Нератов докладывал императору Николаю II, что следует «учесть неизбежный антагонизм, который обнаружится между Северным и Южным Китаем, как только он станет независимым»². Нератов считал, что в создавшемся положении России следует не принимать сторону ни одного из противоборствующих лагерей. Необходимо, писал он, использовать их разногласия для защиты русских интересов в Китае. Царь одобрил это мнение А. А. Нератова.

Между тем возникла угроза того, что, воспользовавшись ослаблением Китая, западные державы предпримут попытку экономической и военной экспансии на его территориях. Этому бы

¹ АВП РИ. Ф. 143. Китайский стол. Д. 853. Л. 74—76.

² Ефремов П. Н. Указ. соч. С. 198.

способствовали революционный хаос и отмена всех прежних соглашений русского и китайского императорских правительств. При растущем осложнении дел на Западе Россия не могла заняться вплотную дальневосточным направлением, развитие событий на котором всё больше беспокоило Николая II. Император опасался за русское влияние в Маньчжурии и Северном Китае. Одновременно большую обеспокоенность событиями в Китае испытывала Япония. Ещё в конце 1910 г. Россия и Япония подписали соглашение, разграничивающие их интересы в Маньчжурии. Оба государства обязались не искать в чужой сфере никаких привилегий и концессий, которые могли бы нанести ущерб их интересам¹.

В начале 1911 г. опасения России и Японии за свои интересы в Маньчжурии сильно возросли в связи с усилившимися экспансионистскими планами САСШ в Китае. Американцы призывали к проведению в Китае политики «открытых дверей» и «равных возможностей», что на самом деле означало бы доминирование САСШ в этом регионе. Вашингтон попытался создать международный консорциум для предоставления займов Китаю. Россия и Япония в проект этого консорциума включены не были. Петербург по согласованию с Токио применил немалые усилия, в том числе оказав давление на Париж, чтобы этот американский проект был отвергнут большинством европейских держав. Тем не менее опасность подобных попыток со стороны САСШ сохранялась, тем более в условиях начавшейся в Китае смуты.

В октябре 1911 г. Япония предложила России продолжить совместные действия в Маньчжурии. Комментируя это предложение, Николай II написал на полях записки А. А. Нератова: *«Я всегда был по окончании нашей войны того мнения, что России следует идти с Японией рука об руку на Дальнем Востоке»*².

Эта мысль была созвучна японской стороне. 3 ноября 1911 г. граф Т. Кацу разаявил поверенному в делах в Токио С. С. Бронев-

¹ Гримм Э. Д., профессор. *Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. (1842–1925)*. — М.: Институт востоковедения, 1927. С. 177.

² МОЭИ. Т. 28. Ч. 2. С. 200.

скому, что «желательно, чтобы обе соседние державы, наиболее заинтересованные в судьбах Китайской империи, Россия и Япония, действовали в полном согласии»¹.

В ноябре 1911 г. китайское императорское правительство, чувствуя неотвратимость своего поражения, назначило премьер-министром амбициозного и честолюбивого генерала Юань Шикая, в надежде, что он подавит мятеж. Сазонов в докладной записке Государю высказывал мнение, что следует «обставить признание правительства Юань Шикая условиями, гарантирующими права иностранцев в Китае»².

Однако процесс отпадения китайских провинций от императорского цинского правительства развивался по нарастающей. В этих условиях Юань Шикай умело лавировал между императорским правительством и республиканским Югом, ведя переговоры, как с первым, так и со вторым.

30 января/12 февраля 1912 г. малолетний император Пу И отрекся от престола. Китай был провозглашён республикой, президентом которой стал генерал Юань Шикай. Волнения и гражданское противостояние в Поднебесной империи побудили монгольскую знать выйти из её состава. Монгольские князья заявляли, что они присягали на верность богдыхану и не признают никакого другого правительства. В Монголии была создана группа представителей светской и духовной знати, ориентированной на Россию. В августе 1911 г. в Петербург прибыла монгольская делегация во главе с командующими войсками Тушетуханского аймака Ханда-Доржи, которая была принята временно управляющим министерством иностранных дел А. А. Нератовым и председателем Совета министров П. А. Столыпиным. Однако Россия отказалась поддержать стремление монгольской делегации к полному отделению от Китая, так как это могло бы означать негласное признание распада соседней империи³.

¹ Ефремов П. Н. Указ. соч. С. 198.

² Ефремов П. Н. Указ. соч. С. 199.

³ Ганжуров В. Ц. *Россия и Монголия на пути реформ // Предыстория.*
<http://www.predistoria.org>

14/27 ноября 1911 г. Монголия объявила о своей независимости и провозгласила себя суверенной монархией во главе с Богдо-гэгэном VII. 15 июля/2 августа 1912 г. монгольский вопрос обсуждался на заседании Совета министров. Было определено, что главной задачей политики России в Северной Монголии является *«воспрепятствование образованию в этой пограничной с нами области сильного в военном отношении государства»*. Сложившиеся обстоятельства побуждают к заключению между Россией и Халхой договора, *«сущность которого сводилась бы к обещанию русского правительства отставить самобытный строй Халхи и не допускать как ввода в Монголию китайских войск, так равно и колонизации ее китайцами. С другой стороны, на правителей Халхи следовало бы возложить обязательство не заключать никакого договора, нарушающего указанные начала, и обеспечить за русскими подданными и за русской торговлей свободное пользование в пределах Монголии всеми правами и преимуществами, принадлежащими им в силу прежних договоров между Россией и Китаем»*. Таким образом, *российское правительство проявило решимость и готовность подтвердить автономию Халхи в составе Китая и взять ее под свою защиту, в том числе и вооруженными средствами»*¹.

Республиканский Китай отказывался *«считаться с изменившимся положением в Монголии»*². Китайские войска продолжали оставаться на монгольской территории. Однако к осени 1912 г. они были выдвинуты из Монголии. Свержение монархии в Китае позволило российскому императорскому правительству начать переговоры с Ургой, которые были возложены на посланника в Пекине И. Я. Коростовца. 21 октября/3 ноября 1912 г. Россия признала автономию Внешней Монголии. Это признание было закреплено в соответствующем договоре. Ст. 1 настоящего договора гласила, что *«Императорское российское правительство окажет Монголии свою помощь к тому, чтобы сохранился установленный ею автономный строй, а также право содержать своё автономное вой-*

¹ Моисеев В. А. Указ. соч. С. 271.

² Сборник дипломатических документов по Монгольскому вопросу. — СПб., 1914. Док. № 1. С. 2.

ско, не допуская на свою территорию китайских войск и колонизации своих земель китайцами». Ст. 2 соглашения предусматривала, что «монгольское правительство предоставит русским подданным и русской торговле по-прежнему пользоваться в своих владениях правами и преимуществами. Само собой разумеется, другим иностранным подданным не будет предоставлено в Монголии более прав, чем те, которыми пользуются там русские подданные»¹.

Китайское правительство через своего поверенного в делах в Петербурге заявило, что оно не признает этого соглашения, так как «Монголия является составной частью Китая и, хотя в ней и происходят волнения, она отнюдь не правоспособна заключать соглашений с иностранными государствами»².

Однако энергичные дипломатические и военные действия России, фактически взявшей Кобдоский округ под свою защиту, побудили Юань Шикая принять решение о прекращении военных действий против Кобдо и начать переговоры по разграничению между владениями Китая и Монголии на Алтае. В конце декабря 1912 г. монгольское командование просило Россию дать разрешение на дальнейшие военные действия против китайцев, но посланник в Пекине В. Н. Крупенский, основываясь на мирных предложениях китайского президента, рекомендовал воздержаться от наступательных операций. Между Россией и Китаем начались переговоры, которые продолжились в 1913 г.

Россия и Агадирский кризис

Частичная переброска русских войск на Восток вызвала в Париже волнение, близкое к панике. В палате депутатов министр иностранных дел С. Пишон никак не мог ответить на вопросы: зачем русские перебрасывают свои войска на восток; является ли это следствием стовора России и Берлина в Потсдаме? Во Франции были возмущены самим фактом секретных переговоров России и Германии.

¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. С. 410—411.

² Моисеев В. А. Указ. соч. С. 279.

В Париже и Лондоне постоянно забывали, что сами они всякий раз отказывали России в помощи. Антанта буквально вынуждала царя искать компромисс с Берлином, идя ему на уступки. При этом Николай II ни на минуту не забывал, что в Берлине постоянно преследуют одну и ту же цель: с помощью ничего для него не значащих договоров изолировать Россию и затем, нанеся ей военное поражение, вывести её из числа великих держав.

В апреле 1911 г. в ответ на вспыхнувшее восстание против султана в марокканском Феце французские войска оккупировали город под предлогом защиты проживающих там французских граждан. Французские власти обещали, что сразу после восстановления порядка войска III Республики покинут Фец. Ранее под подобные заверения Франция уже оккупировала несколько крупных марокканских городов. Германия заявила, что Алхесирасское соглашение нарушено. Когда министры иностранных дел Франции и Германии начали вести переговоры, канонерская лодка германского ВМФ «Пантера» вошла в бухту Агадир на Атлантическом побережье Марокко. МИД рейха заявил, что лодка защищает интересы Германии в регионе.

Англичане сразу поняли истинные планы Германии. 21 июня/4 июля 1911 г. заместитель министра иностранных дел Великобритании А. Никольсон писал Э. Грею, что «немцы пытаются поссорить нас с Францией»¹. Пока в Лондоне по обыкновению выжидали, канцлер Бетман-Гольвег заявил, что он не предвидит трудностей со стороны Англии, так как она не заинтересована в вопросе о Марокко. Для Англии возникла опасность, что испугавшаяся Франция может, как и в 1906 г., попытаться решить марокканский вопрос с Германией за спиной Лондона. На этом Германия, заинтересованная в развале Антанты, собственно, и настаивала². Действительно, Франция попыталась, не обращаясь за помощью к Англии, договориться с Германией о компенсации,

¹ British Documents on the Origins of the War 1898–1914. — L., 1932. Vol. VII. P. 33.

² Каирбекова Р. Р. *Агадирский кризис 1911 г. и политика Великобритании // Международный имидж России.* <http://image-of-russia.livejournal.com>

предлагая ей вместо Марокко часть Французского Конго. Если бы договорённость между Парижем и Берлином состоялась, Германия утвердилась бы в непосредственной близости к Гибралтару. Возможное создание там германской военной базы не устраивало английские правящие круги.

Немцы однако, думали, что в Марокко повторится ситуация с Боснийским кризисом: Англия отступит из-за нежелания вмешиваться в войну, а Россия либо будет нейтральной, либо, учитывая Потсдамские переговоры, поддержит дипломатически Германию. То есть германская дипломатия действовала по обыкновению шаблонно и напролом, совершенно не беря в расчёт, что то, что прошло в одной конкретной ситуации, может совсем не удасться в другой.

Париж сразу же обратился в Петербург и Лондон с просьбой о дипломатической помощи. Переговоры с французским послом Ж. Луи вёл товарищ министра иностранных дел гофмейстер А. А. Нератов. С. Д. Сазонов писал в своих мемуарах: *«В конце зимы я тяжело заболел и был вынужден уехать в Давос, где провёл шесть месяцев, передав моему товарищу А. А. Нератову правление министерством. Сознавая, что я на долгое время лишен возможности заниматься делами, я обратился к Государю с просьбой об увольнении меня от должности министра. Государь отказался принять мою отставку и в выражениях, в которых сквозила его редкая душевная доброта, велел передать мне, чтобы я заботился только о своем здоровье, а делами министерства будет заниматься он сам с Нератовым вплоть до моего выздоровления»*¹.

27 июня/10 июля 1911 г. Нератов заверил французского посла, что Россия не оставит Францию. Англия отреагировала на германские действия весьма остро. Британское правительство *«не потерпит, — писала TheTimes, — чтобы была произведена такая крупная перемена в распределении власти в Африке, даже в том случае, если бы французское правительство оказалось настолько слабым, чтобы санкционировать такую перемену»*².

¹ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 36.

² Ефремов П. Н. Указ. соч. С. 129.

Англия как могла провоцировала Париж на воинственные заявления, стремясь инициировать его столкновение с Берлином. Лондон надеялся, что в случае возникновения войны между Францией и Германией за Марокко в неё втянется Россия, а Англия останется сторонним наблюдателем. 8/21 июля Грей вызвал германского посла в Лондоне графа П. Вольф-Меттерниха и предупредил его, что если англо-французские переговоры сорвутся, то «Германии придётся плохо»¹. Позиция Англии вызвала ярость в германском обществе. Требования Германии к Франции ужесточились. На переговорах с Францией немцы потребовали в качестве компенсации весь Конго, а не его часть. Меттерних сказал А. Никольсону: «Между 1866 и 1870 годами Германия сделалась великой державой, но побеждённая ею Франция и Англия поделили между собою мир в то время, как Германия получила одни крохи. Теперь настала для Германии минута предъявить свои законные требования»². Однако Париж отказалась выполнять эти «законные требования» и на передачу всего Конго не согласился. Ситуация накалялась. 19 августа/1 сентября 1911 г. военный агент в Лондоне генерал Н. С. Ермолов сообщал в ГУГШ: «В военных сферах Англии война Франции с Германией ожидается. Англия собирается поддержать Францию на море и на суше»³.

Вместе с тем Англия и Франция воевать без России не могли. Россия к войне не была готова, да и воевать из-за Марокко не собиралась. В то время и Германия не была полностью готова для большой войны. Выполняя указания Петербурга, посол России в Париже Извольский заявил министру иностранных дел Ж. де Сельву, что в настоящих условиях Россия готова обеспечить Франции исключительно дипломатическую поддержку. Извольский также взывал к благоразумию руководства Республики и убеждал его «принять в соображение интересы всеобщего мира и не доводить дело до конфликта»⁴.

¹ British Documents. P. 328.

² Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 40.

³ Ефремов П. Н. Указ. соч. С. 130.

⁴ Ефремов П. Н. Указ. соч. С. 131.

Туже мысль Извольский повторил премьер-министру Ж. Кайо. Кайо задал послу вопрос: не может ли Россия в случае крайнего ухудшения обстановки осуществить дружеское посредничество в Берлине? Тот ответил, что такое посредничество, исходящее от союзницы Франции, принесёт ей больше вреда, чем пользы. Извольский предложил французскому премьеру обратиться за посредничеством к Австро-Венгрии.

Кайо спросил Извольского, как Россия отнесётся к возможному военному столкновению Германии с Францией. Извольский заявил, что, согласно военной конвенции, Россия должна помогать Франции в случае нападения на неё Германии. К настоящему конфликту русское общество *«не может отнестись иначе как колониальному конфликту и не поймёт необходимости войны из-за колониальных интересов Франции»*¹.

Переговоры Извольского с Кайо были одобрены Николаем II. Тем не менее Кайо указал послу в Петербурге Ж. Луи добиться аудиенции у царя. Николай II принял посла и сказал ему то же самое, что и Извольский: Россия не отказывается от своих обязательств, но её армия к войне не готова и поэтому французскому правительству следует быть благоразумным и добиваться соглашения с Германией².

Поняв, что на военную помощь России в этом конфликте рассчитывать не приходится, Франция вернулась за стол переговоров с Германией. В свою очередь Германия, оценив, что Россия, несмотря на Потсдамские переговоры, не намерена оставлять Францию, также решила согласиться на часть Конго в качестве компенсации за отказ от Марокко.

14/27 июля Меттерних заявил Грею, что франко-германские переговоры не затрагивают британских интересов. Посол попросил главу Форин-оффис сделать заявление в парламенте о заинтересованности Англии в успешном завершении переговоров. Это, подчеркнул он, окажет успокаивающее влияние на французское общественное мнение и будет способствовать мирному решению

¹ Ефремов П. Н. Указ. соч. С. 131.

² Астафьев И. И. Указ. соч. С. 218.

спорных вопросов¹. Британское правительство пошло навстречу германским предложениям и взяло курс на смягчение напряженности в отношениях с Германией. Выступая в палате общин 14/27 июля, Асквит указал, что решение, к которому придут Франция и Германия, не должно задевать британские интересы, иначе Англия должна будет стать «активным участником обсуждения сложившейся ситуации». Асквит заявил, что английское правительство не будет возражать, если Франция и Германия договорятся о компенсации вне Марокко в «других частях Западной Африки»².

Заявление Англии о том, что она не останется в стороне в случае перехода конфликта в военную стадию, сыграло главную роль в том, что Германия решила отступить. Как писал Сазонов: «*Решающим моментом в разрешении политического кризиса 1911 года было, однако, твердое заявление английского правительства о своей солидарности с Францией*»³.

Соглашения между Францией и Германией было оформлено 22 октября/4 ноября 1911 г. Оно положило конец Агадирскому кризису, в ходе которого Германия в очередной раз потерпела поражение в своей попытке расколоть Антанту.

Встреча Николая II и Вильгельма II в порту Палдиски (21 июня/4 июля 1912 г.)

25 января/7 февраля 1912 г. император Вильгельм, выступая в рейхстаге, объявил о внесении на рассмотрение депутатов закона об увеличении вооружённых сил. Несмотря на соглашение по Персии, демонстративное проявление Россией своего миролюбия, выразившегося в переброске части своих войск от западной границы, постоянные заверения в отсутствии у русского правительства враждебных намерений в отношении Германии, кайзеровский рейх продолжал вооружаться усиленными темпами. На Балканах всё больше разгоралась пламя войны. Позиция Берли-

¹ Parliamentary Debates. 5th Ser. House of Commons. Vol. XXXII. P. 52–53.

² Die Große Politik. Bd. XXIX. S. 224.

³ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 41.

на была неопределённой, а Вены — настороженной и враждебной в отношении балканских государств. Опасность представляло то обстоятельство, что в случае военного вмешательства Австро-Венгрии в балканский конфликт почти неминуемо могло последовать и вмешательство Германии, что было чревато всеобщей европейской войной. Поэтому Николай II считал необходимым до конца прояснить позиции обеих стран.

В феврале 1912 г. Николай II послал в Вену Великого князя Андрея Владимировича. Это был первый после Боснийского кризиса визит в Вену представителя царствующего русского Дома, который должен был продемонстрировать стремление России к нормализации отношений между двумя странами. Посол России в Вене заявил, что *«Великий князь Андрей Владимирович нанёс визит Императору Францу-Иосифу вовсе не случайно, как об этом многие думают. Это произошло по прямому приказу Императора Николая»*¹.

Императором Францом-Иосифом Великому князю был оказан самый радушный и тёплый приём, который, как сообщал Раймону Пуанкаре французский посол в Вене Ф. Грозье, *«весьма тронул Императора Николая»*².

Летом 1912 г. Николай II пригласил кайзера в Балтийский порт Палдиски для обсуждения двусторонних отношений. Французское правительство пыталось помешать этой встрече — оно постоянно опасалось, что оба монарха могут договориться о разделе сфер влияний за счёт Франции. Новый премьер-министр Франции Р. Пуанкаре в своей инструкции послу Ж. Луи требовал добиться хотя бы того, чтобы на встрече не обсуждались вопросы политического характера³.

Встреча двух императоров состоялась 21 июня/4 июля 1912 г. С. Д. Сазонов вспоминал: *«В 1912 году у Императора Николая II было несколько политических свиданий на русской территории. Первым из посетителей был император Вильгельм, прибывший в Балтийский порт на своей яхте «Гогенцоллерн». Туда вышли к нему на-*

¹ F. Grozier à R. Poincaré. Le 11 Février 1912 // DDF, 3-me série. T. 2. P. 19.

² F. Grozier à R. Poincaré. Le 05 Mars 1912 // DDF, 3-me série. T. 2. P. 201.

³ DDF. 3-me série. T. 3. P. 72–73.

встречу на яхте "Штандарт" Государь с Императрицей и Детьми. Встреча носила морской характер, так как на берегу не происходило в честь гостя никаких торжеств, за исключением смотра Выборгского пехотного полка, шефом которого состоял Вильгельм II»¹.

Государя сопровождали граф В. Н. Коковцов, сменивший на посту председателя Совета министров убитого в сентябре 1911 г. П. А. Столыпина, С. Д. Сазонов и министр Двора граф В. Б. Фредерикс. Вместе с германским императором прибыли канцлер Бетман-Гольвег с многочисленной военной свитой и посол в Петербурге граф Ф. фон Пурталес. Свидания между императорами и переговоры глав правительств и министров иностранных дел происходили на обеих яхтах.

В. Н. Коковцов заявил Бетман-Гольвегу, что Россию сильно тревожит германская программа вооружения 1911 г. и вотированный рейхстагом чрезвычайный военный налог. *«Мы ясно видим, — отмечал Коковцов, — что Германия вооружается лихорадочным темпом, и я бессилен противостоять такому стремлению и у нас».* Коковцов развил перед канцлером мысль, что *«Россия доказала Германии свою чисто оборонительную политику тем планом, который она провела по инициативе её военных деятелей в 1910 году упразднением польских крепостей и отводом на восток своего выдающегося фронта в Польше. Из этого одного факта с непреложною ясностью вытекает, что у России нет наступательного плана и что она думает только об одной обороне, рассчитанной на отражение нападения, которое было бы сделано на неё»².*

Бетман-Гольвег ответил Коковцову, что *«Германия хорошо знает, что Россия не отойдёт от своего союза, глубоко скорбит теперь о том, что 30 лет тому назад произошёл роковой поворот в традиционной политике Германии по отношению к России, и что ей не остаётся ничего другого, как сдерживать этот неизбежный ход событий».*

Слова канцлера были малоутешительны для Петербурга. В них как бы уже содержался ответ, что Берлин также «глубоко скор-

¹ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 44.

² Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 77.

бя», в определённый день и час не сможет сдержать «неизбежный ход событий». Когда Коковцов сообщил Государю об этих словах Бетмана-Гольвега, Николай II сказал: *«Готовиться нужно, и хорошо, что нам удалось провести Морскую программу, необходимо готовиться и к сухопутной обороне»*¹.

Второй день встречи подходил к концу, когда император Вильгельм внезапно пригласил Сазонова к разговору. Главный смысл сказанного кайзером был заключён в последних его словах: *«Жёлтая опасность не только не перестала существовать, но стала еще грознее прежнего и, конечно, прежде всего для России. Что вами делается для её предотвращения? Вам остаётся только одно — взять в руки создание военной силы Китая, чтобы сделать из него оплот против японского натиска. Это совсем нетрудно ввиду бесконечного его богатства в людях и иных естественных ресурсах. Задачу эту может взять на себя только одна Россия, которая к тому предназначена, во-первых, потому, что она наиболее всех заинтересована в ее выполнении, а во-вторых, потому, что ее географическое положение ей прямо на неё указывает. Если же Россия не возьмет этого дела в свои руки и не доведет его до конца, то за реорганизацию Китая примется Япония, и тогда Россия утратит раз и навсегда свои дальневосточные владения, а с ними вместе и доступ к Тихому океану»*². Более ясного указания России не вмешиваться в европейские дела и повернуться лицом на восток представить было невозможно.

Император Николай II и Балканские государства

Государства Балканского полуострова обрели свободу от Османской империи в результате победоносной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Войска Царя-Освободителя очистили от турок Болгарию и к концу войны стояли в 30 верстах от Константинополя. Однако победоносное движение России в сторону черноморских проливов и Царьграда вызвало сильную обеспокоенность Англии.

¹ Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 81.

² Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 49.

Королева Виктория была в ярости от успехов России. Императрица Мария Александровна писала своему брату, что тот стиль, каким королева позволяет себе «писать про царя и про русский народ, достойны языка торговли с базара...»¹. Из «меморандума» Виктории становится ясна причина этой ярости: «Дело не в защите Турции, — писала она, — а в превосходстве России над Англией. Мы должны ясно объяснить всем правительствам наши намерения. Не может быть и речи о том, чтобы пускать русских занять Константинополь. Это будет означать, что Великобритания лишилась положения великой державы»². Английский флот был направлен в Мраморное море. Австро-Венгрия потребовала немедленно созыва международной конференции для обсуждений условий мира. Александр II выражал надежду, что «что европейская конференция не разрушит того, чего достигли мы своей кровью».

Предчувствия царя были не напрасны. Итоги Берлинского конгресса лишь в малой мере позволили России воплотить в жизнь свои планы. Результатом Берлинского конгресса стал балканский клубок, сотканный из самых острых противоречий. В начале XX в. Балканы представляли собой настоящий политический пороховой погреб или, как мы сейчас бы сказали, «горячую точку» Европы³.

Болгария

Политика императора Николая II в отношении Болгарии будет непонятна, если не учитывать историю образования Болгарского государства в конце XIX столетия. Поэтому мы вынуждены сказать несколько слов об этом.

Согласно Сан-Стефанскому мирному договору, заключённому 19 февраля/3 марта 1878 г. между Россией и Турцией, было создано новое государство — княжество Болгария. Оно состояло не-

¹ Николаев Всеволод, академик. *Александр II. Человек на престоле: Историческая биография*. — Мюнхен, 1986. С. 514.

² Николаев Всеволод. Указ. соч. С. 515.

³ За балканскими фронтами Первой мировой войны. — М.: Индрикс, 2002. С. 9.

посредственно из самой Болгарии, Восточной Румелии и большей части Македонии. Формально Болгарское княжество входило в состав Османской империи и должно было платить дань султану¹. Академик В. А. Николаев писал: «От Эгейского моря до Дуная и от Чёрного моря до Адриатики впервые за пять веков болгары дышали свободно и праздновали воскресение своей страны»².

Однако Берлинский конгресс существенно изменил границы Великой Болгарии. Англия, Германия и Австро-Венгрия потребовали ревизии Сан-Стефанского договора. В противном случае Англия и Австро-Венгрия угрожали России войной. Речь шла о новой коалиции европейских держав против России. Королева Виктория призывала Вену и Берлин «дать хорошую порку этим мерзким русским».

Александр II был вынужден уступить, чтобы избежать «второй Крымской войны». По итогам Берлинского конгресса Болгария была раздроблена на три части: Македония была вновь отдана Турции, к югу от Балкан была образована автономная область Восточная Румелия, подвластная султану, но управляемая губернатором-христианином. Сама Болгария оставалась вассальным от Турции княжеством. Болгарский князь не должен был принадлежать ни к одной правящей европейской династии. Французские историки Э. Лависс и А. Рамбо справедливо писали: «Вернув Македонию под владычество султана, Европа по наущению Англии и Австрии вопиющим образом нарушила требования гуманности. В Сан-Стефано Россия стремилась обеспечить освобождение всех христиан; в Берлине не считались ни со справедливостью, ни с волей народов, ни даже со здравым смыслом и общими интересами. Заключительный акт конгресса является памятником эгоизма, порождённием взаимной зависти, творением безнравственным и жалким, потому что, нисколько не обеспечив мир, этот акт лишь подготовил многочисленные поводы для конфликтов и войн в будущем»³. Действительно, отняв у Болга-

¹ Лависс Э., Рамбо А. *История XIX века*. — М.: ОГИЗ, 1939. Т. 1—8. Т. 7. С. 442—443.

² Николаев Всеволод. Указ. соч. С. 521.

³ Лависс Э., Рамбо А. Указ. соч. Т. 7. С. 448.

рии Македонию, Берлинский конгресс породил настойчивое желание Болгарии вернуть её обратно.

4/16 апреля 1879 г. в Тырново под руководством комиссара по управлению Болгарии генерал-лейтенанта А. М. Дондукова-Корсакова было созвано народное представительство — Собрание, которое выработало конституцию нового государства. Собрание становилось главным законодательным органом. Правительство было подотчётно Собранию, а исполнительная власть принадлежала князю. Им, по настоянию императора Александра II, был избран принц Александр Баттенбергский, прусский офицер и племянник императрицы Марии Александровны. Выбор этот был крайне неудачным. Баттенберг не питал никаких симпатий к славянству и отказался переходить в православие.

Болгарское общество было настроено в отношении России неоднородно. Если простой народ, духовенство и часть интеллектуалов безоговорочно поддерживали курс на сближение с Россией, то представители болгарских националистических и либеральных кругов мечтали о государстве, свободном от русского влияния. Эти представители, в основном выходцы из французских и немецких университетов, объединились вокруг С. Стамболова и его Либеральной народной партии. Стамболов выдвинул лозунг «Болгария для болгар». Князь Александр вёл двойную игру: внешне выказывал верность России, а внутри страны поддерживал националистический курс.

1 марта 1881 г. в Петербурге народовольцами был убит император Александр II. Новый император Александр III, участник Освободительной войны, считал, что Россия совершила ошибку, вмешавшись в балканские дела. Он исходил из того, что конституция, дарованная его отцом Болгарии, излишне либеральна, а политика болгарских властей слишком независима от России. Александр Баттенберг, который стремился к установлению в стране личного авторитарного режима, решил использовать эти взгляды императора в своих целях. Находясь в Петербурге, на погребении императора Александра II, Баттенберг из разговоров с Александром III понял, что новый император не будет противиться отмене Тырновской конституции.

24 апреля/9 мая 1881 г. Собрание приостановило на семь лет действие конституции и предоставило князю самые широкие полномочия. Было сформировано правительство во главе с русским генералом К. Г. Эрнротом. Болгарская армия была преобразована по русскому образцу генералом бароном А. В. Каульбарсом, занявшим пост военного министра Болгарии. Александр III полагал, что политика болгарского правительства должна быть полностью ориентирована на Россию. Русское правительство требовало от болгарского правительства передачи строительства железных дорог в руки русских железнодорожников, а также приведение болгарских законов в соответствие с законами Российской империи.

Баттенберг решил избавиться от зависимости от России. 25 августа/7 сентября 1883 г. князь восстановил Тырновскую конституцию, а формирование правительства поручил представителям либеральной партии, настроенным враждебно к России. Александр III был возмущён действиями Александра Баттенберга. Находившиеся в составе болгарского кабинета министров русские генералы М. Д. Скобелев и А. В. Каульбарс немедленно подали в отставку и уехали в Россию. Это отвечало планам князя Александра, который давно уже желал призвать на службу в Болгарию немецких офицеров.

В 1884 г. Баттенберг, воспользовавшись восстанием в Восточной Румелии, присоединил её к Болгарии. Это было нарушением Берлинского трактата. Россия потребовала от Баттенберга отказаться от подобного шага, т.к. он ставил Россию в сложное положение, угрожая её интересам в Проливах. Баттенберг игнорировал эти требования. В ответ Александр III отозвал всех русских офицеров из Болгарии. 22 октября 1884 г. Высочайшим приказом по военному ведомству было объявлено о том, что *«генерал-лейтенант, Его Высочество, князь Александр Болгарский исключается из списков русской армии»*¹.

2/14 ноября 1885 г. Сербия, пытаясь территориально поживиться за счёт Болгарии под предлогом протеста против присоединения Восточной Румелии к Болгарии, объявила ей войну. Однако

¹ Правительственный вестник. 22 октября 1884 г.

сербские войска потерпели сокрушительное поражение. Болгарская армия вторглась на территорию Сербии и дошла до Ниша, дорога на Белград была открыта. Только требование Австро-Венгрии, находившейся тогда в союзнических отношениях с Сербией, спасло её от полного разгрома¹. Весной 1886 г. Александр Баттенбергский был признан всеми странами Европы, за исключением России, правителем Румелии. Но ни этот дипломатический успех, ни победоносная война с Сербией не могли создать князю симпатии в Болгарии. Слишком откровенны были его прогерманская ориентация и презрение к славянству. Военные после полного разрыва князя с Россией стали сильно опасаться, что Баттенберг осуществит свое давнее желание ввести в армии прусские уставы и пригласить на службу австрийских и немецких офицеров. Среди болгарских офицеров был составлен заговор.

9 августа 1886 г. группа военных захватила Баттенберга в его дворце и заставила подписать отречение от престола. После чего свергнутый князь был отправлен за пределы княжества на русскую территорию. Но Баттенберг туда не был допущен и оставался в Русуке. В Софии было создано временное правительство во главе с русофилом митрополитом Климентом. Однако оно продержалось недолго. Либералы и националисты во главе со Стамболовым нашли поддержку в руководстве армии. Опираясь на верные войска, Стамболов двинулся походом на Софию и занял её, свергнув временное правительство. 19 августа/1 сентября 1886 г. Александр Баттенберг был призван обратно на престол. Но князь хотел вернуться, только заручившись поддержкой Александра III. Он отправил царю телеграмму, в которой писал: *«Россия даровал мне корону, и в руки её Государя я готов вернуть её»*. На что император Александр III ответил: *«Я буду воздерживаться от всякого вмешательства в то печальное положение вещей, в каком очутилась Болгария, доколе вы останетесь в ней»*². После этого Александр Баттенберг окончательно отказался от своих прав на болгарский престол и уехал в Австро-Венгрию, в армии которой он устроился генералом.

¹ История дипломатии. Т. 2. С. 78.

² Лависс Э., Рамбо А. Указ. соч. Т. 7. С. 463.

В Болгарии утвердилась диктатура С. Стамболова, которая длилась 8 лет. Стамболов провозгласил себя регентом до избрания нового князя. Политика регента была направлена на создание «Великой Болгарии». Александр III попытался добиться избрания на болгарский престол участника Освободительной войны, светлейшего князя Мингрельского генерал-майора Н. Д. Дадияни. Для подготовки сторонников князя Дадияни в Софию был послан генерал Каульбарс. Однако Стамболов ускорил выборы в национальное собрание, которое провозгласило князем датского принца Вольдемара. Александр III заявил, что не признаёт постановления этого собрания, после чего принц Вольдемар отказался от престола. Александр III отозвал Каульбарса и всех русских агентов. Дипломатические отношения между Россией и Болгарией были разорваны.

В марте 1887 г. сторонники союза с Россией подняли восстание в Рушуке. По приказу Стамболова оно было жестоко подавлено. Расправам подверглись русофилы и в Софии. 11/23 августа 1887 г. на болгарский княжеский престол был приглашён австрийский принц Фердинанд Саксен-Кобургский. Фердинанда в качестве князя официально не признала ни одна европейская держава. Но де-факто это признание состоялось со стороны Англии, Австро-Венгрии и Италии, которые были заинтересованы в появлении на Балканах враждебного России государства. Александр III, считавший Фердинанда легкомысленным повесой, заявил: «*Выдвижение его в качестве кандидата на престол столь же комично, сколь комична и сама кандидатура*»¹.

Фердинанд, так же как и его предшественник Александр Баттенбергский, не любил православие и остался католиком. Более того, женившись на католичке принцессе Марии-Луизе Пармской, Фердинанд заявил, что его потомство будет пребывать в католической вере. Русский дипломат князь Г. Н. Трубецкой, общавшийся с болгарским венценосцем, свидетельствовал: «*Свой народ Фердинанд не любит. Он не стеснялся презрительно отзываться*

¹ Констант С. *Фердинанд Лисицата. Цар на България*. — София, 1992. С. 7–8.

ся о нем, и мне лично пришлось слышать от него подобные отзывы... Болгары боялись его, никто не любил его»¹. Примечательно, что сам Стамболов сказал перед смертью: «Болгарский народ простит все мои грехи. Но никогда не простит мне, что я возвёл Кобурга на болгарский престол»².

Стамболов последовательно содействовал утверждению в стране позиций Австро-Венгрии, Германии и Англии. По отношению к России Стамболов проводил враждебную политику³. Болгарская Православная Церковь осуждала эту политику Стамболова и отказывалась признавать католика Фердинанда главой Болгарии.

Стамболов, сосредоточив в своих руках всю полноту власти, фактически превратился в диктатора. Это начинало тяготить и князя Фердинанда, и болгарское общество. Князь начал тайно вести переговоры с Петербургом. Там ясно дали понять, что, пока такой отъявленный русофоб остаётся у власти, ни о каком восстановлении отношений речи быть не может. В мае 1894 г. князь Фердинанд отправил Стамболова в отставку. Когда тот попытался организовать сопротивление, то против него на улицу вышли толпы народа, ликовавшие по поводу свержения ещё недавно все сильного министра.

Николай II и Болгария

Вступление на престол императора Николая II вызвало в русофильской части болгарского общества надежду на нормализацию отношений с Россией. Это в целом соответствовало и целям князя Фердинанда, который понимал, что без согласия России невозможно его признание Европой. В ноябре 1894 г. Фердинанд послал императору Николаю II телеграмму с соболезнованиями по поводу кончины отца. Летом того же года в Петербург была на-

¹ Трубецкой Г. Н., князь. *Русская дипломатия в 1914–1917 гг. Война на Балканах*. — Монреаль, 1983. С. 46.

² Йовков И. *Кобургът*. — София, 1980. С. 112.

³ Краткая история Болгарии / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. — М.: Наука, 1987. С. 258.

правлена делегация русофилов во главе с митрополитом Тырновским Климентом (Друмевым)¹.

Митрополит Климент только что был освобождён из застенков стамболовского режима. Возвращение из заточения владыки в Софию вылилось в народный триумф. Не успев вернуться в столицу, владыка заявил, что нужно ехать в Россию и просить русского царя о прощении. Была создана делегация, в которую помимо самого Климента вошли министр здравоохранения, министр юстиции и выдающийся болгарский поэт и писатель Иван Вазов. За два дня до приезда делегации в Россию 3/15 июля в Софии македонскими националистами был смертельно ранен Стамболов. В Европе стали беспочвенно утверждать, что это дело рук окружения князя Фердинанда, которое устранило перед началом переговоров с русским императором главного врага России в Болгарии.

В начале июля 1895 г. болгарская делегация прибыла в Петербург. После возложения золотого венка на могилу Александра III и панихиды делегация была принята Николаем II. Глава делегации митрополит Климент сразу же заявил: *«Прошу Вас, Государь, дозволить мне как духовному наставнику болгарского народа обратиться к Вам с единственным словом: “Простите нас, Государь! Мы виноваты перед Вами и сознаём тяжкую вину нашу пред Вашим великим Родителем”»!*

Далее митрополит стал уверять Государя, что в сердце болгарского народа и духовенства живы чувства благодарности и любви к Императорскому Дому и русскому народу, что болгары свято чтут память деда Государя, освободившего Болгарию, и родителя его, сражавшегося за их свободу. На эти слова Николай II ответил: *«Мне хорошо известно, что не народ и не духовенство виноваты во всём происшедшем, и я уверен в их преданности и любви»*. Митрополит Климент просил царя пожалеть болгарский народ и не оставлять его без покровительства и защиты. Владыка просил также, чтобы Николай II послал в Болгарию *«хорошего чело-*

¹ Бьюкенен Джордж. *Мемуары дипломата*. — М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. С. 44.

века, который мог бы нам давать советы и указания». Однако царь поспешил предупредить митрополита и болгарскую делегацию в преждевременности подобных просьб. *«Потерпите ещё немного, — сказал Николай II, — всё будет сделано своевременно. Есть ещё вопросы и европейской политики, и другие, которые надо разрешить».*

Николая II волновали отношения церковной и русофильской общественности с князем Фердинандом. Царь спросил митрополита Климента: *«Какие у вас отношения с Принцем? Вы часто с ним видите?»* Митрополит ответил, что в течение прошлого режима он и русофилы воздерживались от всяких сношений с князем. Но со времени падения Стамболова князь Фердинанд принял русофильскую делегацию и, по словам Климента, заявил, что он *«горит желанием заслужить доверие и благоволение Вашего Величества».* Впрочем, заявил митрополит, вопрос о принце Фердинанде он и его соратники полностью *«поверяют на Вашу Высочайшую волю, Государь».* Митрополит Климент умолял Николая II: *«Возвратите прежнее благоволение и покровительство народу и духовенству. Нас окружают враги, не представляйте нас самим себе».* На эти слова император Николай II заверил болгарскую делегацию: *«Не отчаивайтесь! Немного времени пройдёт, и всё можно будет исправить. А о врагах ваших не беспокойтесь. Мы за ними следим и не дадим вас в обиду»*¹.

Приём болгарской делегации не означал восстановления дипломатических отношений. Более того, царь заявил, что приём этот оказывается болгарскому народу, в чувствах которого Россия никогда не сомневалась, а не *«группе людей, именующей себя болгарским правительством».* Тем не менее именно с этой встречи начинается процесс нормализации русско-болгарских отношений.

Фердинанд испытывал к России, по свидетельству современников, *«чувство непреодолимой антипатии и известного страха».* Но он был вынужден с ней считаться как с великой державой, имевшей в Болгарии большой авторитет.

¹ Дневник графа В. Н. Ламздорфа. 1895 г. Вложение в дневник № 246 // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 95–97.

Главным камнем преткновения между Николаем II и Фердинандом Кобургским оставался вопрос вероисповедания. В ноябре 1895 г. Фердинанд просил царя стать крестным отцом его сына, наследника престола княжича Бориса, родившегося в 1894 г. При рождении Борис был крещён в католическую веру, но по политическим соображениям Фердинанд был готов обратиться в православие. Однако здесь Фердинанда подстерегала другая опасность: папа римский Лев XIII угрожал болгарскому князю отлучением от церкви, а император Франц-Иосиф грозил войной. Ко всему прочему, супруга князя Фердинанда, княгиня Мария-Луиза, была ревностной католичкой¹. В этой ситуации Фердинанд попытался схитрить и под видом православного таинства совершить над наследным принцем униатский обряд. Но эта хитрость стала известна министру иностранных дел князю А. Б. Лобанову-Ростовскому, который доложил о ней Николаю II. Реакция царя была категоричной: *«Я ни за что не соглашусь быть крестным отцом Бориса, если Фердинанд думает нас подставить»*².

После долгих размышлений Фердинанд всё-таки решился уступить России и желанию своего собственного народа. 23 января 1896 г. он издал манифест, в котором говорилось: *«Объявляю возлюбленному моему народу, что во исполнение обещания, данного представителям нации с высоты престола, объявляю всем болгарам, что 2 февраля текущего года, в праздник Сретения Господня, последует священное миропомазание наследника престола Бориса по обряду национальной Болгарской церкви»*³.

Но даже после этого манифеста Николай II указал Лобанову на необходимость *«серьёзно и тщательно проверить, чтобы обряд был бы действительно по православному, а не греко-униатскому*

¹ Aslanian Dimitrina. *Histoire de la Bulgarie de l'Antiquité à nos jours*. Trinitium, 2004. P. 246.

² Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник № 246. Резолюция императора Николая II на записке князя А. Б. Лобанова-Ростовского. 12/24 ноября 1895 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 42. Л. 22.

³ Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник № 247 // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 44. Л. 43.

тайнству»¹. 26 января 1896 г. Николай II записал в дневнике: «Получил письмо от Фердинанда из Болгарии с просьбою быть приемником при миропомазании его сына Бориса. Кутузов² поедет в Софию в качестве свидетеля только»³.

Лишь после того, как Лобанов-Ростовский убедился в том, что Борис будет крещён по православному обряду, император Николай II дал своё согласие заочно стать крёстным. 2/15 февраля 1896 г. состоялось крещение княжича Бориса, за которым последовало отлучение князя Фердинанда от католической церкви, но зато признание его Россией, а вслед за этим и всеми европейскими государствами в качестве князя Болгарского. Царь направил в Софию в статусе русского дипломатического агента Н. В. Чарыкова.

Для укрепления наметившегося улучшения двусторонних отношений князь Фердинанд 6 апреля 1896 г. прибыл в Царское Село для встречи с императором Николаем II. «В 4 — приехал Фердинанд Кобургский, — писал царь в своём дневнике, — которого мы угостили чаем. Я его видел в последний раз в 1883 г., он потолстел и отпустил себе бороду». Это был первый визит Фердинанда в качестве болгарского князя в Петербург, который продолжался до 10 апреля 1896 г. Во время встречи с царём Фердинанд обещал в корне изменить свою политику в отношении России.

Вернувшись в Софию, князь Фердинанд объявил амнистию всем офицерам-русофилам, вынужденным бежать в Россию от режима Стамболова. «Запад, — заявил Фердинанд Собранию, — объявил мне анафему. Заря с Востока освещает своими лучами мою династию и наше будущее»⁴.

¹ Дневник графа В. Н. Ламздорфа за 1895 г. Вложение в дневник. Резолюция императора Николая II на записке князя А. Б. Лобанова-Ростовского. 12/24 ноября 1895 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 42. Л. 23.

² Граф А. А. Голенищев-Кутузов, управляющий канцелярией вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны.

³ Дневник императора Николая II за 1896 г. Запись за 26 января // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д.

⁴ Бьюкенен Джордж. Указ. соч. С. 47.

Однако эти слова вряд ли можно признать искренними. Вынужденный постоянно доказывать своему народу приверженность ценностям Болгарии, князь Фердинанд так до конца и не понял, в чём была их суть. Православная вера никогда не стала его верой. Это в свою очередь приводило к тому, что князь пытался всё время обрести симпатии болгар за счёт внешней славы и внешнего величия. В результате политика Фердинанда привела Болгарию к участию в Мировой войне и полному провалу честолюбивых планов амбициозного монарха. Русские дипломаты предсказывали это ещё накануне Балканских войн. В сообщениях для МИДа отмечалось, что *«тот разлад, который всегда существовал между ним [Фердинандом] и управляемым им народом, в результате чего та власть, тот престиж, то тонкое умение владеть людьми, словом, тот личный режим, который он так долго и с таким упорством создавал, не дают ему уверенности ни в личной безопасности, ни в будущем своей династии»*¹.

Осенью 1908 г., воспользовавшись тем, что Австро-Венгрия увязла в Боснийском кризисе, а Турция была крайне раздражена аннексией Боснией и Герцеговины, Фердинанд решил провозгласить Болгарию независимой державой. 18 сентября 1908 г. товарищ министра иностранных дел Н. В. Чарыков докладывал императору Николаю II: *«Болгарский дипломатический агент сообщил мне следующее: во время пребывания в Пеште князя Фердинанда болгарское правительство решило провозгласить Болгарию независимым королевством в близком будущем, может быть, завтра или послезавтра. Выслушав от меня повторение категорического совета, данного гофмейстером Извольским Станчову², не предпринимать этого шага без согласия России под угрозой оставления Болгарии на произвол судьбы, [болгарский дипломат] осознала ошибочность этого шага, которое его правительство готовится сделать»*³.

¹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. 1909—1911 гг. Д. 2255. Л. 258.

² Димитр Станчов, министр иностранных дел Болгарии в 1906—1908 гг.

³ Н. В. Чарыков — императору Николаю II. 18 сентября 1908 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 750. Л. 20.

«Осознание» дипломатом ошибочности действий Софии не помешало 21 сентября/4 октября 1908 г. Совету министров во главе с князем провозгласить Болгарию независимым царством, а Фердинанда — «царём болгар». (В России и Европе Фердинанда долго предпочитали называть королём, а Болгарию — королевством.) С. Д. Сазонов отмечал, что принятие этого титула ясно свидетельствовало, что конечной целью Фердинанда является создание «великой Болгарии» от Чёрного моря до Эгейского, а то и до Адриатического, то есть Фердинанд хотел восстановления Болгарии в границах, определённых Сан-Стефанским договором 1878 г. Имеются сведения о том, что в самых смелых своих мечтах Фердинанд видел себя византийским императором, коронующимся в присоединённом к Болгарии Константинополе¹.

Николай II считал время для провозглашения Болгарского царства совсем неподходящим. Император полагал, что обретение Болгарией независимости должно стать праздником всего славянского мира во главе с Россией, а не частным соглашением со злейшими врагами славянства — австрийской и турецкой империями. Несмотря на это, 8/21 апреля 1909 г. Николай II первым направил поздравительную телеграмму царю Фердинанду². Однако Николай II нашёл способ выказать новому монарху своё недовольство. Когда в декабре 1909 г. скончался старейший член Дома Романовых великий князь Михаил Николаевич, то царь Фердинанд был вынужден испрашивать разрешения Государя на свой приезд на похороны. 17 декабря 1909 г. министр Двора барон В. Б. Фредерикс сообщал А. П. Извольскому: *«Его Величество на приезд короля Фердинанда хотя и изволил изъявить своё согласие, но поручил через нашего посланника предупредить короля, что на следующий день после похорон состоится у Его Величества для всех прибывших иностранных принцев завтрак, на каковой будет приглашён и король, после чего, ввиду глубокого траура по старшему члену Императорского Дома, предполагается, что все иностранные гости отбудут,*

¹ Сазонов С. Д. *Воспоминания*. — М.: Международные отношения, 1991. С. 54–55.

² Бьюкенен Джордж. Указ. соч. С. 65.

так как никаких дополнительных приёмов не будет»¹. Таким образом, Николай II дал понять Фердинанду, что принимать его он не желает.

Несмотря на то что внешне Николай II проявлял к Фердинанду подобающие почтение, как к главе иностранного государства, симпатий у русского императора болгарский монарх не вызывал. Подозрительный и мнительный Фердинанд полагал, что от России можно ждать только вероломства. Будучи сам человеком коварным и склонным к интригам, он и в русском императоре видел несуществующее коварство и интриги против себя. Вернувшись в 1910 г. из Петербурга, где он находился с визитом, Фердинанд сказал посланнику России в Софии А. В. Неклюдову: *«Дорогой посланник, я просил Вас прийти ко мне, потому что мне необходимы Ваши познания, чтобы разобраться во впечатлениях, привезённых из Петербурга. Мне не удалось, по правде говоря, понять, кого там больше ненавидят: мой народ, моё дело или меня самого»*².

К 1912 г. князь Фердинанд стал фактически единоличным правителем Болгарии. Посланник России в Болгарии А. А. Савинский писал: *«Вся политическая жизнь Болгарии, особенно внешняя политика, направляется царём. Министры являются слепым орудием в его руках»*³.

Сербия

К 1914 г. Сербия, безусловно, была главным союзником России на Балканах. Однако русско-сербские отношения не всегда носили идиллический характер. Сербии, как и всем обретшим свободу от турецкого ига балканским государствам, был свойствен чрезмерный национальный эгоизм, который порой сильно влиял на её отношения с Россией и затруднял ей проведение своей линии на Балканах. Между тем, возрождением своей государствен-

¹ В. Б. Фредерикс — А. П. Извольскому. 17 декабря 1909 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 761. Л. 1.

² Палеолог М. *Царская Россия в Первой мировой войне*.

³ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. 1916 г. Д. 3770. Л. 200.

ности Сербия, как и Болгария, и Черногория, и Румыния, была обязана России. В 1829 г. после победы России в войне с Турцией по Андрианопольскому миру Сербия получила широкую автономию от султана. Но уже в Крымской войне Сербия отказалась помочь России и выступить против Турции.

В 1876 г. Россия оказала помощь Сербии в выводе турецких гарнизонов с сербской территории и финансовую поддержку правительству русофильски настроенного князя Михаила Обреновича. Это обеспокоило Австро-Венгрию и Турцию. В 1868 г. князь Михаил был убит сторонниками Карагеоргиевичей. По некоторым сведениям, следы этого преступления вели в Вену¹.

На престол Сербии вступил князь Милан Обренович. В начале своего правления Милан придерживался русофильской ориентации, в отличие от Карагеоргиевичей, занимавших тогда проавстрийскую позицию. Летом 1875 г. в турецких провинциях Герцеговине и Боснии вспыхнули восстания против османского владычества. 18 июня 1876 г. Сербия и Черногория начали войну против Турции с целью помочь восставшим. В Сербию на помощь православным братьям устремилось множество русских добровольцев: всего около 3 тыс. человек, 700 из которых было офицерами. Главнокомандующим сербской армией был назначен русский генерал М. Г. Черняев. Прибывшие в Сербию русские добровольцы были неприятно удивлены и разочарованы позицией сербов в отношении их участия в освобождении от турецкого ига болгар и славянского населения Боснии. Тем временем военная удача отвернулась от сербской армии. Турция, многократно превосходившая численностью населения и Сербию, и Черногорию, перебрасывала на данный театр всё новые резервы, тогда как сербы не имели достаточно людских резервов. В результате армия генерала Черняева была вынуждена отступить. В сражении под Джунисом 29 октября 1876 г. до половины русских добровольцев погибло.

Сербская армия потерпела тяжёлое поражение от турок. От полного разгрома её спас только жёсткий русский ультиматум и

¹ Тимофеев А. Ю. *Русские в Сербии с конца XII до начала XX в.* // Русские в Сербии. — Белград, 2009. С. 33.

угроза немедленного вступления России в войну. Для того чтобы поднять престиж князя Милана, генерал Черняев провозгласил его королём, что, впрочем, не было признано ни одной великой державой. Поражение в войне с турками настроило сербское руководство против России, которая, по его мнению, недостаточно помогала сербской армии. Поэтому во время Освободительной войны 1877–1878 гг. Сербия проигнорировала предложение России выступить совместно против Турции.

Александр II, одержав победу в войне, при подписании мирного договора в Сан-Стефано самые большие территории отбитые у турок, отдал болгарам, плечом к плечу воевавшим с русскими войсками. Тем временем Сербия претендовала на часть этих территорий. Несмотря на то что Александр II заставил султана признать независимость Сербии, там затаили на Россию большую обиду. Эта обида не исчезла даже после того, как Берлинский конгресс изменил результаты Сан-Стефано и признал за Сербией часть территорий, которые должны были отойти Болгарии. В 1881 г. между Веной и Белградом была подписана тайная декларация, согласно которой Сербия отказывалась от планов расширения своей территории без предварительного согласия Австро-Венгрии. В конце XIX в. складывалась поразительная ситуация, когда Россия, своей кровью освободившая Балканы от турецкого ига, полностью утратила своё влияние на правящие режимы в Сербии и Болгарии¹.

Антирусские настроения правящей верхушки Сербии вызвали резкое неприятие в народной и в церковной среде. Благодарность сербского народа России, его опасение, что без русской помощи Сербию может снова постигнуть турецкая оккупация, становились мощным противодействием антирусскому курсу правительства. Он встречал неприятие и у большей части мыслящих патриотов Сербии, которые объединились в Радикальную партию во главе с Н. Пашичем. Радикалы требовали развернуть политическую ориентацию Сербии в сторону России, прекратить сближение страны с Австро-Венгрией. В 1885 г. король Ми-

¹ Тимофеев А. Ю. *Русские в Сербии...* С. 34.

дан развязал войну против Болгарии на стороне Турции, стремясь помочь султану вернуть отобранную Болгарией Восточную Румелию. Война эта была в сербском народе крайне непопулярной и неудачной. Болгарская армия нанесла сербам ряд тяжёлых поражений и вступила в пределы Сербии. Болгары остановились только перед угрозой Австро-Венгрии вмешаться в войну. Програнная война, позорное участие сербов на стороне Турции, помощь Австро-Венгрии вызвали мощное возмущение в сербском народе. Милан Обренович был вынужден 6 марта 1889 г. отречься от престола в пользу своего сына Александра и покинуть страну.

При Александре Обреновиче Сербия всё больше подпадала под влияние Австро-Венгрии. С каждым днём престиж короля падал, от него отвернулась верхушка армии.

Николай II и Сербия

В начале царствования Николая II клубок противоречий на Балканах становился всё запутанней. Главным узлом в этом клубке было соперничество между Сербией и Болгарией за Македонию. В апреле 1901 г. король Александр Обренович в частной беседе с российским публицистом А. В. Амфитеатовым заявил, что Македония наряду со Старой Сербией (Косово и Метохия) является исконной землей сербского народа, которую Сербия никому не уступит¹. Сербы базировали свои претензии в основном на кратковременном сербском господстве в Македонии в XIV в., а также исходя из того, что та перешла в руки турок в конце XIV в. не из-под болгарского, а из-под сербского владения².

Но кроме Сербии на Македонию претендовали Греция и Болгария, которые обосновывали свои претензии, ссылались на эт-

¹ Амфитеатов А. В. *В моих скитаниях. Балканские впечатления.* — СПб., 1903 // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары. — СПб., 2006. С. 456.

² АВПРИ. Ф. 192. Миссия в Софии. Оп. 527/1. 1905. Д. 10. Л. 183, 291.

нический состав населения Македонии¹. Этот спор за Македонию сыграет не последнюю роль в Балканских войнах XX в.

Николай II понимал, что без разрешения балканских противоречий мира на полуострове не будет, а это, в свою очередь, означало крайнее осложнение планов России по решению своих геополитических задач в районе проливов. Кроме того, создание союза балканских государств во главе с Россией означало мощное противодействие австрийским и немецким экспансионистским устремлениям. Поэтому Николай II считал важной задачей возвращение Сербии в лоно российской политики и примирение её с Болгарией. Для этих целей 8 ноября 1900 г. царь направил в Белград Н. В. Чарыкова в качестве чрезвычайного посланника при сербском короле². По инициативе Чарыкова по всей Сербии начали создаваться «русские клубы», которые имели своей целью пропаганду и изучение русского языка и русской культуры³.

Помимо указанных задач, перед Чарыковым ставилась цель содействовать русской навигации на Дунае и подготавливать строительство Адриатической железной дороги, которая проходила бы через Сербию и Черногорию⁴. Чарыков предложил императорскому правительству обратить часть сербского долга в облигации Адриатической железной дороги. Тем самым Россия усиливала своё влияние в Сербии⁵.

Чарыков считал, что экономическое содействие Сербии в гораздо большей степени сблизит её с Россией, чем любые политические союзы. «В Сербии, — писал он Ламздорфу 30 января

¹ Сквозняков А. Н. *Македония в конце XIX — начале XX столетия: «яблоко раздора» на Балканах* // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. Т. 9. № 2. 2007.

² Формулярный список Н. В. Чарыкова // РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 230. Л. 217.

³ Чернов О. А. *Из истории русско-сербских отношений нач. XX в.* // Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры. — Самара: Универс-групп, 2004.

⁴ АВП РИ. Ф. 366. Миссия в Белграде. Оп. 508/11. Д. 52. Л. 16.

⁵ АВП РИ. Ф. 366. Миссия в Белграде. Оп. 508/11. Д. 52. Л. 16.

1902 г., — политическое влияние идёт рука об руку с торговым. Товарный обмен, когда он нормален и обоюдовыгоден, сближает и связывает два народа лучше всякого чисто политического объединения»¹.

В результате деятельности Чарыкова между Сербией и Россией было установлено прямое торговое сообщение, которое осуществлялось через русские железные дороги, сербские пристани на Дунае и сербские железные дороги. Количество перевозимых грузов по этому пути выросло с 177 313 в 1901 г. до 463 044 в 1902 г.² Чарыков предлагал включить в эту транспортную сеть и Болгарию, создав, таким образом, между двумя странами и Россией единую торговую систему. Но здесь снова возникали непреодолимые болгаро-сербские территориальные противоречия.

Россия проводила активную политику помощи сербам не только на территории самого королевства. Особенно нуждались в помощи брошенные своим правительством сербы, оставшиеся в турецких владениях. По распоряжению императора Николая II русские консулы в Косовском вилайете твёрдо проводили курс на защиту сербского населения от албанских фанатиков. Роль русских дипломатов проявилась и во время Коланикского восстания 1901 г., и при умирении албанских выступлений против сербов в 1902—1903 гг. 18 марта 1903 г. жандарм-албанец выстрелом из винтовки смертельно ранил русского консула Г. С. Щербину в Митровице³. Это преступление, по показаниям убийцы, стало мстью русскому консулу за защиту сербов Митровицы от албанского погрома.

Между тем официальные отношения между Петербургом и Белградом оставляли желать лучшего. Король Александр Обренович продолжал смотреть в сторону Австро-Венгрии, хотя к Чарыкову он относился благосклонно и доверительно. Чарыков даже предлагал Ламздорфу организовать визит сербского короля в Петербург, но получил от министра отказ и указание «не вмешиваться во внутренние дела Сербии».

¹ Чернов О. А. *Из истории русско-сербских отношений нач. XX в.*

² АВП РИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1903 г. Д. 496. Л. 264.

³ АВП РИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2021. Л. 66—68.

Ночью 29 мая/11 июня 1903 г. группа сербских офицеров, которую возглавлял Д. Дмитриевич, будущий глава «Чёрной руки», ворвалась в королевский дворец и потребовала от короля Александра отречения в пользу принца Петра Карагеоргиевича. По словам нападавших, король застрелил одного из них. Это, скорее всего, являлось вымыслом заговорщиков с целью оправдать их последующие действия. Сразу же после отказа короля подписать отречение заговорщики из револьверов убили его, королеву Драгу, её брата и двух сестёр. Кроме них в Белграде были убиты военный министр Сербии георгиевский кавалер генерал М. Павлович, глава правительства генерал Д. Цинцар-Маркович, тяжело ранен министр внутренних дел В. Тодорович.

Хотя король Александр Обренович не вызывал никакой симпатии в России, его злодейское убийство вызвало всеобщее возмущение и осуждение. *«Сербы покрыли себя не только позором цареубийства, — писал известный публицист и писатель В. А. Теплов, — что уже само по себе не допускает двух мнений, но и своим поистине зверским образом действий по отношению к трупам убитой ими Королевской Четы. После того как Александр и Драга упали, убийцы продолжали стрелять в них и рубить их трупы саблями: они поразили Короля шестью выстрелами из револьвера и 40 ударами сабли, а Королеву — 63 ударами сабли и двумя револьверными пулями. [...] О других надругательствах над трупом Драги... я предпочитаю не говорить, до такой степени они чудовищны и омерзительны».* Убитые король и королева не были даже по-христиански погребены, их трупы еще несколько дней лежали во дворе дворца¹.

7/20 июня 1903 г. «Новости дня» сообщали: *«Государь Император 4-го сего июня изволил повелеть наложить при Высочайшем Дворе траур на 24 дня, согласно регламенту, по случаю кончины их величеств короля сербского Александра и королевы Драги, последовавшей 29-го минувшего мая»*².

Несмотря на подобную реакцию России на белградское преступление, в сербском высшем обществе стали муссироваться

¹ Теплов В. *Белградское цареубийство*. — СПб., 1903. С. 40—41.

² Новости дня. 7/20 июня 1903 г.

слухи, что за убийством короля и королевы стоит Россия. Сестра убитой королевы Драги всерьёз полагала, что посланник России в Белграде Н. В. Чарыков «организовал некий “русский клуб”, где под видом изучения русского языка сербские офицеры осваивали историю заговоров». В результате якобы русским «удалось наконец найти восемь десятков подонков, которые согласились лишить жизни короля»¹.

Подобные нелепые и ни на чём не основанные измышления скрывали всё то же неприятие России, какое было свойственно многим представителям сербского общества.

Однако Чарыков справедливо полагал, что русские интересы не пострадали в результате переворота. Новым королём Сербии был провозглашён принц Пётр Карагеоргиевич, русофил и противник Австро-Венгрии. Он имел большую популярность в народе. В 1904 г. принц Пётр был коронован в Белграде как король сербов Пётр I. Первые же шаги нового короля были направлены на улучшение отношений с Россией. Пётр I обратился к Николаю II с просьбой стать крёстным отцом его младшего сына Александра. В 1904 г. принц Александр с разрешения императора Николая II был принят в Пажеский Его Императорского Величества корпус в Санкт-Петербурге. Однако окончить его принцу не удалось. В 1908 г. из-за отстранения от престолонаследия королевича Георгия принц Александр был объявлен наследником престола и уехал в Белград².

Несмотря на поворот сербской политики в сторону России, который произошёл при короле Петре I, правящие сербские круги в своих отношениях с Петербургом по-прежнему на первое место ставили их «полезность» для Сербии. Стоило позициям Петербурга ослабнуть в годы русско-японской войны и революции 1905–1907 гг., как сербские власти начали отстраняться от своей союзницы. Поверенный в делах в Белграде А. Н. Евреинов пи-

¹ Шемякин А. Убиение генерала Павловича. Как расстреливали в Белграде георгиевского кавалера // Родина. 2007. № 9.

² Каменский В. Королевич Александр Сербский // Союз пажей. Сборник 7. — Париж, 1957 г. С. 9–11.

сал в письме к А. П. Извольскому 22 августа/ 4 сентября 1906 г.: *«Во время последнего моего свидания с г. Пашичем он коснулся между прочим вопроса о назначении сербского посланника в С.-Петербург. По его словам, он всячески старается подыскать лицо, могущее занять этот пост, но до сих пор ему это не удаётся. Семейные не соглашаются ехать из-за дороговизны жизни, а подходящих холостых будто бы нет. Передавая мне это, г. Пашич сам сознавал несостоятельность своих объяснений и видимо конфузился. [...] Причину замедления в данном вопросе следует считать в том обстоятельстве, что Россия, занятая в настоящее время своими внутренними делами, не может, как думают сербы, быть полезной Сербии»¹.*

В качестве примера Евреинов описал, как кронпринц Александр беседовал с ним по-французски, хотя и владел свободно русским языком. Зато с немецким и австрийским послами престолонаследник изъяснялся по-немецки. Евреинов поинтересовался у приближённого лица, почему обучавшийся в Пажеском корпусе королевич забыл русский язык. Этот вопрос бы доведён до принца, тот подошёл к Евреинову и час разговаривал с ним по-русски.

Евреинов был уверен, что Сербия вновь начнёт дружить с Россией, как *«только у нас всё успокоится»*. Однако, предупреждал поверенный в делах, нужно помнить, что Сербия будет с Россией, когда та будет сильная, и покинет её, когда она ослабеет².

Предположения Евреинова подтвердились в самом скором времени. Как только в России революция была подавлена и в стране воцарился порядок, Белград сразу же активизировал свои контакты с Петербургом. Конечно, неправильно было бы представлять, что отношения Сербии к России строились исключительно на позициях рационального расчёта. В Сербии было живо и чувство искренней и бескорыстной симпатии к защитнице православия и славянства. Но эти чувства отходили у сербских политиков на второй план, когда речь шла о сиюминутных национальных интересах.

¹ А. Н. Евреинов — А. П. Извольскому. 22 августа 1906 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

² А. Н. Евреинов — А. П. Извольскому. 22 августа 1906 г. // ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 17. Л. 3—4.

В марте 1910 г. в столицу Российской империи прибыл король Пётр с председателем Совета министров Н. Пашичем и министром иностранных дел Милованичем. Сербский король был принят на самом высоком уровне. Государь наградил его орденом Святого апостола Андрея Первозванного и назначил шефом 14-го пехотного Олонекского полка. Главной темой переговоров двух монархов, а также их министров было стремление России смягчить сербско-болгарские противоречия и предотвратить большую войну на Балканах, которая могла вспыхнуть в любой момент из-за Македонии. Н. В. Чарыков докладывал, что *«со стороны Турции, Сербии, Румынии над Болгарией собирается гроза, которая должна будет разразиться, если из Болгарии начнутся действия, угрожающие миру в Македонии»*.

Черногория

Черногория до середины XIX столетия была теократической монархией, во главе которой стояли митрополиты (владыки). В течение веков правящим родом был род Петровичей-Негошей. Черногория была под протекторатом Османской империй, но никогда целиком не была под её властью (турки контролировали только юго-восточные территории). Во многом это объяснялось тем, что значительную часть страны занимали труднодоступные горные районы.

В середине XIX в. митрополит Даниил (Данило) II отказался от митрополичьего сана и провозгласил себя князем Черногорским под именем Данилы I. В 1860 г. он был убит своим политическим противником. Данилу наследовал его племянник князь Николай (Никола) I, которому при вступлении на престол было 19 лет от роду. Князь получил образование в парижском лицее Людовика Святого, свободно говорил на нескольких европейских языках. Он отличался личным мужеством, стойкостью и волей. При этом Николай был неплохим дипломатом. В 1862 г., проиграв Турции войну, он сумел заключить выгодный для Черногории мир. Во время Освободительной войны 1877–1878 гг. Николай не стал выжидать, подобно Сербии, чем закончится противостояние рус-

ских с турками, а не задумываясь присоединился к России и объявил Турции войну. Победа России принесла Черногории независимость. В знак признания заслуг Черногории и личного мужества её князя император Александр II пожаловал князя Николая Черногорского орденом Святого Георгия 2-й степени¹.

По Берлинскому трактату Черногория получила порты Антивари и Дульциньо и плодородные равнины Никшича и Подгорицы. Однако часть плодородных албанских земель, переданных Черногории, была силой удержана албанцами. Против воли России «*полицейский надзор морской и санитарный, как в Антивари, так и вдоль всего побережья*» был предоставлен Австро-Венгрии, которой также было дано право содержать гарнизоны в Нови-Пазарском санджаке, что отрезало Черногорию от Сербии. Таким образом, увеличив вдвое территорию и население Черногории, Берлинский трактат поставил её в полную зависимость от Австро-Венгрии.

В 1881 г. между Россией и Черногорией были установлены дипломатические отношения. Во время второго визита князя Николая в Петербург в 1889 г., на торжественном обеде в присутствии всего дипломатического корпуса император Александр III произнёс свой знаменитый тост: «*За князя Николая Черногорского, единственного моего друга и союзника*».

Граф С. Д. Шереметев вспоминал: «*В своё время тост об "единственном друге" переполошил всех, и всего более князя Николая, который просто струсил. У Государя, никого не предупредившего об этом тосте, была, очевидно, своя мысль, которую он не высказал. Одно время его сочувствия склонялись к князю Черногорскому, но он, по-видимому, его раскусил, хотя сохранял прежние отношения. При мне в Москве Государь подарил князю Николаю серебряный богатый погребец. На простое подношение без всяких фраз князь Николай ответил театральной выходкой. Он стал в позу, подошёл к Государю с видом подобострастия и стремительно поцеловал ему руку. Я видел, как Государя передёрнуло*»². Тем не менее в том же 1889 г. Алек-

¹ Писарев Ю. А. *Шесть десятилетий на троне. Черногорский монарх Николай Петрович-Негош* // Новая и Новейшая история. 1991. № 6. С. 114.

² Мемуары графа С.Д. Шереметева. — М.: Индрик, 2001. С. 603.

сандр III пожаловал князю Николаю I Негошу орден Святого апостола Андрея Первозванного.

У князя Николы было 12 детей, девять из которых были девочки. Когда однажды один иностранный путешественник сказал князю, что в Черногории нет ничего стоящего на экспорт, то князь с улыбкой заметил: *«Вы забыли о моих дочерях»*. Это были не пустые слова. Старшая дочь князя Зорка вышла замуж за будущего сербского короля Петра Карагеоргиевича. Других четырёх своих дочерей — принцесс Милицу, Стану, Елену и Марию — князь направил в Петербург, в Смольный институт благородных девиц. В 1889 г. принцесса Милица вышла замуж за Великого князя Петра Николаевича, а принцесса Стана (Анастасия) — за принца Г. М. Лейхтенбергского. В 1906 г. их брак распался, и 40-летняя Великая княгиня Анастасия Николаевна вышла второй раз замуж за великого князя Николая Николаевича Младшего. Принцесса Елена вышла замуж за итальянского короля Виктора-Эммануила.

«Всё это родство, — писал секретарь русской миссии в Черногории Ю. Я. Соловьёв, — конечно, делало из Цетинье немаловажный центр придворных и политических интриг. Несколько лет спустя это сыграло большую роль при возникновении первой Балканской войны. Как известно, она была начата черногорцами»¹.

Тот же Соловьёв давал следующую характеристику князю Николаю Черногорскому: *«Это была необыкновенно живописная фигура. Николай был прирождённым актёром... Любимым занятием Николая была политика. Он ссорил дипломатов друг с другом, чтобы поочерёдно получать сведения об их коллегах. Он всячески старался произвести впечатление на окружающих, поражая их деланой простотой и добродушием. В действительности он был весьма хитрым и прошедшим через многие политические трудности политическим интриганом»².*

Главные интриги князь Николай строил на борьбе за влияние в Черногории двух империй: Российской и Австро-Венгерской.

¹ Соловьёв Ю. Я. *Воспоминания дипломата. 1893—1922.* — Минск, 2003. С. 140.

² Соловьёв Ю. Я. Указ. соч. С. 145.

Однако внешне князь подчёркивал свою исключительную преданность России. Как вспоминал Ю. Я. Соловьёв, при его первом свидании с князем в Цетинье тот сказал русскому дипломату: «Для меня существуют лишь приказания русского императора; мой ответ всегда одинаков: „Слушаюсь!“»

В 1894 г. черногорский монарх лично возглавил депутацию на похоронах императора Александра III. Со стороны молодого Государя князь встретил самое подчёркнутое уважение. Единственный из всех прибывших он жил в Зимнем дворце. В 1896 г. князь Николай присутствовал на коронации императора Николая II и императрицы Александры Фёдоровны. Черногорский монарх часто бывал в Санкт-Петербурге: в 1878, 1889, 1894, 1908 и 1912 гг.

К началу XX в. экономическое положение Черногории было крайне тяжёлым. Наиболее доходные отрасли народного хозяйства, как, например, деревообработка, раздавались в концессии иностранному капиталу, а в основе экономики страны — сельском хозяйстве по-прежнему господствовал средневековый способ обработки земли ралом на волах, в горных областях — вплоть до ручного способа. Велика была зависимость страны от урожайности, из-за чего нередко случались голодные годы. Скотоводство, исторически имевшее в Черногории большее значение, нежели земледелие, по-прежнему оставалось в рамках примитивных форм пастушеского хозяйства. Торговля Черногории не избежала общей участи экономики страны. Больше чем на 50% она зависела от Австро-Венгрии. Вывозились главным образом мелкий скот, шерсть, куры, вино, табак, овечий сыр и т.д., а ввозилась промышленная продукция — железо, оружие, а также зерно. Неудивительно, что из года в год торговый баланс оставался пассивным, государственный долг увеличивался. Промышленности в Черногории фактически не было, если не считать пивоваренного и консервного заводов, табачной фабрики и лесопилки. Добывающей промышленности не было совсем¹.

Россия оказывала Черногории весьма значительную помощь. По приказу императора Николая II в 1902 г. Черногории была пре-

¹ Балканские страны / Под ред. Ф. Н. Петрова. — М., 1946. С. 78.

доставлена субсидия на военные, внешнеполитические и церковные нужды в 500 тыс. рублей¹. Помимо помощи дружественному народу Россия преследовала цель укрепить в Черногории своё влияние в противовес австрийскому. Впрочем, князь Николай просил у царя гораздо большую сумму. С. Ю. Витте писал: *«На ближайшем всеподданнейшем докладе Государь мне сказал, что князь Черногорский просил, чтобы Россия ему оказывала денежную помощь, что он сказал князю, что не считает возможным из денег, платимых русским народом, оказывать денежную помощь иностранным, хотя бы более нежели дружественным народам. Тогда князь Николай ему ответил, что и он не счёл бы возможным просить о такой помощи, а потому он просит, чтобы ему давали не русские деньги, а турецкие, т.е. чтобы Турция следуемую от неё ежегодную контрибуцию до 3 000 000 рублей в год передавала не России, а Черногории»*². Николай II отказал князю и в этом. Витте не преминул, впрочем, приписать эту «заслугу» себе и графу Ламздорфу.

Нельзя сказать, чтобы иностранная денежная помощь Черногории была бесполезной. Развивались железные дороги, почта, телеграф. Но большую часть этих денег князь Николай тратил не по назначению. *«Черногорский монарх бесконтрольно тратил на свою персону и на содержание своей многочисленной семьи финансовую субсидию, получаемую из России, а также займы из других государств Европы. Это были немалые деньги»*³.

Черногорский князь получал денежные субсидии как от России, так и от Австро-Венгрии. Австрийцы выделяли в основном финансы на строительство дорог и почтово-телеграфной системы. Известно также, что Черногория получала одновременно от Франции и Италии по 3 млн франков⁴.

Князь Николай провёл в Черногории ряд политических и экономических реформ. В 1905 г. был создан парламент — Народная скупщина, провозглашена конституция. На самом деле вся власть

¹ Писарев Ю. А. *Шесть десятилетий на троне*. С. 116.

² Витте С. Ю. *Воспоминания*. Т. 1. С. 218.

³ Писарев Ю. А. *Шесть десятилетий на троне*. С. 116.

⁴ Писарев Ю. А. *Шесть десятилетий на троне*. С. 116.

в стране принадлежала князю, который беспощадно подавлял любые признаки инакомыслия.

Во время русско-японской войны, по мере неудач русской армии, восторженное отношение к России и клятвы в вечной с ней дружбе стали меняться у черногорского князя на более прохладный тон. 15 мая 1905 г. в Цетинье пришло известие о Цусимской трагедии. В дни траура русскую миссию в Цетинье посетили лишь княжич Мирко и митрополит Никифор, предложивший отслужить панихиду по русским морякам. Самого князя Николая в Черногории не было, он выехал лечиться в Карлсбад, передав регентство старшему сыну, княжичу Даниилу (Даниле). Княжич запретил митрополиту Никифору служить панихиду по павшим русским матросам и при этом выразил восхищение военным искусством японского адмирала Того¹. Через два дня дипломатический корпус русской миссии был приглашён на торжества по случаю открытия табачной фабрики в Подгорице. Естественно, что русские дипломаты отказались от подобного участия, а Соловьёв в письме к министру иностранных дел Черногории Л. Миджушковичу выразил надежду, что *«в дни русского национального траура братская черногорская армия не будет участвовать в торжестве, ничего общего с её задачами не имеющем»*.

Результатом стала высылка Ю. Ф. Соловьёва из Черногории по личному требованию князя Николая. Газета «Новое время» с возмущением писала 11 декабря 1905 г.: *«Налицо неоспоримый факт, что через несколько дней после Цусимского разгрома содержащиеся на русские средства черногорские батальоны принимали участие в празднествах: неопровержимо то, что княжич Данило, сын владельца, находящегося наполовину, если не совсем, на изживении русской казны, сиречь русского народа, счёл приличным пить за здоровье адмирала Того»*².

Возможно, Ю. Ф. Соловьёв, чьи воспоминания являются единственным источником происшедшего в Цетинье, несколько искажил причины инцидента. В подобных случаях оскорбления России

¹ Соловьёв Ю. Я. Указ. соч. С. 151.

² Новое время. 11 декабря 1905 г.

реакция Государя и русского МИДа всегда была достаточно жёсткой, и уж, во всяком случае, такой хитрый и острожный политик, как князь Николай, не стал бы только из-за этого обострять отношения с Россией высылкой её дипломата. Отношение Николая II к черногорскому монарху никак внешне не изменилось.

Когда 26 марта/8 апреля 1908 г. князь прибыл с очередным визитом в Петербург, «Новое время» писала: *«Его Высочество Князь Николай Черногорский прибывает в Царское Село 26 марта, в 10 час. утра. В тот же день князь Николай проследует в Петербург, где в Зимнем дворце для высокого гостя отведены роскошные апартаменты»*¹. В письме к матери вдовствующей императрице Марии Фёдоровне от 27 марта 1908 г. Николай II писал: *«Вчера приехал Князь Черногорский, он очень постарел и потолстел; а ноги сделались совсем кривые. Сегодня мы даём ему большой обед. Сколько времени он здесь останется, я не знаю: Он мне сказал, что ни о чём просить не будет, но всё-таки привёз с собой несколько министров»*².

Эти «несколько» министров всё-таки «кое-что» у русского военного ведомства попросили, а именно: несколько десятков тысяч винтовок с патронами, полевые и осадные орудия с боевым комплектом, шанцевый инструмент, обмундирование, снаряжение, палатки, продовольствие, санитарный материал. Всего на несколько миллионов рублей³.

Учитывая тревожное положение на Балканах, и то что Черногория являлась нашим союзником, Россия выдавала на требуемое оружие кредиты. Однако князь не использовал их по назначению. Первую мировую войну Черногория встретила совершенно не готовой. Основным вооружением черногорского солдата была «берданка», которая заряжалась бумажными патронами и при стрельбе выделяла столько дыма, что стрелок являлся прекрасной мише-

¹ Новое время. 26 марта 1908 г.

² Император Николай II — вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. 27 марта 1908 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 50—51. — М., 1932. С. 184.

³ Редигер А.Ф. *История моей жизни. Воспоминания военного министра*. Т. 1—2. — М., 1999. Т. 2. С. 212.

нию для противника. На всю черногорскую армию насчитывалось 30 пулемётов и 65 устаревших орудия¹. Впрочем, эти сведения русского посла в Константинополе М. Н. Гирса противоречат данным о состоянии черногорской армии накануне Первой Балканской войны, согласно которым в 1912 г. на вооружении черногорцев находилось 106 артиллерийских орудий российского и итальянского производства и 12 пулемётов (к концу 1912 г., уже во время войны, в Германии было закуплено ещё 50 пулемётов)².

В августе 1910 г., в год 50-летия своего царствования, князь Николай провозгласил себя королём Черногории. Россия полностью поддержала и заранее одобрила этот шаг князя. Николай Черногорский и его семья были отмечены самыми высокими знаками внимания со стороны императора Николая II. Газета «Новое время» от 16/29 августа сообщала: *«Государь Император Высочайше соизволил пожаловать Его Королевское Величество Короля Черногорского Николая I генерал-фельдмаршалом российской Императорской армии. Числящийся в списках 15-го стрелкового Его Величества Короля Черногорского Николая I полка сын Его Величества полковник Наследный Князь Даниил производится в генерал-майоры. Числящийся в списках 15-го стрелкового Его Величества Короля Черногорского Николая I-го полка сын Его Величества капитан Князь Мирко производится в подполковники. Числящийся в списках 15-го стрелкового его величества короля черногорского Николая I-го полка сын Его Величества подпоручик Княжич Петр производится в поручики. Высочайше повелевается 15-му Стрелковому Его Высочества Князя Черногорского Николая I полку именоваться 15-м Стрелковым Его Величества Короля Черногорского Николая I полком»*³.

Для сравнения: Австро-Венгрия по случаю дня рождения черногорского короля ограничилась подарком ему двух «чудных чистокровных лошадей»⁴.

¹ М. Н. Гирс — С. Д. Сазонову. 14 августа 1914 г. // АВП РИ. Ф. 133. Канцелярия министра. 1914. Оп. 1170. Д. 113. Л. 59.

² Балканские страны. С. 90.

³ Новое время. 16 августа 1910 г.

⁴ Новое время. 28 июля 1910 г.

Впрочем, это не мешало черногорскому королю на всякий случай заискивать и перед Австро-Венгрией. Недаром начальник австрийского Генерального штаба Конрад называл князя Николая-Черногорского «канделябром с двумя ручками»¹.

Россия и Балканские войны. 1912—1913 гг.

После Боснийского кризиса Николай II был озабочен возможностью прямого раздела славянских государств между Австро-Венгрией и Турцией. При этом ни одна из великих держав не собиралась препятствовать этому, а Германия напрямую поощряла своего австрийского союзника к экспансии на Балканах. В этих условиях Николай II выступил инициатором создания союза балканских государств, которые смогли бы сообща противодействовать агрессии Австро-Венгрии или Турции. Морской агент капитан 2 ранга А. Н. Щеглов в своём донесении писал, что для России «*весьма важно иметь с собою для диверсии славянско-балканские государства*» на случай войны с Турцией и Австро-Венгрией².

1/13 марта 1912 г. при поддержке России между Болгарией и Сербией было подписано двустороннее союзническое соглашение. 16/29 марта 1912 г. такой же союз с Болгарией подписала Греция.

Таким образом, под эгидой императора Николая II был создан Балканский союз.

Николай II надеялся, что славянская и православная общность членов Балканского союза позволит России не допустить начала большой войны. Образование Балканского союза вызвало в Берлине и Вене сильное раздражение: баланс сил на Балканах явно склонялся в пользу России.

Между тем балканские государства, идя на союзные соглашения друг с другом, стремились начать войну против Турции и за

¹ Писарев Ю. А. *Шесть десятилетий на троне...* С. 116.

² Капитан 2-го ранга А. Н. Щеглов — ГУГШ. 15/28 марта 1912 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7255. Л. 13.

её счёт решить свои территориальные проблемы, заложенные ещё Берлинским конгрессом. Успешная война Италии против Турции в 1911–1912 гг., когда итальянцам удалось отвоевать у Османской империи Ливию и Додеканес, ещё больше усиливала военные устремления балканских государств. Такая война была опасна для России: во-первых, она грозила возникновением большой войны, а во-вторых, могла привести к закрытию Турцией черноморских проливов, что грозило России огромными экономическими убытками. «Новое время» писала в те дни: *«Всё время русская экспортная торговля находится под страхом за Проливы. Не надо забывать, что наш хлебный вывоз достигает в настоящее время полутора миллиардов рублей, причём 60% направляется через Чёрное море. Закрытие Дарданелл, которое представляется весьма вероятным, если не будут сделаны надлежащие воздействия, повлечёт за собой настоящее бедствие для России»*¹.

Самым активным сторонником Балканского союза и его движущей силой был глава болгарского коалиционного правительства И. Гишов. Сразу же после оформления союзных договоров со всеми указанными государствами Гишов направил к Николаю II делегацию, которая должна была получить от него не только одобрение создаваемого союза, но и начала войны его против Турции. Гишов вспоминал: *«Приезд Государя в Ливадию весной 1912 г. представил нам удобный случай послать туда болгарскую депутацию, которая приветствовала его от имени болгарского царя и болгарского правительства. Шефом этой миссии был выбран д-р Ст. Данев, председатель Народного Собрания. Ему и было доверено поручение вручить копии сербо-болгарского договора, секретного к нему приложения и военной конвенции»*².

В Петербурге болгарская делегация имела встречу с министром С. Д. Сазоновым. Во время этих встреч болгары пытались убедить как царя, так и Сазонова, что необходимо как можно быстрее использовать созданный союз против Турции. Николай II и Сазонов

¹ Новое время. 1/14 октября 1912 г.

² Малые войны первой половины XX века. Балканы. — М: АСТ; — СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 366.

пытались успокоить болгар и зывали к их благоразумию. Сазонов заявил, что «активное вмешательство Болгарии и неминуемое после этого осложнение общего положения на Балканах не встретило бы сочувствия в России ни у правительства, ни в общественном мнении и что поэтому невероятно, чтобы в случае общего столкновения события сложились в пользу Болгарии»¹.

Свержение правительства младотурок в Турции в июле 1912 г. сильно ускорили начало Первой Балканской войны. Анархия и мятежи, потрясавшие Турцию, давали повод Балканскому союзу надеяться на лёгкую победу. Сразу же к союзу поспешила присоединиться Черногория. В Турции началась мобилизация армии.

Внезапно 25 сентября/8 октября 1910 г. Черногория, которая ранее остерегалась входить в Балканский союз, не проведя ни с кем никаких консультаций, самостоятельно объявила войну Турции, поставив своих балканских союзников и Россию перед свершившимся фактом. Незадолго до этого Австро-Венгрия пыталась переманить Черногорию на свою сторону и оторвать её от России. В качестве первого взноса король Николай уже получил из Вены 365 тыс. крон². Однако соблазн оторвать от слабеющей Турции куски её территории заставили черногорского короля забыть о договорённости с Австрией. 26 сентября в стране был обнародован манифест. В нём король Николай объявлял, что целью войны является освобождение всё ещё находящейся под турецким господством части сербского народа, а также присоединение к Черногории Шкодринской Малесии.

27 сентября правительства России и Австро-Венгрии вручили Болгарии ноту, в которой говорилось: «1. Великие Державы осуждают энергично всякую меру, которая довела бы до нарушения мира. 2. Основываясь на ст. 23 Берлинского договора, они возьмут в свои руки в интересах населения осуществление реформ в управлении Европейской Турцией, причём, разумеется, эти реформы не нарушат суверенитета Его Величества Султана и территориальной целостности Турецкой империи. 3. Если при всем том вспыхнет война между бал-

¹ Малые войны первой половины XX века. Балканы. С. 367.

² Писарев Ю. А. *Шесть десятилетий на троне...* С. 116.

канскими государствами и Турецкой империей, то они не допустят после окончания конфликта никакого изменения территориального *status quo* в Турции»¹.

Вслед за этим заявлением последовала нота турецкому правительству со стороны России, Франции, Австро-Венгрии, Англии и Германии. В ней державы выступили гарантами неприкосновенности Османской империи в обмен на проведение Турцией необходимых реформ в своих европейских владениях.

Однако 30 сентября 1912 г. Болгария вручила ноту правительству Турции, в которой говорилось: *«Вопреки шагу, который шесть Великих Держав сделали перед балканскими государствами, в котором они обещают взять в свои руки осуществление реформ в управлении Европейской Турцией, правительства Болгарии, Греции и Сербии считают своим долгом обратиться непосредственно к правительству Его Величества Султана и заявить ему, что только радикальные реформы, проведённые в жизнь искренне и полностью, могут действительно улучшить злосчастную судьбу христианских населений в вилайетах Империи, гарантировать порядок и спокойствие в Европейской Турции и обеспечить прочный мир между Оттоманской империей и балканскими государствами, к которым Высокая Порта весьма часто относилась произвольно и вызывающе, каковое поведение ее не находило себе ни в чем оправдания»*.

Правительства Болгарии, Греции и Сербии потребовали от правительства Порты немедленно приступить к реформам в европейских владениях и *«приложение этих реформ возложить на высший совет, составленный из равного числа христиан и мусульман под надзором посланников Великих Держав и министров четырёх балканских государств»*. Кроме того, от Турции требовалась отмена начавшейся мобилизации.

18/31 октября 1912 г. вслед за Черногорией войну Турции объявили все другие государства Балканского союза. Для России встал вопрос, как реагировать на возможное развитие событий. Посол России в Париже А. П. Извольский был убеждён в скорой победе Турции и считал, что *«следует готовиться к великой и решительной*

¹ Малые войны первой половины XX века. Балканы. С. 371.

европейской войне. Решительная победа Турции, — писал Извольский, — наложит на нас нравственную обязанность прийти на помощь славянским государствам»¹. События на балкано-турецком фронте опровергли прогнозы Извольского.

В первые же дни войны части черногорской армии продвинулись далеко в глубь подконтрольной Турции Албании. Черногорцы осадили турецкую крепость Шкодер (Скутари), но взять её смогли лишь в апреле 1913 г. Штурм и осада крепости стоили черногорцам больших потерь. Поэтому король Николай через свою дочь великую княгиню Милицу Николаевну просил председателя Совета министров графа В. Н. Коковцова оказать помощь Черногории. Среди пожеланий короля, адресованных российскому правительству, значились дипломатическое содействие по территориальным претензиям, посылка продовольствия, орудий и снарядов. Однако на этот раз король получил от русского правительства почти полный отказ (Коковцов согласился лишь помочь с продовольствием). В Петербурге справедливо считали, что снабжение Черногории боеприпасами является нарушением принципа соблюдения нейтралитета, о чём договорились между собой великие державы.

Больших успехов достигли болгарская и сербская армии. В течение года они разгромили турецкие войска и изгнали их из европейских пределов. 24 октября/6 ноября 1912 г. болгарские войска стояли в 45 км от Константинополя. С. Д. Сазонов писал послу в Константинополе М. Н. Гирсу, что *«приближающаяся с каждым днём возможность занятия Константинополя войсками союзников ставит безотлагательный вопрос о самых жизненных для нас интересах»².*

Тем не менее адмирал И. К. Григорович был вынужден сам телеграфировать Государю, который в этот момент находился в Спале: *«Всеподданнейше испрашиваю соизволение Вашего Императорского Величества разрешить командующему морскими сила-*

¹ Лунёва Ю. В. *Босфор и Дарданеллы...* С. 134.

² С. Д. Сазонов — М. Н. Гирсу. 18 октября/2 ноября 1912 г. // АВП РИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 459/478.

ми Чёрного моря иметь непосредственное сношение с нашим послом в Турции для высадки неограниченного числа боевых судов или даже всей эскадры, когда в этом наступит надобность». Утром 26 октября/8 ноября пришёл ответ от Николая II, в котором чувствовалось раздражение: «С самого начала следовало применить испрашиваемую меру, на которую согласен»¹.

Россия была готова к высадке крупного десанта в район столицы Турции. Так как вступление болгарской армии в Стамбул лишало бы надежды России на приобретение проливов, Петербург начал оказывать давление на Софию, убеждая её остановить свои войска и не входить в город. Сазонов обратился за содействием к Англии и Франции. «Только быстрое и единодушное согласие держав, — писал он, — может предотвратить занятие Константинополя союзниками».

Франция была готова поддержать Россию, Англия на словах тоже, но на самом деле в Лондоне вынашивали собственные планы захвата Константинополя, а потому не оказывали никакого давления на Болгарию. России пришлось пригрозить, что ей придётся ввести в Дарданеллы всю свою Черноморскую эскадру. Лондон вынужден был включиться в давление на Болгарию, убеждая её правительство не занимать Константинополь. Э. Грей предупредил болгар, что они должны считаться с русской точкой зрения на Константинополь. Посланник Болгарии в Лондоне М. Маджаров заверил Грея, что болгарская армия покинет Константинополь сразу же после его занятия и заключения мира с Турцией².

Однако, официально убеждая болгар не оккупировать турецкую столицу, английская дипломатия закулисно подталкивала их к обратному. России стало известно об этих шагах Лондона, и Сазонов заявил решительный протест на вероятное появление болгар к Константинополе, намекнув на возможность сепаратных шагов. Это возымело действие. Грей сообщил Сазонову, что понимает значение Константинополя для России, а посол Никольсон обратился к царю Фердинанду с просьбой не занимать столицу

¹ Лунёва Ю. В. *Босфор и Дарданеллы...* С. 136.

² Лунёва Ю. В. *Босфор и Дарданеллы...* С. 143.

Турции. Одновременно с этим английское правительство послало к Проливам свои военные корабли. Английская эскадра превышала по численности весь Черноморский флот России. Вслед за Англией тоже самое предприняла Австро-Венгрия и Германия.

Всё это происходило на фоне постоянных заявлений Англии о её положительном отношении к захвату Проливов Россией. Лондон даже предлагал Петербургу забрать Константинополь и Проливы, а Австро-Венгрии уступить Салоники. Вся остальная территория Европейской Турции, согласно английскому проекту, должна была быть поделена между Балканскими странами¹. На самом деле Англия стремилась спровоцировать вступление России в Балканский конфликт, с тем чтобы, обвинив её в нарушении принципа незаинтересованности держав, самой принять участие в дележе европейских владений Османской империи. Россия, однако, на эту провокацию не поддавалась.

Между тем вопрос о вступлении болгар в Константинополь отпал сам собой. Болгарская армия не смогла прорвать линию обороны турок у Чаталджи и остановилась.

28 ноября 1912 г. в городе Влера была провозглашена независимость Албании, что не устраивало Черногорию и Сербию, которые претендовали на её территорию. Сербия за счёт албанских земель стремилась получить выход к Адриатике, а Черногория не собиралась отдавать взятый её войсками Шкодер. Черногорский военный министр М. Мартинович убеждал короля, что албанцы, *«теснимые младотурками, страшась введения всеобщей воинской повинности, охотно войдут, на известных условиях, в состав Черногории, население которой сохранило однородное с албанцами племенное устройство и поныне пользуется правом носить оружие»*. Поэтому в 1913 г. король Николай предложил великим державам «простейший выход» из создавшегося положения: *«признать короля Черногории суверенным государем автономной Албании»*. Но эта инициатива никем поддержана не была. Тогда черногорский король решил просто не отдавать Шкодер. Посланник России в Константинополе М. Н. Гирс докладывал С. Д. Сазонову 8/21 января

¹ Лунёва Ю. В. *Босфор и Дарданеллы...* С. 146.

1913 г., что «*вопрос о необходимости овладения Скутари [Шкодера] ставится столь остро королём отнюдь не ради обеспечения политической будущности Черногории, а главным образом в ограждении себя и династии от последствий нарастающего недовольства народа существующими порядками управления. Уже теперь все прибывающие черногорцы, один за другим, покидают Цетинье, разочарованные в своих надеждах быть использованными для культурного труда в обновлённой войной родине. Поэтому не думаю ошибиться в предположении, что даже получение Скутари не может улучшить положение короля Николая, совершенно дискредитированного в глазах народа не только неудачными военными действиями, но приёмами управления, поведением членов королевской семьи*»¹.

Но албанские порты делали привлекательной всю территорию Албании и для великих держав. Поэтому 14/27 апреля 1913 г. Австро-Венгрия потребовала от Черногории оставить Шкодер (Скутари). Так как король Николай проигнорировал требование Австрии, то 20 апреля/3 мая он получил от Вены ультиматум с угрозой вооруженного вторжения. В тот же день в Цетинье было созвано заседание Коронного совета. На нём королевич Данила заявил, что в случае вооруженного нападения со стороны Австро-Венгрии Черногория не останется в одиночестве, а получит поддержку от России.

Однако из Петербурга в Цетинье пришло жёсткое требование отказаться от намерения захватить Шкодер. Император Николай II в личном письме черногорскому королю писал, что претензии Черногории необоснованны, что Черногория не имела права предпринимать военные действия без разрешения России и что в этих условиях Россия не сможет оказать поддержку Черногории. Черногорский король ответил, что он готов освободить Россию от всех ее обязательств по отношению к Черногории. Подобный высокомерный тон правителя маленькой страны, которая самим фактом своего существования была целиком обязана России, для 1912 г. был вполне объясним — военные успехи опьяни-

¹ М. Н. Гирс — С. Д. Сазонову. 8/21 января 1913 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 785. Л. 1—2.

ли балканских правителей¹. Россия немедленно отреагировала на дерзость черногорского короля. С 1913 г. русские субсидии Черногории были прекращены².

Тем временем король Николай получил послание от главы сербского кабинета Н. Пашича, в котором тот предостерегал о грозящей Черногории опасности и призывал его во имя интересов всего сербства завтра же заявить о своём согласии подчиниться «воле Европы». Это произвело сильное впечатление на короля Николая I, и он после тщательных раздумий всё же решил сдать Шкодер. Большинство членов Коронного совета поддержали его. 21 апреля/4 мая 1913 г. король Николай отправил телеграмму английскому министру иностранных дел, в которой сообщал: *«Моё достоинство и достоинство моего народа не позволяют мне выносить односторонние угрозы, и именно поэтому я передаю судьбу города Скутари в руки Великих Держав»*. Принимая 25 апреля/8 мая 1913 г. депутатов черногорской скупщины, король заявил: *«Столкнувшись с реальной опасностью гибели моей страны, я придерживался мудрой, спасительной для всего сербства и отвечающей интересам всеобщего мира позиции уступить объединенной Европе, передав в её руки Скутари»*. На следующий день, 26 апреля/9 мая 1913 г., был подписан договор о передаче Шкодера под контроль великих держав.

16/29 декабря 1912 г. в Лондоне начались мирные переговоры между Османской империей и Балканскими странами. Османская империя отдавала под контроль Балканского союза почти все свои европейские владения (кроме Константинополя и Албании, статус которой был оговорён позже), а также отказывалась от Крита.

Успехи балканских союзников в войне с Турцией вызывали в Берлине и Вене сильное беспокойство. Австро-Венгрия немедленно объявила о мобилизации половины резервистов и начала сосредоточивать войска на границе с Россией. Россия в ответ задержала демобилизацию 350 тысяч военнослужащих срочной

¹ Задохин А. Г., Низовский А. Ю. Указ. соч. С. 109.

² МОЭИ. Т. 3. С. 199.

службы¹. Однако воевать с германским блоком у России пока сил не было.

Отдав Балканскому союзу европейские территории, младотурецкое руководство, однако, подложило под Балканский союз мину замедленного действия. Хорошо зная нравы и аппетиты своих победителей, турки при заключении мира заявили, что делить завоёванное они предоставляют им самим. А каждый из победителей мечтал о своём государстве как обязательно о «великом»: «Великой Болгарии», «Великой Сербии», «Великой Греции» и даже о «Великой Черногории». Между победителями начались горячие споры за ту или иную часть территории.

«Вестник Европы» писал: *«Худшие шовинисты — балканские. Каждая из балканских держав мечтает втихомолку о гегемонии. Всякие сентиментальные высказывания о Болгарии ни к чему не приведут, пока Македония целиком остаётся в руках Сербии. Пусть не указывают на русофобство Радославова и Геннадиева: они слишком расчётливы, чтобы сделать из русофобства государственную систему. Если уж говорить о недоверии к России, то оно гораздо сильнее среди сербских “напредняков”, чем среди болгарских “либералов”. На Балканах господствует македонская поговорка: “Кто мне даст, за того и буду”»².*

Поэтому не успели высохнуть чернила под Лондонским мирным договором, положившим конец Первой Балканской войне, как тут же началась Вторая Балканская война, теперь уже между бывшими союзниками.

Уже в январе 1913 г. сербские газеты, принадлежавшие австрофильской партии либералов и тайной организации «Чёрная рука», развернули кампанию против сербо-болгарского союза. Правительство Н. Пашича упрекали в излишней уступчивости болгарам в территориальном вопросе. Поток «патриотической» пропаганды нарастал с каждым днём. На требования России прекратить антиболгарскую истерию Пашич 19 апреля 1913 г. заверял русского посланника в Белграде Гартвига, что *«Сербия не только не питает затаенных замыслов против Болгарии, но по-прежнему дорожит ис-*

¹ Задохин А. Г., Низовский А. Ю. *Пороховой погреб Европы*. С. 108.

² Ближний Восток и война // *Вестник Европы*. 1914. С. 280.

кренней дружбой с ней, являющейся залогом прочности Балканского союза. Г-н Пашич указал, что при добросовестном и беспристрастном отношении к делу союзники сумеют прийти к примирительному результату, а на случай неудачи имеется другой выход — верховный арбитраж России»¹.

Тем временем такая же волна, только против Сербии, поднялась и в Болгарии. С обеих сторон выдвигались обвинения, псевдоисторические обоснования «исконных» прав, претензии на обладание Македонией. Болгария, бывшая во главе союза Балканских государств и вынесшая на своих плечах основное бремя войны с Османской империей, претендовала на Македонию, а её оккупировала Сербия. Болгарские правящие круги стали требовать, чтобы сербские и греческие войска были выведены с тех македонских территорий, на которые распространялись их претензии. Сербия и Греция между тем заключили соглашение о совместной защите занятых территорий и их разделе между собой.

Россия категорически не желала распада Балканского союза. Его создание было большим дипломатическим успехом Петербурга — союз славянских государств мог противостоять как Турции, так и Австро-Венгрии, и, опираясь на него, Россия могла бы эффективно обеспечивать свои интересы на Балканах, прежде всего в вопросе о черноморских проливах. В Петербурге стремились к урегулированию спора между Болгарией и Сербией мирным путем. Русская дипломатия искала пути решения проблемы. Признавая, что притязания Болгарии на Македонию имеют под собой географические и этнографические основания, Россия вместе с тем советовала болгарам пойти на уступки. Российский МИД предлагал немедленно созвать конференцию премьер-министров стран Балканского союза (Сербии, Черногории, Болгарии и Греции) и при посредничестве и арбитраже России (кстати, предусмотренном сербо-болгарским союзным договором 1912 г.) найти выход из сложившегося положения, способный устроить все заинтересованные стороны².

¹ Малые войны первой половины XX века. Балканы. С. 397.

² Задохин А. Г., Низовский А. Ю. Указ. соч. С. 114.

Балканские войны ещё больше углубили противостояние на Балканах России и Австро-Венгрии. Вена стремилась максимально ограничить приобретения победителей, особенно сербов и черногорцев, ослабить, а по возможности и развалить Балканский союз, стравив его участников в борьбе за раздел отвоеванных у Турции территорий.

Цели России были прямо противоположны австрийским. Российская дипломатия стремилась в сотрудничестве со всеми государствами, заинтересованными в сохранении мира на Балканах, не допустить там одностороннего австрийского выступления, отстоять мирными дипломатическими средствами завоевания сербов, черногорцев, болгар и греков, не допустить развала Балканского союза.

Пока Петербург мучительно искал решение, чтобы сохранить мир на Балканах, Австро-Венгрия и Германия делали всё, чтобы на Балканах не появилась мощная сила, союзная России. Тем более что 1913 г. стал периодом активной подготовки германских империй к большой войне с Россией.

Поэтому австрийская дипломатия начала в Белграде склонять сербского короля к войне с Болгарией и Грецией, а в Софии — Фердинанда к войне с Сербией и Грецией. Сербскому правительству внушалось, что в Первой Балканской войне сербы не получили желаемого — доступа к Адриатике, но они могут это компенсировать, аннексировав Македонию и Салоники. Болгарскому правительству внушалось то же, что и сербскому, — аннексировать Македонию. Австро-Венгрия обещала Болгарии в этом вопросе поддержку¹.

Российская дипломатия оказала жесткое давление на правительства Сербии и Болгарии, но достичь успеха не удалось. Тогда С. Д. Сазонов попросил императора Николая II обратиться с личным посланием к правителям Сербии и Болгарии. Сазонов вспоминал: *«Мне казалось, что Государь сам, вероятно, пожалел бы в случае вооруженного столкновения между болгарами и сербами, если бы не мог сказать себе, что не оставил не примененным бывшее в его*

¹ Задохин А. Г., Низовский А. Ю. Указ. соч. С. 43.

власти последнее средство мирного улаживания балканской распри. Государь слушал меня внимательно и после недолгого колебания сказал мне, что подпишет текст обращения к королю сербскому и царю болгарскому, так как в час опасности для славян он имеет не только право, но и обязанность возвысить свой голос, чтобы предостеречь их от её последствий. «Если они меня не послушают, — прибавил Государь, — то зачинщики понесут за это кару. Я исполню свой долг, и совесть моя ни в чем меня не упрекнет, чтобы затем ни произошло»¹.

Сразу же после подписания телеграмм Николай II приказал Сазонову немедленно отправить их в Белград и Софию. Помимо этого Государь приглашал представителей балканских государств прибыть на конференцию в Петербург и разрешить все спорные вопросы.

29 мая/11 июня 1913 г. царь Фердинанд отправил ответную телеграмму императору Николаю II, в которой возлагал ответственность за назревавшее между союзниками столкновение на Сербию. Он указывал, что болгарское правительство стремится избежать братоубийственной войны, но не может идти против «единодушного возмущения народа» Сербией, пытающейся отнять у Болгарии плоды её побед².

А. А. Савинский в своих донесениях в МИД считал, что воинственное поведение Болгарии, её «безумный» курс на новую войну «можно объяснить тем опьянением, которое охватило страну и ее правителей после всех предыдущих побед». Кроме того, на Фердинанда давили болгарские либералы, грозившие ему участью Стамболова, если болгарский монарх не начнёт войны за Македонию³.

Король Пётр в своей телеграмме Николаю II жаловался на болгарские притязания и заявил, что претензии Сербии не могут быть ограничены сербо-болгарским договором 1912 г. Российский МИД потребовал от сербского правительства немедленно принять предложение Петербурга о созыве конференции. Такие же усилия российские дипломаты предпринимали и в Софии. Но

¹ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 101.

² Исаева О. Н. *Фердинанд Кобургский: штрихи к портрету...*

³ МОЭИ. Сер. 3. — М., 1933. Т. 2. С. 433—436.

Австро-Венгрия заверила правительство Болгарии в том, что окажет поддержку его территориальным устремлениям в Македонии. София отклонила предложение Государя о созыве конференции премьер-министров и ещё раз официально заявила, что продолжает настаивать на точном соблюдении условий сербо-болгарского соглашения 1912 г. о разделе Македонии. Так как часть македонских территорий, которые по договору 1912 г. должны были отойти к Болгарии, занимали сербские и греческие войска, болгары настаивали на немедленном пропуске её войск в занятые сербами и греками районы Юго-Западной и Южной Македонии¹. Сербия ответила отказом. Болгария отозвала своего посла из Белграда. В России этот шаг сочли равносильным объявлению войны и изменой славянскому делу.

16/29 июня командующий болгарской армией генерал С. Савов отдал войскам приказ о наступлении. В ночь на 17/30 июня 1913 г. болгары атаковали сербские части, дислоцированные в Македонии, но получили отпор и отошли на исходные позиции. В Софии уже склонялись к тому, чтобы отвести армию из Македонии и объявить всё случившееся пограничным инцидентом. Но правительственные круги Сербии и Греции решили воспользоваться ситуацией и официально объявили Болгарии войну. Следом за ними последовала Черногория. 1/14 июля войну Болгарии объявила Румыния, имевшая территориальные претензии ко всем своим соседям — России, Австро-Венгрии и Болгарии. Так как воевать с первыми двумя Румыния не могла, она решила поживиться за счёт Болгарии. Тем же самым решила заняться и Османская империя, в свою очередь напавшая на Болгарию. Несмотря на умелое и мужественное сопротивление, болгарская армия оказалась на грани полного поражения.

7/20 июня 1913 г. царь Фердинанд направил императору Николаю II телеграмму полную отчаяния. *«Ваше Величество, — сообщал болгарский царь, — Болгария, окружённая армиями пяти соседних государств, находится на пороге гибели. Через несколько дней, если Румыния и Турция будут продолжать беспрепятственное ше-*

¹ Задохин А. Г., Низовский А. Ю. Указ. соч. С. 116.

ствие вперёд, армия наша может быть уничтожена, не столько оружием, сколько голодом, болезнями и лишениями. В эту тяжёлую пору надежды мои и болгарского народа устремлены к Вашему Величеству. Прошу заступничества Вашего Величества о том, чтобы они приостановили своё нашествие на территориях, приобретённых кровью сотен тысяч болгар, и о том, чтобы положить конец истреблению христианских народов. Я и мой народ сумеем оценить эту историческую помощь. Фердинанд»¹.

Николай II ответил королю Фердинанду: «Близко принимаю к сердцу тяжёлое положение Болгарии. В нынешнюю минуту не буду входить в оценку обстоятельств, его вызвавших. Болгарии приходится идти на жертвы. Неизменно относясь благожелательно к Болгарии, я с удовольствием осведомился о посылке правительством Вашего Величества уполномоченных с целью положить предел братоубийственной войне, начатой вопреки моим предостережениям. Надеюсь, что прекращение войны поможет Болгарии найти в себе достаточно сил, чтобы, не теряя времени, приступить к своему мирному обновлению»².

При посредничестве России 18/31 июля 1913 г. было заключено перемирие, а через десять дней в Бухаресте завершились мирные переговоры. Болгария утратила практически все свои приобретения, завоеванные в Первой Балканской войне. Македония была поделена между Сербией и Грецией. Турция вернула себе большую часть Восточной Фракии с Адрианополем. Румыния захватила Южную Добруджу³.

Николай II был сильно разгневан безрассудным шагом Фердинанда. Его авантюра разрушила с таким трудом созданный Россией Балканский союз. 6/19 февраля 1914 г. новый посланник в Софии А. А. Савинский, сменивший на этом посту Неклюдова, заявил болгарскому монарху, что император Николай II «в своих по-

¹ Король Фердинанд — императору Николаю II. 7/20 июля 1913 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 784. Л. 1.

² Император Николай II — королю Фердинанду. 8/21 июля 1913 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 784. Л. 1.

³ Задохин А. Г., Низовский А. Ю. Указ. соч. С. 69.

стоянных заботах о славянах вообще и о болгарях в частности не мог допустить мысли о возможности братоубийственной войны». Русский посланник далее заметил, что когда он «видел Государя Императора в Царском Селе перед отъездом, то мог лично убедиться, как Его Величеству было больно», что игнорирование Фердинандом его воли не начинать войны с Сербией «имело такие ужасные последствия на радость Австрии»¹.

Тем не менее Николай II счёл нужным направить Фердинанду I по случаю его дня рождения поздравительную телеграмму, которая заканчивалась фразой: «Сердечно желаю Вашему Величеству благоденствия и Божьей помощи в исполнении лежащей на Вас задачи возрождения и укрепления Болгарии, за мирным развитием которой я продолжаю следить с неизменным сочувствием»².

На самом деле подлинным победителем во Второй Балканской войне стали германские империи, прежде всего Австро-Венгрия. Хотя Сербия и увеличила свою территорию с 48,3 до 87,3 тыс. кв. км, а население — с 2,9 до 4,4 млн чел., на самом деле эта победа была пирровой. Исходя, как и все балканские государства, из узкоэгоистических интересов, Сербия не смогла правильно оценить ослабление позиций России на Балканах. Это ослабление позиций России было особенно опасным, т.к. Сербию теперь ничто не отделяло от могущественной и крайне враждебной к ней Австро-Венгерской империи. Вражда между Сербией и Болгарией имела в близком будущем самые тяжёлые последствия для всей Европы. Как верно писал уже после начала войны «Вестник Европы»: «Если бы Австрия знала, что Сербия может опереться на Болгарию, едва ли мы имели бы войну в 1914 г. Можно с уверенностью сказать, что её бы не было»³.

Ничего по сути не дали балканские войны и Черногории. Победы черногорцев вскружили голову королю Николаю. Теперь в его планах была война с Австро-Венгрией. На совещании военно-

¹ А. А. Савицкий — С. Д. Сазонову. 6/19 февраля 1914 г. // МОЭИ. Т. 3. С. 365.

² Император Николай II — царю Фердинанду I // МОЭИ. Т. 3. С. 423.

³ Ближний Восток и война // Вестник Европы. 1914. С. 281.

го руководства России 21 января 1914 г. отмечалось, что король, «будучи человеком неуравновешенным и увлекающимся, считающим, что он со своей черногорской армией “свалил” Турцию, может в будущем после реорганизации армии, предпринять без ведома России агрессивные действия против Австрии с целью привести в исполнение свою заветную мечту — “свалить Австрию подобно Турции” и тем вовлечь Россию»¹.

Исходя из этого, совещание пришло к выводу, что «создание сильной черногорской армии может оказаться невыгодным для России»².

Изменение отношения России к помощи Черногории вызвало сильнейшее беспокойство со стороны правящей черногорской династии. 10 марта 1914 г. король Николай в своём выступлении в Скупшине заявил, что его страна будет и дальше работать в единстве с Сербией «под защитой своей вековой покровительницы России»³.

13/26 марта 1914 г. король Николай I направил королю Сербии Петру личное письмо, в котором предлагал в самом ближайшем времени заключить соглашение об объединении действий сербского племени при сохранении независимости обоих государств.

Как показало начало Первой мировой войны, подобные заявления в устах короля Николая были лишь проявлением свойственной ему хитрости. Когда Австро-Венгрия вручила свой ультиматум Белграду, король Черногории произнёс много торжественных клятв верности союзу с Сербией. «В час великих испытаний, — говорил он в официальном заявлении 11/24 июля 1914 г. — когда решается судьба сербского народа, Сербия может рассчитывать на нашу неограниченную братскую помощь»⁴. А сербскому посланнику

¹ Протокол совещания по вопросу возобновления военного соглашения между Россией и Черногорией. 21 января 1914 г. // МОЭИ. Т. 1. С. 199.

² Протокол совещания по вопросу возобновления военного соглашения между Россией и Черногорией. 21 января 1914 г. // МОЭИ. Т. 1. С. 200.

³ Н. А. Обнорский — С. Д. Сазонову. 10/23 марта 1914 г. // МОЭИ. Т. 2. С. 68.

⁴ За Балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 95.

в Цетинье М. Гавриловичу король сказал: «Судьба Сербии — наша судьба»¹. В то же самое время, когда король торжественно клялся Сербии в верности, его министр иностранных дел П. Пламенац по королевскому поручению вёл секретные переговоры с австро-венгерским посланником в Цетинье бароном Э. Отто о возможности сохранения Черногорией нейтралитета. Пламенац выдвигал условием сохранения этого нейтралитета значительные территориальные компенсации. Но в ходе переговоров выяснилось, что в Вене не воспринимают особенно всерьёз черногорскую армию, а потому ни на какие территориальные уступки Цетинье идти не намерены.

24 июля/6 августа 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну России. В таких условиях король Николай был вынужден вступить в войну на стороне Антанты. Война эта стала роковой как для самого короля, так и для его династии. Интриги, хитрость и двурушничество Николы I, помноженные на разгром его армии и фактическую измену черногорской династии России и её союзникам, привели к исчезновению государства Черногории, поглощённой в 1918 г. Сербией.

Визит в Петербург Р. Пуанкаре. Русско-французский союз и ситуация на Балканах

Встречи Николая II с германским императором помимо обсуждения двусторонних отношений ставили своей целью воздействие на французское правительство в смысле активизации его помощи России. Не секрет, что французские правящие круги периодически «забывали» об интересах своего союзника, требуя от него при этом неукоснительного соблюдения собственных интересов. Особенно негативно Россия воспринимала противодействие своей политики со стороны Франции на Балканах.

8/21 января 1912 г. к власти во Франции пришло правительство премьер-министра Раймона Пуанкаре, сторонника усиления союза с Россией. Насколько Пуанкаре уделял внимание внеш-

¹ За Балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 95.

ней политике, видно по тому, что, будучи премьер-министром, он оставил за собой и пост министра иностранных дел. Усилиями социалистической пропаганды за Пуанкаре закрепился образ убеждённого сторонника войны с Германией. В советское время термин «Пуанкаре-война» был неотъемлемым клише при оценке этого государственного деятеля. Так как советская историография находилась в прокрустовом ложе «классовой борьбы», то и цели Пуанкаре она объясняла его стремлением во внутренней политике «объединить все партии вокруг республиканского центра с целью подавления выступления рабочего класса», а во внешней — «осуществить реванш», развязав войну против Германии¹.

На самом деле Пуанкаре не стремился к наступательной войне и боялся войны оборонительной. Франция во всех отношениях не была готова ни к первой, ни ко второй. О пресловутом «реванше», то есть насильственном возвращении Эльзаса и Лотарингии, французские политики вспоминали только во время выборов, всерьёз о нём никто уже не думал. Французская колониальная империя была давно создана, и Париж был озабочен лишь, как бы её удержать от германских посягательств.

Но нежелание Пуанкаре развязывать большую войну сочеталось в этом государственном деятеле с уверенностью, что война эта для Франции неизбежна. В Париже знали, что рано или поздно встанет вопрос: либо признать над собой гегемонию Германии, либо вступить с ней в войну. Попытки договориться с Берлином путём уступок убедительно доказали всю пагубность для Франции этого пути. Уступки лишь сильнее возбуждали аппетиты кайзеровского рейха. Становилось ясно, что такая политика себя полностью исчерпала. Всё острее вставал вопрос о войне. Пуанкаре размышлял, как сделать так, чтобы, с одной стороны, добиться разгрома Германии, а с другой — принять наименьшее участие в войне против неё.

Воевать с Германией Франция могла только в союзе с Россией и при её поддержке. А в условиях, когда французское правительство постоянно игнорировало российские просьбы и интеле-

¹ Ефремов П. Н. Указ. соч. С. 140.

рессы, такую поддержку можно было потерять. После Потсдама, Агадирского кризиса и отказа франко-британской Антанты идти навстречу Петербургу по вопросам Проливов «в отношениях между Россией, с одной стороны, и Англии и Франции, с другой, наступило заметное охлаждение»¹. Сам Пуанкаре писал в своих мемуарах, что «к началу 1912 года узлы, связующие две страны, заметно ослабели»².

19 марта/1 апреля А. П. Извольский, по распоряжению С. Д. Сазонова, поставил Р. Пуанкаре в известность о подписании в минувшем марте двух секретных сербо-болгарских договоров, не объясняя при этом их точный смысл³. На этот шаг России Пуанкаре прореагировал с негодованием. В своём письме к послу в Петербурге Ж. Луи премьер отмечал: «Очень возможно, что поступок России поставит в опасное положение наш союз, слабое место которого всегда было на Востоке»⁴.

Однако возмущение французского премьера было напускным. С самого начала переговоров Болгарии с Сербией французские правящие круги знали, что они идут⁵. В ноябре 1911 г. Париж посетил сербский король Пётр I, и на заданный им вопрос об отношении Парижа к возможному заключению союза Белграда с Софией получил от французского правительства «полное одобрение»⁶. Отношение Франции к болгаро-сербскому союзу стало меняться, когда выяснилось, что главным его вдохновителем является Россия.

Николай II сознательно не ставил французское правительство в известность о роли России в дипломатическом обеспечении этих переговоров, так как царь был недоволен отсутствием поддержки со стороны Парижа инициативам России на Балканах. Как только Россия выступала с какими либо инициативами или просьбами о

¹ Ефремов П. Н. Указ. соч. С. 143.

² Poincaré R. *Les origines de la Guerre*. Conférence prononcées à la «Société des Conférences» 1921. — Paris, 1921. P. 124.

³ Girault (René). *Les Balkans et les relations franco-russes en 1912* // *Revue Historique*. Т. 253. Janvier-Mars 1975. P. 170.

⁴ R. Poincaré à G. Louis. Le 11 avril 1912 // DDF. 3e série. Т. 3. P. 335.

⁵ Бовыкин В. И. *Из истории возникновения Первой мировой войны*. С. 128.

⁶ Бовыкин В. И. *Из истории возникновения Первой мировой войны*. С. 130.

поддержке по вопросу Проливов или положению дел на Балканах, она встречала со стороны французского посла Ж. Луи постоянные возражения. В последний раз Ж. Луи выступил против планов России воспользоваться итало-турецкой войной для пересмотра режимом Проливов. Естественно, что Луи действовал не по своей инициативе, а с одобрения французского правительства. Главную причину, по которой Франция не желала усиления России на Балканах и захвата ею Проливов, выразил Пуанкаре: «Когда Россия обеспечит обладание Константинополем, она, несомненно, потеряет всякий интерес к войне с Германией»¹.

Поведение посла Луи давало России хороший повод для выражения своего недовольства, внешне направленного на деятельность французского дипломата. Когда 1/14 марта 1912 г. Пуанкаре прибыл в русское посольство для встречи с Извольским, то последний стал обвинять Ж. Луи в постоянном противодействии русским инициативам. Извольский просил Пуанкаре отозвать посла из Петербурга. Тот активно поддержал жалобы Извольского. Премьеру было выгодно воспользоваться ситуацией и сделать главным виновником ухудшения русско-французских отношений именно Луи. Пуанкаре хотел видеть на посту посла в Петербурге своего человека. Однако отстранить Луи от его поста быстро и безболезненно в 1912 г. у Пуанкаре не получилось. При обвинении, поступившим с набережной Орсе о его некачественной работе, Ж. Луи потребовал доказательств и заявил протест. Тем не менее, по словам Извольского, французский посол «был в Петербурге не жилец»². Скандал вокруг посла заставил французскую сторону внимательнее относиться к предложениям России.

При Пуанкаре в большую политику вернулся Т. Делькассе, который был назначен морским министром III Республики. 3/16 июля 1912 г. между русским и французским военными морскими командованиями был составлен проект «Русско-французской военной конвенции». Статья 1 этой конвенции предусматривала, что «морские силы Франции и России будут действовать совмест-

¹ Пуанкаре Р. *На службе Франции*. Т. 1. С. 340.

² Ефремов П. Н. Указ. соч. С. 142.

но во всех случаях, в которых союз предусматривает и предписывает совместные действия сухопутных войск»¹.

На этом фоне в августе 1912 г. Пуанкаре решил лично отправиться в Петербурге для знакомства с императором Николаем II и обсуждения с ним, а также В. Н. Коковцовым и С. Д. Сазоновым назревших противоречий в отношениях двух государств. Советская историография объясняла причины поездки Пуанкаре в Петербург тем, что, *«связав царизм по рукам кабальными займами, французский империализм считал, что пришло время, когда Россия должна расплачиваться по политическим векселям»².*

На самом деле возведённое советской историографией в аксиому утверждение о «кабальной зависимости» России от иностранных займов является очередным мифом. Франция нуждалась в предоставлении России займов в не меньшей степени, чем Россия в их получении. В начале XX в. основу находившейся в упадке французской экономики составляло ростовщичество. Помимо России Франция щедро предоставляла займы Австро-Венгрии, Турции и Италии, что не помешало первым двум выступить в Первой мировой войне на стороне Германии.

В связи с экономическим подъёмом и укреплением финансов русское правительство в предвоенное пятилетие существенно сократило свои внешние заимствования. В январе 1909 г. был выпущен последний государственный заём для размещения за границей. С этого времени рост внешнего долга России прекратился. Из расчёта государственной задолженности на душу населения Россия к 1913 г. занимала в Европе только десятое место (53 рубля на каждого жителя империи), значительно отставая от признанного лидера среди стран-должников - Франции (253 рубля)³.

По размерам государственного долга Россия в мировой таблице о рангах шла на втором месте после Франции и на первом — по абсолютным размерам связанных с займами платежей. В россий-

¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. С. 408.

² Ефремов П. Н. Указ. соч. С. 142.

³ Петров Ю. *Российская экономика в начале XX века* // Гражданин (Периодический политический журнал). 2003. № 3.

ской официальной статистике займы подразделялись на «внешние» и «внутренние», в зависимости от предполагаемого места их реализации. Однако в действительности часть внешних займов реализовывалась в России, а облигации внутренних выпусков нередко приобретались заграничными держателями. Примечательно, что долг внутренний, несмотря на шумную кампанию в правой и леворадикальной прессе против растущего «закабаления» России иностранным капиталом, рос опережающим темпом по сравнению с внешним, что свидетельствовало о постепенной переориентации займовой политики на внутренние резервы¹.

Франция действительно являлась главным заимодавцем российского императорского правительства. В ней было размещено без малого 60% русских фондов за границей. «Подчеркнём, однако, — пишет д. и. н. Ю. А. Петров, — что часто звучавший в советской литературе мотив о политической подоплёке внешних операций российской казны, о переходе России от германской к французской ориентации под влиянием смены финансовых приоритетов при всей своей внешней убедительности не находит подтверждения в исторической реальности»². Приводимая ниже таблица убедительно опровергает миф о «финансовой кабале», в которой якобы пребывала Россия.

Государственный долг мировых держав на 1907 г. (млн руб.)

Страна	Сумма долга	Платежи по займам	Расходная часть бюджета	% платежей к бюджету
Франция	11310	359	1358	26,4
Россия	8894	390	2028	19,2
Великобритания	7154	255	1356	18,8
Германия	5035	189	2283	8,3
США	1734	47	1355	3,5

(Мигулин П. П. Русский государственный кредит (1769–1906). Опыт историко-критического обзора. — Харьков, 1907. С. 1192)

¹ Петров Ю. *Российская экономика в начале XX века* // Гражданин (Периодический политический журнал). 2003. № 3.

² Петров Ю. *Российская экономика в начале XX века* // Гражданин (Периодический политический журнал). 2003. № 3.

Так что Пуанкаре в мае 1912 г. ехал совсем не для того, чтобы заставить Россию «платить по векселям». Цель его поездки была совсем иной. В первую очередь французский премьер был сильно обеспокоен предстоящим свиданием русского и германского императоров на рейде Балтийского моря. Пуанкаре стал настойчиво добиваться от русской стороны организации его визита в Россию. Только это могло, по мнению главы французского правительства, сгладить во Франции негативное впечатление от русско-германского свидания¹. Идя навстречу просьбе Пуанкаре, император Николай II назначил ему аудиенцию на 28 июля/10 августа 1912 г. Французский премьер-министр прибыл в Кронштадт 27/9 августа на борту крейсера Condé.

Главными вопросами, которые Пуанкаре собирался обсуждать в Петербурге, было согласование взаимодействия России и Франции на Балканах, обсуждение проблемы сохранения общеевропейской устойчивости и устранение «*всех мало-мальски спорных вопросов*» между двумя государствами². Большое значение Пуанкаре придавал обсуждению в Петербурге хода строительства железных дорог в западных губерниях России.

Правда, сам Пуанкаре, уже после Первой мировой войны, в своих мемуарах пытался уверить, что он ехал довести до Николая II только своё недовольство самостоятельной, без согласования с Францией, политикой России на Балканах. Это недовольство Пуанкаре якобы выразил Извольскому при их встрече в Париже. «*Вы не имеете права, — говорил французский премьер русскому послу, — действовать самостоятельно и обязывать нас без предварительного совещания с нами*»³.

28 июля/10 августа 1912 г. он был принят в Царском Селе императором Николаем II. Государь сказал премьер-министру, что Россия остаётся верна своим союзническим обязательствам, но вопросы Проливов считает для себя первостепенной важности и не позволит никому изменить их статус в ущерб себе. По воспомин-

¹ Бовыкин В. И. *Из истории возникновения Первой мировой войны*. С. 82.

² Poincaré a-t-il voulu la guerre? — Paris, 1920. P. 73.

³ Poincaré R. *Au service de la France*. — Paris, 1927. Т. 2. P. 99.

нениям В. Н. Коковцова, Пуанкаре заявил ему, что он «вынес самое отрадное впечатление от личной беседы с Государем и из многократного обмена взглядов с министром иностранных дел Сазоновым относительно общего положения нашей внешней политики»¹.

С. Д. Сазонов оставил следующие воспоминания о приезде Пуанкаре: «Это посещение не представляло ничего необыкновенного ввиду установившегося уже тогда обычая между руководителями иностранной политикой союзных государств время от времени съезжаться для устного обмена мыслей по текущим политическим вопросам. Среди этих вопросов был в ту пору один, который требовал уже тогда особенно внимательного к себе отношения и мог получить должное рассмотрение только при личном свидании между нами. Это был вопрос о создавшемся в течение зимы 1911/1912 годов Балканском союзе, заключенном если не по почину русского правительства, то с его ведома и согласия»².

С. Д. Сазонов писал, что «сочувственное отношение русского правительства к Балканскому союзу вызвало некоторую тревогу в правительственных кругах Франции. Г-ну Пуанкаре казалось, что этот союз в той форме, в которую он вылился, неизбежно приведёт к войне на Балканах со всеми возможными её дальнейшими последствиями»³.

Пуанкаре сказал Сазонову, что он «не понимает, почему вопрос о болгаро-сербском договоре не был сообщён Россией Франции»⁴. В ответ Сазонов ознакомил Пуанкаре с болгаро-сербским договором и заявил, что единственной их целью является сохранение status quo на Балканах.

Суть переговоров Р. Пуанкаре с С. Д. Сазоновым отражена в докладе министра иностранных дел императору Николаю II. Сазонов докладывал, что они с Пуанкаре договорились, в случае возникновения каких-либо осложнений на Балканах, тотчас «установить своеобразно обстоятельствам совместный образ действий для предотвращения дипломатическим путём дальнейшего обостре-

¹ Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 104.

² Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 40.

³ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 71.

⁴ Poincaré R. *Les origines de la Guerre*. P. 125.

ния положения». Россию при этом весьма волновало, чтобы Франция не вмешалась в военные действия на Балканах. На это Пуанкаре «счёл своим долгом сообщить, что французское общественное мнение не позволит правительству Республики решиться на военные действия из-за чисто балканских вопросов, если Германия останется безучастной»¹. Однако Пуанкаре заявил, что столкновения из-за балканских дел не могут служить для Франции причиной исполнения своих союзнических обязательств в отношении России.

В ответ С. Д. Сазонов также твёрдо указал, что «мы также не могли бы оправдать перед русским общественным мнением нашего активного участия в военных действиях, вызванные какими-нибудь внеевропейскими колониальными вопросами, до тех пор пока жизненные интересы Франции в Европе останутся незатронутыми»².

Тем не менее по возвращении в Париж 13 августа 1912 г. Пуанкаре просил передать президенту А. Фальеру, что «мои беседы с Императором, Коковцовым и Сазоновым были удовлетворительны по всем вопросам»³.

Пока Пуанкаре был в Петербурге, поверенный в делах Австро-Венгрии во Французской Республике граф И. Сомсиш встретился с замещающим Пуанкаре А. Брианом и выразил ему свою крайнюю обеспокоенность ситуацией на Балканах и действиями там России. На это Бриан ответил графу, что политика Франции на Балканах преследует сохранение всеобщего мира. «Мы будем счастливы находиться в постоянном контакте по этим вопросам с Венским кабинетом»⁴. Таким образом, французские правящие круги дали понять руководству Австро-Венгрии, что действия России на Балканах являются частным делом России и Франция не намерена поддерживать её.

Пуанкаре немедленно сообщил об этом разговоре в Петербурге. Но вовсе не союзнический долг подвиг его на это. Французский премьер стремился оказать давление на русское правительство с

¹ МОЭИ. Т. XX. Ч. 2. — М.: Госполитиздат, 1940. С. 32.

² МОЭИ. Т. XIX. Ч. 2. С. 392.

³ DDF, 3-mesérie. Т. 3. P. 339.

⁴ Poincaré R. *Les origines de la Guerre*. P. 134.

тем, чтобы оно отказалось от слишком активных, по мнению парижского кабинета, действий на Балканах. «Я стремился придать балканскому вопросу не чисто русский, а европейский характер», — признавался Пуанкаре в 20-х гг.¹ Этот же подход слышится и в словах М. Палеолога, сказанных им в январе 1914 г. Рибо: «В нынешнем европейском положении дел нет чисто русских или чисто французских вопросов. Есть два соперничающих блока: Тройственный союз и Тройственное согласие»².

Но успехи балканских союзников в Первой Балканской войне внесли серьёзные изменения в отношении французских политиков к событиям в этом регионе, что особенно проявилось во время обострения отношений между Сербией и Австро-Венгрией. Сербия рвалась к Адриатическому морю. Австро-Венгрия стремилась ни в коем случае не допустить этого и даже была готова довести дело до войны.

25 октября/7 ноября 1912 г. Извольский сообщал о своей беседе с Пуанкаре, в которой тот заявил, что Франция в настоящий момент признаёт возможные территориальные захваты Австро-Венгрии на Балканах подпадающими под действие франко-русской конвенции. Говоря другими словами, Франция выражала свою готовность вступить в войну против Австро-Венгрии, если та нападёт на Сербию. Причины изменения французской политики заключались в том, что в Париже увидели в Балканском союзе действенный инструмент по сдерживанию Австро-Венгрии, а это в свою очередь означало, что в случае войны удар германской армии на французском фронте будет ослаблен. В Париже сразу забыли о своих словах, что нет «чисто русских и чисто французских интересов». Пуанкаре стал делать громкие заявления, что на Балканах нарушаются именно французские интересы и что Франция может быть вовлечена в войну на Балканах³.

¹ Poincaré R. *Les origines de la Guerre*. P. 134.

² Journal de Paléologue du 1er février 1914 // Au Quai d'Orsay à la veille de la Tourmente. Journal, 1913—1914. — P. 1947. P. 283.

³ Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг. — М., 1922. С. 296.

Позиция французов по Балканам стала принимать диаметрально противоположный характер: ещё недавно они всячески старались отмежеваться от участия в балканских делах и выражали недовольство слишком независимой и слишком непримиримой позицией России в регионе, особенно в отношении Турции и Австро-Венгрии. Теперь же Франция выражала недовольство, что Россия всячески пытается смягчить ситуацию и делает всё, чтобы не допустить войны.

Причина так внезапно возникшей французской воинственности объяснялась тем, что правительство III Республики считало наступивший момент наилучшим для войны с Тройственным союзом. В этом Париж опирался на поддержку Лондона. Как сообщал в Петербург русский посланник в Софии Неклюдов, он имеет все основания полагать, что *«известная и влиятельная часть английского политического мира»* желает воспользоваться Балканским кризисом, *«дабы вызвать путём столкновения России и Австрии войну между двумя средневропейскими державами и державами Тройственного согласия, имея при этом главной и конечной целью истребление германского флота и разорение Германии»*¹.

Ход этой войны виделся в Париже следующим образом. Австрия нападает на Сербию, которую автоматически поддерживают весь Балканский союз и Россия, к последним присоединяется Франция. Германия объявляет войну России и Франции, но план Шлиффена нарушен, так как Австро-Венгрия вынуждена воевать на два фронта: с Балканским союзом и с Россией. В связи с этим Германия будет вынуждена начать свои действия сначала против России. Англия нападёт на Германию на море. Тем временем Франция, в любом случае, избежит первоначального и самого сильного удара Германии. То, что главный удар примет на себя Россия, Францию волновало мало.

Французы опасались, что сложившаяся на Балканах крайне выгодная, как там считали, для Парижа ситуация может измениться и тогда Франция подвергнется нападению Германии в гораздо худших для себя условиях. Поэтому французы нагнетали

¹ Бовыкин В. И. *Из истории возникновения Первой мировой войны*. С. 146.

обстановку и заверяли Россию, что Австрия вот-вот начнёт войну против Сербии. 10/23 ноября 1912 г. Пуанкаре сообщал Извольскому, что «Австрия мобилизует три корпуса в Галиции и уже кончила все свои военные приготовления против Сербии»¹. 20 ноября/3 декабря Морской генеральный штаб Франции известил русскую военную миссию, что Австро-Венгрия мобилизовала свой флот.

Но Россия не поддавалась на французские провокации. Николай II твёрдо не желал войны. Это ярко продемонстрировало совещание у Государя, состоявшееся 28 октября/10 ноября 1912 г. На нём военный министр генерал В. А. Сухомлинов предложил объявить мобилизацию Киевского и Варшавского военных округов и подготовить мобилизацию Одесского военного округа. Николай II не поддержал этого плана, заявив, что его осуществление может привести к войне². Поддерживая В. Н. Коковцова в его категорическом мнении против участия России в военном конфликте, Государь сказал: «Я не допускаю мысли о войне. Мы к ней не готовы, и Вы совершенно правильно называете легкомыслием саму мысль о войне». Тем не менее царь признал необходимым провести определённые меры предосторожности в отношении Австро-Венгрии. Коковцов сказал, что на эти меры наши противники ответят войной, к которой Германия готова и ждёт лишь повода начать её, на что Николай II возразил: «Вы преувеличиваете, Владимир Николаевич. Я и не думаю мобилизовать наши части против Германии, с которой мы поддерживаем самые доброжелательные отношения, и они не вызывают в нас никакой тревоги, тогда как Австрия настроена определённо враждебно и предприняла целый ряд мер против нас»³.

В это беспокойное время царю приходилось постоянно противостоять некоторым горячим головам в собственном окружении, которые были готовы поддаться на призывы Франции и втянуть Россию в войну.

Адмирал И. К. Григорович писал в своих воспоминаниях, что во время Балканских войн 1912 г. Государь не отпустил морско-

¹ Бовыкин В. И. *Из истории возникновения Первой мировой войны*. С. 146.

² Ефремов П. Н. Указ. соч. С. 167.

³ Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 126–127.

го министра в отпуск. *«Я мечтал отдохнуть, — вспоминал Григорович, — но меня не пустил Государь Император. В Чёрном море завязываются военные осложнения на Балканском полуострове. Его Величество просит обождать, так как военная партия требует вмешательства, это именно великий князь Николай Николаевич, которому всё равно, готов флот или нет, лишь бы начать войну с готовой армией (без артиллерии и проч.)»*¹. Григорович отмечал, что Николай Николаевич настойчиво настаивал на *«морской демонстрации у Бургаса, хорошо, что Государь не соглашается»*².

О решающей роли Николая II в недопущении втягивания России в Балканские войны писал С. Д. Сазонов: *«Государь, и за это Россия должна быть ему навсегда признательна, несмотря на своё сердечное сочувствие национальным стремлениям сербского народа, проявил в эту тревожную минуту ясность политической мысли и твёрдость воли, которые положили конец тем интригам, что толкали нас на путь европейской войны при самых неблагоприятных для нас условиях и из-за интересов, не оправдывавших тяжёлых жертв со стороны русского народа»*³.

В декабре 1912 г. из русского Главного штаба сообщили французскому военному министерству, что в Петербурге *«не верят в нападение Австрии на Россию, а войну Австрии против Сербии считаю крайне маловероятной»*⁴. Более того, в Главном штабе заявили французскому представителю, что даже если Австро-Венгрия и напала бы на Сербию, то Россия и тогда бы в войну не вмешалась.

Такой ответ произвёл в Париже удручающее впечатление. А. П. Извольский сообщал, что *«Луанкаре и весь состав кабинета крайне озадачены и встревожены»*⁵.

5/18 декабря 1912 г. военный министр Франции А. Мильеран

¹ Воспоминания адмирала И. К. Григоровича // РГА ВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 5. С. 71.

² Воспоминания адмирала И. К. Григоровича // РГА ВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 5. С. 75.

³ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 84.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 86. Л. 21.

⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 86. Л. 14.

в беседе с русским военным агентом в Париже полковником А. А. Игнатьевым настойчиво советовал России резко отреагировать на мобилизационные действия Австро-Венгрии. Игнатьев уверял французского министра, что эти действия австро-венгров носят в отношении России предупредительный оборонительный характер. Они вызваны беспочвенным опасением, что Россия вмешается в австро-сербскую войну, если та начнётся. «Следовательно, — воскликнул Мильеран, — прямую оккупацию Сербии вы не считаете для себя прямым вызовом на войну?» Игнатьев ответил, что Россия не хочет европейской войны и делает всё, чтобы избежать её. «Следовательно, вам придётся предоставить Сербии её участи, — с оттенком возмущения сказал Мильеран. — Это, конечно, дело ваше. Но надо только знать, что это не по нашей вине. Мы готовы. Необходимо учесть это...» Далее французский министр поинтересовался, что в России думают о Балканах. Игнатьев ответил: «Славянский вопрос остаётся близким нашему сердцу. Но история выучила нас, конечно, прежде всего думать о собственных государственных интересах, не жертвуя ими в пользу отвлечённых идей»¹.

К этому времени в России уже прекрасно понимали, что ей «трудно рассчитывать на Францию в тех случаях, когда интересы Франции непосредственно не затронуты. Современная политика этой страны ясно показывает, что прежде всего Франция будет считаться со собственными интересами, а не с интересами союза. [...] В общем, нам далеко не обеспечена со стороны Франции та энергичная дипломатическая поддержка и то безусловное активное содействие всей вооружённой силой, которое уже неоднократно высказывали друг другу Германия и Австро-Венгрия»².

16/29 марта 1913 г. С. Д. Сазонов писал А. П. Извольскому, что «политические интересы России на Ближнем Востоке отнюдь не совпадают с экономическими и финансовыми интересами европейских держав, в том числе и Франции»³. Справедливость этих слов подтвердилась во время Второй Балканской войны. Воспользовав-

¹ Игнатьев А. А. Указ. соч. Т. 1. С. 506.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1079. Л. 2.

³ Бовыкин В. И. Из истории возникновения Первой мировой войны. С. 160.

шись поражением Болгарии, Турция предъявила свои права на Андрианополь, отошедший по итогам Первой Балканской войны Болгарии. В ответ Сазонов пригрозил Турции вмешательством России в войну. Подобное заявление вызвало сильное возмущение во Франции. Пуанкаре даже предложил великим державам обратиться к турецкому правительству и подкрепить это обращение силами международной эскадры, находящейся в Босфоре. Эти предложения Пуанкаре были вызваны желанием не допустить единоличных действий России в Проливах.

Николай II приказал Сазонову передать через послов в Париже и Лондоне, что Россия *«не примирится с захватом Андрианополя турками»*. В случае отказа европейских держав от коллективного шага, говорилось в ноте русского правительства, *«мы будем вынуждены прибегнуть к изолированным действиям, которых искренне стремимся избежать»*. Франция отказалась поддержать ноту России, намекнув на возможную её изоляцию. *«Опасность будет ещё сильнее, — говорилось в ответе французского правительства, — если Россия выступит отдельно от Европы»*¹.

Невзирая на протесты России, Франция продолжала оказывать Турции финансовую поддержку. Русское правительство требовало от Франции и Англии официального прекращения такого финансирования, пока турки не очистят Андрианополь. На это министр иностранных дел Франции С. Пишон заявил, что предложение России о финансовом бойкоте Турции поставит Францию в особо трудное положение, так как она имеет в Османской империи громадные финансовые интересы. Полный отказ Франции поддержать Россию вынудил её снять вопрос о передаче Андрианополя Болгарии с повестки дня.

Вскоре Франция ещё раз открыто предала интересы России, не поддержав её по вопросу города Кавала. Россия и Австрия, каждая стремившаяся привлечь Болгарию на свою сторону, требовали передать этот удобный порт в Эгейском море. Франция, Англия и Германия настаивали на передаче его Греции, что и произошло.

Поведение Франции вызвало бурное негодование в русском

¹ Бовыкин В. И. *Из истории возникновения Первой мировой войны*. С. 163.

общественном мнении. Даже кадетская «Речь» писала, что «наш союзник Франция нам изменил и встал в рядах противоположной нам комбинации». «Новое время» констатировала: «Французская дипломатия в Кавале покинула Россию»¹.

Мощная антифранцузская волна в российской прессе не на шутку встревожила правительство Франции. Его представители начали искать пути сглаживания ситуации.

Промышленный подъём экономики Российской империи

В начале 1913 г. Россия жила одним событием — празднованием 300-летия царствующего Дома Романовых. Празднование стало символом единства Царя и России, незыблемости этого союза, преодолением революционных потрясений начала XX в.

В Манифесте императора Николая II от 21 февраля 1913 г. по случаю начала празднования юбилея династии говорилось: «Совокупными трудами Венценосных предшественников Наших на Престоле Российском и всех верных сынов России создано и крепко Русское государство. Неоднократно подвергалось наше Отечество испытаниям, но Народ Русский, твёрдый в Вере Православной и сильный горячей любовью к Родине и самоотверженной преданностью своим Государям, преодолевал невзгоды и выходил из них обновленным и окрепшим. Тесные пределы Московской Руси раздвинулись, и Империя Российская стала ныне в ряду первых держав мира»².

Манифест торжественно зачитывали по всей России в самый канун юбилея. В нём была представлена широкая программа благотворительных акций, объявлялось о льготах малоимущим и амнистии из тюрем тысяч заключенных, снимались задолженности с мелких предпринимателей и землевладельцев и т.д. Торжественный юбилей должен был ознаменоваться особым богослужением во всех российских храмах. Во всех городах Империи

¹ Бовыкин В. И. *Из истории возникновения Первой мировой войны*. С. 166.

² Высочайший Манифест // *Правительственный вестник*, 21 января 1913 г.

в храмах служили благодарственные молебны, проходили войсковые парады местных гарнизонов, давались торжественные обеды и приемы губернаторами и градоначальниками, устраивались исторические выставки, народные гуляния. Витрины всех магазинов были украшены флагами и портретами царя Михаила Феодоровича и императора Николая II.

Год юбилея Династии стал пиком расцвета Империи и благосостояния её великого многонационального народа. Накануне Первой мировой войны протяженность Российской империи с севера на юг составляла 4383,2 версты (4675,9 км) и с востока на запад — 10 060 верст (10 732,3 км). Общая длина сухопутных и морских границ измерялась в 64 909,5 версты (69 245 км). К 1914 г. население Российской империи возросло с 125 млн (по переписи 1897 г.) до 178 млн человек, то есть прирост составил 53 млн человек.

В 1909 г. в России начался новый экономический подъём, интенсивность которого не только не уступала, но во многом превосходила подъём 1890-х гг. Предвоенное пятилетие — время наивысшего, последнего взлета дореволюционной России, затронувшего все важнейшие стороны жизни страны.

В связи с быстрым ростом городов удельный вес горожан заметно увеличивался, составив, однако, к кануну войны всего около 15% населения. Высокими темпами шло развитие промышленности. Преодолев последствия тяжелого экономического кризиса 1900—1903 гг. и последовавшую за ним депрессию, промышленность империи за годы предвоенного экономического подъема (1909—1913 гг.) почти в 1,5 раза увеличила объем производства. Причем, отражая продолжавшийся процесс индустриализации страны, тяжёлая промышленность по темпам роста заметно превосходила лёгкую (174,5% против 137,7%)¹.

Накануне Первой мировой войны в России имелось 255 металлургических заводов, 568 предприятий угольной промышленности, 170 нефтедобывающих и 54 нефтеперерабатывающих предприятий, 1800 крупных и мелких металлообрабатывающих

¹ Россия накануне Первой мировой войны: Статистико-документальный справочник. — М.: Самотека, 2008.

предприятий. Общая мощность электростанций в 1913 г. составляла 1098 тыс. кВт¹.

В целом по уровню промышленного производства Россия занимала четвертое место в Европе, пятое в мире, уступая по важнейшим показателям таким странам, как САСШ, Германия, Великобритания, Франция. В 1913 г. по объему производства Россия почти сравнялась с Англией, значительно превзошла Францию, в 2 раза обогнала Австро-Венгрию и достигла 80% объема производства в Германии.

В 1913 г. выпуск цветных металлов составил (тыс. т): меди — 17, цинка — 2,9, свинца — 1,5. В 1916—1917 гг. начался выпуск вольфрамовых концентратов. Россия по объему производству чугуна (4,03 млн т) и стали (3,68 млн т.) занимала 5-е место в мире, а по добыче нефти — 1-е место. Добыча угля в России выросла в 5 раз (от 7,2 млн т в начале XX в. до 35,4 млн т в 1913 г.), выплавка железа и стали — более чем в 4 раза (от 0,9 млн т до 4,3 млн т) за тот же период.

Накануне войны русское земледелие переживало невиданный расцвет. В течение двух десятилетий, предшествовавших войне, сбор урожая зерна удвоился. В 1913 г. в России урожай главных злаков был на 1/3 выше такового же Аргентины, Канады и США вместе взятых². В царствование императора Николая II Россия была главной кормилицей Западной Европы. При этом обращает на себя особое внимание феноменальный рост вывоза сельскохозяйственных продуктов из России в Англию³.

Кроме зерновых товаров, Россия накануне Мировой войны вывозила яйца, масло, лен, кожи, пушнину и в большом количестве лес (преимущественно в необработанном виде). Несмотря на широкое использование в качестве строительного материала железа и камня, а угля и нефти как топлива, значение древеси-

¹ Россия накануне Первой мировой войны.

² Бразоль Б. Л. *Царствование Императора Николая II в цифрах и фактах*. — Нью-Йорк: Исполнительное бюро Общероссийского монархического фронта, 1959.

³ Бразоль Б. Л. *Царствование Императора Николая II в цифрах и фактах*.

ны неуклонно возрастало. Русский лес импортировали Германия, Франция, Испания, Италия, Англия, балканские и другие европейские государства. Такие страны, как Англия, Бельгия, Голландия издавна использовали вывозимый из нашей страны лес в судостроении. Из России они получали также пиломатериалы и рудничную древесину.

Ежегодно Россия экспортировала свыше 1110 тыс. пудов лесоматериалов на сумму около 200 тыс. рублей. Ближайшими конкурентами России до начала XX в. на мировом лесном рынке выступали США и Канада. Но к началу второго десятилетия Российская империя в вывозе леса уже не имела соперников.

Россия оставалась также главным поставщиком льна на мировом рынке. Лен стоял на третьем месте среди статей российского экспорта. Перерабатывая лишь пятую часть выращиваемого льна, она экспортировала его в Англию, Бельгию, Францию, Германию.

Как верно писал по этому поводу В. В. Кожинов: «Россия отставала всего только от трёх специфических стран “протестантского капитализма”, где непрерывный промышленный рост являл собой как бы важнейшую добродетель и цель существования: Великобритании, Германии и США. “Отставание” от ещё одной промышленно развитой страны, Франции, в 1913 г. было, в сущности, небольшим (добыча угля в России и Франции — 35,4 млн т и 43,8 млн т, выплавка железа и стали — 4,3 млн т и 6,9 млн т и т.п.). А других промышленных “соперников” у России в тогдашнем мире просто не имелось... Могут возразить, что Россия намного превосходила Францию по количеству населения и, значит, резко отставала от нее с точки зрения “душевого” производства; однако в 1913 г. Французская (как и Британская, и Германская) империя владела огромными территориями на других континентах и потому была сопоставима с Российской и в этом плане (общее население Французской империи в 1913-м — более 100 млн)»¹.

Бюджет России составлял 3,5 млрд золотых рублей. Император-

¹ Кожинов В. В. *История России. Век XX. (Загадочные страницы истории)*. — М.: Алгоритм, 1999. Т. 1—2. Т. 1. С. 27.

ская Россия строила свою политику не только на бездефицитных бюджетах, но и на принципе значительного накопления золотого запаса. Несмотря на это, государственные доходы без увеличения налогового бремени неуклонно росли. Бремя прямых налогов в России было почти в четыре раза меньше, чем во Франции, более чем в 4 раза меньше, чем в Германии, и в 8,5 раз меньше, чем в Англии. Бремя же косвенных налогов в России было в среднем вдвое меньше, чем в Австрии, Франции, Германии и Англии.

Гимназии имелись во всех уездных городах, чем не могли похвастаться многие европейские страны. В отношении же среднего и высшего образования женщин Россия шла впереди Западной Европы: в 1914 году имелись 965 женских гимназий и Высшие женские курсы (фактически университеты) во всех крупных городах.

Накануне Первой мировой войны в России было более ста вузов со 150 тыс. студентов (во Франции тогда же — около 40 тыс. студентов). Многие вузы в России создавались соответствующими министерствами или ведомствами (военным, промышленно-торговым, духовным и т. п.). Обучение было недорогим: например, на престижных юридических факультетах в России оно стоило в 20 раз меньше, чем в США или Англии, а неимущие студенты освобождались от оплаты и получали стипендии.

Темпы экономического и культурного развития страны, структурные изменения в народном хозяйстве были столь впечатляющими, что председатель синдикальной палаты парижских биржевых маклеров М. Вернайль, приезжавший летом 1913 г. в Петербург, предсказывал неизбежный в течение ближайших 30 лет стремительный подъём российской промышленности, который можно будет сравнивать только с колоссальными сдвигами в экономике США в последней трети XIX в.¹ Ему вторил французский экономический обозреватель Э. Тэри, который писал в 1913 г.: *«Если у большинства европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 гг., как они шли между 1900 и 1912 гг., то к середине на-*

¹ Российская академия наук. Россия, 1913 год: Статистико-документальный справочник. — СПб., 1995. С. 12.

стоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении»¹.

В «Докладной записке Совета Съездов представителей промышленности и торговли о мерах к развитию производительных сил России и улучшению торгового баланса», представленной правительству 12 июля 1914 г., отмечалось: «Страна переживает в настоящее время переходное состояние. В сельском хозяйстве, в самой системе землепользования начался громадный переворот, результаты которого пока еще только намечаются, но не поддаются учёту. [...] После почти десятилетнего застоя, или, во всяком случае, слабого развития промышленности и торговли, Россия в 1910–1911 гг. быстро вступила в период экономического подъёма. [...]

Города растут у нас с поистине американской быстротой. Целый ряд железнодорожных станций, фабричных и заводских поселков, особенно на юге, обратился в крупные центры городской — по всему своему складу и запросам — культуры. Естественный в известные периоды экономического развития процесс концентрации населения, в силу происходящих сейчас коренных изменений в жизни сельскохозяйственного населения России, пойдёт, несомненно, с возрастающей быстротой, и лет через 20–30 мы увидим, быть может, картину самых крупных в этой области перемен. Но рост городов есть в то же время рост совершенно новых потребностей, для удовлетворения которых должны будут возникнуть целые отрасли промышленности, неизвестные или очень слабо развитые в настоящее время. Без преувеличения можно сказать, что рост городской жизни вызовет переворот в нашей промышленности»².

Россия все больше становилась богатым, сытым и процветающим государством. Исторические факты упорно свидетельствуют, что русский народ в своем большинстве никогда, ни до, ни после, в материальном плане не жил лучше и богаче, чем при Императоре Николае Александровиче.

¹ Россия, 1913 год. С. 12.

² Докладная записка Совета Съездов представителей промышленности и торговли о мерах к развитию производительных сил России и улучшению торгового баланса. — Пг., 1914.

Внешнеполитические события 1913 — начала 1914 гг.: сползание к мировой войне

Небывалый промышленный подъём Российской империи, развитие её армии и флота не могли не волновать главного претендента на мировое господство — кайзеровскую Германию и подконтрольную ей Австро-Венгрию. Именно 1913 г. стал периодом дипломатической подготовки германским блоком войны против России. К 1913 г. Германия и Австро-Венгрия уже создали для себя наиболее выгодные плацдармы для обеспечения успеха в предыдущей агрессии. В 1913 г. они стремились укрепить своё господство на Балканах и в Турции. С другой стороны, в 1912 г. так и не произошло создания единого блока России, Франции и Англии. Последняя, несмотря на все свои заверения, так и не взяла на себя никаких военных обязательств перед Россией и Францией. Во время визита С. Д. Сазонова в сентябре 1912 г. в Англию сторонам удалось договориться только о взаимодействии в Персии. Что же касается русско-английской морской программы, о необходимости подписания которой Сазонов убеждал Грея, то английская сторона с энтузиазмом поддержала саму идею и благополучно затянула вопрос по ней до самого начала войны. В начале 1913-г. посланник Объединённого комитета еврейских политических организаций Р. М. Бланк, участвовавший в заседании межпарламентской организации в Париже, узнал от французского сенатора д'Эстурнель де Константа, что Англия в случае войны России и Франции против Германии не будет в ней участвовать. Это же подтвердил Бланку находящийся рядом председатель межпарламентской организации лорд Вердель¹.

Единственным союзником России продолжала оставаться Франция. Впрочем, и этот союзник был ненадёжен. В случае начала новой войны на Балканах и вмешательства в неё России не было никакой уверенности, что Франция окажет России военную помощь, даже если бы в войну вступила Германия. Во Франции постоянно давали понять, что условия русско-французской кон-

¹ Бланк Р. *Германцы против англичан* // Вестник Европы. 1914. С. 267.

венции подразумевают вмешательство союзников только в случае нападения Германии или Австро-Венгрии на одного из них.

Поэтому Россия находилась в чрезвычайно опасном положении. Ей нужно было любой ценой сохранить мир на Балканах, что означало сохранение мира в Европе и гарантировало бы мир самой России. Поэтому весь 1913 г. император Николай II и русская дипломатия предпринимали попытки по недопущению создания военной угрозы.

Напряжённость между Россией и Австро-Венгрией сказалась на отношениях с Берлином. Начальник Большого штаба фон Мольтке высказывал свою обеспокоенность усилением русских пограничных войск в Виленском военном округе. В свою очередь, немцы усилили свои пограничные войска в Восточной Пруссии, увеличили подвоз фуража и продовольствия к войскам на границе с Россией. Для успокоения германской стороны Николай II направил в Берлин военного министра генерала В. А. Сухомлинова, который заверил германское военное руководство, что Россия не проводит никакой мобилизации, а усиление её военного контингента на западной границе связано с действиями Австро-Венгрии против Сербии и России на Балканах.

Не удовлетвовавшись посылкой Сухомлинова, Николай II через графа И. Л. Татищева направил императору Вильгельму своё личное послание, в котором отмечалось, что Петербург предпринял меры в ответ на усиление австро-венгерских войск на границе с Россией. Николай II предлагал кайзеру довести до сведения Вены требование немедленно прекратить мобилизацию своих войск, угрожая в противном случае провести мобилизацию Киевского военного округа¹. Между тем Австрия всячески провоцировала Россию и Сербию. По сербскому берегу Дуная периодически вёлся оружейный неприцельный огонь, Белград освещался австрийскими прожекторами. Начальник австрийского Генштаба Конрад убеждал императора Франца-Иосифа начать войну против Сербии. План кампании был следующим: в марте 1913 г. Румыния должна была предъявить заведомо невыполнимые требования

¹ Данилов О. Ю. Указ. соч. С. 219.

Болгарии. Австро-Венгрия поддерживала Румынию, Россия в таком случае обязательно должна была поддержать Болгарию. Сразу же после этого Германия вступала в войну против России¹.

Компромисс с Китаем

Германские империи рассчитывали, что ко времени начала войны против России она ввяжется в вооружённое противостояние с Китаем. Упорная война, которую вели друг с другом китайцы и монголы, стала склоняться в пользу китайской армии. Монголы потерпели ряд поражений, испытывали усталость и нехватку вооружений.

Монголы обратились в русское консульство в Кобдо с просьбой передать русскому царю просьбу об оказании помощи. Русский консул В. Ф. Люба в сообщении в Петербург высказался за присылку на помощь казаков, орудий и инструкторов-офицеров. Люба телеграфировал правительству, что он считает целесообразным *«поддержать наступление монголов на Алтай»*, так как в противном случае *«возникает угроза появления в этом крае и на границе Семипалатинской области внушительного количества хорошо обученных китайских войск»*².

Николай II принял решение оказать военную помощь монголам. Зимой 1913 г. правительство России направило в Кобдо подразделения Верхнеудинского полка. Летом со стороны Бийска были переброшены части пехоты и артиллерии. Прибытие русских войск в Кобдо, отмечал современник событий А. В. Бурдуков, *«парализовало активность китайских отрядов, которые дальше Цаган-Тунги и не двинулись, пытаясь использовать киргизов против монголов. Но с киргизами монголы справились успешно, отбив у них всякое желание воевать...»*³.

В феврале 1913 г. было подписано первое русско-монгольское соглашение «Об обучении монгольских войск». Соглашение было

¹ Данилов О. Ю. Указ. соч. С. 220.

² АВП РИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1454. Л. 62.

³ Моисеев В. А. Указ. соч. С. 285.

заключено сроком на 1 год. В соответствии с соглашением, правительство Монголии могло пригласить инструкторов русской армии — 17 офицеров и 42 унтер-офицера. Военный министр В. А. Сухомлинов в своём докладе императору Николаю II о деятельности русских военных инструкторов писал, что монгольское правительство высоко ценит русских военных специалистов и все предрассудки, бывшие ранее в отношении них, полностью устранены¹.

Россия настаивала на том, чтобы Китай признал автономию Монголии и её свободу во внешней и внутренней политике. Китайское правительство, однако, постоянно обвиняло Россию в стремлении отторжения его территорий. 24 июня 1913 г. С. Д. Сазонов направил Государю следующую телеграмму: «Ввиду полного извращения Китаем смысла наших переговоров по монгольскому вопросу, обнаружившегося при обсуждении последнего в палатах и грозящего вместо устранения недоразумения лишь только обострить их, приемлю смелость испросить Высочайшего соизволения на заявления китайскому правительству о нашем решении прекратить переговоры и возобновлять их только на других началах»². На следующий день, 25 июня, Николай II указал Сазонову: «Вполне одобряю мысль о прекращении переговоров с китайским правительством и о сообщении ему такого Нашего решения. Николай»³.

Однако России накануне европейской войны было невыгодно углублять конфликт с Китаем. 23 октября/5 ноября 1913 г. была подписана русско-китайская Декларация по монгольскому вопросу. Оба правительства договорились о нижеследующем: «Ст. 1. Россия признает, что Внешняя Монголия находится под сюзеренитетом Китая. Ст. 2. Китай признает автономию Внешней Монголии»⁴.

¹ Жалсапова Ж. Б. *Действия русских военных инструкторов в Монголии (1912–1916)*. С. 121.

² С. Д. Сазонов — императору Николаю II. 24 июня 1913 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 783. Л. 2.

³ Император Николай II — С. Д. Сазонову. 25 июня 1913 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 783. Л. 1.

⁴ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 418.

Китайское правительство брало на себя обязательство не вмешиваться во внутреннее управление Монголии, не посылать туда войска, не содержать военных и гражданских властей, прекратить колонизацию Монголии. Россия также отказывалась от вмешательства во внутренние дела Монголии, содержания там войск и колонизации. В специальной ноте русское правительство оговаривало, что Пекин по территориальным и политическим вопросам, касающимся Монголии, будет согласовывать свою позицию с Россией. Опасаясь роста китайской экспансии, Николай II стремился создать на восточной границе «буферное» дружественное монгольское государство с преобладающим политическим и экономическим влиянием России.

Поездка Государя в Берлин.

Последняя встреча с кайзером

Накануне начала главных Романовских торжеств в Костроме, 7/20 мая 1913 г., император Николай II отправился в Берлин на свадьбу дочери кайзера принцессы Виктории-Луизы, которая выходила замуж за принца Эрнста-Августа Брауншвейгского. Этому визиту было суждено стать последним посещением Николаем II Германии, в ходе которого произошла его последняя встреча с императором Вильгельмом II. Словно в предзнаменование этого, визит Государя в Берлин был особенно торжествен и прошёл в обстановке особой теплоты и внимания со стороны кайзера. Вернувшись в Петербург, Государь признавал: *«Я остался очень доволен своим пребыванием в Берлине. Прежде всего, приём, оказанный мне императором Вильгельмом, меня очень тронул»*¹.

Николай II был поражён и тёплой встречей, оказанной ему простыми берлинцами. *«Говоря о своих берлинских впечатлениях, — вспоминал С. Д. Сазонов, — он сказал мне, что ему была оказана в Германии чрезвычайно любезная встреча не только со стороны двора, что было в порядке вещей, но и со стороны населения столицы, приветствовавшего каждое его появление. По сво-*

¹ Винберг Ф. В. *Крестный путь. Корни зла.* — Мюнхен, 1922. С. 112.

ей необычайной скромности Государь относил сначала громкие приветствия толпы к особе императора Вильгельма, в сопровождении которого он показывался на улицах Берлина, но затем, заметив, что они не прекращались, когда он выезжал один, был вынужден признать, что они относились лично к нему, что произвело на него хорошее впечатление»¹.

Однако Государь за 1,5 месяца до своего отъезда в Берлин 12/25 марта 1913 г. ознакомился с сообщением военного агента в Берлине полковника П. А. Базарова о прениях в рейхстаге по новому военному законопроекту. В этом законопроекте депутатами рейхстага *«впервые открыто германство противопоставлено славянству, усиление которого и развитие панславизма, вызвавшие националистическое движение во Франции, обуславливают необходимость спешного увеличения вооруженных сил Германии»².*

Ещё ранее, в конце 1912 г., тот же полковник Базаров сообщал: *«Что касается вопроса о выгодности для Германии начать войну до зимы или во время военной в приграничных областях России [тревоги], то он заслуживает несомненный интерес. Ввиду большей привычки немцев к холоду по сравнению с французами, и наоборот, большей выносливости французов по отношению к жаре немцам выгоднее начать кампанию в зимнее время года, тем более что на западном своем фронте они не встретят особых затруднений в отношении прохождения дорог даже в самое ненастное время года. Кроме того, при нанесении главного удара против Франции и оборонительном характере операций на русском фронте особенно выгодным для немцев моментом для открытия кампании следует признать время перед наступлением распутицы в пределах северной части Варшавского военного округа. Наконец, с точки зрения климатических условий и состояния грунтовых путей необходимо также принять во внимание предполагаемый способ действий австрийцев, и особенно этого последнего театра. В общем, совокупность имеющихся в настоящее время признаков приводит к заключению,*

¹ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 126.

² Сергеев Е. Ю. *Образ Германии в представлениях военной элиты России накануне Первой мировой войны* // <http://rusgermhist.narod.ru>

что Германия усиленно готовится к войне в ближайшем будущем»¹. Полковник сообщал о высокой вероятности такого развития событий, при котором «начало военных действий последует именно со стороны Германии».

Военно-политические вопросы русско-французского союза

5/18 февраля 1913 г. президентом III Республики был избран Р. Пуанкаре. Уже на следующий день, 6/19 февраля, французский посол Ж. Луи был отозван из Петербурга. На его место был назначен крупный политик Т. Делькассе, до этого занимавший должность Морского министра. Назначение Делькассе было вызвано убеждёностью Парижа в неизбежности приближающейся войны. А. П. Извольский писал, что «г. Делькассе особенно компетентен не только в вопросах внешней политики, но также во всём, что касается военного, и в особенности морского, дела. Ему поручено убедить наше военное ведомство в необходимости умножить число наших стратегических дорог. В этом вопросе г. Делькассе настолько сведущ, что он может совершенно самостоятельно обсуждать его с нашими военными властями»².

Советская историография пыталась представить назначение Делькассе как «расчищение дороги к войне», как признак «зависимости царской России от Франции». Дескать, отношения между Россией и Францией носили неравноправный характер и приезд Делькассе был призван подтолкнуть неготовую Россию к войне. В качестве доказательств приводились изменения, которые претерпела конвенция 1892 г. в ходе совещания начальников генеральных штабов России и Франции в период с 1900 по 1913 г.

Так, П. Н. Ефремов утверждал, что на совещании начальников генштабов 19 июня/2 июля 1900 г. по настоянию фран-

¹ Сергеев Е. Ю. *Образ Германии в представлениях военной элиты России накануне Первой мировой войны* // <http://rusgermhist.narod.ru>

² Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. С. 204.

цузской стороны были внесены коррективы, которые «ставили Россию в неравное положение»¹. Эти коррективы, по мнению П. Н. Ефремова, заключались в следующем. 1. Параграф 2 Русско-Французской конвенции 1892 г. предусматривал, что в случае мобилизации хотя бы одного из участников Тройственного союза Россия и Франция, не ожидая никаких дополнительных консультаций и соглашений, немедленно начинают мобилизацию своих вооружённых сил. В 1900 г. на совещании начальников генеральных штабов генералов А. Делана и В. В. Сахарова в этот параграф было внесено изменение, по которому в случае мобилизации одной Австрии или одной Италии для мобилизации Франции в первом случае и России во втором требовались дополнительные консультации. П. Н. Ефремов полагал, что это изменение «заостряло конвенцию в основном против Германии, за счёт того, что главный противник России на Балканах — Австро-Венгрия — отходил на второй план. Что касается Италии, то в этот момент её отношения с Францией значительно улучшились»².

В этом выводе превалируют определённое лукавство и историческая натяжка. Автор рассматривает русско-австрийские отношения 1900 г. с позиции 1909—1914 гг., когда Австро-Венгрия и Россия находились в состоянии нарастающей вражды. Между тем в 1900 г. Австрия не была для России противником на Балканах. Подписанный в 1897 г. договор между двумя империями о сохранении status quo неукоснительно соблюдался, так как обе державы были в нём крайне заинтересованы. Как мы помним, барон Нольде определял этот период в русско-австрийских отношениях «безмятежной полосой». Таким образом, отношения между Россией и Австро-Венгрией в 1900 г. были ничуть не хуже, чем отношения между Францией и Италией. П. Н. Ефремов не указывает главной причины, по которой стороны пошли на изменение параграфа 2. Оно было вызвано большей долей уверенности, особенно со стороны Франции, в скором распа-

¹ Ефремов П. Н. Указ. соч. С. 224.

² Ефремов П. Н. Указ. соч. С. 224.

де Австро-Венгрии и опасением, что Германия или Италия будут претендовать на территории своей соседки¹. Теоретически нельзя было исключать военного противостояния между Австро-Венгрией и Италией и даже между Австро-Венгрией и Германией. В таком случае мобилизация австро-венгерских или итальянских войск, конечно, не требовала мобилизации войск России и Франции. Поэтому стороны и признали, что «при известных обстоятельствах» в случае объявления мобилизации только в Австро-Венгрии и в Италии, но не в Германии, для обеих союзниц «может оказаться неудобным» произвести мобилизацию автоматически, «без предварительного соглашения», как этого требовал параграф 2 военной конвенции.

Вторым пунктом рассматриваемых на совещании генштабов вопросов было обсуждение программы соглашения против Англии для действий в Азии и Африке². П. Н. Ефремов утверждает, что этот пункт также был выгоден Франции, так как она только что столкнулась с Англией у Фашода. Но П. Н. Ефремов совершенно игнорирует тот факт, что на начало XX в. именно Англия являлась главным потенциальным противником России. Англо-русские интересы сталкивались и в Проливах, и на Дальнем Востоке. Война с Англией была весьма вероятной для России. Поэтому на тот момент Россия была заинтересована в совместных действиях против Англии не меньше, а может быть, даже больше Франции. Всё вышесказанное убедительно доказывает, что ни в какое «неравное положение» Россия на совещании 1900 г. поставлена не была. Более того, уже в феврале 1901 г. на совещании генералов Ж.-М. Пендезека и В. В. Сахарова поправка в параграф 2 была скорректирована в интересах России в том смысле, что предварительное соглашение требовалось только на случай частичной мобилизации Австро-Венгрии или Италии. В случае же общей их

¹ Procès-verbal de la rencontre des deux chefs d'état-major le 19 juin/2 juillet 1900 // SHAT. 1K 666.

² MAE, Procès-verbal de l'entretien du 8/21 février 1901 entre les chefs des états-majors généraux des armées française et russe, les généraux Pendezec et Sakharoff, NS Russie. Vol. 35. F. 18.

мобилизации таковая должна была последовать автоматически и во Франции, и в России¹.

П. Н. Ефремов утверждает, что *«особенно чувствительно интересы России были ущемлены на третьем совещании, состоявшемся в апреле 1906 г.»*. Якобы начальник русского Генштаба генерал Ф. Ф. Палицын был вынужден согласиться с французским требованием, чтобы в случае войны на германский фронт было направлено значительно больше русских солдат, чем ранее планировалось. Палицын вроде бы согласился и на то, что французская сторона, во изменение своих прежних обязательств выступить против Германии на 10-й день мобилизации, соглашалась лишь подготовить к этому сроку своё наступление. Франция также добилась того, чтобы взятые ею на себя обязательства о военной поддержке России не распространялись на случай выступления против России одной Австро-Венгрии.

Непонятно, на какие источники опирался П. Н. Ефремов, сообщая подобные сведения. На совещании 1906 г. было подтверждено, что соглашение 1892 г. имеет в виду нападение Германии на Францию и Россию. При этом было указано, что Австрия и Италия рассматриваются лишь как возможные союзники Германии. Это было вызвано изменившейся политической обстановкой, когда разногласия в Тройственном союзе давали возможность предполагать о возможном его распаде, а вовсе не «подчинённым положением» России в отношении Франции. Таким образом, германская армия оставалась главным потенциальным противником. Было также решено, что мобилизация германской армии обязывает Францию и Россию немедленно мобилизовать все их силы по первому известию о таком событии и без предварительного сговора. В случае частичной или даже полной мобилизации только Австрии и Италии такое соглашение необходимо. То есть стороны вернулись к решениям совещания 1900 г.²

¹ МАЕ, Procès-verbal de l'entretien du 8/21 février 1901 entre les chefs des états-majors généraux des armées française et russe, les généraux Pendezeq et Sakharoff, NS Russie. Vol. 35. F. 18.

² Валентинов Н. *Военные соглашения России с иностранными государствами*

Вообще германская тема волновала обоих начальников штабов меньше ввиду её очевидности. Гораздо больше генерала Палицына беспокоила координация действий союзников против Англии. Русское военное ведомство не знало о начале тайных переговоров между Россией и Англией о возможном соглашении по разделу сфер влияний. МИД, наоборот, был озабочен стремлением устранить всё то, что могло быть истолковано как подготовка войны с Англией. Поэтому в письме генералу Палицыну от 25 апреля 1906 г. граф В. Н. Ламздорф подчёркивал, что протоколам соглашений двух генштабов *«при настоящей политической обстановке и значительном сближении нашем с Англией» «следовало бы сохранить характер обмена мыслей* (выделено нами. — П. М.), *как то было с некоторыми предыдущими того же рода протоколами, и не облекать его, по крайней мере ныне, в окончательную, утверждённую обоими правительствами, форму»*¹. Что и было сделано. Материалы совещания 1906 г. так и остались лишь намерениями сторон. По указанию Николая II А. П. Извольский отказался утверждать протокол этого совещания².

Таким образом, «неравноправное положение» России, в которое она якобы была поставлена Францией на совещании 1906 г., является такой же фикцией, как и подобные утверждения о предыдущих и последующих совещаниях начальников генеральных штабов. Причина, по которой советская историография постоянно навязывала мысль о подчинённости России Франции, заключалась в обязательной идеологической установке о финансовой зависимости «царизма» от французского капитала. Установка эта была ложной и несостоятельной.

В 1910 г. новый военный министр В. А. Сухомлинов предложил императору Николаю II новый план стратегического развёртывания русской армии на случай войны. Сухомлинов предлагал

ми до войны // Русская армия в Великой войне: Военно-исторический сборник. Выпуск 2. — М., 1919. С. 106.

¹ Валентинов Н. *Военные соглашения России с иностранными государствами до войны...* С. 107.

² Астафьев И.И. Указ. соч. С. 67.

отказаться от оборонительной тактики и перейти к тактике наступательной. В связи с этим он писал: «*Всем известно, что на случай войны наш план обыкновенно носил оборонительный характер. За границей, однако, теперь знают, что идея обороны отложена и русская армия будет активной. Не составляет также секрета, что упраздняется целый ряд крепостей, служивших базой по прежним планам войны, но зато существуют оборонительные линии с весьма серьезным фортификационным значением. Оставшиеся крепости у России есть полная возможность усилить и довести их оборонительные средства до высшего предела. Некоторые крепости сохранены только для обеспечения известных стратегических и тактических пунктов Западного края*»¹.

Сухомлинов предложил упразднить Варшавский укрепленный район в виде образовавших его крепостей Варшавы и Зегржа, оставив лишь третью крепость Новогеоргиевск. Ее Сухомлинов предлагал реорганизовать в современную крепость, способную держаться в изолированном состоянии в начальный период войны до выручки армиями, закончившими свое сосредоточение и развертывание по линии усовершенствованной крепости Ковно, вновь построенной крепости Гродно и усовершенствованного Брест-Литовска². Ивангород был предположен к упразднению, а малую крепость Осовец решено было несколько развить и модернизировать.

В мае 1910 г. Николай II утвердил план, по которому крепости Новогеоргиевск, Батум, Усть-Двинск и Очаков не только не упразднялись, но должны были быть переустроены, чтобы удовлетворять современным требованиям.

Сухомлинов исходил из того, что будущая война должна носить наступательный, а не оборонительный характер. Боевые действия 1914—1915 гг. убедительно доказали неэффективность крепостей в новых условиях. Крепости Льежа, Намюра, Антверпена, Перемышля оказывались неэффективными перед мощным артиллерийским огнём современных орудий.

¹ Сухомлинов В. А., Ржевский Б. М. *Мы готовы* // Биржевые ведомости. 27 февраля 1914.

² Яковлев В. В. *История крепостей*. — М.: АСТ, 2000. С. 347.

Единственной крепостью, которая вела длительную оборону, был Верден. Но, не умаляя героизма и стойкости французских солдат и офицеров, следует признать, что штурм Вердена имел главным образом психологическое, а не военно-стратегическое значение, в котором, как это ни покажется странным, были заинтересованы как французы, так и немцы. В этой связи интересен секретный диалог между кайзером Вильгельмом и Бетманом-Гольвегом, состоявшийся летом 1916 г. в разгар осады Вердена. Разговор этот был добыт русской разведкой и переправлен в Петербург посланником в Берне В. Р. Бахерахтом. Бетман-Гольвег сказал кайзеру, что под Верденом идёт бессмысленное уничтожение обеих армий, французской и германской. Вызвано это тем, что ни на одном фронте нельзя достигнуть решительных результатов. *«Мы думаем, что и французы это знают и, как бы по молчаливому взаимному согласию с нами, действуют у Вердена. Мы могли бы, — продолжал рейхсканцлер, — с таким же успехом повести наступление в другом пункте, и это принесло бы ту же пользу. Мы только потому выбрали Верден, что цель операции остаётся здесь менее очевидной, общественное же мнение считает, что для нас важен именно Верден»*¹.

Что же касается «предательского» предложения В. А. Сухомлинова «взорвать» все крепости, то, во-первых, в таком виде его не существовало, а во-вторых, в любом случае он не был никогда выполнен. Советская историография долгое время обходила этот факт стороной, и у читателя создавалось впечатление, будто войну Россия встретила с оголённым фронтом, лишённым оборонительных укреплений. Не погнушался фальсифицировать факты и бывший царский офицер, советский маршал Б. М. Шапошников. *«В конце 1912 года, — писал он, — я сам слышал ночные подрывы варшавских фортов. Сухомлинов восторжествовал: русские крепости взлетели ещё до войны на воздух»*². На самом деле «восторжествовало» желание Шапошникова лишний раз напомнить советской власти о своей лояльности. Именно с целью продемонстрировать

¹ Секретная телеграмма посланника в Берне В. Р. Бахерахта. 24 мая/6 июня 1916 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 658. Л. 1.

² Шапошников Б. М. Указ. соч. С. 150.

«преступную» деятельность царского министра Сухомлинова Шапошников и сочинил подрыв «всех русских крепостей», забыв, по-видимому, что кроме упомянутых им варшавских фортов больше ни одной крепости взорвано не было. Н. Н. Яковлев объяснял факт сохранения всех крепостей действиями военных «патриотов на местах», которые, *«выставляя самые различные, порой хитроумные доводы, сохранили к 1914 году все крепостные сооружения, пожертвовав только доступными для обозрения начальства фортами и боевыми казематами крепости Варшава»*¹.

К слову сказать, в 1939—1940 гг. по приказу маршала Шапошникова были законсервированы, частично подорваны или лишены вооружения укрепрайоны на так называемой «Линии Сталина», которые вся страна строила семь лет и на которые ушли огромные силы и средства советского народа. Фактическое уничтожение «Линии Сталина» значительно облегчило вермахту продвижение в глубь СССР летом 1941 г.

Отмена решения военного министерства об упразднении крепостей на западной границе была принята Николаем II в 1913 г., когда он одобрил *«сохранение и частичное переустройство крепости Ивангород»*, а затем и других крепостей.

Решение русского командования придать будущей войне наступательный характер нашло понимание во французском генеральном штабе. На совещании начальников штабов в 1911 г. и 1912 гг. было условлено, что под понятием «оборонительная война» следует понимать не оборонительный характер военных действий, а то, что союзники не будут являться инициаторами самой войны. Что же касается боевых действий, то стороны пришли к решению, что обе армии должны провести немедленное мощное и желательное одновременное наступление всеми силами. В 1912 г. во время пребывания генерала Сухомлинова в Париже состоялись его переговоры с начальником французского Генерального штаба генералом Ж.-Ж. Жоффром. *«Мы были одного мнения, — вспоминал Сухомлинов: — немецкий план направлен к тому, чтобы сначала сразить Францию несколькими решительными ударами, а затем об-*

¹ Яковлев Н. Н. *1 августа 1914*. — М.: Москвитянин, 1993. С. 124.

рушиться на Россию. Из этого мы вывели заключение, что нашей задачей является одновременное наступление на Германию с востока и с запада. Франция предполагала подготовить для этой цели 1 300 000 человек, а Россия — 800 000»¹.

На двух последующих совещаниях начальников генеральных штабов 1912 и 1913 гг. главным обсуждаемым вопросом было строительство стратегических железных дорог на западной территории России. Сухомлинов писал, что «*французы охотно шли навстречу нам в деле помощи по постройке железных дорог, в особенности тех из них, которые имели стратегическое значение. Таковыми были, конечно, линии, преимущественно направлявшиеся от центра к западной границе, а затем рокировочные, параллельные фронтам сосредоточения армий. Эти дороги, имевшие большое значение для военных целей, не могли быть всегда интересными в торговом отношении — их эксплуатация обещала убытки, а не доходы. Так как государственный бюджет наш и без того хронически страдал недоборами, то за счёт казны избегали их строить»². На встрече с Николаем II в 1912 г. Р. Пуанкаре заявил, что французское правительство готово помочь России в строительстве этих дорог и выделить под это соответствующий денежный кредит»³.*

По воспоминаниям Сухомлинова, «*генерал Жоффр составил для нашей железнодорожной сети большую и дорогостоящую программу, целью которой было провести с наибольшей скоростью концентрацию назначенных против Германии войсковых частей на Висле и дать им возможность наступления на Восточную Пруссию»⁴.*

Николай II одобрил особую схему постройки железных дорог и разрешил В. Н. Коковцову начать переговоры с Парижем по поводу предоставления железнодорожного займа. Отправляя Коковцова за границу, Николай II поручил ему посетить кроме Франции и Италию. Перед отъездом царь дал Коковцову следующие рекомендации: «*Франция может спокойно рассчитывать на*

¹ Сухомлинов В. А. Указ. соч. С. 165.

² Сухомлинов В. А. Указ. соч. С. 166.

³ Материалы по истории франко-русских отношений. С. 255–256.

⁴ Сухомлинов В. А. Указ. соч. С. 166.

меня во всех вопросах, затрагивающих её жизненные интересы. [...] В Италии лучше всего не вести никаких разговоров. Я мало верю итальянцам. Они никогда не войдут в откровенную беседу с нами, всегда утонченно любезны, на самом же деле думают только о том, как воспользоваться теми или иными осложнениями, чтобы провести что-нибудь выгодное лично для себя. Они всегда сидят между двух стульев, Германией и Францией, и ведут, конечно, немецкую политику, уверяя в то же время Францию в своей искренности»¹. Что касается посещения Берлина, через который Коковцов должен был проехать в Париж, Николай II сказал следующее: «Будь я на Вашем месте, я сделал всё возможное, чтобы уклониться от встречи с императором Вильгельмом, но я хорошо понимаю, что Вам неудобно избежать остановки в Берлине, и желаю, чтобы сбылось предсказание Сазонова, что императора не будет там»². Скорее всего, эти слова царя были вызваны тем, что он уже решил отправить Коковцова в отставку и не желал его общения с германским императором, которого Коковцов собирался поблагодарить за пожалованный ему орден Чёрного Орла.

В результате переговоров Коковцова с французскими банкирами в январе 1914 г. удалось заключить заём на 1 млрд 250 млн с предрешением этой суммы на пять лет. Однако воспользоваться этим займом Россия не успела.

Что же касается встречи Коковцова с императором Вильгельмом в Берлине, которой так не хотел Государь, то она стала частью большого дипломатического скандала, который знаменовал собой приближение большой войны.

Обострение германо-русских отношений на Ближнем Востоке

Когда в мае 1913 г. император Николай II встречался с Вильгельмом в Потсдаме, кайзер, между прочим, среди других мало-важных вопросов, сообщил, что собирается послать в Констан-

¹ Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 198.

² Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 198.

тинополь военную миссию во главе с генерал-лейтенантом Отто Лиманом фон Сандерсом. Эта миссия, по словам кайзера, ничем не будет отличаться от других военных германских миссий, которые до того посылались в Турцию. При этом император Вильгельм поинтересовался у Государя, не будет ли у него возражений против посылки этой миссии. Николай II ответил, что если новая миссия не будет отличаться от прежних, то у него никаких возражений она у него не вызовет¹.

Между тем, направляя миссию во главе с генералом фон Сандерсом, кайзер преследовал далеко идущие цели. Подготавливая войну, германское руководство видело Турцию своим союзником. Однако тяжёлые поражения турок от армий Балканских государств в 1912—1913 гг. вызвали в Берлине чувство глубокого разочарования. Там стало ясно, что без кардинальной перестройки турецкую армию в новой войне ждёт не менее тяжёлое поражение, чем в Балканской. Однако на большие реформы турецкой армии у Германии не было времени. Для начала нужно было подчинить своему командованию генеральский и старший офицерский корпуса армии султана. С помощью своих генералов и офицеров германское верховное командование собиралось начать реорганизацию турецкой армии. Германская военная миссия из 42 офицеров была направлена в Турцию в ноябре 1913 г. Руководил ею Лиман фон Сандерс, который был назначен султаном верховным инструктором турецких войск и командующим I турецким корпусом, расположенным в Константинополе. Назначение немецкого генерала турецким командующим означало, что в Берлине стремились прочно укрепиться в Турции. Особым вызовом для России было то, что Сандерс командовал турецкими войсками именно в Константинополе, рассматриваемом русским правительством исключительно своей сферой влияния.

25 октября/5 ноября 1913 г. посол в Турции М. Н. Гирс в секретной телеграмме сообщил об этом С. Д. Сазонову². Русскому правительству пришлось узнавать о цели миссии через оперативные

¹ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 126.

² Материалы по истории франко-русских отношений. С. 631.

источники, так как германское правительство не считало нужным ознакомлять Петербург со своими планами. Бетман-Гольвег, который беседовал с С. Д. Сазоновым в начале сентября 1913 г., ни словом не обмолвился о миссии в Константинополе.

Сазонов вызвал германского посла графа Пурталеса и заявил ему, что *«не может себе представить, чтобы в Берлине не отдавали себе отчета в том, что русское правительство не может относиться безразлично к такому факту, как переход в руки германских офицеров командования Константинопольским гарнизоном. Германский канцлер должен был знать, что если есть на земном шаре пункт, на котором сосредоточено наше ревнивое внимание и где мы не могли допустить никаких изменений, затрагивавших непосредственно наши жизненные интересы, то этот пункт есть Константинополь»*¹.

Между тем В. Н. Коковцов, возвращаясь в Петербург, сделал 26 октября/4 ноября остановку в Берлине. На вокзале советник посольства Броневский передал Коковцову телеграмму Сазонова, в которой говорилось: *«Передайте Председателю Совета министров по приезде его в Берлин, что Государь Император поручает ему войти в объяснение с германским правительством по поводу предложения последнего относительно генерала Лимана фон Сандерса и заявить ему, что мы ни в коем случае не можем согласиться с этим предложением»*².

В 10 часов утра Коковцов был введен в курс дела послом С. Н. Свербеевым, который заменил в этой должности графа Н. Д. Остен-Сакена 9 мая 1912 г. В тот же день Коковцов встретился с рейхсканцлером Бетманом-Гольвегом, который утверждал, что посылка генерала в Турцию является лишь помощью одного союзника другому. Тем более, заявлял канцлер, что император Вильгельм спрашивал мнения вашего Государя о посылке миссии ещё на встрече в Потсдаме и тот дал на неё своё согласие. Коковцов выразил сомнение, что Государь дал согласие именно на такую миссию, тем более на назначение фон Сандерса командующим турецким воинским подразделением. Бетман-

¹ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 126.

² Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 209.

Гольвег сказал, что император Вильгельм будет крайне огорчен такой переменой в мнении царя.

Таким образом, изначально германская сторона приняла вид, будто русский протест для неё является неожиданностью, которую она никак не предполагала. На самом деле это опровергается всеми предшествующими действиями немцев, связанными с миссией фон Сандерса. Бетман и Пурталес недаром тщательно скрывали от русской стороны её подлинный характер, пытались ввести русских представителей в заблуждение о якобы полученном от царя «согласии» на посылку миссии. В Берлине прекрасно знали, что реакция русского правительства, когда ему станет известен факт назначения Сандерса турецким командующим, будет именно такой, какой она была представлена в протесте императора Николая II. Поэтому германское руководство и разыгрывало перед Коковцовым спектакль, первую часть которого исполнил Бетман-Гольвег.

Вторая часть началась во время аудиенции Коковцова у кайзера. Вильгельм, всегда подчёркивающий своё благоволение к Коковцову, принял его в русском мундире. Кайзер был исполнен радушия и прекрасного настроения. Всё это поменялось в одну минуту, когда Коковцов повторил протест Николая II. Кайзер разразился гневной тирадой, в которой иносказательно обвинил царя в непостоянстве, утверждая, что он предупреждал его о грядущей смене главы германской миссии в Константинополе и царь дал ему на это своё согласие. Вильгельм II обвинил Сазонова в том, что тот не поставил в известность об этом Коковцова. В свою очередь Коковцов сказал германскому императору, что Государь и не мог быть против назначения фон Сандерса главой миссии, так как это внутреннее дело Германии. Протест царя заключается не в личности немецкого генерала и даже не в военной миссии, а в том, что Сандерс назначен командующим войсками турецкой столицы. *«Я полагаю, — сказал Коковцов, — что и Франция заявит свой протест, да и Англия едва ли так просто посмотрит на такое изменение положения»*¹.

¹ Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 220.

Еле сдерживая раздражение, кайзер спросил Коковцова: *«Должен ли я принять Ваши слова как официальный протест, заявленный мне русским Императором в ультимативной форме, или это дружеская передача взгляда вашего Императора, с которым я могу войти в непосредственное сношение, хотя бы для того, чтобы напомнить ему, что я имел его прямое согласие и думал, что действую с его ведома и одобрения?»*¹

Редко где фальшивая натура Вильгельма II раскрывалась с такой ясностью, как в этих словах. Ему ли, постоянно встречающемуся с Николаем II по самым разным политическим вопросам, находящемуся с царём в длительной переписке, было спрашивать у Коковцова о возможности «непосредственного сношения» с русским императором? И Вильгельму II было ли не знать, что не в правилах Николая II разговаривать с кем-либо, а особенно с германским императором, с которым официально его связывала дружба, языком ультиматумов?

Собственно, это и сказал Вильгельму сам Коковцов. После этого кайзер вновь пришёл в доброе расположение духа и заявил, что он должен посоветоваться по этому вопросу с канцлером. После чего кайзер пригласил Коковцова к завтраку, во время которого интересовался в основном археологическими раскопками скифских курганов возле Керчи.

В тот же день Коковцов имел длительную беседу с директором Кредитной канцелярии Н. Ф. Давыдовым. Последний рассказал, что во время завтрака Вильгельм обрушился на него с резкой критикой строительства Россией стратегических железных дорог на германском направлении, которое к тому же русское правительство поручает Франции. Давыдов стал объяснять императору, что Франция — единственное из государств, которое, при отсутствии агрессивных намерений, имеет средства и готовность их выделять для России, между тем как другие рынки совершенно не интересуются Россией. Здесь Вильгельм в раздражении прервал Давыдова, сказав: *«Неужели у вас не понимают, куда ведёт направление вашей печати, усвоившее себе целиком приёмы и направления французской и*

¹ Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 220.

английской печати в отношении Германии? Её нападки на нас и лично на меня не предвещают ничего доброго»¹. Далее кайзер разразился привычной для него речью о том, как он помогал России во время войны с Японией и во время Балканских войн. Закончил свою речь Вильгельм тем, что предупредил Давыдова: «Я скажу Вам прямо — я вижу надвигающийся конфликт двух рас: романо-славянской и германизма»². На возражение Давыдова, что Россия не помышляет ни о какой войне и желает только одного мирного существования, кайзер сказал: «Если война неизбежна, то я считаю совершенно безразличным, кто начнёт её. [...] Я говорю Вам совершенно определённо, что война может сделаться просто неизбежною»³. Таким образом, в конце 1913 г. Вильгельм II уже не считал нужным скрывать от России свою подготовку к войне с ней.

По прибытии в Россию Коковцов отправился в Ливадию для доклада Государю о результатах своей поездки по Европе и о встрече с императором Вильгельмом. Когда Коковцов передал Николаю II слова кайзера о том, что всё, что касается миссии фон Сандерса, было условлено во время встречи в Потсдаме, царь сказал: «Ничего подобного, конечно, не было. Но я нимало не удивляюсь, так как уже не раз я встречался с тем же приёмом сваливать с больной головы на здоровую»⁴. При этом Николай II высказал мнение, что «на этот раз формально они уступят нам»⁵.

Словно в подтверждение этих слов, 1/14 января 1914 г. от посла в Берлине С. Н. Свербеева поступила следующая телеграмма: «Вчера во время приёма Ягов сказал мне строго конфиденциально, что дело Сандерса будет улажено в очень скором времени». Но, зная повадки германской верхушки, Николай II написал на телеграмме резолюцию: «Нам лучше спокойно подождать»⁶.

¹ Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 242.

² Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 220.

³ Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 241.

⁴ Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 241.

⁵ Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 241.

⁶ С. Н. Свербеев — С. Д. Сазонову. 1/14 января 1914 г. // МОЭИ. Т. 1. Серия III. С. 7.

Одновременно императорское правительство обратилось к правительствам Франции и Англии с призывом поддержать протест России против действий Берлина. В Париже, как обычно, начались колебания, лишней раз доказывающие панический страх правительства III Республики перед возможностью войны с Германией. А. П. Извольский докладывал С. Д. Сазонову, что Р. Пуанкаре и министр иностранных дел Г. Думерг «указали мне на опасную сторону подобного выступления и высказали, что, раз мы продолжаем дружеские разговоры с берлинским кабинетом, желательно прежде всего выждать результаты этих разговоров»¹. Тем не менее официальный Париж выразил готовность поддержать Россию в дипломатическом противостоянии с Берлином.

В самом Берлине решили смягчить впечатление от прямого назначения своего генерала военным руководителем иностранного государства. Как верно предвидел Государь, Вильгельм II решил, ничего не меняя по существу, формально уступить России. 2/15 января 1914 г. Свербеев телеграфировал Сазонову, что статс-секретарь иностранных дел фон Ягов «конфиденциально сообщил мне, что Сандерс вчера произведён в генералы от кавалерии германской службы и будет произведён в турецкие маршалы, чем он, само собой, освобождается от командования корпусом»².

В этот же день граф И. Л. Татищев сообщал Николаю II из Берлина: «Начальник германской миссии в Турции Лиман фон Сандерс произведён в генералы от кавалерии, и, как я слышал, император Вильгельм лично по телефону в очень сердечных выражениях сообщил ему об этом производстве»³.

По существу, всё командование корпусом по-прежнему осталось в германских руках, формально поменялся только его командир, который стал муширом (фельдмаршалом) Турции, т.е.

¹ А. П. Извольский—С. Д. Сазонову. 2/15 января 1914 г. // МОЭИ. Т. 1. Серия III. С. 17.

² С. Н. Свербеев — С. Д. Сазонову. 2/15 января 1914 г. // МОЭИ. Т. 1. Серия III. С. 26.

³ И. Л. Татищев — императору Николаю II. 2/15 1914 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746 (2). Л. 50.

формально мог командовать вообще всеми турецкими войсками. Посол Свербеев писал 3/16 января 1914 г., что, «*чем бы ни был генерал Сандерс и как бы он ни назывался, он, очевидно, сумеет сосредоточить в своих руках военную власть и явиться фактическим начальником оттоманских войск*»¹.

Помимо Сандерса немцы назначали в рамках военной миссии своего генерала Ф. Бронзарта фон Шеллендорфа командиром турецкой дивизии в албанском городе Скутари. Русский дипломатический корпус настаивал на продолжении требований об устранении всех немецких офицеров из турецкого корпуса, а также на отзыве Бронзарта из Скутари. Однако Николай II приказал прекратить эти требования: «*Пока нам следует приостановиться от дальнейших настояний — дать немцам передышку*»².

Между тем в Турции, в которой далеко не все поддерживали прогерманскую политику Энвера-паши, были обеспокоены резким усилением германского военного присутствия в стране. Здравомыслящие силы в Стамбуле боялись ухудшения отношений с Россией, которые грозили собой непредвиденными последствиями. В апреле 1914 г. султан Махмуд V испросил согласия Николая II на приезд в Россию турецкой высокой делегации для обсуждения с императором двусторонних отношений. 18 апреля/1 мая 1914 г. Николай II такое согласие дал. В мае 1914 г. в Крым на встречу с царём прибыли министр внутренних дел Талаат-бей и генерал Иззет-паша. С. Д. Сазонов был свидетелем встречи царя с турецкими посланцами. Позже он вспоминал: «*Я внимательно следил за впечатлением, которое производили на Талаата естественность и простота обращения, которыми в такой высокой степени отличался император Николай II. Отвечая на приветствия послов, Государь сказал им, что он рад видеть у себя чрезвычайное турецкое посольство, что питает как к султану, так и к турецкому народу дружественные чувства и искренно желает им благополучия и*

¹ С. Н. Свербеев — С. Д. Сазонову. 3/16 января 1914 г. // МОЭИ. Т. 1. Серия III. С. 30.

² Резолюция императора Николая II на телеграмме поверенного в делах К. Н. Гулькевича. 8/21 января 1914 г. // МОЭИ. Т. 1. Серия III. С. 30.

процветания. Государь прибавил, что он ничего не ожидает от турецкого правительства и желает только одного: чтобы оно оставалось хозяином в своем собственном доме и не передавало своей власти в чужие руки, чем, по его мнению, лучше всего были бы обеспечены добрососедские отношения между Россией и Османской империей. Государь ограничился этим намёком, ясно понятым турецкими послами, на неудовольствие, вызванное у нас чрезвычайными полномочиями, данными военной миссии генерала Лимана фон Сандерса»¹.

Несмотря на то что формально вопрос с германской миссией в Турции был улажен, ситуация на Ближнем Востоке представлялась Николаю II крайне опасной. По мнению царя, главная угроза войны исходила именно с Ближнего Востока, а также с Балкан. Обсуждая с новым французским послом М. Палеологом близкую угрозу конфликта между Россией и Германией, Николай II высказал предположение, что в ближайшее время могут начаться военные действия Греции с Турцией. Тогда, говорил Николай II, османское правительство закроет Проливы. Россия не сможет смириться с этим шагом, наносящим её престижу и торговле непоправимый ущерб. «Чтобы открыть Проливы, — сказал император, — я употреблю даже силу». Но вмешательство Германии на стороне Турции может крайне осложнить дело и привести к большой войне. Именно поэтому Николай II стремился как можно скорее заключить с Англией военную морскую конвенцию².

Государь отдал распоряжение С. Д. Сазонову как можно скорее ускорить переговоры о заключении конвенции с Англией. Сазонов по этому поводу сказал: «Соглашение, которые мы заключим с Англией, обеспечит равновесие и мир. Спокойствие Европы не будет более зависеть от каприза Германии»³. До войны оставалось два с половиной месяца.

¹ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 128.

² М. Палеолог — Г. Думергу. 5/18 апреля 1914 г. // МОЭИ. Т. 2. Серия III. С. 325.

³ М. Палеолог — Г. Думергу. 2/15 мая 1914 г. // МОЭИ. Т. 3. Серия III. С. 16.

ЧАСТЬ 4. ДИПЛОМАТИЯ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Глава 1.

Николай II

в предвоенный период

Планирование и подготовка германской агрессии против России

В отечественной научной и общественной мысли достаточно прочно утвердилось представление о Первой мировой войне как о «ненужной», «чуждой» интересам России. Раньше эти утверждения базировались на так называемом марксистско-ленинском учении. Большевики, как известно, называли Первую мировую войну «империалистической», «антинародной», которую «царизм» вёл в интересах капиталистов Антанты. Согласно лидерам большевизма, желать поражения «царизму» было долгом и обязанностью каждого революционера. *«Революционный класс в реакционной войне, — писал Ленин, — не может не желать поражения своему правительству. Это аксиома»*¹.

С точки зрения уголовного законодательства любого государства, да и с точки зрения морально-нравственной, такая «аксиома» является формой государственной измены. Между тем она господствовала в течение десятилетий в советской историографии и в сознании народа, полностью вытравив из него подлинное первоначальное название войны: Вторая Отечественная или Великая Германская.

Объективный анализ источников приводит к неопровержи-

¹ Ленин В. И. *О поражении своего правительства в империалистической войне* // Полное собрание сочинений. — М., 1973. Т. 26. С. 286.

тому выводу, что Великая Германская война была для России очередной оборонительной войной против агрессии более сильных государств Запада, борьба за свой суверенитет и независимость, за возможность оставаться самобытной великой державой, верной своим идеалам и мировой миссии. Первая мировая война была для России антиимпериалистической войной.

Конечно, у России были свои геополитические интересы, свои цели и задачи. Они подразумевали в том числе и отторжение тех или иных территорий у своих противников при условии их поражения, что является обыкновенной практикой классической войны. Но этот факт совершенно не говорит об «империалистическом характере» этих целей, так как они никогда не главенствовали в политике русского правительства и всегда отходили на второй план перед угрозой войны. В России не было ни одного класса или прослойки, стремившихся к захвату чужих рынков сбыта, что является главным в политике империализма.

Между тем подобные захваты была главной целью политики Германии и Австро-Венгрии. В связи с этим бытует опасное, но весьма распространённое заблуждение, будто Первая мировая война была войной двух «братских» монархических государств (России и Германии), столкнувшихся друг с другом по «недоразумению», в угоду третьей силы (Англии, Франции и США).

Неверным является также утверждение и о том, что Россия и Германия несут одинаковую долю ответственности за эту войну. Изучение совокупности источников приводит к выводу, что Россия войны не хотела и делала всё возможное, чтобы её избежать, а Германия к ней стремилась, долгие годы вынашивала планы мировой гегемонии и считала наилучшим моментом для осуществления этих планов 1914 г.

То, что при этом Германия прятала свои агрессивные планы за маской миротворческой демагогии и кричала всюду о своем стремлении к миру, свидетельствует лишь о цинизме германской внешней политики тех лет, а вовсе не об её истинных намерениях.

В России все здравомыслящие люди не хотели войны с Германией. 22 февраля/6 марта 1911 г. французский посол Ж. Луи записал в свой дневник: *«Нельзя сказать, что русское правительство*

желает менять основы своей политики: оно желает сохранять отношения как с Германией, так и с Антантой. Но есть вещи, которые претерпели изменения. У всех русских, с какими приходилось мне беседовать, наблюдается озабоченность отношениями с Германией. Все думают, что надо быть с ней в хороших отношениях, чтобы Россия могла свободно посвятить себя внутреннему развитию»¹.

Войны не хотели Государь и большая часть русского правящего слоя. Конечно, были и в России свои «ястребы». Среди них выделялся Великий князь Николай Николаевич-младший. П. А. Столыпин говорил о нём: «Удивительно он резок, упрям и бездарен. Все его стремления направлены только к войне, что при его безграничной ненависти к Германии очень опасно. Понять, что нам нужен сейчас только мир и спокойное дружное строительство, он не желает и на все мои доводы отвечает грубостями. Не будь миролюбия Государя, он многое мог бы погубить»².

Но Николай Николаевич никакого влияния на внешнюю политику России не оказывал. Тем не менее его бездумные речи, проносимые без учёта категории слушателей, наносили России существенный вред. Так, осенью 1912 г. на больших манёврах во Франции, где Великий князь присутствовал как представитель царя, Николай Николаевич «поднял на прощальном ужине свой полный бокал шампанского и воскликнул, под восторженные аплодисменты французских офицеров: “Я пью за нашу общую будущую победу! До встречи в Берлине, господа!”»³. Конечно, в Германии с удовольствием принимали такие «подарки» великого князя, которыми можно было оправдывать подготовку к собственной агрессии.

Конечно, неверно было бы считать, что Германия изначально стремилась к большой европейской войне. До 1908–1909 гг. кайзер и его правительство надеялись отделаться военным столкновением либо с Францией, либо с Англией, при помощи, ослабленной

¹ Les carnets de Georges Louis. Т. 1. Р. 168.

² Бок (Столыпина) М. П. *Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине*. — М., 1992. С. 234.

³ Beumelburg (Werner). *La Guerre de 14–18 racontée par un Allemand*. — Paris: Bartillat, 1998.

и подчинённой рейху России. Однако ещё в самом начале XX в. германским командованием был разработан план войны на два фронта: против Франции и против России. Уже в 1870 г., после капитуляции французов при Седане, фельдмаршал фон Г. Мольтке-старший сказал: «Самым тяжким испытанием для существования новой Германской империи была бы одновременная война против России и Франции, и, так как эта возможность не исчезла, нужно изыскивать способы её отражения»¹. «Способы отражения» свелись в германском генштабе к разработке грандиозного стратегического плана генерала А. фон Шлиффена.

Шлиффен полагал, что Германия в союзе с Австро-Венгрией вполне может вести войну на два фронта. При этом основные германские силы должны были быть направлены против Франции. Шлиффен писал: «Самый наиглавнейший для нас вопрос — это знать, кто из двух противников, готовых к нападению, наиболее опасен. Это — французы. На Западном фронте можно в начале организовать большое встречное столкновение, которое было бы решающим»². «Поэтому, — писали впоследствии германские военные историки, — граф Шлиффен впредь склонялся к идее концентрации масс германской армии против Франции. Против России должны были быть задействованы только те силы, которые не успели послать на западную границу»³. Основную роль в войне с русскими на первоначальном этапе, вплоть до поражения Франции, немцы отводили австро-венгерской армии. В 1905 г. Шлиффен составил окончательный вариант своего плана, по которому «русские армии будут моментально сдержаны австро-венгерской армией и минимально германскими силами. На Западе, против Франции, — мощное массивованное наступление германских армий»⁴.

Когда в германских правящих верхах стало понятно, что Рос-

¹ Argueyrolles J., colonel. *La tragique campagne de Prusse Orientale Le coup dés de Tannenberg.* — Paris, s/a/ P. 20.

² Argueyrolles J. Op. cit. P. 24.

³ Argueyrolles J. Op. cit. P. 24.

⁴ Argueyrolles J. Op. cit. P. 24, 27.

сия не будет добровольно примыкать к германскому блоку и не будет обслуживать планы по построению Рах Германика под убаюкивающую демагогию кайзера, в Берлине было принято решение так или иначе заставить Россию это сделать.

«Германия стремится к завладению мировым рынком, — отмечал «Вестник Европы» в 1914 г. — в интересах своей индустриальной, финансовой и торговой буржуазии. Потому-то широкие круги германского населения широко поддерживают “военную партию”, против которой не борется даже немецкая социал-демократия, также заинтересованная в расширении рынка труда. И надо, чтобы русская публика знала это. Тогда она поймёт, что речь идёт об упорной борьбе, которую дальновидные немцы назвали “второй семилетней войной”»¹.

Претендующая на мировое господство Германия не могла потерпеть, чтобы Черноморские проливы и Константинополь достались России. Известный английский колонизатор Джонсон писал в 1912 г.: «Будь я немцем, я мечтал бы о германско-австрийско-турецкой империи с двумя главными торговыми гаванями: Гамбургом и Константинополем. Это государство оказывало бы своё влияние на Багдад, на всю Малую Азию и Месопотамию. Непрерывная империя от берегов Эльбы до берегов Тигра представляет собой гордую цель, достойную великой нации»².

То, что идеи Джонсона полностью соответствовали колонизаторским планам Берлина, видно по той целеустремлённости, с какой распространялась германская экспансия в Турции и на Ближнем Востоке. В 1913 г. в Мюнхене вышла книга близкого к правительственным кругам К. фон Винтерштетена «Берлин — Багдад»³. В ней автор писал, что мировой державой может быть названа лишь такая, которая обладает следующими качествами: 1. Неограниченностью народного хозяйства благодаря наличности рынков для сбыта товаров и достаточных источников сырья.

¹ Ближний Восток и война // Вестник Европы. 1914. С. 278.

² Ближний Восток и война // Вестник Европы. 1914. С. 278.

³ Winterschatten K. Von, D.-г. Berlin — Bagdad. Neue Ziele mitteleuropäischer Politik. — München, 1913.

2. Наличием свободных земель для заселения их новыми немецкими колонистами. Современная Германия, считал автор, не обладает этими признаками, а потому не представляет собой мировой державы¹.

Совершенно очевидно, что при таких планах стать «мировой державой» главной помехой становилась Россия. Интересы двух империй сталкивались главным образом на Балканах. Господство в этом регионе к 1914 г. стало для германской экспансии обязательным условием, хотя сами по себе Балканские государства Берлин совершенно не интересовали. *«Для того чтобы иметь непрерывную линию “Берлин — Багдад”, надо быть уверенным в том, что эта линия не будет прервана на Балканах»*². Россия, в свою очередь, не могла допустить германского господства на Балканах, так как это означало бы конец её планам по контролю над Проливами. К 1912—1913 гг. Германия чувствовала себя уже настолько сильной, что обсуждать спорные вопросы с Россией, искать с ней компромисса в Берлине не желали.

Помимо того что Россия никак не вписывалась в будущее мироустройство, планируемое кайзеровским руководством, была ещё одна важная причина, толкавшая Германию на войну с Россией. Она заключалась в принятом русским правительством решении пересмотреть неравноправный торговый договор с Германией 1905 г. Генерал А. Ф. Редигер писал: *«Торговый договор 1905 года, заключённый нами во время войны с Японией, был для нас крайне тяжёл тем, что целые отрасли нашей промышленности (особенно химические производства и изготовление машин) были лишены таможенного покровительства, а потому не могли развиваться, так что мы были вынуждены получать все эти произведения из Германии. Поэтому было решено, что торговый договор с Германией либо вовсе не будет возобновлен, либо будет изменен коренным образом, и для выработки основ нового таможенного тарифа производились обширные подготовительные работы. Изменение нашего тарифа грозило германской промышленности серьезным ударом, а потому можно было*

---

¹ Ближний Восток и война // Вестник Европы. 1914. С. 279.

² Ближний Восток и война // Вестник Европы. 1914. С. 289.

ожидать таможенной войны и всякого рода угроз со стороны Германии, но всё же правительство, по-видимому, не верило, чтобы она решилась на европейскую войну»¹.

Осенью 1908 г. на стол Николая II легла составленная Г. фон Мольтке и утверждённая кайзером «Записка о распределении германских сил в случае войны», в которой речь шла о нападении на Россию². Этот документ был добыт русским военным агентом в Берлине полковником А. А. Михельсоном через негласную агентуру. Содержание записки не оставляло сомнений в наступательном характере будущей войны для германской армии, причём начало боевых действий относилось на тот момент, когда Германия придёт к «убеждению, что сохранение мира более несовместимо с нашей честью». Относительно Российской империи Мольтке, в частности, писал: *«По воле верховного вождя, Его Величества Императора Вильгельма, война с Россией должна ограничиться пределами русской Польши, а при заключении мира — предоставить Австрии требовать уступок. Балтийские провинции должны быть по возможности избавлены от ведения в них военных операций, а при удачном исходе войны земли эти должны получить обратно их собственное управление, даже в виде самостоятельного государства буферного типа»³.*

Ещё весной 1908 г. военный агент в Берлине полковник Михельсон докладывал, что *«к весне 1909 г. Германия будет совсем готова к войне и ей выгодно будет её начать, чтобы использовать свою армию, содержание которой, вместе с постройкой новых судов, стоит Германии таких огромных денег, что недалеко то время, когда дальнейшее развитие её станет не под силу стране, обременённой тяжёлыми налогами. Вот до наступления этого момента и выгодно*

¹ Редигер А. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 359.

² Записка о распределении германских вооружённых сил в случае войны. 22 августа (5 сентября) 1908 г. // РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 33. Л. 98—106. Также: Сергеев Е. Ю. *Образ Германии в представлении военной элиты.*

³ Записка о распределении германских вооружённых сил в случае войны. 22 августа (5 сентября) 1908 г. // РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 33. Л. 98—106. Также: Сергеев Е. Ю. *Образ Германии в представлении военной элиты.*

Германии нанести удар славянскому миру и его союзникам, чтобы на долгие годы закрепить своё преобладание в Европе»¹.

27 марта 1911 г. был принят военный закон на пятилетие 1911–1915 гг. По сводкам ГУГШ: «Вызываемые новым законом организационные изменения заключаются в следующем. Общее увеличение численности германской армии. Армия должна была увеличиться на 10 875 человек. Увеличение численности будет происходить постепенно в течение 5 лет. Вызываемые новым законом единовременные расходы исчислены в 82 419 033 марки, из коих в 1911 г. ассигнуются 4 177 836 марок, а остальные в течение 1912–1915 гг. Обыкновенные расходы в 1911 г. увеличиваются на 3 727 441 марку, а по окончании всех реформ — на 21 813 979 марок»².

Именно эти колоссальные финансовые затраты на вооружения сделали Германию заложницей войны. Сбывались опасения императора Николая II о смертельной опасности в современных условиях гонки вооружений. Эти опасения побудили царя в 1899 г. созвать конференцию по разоружению в Гааге, идеи которой были так самонадеянно и близоруко отвергнуты императором Вильгельмом. Теперь же созданная кайзером колоссальная военная мощь требовала своего применения.

Экономика империи изнывала под тяжестью военных налогов. Германии нужно было где-нибудь начать войну. Россия не давала поводов для нападения, и поэтому начиная с конца 1912 г. Германия этот повод лихорадочно искала.

25 ноября/8 декабря 1912 г. на совещании своего генералитета Вильгельм II высказал мысль, что наступило «наилучшее время» для начала войны против Англии, Франции и России. Вильгельм II поддержал начальник Большого штаба генерал Г. фон Мольтке. «Большая война, — сказал он, — неизбежна, и чем раньше она начнется, тем лучше»³. России нельзя давать время для мобилизации, продолжал Мольтке, «нужно начать, не выжидая, чтобы круто раздавить всякое

¹ И. Л. Татищев — императору Николаю II. 19 марта/1 апреля 1909 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746 (2). Л. 18.

² Сборник ГУГШ. Выпуск XXIV. Май 1911 г. СПб., 1911. С. 1–14.

³ Шиндлинг А., Циглер В. Указ. соч. С. 535.

сопротивление». 4 февраля 1912 г. военный атташе в Берлине полковник П. А. Базаров доносил в Петербург, что «Германия усиленно готовится к войне в ближайшем будущем»¹. Германию пока останавливала только неполная готовность военного флота.

Немцы не скрывали своего стремления к войне: «Ничего лучше радостной и победоносной войны нам не надо, — заявил русскому военному агенту в Берлине полковнику П. А. Базарову начальник военного кабинета императора генерал-адъютант барон фон Линкорн. — Армия устала от этого 30-летнего мира и жаждет войны. Мы совершенно готовы начать её немедленно»².

Период 1913—1914 гг. был самым удачным для Германии. Темпы роста немецкого населения были большими, экономика достигла пика своего развития, вооруженные силы полностью отоброшены и готовы к действию. Из всех государств Европы только Германия была готова начать войну. К 1914 г. армия кайзера насчитывала 808 тыс. 280 человек, а по мобилизации — 3 млн 822 тыс. человек³. Германская армия была прекрасно обучена и вооружена по последнему слову техники. В ней были представлены все виды вооружений. У немцев на начало войны насчитывалось 232 самолета, 1396 тяжелых орудий. Германская армия была единственной армией мира, в которой имелись минометы. В начале XX в. развивается немецкое военное машиностроение. В армии появились 4 тыс. бронев автомобилей Круппа с 77-мм орудиями. В 1914 г. германский флот насчитывал 14 броненосцев, четыре бронированных крейсера, 10 минных крейсеров, 132 миноносца⁴.

В начале 1913 г. до ГУГШ дошли сведения о значительной активизации деятельности военного министерства Германии. Оно закончило на два месяца ранее, чем всегда, обучение новобранцев, в необычное время года (зимой) призвало на сборы запасных всех категорий (более 600 тыс. человек против 450 тыс., созданных

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2009. Л. 9—10.

² Шаццлло К. Ф. *Россия перед первой мировой войной. (Вооруженные силы царизма в 1905—1914 гг.)*. — М.: Наука, 1974. С. 80.

³ Первая мировая война. — М.: Воениздат, 1974. Т. 1—2. Т. 1. С. 98.

⁴ Первая мировая война. Т. 1. С. 98.

в 1910 г.), начало выработку законопроекта о дальнейшем, еще более значительном, увеличении своих вооруженных сил¹.

Русский военный историк А. А. Керсновский писал, что «вопрос о «предупредительной войне» с каждым месяцем ставился для Германии всё более остро. В 1913 году имперский военный министр генерал Фальгенхайн закончил проведение своей программы, создав тяжёлую артиллерию неслыханных доселе калибров. Два обстоятельства заставляли Германию торопиться. Первым обстоятельством была русская Большая программа. Время работало на Россию, русская армия крепла с каждым годом. В 1917 году она грозила стать слишком сильной. Второе обстоятельство было ещё важнее. Надо было использовать австро-венгерского союзника, пока тот ещё существовал: одной Германии нечего было и думать справиться с Россией и Францией»².

Эти слова подтверждал в своих воспоминаниях генерал А. А. Брусилов: «Было ясно, что Германия не позволит нам развить свои силы до надлежащего предела и поспешит начать войну, которая, по её убеждению, должна была продлиться от 1 до 8 месяцев и дать ей гегемонию над всем миром»³.

Статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Г. фон Ягов писал в июле 1914 г. русскому послу в Лондоне А. К. Бенкендорфу: «В основном Россия сейчас к войне не готова. Франция и Англия также сейчас не захотят войны. Через несколько лет, по всем компетентным предположениям, Россия уже будет неспособна. Тогда она задавит нас количеством своих солдат; её Балтийский флот и стратегические железные дороги уже будут построены. Наша же группа между тем все более слабеет. В России это хорошо знают и поэтому, безусловно, хотят еще несколько лет покоя. Я охотно верую вашему кузену Бенкендорфу, что Россия сейчас не хочет войны с нами»⁴.

¹ Шапило К. Ф. *Россия перед Первой мировой войной*. С. 81.

² Керсновский А. А. *История Русской армии*. — М.: Голос, 1994. Т. 1—4. Т. 3. С. 168.

³ Брусилов А. А. *Мои воспоминания*. — М.: Военное издательство Народного Комиссариата Обороны, 1943. С. 49.

⁴ История дипломатии. Т. 2. С. 776—777.

И. Л. Татищев докладывал Николаю II о своём разговоре с Мольтке в феврале 1913 г. Мольтке сказал Татищеву, «что войны с Россией никто в Германии не желает, но что если того потребуют обстоятельства, то Германия принуждена будет стать на сторону своих союзников всюю своею мощью и драться до последней крайности». На замечание Татищева, «что австрийцы за последние годы вторично грозят общеевропейскому миру, опираясь на силу Германии, и тем самым могут втянуть её в рискованные предприятия», Мольтке ответил, что «это совершенно верно, а всё-таки мы не можем не поддерживать наших союзников, потому что нам нужна Австрия такую, как она есть, т.е. немецкой державой»¹. Фактически в своём разговоре с Татищевым начальник германского генштаба почти за год до войны обрисовал сценарий её начала.

10 февраля 1914 г. начальник штаба Киевского военного округа докладывал в секретном рапорте начальнику ГУГШ: «В Германии в настоящее время исподволь начинают готовить войска и население к мысли о неизбежности столкновения с Россией»². 28 февраля 1914 г. в секретном рапорте военного агента в Берлине полковника П. А. Базарова в ГУГШ говорилось, что немецкая пресса ведёт антироссийскую кампанию против России³.

В начале 1914 г. резко ухудшилось отношение германских властей к сотрудникам русских представительств и техническому персоналу, находящемуся в Германии в командировках. 28 февраля 1914 г. граф И. Л. Татищев докладывал царю: «Капитан 2 ранга инженер-механик Владимир Поляков, посланный в Германию в Кёльн для наблюдения за постройкой механизмов для русских миноносцев, обвинён в краже часов у рабочего. Офицеров, командированных в Гер-

¹ И. Л. Татищев — императору Николаю II. 14/27 февраля 1913 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746 (2). Л. 44.

² Выдержка из секретного рапорта начальника штаба Киевского ВО от 10 февраля 1914 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 3 (64.) — М., 1934. С. 93.

³ Секретный рапорт военного агента в Берлине полковника П. А. Базарова 28 февраля 1914 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 3 (64.) — М., 1934. С. 109.

манию с той же целью, как Поляков, двадцать человек. Их положение при царящем здесь произволе — тяжёлое»¹.

Через месяц граф Татищев докладывал: «Натянутость отношения к России продолжает здесь ощущаться. Нашу политику почему-то считают агрессивной». Татищев отмечал, что «расовая борьба со славянством здесь предполагается неизбежной»².

26 мая 1914 г. директор департамента полиции В. А. Брюн-де-Сент-Ипполит докладывал начальнику Главного штаба генерал-лейтенанту Н. Н. Янушкевичу: «По сведениям, полученным Полоцким ГЖУ, в настоящее время в Германии, как вообще, так и в особенности в приграничных с Россией местностях, господствует среди населения убеждение, что германское правительство, опасаясь быстро возрастающего военного могущества Российской империи, намерено в ближайшем будущем воспользоваться каким-либо незначительным предлогом для объявления войны России, так как в этом конфликте достигим успех Германии лишь в настоящее время, впоследствии же таковой станет уже, по мнению германских общественных кругов, невозможным. Вопрос этот совершенно изъят из обсуждения германской прессы»³.

Профессор из ФРГ Вильгельм Дайест писал: «Если мы посмотрим на немецкое общество кануна войны, то легко заметим, какое сильное предубеждение против России существовало в политических, военных и экономических кругах. Все боялись огромной военной мощи России. Будущее Германии многим виделось в низвержении Франции и Великобритании. Было ясно, что Россия поддержит Францию. А так как сама Германия к оборонительной войне была не готова, то в генштабе возобладал подход, что единственный выход — это быстро

¹ И. Л. Татищев — императору Николаю II. 14/27 февраля 1913 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746 (2). Л. 52.

² И. Л. Татищев — императору Николаю II. 14/27 февраля 1913 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746 (2). Л. 52.

³ Секретное отношение директора департамента полиции В. А. Брюн-де-Сент-Ипполита на имя начальника Генерального штаба Н. Н. Янушкевича. 26 мая 1914 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 3(64.) — М., 1934. С. 127.

окружить и уничтожить русскую армию. Правда, планов эксплуатации оккупированных территорий, подобно нацистским, в то время не существовало»¹.

С последним трудно согласиться. Послевоенные планы Германии по отношению к побежденной России хотя и были выработаны уже в ходе войны, но замышлялись и поддерживались кайзером накануне нее. Автором этих планов был канцлер Бетман-Гольвег. Их суть сводилась к тому, что «Россия должна быть отброшена в Азию и отрезана от Балтики; с Францией и Англией мы можем договориться, с Россией — никогда». На западе Бетман-Гольвег после войны хотел договориться о «культурном союзе» Германии и побеждённых Франции и Англии против России, которая должна была быть вычеркнута из европейского контекста². «Россия, — говорил германский промышленник А. Тиссен, — должна лишиться балтийских провинций, части Польши, Донецкого угольного бассейна, Одессы, Крыма, Приазовья и Кавказа»³. Для достижения этих целей германский генштаб разрабатывал революционные, забастовочные и подрывные события в России, в нём созрел будущий украинский, эстонский, латышский и финский национализм, шла активная поддержка польских сепаратистов. Таким образом, как справедливо отмечает профессор А. К. Баиов, «Германии было выгодно создать искусственно предлог к войне или, по крайней мере, воспользоваться как таковым подходящим для этого фактом»⁴. То же самое писал и бывший военный министр В. Ф. Редигер: «Германия признала своевременным привести длительный кризис к развязке и воспользовалась первым сносным предложением для того, чтобы довести дело до войны»⁵. Такой предлог представился в связи с убийством австрийского престолонаследника.

Неверно утверждение, что в войну Россию, Германию и весь мир втянули «коварная» Англия, США и банкирские транснацио-

¹ Родина. 1993. № 8–9. С. 161.

² Уткин А. И. *Забывтая трагедия. Россия в Первой мировой войне.* — Смоленск: Русич, 2000. С. 75.

³ Уткин А. И. *Забывтая трагедия...* С. 78.

⁴ Баиов А. К., профессор. Указ. соч. С. 55.

⁵ Редигер В. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 369.

нальные дома, хотя отрицать их вполне определённую роль в этом невозможно. Конечно, классическая английская политика всегда строилась на принципе таскания каштанов из огня чужими руками. Не вызывает также сомнений, что мировая война была желанна тем силам, которые стремились к глобальному общественному перевороту («всемирной революции»). Ленин писал в конце января 1913 г. Максиму Горькому: *«Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей Восточной Европе) штукой, но маловероятно, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие»*¹.

Так думал не только Ленин. Все анархические, революционные, террористические, леворадикальные группировки с вожделием ждали большой войны. Такой переворот входил в планы и масонского Великого Востока Франции. *«Причиной ненависти масонства к России, — сообщал в своём отчёте заведующий заграничной агентурой департамента полиции (Парижское бюро) Л. А. Ратаев, — является то, что её считают самым надёжным оплотом христианства»*².

Особую роль в финансировании войны играли международные американо-германские банки. Николай II указывал в телеграмме английскому королю на влияние английских банков, находившихся в немецких руках³.

Но в 1914 г. эти силы не имели достаточного могущества, чтобы разжигать мировые катаклизмы. Кроме того, в английском политическом руководстве преобладало стремление избежать большой войны. Правительство Г. Асквита и Э. Грея проводило политику сдерживания Германии, и в этой политике оно стремилось опираться на помощь России. Война для Англии была опасным испытанием, идти на которое в Лондоне решились бы в самом крайнем случае. Начальник русского Генерального штаба генерал Ф. Ф. Палицын писал ещё в 1906 г., что Англия стремится

¹ В. И. Ленин — А. М. Горькому. Не позднее 25 января 1913 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — М.: ИПЛ, т. 48. С. 155.

² Л. А. Ратаев — директору департамента полиции // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1905. Д. 12. Ч. 2. Л. 142.

³ Мельгунов С. П. *На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года)*. — Париж: Родина, 1931. С. 67.

ся сделать войну с Германией «невероятною путём создания англо-французского и англо-русского соглашений и затем вести борьбу с германской державой только торгово-экономическую»¹.

Что же касается Франции, то к 1914 г. она ни о какой наступательной, «захватнической» войне не помышляла. Главной причиной этого был слабый прирост французского населения: с 1865 по 1912 г. оно возросло с 37,700 млн до 40,900 млн² (для примера — динамика роста населения Германии: в 1895 — 52,279 млн человек, в 1906 — 56,370 млн, в 1912 — 60,250 млн человек). Таким образом, немецкое население за 17 лет выросло примерно на 8 млн человек, тогда как французское за 47 лет — только на два с половиной!

Концентрация банковского капитала, с одной стороны, и большой вывоз капиталов из страны — с другой превращали Францию в страну-рантье. Из-за этого темпы развития промышленного производства замедлились, и Франция в этом отношении заметно отставала от других великих держав. Граф В. Н. Коковцов докладывал Государю, что финансовое положение Франции, «как это ни кажется странным, далеко не удовлетворительно»³. Большая европейская война была опасна для Франции, и режим III Республики, несмотря на все свои воинственные заявления, её опасался.

Что же касается «сталкивания» Германии с Россией, о котором так любят до сих пор потолковать современные почитатели «братской» кайзеровской Германии, то в 1914 г. ни Англия, ни Франция не имели достаточных рычагов, чтобы заставить кайзера напасть на Россию. Очевидно, что если бы Берлин и Вена летом 1914 г. не захотели бы начать войну, её бы не было, и никакая Англия, масоны и банкиры сделать бы ничего не смогли. Даже если представить, что эрцгерцог Франц-Фердинанд был убит в результате «масонского» заговора, это никак не может объяснить то сверхрвение, с каким Германия и Австро-Венгрия использовали это убийство для разжигания войны. Для начала XX в. террористический акт в

¹ Генерал Ф. Ф. Палицын — А. П. Извольскому. 22 сентября 1906 г. // АВП РИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1179. Л. 119.

² Quid 1992. P. 578.

³ Сборник секретных дипломатических документов. С. 614.

отношении государственного деятеля был довольно обыденным явлением, даже учитывая то обстоятельство, что убитый в Сараево эрцгерцог являлся наследником австро-венгерского престола. По такому поводу ни одно государство в то время войн не начинало. Значит, организаторы сараевского убийства должны были быть полностью уверены в том, что на этот раз такая война обязательно начнётся, и только потому, что Германия и Австро-Венгрия её подготовили. Поэтому главная ответственность за развязывание глобального конфликта лежит не на Англии, Франции и САСШ, какие бы коварные и циничные планы они бы ни строили против России, а на правительствах Германии и Австро-Венгрии.

Это так же справедливо, как и то, что через 27 лет 22 июня 1941 г. главную ответственность за нападение на СССР будут нести не Черчилль и Рузвельт, хотя они и были геополитическим противниками России, а Гитлер и руководство национал-социалистической Германии.

Сараевское убийство

16/29 июня 1914 г. императору Николаю II было доложено содержание расшифрованной телеграммы от военного агента в Вене полковника барона А. Г. Винекена, которая поступила в Петербург накануне 15 июня. В ней говорилось: *«Сегодня утром в Сараево убиты выстрелами из револьвера наследник престола и его супруга. Убийца — серб»*¹.

Так в Россию пришло известие об убийстве в главном городе Боснии Сараево наследного принца Австро-Венгрии эрцгерцога Франца-Фердинанда. Судьба сыграла с эрцгерцогом злую шутку: принц, который надеялся опереться на славян в будущей триединой империи, был убит славянином, и гибель эрцгерцога стала началом гибели Австро-Венгрии.

Убийство было совершено боснийским сербом Г. Принципом, членом тайной организации «Чёрная рука», действовавшей на тер-

¹ Шифрованная телеграмма А. Г. Винекена от 15 июля 1914 г. // <http://www.rusarhives.ru>

ритории Сербии. Официально целью организации было освобождение славянских народов от австрийского господства и создание «Великой Сербии». На самом деле характер «Чёрной руки» до сих пор мало изучен. Организация строилась на основе строжайшей конспирации. Имена её членов были известны только центральному комитету. Рядовые участники не знали друг друга. Каждый состоявший в обществе был обязан привлечь в него нового члена и отвечал жизнью за его верность. То есть характер «Чёрной руки» точно соответствовал характеру всех тайных организаций.

Возглавлял «Чёрную руку» полковник Драгутин Дмитриевич, начальник Осведомительного отдела Генерального штаба сербской армии. Дмитриевич был организатором и исполнителем зверского убийства сербского короля Александра Обреновича и королевы Драги в 1903 г. Правящая династия Карагеоргиевичей была обязана Дмитриевичу своим возведением на престол. Однако король Пётр, королевич Александр, премьер-министр Никола Пашич опасались Дмитриевича и не полностью контролировали его деятельность. Пашич указывал на опасность «Чёрной руки» и настаивал на её роспуске, но король Пётр всякий раз брал «Чёрную руку» под свою защиту¹. В 1914 г. «Чёрная рука» едва не отправила в отставку самого Пашича. Его спасло лишь вмешательство русского посланника в Белграде Н. Г. Гартвига, который 9 июня настойчиво посоветовал королю Петру сохранить кабинет Пашича².

Русский военный агент в Сербии полковник В. А. Артамонов в рапорте от 9/22 ноября 1911 г. перечислил следующие причины возникновения «Чёрной руки»: 1) разочарование армии в правительстве, которое не смогло противостоять экспансии Австро-Венгрии; 2) внутривластный кризис в стране и стремление военных создать сильную власть; 3) намерение офицерства вести более решительную внешнюю политику, направленную на присоединение к Сербии «единоплеменных народов»³. Артамонов отрицательно относился к тайной организации. Он докладывал в ГУГШ: «*Не скрою,*

¹ За балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 17.

² За балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 17.

³ За балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 16–17.

что «Чёрная рука» через одного офицера сделала попытку войти в сношения со мной. Конечно, я немедленно и решительно отклонил приглашение переговорить с членами тайной организации, чтобы не дать им возможности примешивать при агитации имя России». Ознакомившись с информацией, император Николай II указал МИДу тщательно следить за деятельностью «Чёрной руки». Царь отвергал террористическую тактику. «Где гарантия, — спросил Николай II сербского короля Петра в 1910 г., — что в один прекрасный день заговорщики не поднимут руку на Вашу династию?»¹

«Чёрная рука» была связана с боснийской террористической организацией национально-демократического толка «Млада Босна» («Молодая Босния»). С нею, в свою очередь, поддерживали контакты Лев Троцкий и Карл Радек. «Мы, — признавался Троцкому незадолго до сараевского убийства один из лидеров «Млады Босны» В. Гачинович, — ваша идейная колония, а колония всегда идет за метрополией»².

В марте 1914 г. руководство «Чёрной руки» приговорило эрцгерцога Франца-Фердинанда к смерти. Правительство Сербии имело смутные сведения о подготовляемом покушении на Франца-Фердинанда и очень его боялось. Было ясно, что убийство эрцгерцога может спровоцировать нападение Австро-Венгрии на Сербию, которая была не готова противостоять такой мощной державе. «Чёрная рука» объективно действовала против Сербии, в интересах войны. Сербское правительство пыталось не пропустить боевиков через границу, но сербские пограничные власти, связанные с «Чёрной рукой», не выполнили его распоряжения. Тогда сербский посланник в Вене Ж. Жованович предупредил австро-венгерского министра финансов графа Л. фон Белинского о грозящей эрцгерцогу опасности, но это предупреждение было проигнорировано³.

Теракт в Боснии вначале не произвёл в Европе большого эффекта, так как убийства по политическим мотивам стали в XX в.

¹ За балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 17.

² Родина. 1993. № 8—9. С. 16.

³ Le Moal Frédéric. *La Serbie, du martyre à la victoire 1914—1918*, éditions 14—18. — Paris, 2008. P. 35.

нередким явлением. Преступление было осуждено всеми державами, в том числе и Сербией.

Однако уже через несколько дней появились тревожные симптомы. В правящих кругах Австро-Венгрии посчитали, что появился удобный момент преподнести сербам жестокий урок. Император Франц-Иосиф умело использовал возмущение не только тем, что убили эрцгерцога Франца-Фердинанда, но и тем, что его убил именно серб.

Существует даже версия, что убийство эрцгерцога было подготовлено германскими и австрийскими спецслужбами. Никакими достаточно убедительными данными в поддержку этой версии историки сегодня не располагают. Но то, что это убийство было на руку как Вене, так и Берлину — бесспорно. Франц-Фердинанд мешал австро-немецким националистам, так как собирался опираться на чехов и южных славян, мешал он и венгерским националистам, которых считал главной опасностью для империи. Не любил эрцгерцога и его дядя-император за упорное нежелание соглашаться с его национальной политикой. Одновременно Франца-Фердинанда считали опасным врагом и сербские националисты, так как эрцгерцог планировал укрепить Габсбургскую монархию путём предоставления большой автономии славянским народам Австро-Венгрии, а это подрывало сербское влияние на них. С подозрением относился к Францу-Фердинанду и Вильгельм II, который не мог не понимать, что, став императором, тот будет проводить самостоятельную от Германии политику. Если учесть, что Франц-Фердинанд, согласившись с аннексией Боснии и Герцеговины, одновременно считал необходимым сохранение добрых отношений с Россией и даже восстановление «союза трёх императоров», то вовлечение Австро-Венгрии в новые авантюры кайзера стало бы при новом императоре весьма проблематично.

Таким образом, убийство наследника австрийского престола совпадало с планами самых разных сил и группировок. Одно бесспорно: правящие круги Австро-Венгрии и Германии немедленно использовали это убийство для разжигания войны.

19 июня/2 июля 1914 г. император Франц-Иосиф писал кайзеру Вильгельму: *«Покушение на моего бедного племянника есть прямое*

следствие продолжающейся агитации русских и сербских панславистов, единственной целью которых является ослабление Тройственного союза и разрушение моей империи. Нет сомнений, что кровавое убийство в Сараево является не действием одиночки, но хорошо организованным заговором, нити которого ведут в Белград. И если, по всей видимости, невозможно доказать причастность к нему сербского правительства, то можно не сомневаться, что его политика по объединению всех южных славян под сербским флагом способствует преступлениям такого рода. Сербия должна быть устранена как политический фактор на Балканах»¹.

Ответ кайзера Вильгельма от 1/14 июля 1914 г. был полностью солидарен с выводами австрийского императора: «Ужасное покушение в Сараево направило луч света на опасную агитацию безумных фанатиков и на происки панславистов, которые угрожают основам наших империй. Я готов соответственно поддержать усилия Твоего правительства и помешать созданию новой балканской лиги под патронажем России, острие которого направлено против Австро-Венгрии»².

Вильгельм II сразу решительно пресёк любые попытки своих дипломатов оказать смягчающее воздействие на Вену. 17/30 июня 1914 г. германский посол в Вене граф Чиршке доносил в Берлин: «Вчера авторитетные лица выражали в моём присутствии желание окончательно свести счеты с сербами. Я пользуюсь каждым случаем, чтобы спокойно и серьёзно предупредить принятие поспешных мер». На этом докладе Вильгельм II написал: «Кто его уполномочил на это? Это очень глупо. Это совсем его не касается. Это исключительно дело Австрии, решать, что она должна делать. [...] Пусть Чиршке сделает мне удовольствие оставить все

¹ Lettre de l'Empereur et Roi François-Joseph à l'Empereur Guillaume. Le 2 juillet 1914 // Pièces Diplomatiques relatives aux antécédents de la Guerre 1914. Suppléments et additions au Livre Rouge Austro-Hongrois. Première partie du 28 juin au 23 juillet 1914. — Paris, 1922. P. 1 (далее Livre Rouge Austro-Hongrois).

² Lettre de l'Empereur Guillaume à l'Empereur et Roi François-Joseph // Livre Rouge Austro-Hongrois. Première partie. P. 63.

эти глупости. С сербами нужно покончить возможно скорее. Теперь или никогда»¹.

22 июня/5 июля в Потсдаме состоялось совещание кайзера, рейхсканцлера Т. фон Бетмана-Гольвега и австрийского посла в Берлине С. Сечени. На этом совещании Вильгельм II заявил австрийскому послу: *«Не нужно долго ждать с началом боевых действий. Позиция России будет, конечно, враждебной, но мы к этой возможности долго готовились, и Австрия может быть уверена, что, если даже начнётся война между Австрией и Россией, Германия останется верной своей союзнице. Россия к тому же не готова к войне»².* То есть Вильгельм II прямым текстом призывал австрийцев напасть на Сербию, обещая всемерную поддержку.

24 июня/7 июля на заседании австрийского совета министров его глава граф Бертольд заявил, что *«пора поставить сербов в положение, когда они не смогут больше вредить. Императорское правительство Германии обещало, безусловно, помочь Австрии в войне против сербов. Поединок с Сербией может привести к войне с Россией»,* но *«будет лучше, если война начнётся теперь же, потому что Россия со дня на день становится все более влиятельной на Балканах»³.*

Австрийский император Франц-Иосиф приказал составить для Сербии жёсткий ультиматум, в котором велел выдвинуть конкретные требования. Вильгельм II рекомендовал союзнику, чтобы эти требования были *«очень ясные и очень категорические»⁴.*

Единственный, кто попытался в тот момент противостоять охватившему всю австро-венгерскую верхушку военному психозу, был венгерский министр-президент граф Иштван Тиса. Стремительное развитие событий и тот темп, с каким австро-венгерское правительство бросилось исполнять германские воинственные рекомендации, заставили Тиса написать императору Францу-Иосифу письмо: *«Всемилоштивейший государь! Только после ауди-*

¹ Баиов А.К. Указ. соч. С. 64.

² Баиов А.К. Указ. соч. С. 65.

³ Баиов А. К. Указ. соч. С. 66.

⁴ Баиов А. К. Указ. соч. С. 67.

енции я имел возможность говорить с графом Берхтольдом и узнал о его намерении использовать сараевское преступление как предлог для того, чтобы рассчитаться с Сербией. Я не скрыл от графа Берхтольда, что это, по моему мнению, было бы роковой ошибкой. Во-первых, мы до сих пор не имеем никаких оснований, по которым мы могли бы считать Сербию ответственной и вызвать войну с государством, несмотря на удовлетворительные заявления его правительства. Мы оказались бы в самом невыгодном положении, предстали бы перед всем миром в роли нарушителей мира и начали бы большую войну в самых невыгодных условиях»¹. Призывы Тиса были бесполезны, и под общим напором австро-венгерских и германских политиков и военных граф вскоре сменил свою точку зрения.

1/14 июля Чиршке доносил в Берлин, что «занятая Германией позиция, удостоверяющая, что она будет стоять рядом с монархией, оказывает наиболее сильное влияние на твёрдость решения императора».

Таким образом, Германия не только не хотела останавливать своего союзника, но, наоборот, всячески подталкивала его к войне.

В своих воспоминаниях Б. фон Бюлов признавал: «Сохраняя хладнокровие и ловкость, мы могли спасти мир. Германская империя не должна была допускать Австрию вести себя так неблагоприятно и вызывающе, чтобы оказаться потом с нею рядом в этой страшной войне»².

Приезд в Петербург президента Франции Р. Пуанкаре

Пока австрийцы готовили ультиматум Сербии, в Санкт-Петербург 7/20 июля прибыл президент Франции Раймон Пуанкаре. Это был первый визит Пуанкаре в Россию в качестве президента Республики. Визит не был вызван событиями в Сараево, так как планировался задолго до них. Однако в свете происшед-

¹ Международные отношения 1870—1918 гг.: Сборник документов. — М., 1940. С. 258.

² Bülow B. *op. cit.* Т. 4. Р. 167.

шего приезд французского президента приобретал особое значение. Пуанкаре прибыл в Кронштадт на эскадренном броненосце *La France*. В ожидании президента Николай II сказал французскому послу М. Палеологу, что нужно привлечь Англию к русско-французскому союзу: «*Это был бы залог мира*»¹.

Встреченный морским министром адмиралом И. К. Григоровичем, Пуанкаре был доставлен на императорскую яхту «Александрия», где сразу начались переговоры царя и президента, которые продолжились в Большом Петергофском дворце. С. Д. Сазонов позднее вспоминал: «*День был ясный и солнечный. Никогда Петергоф ещё не производил на меня такого впечатления красоты, как в этот день, когда он облёкся во всё своё царственное великолепие для приёма главы французской демократии, скромная фигура которого выделялась небольшим тёмным пятном на фоне всего этого блеска*»².

Накануне визита французского президента русский министр иностранных дел С. Д. Сазонов встретился с германским послом графом Ф. фон Пурталесом и итальянским послом маркизом А. Карлотти ди Рипарбелла. Сазонов указал Пурталесу, что «*если Австро-Венгрия решится возмутить мир, ей придется считаться с Европой. Россия не могла бы смотреть равнодушно на выступление в Белграде, направленное на унижение Сербии. Во всяком случае, не должно быть и речи об ультиматуме*». Пурталес уверял в своей депеше в Берлин, что Сазонов во время разговора воскликнул: «*Если Австро-Венгрия поглотит Сербию, мы будем с ней воевать*»³. Послу Карлотти русский министр сказал, что Россия не может позволить Австро-Венгрии «*говорить с Сербией угрожающим языком*».

Визит французского президента должен был продемонстрировать единство русско-французского союза и усилить впечатление от заявлений Сазонова. Пуанкаре прибыл в Петербург, когда вся Европа ждала, какие шаги предпримет Австро-Венгрия против Сербии. В России и во Франции уже знали, что австрийцы гото-

¹ Палеолог М. *Царская Россия во время Мировой войны*. — М.: Международные отношения, 1991. С. 25.

² Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 179.

³ Международные отношения 1870–1918 гг. С. 273.

вят Сербии ультиматум. Атмосфера была гнетущей. Как вспоминал Сазонов, «*пробывание президента республики в Петергофе прошло под тягостным влиянием ожидания грядущей беды*»¹.

Это ощущение было усугублено сообщением о том, что Германия решила поддержать Австро-Венгрию. Сербский посол М. Спаилакович сказал Пуанкаре, что «*новости из Белграда очень плохи. На мой взгляд, война начнётся неизбежно потому, что Берлин поощряет Австро-Венгрию вступить на этот путь*»².

Встреча императора Николая II с Пуанкаре продемонстрировала миру крепость русско-французского союза. Во время официального обеда Государь произнёс тост, в котором приветствовал «главу дружественного и союзного государства» и своего «старого знакомого». «*Издавна объединенные взаимною симпатией их народов и общностью интересов, Франция и Россия уже скоро четверть века поддерживают тесную связь для достижения одной и той же цели, заключающейся в том, чтобы охранять свои интересы, содействуя вместе с тем сохранению равновесия и мира в Европе. Я не сомневаюсь, что, оставаясь верными своему идеалу и опираясь на свой испытанный союз, равно как и на одинаково дружественные отношения, наши две страны будут продолжать пользоваться благами мира, обеспеченного полнотою их сил, и всё более укреплять тесные узы, их связывающие*»³.

Примечательно, что царь в своём тосте специально ни словом не упомянул об угрожающей обстановке в Европе и делал особый упор на мирный характер русско-французского союза. Ни Германия, ни Австро-Венгрия царём не упоминались вовсе. Это не помешало А. А. Игнатьеву в своих мемуарах, изданных уже в его бытность советским генералом, лгать о том, что «*царь при всём дипломатическом корпусе указывал без обиняков*», что союз с Францией направлен против Германии⁴.

¹ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 181.

² Spalaikovitsh. *Une journée du ministre de Serbie à Petrograde* // *Revue d'histoire diplomatique*. Avril-juin, 1934. P. 137.

³ Тост императора Николая II на обеде в честь президента Франции Р. Пуанкаре. 20/7 июля 1914 г. // *МОЭИ*. Т. 4. С. 345.

⁴ Игнатьев А. А. *Пятьдесят лет в строю*. — М.: ОГИЗ, 1948. С. 484.

Пуанкаре в своём ответном тосте также отмечал, что *«Франция в тесном и ежедневном сотрудничестве со своей союзницей будет трудиться над делом мира, на благо которого оба правительства и оба правительства не перестают работать»*¹

Таким образом, главной темой переговоров царя и президента была не подготовка к войне, а сохранение мира. Николай II принял предложение посетить Францию с ответным визитом летом 1915 г. Безусловно, что ни Государь, ни президент, понимая опасность и вероятность агрессивных действий австрийцев против Сербии, всё же не предполагали, что они станут началом мировой войны.

Это подтверждается словами императора Николая II, сказанными им М. Палеологу, которые французский посол приводил в следующей редакции: *«Я в восторге от моего разговора с президентом, и мы удивительно сговорились. Я не менее миролюбив, чем он, и он не менее, чем я, решительно настроен сделать все, чтобы не допустить нарушения мира. Он опасается австро-германского движения против Сербии, и он думает, что мы должны ответить на него тесным и прочным согласием нашей дипломатии. Я думаю также, что мы должны будем показать себя столь же непоколебимыми, как и объединенными в поисках мировых сделок и необходимых средств к примирению»*².

Таким образом, мы видим, что и русский царь, и французский президент предполагали возможность *«австро-германского движения»* против Сербии, а не вторжения в неё. Россия с Францией же собирались отвечать на эти демарши Австрии и Германии *«тесным и прочным согласием наших дипломатий»*. То есть о военных действиях речи не шло.

Прощальные тосты царя и президента, произнесённые 23 июня/10 июля 1914 г. при отъезде Пуанкаре из России, содержали убежденность, что *«братство наших сухопутных и морских вооружённых сил облегчит задачу обоих правительств, призванных блюсти интересы союзных народов, вдохновляясь идеалом мира, который ставит наши две страны в сознание своей силы»*.

¹ Тост президента Р. Пуанкаре 20/7 июля 1914 г. // МОЭИ. Т. 4. С. 345.

² Палеолог М. Указ. соч. С. 76.

Президент Пуанкаре покинул Россию 22 июля, а поздно вечером 23-го в Петербург пришло известие об австро-венгерском ультиматуме Сербии. Правящие круги Австро-Венгрии специально дождались, пока французский президент покинет пределы России, так как надеялись, что в его отсутствие русское правительство скорее смирится с расправой над Сербией.

Когда в Белграде ознакомились с текстом ультиматума, то были поражены его крайними цинизмом и жёсткостью. *«Из показаний и признаний виновников преступного покушения 28 июня явствует, — безапелляционно говорилось в ультиматуме, — что сараевское убийство было подготовлено в Белграде, что оружие и взрывчатые вещества, которыми были снабжены убийцы, были доставлены им сербскими офицерами и чиновниками и что, наконец, переезд преступников с оружием в Боснию был организован начальствующими лицами сербской пограничной службы»¹.*

В связи с этим австрийцы требовали от Сербии следующее: 1) торжественно публично осудить всякую агитацию и пропаганду против Австрии, изложив это осуждение в специальном печатном органе и приказе короля для армии; 2) закрыть все антиавстрийские издания; 3) исключить из школьной программы все антиавстрийские высказывания; 4) уволить всех офицеров и должностных лиц, замеченных в антиавстрийской пропаганде, причем списки этих лиц должны были быть составлены австро-венгерскими офицерами; 5) допустить на сербскую территорию силовые структуры Австро-Венгрии для подавления движений, «направленных против территориальной целостности Австро-Венгрии»; 6) допустить австро-венгерские следственные органы для расследования сараевского убийства². На выполнение всех поставленных австрийцами условий Сербии давалось 48 часов.

Текст ультиматума фактически предполагал капитуляцию Сербии. Это была явная и преднамеренная провокация. Более того, Австро-Венгрия известила остальные державы о своем ультиматуме только 24 июля, то есть к самому окончанию срока ультимату-

¹ МОЭИ. Т. 5. С. 35.

² См.: МОЭИ. Т. 5. С. 36.

ма. Таким образом, австро-венгерское правительство сделало все, чтобы мирное посредничество других европейских держав стало невозможным.

За спиной австро-венгерского ультиматума, безусловно, стояла Германия. В Берлине получили его экземпляр текста ещё 22 июля, и германское правительство прекрасно было о нём осведомлено.

Рано утром 11/24 июля 1914 г. С. Д. Сазонов, ознакомившись с информацией об австро-венгерском ультиматуме, немедленно сообщил по телефону о случившемся императору Николаю II. Царь выразил возмущение действиями Австрии и велел постоянно сообщать ему новые данные о текущем моменте¹. В тот же день поступило обращение Сербии к России за помощью. Принц Александр в письме к Николаю II выразил готовность его страны пойти на самые большие шаги навстречу австрийским требованиям, однако он был уверен, что Австро-Венгрия всё равно нападёт на Сербию. *«Австро-венгерская армия сосредотачивается около нашей границы и может нас атаковать по истечении срока. Мы не можем защищаться. Посему молим Ваше Величество оказать нам помощь возможно скорее. Ваше Величество дало нам столько доказательств своего драгоценного благоволения, и мы твёрдо надеемся, что этот призыв найдёт отклик в его славянском и благородном сердце. Я являюсь выразителем чувств сербского народа, который в эти трудные времена молит Ваше Величество принять участие в судьбах Сербии»*².

Вечером 11/24 июля наследный принц Александр явился в русскую миссию в Белграде и выразил своё отчаяние по поводу австрийского ультиматума. Принц сказал первому секретарю миссии В. Н. Штрандтману, что он *«возлагает все надежды на Государя Императора и Россию, только могучее слово коей может спасти Сербию»*³.

¹ МОЭИ. Т. 5. С. 45.

² МОЭИ. Т. 5. С. 56.

³ В. Н. Штрандтман — С. Д. Сазонову. 12/25 июля 1914 г. // МОЭИ. Т. 5. С. 92–93.

Император Николай II перед лицом надвигающейся войны

Николай II, получив сербскую депешу с криком о помощи, находился в затруднительном положении. Ультиматум Сербии означал вызов России, и она должна была принимать его, хотя «*Россию не связывало с Сербией ни одно формальное соглашение — ни политическое, ни военное. Но в силу своего исторического призвания, в силу сознаваемых ею исторических задач она не могла не прийти на помощь, не оказать свое благотворное содействие братской стране в столь трудное для нее время*»¹. Но вместе с тем Николай II ясно осознавал военную, внутривосточную, экономическую неподготовленность России к большой войне. Генерал М. К. Дитерихс писал: «*Государь с полной ясностью сознавал, что в пределах земных причин и влияний общая европейская война во всех случаях будет грозить гибелью Родине. В последствиях грядущей войны Государь видел не только ту опасность, которая грозила государству, России, но и тот ужас, который предстояло испытать вообще всему человечеству.*

[...] *Царь не мог не предвидеть, что предстоящая борьба будет «ужасной, чудовищной» и затяжной, а потому другие народы с более слабо развитым сознанием национализма будут подвергнуты большим искушениям и испытаниям в принципах своего внутреннего единения. Борьба могла принять характер не только национальный, но и религиозный, и в этом отношении человечество, решаясь на неё, шло «навстречу невообразимым страданиям»*»².

В 1911 г. Николай II сказал русскому послу в Болгарии Неклюдову: «*Я не хочу войны. Я сделал своим непреложным правилом предпринимать все, чтобы сохранить моему народу все преимущества мирной жизни. В этот исторический момент необходимо избегать всего, что может привести к войне. Нет никаких сомнений в том,*

¹ Баиов А. К. Указ. соч. С. 75.

² Дитерихс М. К. *Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале.* — М.: Скифы, 1991. Т. 1–2. Т. 2. С. 90.

что мы не можем ввязываться в войну по крайней мере в течение ближайших пяти-шести лет — до 1917 года»¹.

К 1917 г. должна была быть выполнена «Большая программа по усилению армии» перевооружения русской армии, принятая ещё в середине октября 1913 г. «*Большая программа по усилению армии*» была утверждена в октябре 1913 года и предусматривала проведение до осени 1917 года мероприятия по коренному преобразованию армии, особенно в области ее технического оснащения (количественное и качественное усиление артиллерии, развитие авиации, автомобильного транспорта и т.д.)².

Историк А. А. Керсновский писал, что, согласно «Большой программе», «*русская армия к концу 1917 года сравнялась бы техникой с германской. Наша сухопутная вооруженная сила доводилась с 1 млн 230 тыс. человек до 1 млн 710 тыс. человек в мирное время. [...] Особенно усиливалась артиллерия*»³.

К 1914 г. лишь программа воссоздания русского флота после Цусимы была близка к завершению. Он представлял собой грозную силу из 13 броненосцев, семи линейных кораблей, 14 крейсеров разного класса, 66 эсминцев, 15 подводных лодок. Россия, единственная в мире, имела авианосцы на базе пароходов «Императрица Александра» и «Прозорливый», способных держать на своих бортах по четыре гидросамолета, которые также состояли на вооружении исключительно русской армии.

Николай II знал, что, хотя Россия к войне не готова, главная тяжесть войны ляжет на её плечи. Царь был высокого мнения о боевых качествах германской армии и боевом духе немцев. «*Государь, — отмечал генерал Дитерихс, — вполне отдавал себе отчёт в том, что Германия, решившись на войну, не остановится ни перед какими средствами, чтобы достигнуть победы, так как для неё вопрос результата войны сводился к вопросу “быть или не быть” германскому государственному объединению вообще и под император-*

¹ Мэсси Роберт К. *Николай и Александра*. — М. 1992. С. 255.

² Шапошников Б. М. *Воспоминания. Военно-научные труды*. — М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1983. С. 211.

³ Керсновский А. А. *История Русской Армии*. Т. 3. С. 166.

ским флагом Гогенцоллернов в особенности. Государь не ослеплялся социалистическим движением в Германии, зная, что сила национализма немецкого народа в минуту национальной опасности поборет узкие социалистические стремления, и весь народ как один человек будет до последней капли крови, до последнего пфеннига бороться за свое отечество, жертвуя своим достоянием, женами и семьями на благо будущей Германии»¹.

Царь не строил никаких иллюзий и по поводу эффективности французских вооружённых сил. Весной 1914 г. Николай II спросил военного агента в Париже полковника графа А. А. Игнатъева, что тот думает по поводу французской армии. Игнатъев ответил: *«Французская армия напоминает мне человека не очень сильного, но твёрдо решившегося нанести удар своему могущественному противнику. Я могу ручаться, что союзная армия и французский народ это выполнят»*. На эту эспланаду Государь, слегка улыбнувшись, ответил: *«О, какой вы оптимист! Дал бы Бог, чтобы они продержались хоть десяток дней, пока мы успеем отмотилизоваться»²*. Последующие события Первой мировой войны на Западном фронте, отступление французской армии до стен Парижа полностью подтвердили эту оценку Николая II. Тем не менее, зная всё это, Государь был готов решительно оказать Сербии самую широкую помощь и даже вступить за неё в войну с Австро-Венгрией.

Причины, по которым царь, несмотря на всё своё миролюбие, пошёл до конца в защите Сербии, не могут быть объяснены только одним фактором. Конечно, император Николай II, как православный монарх, защитник и покровитель славян, не мог оставить в беде православную славянскую страну, которой грозила неминуемая гибель. Поэтому совершенно прав святитель Николай Сербский, когда писал: *«Велик долг наш перед Россией. Может человек быть должен человеку, может и народ — народу. Но долг, которым Россия обязала сербский народ в 1914 году, настолько огромен, что его не могут возратить ни века, ни поколения. Это долг любви, которая с завязанными глазами идёт на*

¹ Дитерихс М. К. Указ. соч. Т. 2. С. 90.

² Игнатъев А. А. Указ. соч. С. 472.

смерть, спасая своего ближнего. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих, — это слова Христа. Русский царь и русский народ, неподготовленными вступая в войну за оборону Сербии, не могли не знать, что идут на смерть. Но любовь русских к братьям своим не отступила пред опасностью и не убоилась смерти»¹.

Поэтому раздающиеся порой голоса, порицающие Николая II за то, что он вступился за «какую-то» Сербию, и тем самым обрек Россию на Первую мировую войну и на революцию, не могут быть признаны ни нравственными, ни патриотическими. России никогда не был свойствен западный прагматизм, в своих действиях она руководствовалась в первую очередь Высшей Правдой.

Яркий пример этому — император Пётр Великий, который отказался целовать шведам крест на том, что не начнёт войны против них. Шведы знали, что значит для русского человека целование креста, и Пётр тем самым себя выдал. С точки зрения политика-прагматика это была глупость, с точки зрения православного государя — единственно возможная позиция: свидетельство о Христе. Но, как мы знаем, победителем в Северной войне оказались не прагматики-шведы, а император Пётр.

Однако помимо долга главного защитника Православия Николай II руководствовался и иными, вполне общеполитическими причинами.

Мы помним, что в 1912 г., когда Австро-Венгрия угрожала войной Сербии, царь отказался даже от проведения мобилизации, не говоря уж о военном заступничестве за сербское государство. Почему же через два года реакция Николая II на действия Австрии столь разительно отличалась от периода Балканских войн? Объяснение этому заключается в том, что ситуации 1912 г. и июля 1914 г. при всей их внешней схожести кардинально друг от друга отличались. В 1912 г. Сербия пыталась решить свои территориальные вопросы и рвалась к Адриатике, не считаясь ни с призывами России не делать этого, ни с угрозами Австро-Венгрии. Таким образом, война Сербии с Австрией, в случае её начала, стала бы войной двух

¹ Новый журнал. — М., 1995. № 2. С. 151—161.

государств, ответственность за которую лежала бы на Белграде не в меньшей степени, чем на Вене.

Летом 1914 г. ситуация была совершенно иной. Её развитие твёрдо убеждало Николая II в окончательно принятом решении Германии и Австро-Венгрии воевать с Россией. Убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда было лишь поводом для неё. Если бы Россия отдала бы на растерзание Сербию, то её престиж и позиция на Балканах были бы потеряны, а война началась всё равно, только в ещё менее выгодных для России условиях.

Надо отметить, что и в этой, казалось бы, безысходной, ситуации Николай II посчитал сделать всё от него зависящее, чтобы попытаться сохранить мир. 12/25 июля в Красном Селе в Высочайшем присутствии состоялось особое совещание министров, имеющих отношение к государственной обороне. Военный министр России В. А. Сухомлинов вспоминал, что *«на совещании выступил Сазонов. Сазонов говорил, что непомерным требованиям Австро-Венгрии, после того как все дипломатические средства оказались бесплодными, можно противопоставить только военную демонстрацию; он заключил указанием на то, что наступил случай, когда русская дипломатия может посредством частичной мобилизации против Австрии поставить ее дипломатию на место. Технически это означало распоряжение о подготовительном к войне периоде. О вероятности или даже возможности войны не было речи»*¹.

По словам Сухомлинова, *«Государь был совершенно спокоен. Несмотря на то что Австрия явно закусила удила, у многих членов заседания была надежда на благополучный исход конфликта. В заключительном слове Государя была также надежда, но он находил, что теперь уже требуется более или менее серьёзная угроза. Австрия дошла до того, что не отвечает на наши дипломатические миролюбивые предложения. Поэтому царь признал целесообразным применить подготовленную именно на этот случай частичную мобилизацию, которая для Германии будет служить доказательством отсутствия с нашей стороны неприязненных действий по отношению к ней. На этом основании и решено было предварительно объявить на-*

¹ Сухомлинов В. А. *Воспоминания*. — Минск: Харвест, 2005. С. 287.

чало подготовительного к войне периода с 13/26 июля. Если даже и после этого не наступит улучшения в дальнейших дипломатических переговорах, то объявить частичную мобилизацию»¹.

Позже Вильгельм II обвинял Россию в том, что, дескать, Австро-Венгрия объявила мобилизацию только против Сербии, а Россия отмобилизовала свои войска против Австро-Венгрии. Кайзер, безусловно, лукавил, ибо мобилизация австро-венгерских войск объективно означала мобилизацию и против России, так как обе империи имели общую границу.

Помимо этого совещание одобрило предложения Сазонова снести с правительствами великих держав в целях побуждения Вены отсрочить выполнение предъявленных Белграду требований и предложить ему, в случае вторжения на сербскую территорию австро-венгерских войск, не противодействовать этому вторжению, а заявить, что Сербия уступает силе и полностью вручает свою судьбу великим державам².

12/25 июля Россия предложила Австро-Венгрии обсудить содержащиеся в австро-венгерском ультиматуме пункты. «Обращение Австро-Венгрии к державам, — говорилось в послании министра иностранных дел России, — только через полсутки по предъявлении ею ультиматума в Белграде лишает державы возможности предпринять в остающийся короткий срок что-либо полезное в видах улажения возникших осложнений. Поэтому для предотвращения неисчислимых и для всех одинаково нежелательных последствий, к которым может привести образ действий Австрии, мы считали бы необходимым, чтобы последняя прежде всего продлила поставленный ею срок для ответа Сербии. Выразив готовность предоставить державам ознакомиться с данными следствия, на которых она основывает свои обвинения, Австрия должна бы дать державам возможность составить своё суждение о деле. В случае если бы державы при этом убедились в справедливости некоторых австрийских требований, они могли бы преподать Сербии соответствующие советы»³.

¹ Сухомлинов В. А. Указ. соч. С. 288.

² МОЭИ. Т. 5. С. 39.

³ МОЭИ. Т. 5. С. 42.

12/25 июля вышло русское «Правительственное сообщение», в котором говорилось, что *«Правительство весьма озабочено наступившими событиями и посылкой Австро-Венгрии ультиматума Сербии. Правительство зорко следит за развитием сербско-австрийского столкновения, к которому Россия не может остаться равнодушной»*¹.

В тот же день Сазонов подал Николаю II докладную записку, в которой писал: *«Требования, предъявленные Австрией Белграду, ни по существу, ни по форме своей не соответствуют тем упущениям, которые, может быть, могли быть поставлены в вину сербскому правительству. [...] Явная цель подобного образа действий, поддерживаемого, по-видимому, Германией, состоит в том, чтобы совершенно уничтожить Сербию и нарушить политическое равновесие на Балканах»*².

12/25 июля Сербия ответила на австро-венгерский ультиматум в самых примирительных тонах. *«Королевское сербское правительство, — говорилось в сербском ответе, — осуждает всякую пропаганду, направленную против Австро-Венгрии»*, искренне сожалеет, что некоторые сербские офицеры занимались подобной пропагандой, обязуется закрыть все антиавстрийские газеты и запретить все организации, направленные против Австро-Венгрии, готово удалить из армии всех офицеров и чиновников, виновных в призывах нарушить территориальную целостность Австро-Венгрии. Кроме того, сербское правительство обязывалось провести самое тщательное расследование участия своих подданных в убийстве эрцгерцога Франца-Фердинанда³.

После получения Австрией такого сербского ответа английский министр иностранных дел Э. Грей сказал германскому послу в Лондоне князю Лихновскому, что *«сербский ответ пошёл навстречу австрийскому демаршу дальше, чем можно было ожидать»*.

¹ Правительственное сообщение. 12/25 июля 1914 г. // МОЭИ. Т. 5. С. 60.

² Докладная записка С. Д. Сазонова императору Николаю II // МОЭИ. Т. 5. С. 64.

³ Ответ сербского правительства на австро-венгерский ультиматум // МОЭИ. Т. 5. С. 90–91.

Это, по словам Грея, стало результатом того примирительного воздействия, который Петербург оказал на Белград. Грей заявил, что теперь следует воздействовать в мирном направлении на Вену. *«Если Австрия отвергнет сербский ответ, — сказал Грей, — и двинется в пределы Сербии, это будет означать, что она решилась раздавить Сербию любой ценой и что она относится равнодушно к последствиям, которые подобный шаг может повлечь за собой»*¹.

Ответом Австро-Венгрии был демонстративный отзыв из Белграда своего посланника. Вильгельм II горячо приветствовал австрийскую решимость: *«Так как вся эта так называемая великая сербская держава является бессильной и так как все славянские народы подобны ей, следует твердо идти к намеченной цели»*².

Эта цель была вполне ясна: *«В Берлине полагают, — телеграфировал в Вену австрийский посол граф Сечени, — что ответ Сербии вызовет немедленно объявление нами войны, связанное с военными действиями. Нам советуют действовать поспешно и незамедлительно и поставить мир перед свершившимся фактом»*³.

Б. фон Бюлов признавал в своих мемуарах: *«25 июля 1914 года мы были ещё способны предотвратить войну. Нам было достаточно объявить Вене, что если Австрия начнёт без нашего разрешения военные действия против Сербии, то в таком случае все риски и опасности будут её личным делом. Что мы не придём к ней на помощь и предоставим её своей судьбе. После получения сербского ответа нам надо было заявить, что мы с удовлетворением констатируем, что, благодаря мудрым советам великих держав, сербское правительство согласилось почти со всеми предложениями Австрии. У нас было девять шансов против одного предотвратить войну, и несчастный Вильгельм II это видел лучше, чем Бетман и окружение»*⁴.

12/25 июля Николай II на встрече с начальником Главного штаба заявил, что он готов поддержать Сербию, хотя бы для этого

¹ Памятная записка английского посольства в Петербурге // МОЭИ. Т. 5. С. 176.

² Баиов А. К. Указ. соч. С. 77.

³ Баиов А. К. Указ. соч. С. 77.

⁴ Bülow V. von. Op. cit. T. IV. P. 10.

пришлось объявить мобилизацию и начать военные действия, но не ранее перехода австрийскими войсками сербской границы.

13/26 июля в Австро-Венгрии началась мобилизация. В тот же день по всей территории Европейской России, кроме Кавказа, было введено «Положение о подготовительном к войне периоде».

14/27 июля Николай II направил королевичу Александру письмо, в котором заверил его в том, что императорское *«правительство прилагает все усилия, дабы устранить настоящее затруднение»*. Николай II писал: *«Пока есть малейшая надежда избежать кровопролития, все наши усилия должны быть направлены к этой цели. Если же, вопреки нашим самым искренним желаниям, мы в этом не успеем, Ваше Высочество может быть уверены в том, что Россия не останется равнодушной к участи Сербии»*¹.

15/28 июля 1914 г. Австро-Венгрия телеграммой объявила Сербии войну, и в тот же день дальнобойная австрийская артиллерия начала обстреливать Белград.

16/29 июля королевич Александр в ответной телеграмме Николаю II писал: *«Тяжкие времена не могут не скрепить уз глубокой привязанности, которыми связана Сербия со святой славянской Русью, и чувства вечной благодарности за помощь и защиту Вашего Величества будут свято храниться в сердцах всех сербов»*².

Николай II не оставлял ещё надежды спасти мир путём переговоров с императором Вильгельмом. Государь понимал, что в данной обстановке кайзер фактически один руководит действиями как Германии, так и Австро-Венгрии. С другой стороны, Вильгельм II был связан с Николаем II давними и, как утверждал кайзер, дружественными отношениями. Телеграммы Николая II, посланные Вильгельму, наполнены искренностью, сознанием ответственности перед своей страной, поиском компромисса и призывом к миру. Телеграммы кайзера, наоборот, полны жадной рас-

¹ Император Николай II — королевичу Александру. 14/27 июля 1914 г. // МОЭИ. Т. 5. С. 145—146.

² Королевич Александр — императору Николаю II. 16/29 июля 1914 г. // МОЭИ. Т. 5. С. 237.

правы, безапелляционных суждений и холодного вероломства, прикрытого возвышенной патетикой.

Летом 1914 г. Вильгельм II отдыхал в норвежских фьордах. Он вернулся оттуда, уже зная о случившемся убийстве в Сараево и о начавшемся австро-сербском конфликте. Своей первой телеграммой царю кайзер демонстрировал, что он вернулся именно для того, чтобы взять ситуацию под свой контроль.

«Вероломная агитация, — телеграфировал кайзер царю 13/26 июня 1914 г., — проводимая в Сербии в течение многих лет, закончилась гнусным преступлением, жертвой которого стал эрцгерцог Франц-Фердинанд. Чувство, которое руководило сербами в момент убийства их короля и его супруги, все время господствует в этой стране. Ты будешь полностью со мной согласен, чтобы заявить, что наши общие интересы, мои и Твои, так же как и интересы других стран, принуждают нас настаивать на следующем требовании: нужно, чтобы все, кто несет моральную ответственность за это ужасное преступление, были бы наказаны так, как они этого заслуживают. В этом случае политика не играет никакой роли. С другой стороны, я очень хорошо понимаю, как трудно для Тебя и Твоего правительства сопротивляться давлению общественного мнения. Уважая также ту глубокую и сердечную дружбу, которая связывает нас с Тобой в течение многих лет, я употребляю всё мое влияние, для того чтобы обязать австрийцев действовать насколько возможно открыто, чтобы прийти к договоренности, приемлемой для обеих сторон. Я искренне надеюсь, что Ты придешь ко мне на помощь в моих усилиях сгладить сложности, которые могут всегда возникнуть. Твой друг и искренний, преданный кузен, Вилли»¹.

Из приведённых выше фактов мы могли убедиться, как на деле кайзер «обязывал» австрийцев достигнуть договорённости. Несмотря на все заверения императора Вильгельма, он продолжал толкать Австрию к войне. 15/28 июля в Австро-Венгрии началась мобилизация значительной части армии. Внешне примирительный тон телеграммы кайзера предназначался для того,

¹ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 13/26 июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 455–456.

чтобы успокоить русских и отсрочить их оборонительные мероприятия.

Одновременно Германия и Австро-Венгрия стремились расколоть русско-французский союз. Зная, насколько Франция не хочет воевать за интересы, напрямую её не затрагивающие, германское правительство через своего посла в Париже барона В. фон Шёна довело до сведения французского МИДа, что *«Австрия не ищет территориальных приобретений и не угрожает целостности Сербии, её единственная цель — обеспечить собственное спокойствие. Таким образом, предотвращение войны всецело зависит от России»*¹.

В тот же день, 15/28 июля, канцлер Бетман-Гольвег развивал эту идею, но уже без всякого камуфляжа, в письме германскому послу в Вене Чиршке: *«Ответ сербского правительства на ультиматум позволяет считать, что Сербия пошла так далеко навстречу австрийским требованиям, что если императорское правительство сохранит совершенно независимое положение, следует предвидеть, что оно восстановит против себя европейское общественное мнение. В этих условиях победоносная война на трех фронтах не может быть гарантирована. Итак, нужно, чтобы ответственность за возможный конфликт перед государствами, которые непосредственно не заинтересованы в вопросе, была бы возложена при всяком повороте событий на Россию. Вы должны заботливо избегать впечатление, что мы хотим удержать Австрию. Следует только найти такую форму, которая позволила бы Австрии осуществить свою цель, не прибегая к мировой войне, и если, в конечном счете, эта война не может быть избегнута, — улучшить по возможности условия, в которых нужно будет ее вести, чтобы добиться нашего успеха»*².

Таким образом, планы германского руководства были ясны: войну нужно было начинать во что бы то ни стало, а виноватой в ней следовало сделать Россию. 15/28 июля 1914 г., когда Бетман-Гольвег сообщал свой план Чиршке, Австро-Венгрия начала войну против Сербии.

В ответной телеграмме 15/28 июля Николай II выражал надеж-

¹ Баиов А. К. Указ. соч. С. 83.

² Баиов А. К. Указ. соч. С. 85.

ду, что возвращение кайзера приведёт к смягчению ситуации. Накануне царь отверг все просьбы своих генералов о начале мобилизации против Австро-Венгрии.

«Счастливи Твоему возвращению. В этот особенно серьёзный момент я прибегаю к Твоей помощи. Позорная война была объявлена слабой стране. Возмущение в России, вполне разделяемое мною, безмерное. Предвижу, что очень скоро, уступая производящемуся на меня давлению, я буду вынужден принять крайние меры, которые поведут к войне. Стремясь предотвратить такое бедствие, как европейская война, я умоляю Тебя, во имя нашей дружбы, сделать всё возможное в целях недопущения Твоих союзников зайти слишком далеко»¹.

Следует обратить внимание на разницу стилей обеих телеграмм. Вильгельм II разговаривает с позиции силы, о наказании Сербии он говорит как о решенном вопросе, он делает лишь снисхождение к «нашей старой дружбе», чтобы повлиять на австрийцев. При этом в словах кайзера нет ничего, чтобы говорило о надвигающейся всеобщей войне, только — о наказании «лиц, морально виновных в гнусном преступлении».

Телеграмма Николая II совершенно другая. Государь прямо указывает на надвигающуюся «европейскую войну». Он умоляет Вильгельма II предотвратить это несчастье. При этом слог царя лишен всякой гордыни, даже полон смирения: «я умоляю Тебя», «я взываю к Тебе», но в то же время исполнен твёрдости духа и веры в справедливость своей позиции: «позорная война объявлена слабой стране», «возмущение в России — безмерное» и «я его разделяю».

16/29 июля Николай II предложил кайзеру передать австро-сербский вопрос Гагской конференции, «чтобы избежать кровопролития»². В который раз механизмы противодействия войне, заложенные Государем в 1899 г., могли бы предотвратить великое бедствие! Но они вновь не были пущены в ход германской стороной.

¹ Император Николай II — императору Вильгельму II. 13/26 июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 456.

² Император Николай II — императору Вильгельму II. 16/29 июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 456—457.

В тот же день 16/29 июля Вильгельм II направил царю телеграмму, в которой утверждал, что Австрия не стремится к каким-либо территориальным завоеваниям за счёт Сербии. «Поэтому, — писал кайзер, — я считаю вполне возможным для России остаться только зрителем австро-сербского конфликта и не вовлекать Европу в самую ужасную войну, какую ей приходилось видеть»¹. Продолжая обманывать русских, чтобы выиграть время, Вильгельм II обещал воздействовать на Вену с целью «достижения удовлетворительного соглашения с Тобой», но при этом предлагал России отказаться от «любых военных приготовлений».

16/29 июля Россия, перед лицом мобилизации Австро-Венгрии, объявила всеобщую мобилизацию. Но телеграмма кайзера, в которой тот давал новые надежды на мирные переговоры, побудила царя её остановить. Когда вечером 16/29 июля начальник мобилизационного отдела ГУГШ генерал С. К. Добровольский прибыл на главный телеграф для отправки телеграммы о всеобщей мобилизации, его вызвал по телефону генерал Н. Н. Янушкевич, который передал приказ Николая II не отправлять телеграмму. Общая мобилизация была заменена царём частичной². Государь искал любую возможность, даже ценой таких опасных, с военной точки зрения, действий, избежать войны.

Когда кайзер узнал о мобилизации русских войск на австро-венгерской границе, он был взбешён. «И это мера защиты от Австрии, — вскричал он, — которая не собирается нападать на него! Я не мог предвидеть, что царь встанет на сторону бандитов и царевубийц, не считаясь с возможностью вызвать войну в Европе!»³

Государь решил послать в Берлин графа И. Л. Татищева, преданного и умного сановника, которого хорошо знал император Вильгельм. Татищев должен был отвезти письмо царя, которое тот написал кайзеру 17/30 июля: «Дорогой Вилли. Посылаю к Тебе Татищева с этим письмом. [...] Мнение России следующее: убийство эрц-

¹ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 16/29 июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 457.

² МОЭИ. Т. 5. С. 214.

³ Людвиг Э. *Последний Гогенцоллерн*. С. 190.

герцога Франца-Фердинанда и его супруги есть ужасное преступление, совершённое отдельными сербами. Но где доказательства того, что сербское правительство причастно к этому преступлению? Увы! Мы знаем из многих фактов, что часто нельзя относиться с полным доверием к результатам следствия или решению судебных властей, в особенности если к делу примешиваются политические причины»¹.

Кстати, утверждение Государя об отсутствии доказательств о причастности к сараевскому убийству сербского правительства подтвердили сами австро-венгры. Специальный представитель Австро-Венгрии Ф. Визнер, посланный в Сербию для расследования обстоятельств подготовки террористического акта, докладывал 30 июня/13 июля 1914 г.: *«Доказать и даже подозревать сербское правительство в том, что оно было осведомлено о покушении, либо участвовало в покушении, либо предоставляло для него оружие, — не представляется возможным»².*

16/29 июля Николай II направил ответную телеграмму румынскому королю Карлу. Последний в телеграмме на имя Государя, по-видимому, призывал сделать всё, чтобы разрешить конфликт мирным путём³. *«Телеграмма Вашего Величества, — писал Николай II, — идёт навстречу моему самому горячему желанию. Вчера я лично телеграфировал императору Вильгельму. Я повторяю Вам те же торжественные заявления и взываю к Вашей дружбе, чтобы Вы поддержали их перед императором Вильгельмом. Каков бы ни был результат Ваших усилий, я тем не менее буду Вам благодарен за то, что Вы мне помогли предохранить человечество от тех страшных бед, которые ему угрожают»⁴.*

16/29 июля германский посол Пурталес на аудиенции у Сазонова зачитал телеграмму Бетмана-Гольвега, в которой тот в рез-

¹ Император Николай II — императору Вильгельму II. 17/30 июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 458.

² Шимов Я. Указ. соч. С. 466.

³ Телеграмма короля Карла императору Николаю II до сих пор не обнаружена.

⁴ Император Николай II — королю Румынии Карлу I. 16/29 июля 1914 г. // МОЭИ. Т. 5. С. 206.

кой форме потребовал от России немедленного прекращения всех военных приготовлений. «В противном случае, — говорилось в телеграмме, — Германии придется объявить мобилизацию, а в таком случае с ее стороны немедленно последует нападение»¹.

«Теперь у меня нет больше сомнений, истинных причинах австрийской непримиримости», — бросил Сазонов Пурталесу, прослушав текст телеграммы. «Я всеми силами протестую, г. министр, против этого оскорбительного утверждения», — вскричал Пурталес².

17/30 июля Вильгельм II направил Николаю II телеграмму, в которой сообщал, что «графу Пурталесу было предписано обратить внимание Твоего правительства на опасность и серьёзные последствия, которые может повлечь за собой мобилизация. То же самое я говорил в моей телеграмме Тебе. Австрия мобилизовала только часть своей армии и только против Сербии. Если, как видно из Твоего сообщения и Твоего правительства, Россия мобилизуется против Австрии, то моя деятельность в роли посредника, которую Ты мне любезно доверил и которую я принял на себя по Твоей усиленной просьбе, будет затруднена, если не станет совершенно невозможной. Вопрос о принятии того или другого решения ложится теперь всей своей тяжестью исключительно на Тебя, и Ты несёшь ответственность за войну или мир».

Тем временем действия России по спасению мира не прекращались ни на один день. 17/30 июля С. Д. Сазонов направил послу в Германии С. Н. Свербееву телеграмму, в которой поручал ему сообщить Берлину, что «если Австрия, признав, что австро-сербский вопрос приобрёл европейский характер, заявит о своей готовности исключить из своего ультиматума пункты, нарушающие суверенные права Сербии, Россия обязуется прекратить свои военные приготовления»³.

Позже С. Д. Сазонов вспоминал: «Едва ли было возможно Великой Державе дать большее доказательство своего миролюбия, чем

¹ История дипломатии. Т. 2. С. 793.

² История дипломатии. Т. 2. С. 794.

³ С. Д. Сазонов — С. Н. Свербееву. 17/30 июля 1914 г. // МОЭИ. Т. 5. С. 253.

то, которое заключалось в предложенной мною графу Пурталесу формуле». Сазонов при этом подчёркивал, что мог сделать такое предложение Пурталесу только потому, что «я знал, что в глазах Государя единственным пределом уступчивости и примирительности служили честь и жизненные интересы России»¹. Но Австрия сходу отвергла русское предложение.

17/30 июля Николай II принял в Царском Селе С. Д. Сазонова и передал ему для прочтения последнюю телеграмму Вильгельма. «Он требует от меня невозможного, — сказал Николай II. — Он был или не хочет признать, что австрийская мобилизация была начата раньше русской и теперь требует прекращения нашей, не упоминая ни словом об австрийской. Вы знаете, что я уже раз задержал указ о мобилизации и затем согласился лишь на частичную. Если бы я теперь выразил согласие на требование Германии, мы стояли бы безоружными против мобилизованной австро-венгерской армии. Это — безумие»².

Сазонов заявил: «Я считаю, что война неизбежна». Министр, ссылаясь на военных, убеждал Государя объявить немедленно всеобщую мобилизацию. Император срывающимся голосом ответил: «Подумайте об ответственности, которую Вы предлагаете взять на себя. Это приведёт к гибели сотен тысяч русских людей». Сазонов ответил, что на Государя не ляжет ответственность за драгоценные жизни, которые унесёт война, так как он этой войны не хотел, ни он сам, ни его правительство. В противном случае, добавил Сазонов, Германия станет хозяйничать на Балканах, а Россия будет опозорена. Воцарилось тягостное молчание. Наконец Николай II сказал: «Вы правы. Для нас ничего не остается, как ожидать нападения. Передайте начальнику Генерального штаба моё приказание о мобилизации»³.

С. Д. Сазонов вспоминал впоследствии: «В тяжёлые дни, предшествовавшие войне с Германией, когда уже всем было ясно, что в Берлине было решено поддержать всей мощью притязания Австрии на господство на Балканах и что нам не избежать войны, мне приве-

¹ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 239.

² Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 247.

³ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 248.

лось узнать Государя со стороны, которая при нормальном течении политических событий оставалась малоизвестной. Я говорю о проявленном им тогда глубоком сознании его нравственной ответственности за судьбу России и за жизнь бесчисленных его подданных, которым европейская война грозила гибелью. Этим сознанием он был проникнут весь, и им определялось его состояние перед началом военных действий»¹. Этим Николай II принципиально отличался от остальных государственных деятелей тогдашней Европы.

В 5 часов вечера 17/30 июля аппараты главного петербургского телеграфа стали рассылать по воинским округам указ о всеобщей мобилизации. 18/31 июля указ стал достоянием гласности. В тот же день Николай II направил кайзеру телеграмму: «*Мы далеки от того, чтобы желать войны. Пока будут длиться переговоры с Австрией по сербскому вопросу, мои войска не предпримут никаких вызывающих действий. Даю Тебе в этом мое слово. Я верю в Божье милосердие и надеюсь на успешность Твоего посредничества на пользу наших государств и европейского мира. Преданный Тебе Н.*»².

18/31 июля в Берлине было сделано официальное объявление: «*Так как общая мобилизация русской армии и флота помешала медиации, предпринятой по желанию царя, правительство Германского Императора уведомило С.-Петербург, что ныне предстоит германская мобилизация в случае, если Россия не прекратит через 12 часов своих военных мероприятий и не даст об этом определённых объяснений*»³.

Одновременно Николаю II была направлена очередная телеграмма кайзера Вильгельма: «*Европейский мир ещё может быть сохранён, если только Россия согласится приостановить военные приготовления, угрожающие Германии и Австро-Венгрии*»⁴.

Между тем посол Австро-Венгрии в Петербурге граф Ф. Са-

¹ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 248.

² Император Вильгельм II — императору Николаю II. 16/29 июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 462.

³ С. Н. Свербеев — С. Д. Сазонову. 19/31 июля 1914 г. // МОЭИ. Т. 5. Серия 3. Л. 302.

⁴ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 18/31 июля 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 460—461.

пари на встрече с Сазоновым 18/31 июля заявил, что его правительство готово вступить в обсуждение предъявленного Сербии ультиматума. Сазонов предложил сделать это в Лондоне при участии великих держав. Он считал необходимым увязать начало переговоров в Лондоне с прекращением военных действий Австро-Венгрии против Сербии. Однако Николай II был с этим мнением своего министра не согласен. На телеграмме Сазонова царь оставил резолюцию: *«Одно не мешает другому — продолжайте разговоры с австрийским послом»*¹. Нельзя исключать, что Австрия, балансируя на краю пропасти мировой войны, могла в последний момент ужаснуться грозящей ей катастрофе.

Но руководство Германии внимательно следило, чтобы ситуация шла по его планам. Вполне возможно, что последовавшие на следующий день роковые шаги кайзеровского правительства были вызваны в том числе и опасением того, что Австрия в последний момент начнёт искать компромисс с Петербургом.

18/31 июля 1914 г. германский посол граф Пурталес по его просьбе был принят императором Николаем II в Царском Селе. Пурталес сказал Государю, что император Вильгельм поставлен в очень тяжёлое положение опубликованием указа о всеобщей мобилизации русской армии. Царь высказал живейшее сожаление о том, что по техническим причинам отменить мобилизацию нельзя, и снова дал честное слово, что его армия не нападёт первая. Пурталес заверял Николая II, что никаких мобилизационных приготовлений в Германии не происходит. На самом деле они уже шли полным ходом. В конце беседы посол сказал, что положение очень тревожное и если Россия не прекратит мобилизацию, война неизбежна. Пурталес вспоминал: *«Царь спокойно выслушал меня, не выдавая ни малейшим движением мускула, что происходит в его душе... У меня получилось впечатление, что мой высокий собеседник либо в необычайной манере одарён самообладанием, либо ещё не успел, несмотря на мои весьма серьёзные заявления, постигнуть всю грозность создавшегося положения»*².

¹ МОЭИ. Т. 5. Серия 3. С. 294–295.

² Пурталес. *Между миром и войной. Воспоминания бывшего германского посла в России.* — М., 1923. С. 61.

Около 17 часов следующего дня, 19 июля/1 августа, Пурталес снова по его просьбе был принят в здании МИДа на Дворцовой площади С. Д. Сазоновым. Русский министр понял, с какой целью едет к нему представитель Германии. «Он, вероятно, привезёт мне объявление войны», — сказал Сазонов своему помощнику барону М. Ф. Шиллингу и не ошибся. После очередного отказа Сазонова на требование Пурталеса отменять мобилизацию, посол дрожащими руками передал ноту германского правительства, которая заканчивалась словами: «Его Величество Император, мой Августейший повелитель, от имени империи принимая вызов, считает себя в состоянии войны с Россией»¹. После этих слов Пурталес не выдержал и разрыдался. «Я никогда не думал, — сказал он по-французски, — что мне придётся покидать Петербург при таких обстоятельствах»².

В 22 часа 55 минут Николай II получил последнюю телеграмму от Вильгельма II. «Вчера, — писал он., — я указал Твоему правительству единственный путь, которым можно избежать войны. Несмотря на то, что я требовал ответа сегодня к полудню, я еще до сих пор не получил от моего посла телеграммы, содержащей ответ Твоего правительства. Ввиду этого я был принужден мобилизовать свою армию. Немедленный, утвердительный, ясный и точный ответ от Твоего правительства — единственный путь избежать неисчислимых бедствий. [...] Я должен просить Тебя немедленно отдать приказ Твоим войскам ни в коем случае не пересекать нашей границы. Вилли»³.

Таким образом, император Вильгельм хотел, чтобы Россия отказалась от мобилизации, предоставила возможность Австро-Венгрии расправиться с Сербией и наблюдала при этом мобилизацию германской армии.

¹ Нота германского правительства с объявлением войны России. 19 июля/1 августа // МОЭИ. Т. 5. С. 323.

² Поденная запись Министерства иностранных дел. 19 июля/1 августа 1914 г. // МОЭИ. Т. 5. Сер. 3. Л. 326–327.

³ Император Вильгельм II — императору Николаю II. 19 июля/1 августа 1914 г. // Переписка Николая II с Вильгельмом II. С. 462.

Последняя телеграмма кайзера была послана с опозданием и пришла в Петергоф уже после объявления Германией войны России. На подлиннике телеграммы рукой императора Николая II написано: *«Получена после объявления войны»*.

Таким образом, кайзеровская Германия развязала агрессию против России. Эта агрессия не была экспромтом, она давно планировалась в германских военных и политических кругах. Вильгельм II хорошо осознавал, что его действия в отношении России являются прямой агрессией. Его неуклюжие попытки самооправдания и лживые обвинения, какие были предприняты кайзером после нападения на Россию, лишь подтверждают это. 20 июля/2 августа 1914 г. министр иностранных дел Италии маркиз А. ди Сан-Джулиано сообщил итальянскому послу в Петербурге А. Карлотти ди Рипарбелла о только что состоявшейся его встрече с германским послом в Риме. Тот сообщил, что император Вильгельм пять часов назад отдал приказ о мобилизации, *«вследствие внезапного нападения, произведённого русскими войсками на германскую территорию. Таким образом, Германия находится в состоянии войны с Россией»*¹. Под этим сообщением Государь лаконично написал: *«И тут ложь»*.

Проблемы создания антигерманской коалиции держав

Несмотря на то что летом 1914 г. Россия была обеспечена военным союзом с Францией и дружественными отношениями с Великобританией, вероятность для неё войны с германскими империями один на один была довольно велика. 19 июля/1 августа Германия объявила войну только России. Причём германская верхушка явно спешила с этим шагом, опередив Австро-Венгрию на целых пять суток. Поспешность, с какой германское правительство объявило войну России, противоречило планам германского командования. Большой штаб предлагал как можно дольше не на-

¹ А. Сан-Джулиано — А. Карлотти. 20 июля/2 августа 1914 г. // МОЭИ. Т. 5. Серия 3. С. 368.

чинать войны с Российской империей, так как задержка открытия военных действий на Востоке отвечала плану по скорейшему разгрому Франции. Напомним, что план Шлиффена предусматривал «массирование возможно больших сил на французском фронте с целью быстрого уничтожения французских армий и выставление первоначально против России только необходимых для совместного участия с австрийцами войск»¹.

Но, вопреки мнению военных и, казалось бы, здравому смыслу, германское руководство в лице Бетмана-Гольвега усиленно толкало кайзера на скорейшее объявление войны именно России. «Почему мы объявили войну России 1 августа, да ещё в такой поспешной манере? — вопрошал в своих мемуарах Бюлов. — Объяснение этой дипломатической ошибки, как и многих других, находится во внутривластной причине, вернее в тех страхах, которые она вызывала у канцлера»².

Крупный германский промышленник А. Баллин спросил канцлера: «Почему, собственно, Ваше превосходительство так страшно торопится с объявлением войны России?» Бетман ответил: «Иначе я не заполучу социал-демократов». По этому поводу Бюлов замечал, что Бетман-Гольвег хотел заострить войну именно «против русского царизма»³.

Резкая антипатия Бетмана к царской России и его стремление предать войне именно антирусский характер объяснялись в том числе и тем, что канцлер был выходцем из крупного банковского дома Бетманов во Франкфурте-на-Майне. Этот дом находился в тесном сотрудничестве с банкирскими домами Ротшильдов и Шиффов в САСШ⁴. Сам Бетман поддерживал деловые отношения с банкиром Ф. Варбургом, братом влиятельного финансиста САСШ П. Варбурга. Активное участие этих банкиров в борьбе с

¹ Зайончковский А. М. *Первая мировая война* — СПб.: Полигон, 2002. С. 73.

² Bülow V. von. *Op. cit.* Т. IV. Р. 149.

³ Bülow V. von. *Op. cit.* Т. IV. Р. 150.

⁴ Отгер Гюнтер. *Магнаты. Начало биографии.* — М.: Прогресс, 1985. С. 76.

самодержавием общеизвестно. Учитывая весомое влияние, какое оказывали эти банкирские дома на американское правительство и на финансирование ими социал-демократических партий в Германии, можно предположить об общности действий канцлера с германскими социал-демократами.

Но у Бетмана были и другие веские основания предполагать, что война примет характер похода германской империи против России и Сербии. Думать так позволяла ему в первую очередь позиция Англии, которая за всё время европейского кризиса, следовавшего после сараевского убийства, хранила загадочное молчание. Вильгельм II, несмотря на всю свою грозную риторику, опасался войны одновременно с Россией, Францией и Англией. Вхождение последней в русско-французский блок казалось ему особенно опасным из-за мощного британского флота, способного уничтожить германский.

В первые дни кризиса Грей поспешил заверить германское руководство, что Англия предпримет всё возможное, чтобы умиротворяюще повлиять на Францию и на Россию. *«Если австрийские меры в отношении Сербии будут проведены в определенных рамках, — заявил Грей, — то будет, конечно, сравнительно легко склонить Петербург к терпимости»*. В Берлине были весьма удовлетворены такой английской позицией. Кайзер решил, что это лучшее доказательство английского нейтралитета.

11/24 июля на встрече в Петербурге с Сазоновым и Палеологом английский посол Дж. Бьюкенен фактически признал, что его правительство, по всей видимости, останется в этом конфликте нейтральным. Когда Сазонов ему возразил, что *«при настоящих обстоятельствах нейтралитет Англии равнялся бы самоубийству»*, Бьюкенен ответил: *«Вы не знаете наших нынешних правителей»*¹.

Палеолог и Сазонов передали Бьюкенену слова царя о том, что Германия никогда не осмелится напасть на объединенные Россию, Францию и Англию. Однако единственное, чего добились Сазонов и Палеолог, — это обещания Бьюкенена *«оказывать*

¹ Палеолог М. *Царская Россия в Первой мировой войне*. С. 88.

энергичную поддержку» правительствам России и Франции¹. Посол передал Э. Грею, что император Николай II крайне недоволен позицией английского правительства по русско-австрийскому и австро-сербскому конфликтам. Бьюкенен настойчиво предлагал Грею заявить в парламенте, что не Россия, а Австрия виновата в том, что европейский мир в опасности².

Между тем Австрия старалась дать английскому правительству как можно больше оснований придерживаться нейтралитета. 12/25 июля австрийский посол заверил британский кабинет, что ультиматум, предъявленный Сербии, вовсе не ультиматум, а «демарш с указанием срока» и что если Белград его не примет, то Вена порвёт с ним дипломатические отношения и начнёт приготовления к войне, но «не военные действия»³.

С. Д. Сазонов писал послу России в Лондоне Бенкендорфу, что «Австрия накануне своего выступления в Белграде считала себя вправе надеяться, что её действия не встретят со стороны Англии возражения»⁴. В связи с этим Сазонов указывал послу на необходимость того, чтобы «Англия ясно и твёрдо дала понять, что она осуждает не оправдываемый обстоятельствами крайне опасный для европейского мира образ действий Австрии. В случае дальнейшего обострения положения, могущего вызвать соответствующие действия великих держав, мы надеемся, что Англия не замедлит определённо встать на сторону России и Франции»⁵. Однако англичане не спешили с подобными заявлениями и делали вид, что верят австрийским уверениям. В Лондоне понимали: займи они чёткую, недвусмысленную позицию — и Вильгельм II отступит. Это не входило в английские планы. 13/26 июля ко-

¹ Палеолог М. *Царская Россия в Первой мировой войне*. С. 89.

² МОЭИ. Т. 5. С. 150.

³ Памятная записка английского посольства в Петербурге. 12/25 июля 1914 г. // МОЭИ. Т. 5. С. 63.

⁴ Памятная записка австрийского посольства в Петербурге // МОЭИ. Т. 5. С. 62–63.

⁵ С. Д. Сазонов — А. К. Бенкендорфу. 12/25 июля 1914 г. // МОЭИ. Т. 5. С. 64–65.

роль Георг V заверил принца Генриха Прусского: «Мы приложим все усилия, чтобы не быть вовлеченными в войну и остаться нейтральными». Ободренные обещанием английского нейтралитета, немцы как могли торопили Австро-Венгрию с её войной против Сербии.

В то же самое время Э. Грей успокаивал Россию и заверял её в том, что Англия верна общим с Россией и Францией интересам. Как сообщил Грей Бенкендорфу, он указал германскому послу, что Англия отказывается влиять на Петербург в примирительном тоне и что в случае ответной мобилизации России Англия сохранит свободу действий¹.

15/28 июля Грей заявил в Палате общин, что он пригласил Францию, Германию и Италию на конференцию в Лондон, так чтобы на ней были представлены державы, пользующиеся доверием как России, так и германского блока. 16/29 июля Грей дважды встречался с германским послом в Лондоне князем К. Лихновским. Во время первой встречи он предложил Германии посредничество четырёх держав. Зато на вечерней беседе английский министр сказал: «Положение всё более обостряется. Британское правительство желает и впредь поддерживать прежнюю дружбу с Германией и может оставаться в стороне до тех пор, пока конфликт ограничивается Австрией и Россией. Но если бы в него втянулись Германия и Франция, положение тотчас же изменится, и британское правительство, при известных условиях, будет вынуждено принять срочные решения. В этом случае нельзя было бы долго оставаться в стороне и выжидать»². Теперь Грей предлагал Вене английское посредничество.

Английские предложения о посредничестве вызвали недовольство как в России, так и в Берлине. Русский посол заявил Грею, что это может создать в Берлине «неправильное представление о позиции лондонского кабинета»³.

¹ А. К. Бенкендорф — С. Д. Сазонову. 12/25 июля 1914 г. // МОЭИ. Т. 5. С. 68–69.

² История дипломатии. Т. 2. С. 791.

³ А. К. Бенкендорф — С. Д. Сазонову. 12/25 июля 1914 г. // МОЭИ. Т. 5. С. 71.

Грей заявил русскому послу, что Англия не считает свои интересы затронутыми сербским ультиматумом. Между тем германскому послу Грей говорил обратное, явно намекая на то, что Англии придётся выступить на стороне Антанты, если Германия начнёт войну с Францией.

Когда император Вильгельм II узнал об этих словах Грея, он был взбешён: *«Англия открывает свои карты, — писал кайзер, — в момент, когда она сочла, что мы загнаны в тупик и находимся в безвыходном положении! Низкая торгашеская сволочь старалась обманывать нас обедами и речами. Грей определённо знает, что стоит ему только произнести одно серьёзное предостерегающее слово в Париже и в Петербурге и порекомендовать им нейтралитет, и оба тотчас же притихнут. Но он остерегается вымолвить это слово и вместо этого угрожает нам! Мерзкий сукин сын!»*¹.

Между тем Англия упорно не желала втягиваться в войну в августе 1914 г. Она не считала для себя этот момент подходящим. Лондон предпочёл, чтобы Германия завязла в войне с Россией и чтобы обе державы как можно больше обескровили друг друга. Только тогда Англия могла бы вступить в войну. Но это было невозможно, если бы в войну вступила Франция. В этом случае Англии пришлось бы встать на защиту своей союзницы.

17/30 июля посол Великобритании в Париже сэр Ф. Берти направил Э. Грею телеграмму о том, что президент Пуанкаре ему сообщил, что германское правительство запросило Россию, на каких условиях она согласна прекратить мобилизацию. Ответ России гласил, что она согласна на демобилизацию *«при условии, что Австрия обязется сохранить суверенитет Сербии и представить на международное рассмотрение некоторые требования австрийской ноты, отвергнутые Сербией»*². Пуанкаре полагал, что Австрия не примет подобные условия и высказал убеждение, что *«мир между*

¹ Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914. — Berlin, 1927, Bd. № 368. S. 88.

² Ф. Берти — Э. Грею. 17/30 июля 1914 г. // Шацилло В. *Первая мировая война. 1914–1918 гг. Факты и документы.* — М.: Олма-пресс, 2003.

державами находится в руках Великобритании: если Правительство Его Величества объявит, что Англия придёт на помощь Франции в случае конфликта между Францией и Германией из-за настоящих несогласий между Австрией и Сербией, то войны не будет, так как Германия сразу же изменит свою позицию»¹.

Однако английский посол никаких гарантий Пуанкаре не дал, сославшись на крайне затруднительное положение английского правительства сделать подобное заявление. Пуанкаре ответил, что Франция не желает войны и пока ограничилась лишь приготовлениями к мобилизации. Президент ещё раз подчеркнул, что заявление Англии о её намерении поддержать Францию, которая искренне желает сохранения мира, несомненно, удержит Германию от стремления к войне.

Нам неизвестно сегодня, велись ли между Парижем и Лондоном переговоры по поводу невступления Франции в войну. Однако некоторые обстоятельства дают возможность предположить, что такие переговоры велись. 17/30 июля М. Палеолог заявил, что *«Франция готова выполнить в точности свои союзнические обязательства, однако было бы желательно использовать все средства для сохранения мира»².*

18/31 июля в Париже была объявлена всеобщая мобилизация в ответ на объявленную в тот же день всеобщую мобилизацию в Германии. Однако 19 июля/1 августа, несмотря на объявленную Германией войну России, Франция объявлять войну рейху не спешила, хотя этого требовала военная конвенция между двумя странами.

19 июля/1 августа 1914 г. германский посол князь Лихновский сообщил в МИД следующую информацию: *«Только что сэр Э. Грей позвонил мне по телефону и спросил, могу ли я заявить, что в случае, если Франция останется нейтральной в русско-германской войне, мы не нападем на французов. Я заявил ему, что могу взять на себя эту*

¹ Ф. Берти — Э. Грею. 17/30 июля 1914 г. // Шапцлло В. *Первая мировая война*.

² Военный агент во Франции в ГУГШ. 17/30 июля 1914 г. // МОЭИ. Т. 5. С. 264.

ответственность, и он использует это заявление в сегодняшнем заседании кабинета»¹.

Вильгельм II воспринял это английское предложение как подарок судьбы. В его голове уже возник план общего похода Запада против варварской России. Мольтке, прибыв 1 августа нового стиля в императорский дворец Шлосс, застал своего повелителя и рейхсканцлера Бетмана-Гольвега в «радостном возбуждении» от полученной телеграммы Лихновского. Кайзер, по воспоминаниям Мольтке, решил воевать «против одной лишь России! Кайзер сказал мне: *«Итак, мы попросту маршируем всеми нашими войсками на восток»*. Я ответил Его Величеству, что это невозможно. Наступление миллионной армии невозможно импровизировать, это дело напряженной, неустанной, годовой работы и не может, будучи запланированным, подвергаться изменениям. Если Его Величество настаивает на том, чтобы все войска вести на восток, то последние будут не готовой к бою армией, а неорганизованным, беспорядочным скопищем вооруженных людей. Кайзер настаивал на своём требовании и был очень несдержан»².

С огромным трудом Мольтке удалось убедить Вильгельма II не менять общего стратегического плана Шлиффена. Мольтке объяснил, что Англия, даже если предположить наличие у неё доброй воли, не может дать гарантий того, что Франция не нападет на Германию позже, когда все её силы будут обращены против России. Тем более и германская военная машина была приведена в полную боевую готовность. «Если планы утверждены, их надо выполнять», — заключил германский фельдмаршал.

Но, решив придерживаться старого плана, Вильгельм II пытался договориться с Англией и добиться нейтралитета Франции. Вечером 1 августа нового стиля он послал английскому королю следующую телеграмму: «Я только что получил от Твоего правительства сообщение, предлагающее французский нейтралитет под гарантией Великобритании. К этому предложению был добавлен за-

¹ Мировые войны XX века. *Первая мировая война*. — М.: Наука, 2002. Книга 2. С. 81.

² Мировые войны XX века. Книга 2. С. 82.

прос, воздержится ли при таких условиях Германия от нападения на Францию. По техническим причинам моя мобилизация, объявленная уже сегодня днём, должна продолжаться на два фронта — восточный и западный, согласно плану. Это невозможно отменить, поэтому я сожалею, что Твоя телеграмма пришла поздно. Но если Франция предлагает мне нейтралитет, который должен быть гарантирован флотом и армией Великобритании, я, конечно, воздержусь от нападения на Францию и употреблю мои войска в другом месте. Я надеюсь, что Франция не будет нервничать. Войска на моей границе будут удержаны по телеграфу и телефону от вступления во Францию. Вильгельм»¹.

Одновременно в Лондон ушла и телеграмма Бетмана-Гольвега: *«Германия готова принять английское предложение при условии, что Англия всеми своими военными силами обеспечит сохранение безусловного нейтралитета Франции в германо-русском конфликте до окончательной ликвидации этого конфликта. За Германией всецело остаётся право определить момент, когда эту ликвидацию можно будет считать законченной. Германская мобилизация сегодня последовала в результате русского вызова до того, как телеграмма [Грея] была получена. Вследствие этого наше движение и в сторону французской границы невозможно изменить. Мы обязуемся, однако, не переходить французской границы до 7 час. вечера понедельника 3 августа, на случай получения до того английской гарантии»².*

Нетрудно догадаться, что «иным местом», где кайзер собирался применять свои войска, была Россия. Таким образом, для Николая II складывалась чрезвычайно опасная ситуация: согласись Франция на английское предложение, и Россия осталась бы один на один с Германией и Австро-Венгрией.

19 июля/1 августа король Георг направил Николаю II телеграмму, в которой оценивал сложившуюся ситуацию *«безвыходным положением, созданным каким-либо недоразумением. Я всеми*

¹ Дипломатия и война. 1914 и 1939 годы // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 5.

² Дипломатия и война. 1914 и 1939 годы // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 3–12.

силами стараюсь не упустить ни одной возможности, чтобы предотвратить страшное бедствие, угрожающее ныне всему миру. Поэтому я взываю лично к Тебе, мой дорогой Ники, чтобы Ты устранил происшедшее, как я чувствую, недоразумение и оставил путь для переговоров и для возможности сохранения мира. Если Ты думаешь, что я могу каким-либо образом содействовать этой исключительно важной цели, я сделаю всё, что в моей власти, дабы помочь возобновлению прерванных переговоров между заинтересованными державами»¹.

Это письмо короля явно свидетельствует о попытке Великобритании в определённой мере занять позицию, сходную с германской, и переложить ответственность за срыв мирного диалога на Россию. 19 июля/1 августа война России уже была объявлена Германией, и вести какие-либо переговоры было поздно. В Лондоне это отлично понимали, но сознательно создавали вид, будто верят германским заверениям, что это Россия не желает мира. Такая позиция определённых английских правящих кругов, в лице Грея и поддерживающего его короля, легче позволила бы Англии занять до времени нейтральную позицию.

Николай II ответил Георгу V на следующий день 20 июля/2 августа. *«Я с удовольствием принял бы Твоё дружеское предложение, — писал Николай II, — если бы германский посол не вручил сегодня после полудня моему правительству ноту с объявлением войны. С самого момента вручения ультиматума в Белграде Россия приложила все усилия, чтобы найти какое-либо мирное решение вопроса, созданного выступлением Австрии. Целью этого выступления было разгромить Сербию и сделать её вассалом Австрии. Последствием этого явилось бы нарушение равновесия сил на Балканах, представляющего столь жизненный интерес как для моей империи, так и для держав, стремящихся поддержать равновесие сил в Европе. Все выдвигающиеся предложения, в том числе и предложение Твоего правительства, отвергались Германией и Австрией. Объявление Австрией войны Сербии заставило меня отдать приказ о ча-*

¹ Король Георг V — императору Николаю II. 19 июля/1 августа 1914 г. // МОЭИ. Т. 5. С. 330.

стичной мобилизации, хотя ввиду угрожающего положения и ввиду быстроты, с которой Германия может сравнительно с Россией мобилизоваться, мои военные советники настойчиво рекомендовали всеобщую мобилизацию. Вследствие завершения австрийской мобилизации, бомбардировки Белграда, концентрации австрийских войск в Галиции и тайных военных приготовлений Германии я был в конце концов вынужден принять такую линию поведения. Что я имел основания так поступить, доказывается внезапным объявлением войны Германией, совершенно для меня неожиданным, так как я дал императору Вильгельму самые категорические заявления, что мои войска не двинутся до тех пор, пока продолжаются переговоры о посредничестве.

В этот торжественный час я хочу еще раз заверить Тебя, что я сделал всё, что в моих силах, чтобы предотвратить войну. Теперь, когда мне её навязали, я верю, что Твоя страна не откажет поддержать Францию и Россию в борьбе за сохранение равновесия в Европе¹.

Ко времени написания царём этой телеграммы предложения Грея были отвергнуты большей частью английского правительства. Английская позиция уже поменялась в сторону вступления в войну против Германии. Вечером 1 августа по новому стилю в Париж из Лондона ушла следующая телеграмма: «Предположения сэра Эдуарда Грея, продиктованные желанием осуществить как можно более длительный нейтралитет Англии, высказаны были без предварительного зондирования Франции и до получения сведений о мобилизации, так что они полностью отпадают, как не имеющие практического значения»².

В то же время английская активность вокруг предложения Грея немцам продолжалась. Английский посол в Париже Ф. Берти поздно ночью запрашивал Грея: «Хотите ли Вы, чтобы я заявил французскому правительству, что мы предлагаем оставаться после мобилизации французских и германских войск на франко-германской

¹ Император Николай II — королю Георгу V. 20 июля/2 августа 1914 г. // МОЭИ. Т. 5. С. 360—361.

² Дипломатия и война. 1914 и 1939 годы // Вопросы истории. 1997. № 7.

границе, нейтральными до тех пор, пока германские войска останутся в оборонительной позиции и не перейдут французской границы, а французы будут воздерживаться от перехода германской границы? Я не могу себе представить, чтобы в то время как Россия воюет против Австрии и подвергается нападению со стороны Германии, было бы совместимо с французскими обязательствами по отношению к России бездействие со стороны французов. Если бы французы пошли на это, то немцы сначала бы напали на русских, а затем, если бы они разгромили последних, обрушились на французов. Следует ли мне осведомиться в точности, каковы обязательства французов по франко-русскому союзу?»¹ Однако Грей поспешил сообщить послу: «Никаких действий в связи с моей телеграммой от 1 августа теперь не требуется».

Тем не менее войну Германии Франция так и не объявила. Более того, французские войска отводились от германской границы, чтобы не создать инцидентов, могущих привести к стычкам между двумя армиями. Однако германцы сами поспешили втянуть Францию в войну, которая была объявлена Германией 21 июля/3 августа одновременно Франции и Бельгии.

22 июля/4 августа 1914 г., осознав, что Европа уже втянулась в войну, Англия наконец определилась и в свою очередь объявила войну кайзеровской Германии. Николай II выразил своё сожаление по поводу запоздалого решения английского правительства. Дворцовый комендант царя В. Н. Воейков вспоминал: «Государь выразил свою радость по поводу выступления Англии. “Но, — добавил он, — жаль, что это не было сделано раньше”. Мнение многих дипломатов совпадало с выраженной Его Величеством мыслью: говорилось, что никогда Германия не начала бы войны, если бы знала, что Англия выступит на стороне союзников»².

Об этом же писал Великий князь Александр Михайлович: «До полуночи 31 июля 1914 года британское правительство могло бы предотвратить катастрофу, если бы заявило о намерении вступить в войну на стороне России и Франции. Простое заявление, сделанное по

¹ Дипломатия и война. 1914 и 1939 годы // Вопросы истории. 1997. № 7.

² Воейков В. Н. *С царём и без царя*. — СПб.: Царское дело. С. 61.

этому поводу Гербертом Асквитом¹ или сэром Эдуардом Греем, умиротворило бы самых воинственных берлинских юнкеров»².

Выступление Англии против Германии вызвало состояние оцепенения в правящих кругах рейха. «Я никогда не видел такого трагического лица, как лицо кайзера в те дни!» — писал один из приближенных германского императора³.

Между тем Австро-Венгрия объявила войну России только 24 июля/6 августа 1914 г.

¹ Г. Асквит — в 1914 г. премьер-министр Великобритании.

² Александр Михайлович, Великий князь. Указ. соч. С. 248.

³ Там же. С. 271.

Глава 2. Николай II: дипломатия Великой войны

Кампания 1914 г. Россия вступает в войну

2/15 августа 1914 г. император Николай II в Георгиевском зале Зимнего дворца зачитал манифест об объявлении войны с Германией: *«Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение её среди Великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные. В грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри. Да укрепится теснее единение Царя с Его народом и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага»*¹.

Николай II поклялся, что он *«не заключит мира, пока последний враг не будет изгнан с земли Русской»*. В этом Государь повторил слова императора Александра I, сказанные при вторжении Наполеона в 1812 году, подчеркнув, таким образом, отечественный характер начавшейся войны. Война сразу получила официальное название Второй Отечественной войны.

После чтения манифеста царь с царицей вышли на балкон Зимнего дворца. Собравшаяся на Дворцовой площади многотысячная толпа при виде царской четы опустилась на колени. Над площадью раздались величественные звуки русского гимна «Боже, Царя храни».

Патриотическая стихия охватила широкие круги народа. Толпы с национальными знаменами вышли на улицы Петербурга, Москвы, Тулы, Киева, Одессы, Ростова, Харькова, Томска. Всеобщее воодушевление вынуждены признать даже враги существу-

¹ Нива. Июль 1914 года.

ющего строя. Так, трудовик А. Ф. Керенский писал: «Народ в 1914 году воспринял войну с Германией как свою собственную. Народ понял, что судьба России поставлена на карту»¹. Но порой эта стихия граничила с откровенным варварством. С. Д. Сазонов докладывал Николаю II 23 июля/5 августа 1914 г., что ему приходится сообщать «об ужасающем и позорном событии, происшедшем прошлой ночью. Под предлогом патриотической манифестации толпа, в которую вошли подонки столичного общества, совершенно разгромила здание германского посольства и даже убила одного из служащих посольства, а власть, на обязанности которой лежало предупредить или пресечь подобные недопустимые в цивилизованном обществе неистовства, не оказалась на высоте требования»².

Неизвестно, от чего скончался 60-летний сотрудник посольства Альфред Катнер, его труп был обнаружен на крыше здания, но сам факт погрома посольства, продолжавшийся длительное время при полном невмешательстве полиции, вызвал всеобщее возмущение. Соединённые Штаты даже выразили протест России. Сазонов просил императора как можно скорее провести расследование и наказать виновных. Царь повелел прекратить антигерманские выступления, а по факту погрома было начато следствие, привлечение к уголовной ответственности свыше ста активных участников.

17/31 августа 1914 г. указом императора Николая II название «Санкт-Петербург», которое в глазах простого народа звучало «по-немецки», было заменено на «Петроград». Этим указом царь как бы еще раз демонстрировал свой полный и окончательный разрыв с Германией.

Государственная Дума шумно приветствовала всеми фракциями, не исключая ни левых, ни правых, объявление войны. На заседании 26 июля/8 августа её депутаты провозгласили «народное единство» перед лицом военной опасности. Все фракции Думы выступили с призывом сплотиться вокруг царя для победоносного окончания войны, забыв «внутренние распри» и «партийные счё-

¹ Мэсси Р. *Николай и Александра*. С. 266.

² С. Д. Сазонов — императору Николаю II. 23 июля/5 августа 1914 г. // МОЭИ. Т. 6. С. 3.

ты». Лишь одни большевики заняли принципиально иную позицию. Они выступали за поражение России в войне. Думская фракция большевиков отказалась голосовать за военные кредиты. Её депутаты объезжали заводы и фабрики, призывая рабочих выступать против войны. В сентябре 1914 г. правительство обвинило большевиков в государственной измене. Депутаты большевистской фракции были арестованы и сосланы на каторгу.

Объявление войны вызвало большой подъём в русской армии. Офицерство горело желанием проучить зазнавшихся немцев и австрийцев, постоять за православных братьев. Молодые офицеры боялись «не поспеть на войну», думая, что она продлится несколько месяцев. *«Силу Германии все без исключения преуменьшали, — вспоминал участник первой мировой войны барон С. А. Торнау, — считали, что Россия, Англия и Франция принудят Германию через три-четыре месяца к миру»*¹.

Несмотря на свою большую численность и огромные масштабы страны, русская армия быстро мобилизовалась. Всего за восемь дней под ружье было поставлено 5 млн человек, причём 96% подлежащих призыву явились в срок на призывные участки². Следовательно, уклонения от мобилизации практически не было.

С началом войны Николай II предпринял важный внешнеполитический шаг: им было принято решение после победы восстановить Польшу и даровать ей широкую автономию. По приказу Государя главнокомандующий, Великий князь Николай Николаевич, обратился с воззванием ко всем полякам: *«Поляки! Прошёл час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться. Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения с Великой Россией. Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русско-*

¹ Торнау С. А., барон. *С родным полком (1914–1917 гг.)*. — Берлин, 1923. С. 13–16.

² Головин Н. Н., генерал. *Военные усилия России в Мировой войне*. — Париж 1939. Т. 1–2. Т. 1. С. 75.

го Царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении»¹.

Сазонов объяснял подписание воззвания от имени Великого князя тем, что «поляки Галиции и Познани находятся еще под австрийским и прусским владычеством; что завоевание этих двух областей есть только ещё предвидение, надежда; что поэтому император не может лично, достойным образом, обратиться к своим будущим подданным; что, напротив, Великий князь Николай не превысил бы своей роли русского главнокомандующего, обратившись к славянскому народонаселению, которое он идёт освободить»².

Это воззвание было обращено прежде всего к полякам, проживавшим на территории Австро-Венгрии и Германии. Посол России в Париже А. П. Извольский телеграфировал С. Д. Сазонову 5/18 августа 1914 г.: «Русские и германские поляки, твёрдо уверенные в победе России и Франции, ещё до обнародования великодушного намерения Государя Императора решили объявить себя на стороне России. Австрийские поляки, имеющие основания быть вполне довольными своей судьбой под габсбургским скипетром, но сомневающиеся в победе австрийского оружия, так же по-видимому, готовы примкнуть к своим русским и германским соотечественникам, но желали бы иметь уверенность, что обещанная им Россией автономия не лишит их принадлежащих им ныне прав»³.

Однако это сообщение Извольского нельзя назвать полностью достоверным. Ещё 28 июля 1914 г. в Кракове было распространено воззвание к полякам революционера-националиста Юзефа Пилсудского. В этом воззвании говорилось: «Поляки! Наше знамя определено и известно, как известен нам главный фронт, который мы должны занимать в этой долгожданной войне против нашего векового врага, наиболее жестокого и наиболее опасного, — России. Когда война будет объявлена, поляки должны идти против России»⁴.

¹ Нива. Июль 1914 г.

² Палеолог М. Царская Россия в Мировой войне. С. 96.

³ А. П. Извольский — С. Д. Сазонову. 5/18 августа 1914 г. // МОЭИ. Т. 6. С. 120.

⁴ Revue d'Histoire de la Guerre Mondiale. — Paris, 1930.

Но русские поляки восприняли воззвание с энтузиазмом. С. А. Торнау вспоминал, что, когда его полк проходил по улицам Варшавы, «население польской столицы всячески старалось выказать нам своё внимание. Со дня опубликования исторического воззвания Великого князя Николая Николаевича к польскому народу отношение поляков к нам резко изменилось к лучшему. Прохождение полка было похоже на триумфальное шествие. Толпы народа оставались на улице, а женщины бросали в ряды полка цветы. На долю моих пулемётов пришлось также немало букетов, и весело было на душе, видя такое сердечное отношение населения»¹.

Россия и Франция в кампании 1914 г.

Война, начавшаяся для Германии не по плану Шлиффена, поставила германское верховное командование в сложное положение: война России была объявлена, а Франции — нет. Выступая 19 июля/1 августа 1914 г. в Берлине с балкона императорского дворца Шлосс, кайзер объявил врагом Россию, стихийные митинги немецкой молодежи проклинали Россию, рейхстаг единодушно поддержал императора всеми фракциями именно в его войне с Россией. Ведущий социал-демократ А. Бебель, в честь которого позднее большевики назовут заводы и фабрики, заявлял следующее: «Поскольку Россия опередила всех в терроре и варварстве и хочет напасть на Германию, чтобы разбить и разрушить её, мы, как и те, кто стоит во главе Германии, остановим Россию, поскольку победа России означает поражение социал-демократии»².

Однако открытие боевых действий против России на первом этапе не входило в планы германского военного командования. Более того, оно не было к ним готово, так как главные силы должны были атаковать Францию.

Нападение на Францию по плану Шлиффена должно было начаться с бельгийской территории, выход на которую предусматривался через Люксембург. Ни с Бельгией, ни тем более с Люксем-

¹ Торнау С. А., барон. Указ. соч. С. 17.

² Джолл Д. *Истоки Первой мировой войны*. Ростов-на-Дону, 1998. С. 355.

бургом у Германии поводов к войне никаких не было. Но уже 20 июля/2 августа германское правительство вручило правительству Бельгии ноту, в которой кайзер потребовал немедленного пропуска через бельгийскую территорию своих войск для защиты германских границ. В противном случае, говорилось в ноте, «Германия будет вынуждена смотреть на Бельгию как на врага»¹.

Король Бельгии Альберт I отверг немецкие претензии, и 22 июля/4 августа германские войска, пройдя без сопротивления Люксембург, вторглись в Бельгию. Накануне, 21 июля/3 августа, Германией была объявлена война Франции. Французы не ожидали удара со стороны бельгийской границы и предпринимали бесплодные атаки в Эльзасе и Лотарингии.

Война только началась, а французское правительство уже спешило просить помощи у России. По словам М. Палеолога, он 22 июля/5 августа 1914 г. в разговоре с императором Николаем II «обратил внимание Его Величества, что французская армия подвергнется сильнейшему удару 22 германских корпусов, и я настаиваю, чтобы русская армия начала наступление как можно скорее. Царь мне ответил: «Как только мобилизация закончится, я отдам приказ о наступлении. Мои войска полны рвения. Атака будет проведена с наибольшей энергией». Перед тем как меня отпустить, Император обнял меня: «В вашем лице, — сказал он мне, — я целую дорожную и славную Францию»².

Читая эти строки, следует учесть, что в своих донесениях, как и в литературно-историческом творчестве, французский посол был склонен к большим преувеличениям, а иногда и просто к вымыслам. Восторженный тон, который Палеолог приписывает царю, был свойствен самому послу и совершенно чужд Николаю II, особенно при разговоре с посторонними людьми.

24 июля/7 августа германские войска после упорного боя взяли Льеж и развернули быстрое наступление на Брюссель. 1/14 августа к французским просьбам о помощи прибавили свой голос

¹ Мировые войны XX века. Первая мировая война. Книга 2. С. 91.

² M. Paléologue à P. Doumerg. 5 août 1914 // DDF. 1-ère série. 1914 (3 août-31 décembre). — P., 1999. V. 1. P. 13.

англичане. Э. Грей в беседе с графом Бенкендорфом сообщил ему «сведения, полученные из самого достоверного источника», что немцы перемещают центр тяжести на Восток и главным противником Германии становится Россия¹. По ситуации на лето 1914 г. это сообщение было дезинформацией, призванной ускорить удар русских армий по Германии. Тогда же Грей телеграфировал Бьюкенену, что надо настаивать перед русскими, чтобы главный удар был нанесён против Германии, иначе «Франция и Англия окажутся в критическом положении»².

8/21 августа М. Палеолог заносил в дневник: «На бельгийском и французском фронтах наши действия принимают плохой оборот. Я получаю приказание выступить посредником перед императорским правительством с целью ускорить, насколько возможно, наступление русских войск. Я тотчас же отправляюсь к военному министру и энергично излагаю ему просьбу французского правительства. Он призывает офицера и немедленно диктует ему под мою собственную диктовку телеграмму Великому князю Николаю Николаевичу»³.

Постоянные призывы французов к русскому командованию о помощи объяснялись в первую очередь тем, что правящие круги Франции воспринимали Россию как «паровой каток», который задавит Германию и обеспечит победу. При этом потери русских в расчёт не принимались. «По культурному развитию, — цинично писал М. Палеолог, — французы и русские стоят не на одном уровне. Россия — одна из самых отсталых стран на свете. Сравните с этой невежественной бессознательной массой нашу армию: все наши солдаты с образованием; в первых рядах бьются молодые силы, проявившие себя в искусстве, в науке, люди талантливые и утонченные; это сливки человечества... С этой точки зрения наши потери будут чувствительнее русских потерь»⁴.

¹ Емец В. А. *Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны. Взаимоотношения с союзниками по вопросам ведения войны.* — М.: Наука, 1977. С. 70.

² МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 78.

³ Палеолог М. *Царская Россия во время Первой мировой войны.* С. 89–90.

⁴ Алексеева И. В. *Агония Сердечного согласия.* — Л., 1990. С. 20.

Между тем «сливки человечества» терпели одну неудачу за другой. Германское командование широким фронтом начало наступление в глубь французской территории. Французские войска отступали на всех направлениях. Не изменил ситуации и присланный на помощь французам английский корпус фельдмаршала Дж. Френча. Германские генералы А. фон Клук, К. фон Бюлов и М. фон Гаузен полностью выиграли приграничное сражение и развернули наступление на парижском направлении.

12/25 августа военный агент в Париже граф А. А. Игнатъев телеграфировал: *«Весь успех войны зависит всецело от наших действий в ближайшие недели и переброски на наш фронт двух германских корпусов»*¹.

13/26 августа немцы стояли в 250 км от Парижа. Через несколько дней они были уже в непосредственной близости от французской столицы. Немецкая кавалерия подходила к окрестностям Парижа, а немецкие самолеты «Таубе» наносили бомбовые удары по центру города.

Игнатъев доносил в Петроград: *«17(30) августа обходящая левый фланг германская армия неудержимо движется на Париж. На мой взгляд, вступление немцев в Париж вопрос уже дней»*².

Из французской столицы вывезли золотой запас и картины из Лувра. Блестящий Париж опустел. *«Правительство бежало, дипломаты за ним последовали, банкиры давно удрали, красивые витрины в роскошных магазинах закрылись металлическими ставнями»*, — вспоминал граф Игнатъев³. Гвардия кайзера готовилась к параду на Елисейских полях. *«Завтрак в Париже — обед в Петербурге!»* — самоуверенно восклицал германский император. По всей Германии праздновали победу. Французское правительство бежало из Парижа в Бордо, с 2 на 3 сентября (по новому стилю) столицу покинули парламент и дипломатический корпус. *«На карте стояла*

¹ Донесение полковника А. А. Игнатъева из Парижа. 12/25 августа 1914 г. // РГВИА. Ф. 15304. Оп. 8. Д. 28. Л. 149.

² Игнатъев А. А. Указ. соч. С. 44.

³ Игнатъев А. А. Указ. соч. С. 48.

судьба страны», — писал главнокомандующий французской армии генерал Ж. Жоффр¹.

К началу сентября над Францией нависла угроза военного поражения. Её общие потери за август 1914 г. равнялись 140 тыс. человек. Президент Р. Пуанкаре записал в свой дневник: *«Мы должны согласиться на отступление и оккупацию. Теперь будущее Франции зависит от её способности сопротивляться»*².

В Лондоне стали серьёзно опасаться, как бы Франция не капитулировала или не заключила бы с Германией сепаратного мира. 22 августа/4 сентября 1914 г. Сазонов докладывал императору Николаю II: *«Великобританское правительство предлагает, чтобы Россия, Франция и Англия подписали соглашение не заключать мира в настоящей войне отдельно друг от друга»*. Сазонов уточнял, что между Россией и Францией такое соглашение уже существует, но между Россией, Францией и Англией — нет. Министр испрашивал согласия царя на подписание русским послом в Лондоне такого договора. Николай II дал положительный ответ³.

23 августа/5 сентября 1914 г. в Лондоне было подписано трёхстороннее соглашение, в котором говорилось: *«Российское, английское и французское правительства взаимно обязуются не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны. Три правительства соглашаются в том, что, когда настанет время для обсуждения условий мира, ни один из союзников не будет ставить мирных условий без предварительного соглашения с каждым из других союзников»*⁴.

Французские правящие круги умоляли Россию начать наступление в Восточной Пруссии раньше намеченного срока. Между тем русский стратегический план предусматривал открытие боевых действий сначала против Австро-Венгрии, а уже затем против

¹ Жоффр Ж. 1914—1915. *Подготовка войны и ведение операций*. — М., 1923. С. 13—17.

² Уткин А. Указ. соч. С. 40.

³ Докладная записка С. Д. Сазонова императору Николаю II. 22 августа/4 сентября 1914 г. // МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 208.

⁴ Соглашение России, Англии и Франции о незаключении сепаратного мира. 23 августа/5 сентября 1914 г. // МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 214.

Германии. Для наступательных военных действий против немцев русские войска не были готовы, тем более что мобилизация русской армии ещё не была окончательно завершена. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов прямо об этом заявил послу М. Палеологу: «*Наступление на Восточную Пруссию осуждено на неминуемую неудачу, так как наши войска ещё слишком разбросаны и перевозка их встречает много препятствий*».

Тем не менее Великий князь Николай Николаевич настаивал на наступлении. Безусловно, как и в случае с поддержкой Сербии, нельзя рассматривать Восточно-Прусскую операцию, проведённую русской армией летом—осенью 1914 г. исключительно как жертвенный шаг во имя спасения Франции, как это делают некоторые исследователи. К этой мысли склонялся и военный атташе Великобритании в России генерал А. Нокс, который считал, что «*русский стратегический план был изменен с единственной целью оказать помощь союзникам на Западе*»¹. То же самое писал английский посол Бьюкенен: «*Если бы Россия считалась только со своими интересами, это не был бы для нее наилучший способ действия, но ей приходилось считаться со своими союзниками. Наступление германской армии на западе вызвало необходимость отвлечь ее на восток. Поэтому первоначальный план был изменен, и 17 августа, на следующий день после окончания мобилизации, армии генералов Ренненкампа и Самсонова начали наступление на Восточную Пруссию... Россия не могла оставаться глухой к голосу союзника, столица которого оказалась под угрозой врага*»².

Безусловно, союзнические обязательства играли в решении русского командования начать Восточно-Прусскую операцию не последнюю роль. Но кроме союзнического долга Россия, начав наступление в Восточной Пруссии, преследовала свои интересы. Быстрое поражение Франции было опасно для России, так как высвобождало крупные немецкие силы для переброски их на Восточный фронт. Тем более что Россия, в случае поражения Фран-

¹ Клох (А.) Sir. *With the Russian army 1914—1917, being chiefly extracts from the diary of a military attache*. V. 1—2. — London, 1921.

² Бьюкенен Дж. Указ. соч. 321.

ции, оставалась один на один с Тройственным союзом. Если бы Россия нанесла свой первый удар по Австро-Венгрии, то, даже при самом благоприятном развитии событий, поражение последней наступило бы на 30-35-й день мобилизации. За это время Франция была бы разгромлена, а германские силы на Западе направлены против русских. Таким образом, итоги победы над Австро-Венгрией были бы сведены к нулю.

Как писал генерал А. А. Брусилов: *«С начала войны, чтобы спасти Францию, Николай Николаевич совершенно правильно решил нарушить выработанный раньше план войны и быстро перейти в наступление, не ожидая окончания сосредоточения и развертывания армий. Потом это ставилось ему в вину, но в действительности это было единственно верное решение. Немцы, действуя по внутренним операционным линиям, естественно, должны были стараться бить врагов поочередно, пользуясь своей развитой сетью железных дорог. Мы же с союзниками, действуя по внешним линиям, должны были навалиться на врага сразу со всех сторон, чтобы не дать немцам возможности уничтожать противников поочередно и перекидывать свои войска по собственному произволу. Францию же необходимо было спасти, иначе и мы с выбытием её из строя сразу проиграли бы войну»¹.*

Военный историк А. А. Керсновский писал: *«Идея удара по Германии была правильной. Для общего хода войны важно было облегчить французам как можно скорее, а этой срочности можно было добиться лишь непосредственным ударом войсками Северо-Западного фронта»².*

27 июля/10 августа Ставка приказала Северо-Западному фронту: *«Германия направила свои главные силы против Франции, оставив против нас меньшую часть своих сил... Необходимо в силу союзнических обязательств поддержать французам ввиду готовящегося против них главного удара германцев... Армиям Северо-Западного фронта необходимо теперь же подготовиться к тому, чтобы в ближайшее время, осенив себя крестным знаменем, перейти в спокойное и планомерное наступление»³.*

¹ Брусилов А. А. Указ. соч. С. 163.

² Керсновский А. А. Указ. соч. Т. 3. С. 199.

³ Уткин А. Указ. соч. С. 201.

4/17 августа русские начали наступление в Восточной Пруссии. Русское командование поставило перед 1-й армией генерала от кавалерии П. К. Ренненкампа и 2-й армией генерала от кавалерии А. В. Самсонова следующую задачу: «Поражение германских войск в Восточной Пруссии и овладение последней с целью создания выгодного исходного положения для дальнейшего вторжения в пределы Германии»¹.

Известие о переходе русских войск границы и о начале их крупного наступления в Восточной Пруссии повергло германское командование в состояние растерянности. Главное противодействие русским должна была оказать австро-венгерская армия. Немцы всю свою мощь направили против Франции, откуда ни один солдат не должен был быть переброшен на восток.

С самого начала операции 4/17 августа 1-я русская армия нанесла немцам поражение при Сталлупенене. Этим сражением «заключилась пограничная, или малая, война»². 7/20 августа произошло первое крупное сражение при Гумбинене, окончившееся полным успехом русской армии. 8-я немецкая армия, которая обороняла Восточную Пруссию, понесла тяжёлые потери и отступила с поля боя. Немцы потеряли 14 800 человек. Поражение под Гумбиненом оказало на противника тяжёлое моральное впечатление. Командующий 8-й армией генерал М. фон Притвиц решил, что вся русская армия движется за ним по пятам, и донёс об этом в Берлин. Фон Притвиц решил очистить всю Восточную Пруссию и уйти за Вислу. В столицу рейха потянулись толпы беженцев, оказывая на берлинцев тяжёлое впечатление.

Но если немецкое командование переоценило сложившуюся обстановку, то русское недооценило. Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал от кавалерии Я. Г. Жилинский считал, что вся 8-я немецкая армия разбита и её дальнейшее сопротивление в Восточной Пруссии невозможно. Исходя из этого ошибочного мнения, он передал преследование отступающей

¹ Восточно-Прусская операция: Сборник документов. — М.: Воениздат, 1939. С. 15.

² Вацетис И. *Боевые действия в Восточной Пруссии*. — М., 1923. С. 33.

армии Притвица 2-й армии генерала Самсонова, а Ренненкампфу приказал обложить Кёнигсберг.

Напуганный возможностью эвакуации Восточной Пруссии и глубокого проникновения русских в Пруссию, Вильгельм II приказал перебросить с французского фронта на Восточный два отборных корпуса. Вильгельм сменил с должности командующего 8-й армии генерала фон Притвица и назначил своих лучших стратегов, генералов П. фон Гинденбурга и Э. Людендорфа, руководить действиями против русских.

Убедившись в бездействии армии Ренненкампфа, Гинденбург и Людендорф решили нанести концентрированный удар по 2-й армии генерала Самсонова, взяв её в «клещи» и уничтожив. Германское командование собрало против девяти усталых русских дивизий около двенадцати свежих и два корпуса, прибывших с Западного фронта.

24 августа/7 сентября Палеолог получил срочную депешу из Парижа: *«Сведения, полученные из самого верного источника, сообщают нам, что два действующих корпуса, находившиеся раньше против русской армии, переведены теперь на французскую границу и заменены на восточной границе Германии полками, составленными из ландвера. План войны германского генерального штаба слишком ясен, чтобы было нужно до крайности настаивать на необходимости наступления русских армий на Берлин. Предупредите неотложно правительство и настаивайте»*¹.

Посол немедленно передал текст этой депеши Николаю II, Великому князю Николаю Николаевичу и генералу Сухомлинову. В тот же день генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего генерал Ю. Н. Данилов телеграфировал в ГУГШ: *«Передайте Игнатьеву, что мы можем с удовольствием констатировать факт переброски сил немцев против нас, чем облегчается положение французов, и что, вероятно, позволит им перейти к проявлению соответствующей активности»*².

¹ Палеолог М. Царская Россия в годы Первой мировой войны. С. 145.

² Цихович Я. К. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 1. — М., 1922. С. 62.

15/28 августа основные силы русских были разбиты армией немецкого генерала Франсуа при Танненберге (Сальдау) и загнаны в болота. Тем не менее полностью взять в «мешок» 2-ю армию, как планировали германские генералы, немцам не удалось. Русские с ожесточенными боями отходили на восток, постоянно переходя в контратаки. А. В. Самсонов застрелился. Последними его словами были: *«Государь мне так доверял, а я всё погубил...»*¹

Немецкая пропаганда заявила, что русские потеряли 100 тыс. убитыми и ранеными и 93 тыс. пленными. На самом деле потери русских не превышали 30 тыс. человек убитыми и ранеными, а что касается пленных, то их было около 50 тыс. человек. Для того чтобы создать впечатление огромной толпы русских пленных, немцы показывали в кинохронике, помимо них, переодетых крестьян и даже собственных освобождённых солдат².

Несмотря на неудачу под Танненбергом, русскому командованию удалось достигнуть главной стратегической цели — ослабления сил противника на Западном фронте.

Однако французскому союзнику этого казалось недостаточно. 4/17 сентября посол в Париже А. П. Извольский в своей телеграмме говорил, что *«роли союзных французской и русской армий по отношению к Германии сейчас определяются следующим образом: французы наступают, имея против себя 3/4 германских сил, а мы, как явствует из последних официальных телеграмм, остановились перед 1/6 этих сил. Объясняется это, конечно, тем, что мы имеем дело с двумя противниками, из коих Австрия выставила всё, что имела. Полное поражение, нанесённое нами Австрии, приветствуется здесь самым восторженным образом, но как в публике, так и в военных кругах убеждены, что Россия достаточно могущественна, чтобы справиться с 1/6 германских сил, независимо от операции против Австрии. Для этого требуется полное напряжение наших сил против Германии, именно в настоящий первый период войны. Между тем как будто выясняется, что мы не выставили против Германии всех этих сил. Я не считаю себя вправе умолчать об этой критике и*

¹ Керсновский А. А. Указ. соч. Т. 3. С. 194.

² Керсновский А. А. Указ. соч. Т. 3. С. 148.

не предупредить Вас о назревающем, может быть, недоразумении, чтобы не сказать противоречии, между нами и французами, которые убеждены, что в настоящую минуту Франция почти одна выдерживает натиск германского колосса»¹.

5/18 сентября Ставка направила ответ, предназначенный для успокоения французов: *«Мы с полным напряжением усиливаем наши войска против Германии, для чего не останавливаемся перед привлечением на театр военных действий войск с наших азиатских окраин. Уже теперь на западе находятся два кавказских, один туркестанский и два сибирских корпуса. Назначены и постепенно будут прибывать еще три сибирских корпуса, но, к сожалению, перевозка их не может быть выполнена с желаемой быстротой, вследствие малой пропускной способности сибирских железнодорожных линий. В заключение граф Игнатьев должен заверить генерала Жоффра, что делается решительно все для полного напряжения сил и средств с целью обеспечить конечный успех против общего врага»².*

В свою очередь Великий князь Николай Николаевич запросил французское командование с целью узнать, *«собирается ли генералиссимус Жоффр ограничиться изгнанием врага из Франции (может быть, и из Эльзаса—Лотарингии) или же он планирует продолжать наступление в сердце Германии, чтобы там продиктовать условия мира»³.* Николай Николаевич ознакомил французов с планом русского командования, согласно которому после полного разгрома Австрии русские войска всеми силами будут наступать на Берлин, не рискуя открыть дорогу противнику со стороны Галиции на Петербург и Москву⁴.

По этому поводу Делькассе телеграфировал Палеологу для Великого князя 7/20 сентября 1914 г.: *«Французское правительство узнало с величайшим удовлетворением о проекте Его Высочества Великого князя Николая, который, не останавливаясь перед препятствиями, решил после поражения Австро-Венгрии наступать*

¹ Цихович Я. К. Указ. соч. С. 63.

² Цихович Я. К. Указ. соч. С. 64.

³ DDF. 1-ère série. 1914 (3 août-31 décembre). — P. 1999, V. 1. P. 248.

⁴ DDF. 1-ère série. 1914 (3 août-31 décembre). — P. 1999, V. 1. P. 248.

на Берлин со всеми силами, какие можно собрать. Со своей стороны французская армия не ограничит своих усилий своим фронтом, ни даже Эльзасом—Лотарингией, но продолжит свой марш на встречу императорской армии до тех пор, пока союзные правительства не достигнут установления в Европе порядка, обеспечивающего мир на долгие годы»¹.

Непосредственным результатом Восточно-Прусской операции стали французская победа на Марне и русская победа в Галиции. «Мы не можем забывать о наших союзниках на Восточном фронте, — писал французский маршал Ф. Фош, — о русской армии, которая своим активным вмешательством отвлекла на себя значительную часть сил противника и тем позволила нам одержать победу на Марне. Если Франция не была стерта с лица земли в 1914 году, то прежде всего она этим обязана России»². Показательно настроение германского фельдмаршала фон Мольтке, которое отражено в его дневниковой записи от 9 сентября нового стиля: «Плохи дела... Такое обнадёживающее начало войны обернулось своей противоположностью. Мы вынуждены задыхаться в борьбе против Запада и Востока»³.

Одновременно с Восточно-Прусской операцией в августе-сентябре 1914 г. русские войска Юго-Западного фронта провели крупнейшую стратегическую операцию в Галиции, нанеся австро-венгерской армии тяжёлое поражение. Противник потерял до 400 тыс. убитыми и ранеными, т.е. 45% своего состава, свыше 100 тыс. пленными, 400 орудий и почти всю Галицию. Военный потенциал Австро-Венгрии был настолько подорван, что отныне без помощи германской армии австрийцы не были способны на крупные наступления. В ходе Галицийской битвы русские войска продвинулись на 200 км (для сравнения: во время наступления на Марне французские войска продвинулись всего на 50 км). Галицийская битва не позволила противнику расправиться с Сербией в 1914 г.

¹ T. Delcassé à M. Paléologue. 20 septembre 1914. // DDF. 1-ère série. 1914 (3 août-31 décembre). — P. 1999, V. 1. P. 248.

² Яковлев Н. *1 августа 1914*. — М.: Московитятнин, 1993. С. 73.

³ Емец В. А. Указ. соч. С. 78.

Более того, сербы сами перешли в наступление. 31 июля/13 августа Великий князь Николай Николаевич отправил телеграмму сербскому королевичу Александру: *«В целях достижения общего успеха над нашим общим врагом представляется необходимым сербской армии теперь же перейти в решительное наступление против австрийцев»*¹.

На эту телеграмму королевич Александр ответил: *«В ответ на Вашу депешу могу Вам сообщить, что сербской армии приказано атаковать австрийские части, перешедшие вчера Саву около Шабца и Дрину близ Лазницы, и что наступление будет продолжено и далее»*.

Однако успехи русского оружия в Галиции не очень радовали французского союзника. Как только опасность полного разгрома для Франции миновала, тон политиков и военных III Республики в отношении России стал сразу требовательным. Т. Делькассе дал указание Палеологу настаивать перед русским командованием, чтобы оно направило свои армии против Германии². Главнокомандующий Жоффр стал намекать на недостаточный вклад России в общесоюзное дело и даже пытался отрицать оказанную русскими помощь в Восточной Пруссии³.

Ставка заверяла французоз, что, как только австрийские войска будут окончательно разгромлены в Галиции, она немедленно перебросит свои армии против немцев. Но на французское командование это не производило большого впечатления. А. А. Игнатьев писал послу А. П. Извольскому 1/14 сентября: *«Хотя мы и выиграли блестяще сражение в Галиции, однако этим угроза нам со стороны Австрии не устранена, и мы едва ли можем оторвать от неё много сил без риска потерять то, что приобрели ценою семнадцатидневной битвы. Отсюда вытекает то противоречие, которое назревает между нами и французами»*⁴. Со стороны французского верховного командования Игнатьеву прямо было заявлено: *«Теперь общими*

¹ Цихович Я. К. Указ. соч. С. 40.

² Емец В. А. Указ. соч. С. 83.

³ Емец В. А. Указ. соч. С. 83.

⁴ Емец В. А. Указ. соч. С. 79.

усилиями — на немцев. С австрийцами будем разбираться, когда войдём в Берлин».

На это Великий князь Николай Николаевич в свою очередь поинтересовался: как будет вести себя Франция, если немцы перейдут на западе к обороне, а все свои силы бросят против России? Сазонов также выразил мнение, что Германия может ограничиться пассивной обороной на Рейне, а сама вместе с Австрией нанести удар по России. Сазонов в конфиденциальном письме к Извольскому высказывал своё подозрение, что Франция, утомлённая войной, может вообще прекратить наступательные операции, когда вернёт себе земли, утраченные в 1871 г.¹ Кампания 1915 г. в полной мере подтвердила эти опасения Сазонова.

Россия и Турция на весах войны и мира

К началу Первой мировой войны в Турции прочно утвердился младотурецкий режим. Султанская власть, чьё имя ещё недавно было связано с жестоким и властным Абдул-Гамидом II, теперь олицетворялась престарелым и беспомощным Мехмедом V Решадом. По новому турецкому законодательству султан фактической властью не обладал, а вся её полнота сконцентрировалась в руках лидеров младотурецкой партии «Единение и Прогресс». Фактически во главе страны стояли три человека: военный министр Энвер-паша, министр внутренних дел Талаат-паша и морской министр Джемаль-паша. Младотурки, не решившие ни одной из главных социальных и экономических проблем страны, опираться полностью могли только на армию. Большинство офицеров-младотурок прошли обучение в Германии. Турецкие вооружённые силы возглавлялись генералами — выпускниками Берлинской военной академии. Вильгельм II с удовлетворением констатировал: «Они вполне грамотны и мыслят абсолютно по-немецки»².

Однако в целом общественное мнение Турции не было прогер-

¹ С. Д. Сазонов — А. П. Извольскому. 4/17 сентября 1914 г. // МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 264—265.

² За балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 38.

манским. Более того, аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины и дружба германского императора с Абдул-Гамидом, чьё имя было крайне непопулярно в тогдашнем турецком обществе, не были забыты. Османская империя была раздираема межнациональными противоречиями, ширилось национально-освободительное движение среди армянского населения. Тесное вовлечение Турции в водоворот германской политики грозило Османской империи войной с Россией и Францией. Это понимали и в России: «*Столкновения с Турцией при её подчинённости Германии нам не избежать*», — писал в конце 1913 г. посланник России в Черногории А. А. Гирс¹.

Однако правящие круги Турции не спешили безоговорочно ложиться на курс Германии. Даже самый главный поборник германо-турецкого союза, энергичный и властный Энвер-паша, не желал победы кайзеровского рейха на Балканах и Ближнем Востоке. Целью Энвера было возвращение Турцией утраченных в предыдущих войнах земель. Для него Германия была «лишь средством» для достижения этой цели².

Перед самым началом Мировой войны в Петербург и Париж отправились руководители младотурецкой партии, чтобы предложить России и Франции идею двустороннего договора. Однако ни в Петербурге, ни в Париже на этот шаг не пошли. Николай II понимал, что союз с Турцией обязывал бы Россию поддерживать турецкие притязания к Болгарии и Греции. Так же смотрели на это в Париже.

Когда разразился австро-сербский кризис, в Стамбуле начались жаркие дебаты по вопросу о вмешательстве в него Турции. Особо рьяные представители младотурок призывали к воссозданию Великой Турции, включившей в себя Крым, Кавказ, Египет и арабские страны Северной Африки. Великий визирь принц Саид Халим-паша был за вступление в войну на стороне Германии.

¹ Гирс А. А. *Австро-Венгрия, Балканы и Турция*. — Пг., 1917. С. 18.

² Шеремет В. *Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По материалам русской военной разведки*. — М.: Технологическая школа бизнеса, 1995. С. 104.

Однако в турецких верхах были и те, кто с большой опаской относился к происходящему. Посол Османской империи в Петербурге Н. Фахретдин-бей выступал против немедленного вступления в войну, тем более на стороне Германии. *«Если верх возьмёт Германия, — писал он, — то разве могут быть сомнения в том, что немцы сделают из Турции второй Египет?»*¹ Победа России, считал посол, приведёт её к полному господству на Балканах. Воевать с Россией опасно и непредсказуемо. Те силы, которыми она *«располагает на Кавказе, превышают наши. Сможем ли мы здесь победить? Не уверен»*. *«Не лучше ли обождать, — заключал Фахретдин-бей, — результатов начавшейся борьбы, чтобы примкнуть к более сильной стороне и обеспечить себе получение политических [...] выгод? Это подсказывает не только положение внутри нашей страны, но и соображения, вытекающие из положения дел в России, русских сил на Кавказе»*².

Турецкое руководство всячески заверяло Россию о своём невмешательстве в конфликт. В общем, из переговоров с турецкими политическими лидерами русская дипломатия сделала вывод о том, что *«Порта будет придерживаться выжидательной политики в австро-венгерском конфликте, с твердой решимостью воспользоваться каждым обстоятельством, могущим послужить интересам Турции»*³.

13/26 июля 1914 г. посол России в Константинополе М. Н. Гирс сообщал: *«В Турции, несомненно, радуются унижению Сербии, как бывшего противника, но пока придерживаются выжидательной политики, имея одно твердое намерение воспользоваться первым благоприятным случаем в том или другом направлении, могущим оказать пользу турецким интересам»*⁴.

20 июля/2 августа 1914 г. между Германией и Турцией был подписан особо секретный союзный договор. Ст. 2 этого догово-

¹ РГА ВМФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 225. Л. 121.

² РГА ВМФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 225. Л. 121.

³ Царская Россия в мировой войне / С предисловием М. Н. Покровского. — Л., 1925. Т. 1. С. 3.

⁴ Царская Россия в мировой войне. Т. 1. С. 3.

ра гласила: «*В том случае, если бы Россия вмешалась при посредстве действительных военных мер в конфликт¹ и сделала бы, таким образом, необходимым для Германии выполнение своего долга и своих обязанностей союзницы по отношению к Австро-Венгрии, то этот долг и эти обязанности подлежали бы выполнению также и для Турции*»².

Но, подписав договор с немцами, турецкое правительство до поры стремилось продолжать создавать в Петербурге представление о готовности Турции к союзу с Россией. Все последующие заявления Энвера-паши российским представителям были не чем иным, как большой игрой, призванной закамуфлировать подготавливаемое вступление Османской империи в войну на стороне германских империй. Но делать это становилось всё труднее, так как в Турции началась мобилизация.

23 июля/5 августа Энвер-паша на встрече с военным агентом в Болгарии генералом М. Н. Леонтьевым заявил ему, что начавшаяся в Турции мобилизация отнюдь не направлена против России. Он утверждал, что Турция ни с кем не связана и будет действовать согласно своим интересам. «*Если бы Россия пожелала, — заверил военный министр, — обратить внимание на турецкую армию и использовать её для своих целей, то он и такую комбинацию не считает невозможной*».

Через четыре дня, 27 июля/9 августа, Энвер-паша снова имел встречу с генералом Леонтьевым и вновь подтвердил, что Турция заинтересована в союзе с Россией. В тот день, когда такое соглашение будет достигнуто, сказал он, все немецкие офицеры будут удалены с турецкой службы. Условием заключения договора с Россией турецкий министр ставил возвращение Западной Фракии и Эгейских островов. Кроме того, Энвер-паша считал необходимым, чтобы союз с Россией был заключён не менее чем на 5–10 лет³.

¹ Имеется в виду австро-сербский конфликт.

² Hohlfeild J. Deutsche Geschichte in Dokumenten 1849–1926. Bd. II. Berlin, 1927. P. 520–52.

³ М. Н. Гирс — С. Д. Сазонову. 27 июля/9 августа 1914 г. // МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 42.

М. Н. Гирс советовал С. Д. Сазонову срочно согласиться с предложениями Энвера-паши. «Нам надлежит, — писал он, — немедленно принять предложения Энвера, не входя ни с кем в предварительные объяснения, так как время не терпит. Если победа останется за нами, то мы всегда сумеем вознаградить и Болгарию, и Грецию. Между тем наш отказ несомненно и бесповоротно бросит Турцию в объятия наших врагов. Если даже Энвер не вполне искренен, наше согласие выяснит положение, которое в настоящем обострённом фазисе не может не привести к кризису и разрыву»¹. 28 июля/10 августа Сазонов в ответе Гирсу указывал ему на необходимость «в переговорах с Энвером выигрыша времени». Сазонов указывал, что самих по себе «действий Турции против нас мы не опасаемся»².

А ещё днём позже Сазонов предупреждал Гирса о лукавстве Энвера, который, по имеющимся у русского МИДа данным, стоит во главе воинственной партии, стремящейся к соглашению с Румынией и Болгарией для действий против России. По этим же данным, Турция планирует присоединение к себе Батума³. Но русское посольство в Стамбуле продолжало настаивать на соглашении с Энвером, считая, что договор с Германией у Турции пока не подписан и у Петербурга есть ещё время для попыток перетянуть Стамбул на свою сторону.

Турецкая сторона не скупилась на предоставление «доказательств» этого заблуждения Гирса. 30 июля/12 августа 1914 г. Фахретдин-бей просил передать русскому правительству, что интересы Турции толкают её не только на сближение, но и на союз с Россией. При этом Фахретдин выдвигал следующие условия союза: взаимная неприкосновенность территорий обеих империй, присвоение Турцией всех концессий Германии в Малой Азии, отказ России от поддержки националистических армянских организаций

¹ М. Н. Гирс — С. Д. Сазонову. 27 июля/9 августа 1914 г. // МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 44.

² С. Д. Сазонов — М. Н. Гирсу. 28 июля/10 августа 1914 г. // МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 44.

³ С. Д. Сазонов — М. Н. Гирсу. 29 июля/11 августа 1914 г. // МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 54.

в Турции. Взамен этого Фахретдин обещал предоставить в полное распоряжение России турецкую армию. Сазонов был готов согласиться со всеми пунктами Фахретдина, кроме армянских реформ¹.

Сейчас трудно сказать, были ли предложения Фахретдина действительно попыткой договориться с Россией или это было продолжение игры Энвера по выигрышу времени, но никакого официального предложения турецкого правительства далее не последовало.

Между тем Англия, не зная о уже принятом в Стамбуле решении воевать на стороне Германии, опасалась русско-турецкой договорённости, которая могла отдать России без всякой войны контроль над Проливами. Для того чтобы не допустить этого нежелательного для Лондона развития событий, там решили пойти на самое тривиальное мошенничество. Ещё до войны турецкое правительство заказало в Великобритании четыре боевых корабля — два дредноута и два миноносца, появления которых в Стамбуле ожидали с большим нетерпением. С помощью этих кораблей Турция надеялась вернуть обратно отвоёванные у неё ранее Грецией острова. Однако английское правительство наложило секвестр на построенные корабли. Секвестра добился первый лорд Адмиралтейства У. Черчилль². Причём секвестр был наложен в тот момент, когда турецкое правительство внесло последний денежный взнос. Действия английского правительства, сообщал посол Гирс, нанесли *«сильный удар самолюбию турок и вызвали в стране взрыв всеобщего негодования как против Англии, так и вообще против держав Тройственного соглашения»*³.

В этот же момент Германия продала Турции свои боевые корабли: линкор «Гебен» и лёгкий крейсер «Бреслау». Оба корабля нашли летом 1914 г. убежище в турецких водах от преследовавшей их англо-французской средиземноморской эскадры. 10 авгу-

¹ С. Д. Сазонов — М. Н. Гирсу. 30 июля/12 августа 1914 г. // МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 62.

² Шеремет В. Указ. соч. С. 119.

³ М. Н. Гирс — С. Д. Сазонову. 22 сентября/2 октября 1914 г. // МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 370.

ста 1914 г. эти корабли вошли в Дарданеллы с молчаливого согласия Черчилля. Над германскими крейсерами был поднят турецкий флаг, немецкие матросы надели турецкие фески, а командир «Гебена» был объявлен командующим всеми военно-морскими силами Турции.

Гирс телеграфировал Сазонову, что покупка германских крейсеров изменила обстановку в Турции не в нашу пользу. Генерал Леонтьев докладывал, что поведение «Гебена» и «Бреслау» в Дарданеллах свидетельствует о намерении немцев любыми средствами втянуть Турцию в войну¹.

2/15 августа Сазонов направил правительству Турции следующие предложения. 1. В знак своей искренности Турция прекращает мобилизацию. 2. Союзники гарантируют территориальную неприкосновенность Турции. 3. Турция вступает в обладание всеми экономическими и железнодорожными концессиями и предприятиями Германии в Малой Азии, что будет впоследствии закреплено в окончательном мирном договоре².

Тем временем в Берлине в свою очередь предложили Энвер-паше сделку: Германия давала Турции крупный заём в обмен на вступление турок в войну на стороне немцев. Энвер на это германское предложение согласился.

Со второй половины октября 1914 г. немецкое влияние в Стамбуле резко возросло. Морской агент А. Н. Щеглов сообщал: «Ввиду захвата всей власти в Стамбуле немцами Энвер стал полным диктатором. Во главе правительственных учреждений поставлены немцы, почта и телеграф под немецкой цензурой»³. Германия и Энвер-паша стремительно вели Турцию к войне с Россией. 8/21 октября 1914 г. Энвер был провозглашён главнокомандующим. Первым его шагом в этой должности стал приказ о нападении турецких боевых кораблей на базы русского Черноморского флота в Крыму⁴. Энвер-паша и германский генералитет стремились поставить

¹ МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 78.

² МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 97.

³ Шеремет В. Указ. соч. С. 123.

⁴ Шеремет В. Указ. соч. С. 123.

Турцию перед случившимся фактом: 16/29 октября 1914 г. турецкий флот под командованием немецкого адмирала В.-А. Сушона обстрелял русское побережье: Севастополь, Одессу, Феодосию и Новороссийск. В результате были убиты и ранены военные и мирные жители. Одновременно турецкая артиллерия обстреляла наши позиции на кавказской границе. Когда в турецком правительстве узнали о действиях Энвера-паши, то в его рядах началась паника. Великий визирь грозил подать в отставку, и его с трудом уговорили остаться на своём посту. Турецкое правительство в официальной телеграмме выразило свое сожаление о случившемся.

Англичане стремились замять конфликт и не допустить его перехода в русско-турецкую войну, прежде всего из-за опасения, что русские быстро разобьют Турцию и решат свои задачи на берегах Босфора и Дарданеллах. Английский посол Бьюкенен докладывал своему министру иностранных дел, что, так как нападение на Одессу было совершено, по-видимому, германцами, послы трёх союзных держав дали понять Порте, чтобы она либо должна изгнать всех немецких военнослужащих со своей территории, либо разорвать отношения с государствами Антанты.

Однако для России затягивание вялотекущего конфликта с Турцией было невыгодно. Николай II на телеграмме о предложении трёх послов написал: *«В России никто не поймёт такой постановки вопроса. По моему мнению, война с Турцией уже началась, так как русская кровь уже пролита. Царское Село, 17/30 октября 1914 г.»*¹.

29 октября/11 ноября 1914 г. в ответ на агрессивные действия Турции Россия объявила ей войну. За ней последовали Франция и Англия.

Кампания 1915 г.

К началу 1915 г. верховное командование кайзеровской Германии осознало, что план «блицкрига» провалился. Ни на западе, ни на востоке Германии не удалось одержать полной победы и выве-

¹ МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 437.

сти хотя бы одного противника из войны. Время работало против Германии и её союзников. Исходя из этого, австро-германское верховное командование приняло решение нанести в 1915 г. сокрушительный удар по России.

Относительно спокойная обстановка на западе позволяла германскому командованию приступить к подготовке масштабной операции на Восточном фронте. План немцев сводился к тому, чтобы в 1915 г. мощным ударом вывести Россию из войны, принудить её к сепаратному миру или к капитуляции, но в любом случае уничтожить её войска. Разработкой плана руководил видный стратег генерал-фельдмаршал П. фон Гинденбург.

Ставка на весну 1915 г. планировала новое вторжение в Восточную Пруссию и наступление через Карпаты в Венгерскую долину. Целью наступления в Карпатах было продвижение на Будапешт¹. Между тем положение с вооружением и продовольствием в армии было тревожным. Ощущалась острая нехватка снарядов.

Немцы хорошо знали об этой катастрофической ситуации со снарядами. Они рассчитывали, что франко-британское командование окажется «более эгоистичными, чем русское», и не станет предпринимать жертвенного наступления, чтобы оттянуть на себя германские силы, как это сделала русская армия в кампанию 1914 г.² Начавшееся зимой—весной 1915 г. русское наступление на Юго-Западном фронте увенчалось крупной победой. 9 марта была захвачена австрийская крепость Перемышль, а 30 марта русские войска перешли Карпаты и вышли в Венгерскую долину. В этот момент Гинденбург нанёс свой удар. Против России были сконцентрированы мощные силы германской армии. Противник превосходил русские войска: в живой силе — в 2 раза, в лёгкой артиллерии — в 3 раза, в тяжёлой артиллерии — в 40 раз, в пулемётах — в 2,5 раза³. Вечером 18 апреля 1915 г. на русские войска обрушили-

¹ Бонч-Бруевич М. *Потеря нами Галиции в 1915 г. Часть I. Через Карпаты в Венгрию зимою 1915 года.* — М., 1921. С. 78.

² Головин Н. Н., генерал. Указ. соч. Т. 2. С. 137.

³ *Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Die militärischen Operationen zu Lande*, Bd. 1—9. bearb. im Reichsarchiv. — Berlin, 1925—1933; Bd. 10—11. S. 156—157.

ся мощный огонь германских орудий. Всего немцы выпустили 700 тыс. снарядов.

Русским войскам пришлось отступать, сдавая завоёванные позиции. К середине августа все Царство Польское было отдано противнику, а с падением Брест-Литовска началась сдача Литвы. 4 августа пали Ковель и Владимир-Волинский, 8 августа — Гродно. Вся линия Неман — Буг развалилась. По подсчётам генерала Головина, в летнюю кампанию 1915 г. русская армия потеряла 1 млн 410 тыс. человек убитыми и ранеными, т.е. в среднем 235 тыс. в месяц. В плен в ту же кампанию попало 976 тыс. человек, т.е. по 160 тыс. человек в среднем в месяц¹.

23 августа 1915 г. император Николай II издал приказ по армии, в котором он объявлял о принятии на себя *«предводительствованная всеми сухопутными и морскими вооружёнными силами, находящимися на театре военных действий»*. В приказе царь собственноручно написал: *«С твёрдой верой в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской. Николай»*².

Положение на театре боевых действий на момент принятия императором Николаем II верховного командования было крайне тяжёлым. В начале сентября император направил Совету министров подробную телеграмму, из которой видно, насколько опасной он воспринимал создавшуюся ситуацию. Государь указал, что Россия переживает наиболее тяжёлый период великой войны, когда более половины всех сил противника брошены против России, что русские войска ведут войну в тяжелейших условиях, при острой нехватке артиллерийских снарядов и ружейных патронов. Армия несёт большие потери, совершенно не получая пополнений. Николай II определял, что *«главнейшие свои усилия противник развивает и будет развивать на направлениях к Петрограду и Москве. Помимо нравственного значения столицы, занятие Петрограда лишит нас большей части военных заводов, изготавливающих оружие,*

¹ Головин Н. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 139.

² Приказ императора Николая II по армии // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 619. Л. 1.

патроны, другие средства для ведения войны. Захват Москвы, этого важнейшего железнодорожного узла, до крайности затруднит дальнейшее ведение борьбы и снабжения войска всем необходимым. Поэтому на направлениях к обеим столицам противник ведёт большую часть своих сил, и притом наиболее прочных и надёжных»¹. Император указывал, что необходимо большую часть войск сосредоточить «на путях, ведущих к Петрограду и Москве, выделив для прикрытия Киева и юга России силы лишь строго необходимые»².

Интересно, что самые тяжёлые для России прогнозы, изложенные в этой телеграмме — захват германцами Петрограда, Москвы, Киева, — хотя и были реальными, тем не менее, никогда не были осуществлены противником, во многом благодаря действиям Ставки, возглавляемой Николаем II.

Следует сказать, что на основе этих указаний царя Совету министров осенью 1915 г. был создан авторитетный орган, который должен был взять в свои руки работу по эвакуации предприятий и учреждений из прифронтовых районов, — Эвакуационная комиссия при особом совещании по обороне. Ее возглавил председатель Государственной думы М. В. Родзянко³. Приняв на себя верховное главнокомандование, царь сменил руководство Ставки. Начальником её штаба стал генерал от инфантерии М. В. Алексеев, хорошо зарекомендовавший себя в руководстве войсками на Юго-Западном фронте. В результате успешно проведённой Вильно-Молодечнской операции противник был остановлен, и фронт стабилизировался.

В январе—феврале 1916 г. Кавказская армия генерала Н. Н. Юденича штурмом овладела мощной турецкой крепостью Эрзерум. Потери турок составили: 60 тыс. убитыми и ранеными, 13 тыс. пленными, 323 орудия, большие склады оружия и боепри-

¹ Телеграмма императора Николая II Совету министров // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 99—101.

² Телеграмма императора Николая II Совету министров // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 99.

³ Сидоров А. Л. *Экономическое положение России в годы Первой мировой войны*. — М., 1973. С. 229—230.

пасов, артиллерийские парки¹. Взятие Эрзерума настолько деморализовало турецкую армию, что больше никаких крупных наступлений против русских она предпринять не смогла. Русские овладели городами Трапезундом и Эринджаном.

В 1915 г. турецкие власти организовали массовые убийства армянского населения Османской империи, видевшего в России свою освободительницу. По указу императора Николая II русско-турецкая граница была приоткрыта, и армянские беженцы оказались под защитой русской армии. В результате было спасено 375 тыс. армян².

Внутриполитическая обстановка в России в 1915 — начале 1916 гг.

Военные неудачи 1915 г. побудили думскую оппозицию вновь возобновить давление на правительство с целью добиться от него больших уступок. Главной задачей этой деятельности было заставить императора согласиться на так называемое «ответственное министерство». По замыслу оппозиции, это министерство должно было подчиняться не императору, а главе кабинета, в свою очередь ответственного перед Думой. То есть по существу кадеты стремились к введению парламентского строя в России.

Весной 1915 г. внутри Совета министров, возглавляемого И. Л. Горемыкиным сложилась группировка, ориентированная на союз с думской оппозицией. Эта группировка возглавлялась главноуправляющим земледелием и землеустройством А. В. Кривошеиным («Группа Кривошеина»)³. Вторым человеком в этой группе был министр иностранных дел С. Д. Сазонов. Николай II поначалу не только не имел ничего против установления связей между Думой и правительством, но даже высказал своё пожелание

¹ Керсновский А. А. Указ. соч. Т. 4. С. 230.

² Пагануци П. *Император Николай II — спаситель сотен тысяч армян от турецкого геноцида* // Родина, 1993. № 8–9. С. 95.

³ Куликов С. В. *Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917)*. — Рязань, 2004. С. 79–83.

А. В. Кривошеину, чтобы тот возглавил Совет министров¹. Видя себя уже во главе правительства, Кривошеин начал искать тех, на кого он будет в нём опираться. По его мнению, опорой нового кабинета должны были стать кадеты². То есть тактика Кривошеина доказывала, что его стратегической целью было фактическое введение парламентского управления страной³. Думская оппозиция и «Группа Кривошеина» решили, что подходящий момент для создания неподконтрольного царю кабинета настал летом 1915 г. Целью Кривошеина, как отмечал Великий князь Андрей Владимирович, было «умалить власть Государя»⁴.

В мае 1915 г. в Москве прошли немецкие погромы, поводом для которых стала вспышка холеры, вину за которую толпа возложила на проживавших в Москве немцев⁵. Этими погромами не преминула воспользоваться оппозиция для раздувания шпиономании с антидинастическим подтекстом⁶. Начавшееся летом 1915 г. великое отступление породило в стране паническую шпиономанию. «В обществе только и было разговоров, что о влиянии тёмных сил», — писал председатель Государственной думы М. В. Родзянко⁷.

Ставка Николая Николаевича активно поддерживала думскую кампанию по нагнетанию такой атмосферы. В этом смысле она действовала заодно с лидером оппозиции А. И. Гучковым. Был сфабрикован бездоказательный судебный процесс над обвинённым в шпионаже офицером контрразведки полковником

¹ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны (записи заседаний и переписка). — СПб., 1999. С. 484.

² Письмо В. В. Мусина-Пушкина А. В. Кривошеину // РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 290. Л. 26.

³ Дневник И. С. Ключева. Тетрадь XII // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 14. Л. 167.

⁴ Дневник великого князя Андрея Владимировича. С. 112.

⁵ Записка князя Юсупова // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 615. Л. 4.

⁶ Спиридович А. И. *Великая война и Февральская революция*. — Минск: Харвест, 2004. С. 119.

⁷ Родзянко М. В. *Государственная Дума и Февральская 1917 года революция* // Архив Русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. — М., 1991. Т. 6. С. 21.

С. Н. Мясоедовым. Подобные обвинения оппозиция выдвигала и против военного министра генерала В. А. Сухомлинова. Великий князь тем самым как бы указывал обществу и армии «истинных» виновников того, что русские войска проигрывают войну, а Гучков добивался ещё большей компрометации верховной власти.

13 июня 1915 г. во время поездки императора Николая II в Ставку в Барановичи великий князь настойчиво рекомендовал выполнить просьбу А. В. Кривошеина об отставке неугодных министров¹. Неожиданно Государь удовлетворил эту просьбу. В течение июня и июля в отставку были отправлены министры Н. А. Маклаков, В. А. Сухомлинов, И. Г. Щегловитов и обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер². В беседе с императором в Ставке Великий князь Николай Николаевич настаивал на создании «ответственного министерства»³. Однако царь, на словах выразив сочувствие к этой идее, отказался увольнять в отставку председателя Совета министров И. Л. Горемыкина. Тактика царя объяснялась тем, что он понимал неизбежность в создавшихся условиях компромисса с умеренной частью оппозиции для недопущения к власти оппозиции радикальной. Николай II рассчитывал, что новое правительство, поддерживаемое обществом, будет воспринято Думой как «министерство общественного доверия». При этом контроль над этим министерством останется в руках царя.

14 июня в Ставке император Николай II подписал рескрипт, в котором призвал общество к «совместной с правительством работе для подготовки победы» и указал «на предстоящий созыв Государственной думы»⁴. Созыв Думы раньше положенного по закону срока было одним из основных требований оппозиции.

¹ Всеподданнейший доклад А. В. Кривошеина // РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 203. Л. 33–34.

² Доклад главноуправляющего Соб. Е. И. В. канцелярии императору Николаю II // РГИА. Ф. 1409. Оп. 16. Д. 37. Л. 93.

³ Из дневника б. великого князя Андрея Владимировича Романова за 1916–1917 гг. // Красный архив. Исторический журнал. — М.; Л., 1928. Т. 1 (26). С. 197.

⁴ Куликов С. В. Указ. соч. С. 56.

Большие уступки оппозиции, на которые пошёл император Николай II с целью сохранения общественного мира, были восприняты ею как слабость. Оппозиция стремилась не просто к введению парламентского строя в России, а к полному захвату власти. Это убедительно продемонстрировала открывшаяся 19 июля думская сессия. Дума отказалась от признания обновленного кабинета «министерством доверия».

Между тем сотрудничество думской оппозиции, министерской парламентской группы и Ставки Николая Николаевича не прекратилось. Николай II знал, что Великий князь постоянно без его ведома *«вызывал министров в Ставку, давая те или иные приказания, что создавало двоевластие в России»*¹.

Особенно Николая II беспокоили связи Николая Николаевича с Прогрессивным блоком и Военно-промышленными комитетами. Так называемый Прогрессивный блок был создан думской оппозицией 9 августа 1915 г. Ведущими лидерами блока были кадет П. Н. Милюков и прогрессист А. И. Коновалов. Блок начал кампанию по организации военно-промышленных комитетов (ВПК), которые должны были объединить частную промышленность в деле помощи фронту. Инициатором создания ВПК был А. И. Гучков, опиравшийся на крупные промышленные круги Москвы и Петрограда. Гучков и его сторонники решили под прикрытием военно-промышленных комитетов, проводить свою политическую деятельность. Эту деятельность начальник Петроградского охранного отделения генерал-майор К. И. Глобачёв называл *«легальной возможностью вести разрушительную работу для расшатывания государственных устоев и обрабатывать через своих агентов общество и армию в нужном политическом направлении»*².

Помимо ВПК Гучков вошёл в созданное царём Особое совещание. Это совещание было призвано осуществлять контроль

¹ Танеева (Вырубова) А. А. Указ. соч. С. 157.

² Глобачёв К. И. *Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения.* — М.: РОССПЭН, 2009. С. 66.

предприятий, изготавливавших предметы боевого снабжения, а также распределяло крупные военные заказы между русскими и иностранными заводами. Войдя одновременно и в руководство военно-промышленного комитета, и в Особое совещание, Гучков получил реальные рычаги взаимодействия и с военной верхушкой, и с регионами, так как к началу 1916 г. по России было создано 220 местных ВПК, объединённых в 33 областных. Николай II был вынужден считаться с участием оппозиции в ВПК и особом совещании. А. И. Гучков, А. Н. Коновалов, М. И. Терещенко являлись представителями крупных промышленных кругов, без которых снабжение армии было крайне затруднительным.

Связь Великого князя Николая Николаевича с представителями Прогрессивного блока и министерской оппозицией стала одной из главных причин его смещения царём с должности главнокомандующего. В. Н. Воейков говорил, что *«Государь принял верховное командование главным образом потому, что Николай Николаевич вмешивался в дела управления государством»*¹.

Отставка Великого князя вызвала резкий протест у «Группы Кривошеина» в Совете министров. Инцидент вошел в историю под названием «министерская забастовка». Главными застрельщиками «забастовки» были А. В. Кривошеин, С. Д. Сазонов и А. А. Поливанов. Все трое убеждали Совет и его председателя И. Л. Горемыкина, что отстранение великого князя будет иметь самые катастрофические последствия для России и что нужно, во что бы то ни стало, отговорить от этого Государя. Когда эти попытки потерпели неудачу, «Группа Кривошеина» 28-го августа написала царю письмо, которое заканчивалось следующими словами: *«Находясь в таких условиях, мы теряем веру в возможность с сознанием пользы служить вам и родине»*². Письмо это было подписано министрами П. А. Харитоновым, П. Л. Барком, А. В. Кривошеиным, С. Д. Сазоновым, князем Н. Б. Щер-

¹ Выписки из писем, распоряжений и других документов Николая II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2109. Л. 143.

² Коллективное письмо министров Николаю II от 21 августа 1915 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 620.

батовым, А. Д. Самариним, графом П. Н. Игнатъевым и князем В. Н. Шаховским.

Прогрессисты были готовы прибегнуть к более решительным действиям, поставив монарху ультиматум. На это же были готовы пойти и в ставке Великого князя. В Могилёве даже собирались потребовать отмены императором своего решения, а в случае отказа Николая II исполнить их требование — арестовать его¹. По словам протопресвитера Георгия Шавельского, Николай Николаевич долго думал над этим предложением, но затем заявил, что он *«прежде всего верноподданный, а потому сделанное ему предложение отвергает»*².

15 сентября по приказу Николая II министры выехали к нему в Ставку. На встрече с ними император, со слов Поливанова, глухим голосом заявил, что он был очень огорчён, получив письмо министров, несмотря на твёрдо им выраженную волю принять командование. Он подчеркнул, что *«все усилия правительства и всей страны должны быть сосредоточены на мысли о войне»*. Николай II далее высказал главные приоритеты текущего момента: победа в войне и сохранение общественного согласия как гаранта этой победы³. Однако министры, как и оппозиция, эти приоритеты не разделяли. Николай II заявил министрам, что когда он приедет в Царское Село, то он примет дальнейшие решения⁴.

26 сентября император Николай II прибыл в Царское Село, и сразу же были отправлены в отставку А. Д. Самарин и А. В. Кривошеин⁵. В течение декабря 1915 г. и по июль 1916 г. были отправ-

¹ Друцкой-Соколинский В. А. *На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914–1918 гг.)*. — Орёл, 1994. С. 38–39.

² Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. Статьи В. П. Семённикова. — М.; Л., Госиздат, 1927. С. 231.

³ Поливанов А. А. *Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. — 13 марта 1916 г.)* // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 156–157.

⁴ Поливанов А. А. *Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. — 13 марта 1916 г.)* // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 158.

⁵ Письмо А. В. Кривошеина Николаю II от 26 октября 1915 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1270. Л. 3–4.

лены в отставку и все члены правительства. Последним был уволен С. Д. Сазонов (июль 1916). Отставка Сазонова произошла в условиях полной секретности. Её причиной стало то, что министр иностранных дел *«слишком усердно принял сторону общественности и Прогрессивного блока»*¹.

Императора Николая II особенно насторожили настойчивые предложения Сазонова даровать Польше конституцию. Он даже представил царю проект такой конституции². Между тем Николай II являлся сторонником административной, но не политической автономии Польши. Вопрос именно об административной автономии был царём решён положительно уже к началу 1916 г. Б. В. Штюмер говорил, что манифест о польской автономии он обнародует *«лишь после вступления русских войск в Царство Польское»*³. Царь считал, что вопрос о польской автономии неуместен, пока Польша находится под германской оккупацией⁴. Однако С. Д. Сазонов продолжал настаивать на немедленной политической автономии Польши.

При своих приездах в ставку Сазонов начал обсуждать необходимость польской автономии с генералом М. В. Алексеевым и Н. А. Базили⁵. Если учесть, что в этот же период шли активные секретные контакты французского посла М. Палеолога с польскими сепаратистами⁶, то линия министра иностранных дел стала представляться царю явно опасной, и отставка Сазонова была предрешена⁷.

В июле 1916 г. новым министром иностранных дел был назначен председатель Совета министров Б. В. Штюмер.

¹ Спиридович А. И. Указ. соч. С. 331.

² Спиридович А. И. Указ. соч. С. 331.

³ Выписки из писем, распоряжений и других документов Николая II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2109. Л. 114.

⁴ Доклад председателя совета министров Штюмера Б. В. Николаю II // ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 47. Л. 10–11.

⁵ Куликов С. Указ. соч. С. 213.

⁶ М.А.Е. РА 133. Maurice Paléologue. Correspondance politique. Vol. 7

⁷ Спиридович А. И. Указ. соч. С. 331.

Военно-экономические отношения России с иностранными государствами в годы войны

«Снарядный голод», охвативший русскую армию весной—летом 1915 г., имел в первую очередь внутренние причины, прежде всего отсутствие артиллерийских парков и недостаточную производительность русских военных заводов по производству снарядов. К тому же военное ведомство не было готово к длительному ведению войны и не сумело обеспечить фронту бесперебойную доставку снарядов в нужном количестве¹.

За четыре дня до начала германского наступления, 14 апреля 1915 г., на петроградском Охтенском заводе взрывчатых веществ произошёл сильный взрыв, которым была снесена половина завода — весь тротилово-снаряжательный отдел. Точная причина взрыва не была установлена, не исключалась диверсия².

Однако нельзя не учитывать и внешнеполитическую причину острой нехватки снарядов для русской артиллерии, а именно то, что западные промышленники постоянно срывали русские военные заказы. Так, в конце 1915 г. русское военное ведомство решило построить пять автомобильных заводов с программой в 7,5 тысячи машин в год. Но все эти заводы не были пущены в ход и даже не были достроены, так как предназначенное для них иностранное оборудование не было прислано союзниками³.

Генерал-майор М. А. Свечин писал: *«На нашу просьбу к французам о заказе снарядов со своих заводов — мы получили отказ. У них не оказалось той жертвенности, которую проявили мы в начале войны не готовыми наступать для помощи союзнику. Лишь в 1916 году французское правительство дало нам разрешение покупать неболь-*

¹ Маниковский А. А. *Боевое снабжение русской армии в мировую войну*. В двух томах. — М.: ГИЗ, 1930. Т. 1. С. 370.

² Михайлов В. С. *Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности*. — М., 2007. С. 278.

³ Миронов Б. Н. *Социальная история России*. — СПб., 1990. С. 621.

шой процент продукции завода в Крезе. Дирекция завода не постеснялась брать с нас непомерно высокие цены»¹.

Ведущую роль в срыве русских военных заказов играли некоторые финансовые и промышленные круги САСШ. Весной 1915 г., когда стало ясно, что война будет долгой и затяжной, во всех европейских армиях, кроме германской, разразился «снарядный голод». Англичане и французы стали закупать снаряды в Америке, для чего им требовались кредиты. Один из ведущих американских финансистов и старый ненавистник России Яков Шифф согласился предоставить эти кредиты, только взяв с правительств Англии и Франции письменное заверение в том, что ни одна копейка не попадет к русским. Такую же политику вел в Федеральной резервной системе САСШ другой финансист, Пол Варбург.

Осенью 1914 г. русское правительство обратилось за военными кредитами к банкирскому дому Морганов, который обещал, что употребит все усилия для расширения русского кредита в Америке. В январе 1915 года русский посол в Вашингтоне Б. А. Бахметьев с удовлетворением доносил в министерство иностранных дел, что Д. Морган согласен произвести учет русских векселей на сумму 25 млн долларов в счет оплаты за вывозимые из САСШ товары. Вскоре, однако, выяснилось, что Морган потребовал присылки партии золота. Правительство России, в лице министра финансов П. Л. Барка, признало такую сделку «мерой нецелесообразной»².

Барку удалось в результате долгих переговоров достичь соглашения о кредитах с британцами. Но англичане выдвинули неприемлемые для России условия, вслед за Морганом потребовав доставки золота. Председатель Совета министров Б. В. Штюрмер докладывал императору Николаю II 30 июня/13 июля 1916 г., что в ходе переговоров с английской стороной пришлось встретиться с большими трудностями. Британское правительство *«решительно отказалось связать себя соглашением на сколько-нибудь*

¹ Свечин М. *Записки старого генерала о былом.* — Ницца, 1964. С. 110.

² Ионичев Н. П. *Внешнеэкономические связи России (IX — начало XX века).* — М.: Аспект-Пресс, 2001. С. 121.

продолжительный период времени, и лишь путём упорных настояний удалось первоначально намеченный английским финансовым ведомством срок договора с 1 января 1917 года отдалить до 1 апреля наступающего года и таким образом достигнуть финансового соглашения на полугодовой срок. В течение этих шести месяцев великобританское правительство обязуется отпускать нам по 25 млн фунтов стерлингов ежемесячно, всего, следовательно, 150 млн фунтов, предоставляя некоторые существенные для нас, по сравнению с условиями предшествующего договора, преимущества и, между прочим, передаёт нам известное количество тяжёлой артиллерии с материальной частью.

Наряду с этим, однако, английское правительство настоятельно требует отпуски нами, хотя и на ссудных основаниях, золота в размере 40 млн фунтов стерлингов. Это условие министр финансов склонен считать чрезмерно для нас отягчительным и угрожающим устойчивости нашего денежного обращения. [...] Поэтому тайный советник Барк выразил согласие на отпуск всего лишь 20 млн фунтов, притом при наступлении безусловной в них для английского казначейства потребности»¹.

Тогдашний английский министр финансов Д. Ллойд-Джордж хотел обеспечить кредит русским золотом, которое требовалось доставить в Англию. Таким образом, Россия должна была покупать вооружение за своё собственное золото (по заниженному курсу), а с неё ещё собирались снимать проценты! Подобная ситуация повторится почти один к одному во время Второй мировой войны с американскими поставками по так называемому ленд-лизу.

Весной 1915 г., то есть накануне германского наступления, русское военное ведомство разместило заказ на 5 млн снарядов в английской компании «Армстронг и Виккерс». Эти заказы должны были обеспечить русскую армию снарядами в летнюю кампанию 1915 г. Первые снаряды должны были поступить в Россию уже в марте 1915 г., но английское правительство распорядилось отдать все снаряды английской армии.

В своих военных мемуарах бывший английский премьер-

¹ ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 148. Л. Л. 10–11.

министр Ллойд-Джордж приводил отчет британского офицера, сделанный в 1915 г., согласно которому фирма «Виккерс» не поставила обещанное вооружение русской армии на весну 1915 г. Оружейная фирма «Виккерс» находилась под руководством Э. Касселя, близкого друга Я. Шиффа¹.

Военный министр Великобритании лорд Китченер порекомендовал русским передать заказ другой фирме. Заказ передали, но результат был тот же. В ноябре 1915 года генерал В. А. Сапожников, посланный проверить, что творится с заказом, доложил, что фирма не в состоянии выполнить ничего².

Оправдывая срывы и опоздания военных поставок, представители союзников ссылались на серьезные недостатки в работе русских портов и железных дорог, а также на несвоевременную оплату поставок. На самом деле англичане пользовались любой объективной задержкой денег для срыва поставок. Так, на заседании правительства выяснялась причина непоставок в Россию металлов из Англии. *«Выяснение причин недостатка белого и красного металлов. Доставка из Англии не более 30% заказанных металлов. Причина — недоставление золотой валюты. Вопрос генералу Фролову, присутствовавшему на соединенном заседании Комитета финансов и Совета министров, на котором выяснилось о направлении в Англию 400 млн фунтов стерлингов, сообщил ли он своему представителю в Лондоне генералу Гермониусу о том, что таким образом замедление доставки заказа устранено?»*³ Генерал Фролов подтвердил, что сообщение об оплате было отправлено председателю русского правительственного комитета в Лондоне генерал-лейтенанту Э. К. Гермониусу заблаговременно.

Другим оправданием союзников срыва поставок была низкая пропускная способность русских железных дорог и несоответствие оборудования морских портов требованиям военного вре-

¹ Bruce H. Brown. *The world's Troublemakers* "Sons of Liberty books", Box 214, Metairie, LA.

² Ткаченко С. Л. *Американский банковский капитал в России в годы Первой мировой войны.* — СПб., 1998.

³ ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–2.

мени. С циничной откровенностью Ллойд-Джордж писал годы спустя: «Если бы мы отправили в Россию половину тех снарядов, которые затем были попусту затрачены в этих плохо задуманных боях, и 1/5 пушек, выпустивших эти снаряды, то не только удалось бы предотвратить русское поражение, но немцы испытали бы отпор... Вместо этого мы предоставили Россию ее судьбе...»¹

Не выполняла свои обязательства перед Россией и союзная Франция. Так, Россия разместила во Франции заказ на 50 самолетов. Несмотря на неоднократные настойчивые требования русских военных представителей, они не доставлялись в Россию. В октябре 1916 года военный министр генерал Д. С. Шуваев предписал военному агенту в Париже графу А. А. Игнатьеву экстренно организовать доставку самолетов, поскольку неполучение их до закрытия навигации, по словам министра, «поставит наши войска в критическое положение»². Французское правительство не нашло парохода для перевозки самолётов. Англичане также отказали в предоставлении транспорта и даже приняли, ввиду опасности со стороны германских субмарин, специальное решение «не выпускать большие судов на Архангельск».

Чтобы разрешить вопрос, летом 1916 г. Николай II направил в Архангельск, через который шли английские и французские грузы, Великого князя Георгия Михайловича для организации бесперебойной работы портовых и железнодорожных служащих. По своём приезде Великий князь 25 июня 1916 г. подготовил для царя доклад, из которого видна тяжёлая ситуация в организации работ. «Железная дорога, — писал Георгий Михайлович, — с задачей справилась, с 19 июня даёт по 475 вагонов, однако ежедневно, по причине непогрузки или неготовности документов, остаётся неотправленными много вагонов. С 10-го по 23 июня не отправлено 759 вагонов; за июнь месяц отправлено платформ с неполной загрузкой по 200—300 пудов 1890. Не хватает рабочей силы, нет должной организации, мало заботливости о личном составе. Так, например,

¹ Ллойд-Джордж Д. Речи, произнесенные во время войны. Воспоминания. Мемуары. — М.: Харвест, 2003.

² Игнатьев А. А. Указ. соч. С. 213.

в одной роте 154 человека босых, с осени не получили 341 комплектов белья»¹.

В 1916 г. русское правительство приступило к строительству новых железнодорожных путей. В течение 1916 г. — начала 1917 г. было сооружено 3150 верст вторых путей, завершено строительство мостов, развито 10 узловых станций. В середине 1916 г. архангельское направление стало пропускать до 300 вагонов в сутки. Сибирское обеспечивало вместо 708 вагонов 829, Донбасс стал давать вместо 2830 вагонов 3900. В целом по стране удалось увеличить число вагонопробегов на 1500 вагонов в день².

Ещё одной причиной, по которой союзники срывали поставки, была острая нехватка незамерзающих портов. Ещё в начале войны Николай II понимал эту опасность. Для приёма кораблей союзников готовился порт Владивостока. Осенью Николай II назначил командующим Приамурским военным округом генерала от артиллерии А. Н. Нищенкова, который пользовался доверием Государя. Назначая генерала Нищенкова, Николай II сказал, что теперь *«он будет спокоен за этот важный теперь округ»³*. Генерал Нищенков вспоминал, что слова царя он понял в полной мере лишь тогда, когда *«закрылись все пути в Россию и после Архангельска осталась только одна дверь, через которую можно было доставлять в Россию боевые припасы, — Владивосток»⁴*.

15 марта 1915 г. в Лондоне лорд А. Китченер во время беседы с Великим князем Михаилом Михайловичем высказывал обеспокоенность тем, что *«на Владивосток идти слишком далеко»*. Поэто-

¹ Донесение великого князя Георгия Михайловича императору Николаю II от 25 июня 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 /доп./ Д. 1834. Л. 85.

² Бескровный Л. Г. *Армия и флот России в начале XX века*. — М.: Наука, 1986. С. 121–124.

³ Письмо генерала А. Н. Нищенкова генералу П. И. Аверьянову от 15 сентября 1926 г. // ГА РФ. Ф. 7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

⁴ Письмо генерала А. Н. Нищенкова генералу П. И. Аверьянову от 15 сентября 1926 г. // ГА РФ. Ф. 7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

му английское правительство заявило о невозможности военных поставок в Россию до наступления оттепели¹.

21 сентября 1916 г. указом императора был основан новый незамерзающий порт за Северным полярным кругом, который получил название Романов-на-Мурмане.

Неудачи русской армии летом 1915 г. резко изменили к худшему отношение западных союзников к России. В марте 1916 г. Палеолог не без злорадства писал: *«Если Россия не выдержит роли союзника до конца, она тогда лишит себя возможности участвовать в плодах нашей победы, тогда она разделит судьбу Центральных держав»*. Французский посол явно забыл, как в 1914 г. он умолял императора Николая II спасти Францию от разгрома и начать Восточно-Прусскую операцию. Не приходило в голову послу и то обстоятельство, что без России Франция вряд ли одолеет Германию. В самый тяжёлый для России момент, когда русская армия, обливаясь кровью, отступала перед превосходящим неприятелем, французы вели тайные переговоры с польскими сепаратистами о возможном отделении Польши от России.

В том же 1916 г. Англия потребовала отдать ей весь русский торговый флот, находящийся в свободных морях, в виде компенсации даже не за поставки, а за прикрытие перевозок британскими крейсерами. Когда Петербург отказался от этого предложения, англичане стали сокращать поставки России.

Во время конференции в Шантильи союзники стали вырабатывать «экономическую программу для России», мало интересуясь, что об этом думает сама Россия. По сути, шли споры о послевоенном разделе русского рынка. Британия, как «главный кредитор», претендовала на львиную долю. Франция навязывала льготные таможенные тарифы для своих товаров.

Однако победоносная весенняя кампания 1916 г., наступление русской армии в Галиции, сокрушительный разгром турок на Кавказе, резкий скачок русской промышленности стали для Запада полной неожиданностью, особенно на фоне собственных неудач.

¹ Великий князь Михаил Михайлович — императору Николаю II. 15 марта 1915 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1302. Л. 51.

Союзникам пришлось внешне изменить своё отношение к России и пойти ей навстречу по многим политическим и экономическим вопросам.

К 1917 г. Россия всё меньше зависела от западных союзников. Полным ходом шло освоение азиатского рынка, активно развивалась торговля с такими странами, как Япония, Китай, Маньчжурия. Из Японии в Россию шли поставки металлов, медикаментов, оружия, амуниции, кожаных изделий. Кожевенная промышленность Японии целиком работала на Россию¹. Уже в 1915 г. военные поставки из Японии порой играли для России большую роль, чем поставки союзников. Так, в 1915 г. Россия получила столь нужных ей тяжёлых орудий: из Франции — 24, из Англии — девять и из Японии — 148. Причём орудия из Франции и Англии были доставлены в Россию только осенью 1915 г., когда кризис на фронте миновал, а японские орудия прибыли летом, в самый разгар отступления русской армии².

Для того чтобы понять все значение военных поставок из Японии, обратимся к секретному докладу Великого князя Георгия Михайловича, который тот подготовил императору Николаю II 16 февраля 1916 г., после своего возвращения из Японии, куда Великий князь ездил по заданию царя. Георгий Михайлович сообщал: «*Что нами заказано: 1) заказано 84 миллиона ружейных патронов в период с окт. 1915 по декабрь 1916; 2) ведутся переговоры о заказе 600 000 винтовок; 3) заказано 1 200 000 3-дюймовых шрапнелей; 4) заказано 63 060 пудов бездымного пороха; [...] 6) заказано 150 000 винтовок; 7) в последнее время испрашивалась уступка нам пушек японской горной артиллерии в количестве 100—200 орудий с полной амуницией, запасными частями и обеспеченными выстрелами от 1000 до 5000 на орудие; 8) уступка нам винтовок теперь же возможно в большом количестве, обязательно с патронами не менее 700 штук на винтовку*»³.

Резко возрос импорт продуктов питания, сырья для пищевой

¹ Ионичев Н. П. Указ. соч. С. 98.

² Емец В. А. Указ. соч. С. 198.

³ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 797. Л. 2—3.

и военной индустрии из Китая. Так, например, транзитные перевозки мясных продуктов из Китая в Сибирь и центральные районы России в период мировой войны выросли почти в 13 раз. Ввоз монгольского рогатого скота увеличился с 66 тысяч голов в довоенные годы до 175 тысяч в 1916 г., одновременно закупалось не менее 100 тысяч овец. Ввозилось в еще большем, чем прежде, количестве также зерно в Сибирь и на Дальний Восток. В годы войны сильно возрос спрос на соевые бобы и соепродукты (масло, жмыхи) из Маньчжурии¹.

Если в 1913 г. доля России в экспорте Японии составляла 1,5%, то в 1916 году — 13,4%. Для Китая соответственно — 11,1 и 12,8; в товарообороте Ирана она поднялась в 1914—1916 гг. с 59,6 до 63,6%. Заметно увеличился удельный вес России в вывозе из Афганистана, в том числе за счёт товаров индийского производства².

Борьба за Болгарию

Болгария жила идеей реванша за проигранную Вторую Балканскую войну и мечтала вернуть утраченные территории, прежде всего Македонию. Поэтому начало Первой мировой войны в Софии было воспринято с надеждой на осуществление этой мечты. Болгарский царь Фердинанд ориентировался больше на Австро-Венгрию и Германию, чем на Россию. В 1913 г. многие болгарские генералы-русифилы были отправлены в отставку или удалены с командных должностей. Одним из первых был уволен знаменитый герой Освободительной войны генерал Р. Радко-Дмитриев, которого Фердинанд отправил посланником в Россию. В скором времени Радко-Дмитриев блестяще проявил себя в рядах русской армии на фронтах Великой Германской войны. С конца 1913 г. начинается перевооружение болгарской армии австрийским и немецким оружием и боеприпасами, в армию привлекают германских офицеров. В своём донесении Сазонову от 14/27 апреля 1914 г. посланник России в Софии А. А. Савинский писал: «Гро-

¹ Ионичев Н. П. Указ. соч. С. 98.

² Ионичев Н. П. Указ. соч.

зит опасность окончательного и безвозвратного закрепления немецкого влияния в Болгарии»¹.

С началом войны Австро-Венгрия стремилась как можно быстрее заключить с Болгарией союз. 18/31 июля 1914 г. Савинский сообщал, что «из румынских источников утверждают о существовании уговора между Болгарией и Австрией, во исполнение которого Австрия и Германия доставили за последние месяцы Болгарии такое количество воинских припасов, что она теперь более подготовлена, чем перед последней войной». Однако Вильгельм II опасался, что слишком большие территориальные дивиденды Болгарии могут подорвать хорошие отношения Германии с Грецией.

Болгария была своеобразным коридором, соединяющим западных союзников и Россию. Кроме того, Болгария являлась центральной державой Балканского полуострова, обладавшей самой сильной армией, поэтому Россия считала привлечение её на сторону Антанты важнейшей задачей. Великий князь Николай Николаевич указывал С. Д. Сазонову «на несомненную желательность привлечения с чисто военной точки зрения заключить при нынешних обстоятельствах военную конвенцию с Болгарией, если только это будет возможно с политической точки зрения»².

В случае своего вступления в войну на стороне Антанты болгарская армия могла бы оттянуть на себя турецкие войска и не позволить Румынии выступить на стороне Германии. Поэтому уже 22 июля/5 августа 1914 г. А. А. Савинский вручил царю Фердинанду приглашение присоединиться к России в войне с общим врагом славянства. Фердинанд принял предложение России внешне благосклонно и даже заявил, что Австро-Венгрия претендует на часть болгарских земель³. Николай II понимал, что Болгария — ключ к балканским проблемам. По распоряжению Государя Сазонов пытался убедить царя Фердинанда присоединиться к Антанте обещаниями больших территориальных приобретений. Фердинанд был

¹ А. А. Савинский — С. Д. Сазонову. 14/27 апреля 1914 г. // МОЭИ. Т. 3. С. 397.

² Емец В. А. Указ. соч. С. 110—111.

³ За Балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 80.

готов рассмотреть русское предложение, но для болгарского царя главной целью было вернуть Македонию и другие земли, отобранные у Болгарии в 1913 г. Сербией, Румынией, Грецией и Турцией. Николай II в разговоре с Палеологом лишь согласился на то, что «Болгария, если будет разумна, получит Македонию». Сазонов убеждал Сербию и Грецию вернуть Болгарии Македонию и Кавалу, обещая возместить им эти уступки другими территориями после победы. Однако Сербия и Греция категорически отменяли любые разговоры об уступках Болгарии. Оценивая такую неуступчивость сербов, русский посол в Константинополе М. Н. Гирс писал С. Д. Сазонову: «Военные действия Сербии за последние три месяца должны были убедить её, что она не сможет сама завоевать земли, на которые распространяет свои вождения. При таких условиях Сербии следовало бы подчиниться пожеланиям, выдвигаемым Россией в славянских интересах, понимаемых в более широком смысле, нежели исключительно с узкой сербской точки зрения. Только жертвами в пользу Болгарии, а не угрозами и не доводя её до отчаяния, можно помешать ей выслушивать предложения турок и австрийцев. [...] Сербия должна была бы понять, что теперь нужно иметь в виду только благополучное окончание европейской войны, и мы вправе требовать от тех, за кого мы сражаемся, соблюдение и наших выгод»¹.

Однако планы Фердинанда шли гораздо дальше, чем просто возвращение утерянного в 1913 г. Идеалом царя была так называемая «Сан-Стефанская» Болгария, то есть государство в границах Сан-Стефанского мирного договора 1878 г. Идея «Великой Болгарии» настолько занимала Фердинанда, что он был готов идти на союз с любой державой, которая гарантировала болгарскому царю осуществление этой мечты. Больше всех, по мнению Фердинанда, на это были способны Германия и Австрия.

Хотя царь Фердинанд и объявил нейтралитет своей страны, симпатии болгарского руководства явно склонялись на сторону Берлина и Вены. Болгарское правительство отказало Петрограду

¹ А. А. Гирс — С. Д. Сазонову. 16/29 октября 1914 г. // МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 436.

пропускать через свою территорию зерно для сербов, в то время как вагоны с грузами из Берлина и Вены свободно следовали через Болгарию в Стамбул.

Между тем весь 1914 г. дипломатия Антанты, прежде всего русская, постоянно соблазняла царя Фердинанда всё более заманчивыми предложениями. Фердинанд же в свою очередь каждый раз всё увеличивал свои требования. Дело дошло до того, что Николай II 25 октября/7 ноября 1914 г. указал: *«Довольно обещаний Болгарии»*¹.

Русский посланник в Софии Савинский предлагал разрешить Болгарии занять *«сейчас же в виде залога доварадарскую часть Македонии, но обусловить это активным выступлением её в помощь Сербам против Австрии или против Турции»*. Против этого предложения резко выступил В. Н. Штрэндтман, который писал: *«Кто же остановит болгарскую оккупацию на берегах Вардара и помешает болгарским войскам расширить свои действия, при весьма вероятных попытках со стороны сербов к сопротивлению?»* Штрэндтман указывал, что глава болгарского правительства, известный недоброжелатель России В.-Х. Радославов, не преминёт при этом заявить, что болгарская оккупация одобрена Россией. *«Санционирование же нами болгарского захвата, — продолжал Штрэндтман, — означало бы полное крушение русского дела на Балканах»*. Мнение Штрэндтмана было поддержано Николаем II, который 6/19 ноября 1914 г. на его донесении написал: *«Не могу не разделять взгляда, изложенного здесь»*².

В 1915 г., после того как необходимость в Босфорской операции вышла в разряд первоочередных задач, значение Болгарии для союзников ещё больше возросло. Русскому командованию было важно использовать в качестве плацдарма болгарский город Бургас. Он был единственным портом вблизи Босфора, где можно было высадить крупный десантный отряд³. Болгария за предоставление русским Бургаса требовала передачу ей Македонии.

¹ МОЭИ. Т. 6. Ч. 2. С. 7.

² МОЭИ. Т. 6. Ч. 2. С. 88.

³ Бубнов А. *В царской ставке*. — М.: Вече, 2008. С.190.

15/28 июля 1915 г. английский посол Дж. Бьюкенен передал Николаю II телеграмму короля Георга V, в которой тот просил Государя, ввиду крайней важности для союзников выступления Болгарии, побудить сербов к уступкам в области Македонии. Для этого король Георг просил Николая II лично обратиться к сербскому принцу-регенту Александру. Царь ответил королю, что он не возражает против этого шага, но считает, что подобные послания должны направить главы всех союзных государств¹.

«Сердечно благодарю за Твою телеграмму, — писал Николай II Георгу V. — Я вполне осознаю необходимость болгарского содействия. Но я не уверен в том, что моё послание принцу-регенту Сербскому будет иметь какой-либо результат. Поэтому я предлагаю, чтобы Ты, итальянский король, президент Французской республики и я обратились к нему с таким посланием одновременно»².

Английское правительство согласилось с доводами Николая II. 17/30 июля 1915 г. от имени английского и итальянского монархов и французского президента сербскому престолонаследнику была направлена телеграмма, в которой от Сербии требовалось принесение жертвы, а именно — передачи Македонии Болгарии. В таком же духе была выдержана телеграмма королевичу Александру, посланная Николаем II 18/31 июля 1915 г. В ней говорилось: *«Война, перед которой ни я, ни мои союзники не отступили для спасения достоинства и независимости Сербии, достигла момента, когда от всех нас требуются величайшие жертвы, дабы закончить её в короткий срок решительной победой над врагом. Лишь поражение Германии и Австро-Венгрии может обеспечить Сербии будущее, достойное подвигов, совершённых в течение года её народом и армией. Только это поражение может ей позволить проложить себе дорогу к морю и освободить славянские народы, стонущие под игом работодателя. Победа над обеими Центральными империями может быть одержана в ближайшее время лишь при условии присоединения*

¹ Поденная запись Министерства иностранных дел. 15/28 июля 1915 г. // МОЭИ. Т. 8. Ч. 1. С. 501–502.

² Император Николай II — королю Георгу V. 15/28 июля 1915 г. // МОЭИ. Т. 8. Ч. 1. С. 516.

новых участников, которые увеличат нынешние силы союзников. Я обращаюсь поэтому с призывом к Вашему Королевскому Высочеству, к мудрости и к духу самопожертвования сербского народа в надежде, что Сербия согласится на принесение жертв, которые союзники считают необходимыми в целях обеспечения содействия других государств»¹.

В ответ на просьбы союзников Сербия категорически отказалась против уступки Македонии. Н. Пашич с укором сказал русскому посланнику в Софии: *«Австро-Венгрия покушалась на независимость Сербии, а союзники делят её территорию»*. Позиция сербского союзника *«глубоко опечалила и поразила Государя, заступничеству коего Сербия была обязана всем, и Государь теперь искал возможности обойтись без Бургоса для решения Босфорского вопроса»².*

Этим фактическим провалом союзников убедить Сербию согласиться на передачу Македонии Болгарии не преминул воспользоваться противник. Немцы не без оснований убеждали Фердинанда в отсутствии согласованности и слаженности действий Антанты, в её неспособности решить болгарские территориальные задачи.

Одновременно Берлин начал активный подкуп высших должностных лиц Болгарии, предоставив им лично большие кредиты. Кроме того, Германия оказала давление на Турцию, убедив её пойти навстречу Болгарии в предоставлении ей части Восточной Фракии, о чём между Османской империей и Болгарией произошёл обмен нотами. 28 июля/10 августа 1915 г. германское правительство специальной нотой известило болгарское правительство о предоставлении кредитов Болгарии на сумму в 250 млн левов при условии присоединения Болгарии к совместным военным акциям³.

В то же время представители Антанты безуспешно пытались убедить сербского премьер-министра Н. Пашича пойти на уступки Болгарии в обмен на компенсацию за счёт югославянских зе-

¹ Император Николай II — принцу-регенту Александру Сербскому. 18/31 июля 1915 г. // МОЭИ. Т. 8. Ч. 1. С. 433.

² Бубнов А. Указ. соч. С. 190.

³ За Балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 186.

мель Австро-Венгрии. Несмотря на отказ Сербии идти на уступки, 21 июля/3 августа 1915 г. посланники России, Франции, Англии и Италии передали главе болгарского правительства Радославу ноту, в которой союзные правительства гарантировали Болгарии «обладание бесспорной зоной» в Македонии (с параллельной компенсации Сербии), занятие Болгарией территории к западу от Энез-Мидие в случае выступления её против Турции, обещали рекомендовать правительству Греции уступить Болгарии город Кавалу¹.

Неудачи русской армии лета 1915 г. в Польше, Галиции и Литве, поражение итальянской армии от австро-венгров, провал Дарданельской операции союзников склоняли царя Фердинанда присоединиться к германским империям. Последней каплей стало парафирование 21 августа/3 сентября 1915 г. болгарско-турецкого соглашения об исправлении границы. Болгария получала небольшую часть Западной Фракии.

24 августа/6 сентября 1915 г. в Софии был в полной тайне подписан договор о дружбе и союзе между Болгарией и Германией. Рейх «гарантировал» целостность Болгарии, а последняя обязалась вступить в войну против Антанты. Между тем её представители, ничего не зная о состоявшемся пакте, продолжали соблазнять Болгарию новыми предложениями.

С началом болгарской мобилизации против Сербии С. Д. Сазонов 14 сентября 1915 г. направил Николаю II телеграмму, в которой писал: *«Ввиду выяснившегося направления болгарской мобилизации против Сербии, мною сего числа предложено французскому, великобританскому и итальянскому правительствам потребовать от болгарского правительства, во имя дружеских чувств держав Согласия к Болгарии, отменить в 24-часовой срок указ о мобилизации или же заявить о своей готовности выступить с ними против Турции. В случае отрицательного ответа болгарского правительства державы прервали бы с ним дипломатические сношения»*².

¹ За Балканскими фронтами Первой мировой войны. С. 32.

² Телеграмма С. Д. Сазонова императору Николаю II // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 79.

Продолжающаяся мобилизация болгарской армии заставила Николая II направить Сазонову следующую телеграмму: «С крайним прискорбием уполномочиваю Вас отозвать из Болгарии посланника с миссией и консульством»¹. Возмущение Болгарией в русских правящих кругах и обществе было большое. Великий князь Михаил Михайлович в письме к Николаю II гневно называл болгарского царя Фердинанда «мерзавцем» и надеялся, что в Болгарии «начнётся революция, и Фердинанда выгонят»².

22 сентября/5 октября 1915 г. австро-германские войска начали вторжение в Сербию. Через десять дней к ним с востока присоединилась болгарская армия. Болгария вступила в войну на стороне германских империй. Дипломатия Антанты потерпела поражение. 7/20 октября 1915 г. было обнародовано «Сообщение Правительства России». В нём говорилось: «В тот роковой час, когда злосчастная Болгария поднимает свой меч против возродившей её России и становится под немецкие и турецкие знамена, русский народ отдаёт на суд истории имя того, кто является истинным виновником этой беспримерной измены». Фердинанд Кобургский, говорилось далее, «остался болгарским князем только по имени. Вся его внутренняя политика подготавливала пути к установлению в стране германского влияния... [...] Целый год союзники старались вырвать злосчастный болгарский народ из цепких рук поработившего его немца. Болгарии предоставлялась возможность вернуть утраченные земли и покрыть себя новой славой в общей борьбе против германского варвара: с болью в сердце доблестная Сербия приносила на алтарь единения тяжёлые жертвы. Но король Фердинанд остался глух ко всяким увещаниям. В чудовищном для Болгарии союзе с турками и немцами он отверг все предложения, клонившиеся к благу доверившей ему свои судьбы страны, и пошел войною на Сербию и её союзников. В течение почти тридцати лет Кобургский принц стоял между Россией и Болгарией. В течение этого времени Россия не перестава-

¹ Телеграмма императора Николая II С. Д. Сазонову // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 84.

² Великий князь Михаил Михайлович — императору Николаю II. 15 марта 1915 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1302. Л. 40.

да надеяться на просветление близкого ей народа. И ныне, когда Болгария приносится в жертву германскому коварству, Россия всё ещё не утратила надежды, что рука верных своим историческим заветам болгар не подымет на сыновей русских воинов, лежавших костями за Болгарию»¹.

Военно-дипломатическая поддержка России союзников. Помощь Сербии

Россия начала оказывать помощь Сербии сразу после нападения на неё Австро-Венгрии. 19/1 августа 1914 г. император Николай II своим указом создал для оказания военной помощи Сербии «Экспедицию особого назначения» во главе с капитаном 1 ранга М. М. Весёлкиным. В состав экспедиции входили: отряд боевых и транспортных судов, отряд заграждений, инженерный отряд и даже одна подводная лодка².

В Сербию было доставлено два шестидюймовых орудия с 1 тыс. снарядов и 1300 тыс. снарядов для полевой артиллерии. Кроме того, на баржах находились 753 лошади и большое количество материала для постройки понтонных мостов³.

8 октября экспедиция благополучно достигла пункта назначения. Однако уже в конце октября принц-регент Сербский Александр Карагеоргиевич писал Николаю II об острой нехватке боеприпасов и оружия: *«Если мы в ближайшее время не получим снарядов для легкой и тяжелой артиллерии, то разразится неминуемая катастрофа для всей нашей армии, и Сербия испытает разгром. Я прошу и умоляю Его Величество Императора приказать, чтобы обещанные снаряды были нам высланы без малейшего промедления»*. Повторный караван Весёлкина прибыл на Дунай 11 ноября.

Осенью 1915 г. резко осложнилась обстановка в Сербии, которая подверглась нападению сразу трёх армий: германской, австро-

¹ Международная политика. С. 36–37.

² Игнатьев А.В. Последний царь и внешняя политика: Николай II // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 11.

³ Игнатьев А.В. Последний царь и внешняя политика. С. 12.

венгерской и болгарской под общим командованием германского генерала А. фон Макензена. Против двенадцати сербских дивизий действовало двадцать дивизий её противников: австро-венгров, немцев и болгар. Но российская помощь Сербии и Черногории не прекращалась и в эти тяжёлые дни. Россия поставляла боеприпасы, порох и 6- и 9-дюймовые снаряды. Российские поставки существенно поддерживали сербскую обороноспособность. В Сербию было доставлено 1 млн 131 тыс. винтовок, 93 млн патронов, шесть радиостанций, 50 тыс. полушубков и другое военное имущество, медикаменты, фураж и продовольствие.

Вторжение в Сербию крупных сил противника поставило страну на грань военного поражения. Сербская армия, под командованием короля Петра I, кронпринца Александра и воеводы Р. Путника, под натиском превосходящего противника отступала. 23 сентября/6 октября австрийская артиллерия подвергла Белград жесточайшему обстрелу, в результате которого погибли 5 тыс. человек. Помимо сербского мирного населения и военнослужащих от австрийского огня погибли 163 русских офицеров и солдат из 11 морских батарей, которых Россия послала на помощь Сербии ещё с началом войны¹.

26/9 октября фельдмаршал Макензен переправился через Дунай и после упорного сражения, в котором немцы потеряли 10 тыс. убитыми и ранеными, взял сербскую столицу. Королевская армия была вынуждена отступить с сербской территории. Россия оказать помощь сербскому союзнику не могла, так как находилась в тяжёлом положении после кровавого лета 1915 г.

18 ноября/1 декабря 1915 г. С. Д. Сазонов послал телеграмму посланнику России в Сербии князю А. А. Трубецкому, которая не имеет аналогов в мире: *«Считая необходимым, чтобы Представитель России разделил участь сербского правительства, прошу Вас не покидать последнего и оставаться всё время при нём. Сазонов»*².

20 ноября/3 декабря 1915 г. царь направил верховному главно-

¹ Тимофеев А. Ю. *Русские в Сербии...* С. 43.

² С. Д. Сазонов — А. А. Трубецкому. 18 ноября 1915 г. // АВП РИ. Ф. 151. Политархив. 1915. Л. 75.

командующему сербской армией, наследному принцу Александру телеграмму, в которой выражал своё *искреннее восхищение перед искусством, с которым под Вашим водительством* сербская армия совершила отход, *отражая нападения численно превосходящих её врагов*¹.

23 ноября/6 декабря 1915 г. Николай II поручил своему представителю в Военном совете союзных армий генералу от инфантерии Ф. Ф. Палицыну довести до союзников на совещании в Шатиньи своё твёрдое желание продолжать оказывать сербам всестороннюю военную помощь. В результате на совещании было принято общее решение, что *сербская армия в возможно скором времени будет перевезена в Салоники*, где сохранялось союзное военное присутствие². Однако в резолюции совещания по настоянию англо-французского командования было отмечено, что экспедиционный корпус союзников возле Салоник не получит никакого подкрепления, кроме восстановленной сербской армии³.

Отказываясь от дополнительной помощи сербам, союзники предлагали России направить в Салоники воинские части. Николай II согласился послать в Салоники на помощь сербам одну русскую бригаду, специально для этого сформированную⁴. В своей телеграмме генералу Алексееву от 29 октября 1915 г. Николай II писал, что он дал своё согласие на отправку через Архангельск для помощи Сербии сводной русской бригады, в состав которой *«мог бы войти стрелковый полк офицерской стрелковой школы и затем морской батальон, стоявший в Керчи»*⁵.

¹ Телеграмма императора Николая II принцу Александру // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 /доп./ Д. 1829. Л. 90.

² Наступление Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 г.: Сборник документов. — М., 1940. С. 44.

³ Наступление Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 г. С. 44.

⁴ Чиняков М. К. *Русские войска во Франции (1916–1918)*. — М.: Рейтер, 1997. С. 12.

⁵ Телеграмма императора Николая II генералу М. В. Алексееву // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1826. Л. 13.

22 сентября/5 октября 1915 г. англо-французские соединения под общим командованием дивизионного генерала М. Саррайля численностью в 20 тыс. человек высадились в г. Салоники. Как пишет французский историк П. Галланд, «Саррайль пытался установить взаимодействие с сербами»¹. Это «взаимодействие» Саррайль искал до тех пор, пока сербская армия не потерпела полное поражение. Никаких попыток наступления союзники не предпринимали, среди союзного командования стало набирать силу стремление вообще вывести из Салоник свои войска. Возмущённый генерал М. В. Алексеев подал Николаю II записку, в которой высказывал необходимость воздействия на Англию и Францию с целью заставить их принять меры к спасению сербской армии².

29 декабря 1915/11 января 1916 г. Николай II написал на сообщении Сазонова о критическом положении сербской армии: «Нужно всячески подталкивать союзников помочь Сербии»³. На советования французских представителей о том, что слишком дорого и невыгодно помогать обессилевшим и неспособным к продолжению войны сербам, Николай II ответил: «Я плачу за все расходы сербов»⁴.

3/16 января 1916 г. Государь приказал Сазонову «самым энергичным образом указать союзникам, особенно Италии, на необходимость во что бы то ни стало спасти все части сербской армии»⁵. 6/19 января Николай II направил письма президенту Франции Р. Пуанкаре и королю Великобритании Георгу V. В них царь призывал помочь Сербии. «Надо срочно спасти эту доблестную армию, — подчёркивал Государь, — которая, я не сомневаюсь, явится нам позднее большой подмогой в общем деле. Если Франция и Англия нашли бы средство обеспечить безопасность перевозки в срочном по-

¹ Galland (P.) *Histoire de la Grande Guerre*. — Paris, 1974. P. 79.

² Записка генерала М. В. Алексеева императору Николаю II о необходимости воздействия на Англию и Францию // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 652. Л. 1.

³ АВП РИ. Ф. 151. Политархив. 1916. Л. 44.

⁴ Тимофеев А. Ю. *Русские в Сербии...* С. 44.

⁵ МОЭИ. Т. 10. С. 2.

рядке сербской армии на остров Корфу, их усилия послужили бы прекрасной и благородной цели»¹.

Ответы, полученные Николаем II от французского президента и английского короля, были самые благожелательные. «Я вполне согласен с Тобой, — писал Георг V, — что надо принять все возможные меры для быстрой перевозки сербских войск на Корфу. Надо приложить все усилия для этого, и я верю, что предпринимаемые ныне шаги будут успешны».

В письме Пуанкаре говорилось, что «правительство Республики, не колеблясь, сделало всё, что от неё зависит, чтобы ускорить эвакуацию и перевозку доблестной сербской армии. Таким образом, мы пошли навстречу пожеланиям Вашего Величества и счастливы тем, что, отвечая глубоким чувствам дружественной и союзной нам России, мы могли послужить общему делу».

В январе—феврале 1916 г. усилиями французского, английского и итальянского правительств 140-тысячная сербская армия была вывезена на остров Корфу и в Тунис. 1/14 февраля 1916 г. император Николай II телеграфировал президенту Р. Пуанкаре: «Я только что получил сведения, что сербская армия находится вне всякой опасности благодаря усилиям французского правительства. Чувствую необходимость, господин Президент, послать Вам самые горячие поздравления в связи с помощью, великодушно оказанной Францией нашим доблестным союзникам, подвергшимся столь жестоким испытаниям во время их героической борьбы против общего врага»².

В ответной телеграмме Пуанкаре заявил, что «Франция гордится тем, что при её содействии полностью были сохранены доблестные войска, которые на короткое время вынуждены были отступить перед численно превосходящими силами и которые вместе с союзниками будут бороться за освобождение своей родины».

9/22 февраля Николай II выразил благодарность за спасение сербской армии и итальянскому королю Виктору-Эммануилу:

¹ МОЭИ. Т. 10. С. 12.

² Император Николай II — президенту Р. Пуанкаре. 1/14 февраля 1916 г. // МОЭИ. Т. 10. С. 196.

«Крайне тронут поздравлениями Вашего Величества по поводу взятия Эрзерума. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить за помощь, оказанную Италией вместе с Францией и Англией в деле эвакуации из Албании на Корфу наших доблестных союзников сербов»¹.

19 февраля/3 марта 1916 г., когда части сербской армии, покинувшие территорию Сербии, прибыли на остров Корфу, принц Александр направил Николаю II телеграмму, в которой ещё раз выразил глубокую благодарность России за оказанную Сербии помощь. Перевезённая на Корфу сербская армия, говорилось в телеграмме королевича, *«укомплектованная, реорганизованная и вооружённая, не замедлит занять место среди своих товарищей и союзников для защиты права народов на существование и для отвоевания свободы своего Отечества»*. Николай II не замедлил ответить принцу Александру 21 февраля/5 марта, сообщив, что он с удовлетворением узнал о перевозке сербской армии на Корфу и выразив убеждение, что после отдыха *«они вскоре примут участие в борьбе союзнических армий против врага»².*

Французское командование очень торопило русское с формированием бригады. Такая торопливость объяснялась тем, что французы вели настойчивые переговоры с Румынией о вступлении последней в войну на стороне Антанты. Румыния одним из условий своего вступления ставила наступление союзников из района Салоников. В конце апреля 1916 г. дивизионный генерал П. По высказал это пожелание на аудиенции у Николая II. Царь ответил, что *«формирование бригады идёт своим чередом; уточнить же срок готовности частей едва ли возможно, дабы излишне не стеснять работы военного министерства»³.*

3 июля 1916 г. бригада была сформирована и отплыла на девяти французских и английских пароходах. Пароходы шли без всякой охраны, хотя их должны были сопровождать английские военные корабли. Начальник 2-й Особой бригады генерал-лейтенант

¹ Император Николай II — королю Виктору-Эммануилу. 9/22 февраля 1916 г. // МОЭИ. Т. 10. С. 249.

² МОЭИ. Т. 10. С. 300.

³ Данилов Ю. Н. Указ. соч. С. 34.

М. К. Дитерихс даже назвал англичан «большими свиньями»¹. 16 июля корабли прибыли в Марсель, а 5 августа — в Салоники. Русская дивизия немедленно вступила в бой с противником. За всё время в боях на Салоникском фронте дивизия понесла убитыми и ранеными 6 тыс. человек².

Посылка экспедиционного корпуса во Францию

В период верховного командования императора Николая II в России был сформирован и направлен во Францию экспедиционный корпус. Николай II всегда был противником отправки русских войск за границу. Так, когда в августе 1914 г. Дж. Бьюкенен решил прозондировать почву у С. Д. Сазонова на предмет посылки на Западный фронт трех-четырёх корпусов, то ему было передано отрицательное отношение императора по этому вопросу³. В ноябре 1915 г. французский военный атташе в Петрограде генерал Ла Гиш попытался добиться от царя обещания отправить русские войска на Балканы. Однако Николай II вновь ответил отказом⁴.

8 октября 1915 г. (во время Дарданелльской операции союзников) Государь приказал генералу Алексееву отправить в район проливов «новый отряд в составе одной стрелковой бригады с горным артиллерийским дивизионом и казачьей сотней» через Архангельск в течение шести недель⁵. Очевидно, что Николай II стремился направить русскую вооружённую силу в тот регион, который должен был перейти России и который явно не очень стремились отдавать союзники. Отряд не был отправлен по «техническим причинам», которые, скорее всего, были лишь предлогом со стороны союзников.

¹ Дитерихс М. К. *Записки по пути следования во Францию* // Генерал Дитерихс. — М.: Посев, 2004. С. 142.

² Тимофеев А. Ю. *Русские в Сербии...* С. 43.

³ Пуанкаре Р. *На службе Франции. 1914—1915*. Т. 1. М.; Минск. 2002. С. 180.

⁴ Чиняков М. К. Указ. соч. С. 40.

⁵ Чиняков М. К. Указ. соч. С. 40.

В декабре 1915 г. союзники решили вернуться к вопросу отправки русских частей на Западный фронт. Во время посещения России французской делегацией сенатора П. Думера последний обратился к русскому правительству с просьбой послать на Западный фронт 300 тыс. солдат на правах колониальных войск, под командованием французских офицеров. Генерал Ю. Н. Данилов отмечал, что этому плану «во французской главной квартире не сочувствовали, считая его и с моральной стороны мало пригодным»¹. Князь Н. А. Кудашев писал Сазонову 1 декабря 1915 г., что цель приезда Думера в Петроград заключается в том, чтобы «получить согласие Государя Императора и его начальника штаба на посылку русских солдат во Францию»². Русское военное ведомство отказало Думеру в его просьбах, сославшись на большие потери русской армии³. 7 декабря 1915 г. Думер был принят Николаем II. Царь сказал, что Россия готова помочь Франции, но не в таком количестве и не на таких условиях (18 декабря военный министр Поливанов писал, что Государь признал «цифру в 300 000 для нас неприемлемой»)⁴.

13 декабря Думер прибыл в Ставку. Николай II ограничился приглашением Думера к высочайшему завтраку, после чего направил его к генералу Алексеву, высказавшему ту же позицию, что и царь: принципиально согласны, но в других масштабах и на других условиях.

Николай II отдал приказ об организации 1-й Особой пехотной бригады для отправки во Францию под русским командованием. 22 декабря 1915 г. Сазонов официально заявил об этом решении Палеологу⁵. Решение императора вызвало в Париже сильное раздражение. Там почему-то были уверены, что Россия отправит во Францию 400 тыс. человек.

¹ Данилов Ю. Н., генерал от инфантерии. *Русские отряды на французском и македонском фронтах*. — Париж, 1933. С. 23.

² Ставка и министерство иностранных дел // Красный архив. Исторический журнал. Т. 1 (26). — М.; Л., 1928. С. 18.

³ Данилов Ю. Н. Указ. соч. С. 24.

⁴ Чиняков М. К. Указ. соч. С. 44.

⁵ Пуанкаре Р. Указ. соч. Т. 2. С. 268.

Командующим бригадой был назначен генерал-майор Н. А. Лохвицкий. 1-я Особая бригада была отправлена во Францию через Дальний Восток и 20 апреля 1916 г. прибыла в Марсель, где была встречена с восторженным воодушевлением¹. Русские войска приняли активное участие в боевых действиях на Западном фронте под командованием своих офицеров как русские войска, в своей национальной форме, со своими знамёнами.

Оказание военной помощи Франции и Италии

21 февраля 1916 г. германские войска начали штурм французской твердыни у г. Вердена. Положение французской армии было тяжёлым. 12 марта в Шантильи на общесоюзном совещании было принято решение предпринять в 1916 г. общее наступление «в возможно скором времени». Точный срок начала этого наступления было решено установить соглашением между главнокомандующими².

2/15 апреля 1916 г. главнокомандующий союзных армий на Западном фронте генерал Ж. Жоффр направил начальнику французской военной миссии в России генерал П. По телеграмму, в которой приказывал известить русское командование, что, «если наступление против Вердена продолжится, я просил бы наших русских союзников, согласно принятым на совещаниях в Шантильи решениям, перейти в наступление всеми свободными силами, как только климатические условия это позволят»³.

Безусловно, мужественная оборона Вердена играла выдающуюся роль в общесоюзном деле. Николай II поручил Алексееву передать генералу М. Бальфурье и его особо отличившемуся 20-му «Железному корпусу» «чувство моего глубокого удовлетворения и уважения по поводу деятельности в сражении у Вердена»⁴.

¹ Данилов Ю. Н. Указ. соч. С. 49–50.

² Наступление Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 г. С. 43–44.

³ Ветошников Л. В. Брусилловский прорыв: Оперативно-стратегический очерк. — М., 1940. С. 111.

⁴ Телеграмма Николая II М. В. Алексееву // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. /доп./ Д. 1834. Л. 277.

В мае помощи у России попросила и Италия, вступившая в Мировую войну на стороне Антанты ещё весной 1915 г., но так и не добившаяся никаких успехов. 2/15 мая австро-венгерская армия начала мощное наступление на итальянском фронте, продвинувшись в глубь Италии на 60–100 км. Главнокомандующий итальянской армии генерал Л. Кадорна обратился к генералу Жоффри с тем, чтобы он убедил русское командование начать ранее намеченного срока наступление в Галиции. По этому поводу генерал М. В. Алексеев докладывал Николаю II, что начиная с 10 мая итальянские военные представители в Петрограде начали настойчиво обращаться к русскому командованию с просьбами, *«по своему тону близкими к требованиям»*, о *«немедленном наступлении нашей армии»*¹.

Общий план наступления был утверждён на совещании под председательством императора 1 апреля и предусматривал начало наступления в конце мая — начале июня. По этому поводу Алексеев писал царю: *«Выполнение немедленной атаки, согласно настояниям итальянской главной квартиры, неподготовленное и при не устранённой нашей бедности в снарядах тяжёлой артиллерии, производимое во имя отвлечения внимания и сил австрийцев от итальянской армии, не обещает успеха. Такое действие приведёт только к расстройству нашего плана во всём его объёме»*². Генерал счёл нужным предупредить главнокомандующих фронтами, чтобы они были готовы к проведению артподготовки ранее намеченного срока³.

Между тем призывы Италии к России о помощи пошли уже с самого высокого уровня. 16 мая министр иностранных дел сообщил в Ставку, что итальянский король обратился с личной телеграммой к императору Николаю II, *«прося ускорить переход в*

¹ Доклад генерала М. В. Алексеева императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д.655. Л. 2.

² Доклад генерала М. В. Алексеева императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д.655. Л. 4.

³ Доклад генерала М. В. Алексеева императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д.655. Л. 4.

наступление армий Юго-Западного фронта»¹. Политические последствия поражения Италии и возможного выхода её из войны могли быть тяжёлыми, так как Австро-Венгрия и Германия получили бы возможность перебросить свои войска с итальянской границы в Россию или под Верден. Николай II отдал генералу Алексееву приказ об ускорении артиллерийской подготовки Юго-Западного фронта 19 мая, «если ход событий на итальянском фронте потребует этого»².

На рассвете 22 мая 1916 г. мощная канонада возвестила о начале русского наступления на Юго-западном фронте, вошедшего в историю как Луцкий или Брусиловский прорыв. Наступление стало полной неожиданностью для противника. Мощная его оборона была прорвана. Русские овладели Буковиной, частью Южной Галиции, достигли горных хребтов Карпат³. Тактические результаты наступления были огромны: противник потерял свыше 1,5 млн человек убитыми и ранеными, 272 тыс. пленными, 312 артиллерийских орудий, 1795 пулеметов, 448 минометов, от противника была очищена территория в 2000 кв. км⁴. Таких результатов не достигала ни одна наступательная операция союзников за весь ход войны.

Победоносная весенняя кампания 1916 г. — наступление русской армии в Галиции, разгром турок на Кавказе, большой скачок русской промышленности стали для Запада неожиданностью. На словах союзные командования спешили выразить своё восхищение победами русской армии. «*Вся французская армия ликует по поводу победы доблестной русской армии*», — писал 29 мая 1916 г. в своей телеграмме Брусилову французский главнокомандующий Ж. Жоффри⁵. Ему вторил английский посол Дж. Бьюкенен: «*При-*

¹ Телеграмма генерала М. В. Алексева императору Николаю II // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 /доп./ Д. 1834. Л. 104.

² Телеграмма императора Николая II генералу М. В. Алексееву // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 /доп./ Д. 1834. Л. 103.

³ Керсновский А. А. Указ. соч. Т. 4. С. 41.

⁴ Керсновский А. А. Указ. соч. С. 54.

⁵ Телеграмма генерала Ж. Жоффра генералу А. А. Брусилову от 29 мая 1916 г. // ГА РФ. Ф. Р-5972. Оп. 3. Д. 98.

мите моё глубокое почтение и чувства самого глубокого восхищения блестящими победами, совершёнными над врагами доблестной русской армией»¹.

Однако на деле победы России вызывали у союзников не только чувства радости. Успехи русской армии проходили на фоне неудач союзников: попытка союзного десанта в Дарданеллах провалилась, под Верденом и на Сомме шли бои с неясным исходом, вступившая в войну Италия потерпела поражение от австрийцев, английский экспедиционный корпус был истреблён в Ираке. Во Франции всё больше чувствовались последствия тяжёлого демографического кризиса начала XX в. Китченер в частной беседе с Великим князем Михаилом Михайловичем с сожалением констатировал, что *«у французов совсем более резервов нет»².*

Вступление в войну Румынии на стороне Антанты

Отношение союзников по Антанте к вступлению Румынии в войну несколько раз кардинально менялось. Причём, как и в случае с Болгарией, между союзниками не было единства по этому вопросу. В самом начале Англия и Франция горячо убеждали румынского короля Карла I скорее вступить в войну против Германии и Австро-Венгрии. Желание союзников видеть Румынию в своих рядах было настолько сильным, что в октябре 1914 г. они предложили Николаю II согласиться *«на незначительные исправления в Бессарабии»* в пользу Румынского королевства³. В свою очередь сама Румыния просила Россию вернуть ей несколько уездов в Бессарабии. Эти уезды в 1878 г. по итогам Освободительной войны были включены императором Александром II в состав импе-

¹ Телеграмма Дж. Бьюкенена генералу А. А. Брусилову от 29 мая 1915 г. (на франц. языке) // ГА РФ. Ф. Р-5972. Оп. 3. Д. 98.

² Великий князь Михаил Михайлович — императору Николаю II. 15 марта 1915 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1302. Л. 51.

³ А. К. Бенкендорф — С. Д. Сазонову. 17/30 октября 1914 г. // МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 444—445.

рии. Однако Николай II категорически отказался выполнять эти просьбы. 6/19 сентября 1914 г. царь написал: «Я против уступки Румынии хотя бы клочка русской земли»¹.

Николай II полагал, что вступление Румынии в войну было важным в самом её начале, когда она могла оказать действенную помощь Сербии. 31 августа/13 сентября 1914 г. Николай II отмечал, что «сейчас активное участие Румынии в войне нам менее нужно, нежели оно было в начале войны»².

Осенью 1914 г., когда австро-венгры теснили со всех сторон сербов и, по словам русского военного агента в Сербии В. А. Артамонова, «катастрофа была неминуема», Николай II снова высказался за скорейшее вступление Румынии в войну. Государь указывал Сазонову 20 ноября/3 декабря 1914 г.: «Нужно во что бы то ни стало добиться немедленного начала выступления Румынии. Следовало бы пригрозить ей, что иначе не получит Трансильванию»³.

Царь считал нужным участие Румынии в войне ещё и потому, что опасался, как бы выжидательный нейтралитет Бухареста не привёл его в железные объятия Германии. Николай II сказал о Румынии: «Мы её, конечно, насиловать не будем, но Германия, несомненно, это сделает»⁴.

27 сентября/10 октября 1914 г. царь получил от наследного принца Фердинанда, только что ставшего новым королём Румынии, известие о кончине короля Карла. Николай II в телеграмме соболезнования указал и на необходимость совместных действий Румынии с Россией и её союзниками⁵.

Но к этому времени Англия и Франция также изменили своё отношение к участию в войне Румынии, только в противоположную сторону. Теперь союзники требовали от неё сохранять нейтралитет, который, по их мнению, заставлял Болгарию вести бо-

¹ Резолюция императора Николая II на депеше посла // МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 444.

² МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 259.

³ МОЭИ. Т. 6. Ч. 2. С. 141.

⁴ МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 385.

⁵ МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 385.

лее миролюбивую политику. На самом деле позиция Англии и Франции объяснялась их опасением, что если Румыния вступит в войну, то это ещё в большей степени переключит внимание русского командования к австрийскому фронту. Союзники боялись, что новая победа русских над австрийцами может сильно остудить желание России воевать с Германией. Для России же значение румынского фактора было важно только в качестве помощи сербской армии. После того как в 1914 г. сербам удалось, благодаря личному мужеству и победе русских войск в Галиции, отбить наступление противника, выступление Румынии, по словам того же Артамонова, перестало иметь смысл как для сербов, так и для России.

В Бухаресте больше склонялись к союзу с Антантой, но и приглашение с германскими империями не исключалось. Поэтому там решили подождать до полного выяснения ситуации. 1 октября 1914 г. Румыния заключила с Россией договор о «доброжелательном нейтралитете». Россия в ответ признавала территориальную целостность Румынии и право присоединить к себе территории Австро-Венгрии, заселённые румынами.

Неудачи России в кампанию 1915 г. напугали румынское руководство, но как только русская армия оправилась от поражений и сама перешла в наступление в Галиции, союзники с новой силой начали активизировать Румынию, толкая её быстрее вступить в войну.

Николай II в 1916 г. был против выступления Румынии ещё больше, чем в 1914 г. В разговоре с вице-адмиралом А. В. Колчаком Государь сказал: *«Я совершенно не сочувствую при настоящем положении выступлению Румынии: я боюсь, что это будет невыгодное предприятие, которое только удлинит наш фронт, но на этом настаивает французское союзное командование; оно требует, чтобы Румыния во что бы то ни стало выступила».*

Царь исходил из того, что Румыния имела длинную протяжённость границ (1600 км), плохо обеспеченных пограничным заклоном с запада и юга. В результате вступления Румынии в войну русский фронт увеличивался на 500 км, что приводило только к лишнему напряжению сил. Николай II низко оценивал боеспо-

способность румынской армии и опасался, что в случае её поражения России придётся взять на себя весь румынский фронт¹.

Король Фердинанд старался как можно дороже «продать» участие своей страны в войне на стороне Антанты. В феврале 1916 г. начальник штаба Ставки генерал Алексеев подал Николаю II записку военного агента в Бухаресте полковника А. А. Татаринова. Полковник сообщал, что премьер-министр И. Брэттиано 4/17 февраля 1916 г. на встрече с ним вёл «общий разговор о военно-политическом положении Румынии, уклонился перейти на почву более серьёзных разговоров, напирал главным образом на то, что Румынии необходимо в первую очередь получить через Россию сделанные ею военные заказы, без чего она не может рисковать выступить с нами»². Брэттиано сказал Татаринovu, что «Румыния выступит только в момент наступления держав Согласия на всех фронтах, а так как этого ожидать нельзя немедленно теперь, то у нас ещё есть время, чтобы сговориться»³.

Между тем французское правительство было весьма обеспокоено неясностью позиции Бухареста. По своему обыкновению, Франция считала, что это Россия мешает Румынии вступать в войну. Извольский докладывал Сазонову, что между румынскими и русскими военными возникли серьёзные разногласия, грозящие срывом переговоров. Причиной этих разногласий было желание румын не воевать против Болгарии, а действовать преимущественно в пределах Буковины и Трансильвании. Напуганный перспективой срыва переговоров президент Р. Пуанкаре 17 февраля/1 марта 1916 г. писал в письме к Николаю II, что «*правительство Республики придаёт исключительное значение ближайшим решениям Румынии. Франция готова сделать всё, что от неё будет зависеть, чтобы добиться вступления Румынии в войну*». Пу-

¹ Емец В. А. Указ. соч. С. 283.

² Полковник А. А. Татаринov — генералу М. С. Пустовойтенко. С сопроводительной запиской генерала М. В. Алексеева императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 793. Л. 2.

³ Полковник А. А. Татаринov — генералу М. С. Пустовойтенко // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 793. Л. 2.

анкаре настойчиво просил Николая II повлиять на своих генералов, чтобы не произошло срыва переговоров в Бухаресте¹.

19 февраля/3 марта 1916 г. император Николай II ответил президенту Р. Пуанкаре: *«С началом войны российское правительство, придавая большое значение участию Румынии в общем деле, не переставало прилагать усилия для заключения военного соглашения с Румынией. Правительство Республики, конечно, уже осведомлено о посылке в Бухарест полковника Генерального штаба Татарина, чтобы заверить Румынию в поддержке, которую ей готова оказать Россия, и чтобы выработать вместе с румынским Генеральным штабом план и условия совместных военных операций. Однако румынское правительство, по-видимому, в настоящее время не склонно точно определить свой взгляд на военное сотрудничество и отложило своё решение, не пожелав даже вступить в переговоры по этому поводу. Могу Вас заверить, господин Президент, что Россия уже сделала и продолжает делать всё от неё зависящее, чтобы сгладить затруднения, препятствующие заключению военного соглашения с Румынией, и отнюдь не её вина, если румынское правительство ещё откладывает своё вступление в войну»*².

После долгих препирательств со стороны румынских генералов в Бухаресте 14/27 августа 1916 г. была подписана Русско-Румынская военная конвенция. Согласно ей, Румыния обязалась, *«мобилизовав все свои сухопутные и морские силы, напасть на Австро-Венгрию не позже 15/28 августа 1916 г.»*³. Со своей стороны русская армия обязалась *«действовать самым энергичным образом на всем австрийском фронте с целью обеспечить вышеупомянутые румынские операции»*.

Осенью 1916 г. полностью подтвердились сомнения Николая II по поводу военных возможностей Румынии. Начав войну с Австро-Венгрией, румынская армия была наголову разгромлена

¹ Президент Р. Пуанкаре — императору Николаю II. 17 февраля/1 марта 1916 г. // МОЭИ. Т. 10. С. 306.

² Император Николай II — президенту Р. Пуанкаре. 19 февраля/3 марта 1916 г. // МОЭИ. Т. 10. С. 318.

³ Царская Россия в Мировой войне. С. 226—230.

войсками Германии, Австро-Венгрии и Болгарии под общим командованием генерал-фельдмаршала А. фон Макензена.

26 августа/8 сентября король Фердинанд направил Николаю II настойчивую просьбу о помощи¹. Русское командование направило в Румынию 47-й корпус под командованием генерала от инфантерии А. М. Зайончковского. Однако это не повлияло на наступление противника. 10 ноября 1916 г. Макензен форсировал Дунай, 20-го захватил Бухарест. Вся территория Румынии была оккупирована. Король Фердинанд I бежал в Россию. Угроза вторжения германских войск на Южную Украину, а также упорное давление союзников заставили русское командование срочно оказать Румынии военную помощь. Перед Николаем II встала непростая задача: сохранить видимость существования румынского государства и румынской армии. В своей телеграмме румынскому королю от 25 ноября 1916 г. царь уведомил его о новых условиях взаимоотношений между штабом Ставки и королём. Николай II объявил Фердинанду I, что создаётся новое военное формирование, призванное защитить интересы румынского королевства, которые царь всегда «принимал близко к сердцу»². Им стала сформированная в декабре 1916 г. на базе 47-го армейского корпуса Дунайская армия под командованием генерала от кавалерии В. В. Сахарова, который заменил А. М. Зайончковского. В состав Дунайской армии по предложению генерала М. В. Алексеева царь приказал включить по одной пехотной дивизии от Северного и Западного фронтов³. 12 декабря 1916 г. был создан Румынский фронт под номинальным командованием короля Фердинанда, а фактически — его «помощника» генерала Сахарова. От полного разгрома румын спасли корпуса генералов от кавалерии графа Ф. А. Келлера и хана Али Гуссейна Нахиче-

¹ Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Румынский фронт. — М., 1922. С. 83.

² Телеграмма Николая II румынскому королю Фердинанду I // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 /доп./ Д. 1834. Л. 16.

³ Телеграмма Алексеева Николаю II [с резолюцией царя] // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 /доп./ Д. 1834. Л. 168.

ванского, которые прикрыли отход румынской армии и стабилизировали фронт.

Переговоры с союзниками по территориальным изменениям после войны

Переговоры между Николаем II и правительствами Англии и Франции начались с самого начала войны. 1/14 сентября 1914 г. посол Франции в Петрограде М. Палеолог телеграфировал министру иностранных дел Т. Делькассе о состоявшихся между ним, С. Д. Сазоновым и Дж. Бьюкененом переговорах, на которых были сделаны предварительные наброски будущих территориальных изменений в Европе после поражения германских империй. В ходе беседы были записаны следующие пункты:

1. Главной задачей трёх союзников является уничтожение могущества Германии как инструмента военного и политического доминирования.

2. Россия присоединяет нижний бассейн Немана и восточную часть Галиции. Россия присоединяет, кроме того, для Царства Польского Восточную Познань, Южную Силезию и западную часть Галиции.

3. Франция возвращает Эльзас—Лотарингию, добавив к ним по своему выбору часть Рейнской Пруссии и наместничество.

4. Бельгия получит в районе Баден—Бадена важный кусок территории.

5. Шлезвиг-Гольштейн будет передан Дании.

6. Королевство Ганновер будет восстановлено.

7. Австро-Венгрия станет трёхсоставной монархией из Австрийской империи, королевства Богемии и Венгерского королевства. Австрийская империя будет состоять исключительно из старых наследственных провинций.

8. Венгрия и Румыния должны будут сговориться по поводу Трансильвании.

9. Сербия присоединит Боснию и Герцеговину, Далмацию и Северную Албанию.

10. Болгария предоставит Сербии компенсацию за Македонию.

11. Греция присоединит Южную Албанию, кроме Влёры, которая отойдёт Италии.

12. Англия, Франция и Япония разделят между собой немецкие колонии.

13. Германия и Австро-Венгрия возместят ущерб, причинённый войной¹.

М. Палеолог в своих воспоминаниях приводил свою беседу с Николаем II, в которой царь обрисовал своё видение территориальных изменений. *«Самое главное, что мы должны сделать, — якобы сказал царь Палеологу, — это уничтожить германский милитаризм, положить конец тому кошмару, в котором Германия нас держит вот уже больше сорока лет. Вот как приблизительно я представляю себе результаты, которых Россия вправе ожидать от войны и без которых мой народ не понял бы тех трудов, которые я заставил его понести. Германия должна будет согласиться на исправление границ в Восточной Пруссии. Мой генеральный штаб хотел бы, чтобы это исправление достигло берегов Вислы; это кажется мне чрезмерным; я посмотрю. Познать и, быть может, часть Силезии будут необходимы для воссоздания Польши. Галиция и северная часть Буковины позволят России достигнуть своих естественных пределов — Карпат... В Малой Азии я должен буду, естественно, заняться армянами; нельзя будет, конечно, оставить их под турецким игом. Должен ли я буду присоединить Армению? Я присоединю ее только по особой просьбе армян. Если нет — я устрою для них самостоятельное правительство. Наконец, я должен буду обеспечить моей империи свободный выход через Проливы. Мысли мои ещё далеко не установились. Ведь вопрос так важен... Существуют всё же два вывода, к которым я всегда возвращаюсь. Первый — что турки должны быть изгнаны из Европы; второй — что Константинополь должен отныне стать нейтральным городом, под международным управлением. Само собою разумеется, что магометане получили бы полную гарантию уважения к их святыням и могилам. Северная Фракия, до линии Энос — Ми-*

¹ М. Paléologue à T. Delcassé. 14 septembre 1914 // DDF. 1-ère série. 1914, (3 août-31 décembre). — P. 1999, V. 1. P. 206–207.

дия, была бы присоединена к Болгарии. Остальное, от этой линии до берега моря, исключая окрестности Константинополя, было бы отдано России. Сербия присоединила бы Боснию, Герцеговину, Далмацию и северную часть Албании. Греция получила бы Южную Албанию, кроме Валлоны, которая была бы предоставлена Италии. Болгария, если она будет разумна, получит от Сербии компенсацию в Македонии. Большие перемены произойдут в особенности в самой Германии. Как я вам сказал, Россия возьмет себе прежние польские земли и часть Восточной Пруссии. Франция возвратит Эльзас—Лотарингию и распространится, быть может, и на рейнские провинции. Бельгия должна получить, в области Ахена, важное приращение своей территории: ведь она так это заслужила. Что касается до германских колоний, Франция и Англия разделят их между собою по желанию. Я хотел бы, наконец, чтобы Шлезвиг, включая район Кильского канала, был возвращен Дании. А Ганновер? Не следовало ли бы его воссоздать? Поставив маленькое свободное государство между Пруссией и Голландией, мы бы очень укрепили будущий мир. Наше дело будет оправдано перед Богом и перед историей, только если им руководит великая идея, желание обеспечить на очень долгое время мир всего мира»¹.

Эти строки Палеолога вызывают глубокие сомнения в их правдивости. Генерал В. А. Сухомлинов прямо обвинял французского посла во лжи. Сухомлинов писал, что «в своих воспоминаниях о пребывании у нас Палеолог рассказывает разные небывлицы. Кто хотя мало-мальски имеет понятие о характере, манере говорить императора Николая II, тот не поверит ни одному слову Палеолога. Сфабрикованы у Палеолога его политические фантазии, под видом дружеской беседы с французским послом Государя, якобы “питавшего большие личные симпатии” к нему. Таких выражений, как “мой народ не понял” и “мой генеральный штаб хотел”, не свойственны были образу речи Государя. Об “устях Вислы” г. Палеолог сообщил мне новость, на которую я ему могу сказать, что это чистейшая выдумка, ибо император Николай ему этого говорить не мог, раз подобный вопрос “в моём генеральном штабе” не возбуждался. Приписка

¹ Палеолог Морис. *Царская Россия в Первой мировой войне*. С. 125—129.

к этой фантазии: «я посмотрю», сорвалась с пера Палеолога, когда он почувствовал сам, что зарпортовался, заведя Государя в чужой огород, так как это вопросы МИДа, а не военного. По неискрушной подделке этой ясно, что Палеолог совсем не знает Николая II и вкладывает в его уста всякий тенденциозный вздор столичных политиков. Это не материал для серьезного исторического исследования, а лишь записки для легкого чтения, причём наивным и легковерным людям они могут понравиться, особенно на красивом, благозвучном французском языке»¹.

О том, что разговор царя является в большей степени творчеством самого Палеолога, свидетельствует наличие в нём почти дословного пересказа его же телеграммы к Делькассе от 14 сентября.

Однако имеется донесение французского посла президенту Пуанкаре от 3/16 апреля 1915 г., в котором Палеолог сообщал о состоявшемся у него 8/21 ноября 1914 г. в Царском Селе разговоре с царём, затронувшем вопросы послевоенных территориальных изменений. По всей видимости, речь идёт о том разговоре, который затем Палеолог изложил в своей книге, вызвавшей справедливую критику генерала Сухомлинова. В донесении разговор с Николаем II изложен в гораздо более деловом тоне. Согласно Палеологу, царь высказал следующие намерения России. 1) По Германии: присоединение к Российской империи Восточной Пруссии, Познани и Польской Силезии; реставрация Ганноверского независимого королевства, передача Шлезвига Дании, возвращение Эльзас—Лотарингии Франции. 2) По Австрии: присоединение к России Галиции и Буковины, передачу Боснии—Герцеговины Сербии и Трансильвании — Румынии. Кроме того, царь высказался за независимость Богемии, Моравии, Каринтии и Хорватии². Если раздел Германии не вызывал у французского посла никаких возражений, то раздел империи Габсбургов, который он называл

¹ Сухомлинов В. А. *Воспоминания. Мемуары*. — Минск: Харвест, 2005. С. 304.

² M. Paléologue à Président R. Poincaré. 16 avril 1915 // DDF. — P., 2002. Т. 1. P. 423—424.

«уничтожением Австро-Венгрии», виделся ему нежелательным. Мнение французского посла было поддержано Делькассе, который телеграфировал Палеологу: *«Я Вам настойчиво рекомендую не произносить ни слова, которое могло бы дать возможность русскому правительству предположить, что мы поддерживаем его претензии на Австрию»*¹.

Однако 31 марта/13 апреля 1915 г. Палеолог в телеграмме Делькассе сообщал, что русское правительство уже не собирается ограничиться присоединением Галиции и Буковины. *«Они хотят аннексировать также южные склоны Карпат, которые населены славянскими народами (вплоть до Мукачева и Сигета)»*².

Главным вопросом переговоров между Россией и союзниками была передача проливов Босфора и Дарданелл под контроль России. Николай II считал это важнейшей исторической задачей. Уже в Высочайшем манифесте по случаю нападения Турции на Россию 2 ноября 1914 г. царь говорил, что *«безрассудное вмешательство Турции в военные действия только ускорит роковой для неё ход событий и откроет для России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Чёрного моря»*³.

Мысль о скорейшем захвате Проливов воспринималась многими представителями русской государственной мысли как дело первостепенной важности. Некоторые из них полагали, что контроль России над Проливами важнее союза с Антантой. Так, посланник в Сербии князь Г. И. Трубецкой писал 9 марта 1915 г. министру С. Д. Сазонову: *«Проливы должны принадлежать нам. Если мы сможем получить их от Франции и Британии, борясь с Германией, тем лучше; если нет, будет лучше получить их в союзе с Германией против всех остальных»*⁴. 19 февраля 1915 г. И. Л. Горемыкин дошёл до сведения министров, что Великим князем Николаем Николаевичем получена *«директива Государя Императора о необходи-*

¹ М. Paléologue à Président R. Poincaré. 16 avril 1915 // DDF. — P., 2002. Т. 1. P. 424.

² М. Paléologue à T. Delcassé. 16 avril 1915 // DDF. — P., 2002. Т. 1. P. 424.

³ Высочайший манифест // Нива. 1914. 2 ноября.

⁴ Уткин. А. И. Указ. соч. С. 130.

мости воспользоваться настоящей войной для завладения Босфором и Дарданеллами»¹.

Успешные действия русской армии в Галиции и в Карпатах зимой—весной 1915 г. побудили царя вновь активизировать перед союзниками вопрос о Проливах. 22 февраля/6 марта 1915 г. Сазонов телеграфировал в Париж Извольскому текст русской ноты союзным правительствам: *«Ход последних событий привёл Его Величество Императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и Проливах должен быть решён окончательно согласно вековым чаяниям России. Все решения будут несостоятельны и непрочны, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, так же как Южная Фракия вплоть до линии Энос-Мидиа, не будут включены в состав Российской империи. Особые интересы Франции и Великобритании в этом регионе будут самым тщательным образом уважены»*².

В начале марта 1915 г. между Россией и союзниками было разработано будущее управление оккупированного Константинополя. Каждая страна должна была направить туда своего главноуполномоченного. Министерство иностранных дел России направляет в Главный штаб ВМФ секретный документ, который назывался *«Об установлении штата временного управления императорского русского главноуполномоченного в Царьграде»*. В нём определялось гражданское управление городом, которое должно было временно осуществляться тремя главноуполномоченными: русским, французским и английским. *«Необходимо иметь в виду, — говорилось в документе, — что установление прочного порядка в Царьграде важно главным образом для России, которой придётся в дальнейшем будущем управлять краем»*³.

14/27 марта английский посол в Петрограде Бьюкенен вручил Сазонову меморандум, составленный им на основании инструк-

¹ Заседание совета министров от 19 февраля 1915 [выписка] // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 273. Л. 28.

² Note russe. 6 mars 1915 // DDF. — P., 2002. Т. 1. P. 397.

³ О главноуправляющем Царьграда // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 274. Л. 17–18.

ций из Лондона. В меморандуме подтверждалось согласие английского правительства на присоединение к России Проливов, Константинополя и указанных территорий при условии, что война будет доведена до победного конца и что Великобритания и Франция осуществят свои пожелания за счет Османской империи и «некоторых областей, лежащих вне её»¹.

Весной 1916 г. председатель Совета министров Б. В. Штюрмер составил отчёт о своей встрече с императором Николаем II. Штюрмер писал: *«Мне казалось возможным ныне же объявить России и Европе о состоявшемся договоре с нашими союзниками, Францией и Англией, об уступке России Константинополя, Проливов и береговых полос. Впечатление, которое произведёт в России осуществление исторических заветов, будет огромное. Известие это может быть изложено в виде правительственного сообщения. Его Величество осведомился относительно способов возможного выполнения оглашения уступки нам Константинополя и Проливов. Я имел случай обменяться мнением с послами великобританским и французским, которые не встречают к сему препятствий»*².

Между тем англичане, вынужденные на словах согласиться с русскими требованиями по Босфору и Дарданеллам, стремились сделать всё, чтобы максимально уменьшить либо вообще свести к нулю русское господство в этом регионе. Английский посол в Париже Ф. Берти отмечал в своём дневнике 13/26 февраля 1915 г. *«Здесь всё больше возрастает подозрительность касательно намерений России в отношении Константинополя. Считают целесообразным, чтобы Англия и Франция (в этом вопросе Англия ставится вне Франции) заняли Константинополь раньше России, дабы москвит не имел возможности совершенно самостоятельно решить вопрос о будущем этого города и проливов — Дарданелл и Босфора»*³.

Англо-французское командование приступило, не поставив в

¹ Сазонов С. Д. Указ. соч.

² Отношение Б. В. Штюрмера императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 42. Л. 12–13.

³ Берти, лорд. *За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже (1914–1919)*. — М.; Л., 1927. С. 49–50.

известность России, к разработке Дарданельской операции. Русскому послу в Париже А. П. Извольскому стало известно об этих намерениях союзников, и он уведомил об этом Петроград¹. Главной целью операции англо-французское командование объясняло «установлением прочной связи с Россией»². Операция готовилась крайне поспешно. Позже английский адмирал Валлис признал, что «во всей мировой истории нет ни одной операции, которая была бы предпринята на столь скорую руку и которая была бы столь плохо организована»³.

18 марта 1915 г. союзники начали штурмовать двадцать четыре турецких форта, находившихся под командованием немецких офицеров. Все попытки англичан и французов совершить высадку закончились провалом, стоившим союзникам 20 тыс. человек убитыми⁴.

Дарданельская операция союзников показала, что России нужно спешить с собственной операцией по захвату Проливов. Николай II отдал приказ о подготовке Босфорской десантной операции. Первоначально её планировали на осень 1916 г. Было решено предпринять высадку у входа в Босфор для завладения его укреплениями. С этой целью была сформирована из отборных частей дивизия под командованием генерал-лейтенанта А. А. Свечина. Операцией должен был руководить генерал Н. Г. Щербачёв, на должность начальника его штаба предполагался генерал Н. Н. Головин⁵.

Летом 1916 г. командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак был вызван в Могилёв, где имел продолжительную встречу с Николаем II и М. В. Алексеевым по поводу Босфорской операции. На Колчака возлагалась задача подготовить морские силы для проведения операции, которую планировали

¹ Бубнов А. Д. Указ. соч. С. 102.

² Galland (P.) Op. cit. P. 77.

³ Алексеева-Борель В. *Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М. В. Алексеев*. — СПб.: Бельведер, 2000. С. 453.

⁴ Galland (P.) Op. cit. P. 78.

⁵ Свечин М. Указ. соч. С. 114.

начать после вступления в войну на стороне Антанты Румынии¹. Русские войска должны были продвинуться вдоль западного побережья Чёрного моря и, форсировав Босфор, перенести боевые действия на территорию Турции. Черноморский флот содействовал сухопутной операции высадкой десантов, огнём артиллерии, захватом Босфора и, наконец, ударом по Константинополю.

Поражение Румынии заставило русское командование перенести десантную Босфорскую операцию на весну 1917 г. *«По повелению Государя, — вспоминал А. Д. Бубнов, — было тотчас же приступлено к сформированию десантной дивизии, причем Государь повелевал, чтобы для укомплектования этой дивизии было отправлено достаточное число особо отличившихся в боях офицеров и солдат — георгиевских кавалеров»*².

Босфорская операция, на которую император Николай II возлагал столь большие надежды, стала невозможной после Февральского переворота 1917 г. А. А. Керсновский писал по этому поводу: *«Император Николай Александрович чувствовал стратегию. Ключ к выигрышу войны находился на Босфоре»*³.

После выдающихся побед русской армии на Кавказском фронте, взятия Эрзерума и Трапезунда между Россией, Англией и Францией весной 1916 г. было достигнуто соглашение о разделе Азиатской Турции. В обмен на признание Россией создания независимого арабского государства под эгидой Англии и Франции последние признали за ней территории, о чём британское правительство известило русского посла в Лондоне графа Бенкендорфа. В телеграмме Бенкендорфа Сазонову от 17/30 мая 1916 г. говорилось, что Англия согласна со следующими российскими притязаниями: *«1. Россия аннексирует область Эрзерума, Трапезунда, Вана, Битлиса, вплоть до пункта, подлежащего определению впоследствии, на побережье Чёрного моря, к западу от Трапезунда. 2. Область Курдистана расположенная к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сортом, течением Тигра, Джебзире — ибн Омаром, лини-*

¹ Допрос Колчака. — Л.: Ленгиз, 1927. С. 30—31.

² Бубнов А. Указ. соч. С. 288.

³ Керсновский А. А. Указ. соч. Т. 4. С. 181.

ей горных вершин, господствующих над Амадией и областью Мергевера, будет уступлена России». На подлиннике телеграммы Николай II написал: «Согласен, кроме 1-й ст. Если нашей армии удастся дойти до Синопа, то там и должна будет пройти наша граница»¹.

Особую роль Россия отводила будущему статусу Палестины. 4/17 марта 1916 г. в памятной записке МИДа послам Англии и Франции было заявлено: «Что касается Палестины, то российское правительство согласится на всякий проект, обеспечивающий всем православным учреждениям, находящимся на Святой Земле, свободное отправление своего культа, равно как и сохранение их прежних прав и привилегий, и не выставит никаких принципиальных возражений против поселения еврейских колонистов в этой стране»².

Этим заявлением императорское правительство пыталось в какой-то мере успокоить страхи сионистского мирового движения. Сионисты опасались, что переход Святой Земли и Иерусалима под контроль русского царя будет означать конец их мечты о построении еврейского государства. Охранное отделение ещё в 1914 г. сообщало: «Среди евреев идёт возбуждение по поводу русско-турецкой войны. Боятся, что русские, победив Турцию, могут лишить евреев сионистских плодов их долголетних усилий в Палестине»³.

В феврале/марте 1917 г., когда в Петрограде уже свирепствовал бунт, союзные правительства официально признали за Россией «полную свободу в определении её западных границ».

Таким образом, Николай II в ходе долгих переговоров добился от союзников признания ими за Россией важнейших геополитических территорий. Главной причиной, почему Англия и Франция были вынуждены признать за Россией эти территории, стали выдающиеся победы русского оружия в Галиции и на Кавказе, рост российского военного и экономического могущества, способность России успешно воевать фактически в одиночку на всех фронтах Великой войны.

¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. С. 452—453.

² Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. С. 447.

³ О сионистах // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО 1914. Д. 343. Л. 312.

Николай II и зондаж германскими империями возможностей сепаратного мира с Россией

Слухи о том, что германские империи готовы заключить сепаратный мир с Россией, стали появляться в правительственных кругах Франции и Англии в начале 1915 г.

Между тем с первого дня войны Николай II полностью отвергал такую возможность. 6/19 сентября 1914 г. король Георг довел до русского правительства своё твёрдое убеждение, что никакой мир невозможен, пока *«решительные события не дадут возможности заключить мир, обеспечивающий разгром военной гегемонии Германии»*. На докладной записке Сазонова по этому вопросу Николай II написал: *«Всецело разделяю каждую мысль короля. Прошу графа Бенкендорфа категорически заверить Его Величество, что, несмотря ни на какие препятствия или потери, Россия будет бороться с её противниками до конца»*¹.

Тем не менее 22 февраля/6 марта 1915 г. Палеолог секретно телеграфировал Делькассе: *«Я получил сегодня сведения из самого достоверного источника, что император Вильгельм всё ещё силится убедить императора Николая II заключить сепаратный мир. Он передал через своих привычных посредников (в частности, через Витте), что уступит России Константинополь и весь регион, который окружает Проливы. Он в равной степени обещал согласие императора Франца-Иосифа на уступку России Галиции. Мир на таких условиях должен создать альянс, который будет охранять монархический принцип в трёх империях»*².

15/28 марта того же года Палеолог телеграфировал Делькассе о своём разговоре с Сазоновым, который сообщил, что император Николай II передал ему содержание письма *«одного высокопоставленного представителя австрийской аристократии»*. Имя этого лица Сазонов категорически отказался называть, сообщив только, что его *«хорошо знает император Николай»*. *«Автор письма, — пи-*

¹ МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 273.

² M. Paléologue à T. Delcassé. 6 mars 1915 // DDF. — P., 2002. Т. 1. 1915. (1er janvier-25 mai). P. 260.

сал Палеолог, — утверждал, что император Австрии жаждет примириться с Россией. В личном послании он предлагает императору России послать в Швейцарию доверенное лицо, которое встретится с эмиссаром императора Австрии. Это, может быть, позволит им договориться об основах почётного мира»¹. Николай II, сообщал Палеолог, не дал хода этому предложению, полагая, что переговоры, даже официальные, с Австрией являются преждевременными, так как Россия полна решимости потребовать передачу Галиции и Боснии и Герцеговины. Поэтому неправдоподобно, сказал царь, чтобы император Франц-Иосиф был готов в настоящий момент уступить эти провинции².

Однако, по всей вероятности, попытки императора Франца-Иосифа имели под собой более серьёзные основания, чем обещания кайзера. Дело в том, что идею сепаратного мира России с Австро-Венгрией поддерживали союзники, особенно Франция. Правительство III Республики было против разгрома Австро-Венгрии, тем более русскими войсками. Это давало бы России прямой путь к Проливам и возможность решения своей главной геополитической задачи в самом начале войны. Поэтому союзники через А. П. Извольского пытались узнать: будет ли Россия «настаивать на полном разгроме Двуетидной монархии и на её окончательном расчленении» или предпочтёт изолировать Германию «путём заключения с Австро-Венгрией сепаратного мира»³.

Палеолог предложил Сазонову рассмотреть вопрос о заключении с Австро-Венгрией сепаратного мира, после чего направить все свои силы против Германии. Сазонов ответил, что сама идея сепаратного мира с Австрией «заслуживает внимания»⁴. Однако вскоре французское руководство испугалось своей же идеи. Победа России над Австро-Венгрией, по мнению французов, могла

¹ M. Paléologue à T. Delcassé. 28 mars 1915 // DDF. — P., 2002. Т. 1. 1915. (1er janvier-25 mai). P. 525.

² M. Paléologue à T. Delcassé. 28 mars 1915 // DDF. — P., 2002. Т. 1. 1915. (1er janvier-25 mai). P. 525.

³ МОЭИ. Т. 6. Ч. 1.

⁴ Пуанкаре Р. Указ. соч. С. 295.

охладить стремление русского правительства продолжать войну и отпугнуть Италию от вступления в неё. Поэтому Делькассе просил Палеолога ещё раз встретиться с Сазоновым и сказать ему, что он выражал лишь свою личную точку зрения, не имея на то инструкций из Парижа¹.

Весной 1915 г. немцы, через интернированную в Австрии фрейлину императрицы Александры Фёдоровны М. А. Васильчикову, попытались обратиться к царю. 10 марта/25 февраля 1915 г. Васильчикова из австрийского города Кляйн-Вартенштайн написала Николаю II письмо, в котором сообщала, что она имела встречу с германскими представителями, «двумя немцами и одним австрийцем». Посетители просили Васильчикову передать Николаю II, что, *«пока все воюющие стоят почти в одинаковом положении, не будете ли Вы Государь, властитель величайшего царства в мире, не только царём победоносной рати, но и царём мира? Одно Ваше могучее слово — и потоки крови остановят своё ужасное течение. Ни здесь, в Австрии, ни в Германии нет никакой ненависти к России, против русских»*. Васильчикова утверждала, что посланцы были готовы на всё ради мира с Россией. *«Я спросила: а Дарданеллы? Тут тоже сказали: стоит русскому Царю пожелать, и проход будет свободным»*².

В своём письме Васильчикова не сообщала ни имён, ни должностей своих визитёров, указав только, что они *«не дипломаты и люди с положением, которые лично знакомы и в сношениях с царственными правителями Австрии и Германии»*.

Ни письмо Васильчиковой, ни высказанные в нём пожелания немецких представителей нельзя отнести к серьёзным политическим шагам германо-австрийского руководства. Оставалось даже неизвестно, с кем фрейлина имела контакт. Сами визитёры, кроме ничего не значащих деклараций и обещаний, Васильчиковой не сообщили.

Так как письма Васильчиковой были оставлены Николаем II

¹ Пуанкаре Р. Указ. соч. Т. 1. С. 295.

² М. А. Васильчикова — императору Николаю II. 10 марта/25 февраля 1915 г. // МОЭИ. Т. 7. Ч. 1. С. 444.

без внимания, то австрийские власти отпустили её в Петроград по случаю смерти матери. Там Васильчикова была арестована, лишена придворного звания и выслана сначала в Черниговскую, а затем в Вологодскую губернию¹.

Здесь встаёт вопрос: хотели ли в действительности руководители Австро-Венгрии и Германии мира с Россией в 1915 г.? Конечно, неудачи на всех фронтах первого этапа войны не могли не подействовать отрезвляюще на спесивые головы германских политиков и генералов. Но, конечно, ни о каких серьёзных мирных намерениях с их стороны речи идти не могло уже потому, что мир, выгодный для Австрии и Германии, был в тех условиях невозможен. Предложение Вильгельма II передать России Константинополь и Проливы, если только оно действительно было, иначе как провокацией назвать нельзя. Не германский кайзер контролировал эти территории, а Османская империя. Что бы объяснял Вильгельм турецкому султану, когда бы пришло время отдавать столицу Турции России? Как бы он выглядел в глазах своих союзников? Точно так же он не мог гарантировать согласия Франца-Иосифа на передачу России Галиции. Наконец, зачем России было идти на сомнительные сделки с кайзером и австрийским императором после их предательской, двурушнической политики предвоенного периода, когда владыки германских империй убедительно доказали, что любой договор они считают пустой бумажкой? Во имя чего Россия должна была идти на разрыв с Англией и Францией, союз с которыми, при всех его издержках, давал ей возможность оказаться в числе победителей и получить законно те самые территории, которые России так «щедро» обещал кайзер?

Той же весной 1915 г. датский король Христиан X послал государственного советника, крупного судовладельца Х.-Н. Андерсена, с секретной миссией в Петроград с целью зондирования почвы для заключения мира. Андерсену на встрече с Николаем II и С. Д. Сазоновым было заявлено, что крупные военные успехи России не допускают и мысли о мире². Из Петрограда Андерсен

¹ Спиридович А. И. Указ. соч. С. 381.

² МОЭИ. Т. 7. Ч. 1. С. 499.

поехал в Берлин и сообщил кайзеру, что в Петрограде все — «от царя до министра иностранных дел — идею сепаратного мира с Германией напрочь отвергают»¹.

Однако после успехов германо-австрийской армии летом 1915 г. некоторые представители военно-политических кругов германских империй рассчитывали найти точки соприкосновения с Россией. Наиболее умные деятели из лагеря противника понимали, что их успехи временные, и пытались договориться с Россией, пока они находятся в наилучшей для себя позиции. Летом 1915 г. в Петроград вновь приезжал Андерсен с новыми предложениями о мире. На этот раз, несмотря на тяжёлое поражение русской армии, с ним отказались говорить ещё более решительно, чем весной. В условиях потери Галиции, Царства Польского и Литвы Россия могла рассчитывать лишь на унижительный неравный мир, о чём, разумеется, Николай II и не помышлял. Царь заверил Андерсена, что союз России с Англией и Францией как никогда крепок и что весной 1916 г. союзники перейдут во всеобщее наступление².

В середине 1915 г. австрийский фельдмаршал Конрад фон Гётцендорф считал необходимым предложить России не только сепаратный мир, но и военный союз³.

Неудачи 1916 г. тяжело сказывались на экономике Германии и Австро-Венгрии. В Германии неуклонно снижалось производство вооружения, армия была истощена. Население, в силу больших неурожаев, голодало. Моральный дух в войсках неуклонно снижался. Перспектива была мрачной: ни один противник, несмотря на все усилия, не был выведен из войны, всё реальнее становилась перспектива вступления в войну САСШ, с их большим экономическим потенциалом.

Германское военное руководство понимало, что во избежание катастрофы необходима передышка или выход одного из

---

¹ Соболев Г. Л. *Русская революция и «немецкое золото»*. — СПб.: Нева, 2002. С. 88.

² МОЭИ. Т. 7. Ч. 1. С. 499.

³ Уткин А. И. Указ. соч. С. 344.

противников из войны. Подходящий момент для этого, по их мнению, наступил после разгрома германскими войсками Румынии и кончины 8/21 ноября 1916 г. австрийского императора Франца-Иосифа. Вступивший на престол Австро-Венгрии новый император Карл I начал искать пути мирного выхода из европейской войны. Такие же поиски активизировала и Германия. Наиболее подходящей стороной для таких переговоров немцы считали Россию. Начальник германского генерального штаба генерал Фалькенгайн утверждал, что «русские могут отступить в огромную глубину своей страны, и мы не можем преследовать их бесконечно»¹.

Отсюда германский военный стратег делал вывод о том, что «пока Россия, Франция и Англия выступают вместе, мы не можем победить наших противников так, чтобы обеспечить себе достойный мир. Прежде всего мы должны стремиться к тому, чтобы вынудить к миру Россию»².

Возможность окончания войны путём сепаратного мира обсуждалась не только в германских государствах, но и в России. Весной 1916 г. такую попытку предпринял член Государственного совета, бывший посол России в Японии и САСШ барон Р. Р. Розен, который ещё весной 1915 г. полагал, что «в этой мировой борьбе народов ни одной из борющихся сторон не удастся сокрушить другую»³.

В марте 1916 г. Розен подал министру Двора графу В. Б. Фредериксу записку для передачи императору Николаю II. В ней автор предлагал послать его частным образом в САСШ «для пропагандирования вопроса о воздействии» Америки «на капитуляцию Германии»⁴. Под капитуляцией имелся в виду фактически почётный мир. Прочитав записку, Николай II передал Розену, что со-

¹ Stone N. *The Eastern Front, 1914–1917*. — London, 1998. P. 176.

² L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale: Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affaires étrangères. Publ. et annotés par Scherer et Grunewald. T. 1. — Paris, 1962. P. 10–11.

³ Куликов С. Указ. соч. С. 200.

⁴ Куликов С. Указ. соч. С. 200.

чувственно отнёсся к его идее, но окончательное решение примет после доклада ему С. Д. Сазонова. Фактически это был своеобразный отрицательный ответ на предложение Розена, «поскольку Сазонов являлся заведомым противником мира»¹.

Назначение Николаем II в начале 1916 г. председателем Совета министров обрусевшего немца Б. В. Штюрмера оживило в германских кругах надежды на сепаратный мир с Россией. Узнав о назначении, генерал Общества иезуитов граф В. Ледуховский передавал германскому руководству через «швейцарских друзей»: *«Я верю теперь, что возникла возможность для заключения мира. Император Николай самым живейшим образом желает мира, конечно, не из-за его любви к Центральным державам, а из-за того, что он понимает: если война продлится, возникнет угроза его трону и даже жизни. Штюрмер, который, несмотря на свою немецкую фамилию, по крови является чисто русским, разделяет мнение своего государя и убеждён, что, если война продлится, падение Романовых неизбежно. Теперь очень важно, чтобы Берлин и Вена как можно быстрее воспользовались этим шансом»*².

Как только эти слова Ледуховского были переданы Бетман-Гольвегу, рейхсканцлер поспешил выступить с заявлением о том, что Германия никогда больше не отдаст *«реакционному русскому правительству народы, которые она освободила от Балтики до Вольнских болот: поляков, балтов, латышей и литовцев»*³.

23 октября/5 ноября 1916 г. последовала австро-германская декларация о провозглашении независимости Польши. Эта декларация, по существу означавшая отторжение территории Российской империи, делала любые переговоры о заключении мира с германскими империями, даже если бы такое желание и присутствовало у Николая II, невозможными. По словам Бюлова, царь сказал «одному стороннику мира»: *«После этого удара ногой никакой мир — невозможен»*⁴. Однако, по всей вероятности, Николай II

¹ Куликов С. Указ. соч. С. 200.

² Bülow B. von. Op. cit. P. 241.

³ Bülow B. von. Op. cit. P. 242.

⁴ Bülow B. von. Op. cit. P. 242.

никогда и не помышлял ни о каком сепаратном мире с противником, в том числе и потому, что знал волчьи повадки кайзеровского руководства. Царь был убеждён, что мир может быть заключён только после полного разгрома Германии и её сателлитов¹.

После войны Э. Людендорф, оправдывая политику Германии оказания помощи русским революционерам, в разговоре с князем Н. Д. Жеваховым говорил: *«Германия желала мира, только мира, того мира, который Россия не хотела давать, считая себя связанной обязательствами с союзниками. Германия была на грани катастрофы и не могла продолжать войну. Мы три раза обращались к вашему царю с мирными предложениями, мы соглашались на самые тяжёлые условия, ибо осознавали, что речь уже шла не о выгодах или победах, а о жизни и смерти германской нации, но ваш царь и слышать не хотел о мире... Тогда мы очутились в положении, когда нельзя было ни рассуждать, ни разбираться в средствах»*².

Однако эти заявления немецкого генерала полны лукавства. Ни о каких «тяжёлых условиях» в немецких предложениях речи не шло. Действительно, предвидя неминуемое поражение в войне, Германия предлагала России заключить с ней мир и объединиться против Антанты³. За это кайзер предлагал царю Константинополь и Прованс. Но к тому времени эти территории были уже гарантированы России Англией и Францией, и менять союзнические гарантии, подтверждённые секретными договорами, на расплывчатые германские обещания не имело никакого смысла.

А. И. Уткин считал, что *«у Запада в общем и целом никогда не возникало сомнений в лояльности императора Николая II как союзника — по мировой коалиции. Царь сделал выбор, он определил для себя две главные задачи своего царствования: ликвидировать зависимость от Германии в экономике; найти способ примирения с главным антагонистом предшествующего столетия — Британией»*⁴.

¹ Катков Г. М. Указ. соч. С. 83.

² Жевахов Н. Д., князь, товарищ обер-прокурора Св. Синода. *Воспоминания*. Т. 1–2. — М.: Царское дело, 1994. Т. 2. С. 127.

³ Уткин А. И. Указ. соч. С. 322.

⁴ Уткин А. И. Указ. соч. С. 327.

Однако представляется, что А. И. Уткин несколько упростил воззрения Николая II. Речь шла не просто о желании царя замирился с Великобританией, но о его стремлении решить важнейшие вековые геополитические задачи России, в чём германские государства не желали ей содействовать. Примечательно, что в самый разгар так называемых мирных предложений Германии и Австро-Венгрии непримиримый враг России рейхсканцлер Бетман-Гольвег докладывал кайзеру: *«Если развитие военных операций и события в России сделают возможным отбрасывание московской империи на восток и лишение её западных провинций, тогда наше освобождение от этого восточного кошмара будет целью, достойной усилий, великих жертв и исключительного напряжения этой войны»*¹.

В декабре 1916 г. немцы вновь через шведского посла предложили России сепаратный мир. Отвечая на эти предложения, министр иностранных дел Н. Н. Покровский сделал в Государственной думе от имени императора следующее заявление: *«Слова о мире, раздавшиеся из того лагеря, на котором лежит вся тяжесть ответственности за зажженный им небывалый в летописях истории мировой пожар, при всей необычности, не были для союзников неожиданными. Ныне изверившись пробить брешь в нашем союзе, Германия выступает с официальным предложением мира... Все уже принесенные неисчислимы жертвы были бы уничтожены преждевременным заключением мира с врагом, силы которого подорваны, но не обезврежены, и который ищет передышки под обманым лозунгом прочного мира. Русское правительство с негодованием отвергает мысль о самой возможности ныне прервать борьбу и тем дать Германии возможность воспользоваться последним случаем подчинить Европу своей гегемонии. Все мы одинаково проникнуты жизненной для нас необходимостью довести войну до победного конца. И не дадим остановиться нас на этом пути никаким уловкам наших врагов»*².

То, что западные союзные правительства были полностью уве-

¹ Уткин А. И. Указ. соч. С. 372.

² Нива. Декабрь 1916 г.

рены в верности Николая II своим союзническим обязательствам, видно из высказываний французских и английских государственных деятелей той поры. Дж. Бьюкенен утверждал: *«Мы никогда не имели более преданного друга и союзника, нежели император Николай»*¹. М. Палеолог писал, что царь являлся *«образцовым союзником»*². Ему вторил французский министр колоний П. Думерг, который 19 февраля 1917 г., то есть за несколько дней до Февральского переворота, отмечал, что *«у императора Николая имеется твёрдое решение довести войну до полной победы»*³.

Усиление влияния глобалистских сил на международной арене и их отношение к России

К концу 1916 г. общая военная обстановка складывалась в пользу России. В 1916 г. был совершён большой скачок в развитии военной и оборонной промышленности, улучшено снабжение армии. На Юго-Западном и Кавказском фронтах осуществлены два крупнейших победоносных наступления, ознаменовавших собой начало коренного перелома войны в пользу России и её союзников.

*«Самым трудным и самым забытым подвигом императора Николая II, — считал видный эмигрантский историк профессор С. С. Ольденбург, — было то, что он, при невероятно тяжёлых условиях, довёл Россию до порога победы: его противники не дали ей переступить через этот порог»*⁴.

К 1916 году император Николай II был отмечен высшими наградами Франции, Англии, Бельгии и Сербии. 19 декабря 1915 г. царь стал фельдмаршалом Великобритании. Такого звания не имел английский король. Вручая императору орден

¹ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 200.

² Палеолог Морис. *Царская Россия в Первой мировой войне*. С. 112.

³ Lettre de G. Doumergue à M. Paléologue // MAE. (Centre des Archives diplomatiques de Nantes). Fond 440. Ambassade de France en Russie. 1842–1919. 1917. Dossiers 28–29.

⁴ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 642.

Бани от имени короля Георга, английский посол сказал: «Король, в знак восхищения перед русским флотом, повелел мне передать Вашему Императорскому Величеству, как Верховному Воздью сухопутных и морских сил, знак первой степени ордена Бани за военные заслуги»¹.

Несмотря на имеющиеся серьёзные проблемы в снабжении, положение к концу 1916 г. в военном и промышленном плане внушало уверенность в успешном исходе кампании. На весну—лето 1917 г. готовили своё наступление и союзники. В таких условиях сильно ослабленная германская армия, несмотря на все свои боевые достоинства, не смогла бы долго противостоять давлению с запада и востока. Катастрофа Германии была вполне возможной в конце 1917 — начале 1918 г.² Об этом свидетельствуют и немецкие генералы. Так, генерал Людендорф писал, что «разгром четвертого союза в 1917 г. казался неизбежным»³.

Военная перспектива казалась царю очевидной, фронт — надёжным. Численность русской армии была не только восстановлена после тяжёлых потерь 1915 г., но и многократно увеличена. На 1 января 1917 г. она составила 6 млн 845 тыс. человек⁴. Полковник генштаба В. М. Пронин отмечал, что ко времени 1917 г. «русская армия располагала огромными материальными и техническими средствами, она была ими богата как никогда»⁵.

«К 1917 г. русский фронт был совершенно благополучен, дела на нем обстояли никак не хуже, чем на западе, и не существовало ни малейших оснований, ни чисто военного, ни экономического порядка, к тому, чтобы Россия не продержалась бы до конца войны (тем более что, не будь Россия выведена из войны, война бы кончилась гораздо

¹ Камер-фурьерский журнал за декабрь 1915 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 15.

² Пронин В. М. Указ. соч. С. 8.

³ Людендорф Э. *Мои воспоминания о войне 1914—1918 годов* / Под ред. А. Свечина. — М.: Государственное издательство, 1924. Т. 1—2. Т. 2. С. 14.

⁴ Военно-исторический журнал. 1993, №4. С. 24.

⁵ Пронин В. М., генерального штаба полковник. *Последние дни Царской Ставки*. — Белград, 1930. С. 8.

раньше). К лету 1916 г. кризис был преодолен, от снарядного голода не осталось и следа, войска были полностью обеспечены вооружением, и в дальнейшем его недостатка не ощущалось (его запасов еще и большевикам на всю Гражданскую войну хватило)¹.

На Западе пришло осознание того, что Россия способна успешно вести войну, а её экономика гораздо сильнее, чем было принято считать. В правящих кругах Запада стала расти серьезная озабоченность в связи с той ролью, какую Россия должна была играть в послевоенном устройстве мира.

Особенно это беспокоило представителей транснациональных сил, которые к 1916 г. стали играть ведущую роль в политике Англии и САСШ. Интересы этих сил не совпадали с национальными интересами ни Англии, ни Америки. Опасность этих сил хорошо понимали британские патриоты, наиболее ярким из которых был военный министр Великобритании фельдмаршал граф Гораций Герберт Китченер. Он был убежден, что интересы его страны требуют, чтобы Россия успешно продолжала вести войну вместе с Англией². Китченер с беспокойством наблюдал, как на английскую политику всё больше влияет мощная финансово-политическая группировка, представлявшая собой сообщество крупных американских банкиров, финансистов и промышленников. Среди них выделялись промышленник Ч. Крейн, автопромышленник Г. Форд, банкир Я. Шифф, банкир П. Варбург, предприниматель и финансист Дж. Морган и другие. Многие представители сообщества были партнёрами по работе в таких структурах, как Федеральная резервная система, «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн», «Нейшнл Сити Банк», «Кун, Лёб и С°», «Дж. И. В. Селигман» и другие. Эти люди были самым тесным образом связаны с правительством САСШ и имели большое влияние на президента В. Вильсона.

«По природе своего бизнеса, — пишет американский учёный доктор У.-Ф. Энгдаль, — международные банкиры не были лояльны ни к

¹ Волков С. В. *Забывтая война* // <http://swolkov.org/publ/27.htm>

² Абрахам К. *Великие души: семь лучей на уровне души*. — М.: Амрита-Русь, 2004.

одной существующей конкретно стране. Их мир не замыкался конкретным национальным государством, но был повсюду, где их влияние могло изменить события к их собственной выгоде. Вследствие этого секретность являлась существенной в их преуспевании и важнейшей составляющей в получении преимуществ перед конкурентами¹.

В 1913 г. финансы суверенного государства САСШ перешли под управление частной организации, созданной П. Варбургом под названием Федеральная резервная система. Это означало, что транснациональные корпорации получили в свои руки инструмент для осуществления своего контроля над финансами Европы. Для этого транснациональному капиталу нужно было разрушение европейских национальных экономик и свержение (или полное перерождение) монархического строя в таких государствах, как Россия, Германия, Австро-Венгрия и даже Великобритания. Денежная система последних строилась не в интересах банков, а в национальных интересах.

Транснациональные силы имели разветвлённые связи как в ведущих державах Антанты, так и в государствах Четверного союза. Особенно значительно было их влияние в Германии. Так, лорд Мильнер родился и провёл свою молодость в Гессен-Дармштадте, его мать была немка. Я. Шифф родился и вырос во Франкфурте-на-Майне. Пол и Фриц Варбурги родились в Гамбурге в семье немецкого банкира и долго жили в Германии, где влиятельным банкиром оставался их брат — М. Варбург. Однако тот же немец П. Варбург создал Федеральную резервную службу, которая «сделала возможным окончательное поражение кайзеровской Германии в 1918 г.»².

Транснациональная финансовая группа оказывала большое влияние на английскую политику. На начало войны финансы Великобритании лежали в руинах. Её экономика погрузилась в депрессию, а золотые резервы Банка Англии сократились до тревожно низкого уровня. Промышленность была неспособна производить достаточное количество военного снаряжения и бое-

¹ Энгдаль У.-Ф. Указ. соч. С. 57.

² Энгдаль У.-Ф. Указ. соч. С. 61.

припасов для полномасштабной войны. В октябре 1914 г. британское правительство отправило в Вашингтон делегацию по военным закупкам у частных американских компаний. Единственным торговым посредником Великобритании стал банк «Дж. П. Морган и С^о»¹. *«Морган служил для правительства Его Величества в качестве посредника в организации закупок боеприпасов, оружия, обмундирования, химических веществ, словом, всего того, что было необходимо для ведения современной войны в 1914 г.»*². Англия получала от Моргана и его партнёров сотни миллионов долларов, которыми она делилась с французскими военными фирмами. Но при этом Лондон всё больше превращался в должника американских банкиров.

Лорд Китченер предупреждал графа А. А. Игнатъева, что Дж. Морган тесно связан с Ллойд-Джорджем, и предостерег полковника от общения с обоими³. В свою очередь Ллойд-Джордж предлагал немало усилий, чтобы скомпрометировать Китченера и добиться его отставки.

До Первой мировой войны позиции транснационального капитала в России были крайне слабы. Но «снарядный голод» и острая нехватка тяжёлых орудий и винтовок заставляли Россию обращаться к союзникам за помощью в поставках необходимого вооружения. А сами союзники к тому времени финансово уже почти полностью зависели от транснационального капитала, который открыто бойкотировал русские заказы. Весной 1915 г. император Николай II пригласил Китченера посетить Россию. Официально целью его поездки были переговоры с царём по вопросам снабжения русской армии. На самом деле цели миссии были гораздо шире. Китченер должен был обсудить реальные возможности финансовой и военной помощи России. Ещё одной задачей Китченера было расследовать преступную деятельность фирмы «Виккерс» по срыву поставок России снарядов. Английский историк Б. Браун указывает: *«Для того чтобы расследовать на месте, что происходит с вооружением*

¹ Энгдаль У.-Ф. Указ. соч. С. 82.

² Энгдаль У.-Ф. Указ. соч. С. 83–84.

³ Игнатъев А. А. Указ. соч. С. 118.

русской армии, а также поставку брака из Англии в Россию, на крейсере «Хэмпшир» отплыл член палаты лордов лорд Китченер»¹.

23 мая/5 июня 1916 г. Китченер отбыл из Англии в Архангельск на английском крейсере «Хэмпшир». Он вёз с собой первый взнос будущего кредита — 10 млн фунтов стерлингов в золотых слитках².

Неподалеку от Оркнейских островов (Шотландия) крейсер подорвался на немецкой мине и затонул, Китченер и все пассажиры погибли. Из 600 моряков спаслось только двенадцать. Историки до сих пор гадают, что стало причиной гибели английского фельдмаршала — нелепая случайность или чья-то злая воля. Но нельзя не согласиться с немецким генералом Э. Людендорфом, который писал о Китченере: «Его загадочная смерть была вызвана не германской миной или торпедой, но той силой, которая не позволит России воспрянуть с помощью лорда Китченера, потому что взрыв всей России уже был запланирован»³.

Гибель Китченера произвела самое тяжёлое впечатление на Николая II и императрицу Александру Феодоровну. «Государь не скрывал своего огорчения, — вспоминал генерал А. И. Спиридович. — Царица прислала телеграмму, в которой говорила: «Как ужасна гибель Китченера». А в письме Государю Царица писала: «Какой ужас с Китченером. Суший кошмар, и какая это утрата для англичан»⁴.

Сразу после гибели Китченера Великий князь Михаил Михайлович, находившийся тогда в Лондоне, писал Николаю II: «Смерть и гибель бедного Китченера была большая, неожиданная драма, всех страшно поразившая. Для меня лично это весьма чувствительная потеря, я его душевно любил, был его большим поклонником и глубоко его уважал и ценил. Я его часто видел, и он ко мне всегда очень сердечно относился. Последний раз я его видел за 3 дня до его смерти. Он меня продержал около часа и, главное, говорил про

¹ Bruce H. Brown. Op. cit. P. 231.

² Субботин В. А. *Две кампании генерала Китченера* // Мир истории. 1999. № 7.

³ Людендорф Э. Указ. соч. 143.

⁴ Спиридович А. И. Указ. соч. С. 216.

свою поездку в Россию, спрашивая разные советы... Он Россию очень любил...»¹

После гибели Китченера именно Д. Ллойд-Джордж занял пост военного министра, а в декабре того же 1916 г. — премьер-министра Великобритании. Большое влияние в английской политике приобрёл и лорд А. Мильнер, который в конце 1916 г. стал членом военного кабинета и фактическим военным министром, хотя официально этот пост он занял только в 1918 г. В это же время начинается активная деятельность посла Великобритании в Петрограде сэра Дж. Бьюкенена по установлению контактов с либеральной оппозицией в России.

Ллойд-Джордж, Мильнер, Бьюкенен — эти люди известны тем, что активно поддерживали заговор против императора Николая II в феврале 1917 г. Названные лица были членами тайного общества, известного как «Круглый стол». Это общество представляло объединение влиятельных сил, участвовавших в осуществлении британской имперской и внешней политики начала XX в.² Основной его задачей было распространение британского господства на весь мир («объединение всего мира под господством Англии»), в том числе введение английского языка в качестве всемирного³. На самом деле Англия рассматривалась «Круглым столом» только как плацдарм для осуществления главной цели общества — создания единого мирового правительства.

Собственно, эта идея превалировала и у американской группы. Партнёр Моргана В. Ламонт говорил в 1915 г.: «*Нью-Йорк должен заменить Лондон в качестве мирового валютного центра. Для того чтобы стать мировым валютным центром, мы должны, конечно, стать торговым центром мира*»⁴. Если продолжить мысль Ламонта, то, чтобы стать мировым торговым центром, Нью-Йорку необходимо было превратиться в мировой политический центр.

¹ Великий князь Михаил Михайлович — императору Николаю II. 4/17 июня 1916 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1302. Л. 54—55.

² Caroll Quigley. *The Anglo-American Establishment*. — New York, 1981.

³ *The Times*, 25 July 1925.

⁴ Энгдаль У.-Ф. Указ. соч. С. 85.

То есть, как и в случае идеологов «Круглого стола», речь у американских международных банкиров шла о мировом правительстве. Все эти идеи активно прорабатывались в масонских ложах с начала XX в. На масонском съезде в Брюсселе в 1910 г. было признано, что *«человечество идёт к вселенской международной организации. Из этой организации впоследствии будут созданы международные правительственные организации. В недалёком будущем человечество придёт к идее создать органы международного законодательства и международный парламентский союз»*¹. Таким образом, чётко формулировалась цель — единое международное правительство. В связи с этим устранение самодержавной России было необходимым условием для её осуществления.

Влиятельный союзник «Круглого стола» и представитель международного капитала в американском правительстве Э.-М. Хаус, более известный в истории как «полковник Хаус», ещё 22 августа 1914 г. писал президенту Вильсону: *«Если победят союзники, то это главным образом будет означать господство России на Европейском континенте. Если же победит Германия, это означало бы пришествие на целые поколения несказанной тирании милитаризма. Нам пришлось бы сойти с того пути, который Вы осветили для будущих поколений с постоянным миром как конечная цель и новым международным кодексом морали как путеводной звездой, и вместо этого создавать военную машину грандиозных размеров»*². Будущее показало, что США вполне сумели сочетать «новую мораль» с «военной машиной грандиозных размеров». В этом письме весьма важно то, что Хаус и его единомышленники хорошо понимали, что в случае победы Антанты главной страной в Европе станет самодержавная Россия.

Отношение к России Хаус высказал достаточно откровенно, заметив, что *«остальной мир будет жить спокойнее, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна — Сибирь, а остальные — поделенная европейская часть страны»*³.

¹ О масонах // ГА РФ. Ф.102 ДП ОО. 1905. Ч. 12.2 (2). Л. 23.

² Э. Хаус — президенту В. Вильсону // Архив полковника Хауса. — М., 1937. Т. 1—2. Т. 1. С. 83—84.

³ Уткин А. Указ. соч. С. 76.

Во второй половине 1916 г. все главные посты в Англии заняли представители «Круглого стола»: Ллойд-Джордж — премьер-министр, лорд А. Мильнер — военный министр, лорд А.-Дж. Бальфур — министр иностранных дел. Именно с этого момента английская внешняя политика меняет свои ориентиры. Если до этого главной целью английской политики была победа над Германией в союзе с Россией, то со второй половины 1916 г. такой целью стало устранение царской России и только потом победа над Германией. Не случайно Д. Ллойд-Джордж сразу после Февральской революции воскликнул: «Одна из целей войны — достигнута!»

Эта цель стала главной из тех причин, которые побудили глобалистские силы начать в 1916 г. подготовку революции в России. К ним следует отнести следующие:

1) неотвратимость победы императорской России в Мировой войне и вытекающая отсюда невозможность построения нового мирового порядка;

2) неспособность помешать России завладеть Черноморскими проливами, Константинополем;

3) стремление трансатлантического капитала подчинить себе русский рынок и сырьевые ресурсы;

4) отсутствие рычагов воздействия на царскую Россию после войны;

5) религиозно-мистическая и геополитическая доктрина сообщества, предусматривающая недопущение в новом мировом порядке существования самодержавной православной монархии.

Важнейшей причиной ускорения верхушкой англо-американского сообщества подготовки государственного переворота в России стали взятые правительством Англии и Франции обязательства перед императорским правительством о территориальных приобретениях.

Обладание Проливами и Константинополем позволяло России контролировать военные и торговые пути в Средиземное море, открывало ей дорогу в Азию, в Индию и Африку. Господство России в Проливах означало бы к тому же быстрое окончание войны в пользу Антанты. Это, к слову сказать, понимали как нем-

цы, так и союзники. Гросс-адмирал А. фон Тирпиц писал: «Если Дарданеллы падут, то война для нас проиграна...»¹

Такое завершение войны не устраивало Д. Ллойд-Джорджа и Я. Шиффа. Война должна была закончиться по их сценарию, и в этом сценарии для России не было места. Глава французской военной миссии при царской Ставке дивизионный генерал М. Жанен 7 апреля 1917 г. записал в свой дневник: Февральская революция «руководилась англичанами и конкретно лордом Мильнером и сэром Бьюкененом»².

Не был в стороне от планов по ослаблению России и французский посол. Изображая верного друга России, Палеолог весной 1916 г. вёл тайные переговоры с польскими сепаратистами. По существу, за спиной своего союзника Франция обсуждала планы расчленения территорий Российской империи³.

4 марта 1916 г. посол Палеолог отправил совершенно секретную записку министру иностранных дел Франции А. Бриану, в которой признавал польский вопрос «одним из самых сложных»⁴. Эта сложность, по Палеологу, объяснялась тем, что император Николай II и преобладающее русское общественное мнение были против восстановления польской государственности, в то время как «Франция не может быть безразлична к чаяниям поляков. Она должна по своей традиции им помочь обрести родину». Палеолог писал, что в настоящее время, пока идёт война, эта помощь может происходить только в сепаратных формах. Но, «когда придёт день мира, когда Россия будет готова реализовать свои грандиозные планы, которые обещает эта война, Франция должна протянуть руку помощи Польше»⁵.

¹ Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Книга 8. — Белград, 1922. С. 246.

² Goulevitch Arsène. *Tsarism and Revolution*. Omni Publications, 1961.

³ Maurice Paléologue à Aristide Briand // М.А.Е. PA 133. Maurice Paléologue. Correspondance politique. Vol. 7.

⁴ Lettre de Maurice Paléologue à Aristide Briand // М.А.Е. PA 133. Maurice Paléologue. Correspondance politique. Vol. 7.

⁵ Lettre de Maurice Paléologue à Aristide Briand // М.А.Е. PA 133. Maurice Paléologue. Correspondance politique. 1916. Vol. 7.

Французский посол указывал на необходимость объединения усилия всех союзных государств для достижения польской независимости. «Территориальное восстановление польского государства, — подчёркивал он, — может быть реализовано только нашими общими усилиями»¹.

Деньги американских банкиров шли на русскую революцию, в частности, через германские банки, владельцами которых были родственники и компаньоны Ротшильды и Мендельсоны. Деньги эти впоследствии назывались «германскими деньгами». П. Н. Миллюков открыто говорил: «Ни для кого не тайна, что германские деньги сыграли роль в Февральской революции»².

Первый секретарь русского посольства в Вашингтоне граф И. Г. Лорис-Меликов сообщал 17/30 марта 1916 г., что «никакая иностранная нация не имеет в Америке столько банков, сколько Германия. Чтобы перечислить только крупнейшие из них, достаточно упомянуть о фирмах: “Кун, Лёйб и К°”, “Ляденбург, Тальман и К°”, “Селигман и К°” и прочие. Эти банки всецело немецкие по происхождению, и если в настоящее время они и считаются американскими, то не подлежит сомнению, что интересами своими они все еще тесно связаны с Германией»³.

В марте 1916 г. послом САСШ в России был назначен банкир и хлеботорговец Д. Френсис, который, наряду с Бьюкененом и Палеологом, сыграл заметную роль в поддержке заговора против царя. Одной из веских причин участия американского дипломата в помощи заговорщикам, помимо всего прочего, стали личные мотивы — будучи хлеботорговцем, Френсис был заинтересован в устранении России как конкурента с мирового рынка зерна.

К концу 1916 г. Бьюкенен был хорошо осведомлён от П. Н. Миллюкова, с которым находился в постоянном общении, о планах оп-

¹ Lettre de Maurice Paléologue à Aristide Briand // М.А.Е. РА 133. Maurice Paléologue. Correspondance politique. 1916. Vol. 7.

² Миллюков П. Н. *Почему и зачем мы воюем?* — Пг., 1917. С. 48–49, 57–58.

³ И. Г. Лорис-Меликов — Б. В. Штюрмеру // Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917: Документы. — М., 1999. С. 628.

позиции по свержению Императора Николая II¹. Эти сведения посол передавал премьер-министру Д. Ллойд-Джорджу в Лондон². Товарищ министра внутренних дел генерал П. Г. Курлов в своих мемуарах писал, «что розыскные органы ежедневно отмечали сношения лидера кадетской партии Милюкова с английским посольством»³.

У Бьюкенена происходили встречи с лицами, оппозиционными царскому строю⁴. Среди обсуждаемых тем, волновавших гостей британского посла, была дискуссия: будет ли убита императорская чета в ходе грядущих потрясений⁵.

Таким образом, мы видим, что внешняя политика правительств западных союзников Николая II к концу 1916 — началу 1917 г. претерпела кардинальное изменение. Из союзнической она превратилась во враждебную России. Причина этой враждебности была вызвана не соответствующими действиями царского правительства, попыткой сепаратного мира или неудачами на фронте, а как раз наоборот: успехами на фронте и в экономике и грядущей неминуемой победой России.

Формирование заговора против императора Николая II

Одним из главных руководителей готовящегося переворота был председатель Центрального военно-промышленного комитета и член Государственного совета А. И. Гучков. Царь называл Гучкова «Юань-Шикаем» и считал «своим личным врагом»⁶.

¹ Курлов П. Г. *Гибель Императорской России*. — М.: Современник, 1992. С. 214.

² Берберова Н. *Люди и ложь. Русские масоны XX столетия*. Russica Publishers, INC. — New York, 1986. С. ...

³ Курлов П. Г. Указ. соч. С. 123.

⁴ Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. — М.: Сретенский монастырь, Новая книга, Ковчег, 1999. С. 228.

⁵ Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. — Boston, 1923. Vol. II. P. 31.

⁶ Куликов С. Указ. соч. С. 332.

В свою очередь, Гучков испытывал давнюю личную неприязнь к императору, свержение которого к 1916 г. стало для Гучкова почти самоцелью. Октябрист и недавний почитатель Гучкова, князь А. В. Оболенский писал, что тот к моменту революции превратился в «открытого злобного революционера, настроенного больше всего против особы Государя Императора»¹. В своём стремлении свергнуть царя Гучков был готов объединяться с любыми силами.

Крупный русский промышленный капитал, выразителем интересов которого являлся Гучков, был обеспокоен и раздражён тем, что начиная с середины 1916 г. правительство Б. В. Штюрмера стало контролировать кредиты, отпускаемые авансом ВПК². Эти кредиты по инициативе министра А. А. Поливанова были непропорционально большими. К декабрю 1915 г. из средств, выделяемых ВПК, 81% было отпущено авансом³. По сведениям Б. В. Штюрмера, деятельность ВПК и Земгора «поддерживается исключительно на казённые средства (свыше 553 000 000 рублей казённых субсидий и только 4 362 000 рублей местных средств)»⁴.

При этом ВПК не справлялись со взятыми обязательствами⁵. Попытка правительства взять под контроль прибыль ВПК затронула финансовые интересы крупного капитала, представители которого становились активными сторонниками введения ответственного министерства.

Ситуация в стране и на фронте весной—летом 1916 г. окончательно привели Гучкова к мысли о дворцовом перевороте. В конце сентября — начале октября 1916 г. состоялось несколько встреч А. И. Гучкова со своими единомышленниками, среди ко-

¹ Оболенский А. В. *Мои воспоминания* // Возрождение. 1955. Тетр. 48. С. 102—103.

² Айрапетов О. Р. *Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и революцию (1907—1917)*. — М.: Три квадрата, 2003. С. 110.

³ Айрапетов О. Р. Указ. соч. С. 110.

⁴ Отношения Штюрмера Б. В. императору Николаю II по разным вопросам // ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 148. Л. 13.

⁵ Айрапетов О. Р. Указ. соч. С. 178.

торых были М. В. Родзянко, Н. В. Некрасов, С. И. Шидловский, А. И. Шингарёв, М. И. Терещенко¹.

По словам Гучкова, у его группы *«план очень быстро сложился»*². Он заключался в захвате царского поезда во время одной из поездок Николая II из Петрограда в Ставку или обратно. Арестовав царя, предполагалось тут же принудить его к отречению от престола в пользу цесаревича Алексея при регентстве Великого князя Михаила Александровича и введение в стране конституционного строя³. Милюков в своих воспоминаниях писал, что Гучков не исключал убийства императора Николая II⁴.

Но кроме Гучкова в Думе существовали и другие силы, стремившиеся к свержению монархии. К этим силам следует отнести трудовую фракцию и её главу А. Ф. Керенского. Уже в августе 1915 г. охранное отделение в своих донесениях выделяло Керенского как главного руководителя революционного движения, а возглавляемую им трудовую фракцию — как *«центр революционной работы в Петрограде»*⁵. В январе 1917 г. Керенский заявлял, что *«революция нам нужна, даже если б это стоило поражения на фронте»*⁶.

Успех заговора зависел от того, на чьей стороне окажется армия, и прежде всего Ставка верховного главнокомандования, которая во многом была *«вторым правительством не только на театре военных действий, но и в столице»*⁷.

Именно поэтому Гучков, ещё задолго до переворота, стремился установить с армейскими кругами тесную связь. Являясь в 1907—1910 гг. председателем думской комиссии по государствен-

¹ Александр Иванович Гучков рассказывает // Вопросы истории. 1991. № 7—12. С. 205.

² Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 205.

³ Брачев В. С. *Русское масонство XVIII—XX веков.* — СПб.: Стома, 2000. С. 298.

⁴ Милюков П. Н. Указ. соч. С. 310.

⁵ Донесения охранного отделения о Керенском А. Ф. // ГА РФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 278. Л. 1.

⁶ Глобачёв К. И. Указ. соч. С. 73.

⁷ Аврех А. Я. Указ. соч. С. 184.

ной обороне, Гучков смог войти в тесный контакт со многими генералами и офицерами, некоторые из которых к 1917 г. занимали высокие должности в военном руководстве: начальником штаба Ставки генерал-адъютантом М. В. Алексеевым, главнокомандующим армиями Северного фронта генерал-адъютантом Н. В. Рузским, главнокомандующим Юго-Западным фронтом генерал-адъютантом А. А. Брусиловым, командующим Черноморским флотом вице-адмиралом А. В. Колчаком и др.

Высшее военное руководство Российской императорской армии в конце 1916 — начале 1917 г. в своём большинстве поддерживало не своего императора и верховного главнокомандующего Николая II, а политическую оппозицию, готовившую его свержение, прежде всего Прогрессивный блок¹.

Важнейшей своей задачей Николай II продолжал считать военную победу, как жизненно необходимую для будущего России. Ей Николай II подчинял все остальные политические и государственные задачи, а тем более свои личные интересы. *«Мы все должны думать не обо мне лично, а о России. Только бы Господь её сохранил»*, — сказал царь А. И. Пильцу незадолго до революции².

Царю часто ставят в вину назначение неспособных министров. Однако Николай II дважды предлагал близким к оппозиции государственным деятелям, А. В. Кривошеину (в 1915 г.) и министру земледелия А. Н. Наумову (летом 1916 г.) возглавить правительство, но те отказались³. Включение в правительство кандидатур Гучкова и князя Г. Е. Львова означало бы добровольную сдачу царём власти людям, которые, по его убеждению, принесли бы стране только вред.

Царь не применял репрессий к оппозиции, так как полагал, что они только ускорят нарастание противостояния в обществе,

¹ Дякин В. С. *Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917)*. — Л., 1967. С. 244–245.

² Памяти Царственных Мучеников. Сборник статей ревнителей памяти Императора Николая II и Его Семьи. — София, 1930. С. 28.

³ Допрос А. Н. Наумова. 8 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 1. С. 416.

опасного накануне большого наступления на фронте. В силу своих нравственных убеждений Николай II думал, что оппозиция, какой бы радикальной она ни была, не пойдёт на государственный переворот во время тяжёлой войны.

План действий руководителей Государственной думы заключался в том, чтобы спровоцировать правительство на перерыв занятий Думы, после чего организовать беспорядки в её поддержку среди рабочих, молодёжи и даже в войсках¹. Петроградское охранное отделение сообщало, что серьёзных организованных выступлений *«следует ожидать только в случае роспуска Государственной думы»*².

Поэтому Николай II считал роспуск Думы опасным шагом и полагал, что он станет не нужен после успешного наступления на фронте. Это понимали и в оппозиции. Уже после февральских событий Милюков в письме монархисту И. В. Ревенко признавал, что оппозиция твёрдо решила *«воспользоваться войною для производства переворота. Ждать больше мы не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования»*³.

Эти строки Милюкова подтверждаются словами генерала К. И. Глобачёва, который писал, что *«для революционного переворота в России имелся один месяц, то есть до 1 апреля. Дальнейшее промедление срывало революцию, ибо начались бы военные успехи, а вместе с ними ускользнула бы благоприятная почва»*⁴.

Одним из важным факторов, призванных обеспечить победу в войне, Николай II считал «священное единение» между властью и

¹ Отношения Б. В. Штюрмера императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 148. Л. 13–14.

² О Государственной думе // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. 1917 (247). Д. 307 ЛА. Л. 39.

³ Коняев Н. М. *Гибель красных Моисеев. Начало террора. 1918 год.* — М.: Вече, 2004. С. 67.

⁴ Глобачёв К. И. Указ. соч. С. 118.

обществом. Поэтому он шёл навстречу оппозиции, вплоть до готовности привлечения её представителей в состав правительства. Царь до конца был против роспуска Государственной думы. Но, несмотря на то что Николай II был готов идти на большие компромиссы с оппозицией, он не собирался перед ней капитулировать.

Между тем думская оппозиция в лице Прогрессивного блока стремилась именно к свержению монарха, а не к поиску компромисса с ним. Ей была чужда идея «священного единения». Также ей не нужно было участие в императорском правительстве. Все цели оппозиции были направлены на одно — захват власти. Таким образом, у Николая II и оппозиции в 1915 г. — феврале 1917 г. были противоположные цели. Царь стремился всеми силами одержать победу во внешней войне, оппозиция — во внутренней.

События февраля—марта 1917 г. и «отречение» императора Николая II от престола являлись хорошо спланированным государственным переворотом, подготовленным и осуществленным думской оппозицией при поддержке влиятельных промышленных кругов и представителей западных правительств.

Крушение

17 и 18 декабря 1916 г. в Ставке состоялось военное совещание под председательством императора Николая II. *«Все главнокомандующие, — писал Государь императрице Александре Фёдоровне, — приезжают сюда на военный совет, так как пора готовить планы на будущую весну»*¹.

Участник этого совещания генерал-квартирмейстер Ставки генерал от инфантерии А. С. Лукомский свидетельствовал, что *«главный удар решено было нанести на Юго-Западном фронте. [...] После успеха на Юго-Западном фронте намечено было перейти в наступление и на других фронтах»*².

¹ Император Николай II — императрице Александре Фёдоровне. 17 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. — М., 1996. С. 627.

² Лукомский А.С. *Воспоминания*. — Берлин: Издательство «Отто Кирхнер и К°», 1922. С. 119.

Это было последнее большое военное совещание императора — Верховного Главнокомандующего. 18 декабря 1916 г. Николай II, обеспокоенный полученными сведениями об убийстве в Петрограде Г. Е. Распутина и об опасности террористических актов в отношении царской семьи, покинул Ставку и выехал в Царское Село.

Главноуправляющий собственной канцелярией Его Императорского Величества по принятию прошений В. И. Мамантов писал, что во время своей последней встречи с царём в конце 1916 г. он нашёл Николая II бодрым и жизнерадостным, великолепно выглядевшим и помолодевшим. Николай II высказал Мамантову уверенность «*что победа нам обеспечена*»¹. Мамантов, согласившись с царём, что военная ситуация благоприятна для России, высказал озабоченность внутривосточной обстановкой. Государь призвал его не слушать «*сплетен гнилого Петербурга и крикунов в Думе, которым дорога не Россия, а их собственные интересы*», и ещё раз подтвердил, что «*победа уже не за горами*»².

24 января 1917 г. Николаем II был утверждён план весенней кампании, который предусматривал: «*1. Нанесение главного удара из районов 11-й и 17-й армий на Львовском направлении. 2. Развитие в то же время наступления на Румынском фронте с целью разбить находящегося перед армиями противника и занятия Добруджи. 3. Ведение вспомогательных ударов на фронтах Западном и Северном. Собственной его императорского величества рукой написано: "Одобрю" 24 января 1917 года*»³.

Ставка предполагала повторить успех Луцкого прорыва⁴. «*Нет сомнений, — отмечал британский военный атташе генерал-майор А. Нокс, — если бы не развал национального единства в тылу, русская армия могла бы себя увенчать новой славной кампанией 1917 года*»⁵.

¹ Мамантов В. И. *На Государевой службе. Воспоминания*. — Таллин, 1926. С. 233.

² Мамантов В. И. Указ. соч. С. 233.

³ *Мировые войны XX века. Первая мировая война*. Т. 2. С. 228.

⁴ Лукомский А. С. *Воспоминания*. С. 119.

⁵ Клох А. *Sir. Op. cit.* V. 1–2. P. 233.

Однако Нокс умалчивал, что к развалу этого единства в большой степени приложили руку западные союзники России. Перед лицом неминуемой победы над германскими и Османской империями правящие круги Англии и Франции, забыв свой долг перед Россией и собственными народами, оказали существенную помощь российским заговорщикам в свержении монархии. Правящие круги Англии и Франции надеялись, что, когда к власти придут кадеты и гучковцы, они будут гораздо более сговорчивы в вопросах внешней политики, чем свергнутый царь.

Кроме того, союзники стремились вернуть своё былое влияние на русское командование. Дело в том, что, приняв на себя осенью 1915 г. верховное командование, император Николай II в корне изменил статус представителей союзного командования в Ставке. Вместо единоличных военных представителей союзников Николай II согласился, чтобы союзные командования имели при его Ставке свои военные миссии¹.

Число миссий по сравнению с прежней Ставкой возросло, к английской и французской присоединились военные миссии Италии, Японии, Сербии, а впоследствии — Румынии и Бельгии, и все они стали играть сугубо представительскую роль. Офицеров миссий перестали допускать к стратегическому планированию операций и делиться с ними военными секретами. Генерал А. И. Спиридович свидетельствовал: *«В Ставке на государя очень давили представители иностранных держав. Давили, старались влиять, но и только. Никто так твёрдо и самостоятельно не вёл русскую национальную линию с иностранцами, как император Николай Второй»*².

6 января 1916 г. французский посол в Петрограде М. Палеолог с тревогой жаловался министру иностранных дел А. Бриану на деятельность главы французской военной миссии генерала маркиза П.-А. де Лагиша, отвечавшего за разведку, отмечая, что *«глава нашей военной миссии не может исполнять свои прямые обязанности. Фактически его деятельность сводится к почётной миссии при*

¹ Бубнов А. Указ. соч. С. 166.

² Спиридович А. И. Указ. соч. С. 78.

*Императоре»*¹. В письме от 11 января 1916 г. уже де Лагиш спешил сообщить Палеологу из русской Ставки: «Мы не можем ни на что реагировать, так как у нас до сих пор не было ни одного контакта с Генеральным штабом»².

Но было ещё одно обстоятельство, которое заставляло союзников спешно оказывать помощь заговорщикам. В конце 1916 г. в разговоре с английским послом Бьюкененом Николай II отказался после освобождения занятых противником территорий вторгаться в пределы Германии без помощи союзников. Бьюкенен вспоминал, что, когда он спросил царя, «не обдумывал ли он вопроса о выпрямлении русских границ за счёт Германии, Его Величество ответил, что он боится, что ему пришлось бы удовлетвориться и нынешними границами, как они ни плохи. Германцы должны быть изгнаны из Польши, но русское наступление внутрь Германии стоило бы слишком тяжёлых жертв. Его целью всегда было создание объединенной Польши под протекторатом России, как буферного государства между Германией и Россией, но он не питает в настоящее время никакой надежды на включение Познани в Польшу»³.

А это означало, что планы Англии добиться общей победы руками ослабленной и зависимой России провалились. Значит, нужно было сделать так, чтобы Россия эту войну не выиграла или выиграла так, чтобы все плоды её победы достались западным демократиям. Главным гарантом независимой политики России был император Николай II. Пока царь был на престоле — Россия была неподконтрольна для западных правительств. Значит, царя нужно было любой ценой свергнуть с престола. Но ни у союзников, ни у заговорщиков почти не было времени для осуществления своих планов. Весеннее наступление русской армии неминуемо привело бы к успеху, и общими усилиями к концу 1917 — началу 1918 г. война для Антанты закончилась бы победой. Естественно, что в этом

¹ Lettre M. Paléologue à Marquis P.-A. de Laguiche // М.А.Е. PA 133. Maurice Paléologue. Correspondance politique. 1900—1937. 1915. Vol. 7.

² Lettre de Marquis de Laguiche à M. Paléologue // М.А.Е. PA 133. Maurice Paléologue. Correspondance politique. 1915. Vol. 7.

³ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 167.

случае у оппозиции не осталось бы никаких шансов осуществить планируемый ею переворот. Поэтому революция в феврале—марте 1917 г. стала для оппозиции вопросом жизни или смерти. Для правящих кругов Англии, Франции и США переворот тоже был последним шансом убраться Россию из числа полноправных победителей.

Последний большой дипломатический приём императора Николая II, посвящённый Новому, 1917 г., прошёл под знаком явно назревающего конфликта между царём и представителями Антанты. Генерал А. И. Спиридович вспоминал, что Государь, *«подходя к английскому послу Бьюкенену, сказал ему, видимо, что-то очень неприятное. Близстоящие заметили, что Бьюкенен был весьма смущен и даже сильно покраснел»*. На обратном пути в Петроград Бьюкенен рассказал Палеологу, что *«Государь заметил ему, что он, посол английского короля, не оправдал ожиданий Его Величества, что в прошлый раз на аудиенции Государь упрекал его в том, что он посещает врагов монархии. Теперь Государь исправляет свою неточность: Бьюкенен не посещает их, а сам принимает их у себя в посольстве. Бьюкенен был и сконфужен, и обескуражен. Было ясно, что Его Величеству стала известна закулисная игра Бьюкенена и его связи с лидерами оппозиции»*¹.

В декабре — начале января Россия готовилась принять делегатов большой союзнической конференции. Незадолго до её открытия, 12/25 января, Николай II принял в Царском Селе Бьюкенена. По поводу готовящейся конференции Николай II *«выразил надежду, что это будет последняя конференция, которую мы будем иметь до окончательной мирной конференции»*. Однако Бьюкенен выразил свои большие сомнения по этому поводу. Когда царь поинтересовался причинами такого пессимизма английского посла, то последний позволил себе неслыханную по тем временами дерзость. *«Ваше Величество! — заявил Бьюкенен, — Позвольте мне сказать, что перед вами открыт только один верный путь, это — уничтожить стену, отделяющую вас от Вашего народа, и снова приобрести его доверие»*. Император выпрямился

¹ Спиридович А. И. Указ. соч. С. 449.

во весь рост и, жёстко глядя на посла, спросил: «*Так Вы думаете, что я должен приобрести доверие своего народа или что он должен приобрести моё доверие?*»¹ Царь сухо простился с Бьюкененом. После этого инцидента императрица Александра Фёдоровна предлагала царю потребовать отзыва английского посла. Но Николай II не стал обострять отношения с английским правительством накануне большой союзнической конференции. Для императора наиважнейшей задачей являлось сохранение единства с союзниками до готовящегося победоносного наступления русской армии весной 1917 г. Именно до него нужно было окончательно официально закрепить все приобретения для России. После грядущего военного успеха, выхода русской армии к границам германских империй, разгрома Турции никакие происки союзников стали бы для России не опасны.

Конференция союзников собралась 19 января/1 февраля 1917 г. в Петрограде. Державы были представлены на высоком уровне: от России — министр иностранных дел Н. Н. Покровский, военный министр генерал от инфантерии М. А. Беляев, морской министр адмирал И. К. Григорович, министр финансов П. Л. Барк, и.о. штаба Верховного Главнокомандующего генерал от кавалерии В. И. Ромейко-Гурко, новоназначенный посол в Лондоне С. Д. Сазонов; от Франции — министр колоний Г. Думерг, посол в Петрограде М. Палеолог и генерал Н. де Кастельно; от Англии — военный министр лорд А. Мильнер и посол Дж. Бьюкенен; от Италии — министр без портфеля маркиз В. Шалоя, посол А. Карлотти и генерал граф Руджиери-Ладерки².

Официальная повестка дня включала обсуждение координации планов союзных держав на военную кампанию 1917 г., материально-техническое снабжение России, а также окончательное урегулирование вопроса территориальных изменений после победы.

Конференция пришла к следующим выводам. 1. «*Кампания*

¹ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 181—185.

² Доклад министра иностранных дел Н. Покровского императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 797. Л. 1.

1917 года должна вестись с наивысшим напряжением и с применением всех наличных средств, дабы создать такое положение, при котором решающий успех союзников был бы вне всякого сомнения».

2. Наступление союзников должно быть общим и решительным на всех фронтах, дабы не дать противнику вырвать инициативу из рук союзников. 3. Общее наступление начать в апреле на всех фронтах с целью окончания войны в 1917 г. при полной победе союзных держав¹.

Но кроме официальной цели участия союзных представителей на Петроградской конференции была ещё и неофициальная, а точнее, негласная — разведка внутривосточной обстановки в России и координация действий с организаторами готовящегося в стране переворота. Главным действующим лицом западных союзников на конференции был лорд А. Мильнер². Премьер-министр Д. Ллойд-Джордж не скрывал своих надежд на эту конференцию, так как она «может привести к какому-нибудь соглашению, которое поможет выслать Николая и его жену из России и возложить управление страной на регента»³.

18/31 января Николай II принял в Царском Селе всех участников конференции. Мильнер вручил царю два письма от Георга V⁴. Ещё через два дня лорд получил личную аудиенцию и обедал с императором и императрицей. После этой встречи Мильнер констатировал: «Император и императрица хотя держались очень любезно, но совершенно отчетливо дали понять, что не потерпят никакого обсуждения российской внутренней политики»⁵.

Союзники передали царю меморандум со своими «советами»: 1. Ввести в штаб верховного главнокомандующего союзных представителей с правом решающего голоса. 2. Обновить командный

¹ Доклад министра иностранных дел Н. Покровского императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 797. Л. 3–5.

² Halperin V. *Lord Milner and the Empire*. — London, 1952. P. 158.

³ Ллойд-Джордж Д. *Военные мемуары*. — М., 1935. Т. 3. С. 359.

⁴ Давидсон А. Б. *Февраль 1917 года. Политическая жизнь Петрограда глазами союзников* // Новая и Новейшая история. 2007. № 1.

⁵ Давидсон А. Б. *Февраль 1917 года...*

состав армии в согласовании с державами Антанты. 3. Ввести ответственное министерство¹.

На эти требования Государь ответил отказом по пунктам. По пункту 1: *«Излишне введение союзных представительств, ибо Своих представителей в союзные армии, с правом решающего голоса вводить не предполагаю»*. По пункту 2: *«Тот же излишне. Мои армии сражаются с большим успехом, чем армии моих союзников»*. По пункту 3: *«Акт внутреннего управления подлежит усмотрению монарха и не требует указаний союзников»*².

5/18 февраля лорд А. Мильнер был ещё раз принят императором Николаем II. Во время этого приёма Мильнер попытался оказать прямое давление на царя. Лорд представил Государю записку, в которой предлагалось назначить на высшие посты в государственных органах власти России людей из оппозиции, *«не считаясь с официальными традициями»*³. Мильнер дал понять, что в противном случае у царского правительства могут возникнуть серьёзные затруднения, в том числе с поставками военных материалов из Англии⁴. После аудиенции у царя Мильнер заявил, что для успешного исхода войны для России нужно, чтобы *«император поверил ведение войны действительно способным министрам»*⁵. Под такими лорд разумел, конечно, представителей либерально-кадетской оппозиции. Жёсткий ультимативный характер требований А. Мильнера был подчеркнут лордом А. Бальфуrom в его беседе с военным обозревателем газеты «Таймс» полковником С. Репингтоном: *«Монархам редко делаются более серьёзные предупреждения, чем те, которые Мильнер сделал царю»*⁶.

Во время своего визита Мильнер встретился с представителями оппозиции Гучковым, князем Львовым, Родзянко, генералом

¹ Граф Г. К. *На Новике*. — СПб.: Издательство Гангут, 1997. С. 35.

² Граф Г. К. Указ. соч. С. 35.

³ Записка А. Мильнера императору Николаю II [на англ. яз.] // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 672. Л. 1.

⁴ Алексеева И. *Миссия Мильнера* // Вопросы истории. — М., 1989. № 10.

⁵ Давидсон А. Б. *Февраль 1917 года...*

⁶ Алексеева И. *Миссия Мильнера...*

Поливановым, Сазоновым, Милюковым. Тогда же в Петроград прибыл из Москвы британский генеральный консул и по совместительству резидент британской разведки Р.-Г. Брюс Локкарт¹.

Уже после Февральского переворота ирландский представитель палаты общин указывал, что лорда Мильнера «наши лидеры» послали «в Петроград, чтобы подготовить революцию, которая уничтожила Самодержавие в стране-союзнице»².

К февралю 1917 г. против царя объединились представители думской оппозиции и крупного капитала, тайно поддерживаемые дипломатическими миссиями союзников в Петрограде. В заговор были вовлечены руководство Ставки и некоторые главнокомандующие фронтами. В таких условиях император Николай II был обречён.

22 февраля 1917 г. Николай II выехал в Ставку. С 23 февраля в Петрограде начались хорошо организованные массовые выступления, которые переросли в вооружённые столкновения с армией и полицией. В стране был осуществлён государственный переворот, свергнуто императорское правительство. 2 марта 1917 г. в Пскове, задержанный военными участниками заговора, император Николай II был свергнут с престола, а 8 марта арестован и отправлен под конвоем в Александровский дворец Царского Села.

19 марта 1917 г. посол США в России Френсис отправил государственному секретарю Р. Лансингу следующую телеграмму: «Порядок сохраняется по-прежнему. Приняты все меры, чтобы не допустить никаких претензий на трон, как со стороны великого князя Михаила, представляющего прямое наследование после отречения царя и царевича, так и сделать тщетной всякую попытку сохранить имперскую преемственность вплоть до *people act*»³. Это последнее выражение, *people act*, означало не что иное, как физи-

¹ Lockhart (R. H. B.) *British Agent*. — New York, 1933. P. 156.

² Алексеева И. В. *Агония Сердечного согласия: Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте*. — Л., 1990. С. 243.

³ *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States*. 1918. Russia. Vol. 1. — Washington, 1931. P.7.

ческое устранение любого потенциального претендента на русский престол, если тот выразит готовность его занять.

1 марта над Зимним дворцом был поднят красный флаг, а представители союзных держав Франции и Англии де-факто признали Временное правительство. Тогда же это сделала и Америка, посол которой, Д. Френсис, поспешил назвать переворот *«самой изумительной революцией в истории»*¹.

---

¹ Francis D. *Russia from the American Embassy*. — N.-Y., 1921. P. 244.

Послесловие

«Если бы Россия в 1917 году осталась организованным государством, все дунайские страны были бы ныне русскими губерниями. Не только Прага, но и Будапешт, Бухарест, Белград и София выполняли бы волю русских властей. В Константинополе на Босфоре и в Катарро на Адриатике развевались бы русские военные флаги»¹. Так писал в 1934 г. венгерский канцлер граф И. Бетлен. Безусловно, это крайняя и устрашающая оценка, но она в определённой степени отражает то внешнеполитическое влияние, которое набирала Россия в первом десятилетии XX века. Собственно, Бетлен образно обозначил несостоявшийся итог внешней политики императора Николая II.

То, что этого не случилось, не вина преданного и умученного Государя. Вина эта тяжким грузом ложится на всё русское общество, в особенности же на тех его представителей, кто стремился к социальным и политическим переменам любой ценой, кто ставил свои амбиции выше интересов государства и народа. Царю не дали выиграть войну для России. Эта аксиома как нельзя лучше выражена в классическом определении нашего геополитического противника У. Черчилля: *«В управлении государствами, когда творятся великие события, вождь нации, кто бы он ни был, осуждается за неудачи и возносится за успехи. Дело не в том, кто проделывает работу, кто начертывает план борьбы, порицание или хвала за исход довлеют тому, на ком авторитет Верховной власти и ответственности. Почему отказывать в этом суровом испытании Николаю II? Бремя последних решений лежало на нём. На вершине, где события превосходили разумение человека, где всё неисповедимо, давать ответы приходилось ему. Стрелкой компаса был он. Воевать или не воевать? Наступать или отступать? Идти вправо или влево? Согласиться на демократию или держаться твёрдо? Вот поля сражений Николая II. Почему не воздать ему за это честь? Николай II в глубокой скорби остался непоколебим. Он видел так же ясно, как и другие,*

¹ Керсновский А. А. Указ. соч. Т. 4. С. 326.

возрастающую опасность. Он не знал способа её избежать. По его убеждению, только Самодержавие, создание веков, дало России силу продержаться так долго наперекор всем бедствиям. Ни одно государство, ни одна нация не выдерживали доселе подобных испытаний в таком масштабе, сохраняя при этом своё строение. Изменить строй, отворить ворота нападающим, отказаться хотя бы от доли своей самодержавной власти — в глазах Царя это означало вызвать немедленный развал. Досужим критикам, не стоявшим перед такими вопросами, нетрудно пересчитывать упущенные возможности. Они говорят, как о чём-то лёгком и простом, о перемене основ русской государственности в разгар войны, о переходе самодержавной монархии к английскому или французскому парламентскому строю... В марте Царь был на престоле; Российская империя и русская армия держались, фронт был обеспечен и победа бесспорна. Несмотря на ошибки, большие и страшные, тот строй, который в нём воплощался, которым он руководил, которому своими личными свойствами он придавал жизненную искру — к тому моменту выиграл войну для России. [...] Держа победу уже в руках, она пала на землю заживо, как древле Ирод, пожиряемая червями»¹.

Но главный итог внешней политики Николая II заключается, конечно, не в Мировой войне, которую Временное правительство и большевики с позором проиграли. Николай II не хотел этой войны и сделал всё от него зависящее, чтобы её не было. Государь никогда не был врагом ни Германии, ни Франции, ни Англии, ни Турции, ни Японии, ни Китая, ни какой-либо иной державы. Царь хотел сохранять добрые отношения со всеми государствами, решая спорные вопросы за столом переговоров, а не на поле брани. Сколько раз в течение своего царствования именно его, Николая II, воля, а иногда и смирение спасали Европу от войны. Ради сохранения мира Государь был готов идти на любые жертвы, отодвигая на второй план самолюбие и отказываясь от лавров победителя. Единственное, что царь не мог принести в жертву, были интересы столь любимой им России. С самого первого дня своего

¹ Churchill (W. S.). *The World Crisis. 1916–1918*. Vol. 1. — New-York, 1929. P. 227–228.

царствования Николай II хотел видеть Россию великой и процветающей, главной опорой мирового спокойствия. Государь хотел, чтобы Россия «ногою твёрдой» стала в Азии и на Дальнем Востоке, чтобы русский народ, проложив себе путь к незамерзающим морям, стал другом, а может быть, и освободителем восточных народов. Николай II считал, что внешняя политика должна быть направлена не на политические интриги и колониальные захваты, а на процветание России. Процветание же это могло быть только при сохранении всем народом верности идеалам русского мира: веры в Бога и беззаветного служения земному Отечеству. Внешнеполитические цели Николая II не были достигнуты не потому, что царь был слабым, и не потому, что наши внешние враги были сильнее, а потому, что общество наше в своём большинстве уже не верило в Бога и не желало служить ни Царю, ни России. Расслабленное и жестоковейное, оно не захотело проникнуться планами Государя, предпочитая исполнению великих исторических задач политические интриги и личные интересы. Император Николай II вслед за своим великим пращуром мог бы повторить: «Жизнь мне не дорога. Жива была бы только Россия». Слова эти, сказанные Петром перед Полтавской баталией, вызвали неподдельный восторг у его современников. Подобные же слова Николая II всегда вызвали насмешку и критику.

Н. А. Павлов в 1927 г. писал: *«Не умея оценить этого Государя, ни использовать опыта истории, ни содействовать Власти, ни ценить блага владеть такой страной — своей ленью, легкомыслием и ропотом глухого недовольства и бессмысленных исканий общества — современное поколение нации пришло к 1917 году»*¹.

Царскую власть победили не немцы и не английский заговор, не военные неудачи и не нехватка снарядов. Всё это Россия могла преодолеть и большей частью преодолела под управлением царской власти. Но царская власть не могла одержать победу в войне с большим русским обществом. Это его представители слали в 1905 г. японскому микадо поздравления с Цусимой, а в 1917-м требовали отречения Государя. Это оно во время тяжелейшей войны

¹ Павлов Н. А. Указ. соч. С. 8.

вместо священного единения занималось клеветой и сплетнями в отношении правящей Династии, перешедшими затем в заговоры и организацию государственного переворота. В этом оно оказало неоценимую услугу геополитическим врагам России, которые боялись её победы в Великой войне. Ведь Россию и её западных союзников объединяла только одна общая цель — победа над кайзеровской Германией, устранение опасности германской мировой гегемонии. Во всём остальном цели России и западных союзников были прямо противоположны. Более того, интересы России были враждебны как для Антанты, так и для Германии. Общей целью Запада в отношении России было её устранение как великой державы. Германия собиралась сделать это путём прямого захвата российских территорий. Франция и Англия надеялись использовать русскую силу в качестве «парового катка», который раздавит Германию. В дальнейшем в Лондоне и Париже рассчитывали видеть ослабленную Россию в качестве их сырьевой базы. «Новый мировой порядок», о котором мечтали в Берлине, в Вашингтоне и в Лондоне, не мог быть установлен при существовании самодержавной России-победительницы.

Если бы самодержавная Россия вышла победительницей из этой невиданной войны, она бы вступила в новый техногенный XX в. ещё более сильной и могущественной, чем до войны, и это обстоятельство совершенно не устраивало ни германские империи, ни Антанту. Царская Россия, оказавшись в числе победителей, никогда не допустила бы ни грабительского Версальского мира, ни унижения германского народа, ни ликвидации монархий.

Продолжение внешней политики Николая II после войны означало бы конец колониального мира, конец политики империализма, ибо Россия по своей сути была государством антиколониальным и антиимпериалистическим.

Вот почему при известии о крушении монархии в России враги наши, как в Германии, так и в государствах Антанты, не могли сдержать своего злорадства. Немецкий генерал Э. Людендорф писал: *«На Востоке наступила огромная перемена. В марте спешествующая Антантой революция свергла Царя. Власть захвати-*

до правительство с сильной революционной окраской [...] Наше общее положение значительно улучшилось. Предстоящие на западе бои меня не страшили»¹.

В февральские дни 1917 г. британский посол в Париже Ф. Берти занёс в свой дневник: «Нет больше России. Она распалась, и исчез идол в лице Императора и религии, который связывал разные нации православной верой. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на востоке, т.е. Финляндии, Польши, Украины и т.д., сколько бы их удалось сфабриковать, то, по мне, остальное может убраться к черту и вариться в собственном соку»².

Но близоруким западным генералам и политикам не было суждено предвидеть, что крушение императорской России ввергает мир в период невиданных катаклизмов, страданий и крови. Ибо с исчезновением царя и России исчезла главная удерживающая морально-нравственная опора мира.

Главный итог внешней политики императора Николая II заключается в том, что он был первым из государственных деятелей, кто духовно-нравственную основу возвёл в основание мировой политики.

Вступая на престол, Николай II стремился проводить политику мира. Причём стремление это, впервые за всю историю, приобрело у царя характер конкретных предложений, нашедших своё отражение в Гаагской конференции. При этом Николай II исходил не только из своих христианских убеждений. Его мысль, опиравшаяся на труды русских финансистов и военных учёных, опережала своё время на 50—60 лет. Государь видел главную опасность не в количестве оружия у той или иной страны, а в его стремительно растущих мощности и дороговизне. Царь предлагал не всеобщее разоружение, а ограничение развития видов оружия, консервацию уже созданных видов, запрет на разработку и применение оружия массового поражения и оружия, причиняющего особо мучительные ранения. К необходимости всего этого мир окончательно придёт уже после Второй мировой войны.

¹ Людендорф Э. Указ. соч. С. 132.

² Брачев В.С. Указ. соч. С. 309.

Нравственное обоснование внешней политики, положенное императором Николаем II в основу, оказалось настолько сильно, что его не смогло не унаследовать и советское правительство. После провалившегося антинационального внешнеполитического курса Ленина и Троцкого на осуществление мировой революции Сталин ради сохранения своего режима и советского государства вынужден был использовать некоторые традиции Российской империи, в том числе и во внешней политике. Конечно, эти традиции были искажены и подогнаны под интересы сталинского режима. Но нельзя отрицать, что СССР в своей внешней политике, начиная с конца 30-х гг. и до самого своего распада, стремился придерживаться политики мира и компромисса, выдвигая на первый план нравственные обоснования такой политики. Антиколониальная, антивоенная риторика Советского Союза, его постоянные призывы к разоружению, стремление к сохранению мирового статус-кво уходило корнями в царствование императора Николая II, которое было советским режимом оболгано и предано забвению.

Примечательно, что и в наши дни только Россия во время агрессии НАТО против Ливии вспомнила о невинных жертвах среди мирного населения. Ни одному мировому лидеру, кроме В. В. Путина, не пришла в голову мысль призвать правителей США, Англии и Франции к покаянию за убитых ливийских женщин и детей.

В этом тоже видится преемственность с внешней политикой императора Николая II. Сегодня, в наш страшный и непредсказуемый век, когда Россия стоит на пороге грозных испытаний, будем надеяться, по завету Государя Николая II, что с *«глубокой верою в правоту нашего дела и смиренным упованием на Всемогущий Промысел»* мы сможем их преодолеть и обрести вновь свою страну крепкой в Боге и Правде.

Использованные источники и литература

1. Неопубликованные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), г. Москва.

Фонды:

102 ДП ОО (Особый отдел департамента полиции),

559 (А. П. Извольский),

568 (В. Н. Ламздорф),

601 (Николай II),

627 (Б. В. Штюрмер),

642 (Мария Фёдоровна),

645 (Александр Михайлович),

648 (Сергей Александрович),

660 (Константин Константинович),

670 (Николай Михайлович),

677 (Александр III),

892 (А. А. Гирс),

1807 (А. Ф. Керенский),

7332 (П. И. Аверьянов),

P-5972 (Брусиловы).

Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), г. Москва.

Фонды:

133 (Канцелярия министра иностранных дел),

138 (Секретный архив министра),

139 (2-я газетная экспедиция Канцелярии МИДа),

143 (Китайский стол),

144 (Персидский стол),

150 (Японский стол),

151 (Политархив),

180 (Посольство в Константинополе),

184 (Российское посольство в Лондоне),

- 187 (Посольство в Париже),
191 (Миссия в Сеуле),
192 (Миссия в Софии),
340 (Коллекция документальных материалов чиновников МИДа),
366 (Миссия в Белграде).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), г. Москва. Фонды:

- 165 (А. Н. Куропаткин),
401 (Канцелярия Военно-учёного комитета Главного штаба),
440 (Франция),
448 (Корея),
1343 (Штаб Петроградского в. о. на театре военных действий),
2003 (Штаб Верховного Главнокомандующего, Ставка),
15304 (Управление русского военного агента во Франции).

Российский государственный исторический архив (РГИА), г. Санкт-Петербург. Фонды:

- 1276 (Совет министров),
1405 (Министерство юстиции),
1409 (Собственная Его Императорского Величества канцелярия),
1571 (А. В. Кривошеин),
1622 (С. Ю. Витте),
381 (Канцелярия Министерства земледелия),
516 (Камер-фурьерский журнал),
560 (Общая канцелярия министра финансов),
669 (И. С. Ключев).

Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ), Санкт-Петербург. Фонды:

- 417 (Главный морской штаб, Петроград),
418 (Морской генеральный штаб),
701 (И. К. Григорович).

2. Опубликованные источники

А. П. Извольский — Н. В. Чарыкову. 20 августа 1908 г. // Исторический архив. 1962. № 5.

Александр Иванович Гучков рассказывает // Вопросы истории. 1991. № 7–12.

Англо-русское соперничество в Персии 1890—1906 гг. Журнал Особого совещания по персидским делам 7 августа 1906 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1933. Т. 1 (68).

Архив полковника Хауза. — М., 1937. Т. 1—2.

Берги, лорд. *За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже (1914—1919)*. — М.; Л., 1927.

Берштейн Б. И. *Три слова, сказанные житомирским общественным раввином Б. И. Берштейном*. 1. 7 ноября 1894 г., на 18-й день кончины Императора Александра III. — Житомир, 1896.

Бразоль Б. Л. *Царствование Императора Николая II в цифрах и фактах*. — Нью-Йорк: Исполнительное бюро Общероссийского монархического фронта, 1959.

В. Н. Коковцов — С. Ю. Витте // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1928. Т. VI.

Вацетис И. *Боевые действия в Восточной Пруссии*. — М., 1923.

Вильгельм II о занятии царской Россией Порт-Артура // Красный архив. 1933. № 3 (58).

Военные соглашения России с иностранными государствами до войны. — М.: Военно-историческое общество, 1919.

Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Книга 8. — Белград, 1922.

Восточно-Прусская операция: Сборник документов. — М.: Воениздат, 1939.

Всеподданнейшая записка министра иностранных дел графа М. Н. Муравьева. 4/17 июня 1900 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1926. № 1 (14).

Всеподданнейшая записка министра иностранных дел князя А. Б. Лобанова-Ростовского. 25 марта/6 апреля 1895 г. // Красный архив. Исторический журнал. 1932, № 3 (52).

Выдержка из секретного рапорта начальника штаба Киевского ВО от 10 февраля 1914 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 3 (64.) — М., 1934.

Высочайший манифест // Нива. 1914. 2 ноября.

Высочайший Манифест. 20 ноября 1894 г. // «Богословский вестник», издаваемый Московскою Духовною Академией. — Сергиев Посад, 1894. Т. III. Ноябрь.

Гримм Э. Д., профессор. *Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. (1842–1925)*. — М.: Институт востоковедения, 1927.

Д. Ф. Трепов — В. Н. Ламздорфу // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1925. № 4–5 (11–12).

Данилов Ю. Н., генерал от инфантерии. *Русские отряды на французском и македонском фронтах*. — Париж, 1933.

Депеша Гренвилля, министра иностранных дел Англии, от 24 января 1873 г. // Афганское разграничение: Сборник дипломатических документов. — СПб., 1886.

Депеша посланника в Брюсселе Н. Н. Гирса. 11/24 января 1905 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1925. Т. 2 (9).

Депеша посланника в Токио А. П. Извольского графу В. Н. Ламздорфу 18 декабря 1900 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1934.

Депеша посланника в Токио А. П. Извольского министру иностранных дел графу В. Н. Ламздорфу. 18 декабря 1900 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (63). — М., 1934.

Депеша советника посольства в Риме А. Н. Крупенского. 22 января/4 февраля 1905 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1925. Т. 2 (9).

Дипломатическая переписка. Реформы в Македонии 1902–1903 гг. — СПб., 1906. Т. 2.

Дитерихс М. К. *Записки по пути следования во Францию* // Генерал Дитерихс. — М.: Посев, 2004.

Дитерихс М. К. *Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале*. — М.: Скифы, 1991. Т. 1–2.

Дневник А. А. Половцева // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1923.

Дневник А. Н. Куропаткина. — Нижполиграф, 1923.

Докладная записка Совета Съездов представителей промышленности и торговли о мерах к развитию производительных сил России и улучшению торгового баланса. — Пг., 1914.

Донесение консула в Триесте барона К. К. Кистера. 11/24 января 1905 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1925. Т. 2 (9).

Допрос Колчака. — Л.: Ленгиз, 1927.

Елец Ю. Л. *Император Менелик и война его с Италией. По документам и походным дневникам Н. С. Леонтьева.* — СПб., 1898.

Журнал Особого Совещания. 30 марта/11 апреля 1895 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1932. Т. 3 (52).

Записка генерала Куропаткина от 31 октября 1898 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1932. Т. 1—2.

Захват Германией Киао-Чао в 1897 г. // Красный архив. Исторический журнал. 1938. № 2 (87).

Из дневника б. великого князя Андрея Владимировича Романова за 1916—1917 гг. // Красный архив. Исторический журнал. — М.; Лг., 1928. Т. 1 (26).

Из письма военного агента в Брюсселе и Гааге подполковника Е. К. Миллера. 17/30 марта 1901 г. // Красный архив. Исторический журнал. Англо-бурская война в донесениях русского военного агента.

Император Александр III — генералу Н. Н. Обручеву. 1885 г. // Красный архив. Т. 3. (46). 1931.

Ключевский В. О. *Памяти в Бозе почившего Государя Императора Александра III. Речь, произнесённая в заседании Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете 28 октября 1894 г.* — М.: Университетская типография, 1894.

Конец русско-японской войны // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1928, № 3 (28).

Конспект Всеподданнейшего доклада графа В. Н. Ламздорфа 4 ноября 1897 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1932. № 3 (52).

Ламздорф В. Н. *Дневник. 1894—1896.* — М.: Международные отношения, 1991.

Ленин — Горькому. Не позднее 25 января 1913 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — М.: ИПЛ. Т. 48. С. 155.

Ленин В. И. *О поражении своего правительства в империалистической войне* // Полное собрание сочинений. — М., 1973. Т. 26.

Ленин В. И. *Русский царь ищет защиты у турецкого султана* // Полное собрание сочинений. Издание 5. Т. 10.

Макаров С. О. *Православие в Японии.* — СПб.: Синодальная типография, 1889.

Материалы архива внешней политики России. Некоторые новые

документы о русско-эфиопских отношениях. (Конец XIX — начало XX века) // Проблемы востоковедения. 1960. № 1.

Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг. — М., 1922.

Международные отношения 1870—1918 гг.: Сборник документов. — М., 1940.

Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949). — М., 1956.

Международные отношения эпохи империализма (МОЭИ). Т. 1—10. — М., 1931.

Менделеев Д. И. *Заветные мысли*. — М.: Мысль, 1995.

Менделеев Д. И. *К самопознанию России*. — СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907.

Мигулин П. П. *Русский государственный кредит (1769—1906)*. — Харьков, 1907.

Милюков П. Н. *Почему и зачем мы воюем?* — Пг., 1917.

Мировые войны XX века. Книга 2: Первая мировая война. Документы и материалы. — М., 2002.

Михайлов В. С. *Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности*. — М., 2007.

Монархия перед крушением. 1914—1917. Бумаги Николая II и другие документы. Статьи В. П. Семёникова. М.; Л.: Госиздат, 1927.

Наступление Юго-Западного фронта в мае—июне 1916 г.: Сборник документов. — М., 1940.

Николай II в секретной переписке. — М., 1996.

Николай Романов об англо-бурской войне // Красный архив. Исторический журнал. 1934. Т. 2 (63).

Нольде Б. Э., барон. *Далёкое и близкое. Исторические очерки*. — Париж: Современные записки, 1930.

Отпуск секретной телеграммы министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа посланнику в Токио А. П. Извольскому. 1 мая 1901 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 2 (63). — М., 1934.

Памяти Царственных Мучеников: Сборник статей ревнителей памяти Императора Николая II и Его Семьи. — София, 1930.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914. — М., 2007.

Письмо императора Александра I княгине Софии Сергеевне Ме-

щерской. 23 октября 1820 г. С предисловием Н. Барсукова // Русский архив. 1886. № 10–12. С. 406. [перевод с фр.]

Письмо посла в Берлине Н. Д. Остен-Сакена. 28 января/10 февраля 1905 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1925. Т. 2 (9).

Письмо посла в Берлине Н. Д. Остен-Сакена. 28 января/10 февраля 1905 г. // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1925. Т. 2 (9).

Подгорнова Н. П. *Россия—Марокко: история связей двух стран в документах и материалах (1777—1916)*. — М.: Институт Африки, 1999.

Полное собрание речей императора Николая II. 1894—1906. Составлено по официальным данным «Правительственного вестника». — СПб.: Книгоиздательство «Друг народа», 1906.

Проект захвата Босфора в 1896 г. // Красный архив. Исторический журнал. 1931. № 4–5 (47–48).

Родзянко М. В. *Государственная Дума и Февральская 1917 года революция* // Архив Русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. — М., 1991. Т. 6.

Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. — СПб., 1995.

Россия и Африка: Документы и материалы. Т. 1: XVIII век — 1917 г. — М., 1999.

Россия и США: дипломатические отношения 1900—1917: Документы. — М., 1999.

Россия и Тибет: Сборник русских архивных документов. 1900—1914. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005.

Россия накануне Первой мировой войны: Статистико-документальный справочник. — М.: Самотека, 2008.

Русская армия в Великой войне: Военно-исторический сборник. Выпуск 2. — М., 1919.

Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг. — М.; Л., 1926.

Русско-японская война 1904—1905 гг. — СПб.: Издание Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904—1905 гг., 1912.

Сборник дипломатических документов по Монгольскому вопросу. — СПб., 1914.

Сборник секретных документов из архива бывшего МИДа. — Пг., 1917. Вып. 1. Док. 2.

Святая Русь и Италия у мироточивой гробницы Святителя Николая Мирликийского в Бар-граде / Сост. А. Дмитриевский и В. Ющманов. — Пг., 1915.

Секретное отношение директора департамента полиции В. А. Брюн-де-Сент-Ипполита на имя начальника Генерального штаба Н. Н. Янушкевича. 26 мая 1914 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 3 (64.) — М., 1934.

Секретный рапорт военного агента в Берлине полковника П. А. Базарова 28 февраля 1914 г. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 3 (64.) — М., 1934.

Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны (записи заседаний и переписка). — СПб., 1999.

Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг.: Сборник документов и материалов. — М.: Наука, 1992.

Спиридович А. И. *Великая война и Февральская революция*. — Минск: Харвест, 2004.

Ставка и министерство иностранных дел // Красный архив. Исторический журнал. Т. 1 (26). — М.; Л., 1928.

Флот в 1905 г. I. Восстание броненосца «Потёмкин-Таврический» // Красный архив. Исторический журнал. — М., 1925. № 4–5 (11–12).

Царская Россия в мировой войне / С предисловием М. Н. Покровского. — Л., 1925. Т. 1.

3. Неопубликованные источники на иностранных языках

Ministère des Affaires étrangères (МАЕ. (Paris) (Архив министерства иностранных дел. Париж, Франция).

Papiers G. Hanotaux,

Papiers T. Delcassé,

Papiers M. Paléologue. Correspondance politique,

V. 35. Alliance franco-russe. 1892–1904.

Service historique de l'Armée de Terre. (SHAT. Vincennes) (Архив французской сухопутной армии. Венсен. Франция).

Fonds Poincaré,

1K 666,
7 № 1937,
7 № 1476,
7 № 1219—1223.

Archives Nationales (AN. Paris). (Национальный архив. Париж, Франция).

Fonds 410. Abel Combarieu,
Fond 460. Félix Faure,
Fond 473. Emile Loubet.

4. Опубликованные источники на иностранных языках

Au Quai d'Orsay à la veille de la Tourmente. Journal, 1913—1914. — P. 1947.

Belon et Gers. *Les souverains russes en France.* — Paris, 1896.

British Documents on the Origins of the War 1898—1914. — London, 1928.

Das Dritte Reich. Band 50. — Berlin.

Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Die militärischen Operationen zu Lande. Bd. 1—9. bearb. im Reichsarchiv. — Berlin, 1925—1933.

Deschamps (P.) *Le livre d'or de l'alliance franco-russe.* — Bar-le-duc, 1898.

Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914. — Berlin, 1927.

Documents Diplomatiques Français (DDF). 1-e, 2-me, 3-me série.

Hohlfeld (J.). *Deutsche Geschichte in Dokumenten 1849—1926.* Bd. II. Berlin, 1927.

I Documenti Diplomatici Italiani. — Roma, MCMLIII.

Jefferson (M.). *Lord Salisbury's Conversations with the Tzar at Balmoral, 27 and 29 September // The Slavonic and East European Review.* 39 (N 92) Dec. 1960.

L'alliance franco-russe. — Paris, 1907.

L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale: Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affaires étrangères. Publ. et annoté par Scherer et Grunewald. T. 1. — Paris, 1962.

Les Alliés contre la Russie avant, pendant et après la guerre mondiale. (Faits et Documents). — Paris, S/A.

Livre Rouge Austro-Hongrois. Première partie du 28 juin au 23 juillet 1914. — Paris, 1922.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. Vol. 1. — Washington, 1931.

Parliamentary Debates. April 1885. Vol. 296.

Poincaré a-t-il voulu la guerre? — Paris, 1920.

Poincaré R. *Les origines de la Guerre*. Conférence prononcées à la «Société des Conférences» 1921. — Paris, 1921.

Un livre noir. Diplomatie d'avant-guerre d'après les documents des archives russes. — Paris, s/d. T. 1.

Un Tsar à Compiègne. Nicolas II. 1901. — Paris, 2001.

5. Мемуарная литература

Амфитеатров А. В. *В моих скитаниях. Балканские впечатления*. — СПб., 1903 // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары. — СПб., 2006.

Балабин Е. И. *Далёкое и близкое. Старое и новое*. — М.: Центрполиграф, 2009.

Бисмарк О. *Мысли и воспоминания*. Т.1–3. — М.: ОГИЗ-СОЦЭГИЗ, 1941.

Брусиллов А. А. *Мои воспоминания*. — М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны, 1943.

Бубнов А. *В Царской Ставке*. — М.: Вече, 2008.

Булатович А. К. *С войсками Менелика II. Дневник похода из Эфиопии к озеру Рудольфа*. — СПб., 1900.

Бьюкенен Джордж. *Мемуары дипломата*. — М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001.

Вельяминов Н. А. *Воспоминания об Императоре Александре III* // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. архив, 1994. С. 305. — [Т.] V.

Витте С. Ю., граф. *Воспоминания. Царствование Николая II*. — М.; Пг.: Государственное издательство, 1923. Т. 1–2.

Гавриил Константинович, Великий князь. *В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи*. — Нью-Йорк, 1955.

Гелла Т. Н. *У. Гладстон, либералы и Британская империя в последней трети XIX в.* — Орёл, 2008.

Глобачёв К. И. *Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения.* — М.: РОССПЭН, 2009.

Граф Г. К. *На Новике.* — СПб.: Издательство Гангут, 1997.

Данилов Ю. Н. *Великий князь Николай Николаевич.* — Париж, 1930.

Друцкой-Соколинский В. А. *На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914–1918 гг.).* — Орёл, 1994.

Епанчин Н. А., генерал. *На службе трёх императоров: Воспоминания.* — М.: Журнал «Наше наследие» при участии ГФ «Полиграфресурсы», 1996.

Жевахов Н. Д., князь, товарищ обер-прокурора Св. Синода. *Воспоминания.* Т. 1–2. — М.: Царское дело, 1994.

Жоффри Ж. *1914–1915. Подготовка войны и ведение операций.* — М., 1923.

Игнатъев А. А. *Пятьдесят лет в строю.* — М.: ОГИЗ, 1948.

Извольский А. П., бывший министр иностранных дел. *Воспоминания* / Пер. с англ. А. Сперанского. — Пг.; М.: «Петроград», 1924.

Каменский В. *Королевич Александр Сербский // Союз пажей.* Сборник 7. — Париж, 1957.

Коковцов В. Н., граф. *Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919:* В двух томах. — Париж: Издание «Иллюстрированная Россия», 1933. Т. 1–2.

Курлов П. Г. *Гибель Императорской России.* — М.: Современник, 1992.

Ллойд-Джордж Д. *Речи, произнесенные во время войны. Воспоминания. Мемуары.* — М.: Харвест, 2003.

Лукомский А. С. *Воспоминания.* — Берлин: Издательство «Отто Кирхнер и К^о», 1922.

Людендорф Э. *Мои воспоминания о войне 1914–1918 годов* / Под редакцией А. Свечина. — М.: Государственное издательство, 1924. Т. 1–2.

Мамантов В. И. *На Государевой службе. Воспоминания.* — Таллин, 1926.

Мемуары графа С. Д. Шереметева. — М.: Индрик, 2001.

- Милюков П. Н. *Воспоминания*. — М., 2001.
- Мосолов А. А., генерал. *При дворе последнего Императора*. — СПб.: Наука, 1992.
- Никольский Е. А. *Записки о прошлом*. — М.: Русский путь, 2007.
- Оболенский А. В. *Мои воспоминания // Возрождение*. 1955. Тетр. 48.
- Палеолог М. *Царская Россия во время мировой войны*. — М.: Международные отношения, 1991.
- Поливанов А. А. *Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. — 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории*. 1994. № 2.
- Пронин В. М., генерального штаба полковник. *Последние дни Царской Ставки*. — Белград, 1930.
- Пуанкаре Р. *На службе Франции. 1914—1915*. Т. 1. М.; Минск, 2002.
- Пурталес. *Между миром и войной. Воспоминания бывшего германского посла в России*. — М., 1923.
- Редер Э., гросс-адмирал. *Воспоминания командующего ВМФ Третьего рейха. 1935—1943 гг.* — М.: ЗАО «Центрполиграф», 2004.
- Редигер А. Ф. *История моей жизни. Воспоминания военного министра*. Т. 1—2. — М., 1999.
- Сазонов С. Д. *Воспоминания*. — М.: Международные отношения, 1991.
- Свечин М. *Записки старого генерала о былом*. — Ницца, 1964.
- Сквозняков А. Н. *Македония в конце XIX — начале XX столетия: «яблоко раздора» на Балканах // Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. Т. 9. 2007. № 2.
- Соловьёв Ю. Я. *Воспоминания дипломата. 1893—1922*. — Минск, 2003.
- Старков Я. *Рассказы старого воина о Суворове*. — М., 1847.
- Сухомлинов В. А. *Воспоминания. Мемуары*. — Минск: Харвест, 2005.
- Тирпиц А. *Воспоминания*. — М.: Воениздат, 1957.
- Торнау С. А., барон. *С родным полком (1914—1917 гг.)*. — Берлин, 1923.
- Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. — М.: Сретенский монастырь, Новая книга, Ковчег, 1999.

6. Мемуарная литература на иностранных языках

Aubanel (Napoléon). *Une page d'Histoire. Voyage du Président de la République en Russie*. — Paris, s/d.

Beumelburg (Werner). *La Guerre de 14–18 racontée par un Allemand*. — Paris: Bartillat, 1998.

Bompard (Maurice), ambassadeur de France. *Mon Ambassade en Russie (1903–1908)*. — Paris, Plon, 1937.

Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. — Boston, 1923. Vol. II.

Bülow (B.) *Mémoires du chancelier Prince de Bülow*. T. 1–4. 1897–1902. — Paris: Plon, 1930.

Combarieu (Abel). *Sept ans à l'Élysée avec le président Loubet*. — Paris: Hachette, 1932.

Conrad von Hötzenhof. *Aus meiner Dienstzeit. 1906–1918*. Bd. 1–5. — Wien, 1921.

Czernin (Ottokar). *Im Weltkriege*. — Berlin-Wien, 1919.

Francis (D.). *Russia from the American Embassy*. — N.-Y., 1921.

Grey (E.) Sir. *Twenty-Five years*. — London, 1925. V. 1.

Knox (A.) Sir. *With the Russian army 1914–1917, being chiefly extracts from the diary of a military attache*. V. 1–2. — London, 1921.

Les carnets de Georges Louis, ambassadeur de France en Russie. T. 1. 1908–1912.

Lockhart (R. H. B.). *British Agent*. — New York, 1933.

Poincaré R. *Au service de la France*. — Paris, 1927

Spalaikovitch. *Une journée du ministre de Serbie à Petrograde // Revue d'histoire diplomatique*. Avril-juin, 1934.

7. Монографии

Абрахам К. *Великие души: семь лучей на уровне души*. — М.: Амрита-Русь, 2004.

Айрапетов О. Р. *Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и революцию (1907–1917)*. — М.: Три квадрата, 2003.

Алексеева И. В. *Агония Сердечного Согласия: Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте*. — Л., 1990.

Алексеева-Борель В. *Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М. В. Алексеев*. — СПб.: Бельведер, 2000.

Ананьич Б. В. *Россия и международный капитал. 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений.* — Л., 1970.

Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. *Сергей Юльевич Витте и его время.* — СПб.: Дм. Буланин, 1999.

Арктур. *Вопросы внешней политики.* — Одесса, 1910.

Астафьев И. И. *Русско-германские дипломатические отношения. 1905–1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения).* — М.: Издательство Московского университета, 1972.

Баиов А. К., профессор. *Истоки великой мировой драмы и её режиссёры.* — Таллин–Ревель, 1927.

Балканские страны / Под ред. Ф. Н. Петрова. — М., 1946.

Бартницкий А., Мантель И. *История Эфиопии.* — М.: Прогресс, 1976.

Берберова Н. *Люди и ложь. Русские масоны XIX столетия.* Russica Publishers, INC. — New York, 1986.

Бескровный Л. Г. *Армия и флот России в начале XX века.* — М.: Наука, 1986.

Бовыкин В. И. *Из истории возникновения Первой мировой войны.* — М.: Изд-во МГУ, 1961.

Бовыкин В. И. *Очерки истории внешней политики России. Конец XIX — нач. XX в.* — М., 1960.

Бонч-Бруевич М. *Потеря нами Галиции в 1915 г. Часть I. Через Карпаты в Венгрию зимою 1915 года.* — М., 1921.

Боханов А. Н. *Александра Фёдоровна.* — М.: Вече, 2008.

Боханов А. Н. *Николай II.* — М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, «Русское слово», 1997.

Брачев В. С. *Русское масонство XVIII–XX веков.* — СПб.: Стома, 2000.

Вакс Л. *Очерки истории национально-буржуазных революций на Востоке. Персия, Турция, Китай.* — М., 1931.

Ветошников Л. В. *Брусиловский прорыв: Оперативно-стратегический очерк.* — М., 1940.

Гаврилов Б. И. *В борьбе за свободу: Восстание на броненосце «Потёмкин».* — М.: Мысль, 1987.

Галенин Б. *Цусима — знамение конца русской истории. Скрываемые причины общеизвестных событий.* — М.: Крафт, 2009. Т. 1–2.

Галкин И. С. *Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции. В 1905—1912 гг.* — М.: Издательство Московского университета, 1960.

Гейфман Анна. *Революционный террор в России. 1894—1917.* — М.: Крон-пресс, 1997.

Георгиев В. А., Киняпина Н. С. и др. *Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII — начало XX в.).* — М., 1978.

Гирс А. А. *Австро-Венгрия, Балканы и Турция.* — Пг., 1917.

Головин Н. Н., генерал. *Военные усилия России в Мировой войне.* — Париж, 1939. Т. 1—2.

Греков Н. В. *Русская контрразведка в 1905—1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы.* — М.: МОНФ, 2000.

Григулевич И. Р. *Папство век XX.* — М.: Политиздат, 1981.

Данилов О. Ю. *Пролог «великой войны». 1904—1914 гг. Кто и как втягивал Россию в мировой конфликт.* — М.: Поколение, 2010.

Джолл Д. *Истоки первой мировой войны.* Ростов-на-Дону, 1998.

Дурьлин С. *Град Софии. Царьград и Святая София в русском народном религиозном сознании.* — М., 1915.

Дякин В. С. *Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917).* — Л., 1967.

Емец В. А. *Механизм принятия внешнеполитических решений в России до и в период Мировой войны. Дискуссионные проблемы истории.* — М., 1994.

Емец В. А. *Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны. Взаимоотношения с союзниками по вопросам ведения войны.* — М.: Наука, 1977.

Ерусалимский А. С. *Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века.* — М., 1951.

Ефремов П. Н. *Внешняя политика России (1907—1914).* — М.: Издательство Института международных отношений, 1961.

За балканскими фронтами Первой мировой войны. — М.: Индрик, 2002.

Задохин А. Г., Низовский А. Ю. *Пороховой погреб Европы.* — М.: Вече, 2000.

Зайончковский А. М. *Подготовка России к Мировой войне в международном отношении.* — Л., 1926.

Зимин И. *Царская работа. XIX — начало XX века. Повседневная жизнь Российского Императорского двора.* — М.; СПб.: Центрполиграф; Русская тройка, 2011.

Зиновьев И. А. *Россия, Англия и Персия.* — СПб., 1912.

Игнатъев А. В. *Внешняя политика России. 1907—1914.* — М.: Наука, 2000.

Иларион (Алфеев), епископ. *Священная тайна Церкви. Введение в историю и проблематику имяславских споров.* — СПб.: Издательство Олега Абышко, 2007.

Ионичев Н. П. *Внешнеэкономические связи России. (IX — начало XX века).* — М.: Аспект-Пресс, 2001.

История дипломатии. Под редакцией академика В. П. Потёмкина. Т. 1—3. — М.: ОГИЗ, 1945.

История русско-японской войны. 1904—1905 гг. — М., 1977.

Истягин Л. Г. *Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны.* — М.: Наука, 1979.

Казем-Заде Ф. *Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии.* — М.: Политика, 2004.

Керсновский А. А. *История Русской армии.* — М.: Голос, 1994. Т. 1—4.

Киракосян А. Дж. *Великобритания и армянский вопрос. 90-е годы XIX в.* — Ереван: Айастан, 1994.

Клеванский А. Х., Марьина В. В., Мьельников А. С., Поп И. И. *Краткая история Чехословакии.* — М.: Наука, 1988.

Кожин В. В. *История России. Век XX. (Загадочные страницы истории).* — М.: Алгоритм, 1999. Т. 1.

Козлов П. К. *Тибет и Далай-лама.* — Пб., 1920.

Комаровский Л. А., граф, профессор. *Гаагская мирная конференция 1899 года.* — М., 1905.

Константин (Зайцев), архимандрит. *Чудо русской истории.* — М., 2000.

Коняев Н. М. *Гибель красных Моисеев. Начало террора. 1918 год.* — М.: Вече, 2004.

Краткая история Болгарии / Отв. редактор Г. Г. Литаврин. — М.: Наука, 1987.

Кузьмин С. Л. *Скрытый Тибет.* — СПб.: Издание А. Терентьева, 2010.

- Куликов С. В. *Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917)*. — Рязань, 2004.
- Куропаткин А. Н. *Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны*. — СПб.: Полигон, 2002.
- Лависс Э., Рамбо А. *История XIX века*. — М.: ОГИЗ, 1939. Т. 1–8.
- Лотман Герберт Р. *Ротшильды — короли банкиров*. — Минск; Смоленск, 1997.
- Лунёва Ю. В. *Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны. (1907–1914)*. — М.: Квадрига, 2010.
- Людвиг Э. *Последний Гогенцоллерн. Вильгельм II*. — М., 1991.
- Маниковский А. А. *Боевое снабжение русской армии в мировую войну*: В 2 т. — М.: ГИЗ, 1930. Т. 1–2.
- Маор Ицхак. *Сионистское движение в России*. — Иерусалим, 1977.
- Мезенцев Е., Головатенко А. А. *Внешняя политика России на Дальнем Востоке (конец XIX — начало XX века)*. — М., 1993.
- Мельгунов С. П. *На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года)*. — Париж: Родина, 1931.
- Мионов Б. Н. *Социальная история России*. — СПб., 1990.
- Митрофан (Зноско), епископ. *Хроника одной жизни. К шестидесятилетию пастырского служения IX. 1935 — IX. 1995*. — М., 1995.
- Моисеев В. А. *Россия и Китай в Центральной Азии. (Вторая половина XIX — начало XX в.)*. — Барнаул: АзБука, 2003.
- Николаев Всеволод, академик. *Александр II. Человек на престоле. Историческая биография*. — Мюнхен, 1986.
- Нозиков Н. *Японо-китайская война 1894–1895 гг.* — М.: Воениздат НКО СССР, 1939
- Оль П. В. *Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России*. — Л., 1925.
- Ольденбург С. С. *Царствование Императора Николая II*. — Пб., 1991.
- Остальцева А. Ф. *Англо-русское соглашение 1907 года. Влияние русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. на внешнюю политику царизма и на перегруппировку европейских держав*. — Саратов: Издание Саратовского университета, 1977.
- Павлов Д. Б., Петров С. А. *Японские деньги и русская революция*. — М.: Прогресс, 1993.

Павлов Д. *Русско-японская война 1904–1905 гг.* — М.: Материк, 2004.

Павлов Н. А. *Его Величество Государь Николай II.* — Париж, 1927.

Первая мировая война. — М.: Воениздат, 1974. Т. 1–2.

Романов Б. А. *Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907).* — М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947.

Рыбас С., Тараканова Л. *Реформатор. Жизнь и смерть Петра Столыпина.* — М.: Недра, 1991.

Рыбачёнок И. С. *Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге.* — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005.

Рыбачёнок И. С. *Россия и Франция: союз интересов и союз сердец. 1891–1897. Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню.* — М.: РОССПЭН, 2004.

Рыбачёнок И. С. *Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX века.* — М., 1993.

Сергеев Е. Ю. *Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке. 1897–1903.* — М., 1998.

Сидоров А. Л. *Экономическое положение России в годы Первой мировой войны.* — М., 1973.

Соболев Г. Л. *Русская революция и «немецкое золото».* — СПб.: Нева, 2002.

Солженицын А. И. *Двести лет вместе.* — М., 2001.

Старков Б. А. *Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914.* — 1-е издание. — СПб.: Питер, 2006.

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Румынский фронт. — М., 1922.

Стрельцов Р. *Россия, Царьград и Проливы.* — СПб., 1915.

Тарле Е. В. *Европа в эпоху империализма.* — М.: Издательство Академии наук, 1958.

Тарле Е. В. *Крымская война: В 2 т.* — М.; Л.: 1941–1944. Т. 1–2.

Ткаченко С. Л. *Американский банковский капитал в России в годы Первой мировой войны.* — СПб., 1998.

Трубецкой Г. Н., князь. *Русская дипломатия в 1914–1917 гг. Война на Балканах.* — Монреаль, 1983.

- Тэйлор А.-Дж. *Борьба за господство в Европе. 1948–1918.* — М., 1958.
- Уткин А. И. *Забывтая трагедия. Россия в Первой мировой войне.* — Смоленск: Русич, 2000.
- Уткин А. И. *Первая мировая война.* — М.: Алгоритм, 2001.
- Уткин А. *Теодор Рузвельт. Политический портрет.* — Издательство Уральского университета, 1989.
- Фейгина Л. *Бьоркское соглашение. Из истории русско-германских соглашений.* — М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1928.
- Фест И. *Адольф Гитлер.* — Пермь, 1993. Т. 1–3.
- Фируз Казем-Заде. *Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии.* — М.: Центрполиграф, 2004.
- Фомин С. *Григорий Распутин: расследование. «А кругом широкая Россия...».* — М.: Форум, 2008.
- Фэй С. *Происхождение Первой мировой войны.* Т. 1. — М.; Л., 1934.
- Хрусталёв В. М. *Великий князь Михаил Александрович.* — М.: Вече, 2008.
- Цихович Я. К. *Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.* Ч. 1. — М., 1922.
- Чиняков М. К. *Русские войска во Франции. (1916–1918).* — М.: Рейтер, 1997.
- Шалошников Б. М. *Мозг армии. Книга первая.* — М.: Воениздат, 1927.
- Шаццлло К. Ф. *Россия перед Первой мировой войной. (Вооруженные силы царизма в 1905–1914 гг.).* — М.: Наука, 1974.
- Шеремет В. *Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По материалам русской военной разведки.* — М.: Технологическая школа бизнеса, 1995.
- Шимов Я. *Австро-Венгерская империя.* — М.: Эксмо-Алгоритм, 2003.
- Шиндлинг А., Циглер В. *Кайзеры.* — Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
- Шишов А. В. *Россия и Япония. История военных конфликтов.* — М.: Вече, 2001.
- Энгдаль Уильям Ф. *Боги денег. Уолл-Стрит и смерть американского века.* — СПб., 2011.

Ютчи́ков Ю. В., Сабани́н А. В. *Международная политика Новейшего времени в договорах, нотах и декларациях.* — М., 1925.

Яковлев Н. *1 августа 1914.* — М.: Москвитянин, 1993.

8. Монографии на иностранных языках

Argueyrolles J., colonel. *La tragique campagne de Prusse Orientale. Le coup dés de Tannenberg.* — Paris, s/a/.

Aslanian Dimitrina. *Histoire de la Bulgarie de l'Antiquité à nos jours.* Trimontium, 2004.

Braibant (Charles). *Félix Faure à l'Élysée.* — Paris : Hachette, 1963.

Bruce (H.) Brown. *The world's Troublemakers.* — LA «Sons of Liberty books», Box 214, Metairie.

Churchill (W. S.). *The World Crisis. 1916–1918.* Vol. 1. — New-York, 1929.

Connaughton (R.-M.) *Rising Sun and Tumbling Bear: Russia's War with Japan.* — Cassel, 2007.

Dennett. (T.) *Roosevelt and the Russo-Japanese War.* — New York, 1925.

Galland (P.) *Histoire de la Grande Guerre.* — Paris, 1974.

Goulevitch (Arsène). *Tsarism and Revolution.* Omni Publications, 1961.

Grenville J.-A. *Lord Salisbury and Foreign Policy. The Close of the Nineteenth Century.* — London, 1964.

Gueddella (Ph.). *Palmerston.* — London, 1950.

Halperin (V.). *Lord Milner and the Empire.* — London, 1952.

Hammann (O.) *Zur Vorgeschichte des Weltkrieges.* — Berlin, 1919.

Hanotaux (Gabriel). *Histoire illustrée de la guerre 1914.* Tome 1. — Paris, 1915.

Hansen (Jules). *Ambassade à Paris du baron de Mohrenheim.* — Paris, s/d.

Hogenhuis-Seliverstroff (Anne). *L'alliance Franco-Russe.* — Paris, 1997.

Jesman (Czesław). *The Russian in Ethiopia. An Essay in Futility.* — London: Chatto and Windus, 1957.

Langer (W.) *The Diplomacy of Imperialism.* — N.-Y., 1951.

Le Moal Frédéric. *La Serbie, du martyre à la victoire 1914–1918,* éditions 14–18. — Paris, 2008.

- Les Tsars et la République. — Paris, 1993.
- Marmouget (M.) *La visite du tsar Nicolas II à Paris 5–9 octobre 1896.* — Paris, X Nanterre, 1997.
- Nicolson (H.) *Sir Arthur Nicolson.* — London, 1930.
- Paléologue (Maurice). *Guillaume II et Nicolas II.* — Paris: Plon, 1935.
- Pinon (F.). *France et Allemagne.* — Paris, 1913.
- Pringle (H.). *Theodore Roosevelt.* — New York, 1931.
- Quigley (Caroll). *The Anglo-American Establishment.* — New York, 1981.
- Ratchiskiy (André). *Napoléon et Alexandre I. La guerre des idées.* — Paris, 2001.
- Renouvin (Pierre). *La crise Européenne (1904–1914) et la Grande Guerre.* — Paris, 1939.
- Stone (N.) *The Eastern Front, 1914–1917.* — London, 1998.
- Taylor (A.-J.-P.) *The Second World War.* — L.: Hamish Hamilton, 1975.
- Wesseling (Henri). *La partage de l'Afrique 1880–1914.* Traduit du néerlandais. — Denoël, 1996.
- Zorgbibe (Charles). *Delcassé. L'inconnu du Quai d'Orsay.* — Paris: Olbia Eds, 2001.
- Йовков И. *Кобургът.* — София, 1980.
- Констант С. *Фердинанд Лисицата. Цар на България.* — София, 1992.
- Силянов Хр. *Освободителнит борби на Македония.* — София, 1933.

9. Периодические издания

Московские ведомости, 25 июня 1897.

Нива, № 6, 1904.

Нива, № 7, 1904.

Нива, июль 1914.

Новое время, 13 октября 1909.

Новое время, 16 июня 1897.

Новое время, 17 января 1894.

Новое время, август 1898.

Новое время, 18 сентября 1903.

Новое время, 19 сентября 1896.

Новости дня. Ежедневная газета. 9 августа 1904.

Правительственный вестник, 17 января 1894.

Правительственный вестник, 22 октября 1884.

Правительственный вестник, 9 сентября 1894.

Правительственный вестник, 20 октября 1895.

Правительственный вестник, 26 августа 1896.

Русские ведомости, 31 октября 1898.

Русский вестник. 1896. Т. 243.

Русский вестник. 1904. Июль. № 7.

Русское слово, 20 июля 1907.

Русское слово, 25 октября 1907.

Русское слово, 4/17 февраля 1908.

Санкт-Петербургские ведомости, 25 июня 1897.

Тексты приветственных речей императора Николая II и короля Эдуарда VII // *Речь*, 28 мая 1908.

Теплов В. *Происшествие в Северном море* // *Русский вестник*. 1905. Март. № 3.

10. Статьи в научных сборниках и периодических изданиях

Алексеева И. *Миссия Мильнера* // *Вопросы истории*. — М., 1989. № 10.

Беккин Р. И. *Дипломатическая борьба вокруг Египта и участие в ней России (в период с 1881 по 1896 г.)* // *Международник*. 4 ноября 2006 г.

Большух А. В. *Н. Г. Гарин-Михайловский на Дальнем Востоке* // *Дальний Восток*. — 1973. № 4.

Боровской Г. В. *Россия и Корея: обзор церковных связей* // *Миссионерское обозрение*. 2004. № 3.

Вашурина З. П., Шишканов А. И., полковник. *Родословная военных переводчиков* // *Независимое военное обозрение*. 19.05.2000.

Виноградов К. Е., Суртаев П. Б. *Королева Виктория, принц-супруг Альберт и Крымская война* // *Новая и Новейшая история*. 2004. № 2.

Гагская конференция мира: Культурно-исторический очерк // *Вестник Европы*. 1900.

Герасимович Л. К. *А. М. Позднеев (1851–1920)* // *Российские монголоеды (XVIII — начало XX в.)*. — Улан-Удэ, 1997.

Гостенков П. А. *Франко-русский союз и несостоявшаяся морская война с Англией* // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта: Материалы Третьих международных научных чтений: «Мир и война: море и суша». — СПб.; Кронштадт, 21–24 октября 2007 г. — М.; СПб., 2007.

Государь Император Николай Александрович: Сборник памяти 100-летия со дня рождения. — Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1968.

Григорьева А. А. *Внешняя политика Австро-Венгрии на Балканах и панславизм (60-е годы XIX в. — начало XX в.)* // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 7.

Давидсон А. Б. *Гумилёв в Абиссинии* // Новая и Новейшая история. 2001. № 6.

Давидсон А. Б. *Февраль 1917 года. Политическая жизнь Петрограда глазами союзников* // Новая и Новейшая история. 2007. № 1.

Давидсон А. Б., Филатова И. И. *Англо-бурская война и Россия* // Новая и Новейшая история. 2000. № 1.

Жалсапова Ж. Б. *Действия русских военных инструкторов в Монголии (1912–1916)* // Власть. 2008. № 12.

Игнатъев А. В. *Последний царь и внешняя политика* // Вопросы истории. 2001. № 6.

Из истории русско-тайландских отношений (конец XIX — начало XX века) // Исторический архив. 1957. № 6.

Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг.: Сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005.

Исламов Т. М. *Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Крах империи* // Новая и Новейшая история. 2001. № 5.

Киракосян А. Дж. *К вопросу о константинопольской резне* // Литературная Армения. 1989. № 4.

Коренные интересы России глазами её государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов: Док. публ. // Российская академия наук, Институт российской истории // Сост. И. С. Рыбачёнок. — М., 2004.

Лиманская Т. О. В. Н. *Ламздорф (министр иностранных дел России с 1900 по 1906 г.)* // Дипломатический вестник. Сентябрь 2001.

Лукоянов И. В. *Порт-Артур в политике России (конец XIX в.)* // Вопросы истории. 2008. № 4.

Лукоянов И. *Последние русско-японские переговоры перед войной 1904–1905 гг. (взгляд из России)* // Acta Slavica Japonica. 2006. № 23.

Лунёва Ю. В. *На пути мировой катастрофы: визиты Николая II в Бальмораль (1896 г.) и Ревель (1908)* // Первая мировая война: взгляд спустя столетие: Материалы международной конференции. 26 июня 2010, Москва. — М.: Издательство МИЭПУ, 2011.

Манько А. *Из истории экспорта нефтепродуктов* // Нефтяное хозяйство. 2000. № 1.

Мельниченко Б. Н. *Россия и Сиам (Таиланд)* // Россия и Восток: Учебное пособие. — СПб.: Издательство СПГУ, 2000.

Нигметзянов Т. И. *Российско-германские отношения в правления императоров Николая II и Вильгельма II* // II Романовские чтения «Центр и провинция в системе российской государственности»: Материалы конференции. Кострома, 26–27 марта 2009 года / Сост. и науч. ред. А. М. Белов, А. В. Новиков. — Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009.

Остапенко Г. С. *Наследники королевы Виктории и первые британские монархи XX века: Эдуард VII и Георг V. Конституционные полномочия и реальные права монархов XX в.* // Новая и Новейшая история. № 6. 1999.

Павлов Д. *«Христианский вопрос» в годы русско-японской войны 1904–1905 гг., или Планировала ли Япония сделаться христианским государством? (По материалам мировой печати)* // Acta Slavica Japonica. 2009. № 26.

Пагануци П. *Император Николай II — спаситель сотен тысяч армян от турецкого геноцида* // Родина. 1993. № 8–9.

Петров Ю. А. *Российская экономика в начале XX века* // Гражданин (Периодический политический журнал). 2003. № 3.

Писарев Ю. А. *Шесть десятилетий на троне. Черногорский монарх Николай Петрович-Негош* // Новая и Новейшая история. 1991. № 6.

Решетников Л. П. *Духовно-нравственные причины национальной катастрофы* // Русский Исход как результат национальной катастрофы. К 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории России: Материалы международной конференции. — М., 2011.

Россия и Черноморские проливы (XVIII—XX столетия) // Под ред. Л. Нежинского, А. Игнатьева. — М.: Международные отношения, 1999.

Рыбачёнок И. С. *Визит М. Н. Муравьёва в Париж и в Берлин в 1897 году. Сравнительный анализ русской, французской и германской документации* // Внешняя политика России. Источниковедение и историография. — М., 1991.

Рыбачёнок И. С. *Путь к союзу с Францией. Эволюция взглядов генерала Н. Н. Обручева* // Россия и Франция XVII—XX века. — М.: Наука, 2001.

Сахаров А. Н. *Размышления о русско-японской войне 1904—1905 гг.* // Вопросы истории. 2007. № 4.

Солоневич И. Л. *Великая фальшивка Февраля* // Наша страна, 29 марта 1952.

Субботин В. А. *Две кампании генерала Китченера* // Мир Истории. 1999. № 7.

Теплов В. *Белградское цареубийство.* — СПб., 1903.

Тимофеев А. Ю. *Русские в Сербии с конца XII до начала XX в.* // Русские в Сербии. — Белград, 2009.

Торкунов А., Денисов В. *Россия и Корея: взгляд из прошлого* // Мировая экономика и международные отношения. 2005.

Туполев Б. М. *Династия Гогенцоллернов* // Новая и Новейшая история. 1991. № 6.

Фатюнина О. А. *Николай II и Вильгельм II: история взаимоотношений* // Студенческая молодежь Подмосковья и общественные науки: Материалы IV областной научной конференции. Коломна, 2010.

Чернов О. А. *Из истории русско-сербских отношений нач. XX в.* // Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры. — Самара: Издательство «Универс-групп», 2004.

Чернов О. А. *Проблема проливов Босфор и Дарданеллы в дипломатической деятельности и исторических взглядах Н. В. Чарыкова* // Историческая память и общество: эпохи, культуры, люди: Материалы научной конференции, посвящённой 90-летию ист. образования в Саратовском ун-те. — Саратов: Изд-во Саратовского университета. 2008.

Шемякин А. Убиение генерала Павловича. Как расстреливали в Белграде георгиевского кавалера // Родина. 2007. № 9.

Шимов Я. В. *Планы эрцгерцога Франца Фердинанда по преобразованию Австро-Венгрии: утопия или нереализованная возможность?* // Материалы международной научной конференции «Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств». Москва, 23–24 апреля 2009 г. — М., 2009.

Шпилькова В. И. *Начало младотурецкой революции и восстановление в Османской империи конституции* // Проблемы Новой и Новейшей истории стран Запада и Востока, — М., 1975.

Ямбаев М. *Мне сердечно жаль македонских славян, но...* // Профессор С. А. Никитин и его историческая школа: Материалы международной научной конференции. — М., 2004.

11. Периодические издания на иностранных языках

A Gardener Shot Dead by Mistake by a Sentry at Tsarskoe Selo // *New York Herald*, 16 jan. 1897.

Ferro (Marc). *Nicolas II. Une vision de l'empire et de la paix* // *Diplomatie. Affaires Stratégiques et relations internationales*. № 5. Octobre-novembre, 2011. Géopolitique de la Russie.

Gaulois, 21 septembre 1901.

Girault (René). *Les Balkans et les relations franco-russes en 1912* // *Revue Historique*. T. 253. Janvier–Mars 1975.

Gorki Maxim. *Pas un sou au Gouvernement Russe!* // *L'Humanité. Journal Socialiste Quotidien*. Lundi, 9 avril 1906.

Hanotaux (Gabriel). *Voyage de M. Félix Faure en Russie (18–31 août 1897)* // *Revue histoire diplomatique*, 1966.

La Libre parole. 3 septembre 1901.

Neue Freie Pressa, 1910.

Petite République, 1897, 4 septembre.

Revue d'Histoire de la Guerre Mondiale. — Paris, 1930.

The Times, 25 July 1925.

12. Справочная литература

Арбузов В. В. *Броненосцы русского флота*. Выпуск II. — СПб., 1994.
Дипломатический словарь. — М.: ГИПЛ. А. Я. Вышинский, С. А. Лозовский. 1948.

Рыжов К. В. *Все монархи мира. Западная Европа: Энциклопедия.* — М.: Вече, 1999.

Сборник ГУТШ. Выпуск XXIV. Май 1911 г. СПб., 1911.

13. Диссертационные исследования

Винокур А. В. *От конфронтации к согласованному курсу. Политика Великобритании и России в Иране (1900–1914): Дисс. ... канд. ист. наук.* — СПб., 2004.

Шилов С. П. *Военно-морская политика кайзеровской Германии и Россия: 1897–1914 гг.: Дисс. ... докт. ист. наук.* — Тюмень, 2004.

14. Интерактивные материалы

Волков С. В. *Забывтая война* // <http://swolkov.org/publ/27.htm>

Ганжуров В. Ц. *Россия и Монголия на пути реформ* // Предыстория. <http://www.predistoria.org>

Каирбекова Р. Р. *Агадирский кризис 1911 г. и политика Великобритании* // Международный имидж России. <http://image-of-russia.livejournal.com>

Раш Кавад. *Война за сердце России. (Уроки Цусимы)* // <http://www.rospisatel.ru/voina>

Сергеев Е. Ю. *Образ Германии в представлениях военной элиты России накануне Первой мировой войны* // <http://rusgermhist.narod.ru>

Именной указатель

А

- Аб аль-Азис, султан Марокко 159
Абд аль-Крим бен-Слиман 159, 160
Абдул-Гамид II, турецкий султан 355
Августа-Виктория, императрица германская 58
Аврех А. Я. 768
Акаси М. 312, 351
Александр I, Император Всероссийский 16, 194, 195
Александр II, Император Всероссийский 16, 31, 454, 517, 518, 519, 532, 540, 804
Александр III, Император Всероссийский 12, 16, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 39, 42, 46, 49, 98, 105, 106, 143, 163, 198, 208, 519, 520, 522, 540, 787, 791
Александр Баттенбергский, князь Болгарский 519, 521, 522
Александр Карагеоргиевич, наследный принц Сербии 719
Александр Михайлович, Великий князь 236, 261, 666, 667, 787
Александра Фёдоровна, Императрица Всероссийская 48, 58, 73, 82, 132, 145, 393, 776
Алексеев Е. И. 224, 248, 274
Алексеев К. А. 222, 232
Алексеев М. В. 695, 722, 728
Алексей Александрович, Великий князь 112, 146, 327
Алексей Николаевич, наследник-цесаревич 290
Али Гуссейн, хан Нахичеванский 735
Альберт I, король бельгийцев 673
Альберт, принц 139
Альвенслебен Ф.-И. фон, граф 266
Анастасия (Стана) Николаевна, Великая княгиня 541
Андерсен Х.-Н., датский государственный советник 749, 750
Андре Л. 85, 90
Андрей Владимирович, Великий князь 514, 697
Анна Ярославна, королева Франции 90

Апушкин В. А. 276
Артамонов В. А. 625
Артамонов Л. К. 156
Асквит Г. 513, 667
Астафьев И. И. 800
Ахмед Аариф-паша 168

Б

Бадмаев П. А. 211
Базаров П. А. 590, 616
Базили Н. А. 702
Баиов А. К. 106, 621, 800
Балабин Е. И. 87
Баллин А. 656
Бальфур А. 294, 353, 375, 763
Барк Б. Л. 15, 705, 776
Бахерахт В. Р. 159
Бахметьев Б. А. 704
Бахметьев Ю. П. 258
Бебель А. 672
Безобразов А. М. 238, 240
Белинский Л. фон 626
Бельма Л. 85
Беляев М. А. 776
Берти Ф. 406, 660, 742, 789
Берхтольд Л. фон, граф 438, 629
Берштейн Б. И. 28
Бетлен И. 781
Бетман-Гольвег Т. фон 474, 496, 497, 499, 501, 509, 515, 597, 602,
603, 621, 646, 656, 754
Бирилёв А. А. 313, 315, 400
Бисмарк О. фон, князь 97–100, 102, 104–106, 796
Бланк Р. 585
Бовыкин В. И. 196, 800
Богданович Н. М. 318

- Богдо-гэгэном VII, монгольский император 507
Бомпар М. 92, 94, 286, 287, 319, 364
Борис, наследный принц Болгарии 526, 527
Браун Б. 759
Брауншвейгский Э.-А., принц 589
Бриан А. 572, 773
Бринер Ю. 237
Броневский С. С. 505, 602
Бронзарт Ф. фон Шеллендорф 607
Брусилов А. А. 618, 678, 769, 796
Брусилов Л. А. 398
Брэтиано И. 733
Брюн де Сент-Ипполит В. А. 620, 794
Буадефр Р. 45, 48
Бубнов А. Д. 744, 797
Буксгевден С. К., баронесса 15
Булатович А. К. 157, 797
Бунге А. Х. 12
Бурдуков А. В. 587
Буржуа Л. 370, 389
Быюкёнен Дж. 501, 502, 657, 658, 677, 692, 715, 725, 729, 741, 755, 761, 765, 774, 775, 776, 797
Бюлов Б. фон, князь 74, 116, 119, 122, 187, 363, 369, 386, 396, 400, 404, 408, 419, 427, 428, 437, 439, 459, 463, 468, 477, 630, 643, 656
Бюлов К. фон 675

В

- Вавилов Н. И. 158
Валевский П. И. 252
Валис, адмирал 743
Вальдек-Руссо П.-М. 68, 83, 85, 89
Вальдерзее А., фон 103, 250, 251
Ванновский П. С. 226
Варбург П. 656, 704, 757, 758
Варбург Ф. 656, 758

- Васильчикова М. А. 748, 749
Вердер Б. 106, 107
Вернайль М. 583
Верховский Б. А. 252
Визнер Ф. 649
Виктория, королева Великобритании 102, 126, 139, 145, 146, 165, 185, 517, 518
Виктория-Луиза, принцесса Прусская (Брауншвейгская) 589
Виктор-Эммануил III, король Италии 484, 488, 490
Вильгельм I, император германский 99
Вильгельм II, император германский 24, 58, 79, 82, 100–109, 112–126, 128–132, 134–138, 164, 180, 184, 185, 187, 224, 250, 267, 290, 296, 298, 299, 301–303, 306, 307, 309, 311, 314, 315, 319–321, 323–325, 328, 332, 361, 363–368, 375, 376, 379, 396, 399, 400, 402–408, 421, 460, 464, 466, 467, 472, 476, 477, 495, 496, 498, 513–516, 601–606, 616, 620, 627–629, 641, 643–645, 647, 648, 650, 652–655, 657, 658, 660, 662, 663, 680, 685, 712, 746, 749
Вильгельм, наследный принц Шведский 102, 104, 402
Вильсон В., президент США 321
Винекен А. Г. 624
Винтерштетен К. фон 613
Висконти-Веноста Э. 154, 155, 201
Витте С. Ю., граф 10–13, 31, 32, 40, 43, 71–74, 117, 121, 145, 212, 222, 226–228, 231, 232, 234–238, 242, 269, 322, 323, 329–331, 333–336, 341, 343, 344, 357, 358, 359, 362, 369, 422, 543, 746, 788, 789, 797, 800
Владимир Александрович, Великий князь 327
Влангали А. Г. 153
Власов П. М. 156
Воейков В. Н. 666, 700
Волков С. В. 757, 814
Вольф-Меттерних П., граф 511
Вонлярлярский А. А. 90
Вонлярлярский В. М. 237
Вышинский А. Я. 813
Вышнеградский И. А. 12

Г

- Гавриил Константинович, Великий князь 100, 423, 797
Галифе Г. 69, 131
Галланд П. 722
Ганото Г. 19, 43, 54, 56, 60, 111, 173, 174, 175, 177, 178
Гансен Ж. 114
Гарден М. 407
Гардинг Ч., барон 294, 392, 395
Гарин-Михайловский Н. Г. 223
Гартвиг Н. Г. 378, 380
Гаузен М. фон 675
Гачинович В. 626
Гаяси Т. 263, 264
Генрих, принц Прусский 113, 136, 290, 400, 659
Георг I, король Греции 154
Георг V, король Великобритании 136, 145, 483, 659, 664, 723, 811
Георгий Александрович, Великий князь 73, 230
Герберт А. 170
Гермониус Э. К. 706
Гинденбург П. фон 680, 693
Гинце П. фон 397, 400, 476, 478
Гирс М. Н. 350, 553, 601, 687, 689–691
Гирс Н. К. 38, 39, 42, 44, 71, 106
Гирш Г. И. 71
Гитлер А. 101, 624
Гишов И. 548
Гладстон У. 140, 142, 797
Глобачёв К. И. 699, 768, 770, 797
Гогенлоэ Х., князь 115, 122, 124
Головин Н. Н. 801
Голуховский А.-М., граф 423, 441
Горемыкин И. Л. 344, 461, 696, 700, 740
Горький Максим (Пешков А. М.) 622
Грей Э. 374, 375, 383, 389, 391, 392, 435, 456, 458, 481, 482, 483, 511, 552, 642, 643, 657, 659, 660, 661, 666, 674

- Григорович И. К. 551, 575, 576, 776, 789
Густав V, король Швеции 402
Гучков А. И. 488, 698–700, 766–769

Д

- Давыдов Н. Ф. 604
Дадзиани Н. Д., светлейший князь 522
Дайест В. 620
Далай-лама XIII 241–247
Дамтоу 150
Данев С. 548
Данило I, князь Черногории 539
Данило, черногорский престолонаследник 544
Данилов Ю. Н. 680, 726, 790
Деллан А. 78
Делькассе Т. 64, 65, 66, 70, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 82, 83, 85, 92, 93, 95, 132, 134, 179, 189, 217, 250, 251, 264, 265, 266, 285, 286, 295, 299, 303, 306, 307, 308, 309, 310, 312, 323, 427, 567, 591, 682, 684, 736, 739, 740, 746, 748
Деникин А. И. 476
Джемаль-паша 685
Дмитриевич Д. 536, 625
Добровольский С. К. 648
Долгорукий А. С., князь 61
Долгорукий Н. С., князь 38, 461, 485, 487, 488
Дондуков-Корсаков А. М. 519
Доржиев А. 242, 243, 246
Дрейфус А. 68
Дрюмон Э. 86
Дубасов Ф. В. 224, 225, 230, 232, 327, 455

Е

- Евреинов А. Н. 537, 538
Екатерина Великая, Императрица Всероссийская 10

Елец Ю. 149, 791

Елизавета Петровна, Императрица Всероссийская 11

Елизавета Фёдоровна, Великая княгиня 215

Елизавета, императрица Австро-Венгрии 422

Епанчин Н. А. 28, 797

Ермолов Н. С. 395, 480, 511

Есио Т. 262

Ж

Жевахов Н. Д., князь 14, 753, 797

Жилинский Я. Г. 679

Жованович Ж. 626

Жорес Ж. 58, 96

Жюссеран Ж. 70, 198

З

Зайончковский А. М. 735, 802

Залесский В. Ф. 389

Зиновьев И. А. 429, 434, 436, 457, 802

И

Игнатъев А. А., граф 577, 632, 638, 675, 682, 684, 797

Игнатъев А. В. 23, 448, 802, 810

Извольский А. П. 12, 13, 187, 262, 314, 381, 382, 384–389, 391, 392, 394, 398, 400, 404, 405, 408, 410, 411, 435, 437–440, 445–452, 455–461, 463, 470, 478, 483, 485–487, 490–492, 496, 511, 512, 550, 551, 566, 567, 573, 576, 591, 595, 606, 671, 681, 733, 787, 789, 797

Иззет-паша 607

Ито Х. 260

К

Кази Г. 146

- Кайо Ж. 512
Каличе Г. фон 429, 434
Каннегтон Р.-М. 293
Каншин С. А. 160
Капнист П. А., граф 173
Карл I, император Австро-Венгрии 731, 751
Карлотти ди Рипарбелла А. 631, 655
Карно С. 44, 109
Кассель Э. 706
Кассини А. П., граф 278
Кассо Л. А. 491
Кастельно Н. де 776
Катнер А. 669
Каульбарс А. В., барон 520, 522
Кацура Т., граф 260
Казтани О. 153, 154
Келлер Ф. А. 735
Керенский А. Ф. 669, 768, 787
Керзон Дж.-Н. 243
Керсновский А. А. 617, 637, 678, 744, 802
Кидерлен-Вехтер А. фон 496
Кирилл Владимирович, Великий князь 116
Кистер К. К. 791
Китченер А., граф 706, 708, 730, 757, 759, 760
Клемансо Ж. 51, 96, 311, 370, 371
Климент, митрополит Болгарский 524, 525
Клук А. фон 675
Ключевский В. О. 27, 29, 791
Коджон, король Кореи 221, 222, 233
Козлов П. К. 246, 803
Коковцов В. Н. 11, 12, 319, 326, 336, 343, 344, 345, 358–363, 370–
372, 381, 386, 451, 515, 516, 551, 571, 575, 600, 602–605, 623, 789,
798
Колчак А. В. 723, 743
Колькхун А. 190
Комаровский Л. А., граф 194, 803

- Комба Ж. 92, 95
Комбарье А. 86, 91
Конойе, принц 261
Конрад фон Гётцендорф Ф. 446, 470, 750
Константин Великий 102, 163
Константин Константинович, Великий князь 59, 116, 118, 787
Копытов Н. В. 175
Коростовец И. Я. 507
Кояндер А. И. 148
Краснова П. Н. 155
Кривошеин А. В. 697, 700, 701, 788
Крупенский В. Н. 350, 508
Крюгер П. 179
Ксения Александровна, Великая княгиня 179
Кудашев Н. А., князь 726
Курино С. 272, 277, 279
Курлов П. Г. 766, 798
Куропаткин А. Н. 65, 76, 202, 226, 227, 267, 270, 277, 279, 282, 283, 285, 288, 788, 803
Кямиль-паша М. 440

Л

- Лависс Э. 518, 803
Лагиш П.-А. де, маркиз 774
Лазарев В. П. 67, 94, 95, 289, 295
Ламздорф В. Н., граф 11, 12, 13, 22, 27, 40, 81, 123, 133, 173, 183, 184, 185, 225, 248, 251, 262, 266, 268, 273, 274, 279, 286, 296, 300, 301, 303, 305, 322, 324, 354, 362, 364, 365, 366, 383, 384, 391, 410, 429, 430, 432, 434, 595, 787, 791, 810
Ламонт В. 761
Лансинг Р. 779
Лапрадель Ж. де 201
Ласселс Ф.-К. 28
Лауниц В. Ф. фон дер 318
Лебедев Е. Ф. 503

- Лев XIII, папа Римский 526
Ледуховский В., граф 752
Лейдс В. 179
Ленин (Ульянов В. И.) 352, 609, 622, 792
Леонтьев Н. С. 149, 150, 691
Леруа-Больё А. 420
Леснер П. М. 243
Ли Лай-чжун 249
Ли Хунчжан 225, 233
Лиман фон Сандерс О. 601, 606
Линевич Н. П. 251, 316
Линкерт фон, барон 617
Лихновский К. фон, князь 661
Лихтенштейн Ф. фон, князь 423
Лишин К. Н. 149
Ллойд-Джордж Д. 705, 706, 707, 759, 761, 763, 777, 798
Лобанов-Ростовский А. Б., князь 107, 110–112, 114, 120, 152, 161,
166–168, 185, 219, 220, 420, 527
Локкарт Брюс Р.-Г. 779
Лопухин А. А. 295
Лорис-Меликов И. Г., граф 765
Лохвицкий Н. А. 727
Лубе Э. 62, 65, 67, 75, 80–82, 85–87, 89–91, 189, 267, 295, 310, 325,
360, 362
Львов Г. Е., князь 769
Лэнсдоун Г.-Ч. 248, 264, 266
Люба В. Ф. 587
Людендорф Э. 680, 753, 756, 760, 784, 785, 798,
Людовик XIV, король Франции 59

М

- Маджаров М. 552
Макаров С. О. 257, 258, 792
Макензен А. фон 720, 735
Маклаков Н. А. 698

- Мандельштам А. Н. 446
Мария Александровна, Императрица Всероссийская 517
Мария Фёдоровна, Императрица Всероссийская 40, 145, 787
Мартенс Ф. Ф. 198, 199, 203, 413
Мартинович М. 553
Марченко М. К. 425, 426, 442–444, 475, 476
Маршан Ж.-Б. 64
Матюнин Н. Г. 239
Маффеи ди Больо А.-К. 153
Мейер Дж. 328, 332
Мелин Ф. 47
Меллер-Закомельский А. Н., барон 318
Менделеев В. Д. 207
Менделеев Д. И. 32, 194, 207
Мендельсон Э. 319, 363
Менелик II, император Эфиопии 148, 151, 153, 154, 158
Мехмед V Решад, турецкий султан 685
Мещерская С. С., княгиня 195
Миджушкович Л. 544
Милица Николаевна, Великая княгиня 541, 551
Миллер А. Я. 378
Миллер Е. К. 182
Мильеран А. 83, 85, 576, 577
Мильнер А. 758, 761, 763, 776–778
Милоков П. Н. 456, 699, 765, 768, 770, 792, 798
Мин Г. А. 318
Мин Ён Хван 222
Мин, королева Кореи 221
Мирбо О. 84
Мирко, черногорский княжич 544, 546
Михаил Александрович, Великий князь 28, 73, 74, 313, 806
Михаил Михайлович Великий князь 709, 718, 730, 760, 761
Михаил Николаевич, Великий князь 116, 529
Михельсон А. В. 397, 500, 615
Мозаффар-эд-Дин, шах Персии 379, 380

- Мольтке Г. фон, граф 108, 465, 466, 468, 586, 612, 615, 616, 618, 619, 662, 683
Монтебелло Г. 45, 49, 60, 62, 66–68, 70, 79–83, 89, 126, 134, 179, 190, 202, 219, 251, 252
Морган Дж. 357, 704, 757, 759
Моренгейм А. П. 57
Мосолов А. А. 15, 89, 101, 393, 394, 798
Мулен Л.-Э. 90, 131, 266, 288
Муравьев М. Н., граф 13, 65, 66, 76, 77, 123, 132, 133, 142, 159, 177, 184, 200, 202, 226, 232, 250, 424, 427, 442
Муравьев-Апостол В. В. 69
Муцу М. 218
Муцухито, император Японии 26, 259

Н

- Наполеон, император французов 16
Нейцлин Э. 360
Неклюдов 68, 574
Некрасов Н. В. 768
Нелидов А. И. 168–170, 173, 174, 176, 312, 329, 414, 455
Нератов А. А. 504, 510
Никитин Д. В. 231, 431
Никифор, митрополит Черногорский 544
Николаев В. А. 517, 518, 804
Николай (Касаткин), митрополит 258
Николай I, Император Всероссийский 12, 16, 30, 132, 419
Николай I, князь (затем король) Черногории 539, 563
Николай Николаевич-Младший, Великий князь 90, 116, 351, 576, 611, 670, 677, 678, 682, 684, 685, 698, 700, 701, 712, 797
Николай Сербский, епископ 638
Никольсон А. 374, 383, 388, 392, 438, 509, 552
Никонов В. А. 35
Нилов К. Д. 479
Нисар А. 93
Нищенко А. Н. 708

Ниязи-бей А. 439
Нокс А. 677, 772, 773
Нольде Б. Э., барон 384, 424, 592, 793
Ностиц Г. И., граф 69

О

Оболенский В. Н., князь 767, 798
Обручев Н. Н. 42
Огенюс-Сильвестрофф А. 46
О'Коннор Н. 436
Олсуфьев Д. А., граф 346
Ольга Николаевна, Великая княжна 75
Ольденбург С. С. 30, 35, 36, 46, 47, 52, 111, 114, 127, 128, 136, 200,
228, 280, 281, 327, 328, 333–335, 445, 470, 472, 473, 755, 804
Ораловский А. Е. 213
Орлов Н. А. 252
Остен-Сакен Н. Д., граф 38, 125, 364, 371, 427, 428, 484, 498
Отто Э., барон 97, 564, 601, 771, 798

П

Павел I, Император Всероссийский 93, 141, 384
Павлов А. И. 232
Павлов Н. А. 9, 10, 783
Пален К. И., граф 38
Палеолог М. 46, 530, 608, 631, 633, 657, 658, 661, 671, 673, 674, 680,
709, 736–740, 746, 747, 755, 764, 773, 776, 798
Палицын Ф. Ф. 388, 412, 594, 622, 623
Пальмерстон Г.-Дж. 139
Пашич Н. 538, 556, 557, 625, 716
Пендзек Ж.-М. 94, 287
Перси 353
Перье Ж.-К. 44, 45
Пётр I, король Сербии 537, 566
Пётр Великий, Император Всероссийский 7, 54, 253, 639

- Пий VII, папа Римский 93
Пий X, папа Римский 94
Пилсудский Ю. 671
Пишон С. 455, 479, 508, 578
Пламенац П. 564
Плеве В. К. фон 237, 318
По П. 724, 727
Позднеев А. М. 241, 809
Покотилов Д. Д. 246
Покровский М. Н. 22, 245
Покровский Н. Н. 754, 776
Поливанов А. А. 700, 701, 726, 798
Попов П. М. 71
Потёмкин Г. А., князь 10, 12
Пржевальский Н. М. 246
Принцип Г. 205
Притвиц М. фон 679
Пуанкаре Р. 12, 51, 370, 514, 564–568, 570–573, 575, 576, 578, 591,
599, 606, 630–634, 660, 661, 676, 722, 723, 725, 726, 733, 734, 739,
747, 748, 798
Пу И, император Китая 506
Пурталес Ф. фон, граф 470, 473, 478, 500, 515, 603, 631, 649, 650,
653, 654, 798
Пустовойтенко М. С. 733
Путята Д. С. 120, 222
Пушкин А. С. 96

Р

- Рабданов Б. 244
Радек К. 626
Радко-Дмитриев Р. 711
Радославов В.-Х. 714
Рама V, король Сиамы 213–215
Рамбо А. 518, 521, 803
Распутин Г. Е. 9, 11

- Раш К. Б. 254
Редер Э. 134, 798
Рейтц Ф.-В. 179
Ренненкамф П. К. 318, 677
Репингтон С. 778
Рерберг Ф. П. 227
Реунов М. А. 229
Решетников Л. П. 8, 15, 16, 811
Рибо А. 47, 573
Рихтер А. К. 38
Родзянко М. В. 695, 697, 768, 778, 793
Рождественский З. П. 291, 292, 294, 340
Розен Р. Р., барон 273, 275, 277, 278, 751
Роллита А. 353
Романов Б. А. 319, 804
Рооп Х. Х. 327
Ростковский А. А. 431
Ротшильд А. 87
Рудольф, эрцгерцог 422
Рузвельт Т., президент США 191, 285, 302, 321, 322, 328, 329, 332, 333, 410, 413, 624, 805
Рутковский М. В. 191
Рыбачёнок И. С. 23, 42, 44, 56, 60, 177, 196, 202, 804, 805, 810, 811

С

- Саблер В. К. 698
Савинский А. А. 530, 559, 561, 711, 712, 714
Савов С. 560
Саид Халим-паша 686
Саладин 130
Самойлов В. К. 283
Самсонов А. В. 681
Сан-Джулиано А. ди 655
Сапари Ф., граф 652
Сапожников В. А. 706

- Саррайль М. 722
Сахаров А. Н. 331, 334, 812
Сахаров В. В. 282, 318
Свербеев С. Н. 605–607, 652
Свечин А. А. 743
Свечин М. А. 703, 799
Святополк-Мирский П. Д., князь 292
Сельв Ж. де 511
Сергеев Е. Ю. 814
Сергей Александрович, Великий князь 318, 787
Сильвестрелли 152
Скобелев М. Д. 520
Солсбери Р.-А. 126, 142, 164, 165, 170–172, 181, 187, 189, 217
Спайлакович М. 632
Сперанский М. М. 12
Спиридович А. И. 760, 773, 775, 794
Спринг-Райс С. 247
Стааль Е. Е., барон 40, 41, 64, 181, 198, 202, 203, 253
Сталин (Джугашвили И. В.) 786
Стамболов С. 519, 521–524
Столыпин П. А. 10, 11, 13, 345, 381, 392, 396, 450–452, 460, 478, 491, 493, 494, 611
Струве П. Б. 346
Субботин В. Ф. 283, 760, 812
Суворов А. В., князь 419
Сунь Ятсен 382
Сухомлинов В. А. 575, 588, 595–599, 640, 641, 698, 738, 739, 799

Т

- Талаат-паша 685
Татаринов А. А. 733
Татищев И. Л., граф 396–400, 405–409, 411, 412, 466, 606, 615, 618, 619, 620, 648
Тафт В., президент США 382
Тейлор А.-Дж. 63

- Терещенко М. И. 700, 768
Тимашев И. 163
Тирпиц А. 112, 400, 411, 764, 799
Тиса И., граф 629, 630
Тиссен А. 621
Титтони Т. 449, 450, 484—487, 488
Тихонов С. П. 71
Того Х., маркиз 9, 89, 544
Толь (Извольская) М. К. фон 386
Толь К. К. фон, граф 386
Торнау С. А., барон 670, 672, 799
Трепов Д. Ф. 11, 353, 356, 790
Троцкий (Бронштейн Л. Б.) 626
Трубецкой Г. И., князь 740
Трубецкой Г. Н., князь 522, 805
Трубецкой С. Н., князь 328
Турхан-паша 130, 457
Тыртов П. П. 225, 229
Тэри Э. 583
Тэфэри, раса (с 1930 г. император Хайле Селассия I) 158

У

- Уланов Н. Э. 245
Ульянов Д. 245
Умберто I, король Италии 148
Умберто, наследный принц (в 1946 г. король Италии Умберто II)
489
Унтерберг П. Ф. 381, 382
Урусов Л. П., князь 92, 205, 251, 490
Уткин А. И. 385, 753, 805
Ухтомский Э. Э., князь 207, 210, 211

Ф

- Фальер А., президент Франции 366, 455

- Фалькенгайн Э. фон 751,
Фахретдин-бей Н. 687, 689, 690
Фейгина Л. А. 63, 188, 267, 405, 805
Фердинанд, князь (царь) Болгарии 442—444, 446, 469, 522, 523,
525—530, 559—561, 623, 627, 645, 711—714, 718, 733, 735
Ферро М. 197
Фест И. 425, 428, 805
Фор Ф. 47—49, 52, 54, 57—62, 64, 109
Форд Г. 757
Фош Ф. 683
Франс А. 84
Франц-Иосиф, император Австро-Венгрии 75, 421, 422, 426, 427,
433, 446, 450, 465, 526, 627, 629, 747
Франц-Фердинанд, эрцгерцог 442—444, 446, 469, 623, 627, 645
Фредерикс В. Б., граф 400, 529
Фредерикс Л. А., барон 58
Френсис Д. 179, 765, 779, 780
Френч Дж. 393
Фридрих-Вильгельм IV, король Пруссии 132
Фролов 706
Фуллон И. А. 137

X

- Хабибула, эмир Афганистана 181
Ханда-Доржи 506
Харкурт У. 181
Хаус Э.-М. 321, 762
Хей Дж.-М. 278
Хитрово М. А. 218, 259
Христиан IX, король Дании 73, 74, 290
Христиан X, король Дании 749

Ц

- Цзайтянь, император Китая 249

Цыбиков Г. Ц. 241

Цыси, императрица Китая 249, 252

Ч

Чарыков Н. В. 411, 446, 448, 450—454, 457, 528, 534, 535, 537, 539

Чемберлен Дж. 205, 224

Черчилль У. 624, 690

Чинда 263

Чирол В. 189

Чиршке Г. фон, граф 313, 315, 476, 628

Чичагов Н. М. 251

Чухнин Г. П. 318

Ш

Шалоя В., маркиз 776

Шануан Ш. 64

Шапошников Б. М. 42, 597

Шаццлло К. Ф. 23, 806

Шварц И. 84

Шведов Н. К. 155

Шён, В. фон 449, 477, 478

Шидловский С. И. 768

Шиллинг М. Ф., барон 654

Шингарёв А. И. 768

Шифф Я. 268, 704, 757, 758

Шишкин Н. П. 40, 50, 56, 110, 175

Шлиффен А. фон 612

Штрандтман В. Н. 714

Штюмер Б. В. 702, 704, 742, 752, 787

Шуваев Д. С. 707

Шувалов П. А., граф 37

Шувалов П. П., граф 318

Щ

Щеглов А. Н. 547, 691

Щегловитов И. Г. 698

Щербачёв Н. Г. 743

Щусев А. В. 489

Э

Эдуард VII, король Великобритании 136, 145, 186, 188, 189, 289,
290, 329, 374, 391–394, 408, 438, 483

Эйленбург Ф. фон, граф 119

Эмерсон Б. 63

Эмфтил 248

Энвер-паша И. 685, 686, 688, 691

Энгдаль У.-Ф. 757, 806

Эрнрот К. Г. 520

Эсноль Ж.-Б. 293

Эстурнель де Констан П.-А. 297, 585

Ю

Юань Шикай 506, 508, 766

Юденич Н. Н. 695

Я

Ягов Г. фон 605, 606, 618

Янушкевич Н. Н. 648

Ярослав Мудрый, Великий князь Киевский 90

Яшвиль В. М., князь 384

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.....	9
ЧАСТЬ I. ИМПЕРАТОР ВСЕОБЩЕГО МИРА	
Глава 1. Император Николай II: «Мирное преуспеяние, могущество и слава дорогой России...»	
Кончина императора Александра III	25
Император Николай II и вызовы эпохи.....	30
Первые шаги во внешней политике.....	33
Франция	
Отношение Николая II к франко-русскому союзу.....	42
Визит Николая II в Париж (23 сентября/ 5 октября — 27 сентября/9 октября 1896 г.).....	49
Встреча Николая II и Феликса Фора в Петергофе. (11/23 — 14/26 августа 1896 г.)	57
Россия и Франция против Англии	62
Первый кризис франко-русского союза	67
Загадочная болезнь императора Николая II	70
Изменения во франко-русской конвенции и углубление союза	75
Второй визит Николая II во Францию (5/18—8/21 сентября 1901 г.)	79
Окончание «медового месяца» франко-русского союза	91
Германия	
Германская империя на рубеже столетий	96
Император Николай II и кайзер Вильгельм II.....	100
Отношение Николая II к Германии	112
Визит Вильгельма II в Петергоф (июль 1897 г.).....	116
Николай II и захват немцами китайского порта Кио-Чао	120
Провокационная политика Вильгельма II.....	125
Попытки Германии изолировать Россию	133

Великобритания

Главный противник России.....	138
Николай II и его отношение к Англии.....	143
Россия и Эфиопия: противостояние с Англией и Италией	147
Россия устанавливает связи с Марокко	158
Противостояние Николая II попыткам Англии присоединить Египет и борьба царя за свободный статус Суэцкого канала	160
Россия, Англия и проблема Черноморских проливов в начале XX в.....	162
Николай II и англо-бурская война.....	178
Противостояние Англии и России на Дальнем Востоке накануне русско-японской войны.....	185
Глава 2. Гаагская мирная конференция.....	193

ЧАСТЬ 2. «ОКНО В АЗИЮ»

Глава 1. «Большая Азиатская программа» императора Николая II	
Истоки и причины «Большой Азиатской программы» императора Николая II	206
Начало реализации планов царя на Дальнем Востоке	210
Император Николай II и независимость Сиам (Таиланда).....	213
Россия и Китайская империя.....	217
Россия и события в Корее	221
Занятие Россией Порт-Артура и Дальнего	224
Разногласия в русских правящих кругах относительно того, как усилить русское влияние в Китае.....	233
Император Николай II и «Безобразовский кружок»: правда и вымыслы	236
Император Николай II и Тибет.....	242
Участие России в подавлении восстания ихэтуаней. Русско-китайская война	249
Глава 2. Русско-японская война	
Император Николай II и Япония.....	255

Обострение русско-японских отношений.....	259
Попытки Англии создать против России коалицию держав на Дальнем Востоке и развязать русско-японскую войну.....	263
Обострение ситуации вокруг Маньчжурии	268
Попытки императора Николая II сохранить мир с Японией. Мероприятия по укреплению обороноспособности Дальневосточного региона.....	271
Император Николай II и предвоенная ситуация.....	275
Русская дипломатия во время русско-японской войны.....	281
Гульский инцидент	290
Император Николай II и кайзер Вильгельм: кто кого переиграл в Бьёрке?	296
Портсмутский мир.....	326

ЧАСТЬ 3. МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ

Глава 1. Россия в борьбе за восстановление авторитета великой державы

Изменение государственного устройства России	338
Министерство иностранных дел в новой политической системе России.....	347
События революции 1905—1907 гг. и их отражение на международной обстановке	349
Альхесирасская конференция и французские займы	356
Сближение с Англией.....	372
Османская империя.....	376
Персия.....	377
Дальний Восток	381
Соглашение 1907 г.	383
Встреча императора Николая II и короля Эдуарда VII в Ревеле	390
Вопрос урегулирования отношений с Германией.....	396
Свидание императора Николая II и кайзера Вильгельма в Свинемюнде (22—24 июля 1907 г.).....	399
Балтийское урегулирование	401

Обсуждение судьбы Бьёркского договора	404
Реакция Вильгельма II на русско-английскую встречу в верхах	405
Вторая мирная конференция в Гааге	410
Глава 2. Боснийский кризис	
Австро-Венгрия	419
Совместные действия России и Австро-Венгрии в Македонии	428
Боснийский кризис	441
В одном шаге от большой войны	461
Глава 3. Николай II: «В этот исторический момент необходимо избегать всего, что может привести к войне...»	
Встреча Николая II и кайзера Вильгельма II в шхерах (4/17–5/18 июня 1909 г.)	475
Встречи Николая II с президентом Франции А. Фальером в Шербуре и королём Эдуардом в Коузе (июль 1909 г.)	479
Переговоры Николая II и итальянского короля Виктора-Эммануила III в Раккониджи (10/23–11/24 октября 1909 г.)	484
Встреча Николая II с кайзером в Потсдаме (октябрь/ноябрь 1910 г.)	490
Конфликт с Китаем и признание автономии Внешней Монголии	503
Россия и Агадирский кризис	508
Встреча Николая II и Вильгельма II в порту Палдиски (21 июня/4 июля 1912 г.)	513
Император Николай II и Балканские государства	516
Болгария	517
Николай II и Болгария	523
Сербия	530
Николай II и Сербия	533
Черногория	539
Россия и Балканские войны. 1912–1913 гг.	547
Визит в Петербург Р. Пуанкаре. Русско-французский союз и ситуация на Балканах	564

Промышленный подъём экономики Российской империи	579
Внешнеполитические события 1913 — начала 1914 гг.: сползание к мировой войне	585
Компромисс с Китаем	587
Поездка Государя в Берлин. Последняя встреча с кайзером.....	589
Военно-политические вопросы русско-французского союза	591
Обострение германо-русских отношений на Ближнем Востоке	600

ЧАСТЬ 4. ДИПЛОМАТИЯ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Глава 1. Николай II в предвоенный период

Планирование и подготовка германской агрессии против России	609
Сараевское убийство.....	624
Приезд в Петербург президента Франции Р. Пуанкаре.....	630
Император Николай II перед лицом надвигающейся войны	636
Проблемы создания антигерманской коалиции держав	655

Глава 2. Николай II: дипломатия Великой войны

Кампания 1914 г. Россия вступает в войну	668
Россия и Франция в кампании 1914 г.	672
Россия и Турция на весах войны и мира.....	685
Кампания 1915 г.....	692
Внутриполитическая обстановка в России в 1915 — начале 1916 гг.....	696
Военно-экономические отношения России с иностранными государствами в годы войны.....	703
Борьба за Болгарию	711
Военно-дипломатическая поддержка России союзников. Помощь Сербии	719
Посылка экспедиционного корпуса во Францию.....	725

Оказание военной помощи Франции и Италии	727
Вступление в войну Румынии на стороне Антанты	730
Переговоры с союзниками по территориальным изменениям после войны	736
Николай II и зондаж германскими империями возможностей сепаратного мира с Россией	746
Усиление влияния глобалистских сил на международной арене и их отношение к России	755
Формирование заговора против императора Николая II	766
Крушение	771
ПОСЛЕСЛОВИЕ	781
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ	
И ЛИТЕРАТУРА	787
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	814

Научное издание

Петр Валентинович Мультатули

Внешняя политика Императора Николая II (1894—1917)

Редактор М.Б. Смолин
Художник Д.Е. Бикашов
Корректоры Г.А. Островская,
А.Л. Решетникова

Подписано в печать 14.06.12.

Формат 60x90/16. Бум. офсетная. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 52,5. Тираж 1500 экз. Заказ № 4352

Издательство «ФИВ»
125413, Москва, ул. Флотская, 15Б. Тел. +7 495 453 7337

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Пётр Валентинович МУЛЬТАТУЛИ,
кандидат исторических наук, ведущий
научный сотрудник Российского
института стратегических исследований.

Родился 17 ноября 1969 г.
в г. Ленинграде (ныне Санкт-Петербург).
Закончил исторический факультет
Российского государственного
педагогического университета
им. А. И. Герцена. Исследователь
и биограф императора Николая II.
Перу П. В. Мультатули принадлежат
следующие исследования: «Император
Николай II во главе действующей армии
и заговор генералов», «Император
Николай II и революция 1905-1907 гг.»,
«Николай II. Дорога на Голгофу.
Свидетельства о Христе до смерти...»,
«Николай II. Правда против лжи»,
а также статьи в научных журналах.
Живёт и работает в Москве.

РОССИЙСКИЙ
ИНСТИТУТ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ